ISSN 1810-1909

ВестниК
ЧУВАШСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

№ 2 2018

Гуманитарные науки

Научный журнал

Основан в марте 1995 г.

Учредитель:
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова»

Главный редактор
А.Ю. Александров, кандидат экономических наук, доцент (Чебоксары, Россия)

Заместитель главного редактора
Е.К. Минеева, доктор исторических наук, профессор (Россия, Чебоксары)

Члены редакционной коллегии
Л.А. Абукаева, доктор филологических наук, доцент (Россия, Йошкар-Ола)
Т.Б. Агранат, доктор филологических наук, доцент (Россия, Москва)
С.А. Арутюнов, член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор (Россия, Москва)
И.И. Бойко, доктор исторических наук, профессор (Россия, Чебоксары)
Д.Н. Давлетбаева, доктор филологических наук, доцент (Россия, Казань)
Е.С. Данилко, доктор исторических наук, профессор РАН (Россия, Москва)
А.В. Дыбо, член-корреспондент РАН, доктор филологических наук, профессор (Россия, Москва)
И. Зимони, доктор наук, профессор (Венгрия, Сегед)
А.Г. Иванов, доктор исторических наук, профессор (Россия, Йошкар-Ола)
Т.Н. Иванова, доктор исторических наук, доцент (Россия, Чебоксары)
А. Каппелер, доктор истории, университетский профессор (Австрия, Вена)
Н.В. Кондратьева, доктор филологических наук, доцент (Россия, Ижевск)
Г.Е. Корнилов, доктор филологических наук, профессор (Россия, Чебоксары)
Й. Луутонен, доктор философии, доцент (Финляндия, Турку)
С.Ю. Михайлова, доктор исторических наук, доцент (Россия, Чебоксары)
О.А. Мудрак, доктор филологических наук (Россия, Москва)
С.А. Мызников, доктор филологических наук, главный научный сотрудник (Россия, Санкт-Петербург)
О.Е. Поляков, доктор филологических наук, профессор (Россия, Саранск)
Л.П. Репина, член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор (Россия, Москва)
А.К. Салмин, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник (Россия, Санкт-Петербург)
О.Н. Широков, доктор исторических наук, доцент (Россия, Чебоксары)
А.Ш. Юсупова, доктор филологических наук, профессор (Россия, Казань)

Ответственный секретарь
Н.И. Завгородняя

Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, выпускаемых в Российской Федерации, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук, в базы данных ВИНИТИ РАН, Научную электронную библиотеку (elibrary.ru), электронную библиотеку «Cyberleninka», международную справочную систему «Ulrich's International Periodicals Directory», индексируется в базе данных «Российский индекс научного цитирования».

Адрес редакции: 428015, Чебоксары, Московский пр., 15,
тел. (8352) 45-20-96, 58-33-63 (доб. 2030)
e-mail: vestnik210@mail.ru, vestnik@chuvsu.ru
http://www.chuvsu.ru/university/vestnik.htm

© Вестник Чувашского университета, 2018

ISSN 1810-1909

VestniK
CHUVASHSKOGO UNIVERSITETA

№ 2 2018

Humanities

Scientific Journal

Since March, 1995

Founder:
Federal State Educational Budgetary Institution
of Higher Education
the Ulyanov Chuvash State University

Editor-in-Chief
A.Yu. Aleksandrov, Candidate of Economics, Associate Professor (Cheboksary, Russia)

Deputy Editor-in-Chief
E.K. Mineyeva, Doctor of Historical Sciences, Professor (Cheboksary, Russia)

Editorial Board
L.A. Abukaeva, Doctor of Philology, Associate Professor (Yoshkar-Ola, Russia)
T.B. Agranat, Doctor of Philology, Associate Professor (Moscow, Russia)
S.A. Arutyunov, RAS corresponding member, Doctor of Historical Sciences, Professor (Moscow, Russia)
I.I. Boyko, Doctor of Historical Sciences, Professor (Cheboksary, Russia)
D.N. Davletbaeva, Doctor of Philology, Associate Professor (Kazan, Russia)
E.S. Danilko, Doctor of Historical Sciences, RAS Professor (Moscow, Russia)
A.V. Dybo, RAS corresponding member, Doctor of Philology, Professor (Moscow, Russia)
I. Zimoni, Doctor of Science, Professor (Szeged, Hungary)
A.G. Ivanov, Doctor of Historical Sciences, Professor (Yoshkar-Ola, Russia)
T.N. Ivanova, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor (Cheboksary, Russia)
A. Kappeler, Doctor of History, Professor (Vienna, Austria)
N.V. Kondratieva, Doctor of Philology, Associate Professor (Izhevsk, Russia)
G.Ye. Kornilov, Doctor of Philology, Professor (Cheboksary, Russia)
J. Luutonen, Doctor of Philosophy, Associate Professor (Turku, Finland)
S.Yu. Mikhailova, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor (Cheboksary, Russia)
O.A. Mudrak, Doctor of Philology (Moscow, Russia)
S.A. Myznikov, Doctor of Philology, Chief Researcher (St. Petersburg, Russia)
O.E. Polyakov, Doctor of Philology, Professor (Saransk, Russia)
L.P. Repina, RAS corresponding member, Doctor of Historical Sciences, Professor (Moscow, Russia)
A.K. Salmin, Doctor of Historical Sciences, Leading Researcher (St. Petersburg, Russia)
O.N. Shirokov, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor (Cheboksary, Russia)
A.Sh. Yusupova, Doctor of Philology, Professor (Kazan, Russia).

Executive Editor
N.I. Zavgorodnyaya

The journal is included in the list of journals which are regarded as academic publications by the State Commission for Academic Degrees and Titles (VAK), in the Abstract Journal and VINITI databases, Ulrich's International Periodicals Directory, Scientific Electronic Library (elibrary.ru), Cyberleninka Electronic Library. The journal is indexed in Russian Science Citation Index.

Address: 15, Moskovskiy pr., Cheboksary, Chuvash Republic, 428015, Russia
Tel. +7(8352)45-20-96, 58-33-63 (2030)
E-mail: vestnik210@mail.ru, vestnik@chuvsu.ru
http://www.chuvsu.ru/university/vestnik.htm

© Vestnik Chuvashskogo Universiteta, 2018

УДК 37-055.2"19"(470.343)
ББК Ч403(А 512)

И.В. АЛМЕТЕВА, А.Г. ИВАНОВ, А.Ю. АЛМЕТЕВА

ЖЕНСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В СВЕТСКОЙ ШКОЛЕ МАРИЙСКОГО КРАЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА*

Ключевые слова: *Среднее Поволжье, Марийский край, женское образование, земское училище, училище Министерства народного просвещения, прогимназии, гимназии.*

На основе опубликованных и архивных источников впервые рассматриваются проблемы становления и развития женского образования в светских школах Марийского края. Особенности социально-политического, экономического, культурного развития различных регионов нашей страны оказывали большое влияние на развитие школьного образования. Первые опыты обучения девочек в школах, открытых Министерством народного просвещения, были предприняты в первой четверти XIX в. После реформ 60-х годов XIX в. школа стала доступна для широких слоев населения, произошел процесс увеличения числа обучающихся девочек в начальных школах Марийского края. Большую популярность получили земские училища, где для привлечения девочек в программу включали специальные занятия рукоделием, а также открывали отдельные женские школы. Большую роль в приобщении к школе и грамотности не только мужского, но и женского населения сыграла система Н.И. Ильминского, которая ввела преподавание на родном языке среди нерусских народов. В начале XX в. для подготовки местных педагогических кадров были открыты два средних женских учебных заведения. Царевококшайская и Козьмодемьянская женские гимназии сыграли заметную роль в подготовке учительских кадров для народных школ и училищ края, стали образовательными и культурными центрами.

На развитие школьного образования, в том числе и женского, большое влияние оказывали особенности социально-политического, экономического культурного развития губерний и уездов Среднего Поволжья, составной частью которого являлась и территория Марийского края. С вхождением марийских земель в состав Российского государства царская власть стремилась приобщить нерусские народы, в том числе и марийцев, к русской культуре и православию. Была проведена целая система мероприятий, которая включала в себя различные материальные поощрения, строительство церквей и монастырей на местах проживания «инородцев», а также открытие при них школ. Со второй половины XVIII в. начинаются попытки организации церковного и светского образования. Были открыты первые школы – Царевококшайская «новокрещенская» марийская школа (1749 г.) и Козьмодемьянское малое народное училище (1791 г.).

Начальные основы грамотности крестьянские дети луговых и горных мари, в том числе и девочки, стали получать в марийских сельских приходских училищах. По инициативе местных священников в 1821 г. в Царевококшайском уезде открывается Моркинское училище, а в 1822 г. в Козьмодемьянском уезде – Мало-Сундырское училище. В первый год в Моркинское училище удалось собрать 11 мальчиков и 3 девочек. В Мало-Сундырском приходском училище в 1823 г. учились 26 человек (20 мальчиков и 6 девочек)

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Правительства Республики Марий Эл в рамках научного проекта № 16-11-12002.

[20. Л. 5]. Таким образом, можно утверждать о том, что женское образование в Марийском крае берет начало в первой четверти XIX в.

Вторая половина XIX – начало XX вв. явились переломным периодом в истории образования. Реформы 60-х годов XIX в. сформировали новую образовательную среду, школа стала доступна для широких слоев населения. Появляются новые начальные и средние женские учебные заведения, женские высшие курсы. Общественность активно обсуждает возможность обучения женщин в высшей школе совместно с мужчинами.

В это время женское население Марийского края также начинает проявлять заинтересованность в получении грамотности. В Козьмодемьянском уезде в начале 60-х гг. XIX в. начинается «религиозное движение» горных мари, во главе которого стояли грамотные марийские крестьяне. Оно охватило не только мужское, но затронуло и часть женского населения. Многие девушки, научившись читать, писать и считать, стали делиться своими знаниями с соплеменниками, просвещая их. Как отмечал священник К.И. Нечаев, девушки, отказавшись от служения богу, посвящали свою деятельность «образованию девиц своей деревни» [10. С. 328]. Некоторые в дальнейшем стали учителями марийских школ.

Марийские девушки не только преподавали, но и приложили немало усилий по открытию училищ. Например, инициаторами открытия Козьмодемьянского городского инородческого женского училища были две марийские девушки, которые 30 мая 1869 г. обратились к казанскому архиепископу Антонию с просьбой открыть женский монастырь в Козьмодемьянском уезде. Вскоре после этого при местном Мало-Сундырском училище была организована женская община и школа. Мария Максимова, получившая образование в Мало-Сундырском училище, стала учительницей. В конце 1870 г. в данную школу ходили 15 девушек, в 1871/1872 учебном году в школе было 25 девочек, в 1872/1873 учебном году – 40, а в 1874 г. – до 50. В ноябре 1874 г. в результате визита козьмодемьянского купца и мецената Ивана Матвеевича Зубкова было принято решение о расширении учебного помещения женской школы и переводе ее в город Козьмодемьянск, где для нее был построен трехэтажный деревянный дом. Весной 1875 г. школа переехала в город Козьмодемьянск, а с 1876 г. она была переведена в ведение земства. В Козьмодемьянское инородческое женское училище могли поступать все желающие получить грамоту девушки. Количество учениц год от года росло: в 1880 г. – 50 девочек, в 1885 г. – 55 девочек, 1890 г. – 84 девочки [3. Л. 53]. Данное учебное заведение пользовалось большой популярностью. Учиться приходили из самых отдаленных деревень: Тушнал (18 верст), Пурнаш (30 верст), Емангаш (25 верст), Отар (15 верст), Юнга Ядрина (35 верст), Чувакина (30 верст), села Малое Карачкино (30 верст) [4. Л. 35–35об.]. Для них было устроено отдельно от школы помещение, где они могли жить.

В рассматриваемое время система школьного образования состояла из школ светского и духовного ведомств. Несмотря на рост численности учебных заведений, образование детей «инородцев» тормозилось отсутствием родного языка в учебном процессе. Внедрение «христианской» просветительской системы Н.И. Ильминского в 1870 г. позволило ввести преподавание на родном языке, появились книги и учебники на языке нерусских народов, большое внимание стали уделять и подготовке учительских кадров, стараясь определять в «инородческие» школы учителей, знающих язык учащихся.

Первоначально система Н.И. Ильминского получила распространение в школах духовного ведомства. Вскоре преподавание на родном языке вводится и в школах Министерства народного просвещения.

На территории Марийского края во второй половине XIX – начале XX вв. большую популярность получают земские школы, где программа и методы преподавания давали прочные знания. Для привлечения девочек в женские и смешанные училища в школьную программу включали уроки рукоделия. Обучение рукоделию со стороны учительниц являлось делом добровольным. Этот труд никак не оплачивался. Земство тратило лишь 60 руб. в год на приобретение материалов по рукоделию для раздачи их учащимся. Учили самым необходимым в домашнем быту рукодельным работам: шитью, вязанию и плетению кружев. Исключением являлось Козьмодемьянское городское женское училище, где имелась «особая учительница» рукоделия и она получала во второй половине XIX в. жалование в 120 руб., в начале XX в. – 156 руб. в год. В данном учебном заведении была создана специальная программа по рукоделию, где уроки были расписаны по отделениям: в первом отделении учились вязанию на спицах и тамбурному вязанию – 1 урок в неделю, во втором отделении – тамбурному вязанию по узору, вышиванию по канве – 2 урока в неделю, в третьем отделении – вышивали по канве узором, строчкой по полотну, вязали филе, платки и другие рукоделия из шерсти, ириса; занимался шитьем – делали разнообразные швы для работы с бельем, шили рубашечки, детские платья и т.д. – 3 урока в неделю [21. С. 44].

Увеличивается количество учениц в школах светского ведомства. Так, в 1870−1871 гг. в Козьмодемьянском уезде училось 406 мальчиков (89,6%) и 47 девочек (10,4%), всего 453 человека, а в 1910 г. – 2843 мальчика (70,5%) и 1191 девочка (29,5%), всего 4034 человека. В Царевококшайском уезде в 1870−1871 гг. насчитывалось 628 мальчиков (94%) и 40 девочек (6%), всего 668 человек, в 1905 г. в Царевококшайском уезде насчитывался 2751 учащийся, из них 2233 мальчика (81,2%) и 518 девочек (18,8%) [9. Л. 252об.–253; 11. Л. 13об.; 19. С. 50].

Многие родители не желали отпускать своих дочерей на обучение из-за отсутствия школ для девочек. Начиная с 80-х гг. XIX в. на территории Марийского края земства стали создавать отдельные женские училища. Так, Козьмодемьянское земство в 1889 г. открывает сразу три женских училища: Виловато-Вражское, Мало-Сундырское и Чермышевское. Вместе с тем земствам содержать две школы (мужскую и женскую) в одном селении было невыгодно, поэтому вскоре стали создавать училища для детей обоего пола. К тому же увеличение числа учительниц примирило крестьян со смешанными училищами. «Они охотно отдают учиться девочек и в смешанное училище, если в нем преподает учительница или «тетинька», как в большинстве говорят дети» [18. С. 725]. В начале XX в. смешанные училища стали наиболее распространенными типами учебных заведений.

Женские средние учебные заведения в провинциальных городах России распространение получают в начале XX в. На территории Марийского края в 1905 г. были открыты сразу два средних женских учебных заведения – это Царевококшайская и Козьмодемьянская женские прогимназии.

Царевококшайская четырехклассная женская прогимназия была преобразована из трехклассного городского женского училища 20 июня 1905 г.

[7. Л. 9]. 1 сентября 1908 г. был открыт пятый основной класс прогимназии, 1 апреля 1910 г. состоялось преобразование прогимназии в гимназию, а в 1911 г. был открыт 8-й педагогический класс [12. Л. 2об.].

Прогимназия размещалась в двухэтажном полукаменном здании, предоставленном городским обществом. Более удобное здание для прогимназии было подарено вскоре после открытия А. Юферевой. С 21 октября 1913 г. Царевококшайская гимназия помещалась в отстроенном городским управлением новом каменном двухэтажном здании.

Первой начальницей прогимназии была назначена А.И. Воробьева. Для вновь открытой женской прогимназии намечалось выделить 1600 руб. городским обществом и 1500 руб. уездным земством. С городских жителей и крестьянского населения, плативших денежный сбор в городскую казну, плата за обучение девочек взималась в размере 6 руб. в год, с тех, кто не платил денежных сборов, брали 10 руб. в год [17. Л. 4]. Из-за недостатка средств с самого начала не предусматривалось устройство для учащихся общежитий и пансионов.

В первый класс женской прогимназии могли поступать девочки с 12 лет. Они сдавали вступительные экзамены по родному языку, арифметике и закону божьему, для поступления во 2 и 3 классы к вышеназванным предметам прибавлялась география, а для поступления в 4 класс – история.

В 1905 г. Царевококшайской прогимназии обучалось 70 учениц, в 1906 г. – 90, в 1907 г. – 89, в 1908 г. – 95, в 1909 г. – 114, в 1910 г. – 143, в 1911 г. – 219, в 1912 г. – 233, в 1913 – 248, в 1914 г. – 273, в 1915 г. – 302, в 1916 г. – 331, в 1917 г. – 364 [8. Л. 55; 17. Л. 2; 6. Л. 2; 15. Л. 3; 16. Л. 10–11, 18]. Удельный вес учащихся из крестьян был больше остальных сословий, так, например, в 1905 г. из 70 учениц 39 были выходцами из крестьянского сословия, 5 учениц – личных дворян и чиновников, 7 – духовного звания, 1 – почетных граждан и купцов, 14 – мещан и цеховых, 4 – прочих сословий [7. Л. 11].

С 1905 г. по 1908 г. в Царевококшайской женской прогимназии работали 9 преподавателей и одна классная надзирательница, а с 1909 г. – 10 преподавателей [7. Л. 10]. Материалы отчетов позволяют сделать вывод о том, что ни один из преподавателей прогимназии не получал высшего образования, в основном они имели свидетельства об окончании гимназий.

В учебную программу входили закон божий, русский язык, чистописание, арифметика, геометрия, география, история, французский язык, пение, рукоделие, рисование. Основное внимание уделялось церковному пению, а хор учениц участвовал при всех службах в Троицкой церкви [5. Л. 33].

В 1907 г. для подготовки учителей начальных сельских школ Царевококшайского уезда при женской прогимназии были открыты одногодичные педагогические курсы. В 1909 г. они были преобразованы в двухгодичные [5. Л. 2]. Занятия на этих курсах вели преподаватели данного учебного заведения. Слушательницами курсов в первую очередь становились ученицы прогимназии.

15 сентября 1905 г. была открыта Козьмодемьянская женская прогимназия. 10 ноября 1910 г. она была преобразована в семиклассную гимназию, был открыт восьмой педагогический класс [13. Л. 2].

Гимназия помещалась в двух собственных зданиях, которые являлись неудовлетворительными главным образом из-за небольших размеров и тесноты классных помещений. В 1911 г. по утвержденному министром народного

просвещения плану разрешили постройку нового каменного здания, строительство которого было завершено к осени 1914 г. [14. Л. 28].

В Козьмодемьянской женской прогимназии к 1 января 1905 г. число учениц составляло 142, а к концу года 172 девочки, из которых русских учениц было 152 девочки, 1 полячка, 2 еврейки, 1 чувашка и 16 мариек. В 1908 г. насчитывалась 141 ученица, в 1909 г. – 172 [13. Л. 2, 22].

В гимназии работали 14 преподавателей: законоучитель, три учителя русского языка и словесности, учительница арифметики, учитель естествоведения, две учительницы истории и географии, учитель рисования и чистописания, две преподавательницы немецкого языка, одна французского языка, учительница рукоделия и учитель пения [13. Л. 20].

Каждая ученица за обучение с первого по четвертый классы платила 15 руб. в год, а за пятый класс – 20 руб. За обучение иностранным языкам взималось во всех классах с учениц по 5 руб. в год за каждый из новых языков [1. С. 412].

Таким образом, развитие женского образования во второй половине XIX – начале XX вв. во многом зависело от перемен, происходивших в российском обществе и государственной политике в области просвещения и образования, в том числе среди различных сословных и этнических групп населения нашей страны. Использование системы «христианского просветительства» Н.И. Ильминского в начальном школьном образовании нерусских народов с преподаванием на родном и русском языках сыграло большую роль в приобщении к школе и грамотности не только мужского, но и женского населения. Произошел процесс увеличения числа обучающихся девочек, что привело к открытию отдельных женских училищ и преобразованию мужских в смешанные училища. Дальнейшее развитие светского образования диктовало необходимость открытия средних учебных заведений, позволяющих подготовить местные педагогические кадры для начальных школ края. В начале XX в. с этой целью были открыты Царевококшайская и Козьмодемьянская женские прогимназии, преобразованные в дальнейшем в гимназии. Данные учебные заведения становятся образовательными и культурными центрами Марийского края.

Литература

1. *Алметева А.Ю.* Среднее женское образование в городе Козьмодемьянске в начале XX века // Молодой исследователь: от идеи к проекту: материалы I студенческой науч.-практ. конф. / Мар. гос. ун-т; под ред. Д. А. Михеевой. Йошкар-Ола, 2017. С. 411-412.

2. *Алметева И. В.* История начального школьного образования в Марийском крае во второй половине XIX − начале XX вв. Йошкар-Ола: Изд-во Мар. гос. ун-та, 2006. 314 с.

3. Государственный архив Республики Марий Эл. Ф. 57. Оп. 1. Д. 42.
4. Государственный архив Республики Марий Эл. Ф. 57. Оп. 1. Д. 34.
5. Государственный архив Республики Марий Эл. Ф. 40. Оп. 1. Д. 13.
6. Государственный архив Республики Марий Эл. Ф. 40. Оп. 1. Д. 33.
7. Государственный архив Республики Марий Эл. Ф. 40. Оп. 1. Д. 5.
8. Государственный архив Республики Марий Эл. Ф. 40. Оп. 1. Д. 6.
9. Государственный архив Республики Марий Эл. Ф. 49. Оп. 1. Д. 234.
10. Извести по Казанской епархии. 1868. №12.
11. Национальный архив республики Татарстан. Ф. 92. Оп. 160. Д. 1062.
12. Национальный архив республики Татарстан. Ф. 92. Оп. 2. Д. 18021.
13. Национальный архив республики Татарстан. Ф. 92. Оп 2. Д. 7838.
14. Национальный архив республики Татарстан. Ф. 92. Оп 2. Д. 7930.

15. Национальный архив республики Татарстан. Ф. 92. Оп. 2. Д. 15894.
16. Национальный архив республики Татарстан. Ф. 92. Оп. 2. Д. 22340.
17. Национальный архив республики Татарстан. Ф. 92. Оп. 2. Д. 6320.
18. *Нурминский С. А.* Народные училища в Вятской губернии в 1786−1878 годах: исторический очерк // Столетие Вятской губернии 1780−1880: сборник материалов к истории Вятской губернии. Вятка, 1881. Т. 2. С. 659-738.
19. Отчеты Царевококшайской уездной земской управы за 1870−1871 год. Казань, 1871. 243 с.
20. Российский государственный исторический архив. Ф. 733. Оп. 40. Д. 47.
21. Отчет Козьмодемьянской уездной земской управы о деятельности ее по управлению делами, подлежащими ведению земства и о состоянии уездного земского хозяйства за время с 1-го июля 1913 года по 1-е июля 1914 года. Козьмодемьянск, 1915. 171 с.

АЛМЕТЕВА ИРИНА ВИТАЛЬЕВНА – кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории, Марийский государственный университет, Россия, Йошкар-Ола (almetevaiv@gmail.com).

ИВАНОВ АНАНИЙ ГЕРАСИМОВИЧ – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой отечественной истории, Марийский государственный университет, Россия, Йошкар-Ола (anani@marsu.ru).

АЛМЕТЕВА АРИНА ЮРЬЕВНА – студентка IV курса историко-филологического факультета, Марийский государственный университет, Россия, Йошкар-Ола (arinajenkins@gmail.com).

I. ALMETEVA, A. IVANOV, A. ALMETEVA

WOMEN'S EDUCATION IN THE SECULAR SCHOOL OF THE MARI REGION IN THE SECOND HALF OF THE XIX – THE BEGINNING OF THE XX CENTURIES

Key words: *the Middle Volga Region, the Mari Region, women's education, zemsky school, school of the Ministry of Public Education, progymnasium, gymnasium.*

Formation and development of women's education in secular schools of the Mari Region are examined on the basis of published and archival sources. Features of socio-political, economic and cultural development of various regions of our country had a great influence on school education development. First attempts of educating girls at schools, opened by the Ministry of Public Education, were taken in the first quarter of the XIX century. After the reforms of the 60s of the XIX century school became available to a wider population, the number of girls enrolled in primary schools of the Mari region increased. Zemsky schools became very popular, for the purposes of attracting girls special programs for handiwork were included in the curriculum, separate women's schools were opened as well. A large role in school and literacy involvement by not only male, but female population as well was played N.I. Ilminsky system, who introduced teaching in the native language among the non-Russian peoples. At the beginning of the XX century two secondary women's educational institutions were opened to prepare local teaching staff. Tsarevokokshayskaya and Kozmodemjanskaya women's gymnasiums played a prominent role in teachers' training for public schools and colleges of the region, they became educational and cultural centers.

References

1. Almeteva A.Yu. *Srednee zhenskoe obrazovanie v gorode Koz'modem'yanske v nachale XX veka* [Secondary female education in the city of Kozmodemyansk at the beginning of the 20th century]. *Molodoi issledovatel': ot idei k proektu: materialy I studencheskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Proc. of I Stud. Sci. Conf. «Young researcher: from idea to project»]. Yoshkar-Ola, 2017, pp. 411–412.
2. Almeteva I.V. *Istoriya nachal'nogo shkol'nogo obrazovaniya v Mariiskom krae vo vtoroi polovine XIX − nachale XX vv.* [The history of primary school education in the Mari region in the second half of the XIX – early XX centuries]. Yoshkar-Ola, 2006, 314 p.
3. *Gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Marii El. Fond 57. Opis 1. Document 34* [State Archives of the Republic of Mari El. Archives 57. Anagraph 1. Document 42].
4. *Gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Marii El. Fond 57. Opis 1. Document 34* [State Archives of the Republic of Mari El. Archives 57. Anagraph 1. Document 34].
5. *Gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Marii El. Fond 40. Opis 1. Document 13* [State Archives of the Republic of Mari El. Archives 40. Anagraph 1. Document 13].

6. *Gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Marii El. Fond 40. Opis 1. Document 33* [State Archives of the Republic of Mari El. Archives 40. Anagraph 1. Document 33].

7. *Gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Marii El. Fond 40. Opis 1. Document 5* [State Archives of the Republic of Mari El. Archives 40. Anagraph 1. Document 5].

8. *Gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Marii El. Fond 40. Opis 1. Document 6* [State Archives of the Republic of Mari El. Archives 40. Anagraph 1. Document 6].

9. *Gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Marii El. Fond 49. Opis 1. Document 234* [State Archives of the Republic of Mari El. Archives 49. Anagraph 1. Document 234].

10. *Izvesti po Kazanskoi eparkhii* [Lime for the Kazan diocese], 1868, no. 12.

11. *Natsional'nyi arkhiv respubliki Tatarstan*. *Fond 92. Opis 160. Document 1062* [National Archive of the Republic of Tatarstan. Archives 92. Anagraph 160. Document 1062].

12. *Natsional'nyi arkhiv respubliki Tatarstan*. *Fond 92. Opis 2. Document 18021* [National Archive of the Republic of Tatarstan. Archives 92. Anagraph 2. Document 18021].

13. *Natsional'nyi arkhiv respubliki Tatarstan*. *Fond* 92. *Opis 2. Document 7838* [National Archive of the Republic of Tatarstan. Archives 92. Anagraph 2. Document 7838].

14. *Natsional'nyi arkhiv respubliki Tatarstan*. *Fond* 92. *Opis 2. Document 7930* [National Archive of the Republic of Tatarstan. Archives 92. Anagraph 2. Document 7930].

15. *Natsional'nyi arkhiv respubliki Tatarstan*. *Fond 92. Opis 2. Document 15894* [National Archive of the Republic of Tatarstan. Archives 92. Anagraph 2. Document 15894].

16. *Natsional'nyi arkhiv respubliki Tatarstan*. *Fond 92. Opis 2. Document 22340* [National Archive of the Republic of Tatarstan. Archives 92. Anagraph 2. Document 22340].

17. *Natsional'nyi arkhiv respubliki Tatarstan*. *Fond 92. Opis 2. Document 6320* [National Archive of the Republic of Tatarstan. Archives 92. Anagraph 2. Document 6320].

18. Nurminskii S.A. *Narodnye uchilishcha v Vyatskoi gubernii v 1786−1878 godakh: istoricheskii ocherk* [Folk schools in Vyatka province in 1786-1878: historical sketch]. *Stoletie Vyatskoi gubernii 1780−1880: sbornik materialov k istorii Vyatskoi gubernii.* [Centenary of Vyatka province 1780–1880: Collection of materials on the history of Vyatka province] Vyatka, 1881, vol. 2, pp. 659–738.

19. *Otchety Tsarevokokshaiskoi uezdnoi zemskoi upravy za 1870−1871 god* [Reports of the Tsarevo-Koksha Uyezd Zemstvo Administration for the years 1870-1871]. Kazan, 1871, 243 p.

20. *Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv*. *Fond 733. Opis 40. Document 47* [Russian State Historical Archive. Archives 733. Anagraph 40. Document 47].

21. *Otchet Koz'modem'yanskoi uezdnoi zemskoi upravy o deyatel'nosti ee po upravleniyu delami, podlezhashchimi vedeniyu zemstva i o sostoyanii uezdnogo zemskogo khozyaistva za vremya s 1-go iyulya 1913 goda po 1-e iyulya 1914 goda* [Report of the Kozmodemyansk Uyezd Zemstvo Board on its activities in the management of affairs subject to the zemstvo jurisdiction and the state of the county zemstvo economy for the period from July 1, 1913 to July 1, 1914. Kozmodemyansk]. Koz'modem'yansk, 1915, 171 p.

ALMETEVA IRINA – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of Russian History Department, Mari State University, Russia, Yoshkar-Ola (almetevaiv@gmail.com).

IVANOV ANANY – Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of Russian History Department, Mari State University, Russia, Yoshkar-Ola (anani@marsu.ru).

ALMETEVA ARINA – Student of the 4th year of Historical-Philological Faculty, Mari State University, Russia, Yoshkar-Ola (arinajenkins@gmail.com).

Формат цитирования: *Алметева И.В., Иванов А.Г., Алметева А.Ю.* Женское образование в светской школе Марийского края во второй половине XIX – начале XX века // Вестник Чувашского университета. – 2018. – № 2. – С. 5–11.

УДК 355.07(470.344)«1918/2018»
ББК Ц423 (2Рос.Чув.)6

О.В. АНДРЕЕВ

ПРОЦЕСС ФОРМИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ МЕСТНЫХ ОРГАНОВ ВОЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В 1918–2018 ГОДАХ НА ПРИМЕРЕ ВОЕННЫХ КОМИССАРИАТОВ ЧУВАШСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Ключевые слова: *местные органы военного управления, военный комиссариат, военно-мобилизационные мероприятия, учётно-призывная работа, призывник, военнообязанный, обороноспособность, Вооружённые Силы, Чувашская Республика.*

По истории войн и регулярной армии на общероссийском и региональном уровнях создано большое количество монографий и сборников научных статей. На этом фоне остаётся малоизученной тема создания и развития местных органов военного управления, в современном наименовании – военных комиссариатов, прошедших трудный, но славный вековой путь. Военные комиссариаты, обеспечивая учёт военнообязанных и материально-технических ресурсов, их мобилизацию в военное время на нужды армии, призыв граждан на военную службу и переподготовку военнослужащих запаса, на протяжении всей своей истории играли исключительно важную роль в достижении побед в войнах, в которых участвовали Вооружённые Силы Советского государства и Российской Федерации. В статье предприняты усилия по устранению своеобразного «белого пятна» в научном изучении конкретного направления военной истории: на примере военных комиссариатов Чувашской Республики анализируется процесс формирования и развития местных органов военного управления Советского государства и Российской Федерации в 1918–2018 гг. В статье история создания и деятельности военных комиссариатов республики непосредственно увязывается с преобразованиями системы органов военного управления России и административно-территориальными реформами в Чувашии. Автором на основе значительного фактического материала научно обосновывается вывод о весомом вкладе военных комиссариатов Чувашии в укрепление Красной Армии в предвоенный период, достижение Победы в Великой Отечественной войне, обеспечение обороноспособности страны в послевоенные десятилетия и настоящее время.

Безопасность и суверенитет государства и общества требуют поддержания Вооружённых Сил в состоянии постоянной высокой боевой готовности. Соответственно, требования обороноспособности и военная доктрина предусматривают комплекс мероприятий, в организации и проведении которых важнейшую роль играют центральные и местные органы военного управления.

Задача обеспечения необходимого уровня мобилизационных возможностей государства на случай военной угрозы ещё в период военных реформ 1860-х – 1870-х гг. возродила к жизни органы местного военного управления – по воинской повинности присутствия [4]. Но полноценные местные органы военного управления, соответствовавшие требованиям времени, – военные комиссариаты, возникли только в 1918 г. в Советском государстве, что непосредственно было связано с продолжавшейся Первой мировой и начавшейся гражданской войнами, военной интервенцией. Именно с 1918 г. начала выстраиваться стройная система органов военного управления государства, ведущих и в настоящее время воинский учёт населения, материально-технических резервов для привлечения их в военное время на нужды Вооружённых Сил, а также для призыва граждан на военную службу и переподготовки военнослужащих запаса. Во всех субъектах Российской Федерации эффективно функционируют и осуществляют руководство городскими и районными военкоматами современные республиканские, краевые, областные военные комиссариаты, создан-

ные ещё в Советском государстве в 1918 г. Количественные изменения органов местного военного управления напрямую связаны с состоянием международной и военно-политической, социально-экономической обстановки, административно-территориальными преобразованиями в стране и регионах.

Территория Чувашии, находившаяся в составе Казанской губернии, в 1864–1917 гг. входила в Казанский военный округ, но после его расформирования декретом СНК РСФСР от 30 марта 1918 г., согласно декрету № 491 «Об учреждении военных округов» от 4 мая 1918 г., была включена в новообразованный Приволжский военный округ (военно-окружное управление – г. Самара). К тому времени в конце 1917 – начале 1918 гг. за достаточно короткий срок на всей территории Советской России были упразднены старые местные органы военного управления: губернские и уездные по воинской повинности присутствия, военно-окружные советы военных округов, управления местных бригад. Вместо них были созданы губернские, уездные и волостные военные комиссариаты [6], предшественниками которых были военные отделы при исполкомах Советов.

История военных комиссариатов Чувашии берет своё начало с приказов Народного Комиссара РСФСР по военным делам от 22.04.1918 г. и военного комиссара Казанской губернии от 18.05.1918 г. На основании этих приказов на территории Чувашии были образованы три уездных военных комиссариата с подчинением их комиссару по военным делам Казанской губернии:

1. Чебоксарский уездный комиссариат с подчиненными ему 16 волостными военкоматами (уездный военный комиссар – С.А. Осанов, военный комиссар – Я.П. Соснин; основание: постановление исполкома Чебоксарского Совета рабочих и крестьянских депутатов от 14.06.1918 г.).

2. Цивильский уездный военный комиссариат с подчиненными ему 17 волостными военкоматами (уездный военный комиссар – А. Смирнов (июнь-сентябрь 1918 г.), военный комиссар – В. Тихомиров, основание: постановление исполкома Цивильского Совета крестьянских депутатов от 1.06.1918 г.; уездный военный комиссар с сентября 1918 г. – Яковлев, основание: приказ по Цивильскому УВК № 81 от 03.09.1918 г.).

3. Ядринский уездный военный комиссариат с подчиненными ему 16 волостными военкоматами (уездный военный комиссар – Бечин; военный комиссар – З. Алексеев; основание – постановление исполкома Ядринского Совета крестьянских депутатов от 01.06.1918 г.).

Уездным военным комиссариатам приходилось начинать свою деятельность в очень сложных условиях: в конце мая 1918 г. и в Поволжье пришла гражданская война. Первоначально призыв в Красную Армию осуществлялся по приказу Реввоенсовета Восточного фронта путём общей мобилизации, соответственно, крайне неудовлетворительно. Но после создания в конце мая 1918 г. чрезвычайных органов с самыми широкими полномочиями – так называемых «чрезвычайно-революционных штабов» (военно-революционных советов или комитетов, состоявших из военкома уезда, его заместителя и нескольких членов исполкома) – мобилизация граждан призывных возрастов в ряды Красной Армии постепенно нормализовалась. В чувашских уездах Казанской губернии, в отличие от соседних – Алатырского, Буинского, Курмышского и других уездов Симбирской губернии – мобилизация не срывалась и не сопровождалась столкновениями.

С образованием в июне 1920 г. Чувашской автономной области 13 сентября 1920 г. был организован Военный комиссариат ЧАО. 28 сентября 1920 г.

приказом по Приволжскому военному округу (образован 4 мая 1918 г.) военным комиссаром Чувашского областного военного комиссариата был назначен И.Е. Ефимов, которого в 1925–1926 гг. сменил В.Д. Данилов. В составе военного комиссариата в 1920 г. всего насчитывалось 93 сотрудника (штатных за счет сметы революционного военного Совета – 59, по ставкам профессионального союза – 34), но в связи с тяжёлым финансовым положением в стране их количество уменьшилось (1924 г. – 29) . В состав Чувашского областного военного комиссариата в первые годы его деятельности входили: Чебоксарский, Цивильский и Ядринский уездные военкоматы.

С 30 апреля 1925 г. начало действовать Управление территориального округа ЧАО. Вскоре, в связи с преобразованием Чувашской автономной области в Чувашскую АССР, 29 июня 1925 г. было создано Территориальное управление Чувашской АССР (начальник с 1926 г. – В.Д. Тимофеев). В свою очередь, с включением Чувашской АССР в состав Нижегородского края, Территориальное управление Чувашской АССР было расформировано и вместо него 1 ноября 1929 г. был образован военный комиссариат Чувашской АССР с подчинением его Нижегородскому территориальному управлению Московского военного округа. Военный комиссариат республики в 1929–1941 гг. возглавляли В.Д. Тимофеев, интендант 2-го ранга Т.П. Хрисанфов, капитан А.Г. Илакин, майор А.В. Геркин.

В соответствии с приказами Народного комиссара Обороны № 104-38 г., по Московскому военному округу № 0107-38 г. и военного комиссара ЧАССР № 78 от 26.08.1938 г. в сентябре-ноябре 1938 г. на территории Чувашской АССР были созданы райвоенкоматы по числу районов республики. Всего наряду с Чебоксарским горвоенкоматом было создано ещё 25 райвоенкоматов: Алатырский, Аликовский, Больше-Батыревский, Вурнарский, Ибресинский, Ишлейский, Канашский, Козловский, Красно-Четайский, Кувакинский, Мариинско-Посадский, Порецкий, Тархановский, Татар-Касинский, Траковский, Урмарский, Цивильский, Чебоксарский, Шемуршинский, Шихазанский, Шихирдановский, Шумерлинский, Ядринский, Яльчикский, Янтиковский.

В 1939–1940 гг., с завершением административно-территориального переустройства Чувашской АССР, были созданы новые и переименованы прежние районы, что непосредственно сказалось на составе и деятельности военкоматов. Так, в январе 1939 г. были образованы три новых района: Калининский, Октябрьский, Советский, в которых в январе 1939 г. были сформированы райвоенкоматы; в июне 1940 г. Траковский район переименован в Красноармейский, а его центр с. Передние Траки – в с. Красноармейское. В связи с этим Траковский райвоенкомат в августе 1940 г. переименован в Красноармейский райвоенкомат.

Важную функцию выполнял политический секретариат военкомата Чувашской АССР, который в сентябре 1939 г. был переименован в политический отдел военкомата Чувашской АССР.

Военкоматы испытывали определённые трудности не только в квалифицированных кадрах, но и в материально-техническом обеспечении. Так, из-за нехватки бумаги, особенно в начале войны, для ведения служебной документации (справки, предписания) до появления в 1944 г. формализованных официальных бланков в военкоматах иногда приходилось писать и на использованных листах, на обратной стороне тетрадей [1. С. 19].

С принятием в сентябре 1939 г. закона «О всеобщей воинской обязанности» во всех местных органах военного управления развернулась комплексная рабо-

та, которая включала в себя не только переучет военнообязанных, их бронирование на предприятиях, организациях и учреждениях, проведение призывов в армию и на флот, но и содействие медицинскому обслуживанию молодых призывников и ликвидации их неграмотности, учёт транспортных средств и т.д.

Много работы военкоматами было проделано в предвоенные месяцы. В результате частичного призыва в Красную Армию, произведённого с 25 марта по 5 апреля 1941 г. почти по всем военным округам (призвано 394 тыс. человек), и призыва с 15 мая 1941 г. приписного состава запаса, к 22 июня 1941 г. было призвано 805 264 человека, что составляло 24% от контингента призываемого по мобилизации. В результате численность личного состава Красной Армии вновь превысила 5 млн человек. Соответствующую работу проделали и военные комиссариаты Чувашии, произведя призыв молодежи 1922 года рождения, большинство из которых начали военную службу на территориях Львовской и Ново-Вопынской областей. Военные округа получили хорошо обученных военному делу и дисциплинированных призывников, подготовленных в том числе и военкоматами Чувашской АССР.

Следует отметить, что большинство военнообязанных накануне войны имели мобилизационные предписания и были приписаны к воинским частям и учреждениям РККА и Военно-Морского Флота, военкоматам, местным пунктам и штабам противовоздушной обороны, частям и органам НКВД и милиции. Последний призыв мирных лет (1922 г.р.) завершился 11 июня 1941 г.

Великая Отечественная война стала суровым испытанием для военного комиссариата Чувашской АССР, временем напряжённой работы и проверки на профессионализм его коллектива, что он с честью выдержал. Одним из примеров оперативности может служить такой факт: райвоенкоматы, получив телеграммы о мобилизации после 18 часов 22 июня 1941 г., начали оповещение лиц, подлежавших мобилизации, а к полудню 23 июня они эту работу завершили [3. С. 13].

С началом войны по всей стране прошли митинги населения при непосредственном участии военкоматов. Например, аналогичное мероприятие прошло в с. Аликово 25 июня 1941 г., на котором перед собравшимися выступил райвоенком старший политрук Г.С. Ярков. Проявлением эффективной мобилизационной и действенной военно-патриотической работы военных комиссариатов, высокой сознательности и гражданственности стала активная подача мужчинами и женщинами заявлений с просьбой направить добровольцами на фронт: только в первый месяц войны в райгорвоенкоматы Чувашии поступило 2536 заявлений, в том числе от женщин – 374 [5. С. 13].

Выполнение важнейшей задачи – комплектование команд и отправка их в войска – производилась с соблюдением всех мер секретности. С получением указаний военного комиссара республики в виде зашифрованных телеграмм, в которых населенные пункты для убытия, номера ВУС, а также воинские части засекречивались цифрами, районные военкоматы немедленно приступали к комплектованию и отправке команд в войска [1. С. 19].

Война наложила свой отпечаток на способы мобилизации и отправки военнообязанных. На них предварительно оформлялись документы: предписание, в котором указывались пункт назначения (воинская часть и командир), маршрут и способы прибытия; письменное сообщение в воинскую часть об убытии команды; обеспеченность продовольствием и деньгами; акт о проведённой санобработке направляемой команды с описанием состояния здоровья.

Например, мобилизованные военнообязанные Аликовского района должны были прибыть в райвоенкомат и, получив соответствующие документы, убыть на лошадях до станции Вурнары, а оттуда – до станции Канаш в распоряжение Канашского райвоенкомата и в последующем – в распоряжение начальника Канашского пересыльного пункта. Отдельные команды направлялись, минуя пересыльный пункт, прямо в воинские части и учреждения.

Райвоенкоматы проводили плановую политико-воспитательную работу с призывниками, подлежавшими отправке на фронт. Например, занятия, беседы и лекции с ними включали темы: международное положение, обстановка на фронте; героизм на войне и в тылу; устав внутренней службы; разъяснение требований советских Законов к изменникам Родины, ознакомление с Указом Президиума Верховного Совета СССР об ответственности за самовольные отлучки; о предстоящем призыве (порядок явки на призывной пункт); сбор металлолома (каждым военнообязанный обязан был сдать не менее 10 кг). Такие мероприятия проводились по кустовым группам руководителями советских и партийных органов и работниками военкоматов, что позволяло осуществлять комплекс важных военно-экономических и политических мероприятий, программу перестройки народного хозяйства на военный лад, укреплять политико-моральное состояние населения.

На всех этапах военно-мобилизационной работы военным комиссаром республики осуществлялся жёсткий и эффективный контроль за подбором военнообязанных в команды для гвардейских частей; комплектованием команд перворазрядников и кандидатов в мастера, а также имевших отличные навыки хождения на лыжах; отправкой по мобилизации граждан венгерской, румынской, итальянской, латышской, эстонской и финской национальностей; подбором и направлением призывников в военные училища; формированием кавалерийских полков; организацией проведения оборонительных и инженерных сооружений на территории республики. Особой задачей также стала борьба с дезертирами и уклонистами от призыва на военную службу. В результате мероприятий по выполнению январского 1942 г. приказа НКО № 064 «О наведении строгого порядка в учете» в Чувашии только за период с 1 января по 1 апреля 1942 г. был выявлен 691 нарушитель правил учета военнообязанных, 200 уклонявшихся от призыва, и задержано 323 дезертира [3. С. 35].

В годы войны в структуре, составе и деятельности военного комиссариата Чувашии произошли значительные изменения, в том числе и в штатном расписании. Так, согласно распоряжению штаба МВО № 14236 от 29.07.1942 г. с 12 августа 1942 г. военкомат ЧАССР и райгорвоенкоматы были переведены на новые штатные расписания. Соответственно, численность личного состава военного комиссариата ЧАССР составила: командно-начальствующий состав – 16 человек, младший начальствующий и рядовой состав – 12 человек, вольнонаемный состав – 8 человек. Позднее, в декабре 1942 г. в штат военкомата Чувашской АССР введен отдел инспектирования военной подготовки учащихся в составе: начальник отдела – 1, старший инструктор – 1, инструктор – 6, инструктор-врач – 1. Численность командно-начальствующего состава достигла 26 человек. Затем, во исполнение приказа ВК № 06 от 15 февраля 1943 г. численность командно-начальствующего состава военкомата ЧАССР была доведена до 29 человек. В годы Великой Отечественной войны военным комиссариатом Чувашской АССР руководили майор А.В. Геркин, полковник А.А. Алексеев, полковник А.П. Поляков, подполковник В.В. Силаков.

На заключительном этапе Великой Отечественной войны, в январе 1944 г., военкомат Чувашской АССР был переподчинен штабу Приволжского военного округа. В том же году на территории Чувашской АССР были образованы Моргаушский и Чурачикский районы. В связи с этим был сформирован Моргаушский райвоенкомат, а Чурачикский район был передан на обслуживание Цивильскому райвоенкомату. Вскоре сам Цивильский райвоенкомат был переименован в Цивильский объединенный военный комиссариат. Таким образом, согласно директиве ПриВО № орг-1/13181 и приказу ВК № 014 от 5 июня 1944 г., с июня 1944 г. в подчинении военного комиссариата ЧАССР находилось 30 районных и городских военкоматов. С расформированием Чебоксарского райвоенкомата Чебоксарский район был передан на обслуживание Чебоксарскому горвоенкомату, который, в свою очередь, был переименован в Чебоксарский объединенный городской военный комиссариат. В результате, с января 1945 г. военному комиссариату ЧАССР подчинялось 29 райгорвоенкоматов. Согласно директиве ПриВО № орг-1/1-16656 от 29 октября 1944 г., начиная с 1 января 1945 г. численность служащих военного комиссариата республики составила 23 человека, т.е., по сравнению с февралём 1943 г. сократилась на 6 человек. И таким небольшим составом была проделана громадная работа по содействию Победе в войне.

Военные комиссариаты в годы войны обеспечивали проведение войсковой мобилизации, пополнение личным составом действующей армии и запасных частей, комплектование военных училищ и учебных центров, организацию оборонно-массовой и военно-патриотической работы среди призывников и допризывной молодежи, подготовку ее к военной службе, осуществляли контроль за организацией учета и бронирования военнообязанных на предприятиях и в учреждениях, учитывали людские и народнохозяйственные ресурсы, пригодные для нужд армии. Особенно значимой была работа местных военных комиссариатов по мобилизации людских и транспортных средств из народного хозяйства республики на нужды фронта. Так, в 1941–1945 гг. в ряды Красной Армии с территории Чувашии было призвано 208 229 человек (из них погибло – 120 727, пропало без вести – 47 006, умерло от ран – 9106); отправлено на нужды фронта 252 автомобиля, 7230 лошадей, 4202 повозки, 2200 саней) [5. С. 18].

Расширение перечня ответственных задач военкоматов напрямую было связано с обстановкой на фронте. Так, согласно приказу ГКО СССР от 17 сентября 1941 г. «О всеобщем обязательном обучении военному делу граждан СССР» в составе Народного комиссариата Обороны было создано Главное управление всеобщего военного обучения (ГУВВО). Соответственно, при республиканских, краевых и областных военкоматах были созданы отделы всевобуча, а при городских и районных военкоматах сформированы группы из 2-3 инструкторов. Таким образом, военкоматы совместно с ОСОАВИАХИМом и возрождённым Всевобучем обеспечивали решение задач по непрерывной подготовке резервов для Вооружённых Сил Советского Союза. Из них особое значение придавалось обязательной военной подготовке мужчин от 16 до 50 лет без отрыва от работы по 110-часовой программе. В этом направлении и в Чувашской АССР совместными усилиями партийно-государственных, военных, комсомольских органов и ОСОАВИАХИМа была проделана большая работа. Так, только осенью 1941 г., в период ожесточённых боёв под Москвой, организовано 163 комсомольско-молодежные команды истребителей танков по 12 человек в каждой, в которых к январю 1942 г. прошли полный курс обучения 1135

и продолжили учебу еще 1293 человека. Всего на этих курсах было обучено 2428 призывников, многие из которых затем добровольцами ушли на фронт. Также к сентябрю 1942 г., во время боёв на подступах, а затем и в самом Сталинграде, всего было подготовлено 8340 бойцов по основным военным специальностям (7400 стрелков, 271 телефонист, 96 телеграфисток-морзисток). В течение 1941–1942 гг. при непосредственном участии военкоматов через учреждения Всевобуча и ОСОАВИАХИМа было подготовлено более 75,5 тыс. бойцов, в том числе 13 658 снайперов, минометчиков, пулеметчиков, бронебойщиков и истребителей танков. Всего за 1942–1943 гг. было обучено 11,5 тыс. телефонисток, радисток и других специалистов связи. Кроме того, по линии ОСОАВИАХИМа было подготовлено 5996 инструкторов ПВХО и 586 стрелков-женщин [4. С. 39]. Подавляющую часть подготовленных бойцов представляла молодёжь – поколение Победителей в Великой Отечественной войне [2].

В целом, за годы Великой Отечественной войны через Всевобуч прошли примерно 9 млн 800 тыс. граждан СССР. С окончанием войны и решением всех поставленных задач в 1946 г. ГУВВО было расформировано, а в 1947–1948 гг. – отделы всевобуча в военных округах и при военкоматах.

Ответственными участками работы военных комиссариатов были также пенсионное обеспечение семей военнослужащих и выплата денег по денежным аттестатам, оказание им материальной и другой помощи, трудоустройство инвалидов войны, помощь им в получении жилья, рассмотрение и разрешение жалоб, заявлений военнообязанных, военнослужащих, призывников, инвалидов войны, членов семей военнослужащих и воинов, погибших на фронте, и другие важные виды деятельности. Нелегким бременем легли на плечи работников райвоенкомата «похоронки». Извещения о погибших, пропавших без вести, умерших в госпиталях военнослужащих вручались членам их семей только офицерами военкоматов. Проводилась большая работа по назначению пенсий, оказанию помощи семьям погибших и пропавших без вести. И эта работа делалась с высоким чувством ответственности за судьбу каждого погибшего, за судьбу его членов семьи. «Похоронки» или известия о пропавших без вести переживались как личное горе.

Несмотря на тяжелейшие условия войны, острую нехватку кадров, мобилизационных ресурсов, большие людские потери на фронте, военный комиссариат достойно выполнил стоявшие перед ним военно-мобилизационные задачи:

1. Обеспечил бесперебойное и своевременное пополнение действующей армии людскими и транспортными ресурсами. Об оперативности и слаженности в деятельности военных комиссариатов республики свидетельствует исторический факт: уже в течение июня 1941 г. в Канаше сформировано, обмундировано и отправлено на Западный фронт 4 маршевых батальона [5. С. 13]. Несмотря на то, что к концу года в республике ресурсы военнообязанных, годных для укомплектования боевых частей, были почти исчерпаны, военный комиссариат в течение 1941–1942 гг. обеспечил формирование на территории Чувашской АССР 139-й, 140-й, 141-й, 324-й стрелковых дивизий (в основном из местных мобилизационных ресурсов), 126-го минометного полка, 8-го запасного телеграфного полка связи (преимущественно из представительниц женского пола), 4 гужетранспортных батальона. С началом создания в конце 1941 г. в тыловых районах страны литовских, латвийских, эстонских, польских и чехословацких воинских частей военкоматы активно решали задачи по выявлению, учету, проверке и призыву годных для службы из числа граждан этих нацио-

нальностей, эвакуированных в Чувашию из западных областей и прибалтийских республик.

2. Организовывал обеспечение из местных ресурсов объединений, соединений и воинских частей, временно дислоцированных на территории Чувашской АССР (основными из которых были: 26-я резервная армия, 3-я, 4-я и 5-я авиационные школы, курсы политсостава запаса). Кроме того, в октябре-ноябре 1941 г., когда из западных районов экстренно эвакуировались большими колоннами остатки ресурсов военнообязанных запаса, военные комиссариаты снабжали всем необходимым личный состав колонн, направлявшихся в Казань через территорию Чувашской АССР, а также размещали на жительство предусмотренных для эвакуации в Чувашию. О трудностях и масштабах работы, проделанной военными комиссариатами совместно с Совнаркомом и бюро ВКП(б) Чувашии, свидетельствует тот факт, что к концу 1941 г. на территории республики было сосредоточено до 150 отдельных войсковых частей, соединений, школ, складов и разных учреждений [5. С. 14].

3. Военный комиссариат Чувашской АССР также проводил призыв и отправку граждан для исполнения трудовой повинности на военно-промышленных предприятиях страны, в частности, на заводы городов: Ижевск, Златоуст, Горький и на шахты Кузбасса.

4. В условиях обострения в октябре 1941 г. обстановки под Москвой организовывал строительство двух полевых оборонительных рубежей, проходивших по территории Чувашской АССР: первый – по Суре на территории Ядринского, Красно-Четайского, Шумерлинского, Порецкого, Алатырского и Кувакинского районов; второй – по территории Мариинско-Посадского, Октябрьского, Урмарского и Янтиковского районов. С завершением строительных работ в соответствии с директивой штаба МВО от 25 февраля 1942 г. № 58119 военкомат республики, при содействии местных советских органов, обеспечивал поддержание рубежей обороны в полной боевой готовности вплоть до конца 1943 г.

5. Обеспечивал также проход эвакуированного населения, их расквартирование, размещение, трудоустройство семей военнослужащих, решение материально-бытовых вопросов, выдачу безвозвратных пособий, пособий по аттестатам. Много усилий было приложено для помощи эвакуированным из приграничных районов сотен семей офицеров, прибывших практически без имущества и средств к существованию. Для оказания им финансовой помощи во всех райвоенкоматах была введена штатная должность бухгалтера.

6. Назначал и контролировал пенсионное обеспечение инвалидам войны, семьям погибших, организовывал подготовку материалов по зачислению на государственное обеспечение семей призванных на военную службу по мобилизации сержантов и солдат запаса.

7. Контролировал выполнение государственного заказа по заготовке сельхозпродуктов, сушке сухарей, фруктов и овощей для нужд армии.

8. Организовывал и проводил всеобщее военное обучение по специальной 110-часовой программе с гражданами и обязательной военной подготовке в средних школах и техникумах [7].

Деятельность военкоматов была многогранной, успевали сделать многое, в том числе и ведение при райвоенкоматах подсобных хозяйств, где выращивали различные сельскохозяйственные культуры.

Заслуги военных комиссаров Чувашской АССР высоко оценены командованием и правительством. Так, среди награжденных были: военный комис-

сар Чувашской АССР полковник А.А. Алексеев – орденом Красной Звезды, военком Ядринского района майор Дворников и военком Яльчикского района майор Вахрамеев – орденами «Знак Почёта».

Ушли на фронт и геройски погибли офицеры военкоматов республики Андреев, Анисимов, Киселев, Кондратьев, Кротов, Рыжов, Яндараев, Ярунин.

Послевоенный период характеризуется определёнными изменениями в системе военного управления. Так, в соответствии с приказом Народного комиссара обороны СССР от 9 июля 1945 г. вновь был образован Казанский военный округ с управлением в Казани. В состав округа вошли территории Кировской области, Татарской, Удмуртской, Марийской, а также и Чувашской АССР. Однако приказом от 4 февраля 1946 г. военный округ был переформирован в Казанский территориальный округ в составе Приволжского военного округа. Вскоре, в мае 1946 г., территориальный округ был упразднён, а военный комиссариат ЧАССР включён в состав Приволжского военного округа.

С завершением Великой Отечественной войны военкоматы и оборонно-массовые организации приступили к решению новых задач. Так, согласно закону «О демобилизации старших возрастов личного состава действующей армии», принятому XII сессией Верховного Совета СССР 23 июня 1945 г., они обеспечивали осуществление масштабной, но без ущерба для боеготовности войск, демобилизации из рядов Вооружённых Сил СССР военнослужащих 33 призывных возрастов в шесть очередей (в начале – военнослужащие 13 старших возрастов).

Начало мирной жизни обусловило перевод военного комиссариата республики, районных и городских военкоматов на новые штатные расписания. Так, на основании директивы ПриВО от 16 июля 1947 г. численность офицеров военного комиссариата ЧАССР составила 27 человек, рабочих и служащих – 19 (всего – 46 человек). Во исполнение директивы по Горьковскому военному округу от 22 июля 1950 г. в штат военкомата Чувашской АССР вошла часть по учету офицеров, старшин и матросов запаса в количестве 1 человек с должностью начальника части. В 1956 г. в соответствии с директивой ПриВО от 27 сентября 1956 г. военкомат Чувашской АССР перешел на новое штатное расписание, и в результате количество офицеров составило 21 человек, рабочих и служащих – 21 человек (всего – 42 человека вместо 46 в 1947 г.). В 1956 г. по директиве ПриВО от 27 октября из штата военкомата Чувашской АССР исключена должность начальника секретной части, а шестая и секретная части объединены в одно шифровально-секретное отделение.

После Великой Отечественной войны военкоматы также проводили работу по выявлению лиц, находившихся в плену, учету и розыску военнослужащих, погибших, пропавших без вести, увековечению памяти героев войны, материальному обеспечению семей погибших и пропавших без вести военнослужащих и назначению им пенсий.

В конце 1940-х – начале 1950-х гг. военный комиссариат ЧАССР дважды подвергся переподчинению: в июле 1949 г. – штабу Горьковского военного округа второго формирования (1-е формирование: 1945–1946 гг., 2-е формирование: 1949–1953 гг.) и в мае 1953 г. в связи с его расформированием – штабу Приволжского военного округа (Приказ ПриВО от 8 мая 1953 г.). В целом к 1 января 1970 г. после реорганизации ряда районных военкоматов на территории республики действовали: Военный комиссариат Чувашской АССР и 23 районных и городских военкоматов.

Улучшилась и материально-техническая база военкомата республики: в течение 1971–1972 гг. осуществлено строительство нового корпуса и 30 мая 1972 г. в торжественной обстановке состоялся переезд в новое здание по адресу: Чебоксары, Коммунальный переулок, дом 8, корпус 1.

Важными направлениями деятельности военных комиссариатов республики со второй половины 1960-х гг. стали организация и проведение мероприятий патриотического движения учащейся молодёжи – военно-спортивные игры «Зарница» и «Орлёнок». В финалах всесоюзной игры «Зарница» (Псков, Брест и др.) участвовали и учащиеся средних школ г. Цивильск, которые неоднократно становились победителями республиканских соревнований.

Значительно улучшились и показатели деятельности военкомата ЧАССР, за что он неоднократно был поощрён командованием. Так, 12-24 ноября 1972 г. военный комиссариат республики был проверен Главной инспекцией Министерства обороны СССР на предмет подготовки молодежи к военной службе и призыва на действительную военную службу. По результатам проверки приказом МО СССР от 19 января 1973 г. военкомат Чувашской АССР и Чебоксарский горвоенкомат были отмечены как одни из лучших среди военкоматов ПриВО. Также военный комиссариат Чувашской АССР неоднократно награждался грамотами Военного Совета Приволжского военного округа: в 1973, 1974 гг. – за третье место в соревновании между областными и республиканскими военными комиссариатами по подготовке молодежи к военной службе и проведению призыва 1973–1974 гг.; в 1976, 1977, 1978 гг. – за второе место, а 15 марта 1985 г. приказом командования ПриВО – грамотой Верховного Совета и переходящим призом ПриВО за второе место. В 1984 г. по итогам соцсоревнования между республиканскими и областными военными комиссариатами по служебной деятельности Военным Советом ПриВО военкомату Чувашской АССР было присуждено 1-е место в округе, 2-е место в РСФСР и 3-е место в Министерстве обороны СССР, а в 1985 г. вручён переходящий приз МО СССР, в 1986 г. – 2-е место в ПриВО (приказ МО СССР от 9 мая 1986 г.).

Многие уроженцы и призванные военными комиссариатами Чувашской Республики в ряды Вооружённых Сил Советского Союза, а после его распада – Российской Федерации, были участниками локальных военных конфликтов второй половины XX – начала XXI вв. Так, только через войну в Афганистане прошло свыше 6 тыс. представителей Чувашии. Многие из них за проявленные отвагу и мужество были награждены боевыми орденами и медалями СССР и Российской Федерации: Не всем из них суждено было вернуться живыми домой. Общие потери выходцев из Чувашии с 1946 г. по 2015 г. составили более 600 военнослужащих.

Перемены в жизни государства, начавшиеся во второй половине 1980-х гг., отразились и на системе органов военного управления: в 1989 г. Краснознамённый Приволжский военный округ был преобразован в Краснознамённый Приволжско-Уральский военный округ (ПурВО). В 1992 г. он, как и до этого, стал Краснознамённым Приволжским военным округом. Однако в 2001 г. военный округ вторично был объединён с Краснознамённым Уральским военным округом в Краснознамённый Приволжско-Уральский военный округ. Наконец, указом Президента РФ № 1144 от 20 сентября 2010 г., установившим новое военно-административное деление России, Приволжско-Уральский военный округ был упразднён и на его основе был создан Центральный воен-

ный округ. В настоящее время военный комиссариат Чувашской Республики осуществляет свою деятельность в составе нового территориального военно-административного объединения.

Изменения, произошедшие накануне и после распада СССР, сказались и на военном комиссариате Чувашии. С переименованием в 1990 г. Чувашской Автономной Советской Социалистической Республики в Чувашскую Советскую Социалистическую Республику изменились также название военного комиссариата и его подчиненность. Преобразование 13 декабря 1992 г. Чувашской Советской Социалистической Республики в Чувашскую Республику положило начало формированию современных структуры, кадрового состава и направлений деятельности военных комиссариатов Чувашской Республики. В соответствии с директивой по ВС РФ от 14 января 1993 г. изменилась и штатно-должностная категория военного комиссара Чувашской Республики с полковника на генерал-майора, но согласно Директиве штаба ПурВО от 31 июля 2006 г. была переведена обратно с генерал-майора на полковника.

8 апреля 2018 г. исполнилось 100 лет военным комиссариатам России. За вековой период деятельности количество руководителей военного комиссариата Чувашской Республики составило 20 человек. Из них:

– в должности Чувашского областного военного комиссара – двое: И.Е. Ефимов (1920–1925 гг.), В.Д. Данилов (1925–1926 гг.);

– в должности начальника Территориального управления Чувашской АССР – В.Д. Тимофеев (1926–1931 гг.);

– в должности военного комиссара ЧАССР – 14: Т.П. Хрисанфов (1931–1937 гг.), А.Г. Илакин (1937–1939 гг.), А.В. Геркин (1939–1942 гг.), А.А. Алексеев (1942–1943 гг.), А.П. Поляков (1943–1944 гг.), В.В. Силаков (1944–1945 гг.), И.В. Рязанов (1945–1953 гг.), П.А. Носков (1953–1955 гг.), И.З. Комар (1955–1962 гг.), И.С. Роскидной (1962–1976 гг.), Е.П. Мельников (1976–1983 гг.), Л.А. Кублицкий (1983–1987 гг.), В.И. Николайченков (1987–1989 гг.), И.Н. Танцюра(1989–1990 гг.);

– в должности военного комиссара Чувашской Республики – 3: полковник Г.Л. Соколов (1991–2001 гг.), генерал-майор Л.Б. Кухарчук (2001–2006 гг.), полковник А.А. Мокрушин (Приказ МО РФ № 189 от 03.03.2007 г.).

Современная структура и состав военного комиссариата Чувашской Республики с учётом многообразия форм жизнедеятельности, военно-экономического состояния, административно-территориального устройства республики выглядят следующим образом:

– Военный комиссар Чувашской Республики (полковник А.А. Мокрушин); заместитель военного комиссара Чувашской Республики (А.В. Исаев); помощник военного комиссара по работе с ветеранами (А.П. Осипов); два помощника военного комиссара (по военно-патриотической работе: В.Г. Мареев и В.А. Илюткин);

– отдел подготовки и призыва на военную службу с подотделами: военно-врачебная комиссия, вещевое и продовольственное отделение; отделения: организации и проведения призыва, подготовки граждан к военной службе; учета граждан, подлежащих призыву на военную службу;

– отдел планирования, предназначения, подготовки и учета мобилизационных ресурсов с подотделами: отделение общего и мобилизационного планирования; отделение предназначения, подготовки, аттестования и учета офицеров запаса; отделение предназначения, подготовки и учета солдат,

сержантов и прапорщиков запаса, отделения предназначения и учета техники; а также отделения: по работе с гражданами, оперативно-плановое, строевое, финансово-экономическое, административно-хозяйственное, связи и автоматизированных систем управления;

– отдел социального обеспечения.

Цель деятельности военных комиссариатов Чувашской Республики неизменна – всемерное содействие укреплению обороноспособности Отечества и формированию патриотического сознания граждан. В соответствии с поставленной целью они решают комплекс задач, проводя мероприятия, связанные с военно-мобилизационной и учетно-призывной работой: организовывают, ведут учёт военнообязанных и транспортных средств, предоставляемых Вооруженным Силам России; разрабатывают планы мобилизации людских и транспортных ресурсов; обучают граждан основам военных знаний; участвуют в работе по розыску и увековечению памяти погибших при защите Отечества; организовывают вручение государственных наград Российской Федерации; извещают членов семей лиц, погибших (умерших) при прохождении военной службы (военных сборов); ведут работу по военно-патриотическому воспитанию молодёжи.

Подготовка граждан (молодёжи) к военной службе, организация и проведение призыва на военную службу – одна из основных задач военных комиссариатов. Военкоматы Чувашии в 2017 г. норму призыва граждан выполнили на все 100%. Так, из 114 тыс. человек, призванных в армию от Центрального военного округа, 2665 – призваны с территории Чувашии (в том числе с высшим образованием – 577, что составило 21,7%). Заняв по итогам конкурса по проведению призыва граждан на военную службу 3-е место среди военкоматов второго разряда Центрального военного округа, военные комиссариаты Чувашской Республики к 100-летию военкоматов России подошли с высокими достижениями в работе.

Литература

1. Военному комиссариату Аликовского района Чувашской Республики 65 лет/ сост. Казаков В.И., Ананьев А.А. Чебоксары, 2003. 49 с.

2. *Ермолаев Д.Е.* Молодежь Чувашии на фронтах Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): поколение победителей: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Чебоксары, 2003. 23 с.

3. *Кухарчук А.Б.* Военные комиссариаты Чувашии в годы Великой Отечественной войны // Всемирно-историческое значение Победы советского народа в Великой Отечественной войне (1941–1945 гг.). Чебоксары: Цивильский ИД, 2005. С. 33–39.

4. *Макаревич О.Л.* Создание и развитие отечественных мобилизационных органов // Военно-исторический журнал. 2016. № 5. С. 18–23.

5. *Мокрушин А.А.* Военные комиссариаты Чувашской Республики в годы войны // Вклад трудящихся Чувашии в Победу в Великой Отечественной войне: материалы науч.-практ. конф. Чебоксары: [Б.и.], 2010. С. 13–19.

6. Об учреждении волостных, уездных, губернских и окружных комиссариатов по военным делам: декрет Совета Народных Комиссаров от 8 апр. 1918 г. // Декреты Советской власти: в 15 т. М.: Госполитиздат, 1959. Т. 2. С. 63–70.

7. *Соколова В.И.* К вопросу о начальном всеобщем обучении граждан ЧАССР в годы Великой Отечественной войны // Вестник Чувашского университета. 2006. № 1. С. 68–82.

АНДРЕЕВ ОЛЕГ ВАСИЛЬЕВИЧ – кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории имени А.В. Арсентьевой, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (olevasandr@mail.ru).

O. ANDREEV

FORMATION AND DEVELOPMENT PROCESS OF LOCAL MILITARY AUTHORITIES OF THE SOVIET STATE AND THE RUSSIAN FEDERATION IN 1918–2018 ILLUSTRATED BY THE EXAMPLE OF MILITARY REGISTRATION AND ENLISTMENT OFFICES OF THE CHUVASH REPUBLIC

Key words: *local military authorities, military registration and enlistment office, military mobilization measures, registration and draft work, draftee, draft-age person, defensive capacity, Armed Forces, the Chuvash Republic.*

A large number of monographs and collections of scientific articles were created basing on the history of wars and the regular army at the national and regional levels. Against this background, creation and development of local military authorities, currently they are called military registration and enlistment offices, which passed a difficult but glorious centuries-old way, remains poorly understood. Military registration and enlistment offices, providing registering of persons liable for military service and material and technical resources, their mobilization in time of war for the army demands, mobilization of citizens for military service and retraining of reservists throughout their history played a crucial role in achieving victories in wars, where the Armed Forces of the Soviet state and the Russian Federation participated. The author has made efforts in eliminating a kind of "a blind spot" in the scientific study of a specific military history area: formation and development process of local military authorities of the Soviet State and the Russian Federation in 1918–2018 is illustrated by the example of military registration and enlistment offices of the Chuvash republic. In the article the history of creating republic military commissariats and their functioning is directly linked with transformations in the Russian system of military authorities and administrative-territorial reforms in the Chuvash Republic. The author, based on considerable factual material, scientifically justifies the conclusion on significant contribution of the Chuvash military authorities in strengthening the Red Army in the prewar period, in achieving the Victory in the Great Patriotic war, ensuring national defensive potential in the postwar decades and in present time.

References

1. *Voennomu komissariatu Alikovskogo raiona Chuvashskoi Respubliki 65 let* [The military commissariat of the Alikovsky district of the Chuvash Republic is 65 years old]. Cheboksary, 2003, 49 p.

2. Ermolaev D.E. *Molodezh' Chuvashii na frontakh Velikoi Otechestvennoi voiny (1941–1945 gg.): pokolenie pobeditelei*: avtoreferat diss. ... kand. ist. nauk [Young people of Chuvashia on fronts of Great Patriotic war (1941–1945): generation of winners. Abstract of PhD thesis]. Cheboksary, 2003, 23 p.

3. Kuharchuk A.B. *Voennye komissariaty Chuvashii v gody Velikoi Otechestvennoi voiny* [Military commissariats of Chuvashiya in the years of Great Patriotic war]. *Vsemirno-istoricheskoe znachenie Pobedy sovetskogo naroda v Velikoi Otechestvennoi voine (1941–1945 gg.)* [World-historic value Victories soviet people in Great Patriotic war (1941–1945)]. Cheboksary, Tsivilsk Publishing House, 2005, pp. 33–39.

4. Makarevich O.L. Sozdanie i *razvitie otechestvennykh mobilizatsionnykh organov* [Creation and development of mobilization bodies]. *Voenno-istoricheskii zhurnal* [Military-historical Journal], 2016, no. 5, pp. 18–23.

5. Mokrushin A.A. *Voennye komissariaty Chuvashskoi Respubliki v gody voiny* [Military comissariats of Chuvash Republic in the years of war]. In: *Vklad trudyashchkihsya Chuvashii v Pobedu v Velikoi Otechestvennoi voine: Materialy nauch.-prakt. konf.* [Proc. of Sci. Conf. «The contribution of workers of the Chuvash Republic in the Great Patriotic war»]. Cheboksary, 2010, pp. 13–19.

6. *Ob uchrezhdenii volostnykh, uezdnykh, gubernskikh i okruzhnykh komissariatov po voennym delam: dekret Soveta Narodnykh Komissarov ot 8 apr. 1918 g.* [About establishment military: decree of Advice of Folk Commissars from April 8, 1918]. *Dekrety Sovetskoi vlasti*: v 15 t. [Decrees of Soviet power. 15 vols.]. Moscow, Politizdat Publ., 1959, vol. 2, pp. 63–70.

7. Sokolova V.I. *K voprosu o nachal'nom vseobshchem voennom obuchenii grazhdan CHASSR v gody Velikoi Otechestvennoi voiny* [On the question about the elementary universal military training of citizens CHASSR during the Great Patriotic war]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta,* 2006, no. 1, pp. 68–82.

ANDREEV OLEG – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of Russian History, Chuvash State University, Russia, Cheboksary (olevasandr@mail.ru).

Формат цитирования: *Андреев О.В.* Процесс формирования и развития местных органов военного управления Советского государства и Российской Федерации в 1918–2018 годах на примере военных комиссариатов Чувашской Республики // Вестник Чувашского университета. – 2018. – № 2. – С. 12–24.

УДК 94:614.84(470.344)”192”
ББК Н96г(2Рос.Чув)613

А.И. БАРАМАТОВ

РАЗВИТИЕ ПРОТИВОПОЖАРНОЙ СЛУЖБЫ ЧУВАШИИ В 1920–1927 ГОДАХ

Ключевые слова: *пожарное дело, борьба с огнем, профилактика пожаров, противопожарное имущество, добровольная пожарная охрана, Государственный пожарный надзор.*

В статье кратко изложена история развития противопожарной службы в Чувашской Республике в 1920-х годах. Рассмотрены исторические особенности региона, причины и основания создания пожарной охраны Чувашии, факты, повлиявшие на трансформацию развития противопожарной службы в исследуемый период. Автор на основе изученных источников приходит к выводу, что развитие современных городов и населенных пунктов в регионе ставило все новые задачи перед противопожарной службой по совершенствованию методов спасения людей и имущества от пожаров, а также сокращению времени на их прибытие. Одновременно характеризуются ранее не изученные исследователями вопросы, раскрывающие причины появления проблем, с которыми приходилось сталкиваться работникам пожарным в 1920-х гг. до момента создания органов Государственного пожарного надзора в РСФСР в 1927 г.

Пытаясь найти ответ на все сложные вопросы касательно трудностей развития противопожарной службы в Чувашской автономии в составе РСФСР в 20-х гг. XX в., необходимо учитывать общую социально-политическую обстановку в этом регионе и не только здесь. В то же время важно акцентировать внимание и на идеологических, политических, экономических условиях развития Чувашского края. Без осознания всей сложности обстоятельств, происходивших в жизни населения в эти годы, невозможно дать объективную оценку состоянию работы противопожарной службы в регионе.

Известно, что в Чувашии исследуемого периода возникали сотни сложнейших чрезвычайных ситуаций техногенного, природного и бытового характера, в результате которых гибло большое количество людей, а материальный ущерб достигал нескольких миллиардов рублей. Парадоксально воспринимается то, что научно-технический прогресс начала XX в. не только значительно улучшил условия жизни и развития общества, но и принес с собой новую угрозу для его существования [12].

В связи с этим законодательством Российской Федерации предусмотрены условия и принципы работы специальных подразделений, например, противопожарной службы. Ее главной задачей является: организация и осуществление профилактики пожаров; спасение людей и имущества при пожарах, оказание первой помощи; организация и осуществление тушения пожаров и проведения аварийно-спасательных работ [17].

Данная статья имеет целью провести анализ процесса становления и развития системы пожарной безопасности на территории Чувашии в условиях преобразования Чувашской автономной области (ЧАО) в республику.

Ситуация в Чувашии в этот период относительно неблагоприятных природных явлений, аварий и катастроф характеризовалась как сложная. Работа противопожарных формирований оставалась тяжелой и ответственной, что требовало четкой системы организации и эффективного применения имеющихся знаний, соответствующих тактических приемов по ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций.

После Октябрьской социалистической революции одним из важнейших документов новой власти, определявшим основы пожарной охраны не только того времени, но и современной противопожарной службы России, стал Декрет «Об организации государственных мер борьбы с огнем», подписанный 17 апреля 1918 г. В.И. Лениным [10. С. 211–214]. Декрет стал первым в истории России законодательным актом, в котором задача борьбы с пожарами ставилась на общегосударственный уровень [16. С. 11].

Из работ, позволяющих раскрыть основные направления становления пожарного дела в РСФСР, можно выделить исследования В.А. Абрамова и В.С. Сметанина [1], В.В. Назина [14], П.С. Савельева, С.И. Груздя, В.И. Малкова [15].

Впервые в Чебоксарах вопрос об организации пожарной службы был поставлен в 1806 г. Городская Дума 28 мая приняла решение о постройке на торговой площади сараев для содержания пожарных орудий, о починке мостов, будок и дорог. Также предусматривалось иметь в городе 4 сорокаведерные бочки с водой, 20 запасных ведер, багры, 2 щита, 2 лошади, которые должны находиться в постоянной готовности, и на каждые сутки назначать дежурство одного полицейского унтер-офицера, двух рабочих и двух трубочистов [11].

В том же году, 4 июля, стараниями городничего Брежинского в Чебоксарах был организован обоз с круглосуточным дежурством [11. С. 20]. По мнению ученых изучающих историю пожарной охраны республики, эта дата считается днем создания пожарной охраны города Чебоксары. В других населенных пунктах Чувашии подобные команды были созданы позднее. Например, в Ядрине в 1844 г. [3], в Мариинском Посаде только в 1871 г. [6].

Как известно, 24 июня 1920 г. Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет (ВЦИК) и Совет Народных Комиссаров (СНК) РСФСР приняли Декрет об образовании ЧАО с административным центром в г. Чебоксары. Декрет подписали Председатель ВЦИК М.И. Калинин, Председатель СНК В.И. Ленин, Секретарь ВЦИК А.С. Енукидзе [13. С. 78].

В состав ЧАО вошли в полном составе Чебоксарский, Цивильский и Ядринский уезды Казанской губернии, часть волостей Буинского и Курмышского, Симбирского и Козьмодемьянского уездов Казанской губернии. Для руководства новой административной единицей постановлением Оргбюро ЦК РКП(б) 24 июня 1920 г. был учрежден временный советский орган – Революционный комитет (Ревком) Чувашской автономной области [13. С. 78]. С этого момента решение многих вопросов, в том числе касающихся борьбы с пожарами, проведения профилактических противопожарных мероприятий, становилось более эффективным.

Организация пожарного дела в ЧАО возлагалась на пожарный подотдел в составе Коммунального отдела Исполкома областного Совета, образованного 6 июля 1920 г. решением Революционного комитета автономии [5].

Основными задачами пожарного подотдела являлись: руководство борьбой с пожарами, разработка и контроль над соблюдением мер пожарной безопасности, учет и распределение противопожарного имущества, организация деятельности добровольных пожарных дружин и других пожарных формирований в населенных пунктах и на предприятиях.

С первых дней функционирования новой власти руководство ЧАО законодательно устанавливает основы пожарной безопасности на территории Чувашии. 2 марта 1921 г. принимается Постановление областного комму-

нального отдела о противопожарных мероприятиях [4]. В документе достаточно подробно описан комплекс превентивных мероприятий, направленных на снижение пожаров в населенных пунктах и на предприятиях. Касательно данной проблематики сказано следующее: «В селениях, посадах и городах строго преследовать, как главное зло пожаров, варку самогонки и пива, а также разведение костров вблизи сараев… Воспрещается в селах и деревнях топка бань, сушилок и овинов без осмотра таковых не реже одного раза в месяц представителями пожарных организаций» [4. Л. 3].

Одним из основополагающих документов, регламентирующих деятельность добровольных пожарных дружин (ДПД), является принятое в марте 1921 г. «Положение об организации ДПД». В положении были определены правила и порядок назначения дружин, их финансирования, социальные гарантии дружинникам и членам их семей в случае получения увечья, болезни, инвалидности или смерти в связи с исполнением возлагаемых на них обязанностей. Равным образом предоставлялось право и на возмещение личных имущественных убытков, понесенных во время работы на пожарах или учениях.

Нельзя недооценивать роль местных органов власти, именно на них легла вся тяжесть разрешения текущих проблем на местах, когда не было четких инструкций по решению каждого вопроса и им приходилось действовать по обстоятельствам [13. С. 103].

За время Гражданской войны пожарное дело в сельской местности было совершенно заброшено всеми административными органами, оно находилось в самых плачевных условиях: пожарные сараи разваливались, там, где раньше были пожарные машины, теперь их совершенно не осталось или они были не пригодны к применению. Полностью отсутствовал мелкий пожарный инструмент.

Особо нужно отметить уровень квалификации кадрового корпуса властных структур, которые, как правило, формировались за счет наиболее активных и грамотных представителей местного населения. Чаще всего это были отставные солдаты, прошедшие фронты Первой мировой войны, или активные участники Гражданской войны [13. С. 125].

Профессионализация противопожарной охраны населенных пунктов, особенно сельских, являлась одной из насущных задач, поскольку пожаром в корне подрывалось благосостояние и без того экономически слабой чувашской деревни. Между тем, если в прежние времена, до войны и революции, в деревнях Чувашии пожарное дело оставляло желать лучшего, то в 1920-х гг. здесь складывалась крайне неблагоприятная ситуация.

Из доклада Председателя Исполнительного комитета Советов ЧАО И. Илларионова в Главное управление Государственного страхования 24.10.1924 г. известно, что «Случись пожар, население окажется беспомощным в борьбе против огненной стихии. Произвести ремонт пожарных обозов население ЧАО, после пережитого небывалого голода, самостоятельно не в состоянии» [7].

В довоенное время почти в каждом селении имелась ручная пожарная машина, хотя и не в каждом пожарном обозе. Теперь же на 1825 селений в рабочем состоянии имелось всего 465 ручных машин и 262 неисправных, требовавших ремонта, да и 465 машин, находящихся в исправном состоянии, являлись таковыми с большой оговоркой, так как шланги для них приобретались не менее 10 лет тому назад [8]. От пожарных обозов не осталось и воспоминаний. Добровольные пожарные дружины, если где и возникали, то практического значения не имели, так как у них не было никакого оборудования.

Важно отметить, что с количеством пожаров в Чувашии дело обстояло плохо, динамика их возникновения ежегодно росла. С 1 октября 1922 г. по 1 октября 1923 г. было 79 пожаров, которые уничтожили 265 дворов; за тот же период 1923–1924 гг. – 187 пожаров, уничтожено 569 дворов. С 1 октября 1924 г. по 1 августа 1925 г. произошло 320 пожаров, уничтожено 993 двора [9]. Общее количество пожаров в 1926 г. в РСФСР возросло и превысило 75,4 тыс.

Такое количество пожаров в Чувашии и в целом по России требовало от руководства региона и страны принять ряд экстренных мер в деле повышения пожарной безопасности деревни. Так, по утвержденному плану ЦИК ЧАССР на противопожарные мероприятия 1926–1927 гг. были предусмотрены средства в сумме 122 000 руб., несмотря на то, что местный бюджет мог выделить только 8000 руб., т.е. – 6,55%, остальное – дотации из центра в виде безвозвратного пособия на чрезвычайные расходы республики и на мероприятия по охране сельских населенных пунктов ЧАССР.

Для усиления борьбы с пожарами в рамках государства НКВД принял ряд важных мероприятий. В мае 1926 г. Всероссийское совещание пожарных обсудило вопросы улучшения пожарной безопасности, предложив правительству проект Положения «Об органах государственного пожарного надзора в РСФСР», который и был утвержден постановлением ВЦИК и СНК РСФСР 18 июня 1927 г. [1. С. 133].

В документе указывалось, что руководство пожарной охраны на территории РСФСР осуществляется НКВД РСФСР и НКВД автономных республик, также Положением устанавливался порядок образования местных органов пожарного надзора. Положение определяло функции права и обязанности работников Государственного пожарного надзора (ГПН). Им предоставлялось право самостоятельно производить дознание по пожарам и рассматривать дела о нарушении правил пожарной безопасности. Это поднимало авторитет работников пожарной охраны и, следовательно, способствовало более глубокому изучению причин нарушений противопожарного режима, а также принятию наиболее эффективных мер по предупреждению пожаров [2. С. 81].

Таким образом, из приведенного материала можно сделать вывод о том, что к концу 1927 г. в РСФСР в сложных экономических условиях правительством нового государства были определены основные направления развития противопожарной службы на принципах единоначалия. Процесс формирования пожарной охраны республики также был неразделимо связан с развитием пожарного дела в России. Однако, давая оценку деятельности местным органам власти в первые годы их существования, нужно отметить, что развитие службы шло медленно. Сказывались такие факторы, как отсутствие людей с достаточным уровнем образования, слабое материально-техническое обеспечение, низкий уровень грамотности населения. Следовательно, накопленный опыт руководства республики в дальнейшем должен был быть направлен на повышение боеготовности и мобильности добровольных пожарных и создание на территории Чувашии боеспособной профессиональной противопожарной службы.

Литература

1. *Абрамов В.А., Сметанин В.Ф.* История пожарной охраны. Философско-методологические проблемы пожарной безопасности. М.: Академия ГПС МЧС России, 2012.

2. *Антонов С.Ю., Ситка И.В., Сурьянинова Е.П.* История пожарной охраны и МЧС. Чебоксары: Чуваш. гос. пед. ун-т, 2012. С. 81.

3. Архив Ядринского районного краеведческого музея Чувашской Республики.

4. Государственный исторический архив Чувашской Республики (далее – ГИА ЧР). Ф. Р-63. Оп. 1. Д. 51.
5. ГИА ЧР. Ф. Р-63. Оп. 1. Д. 52. Л. 18.
6. ГИА ЧР. Ф.Р.-81. Оп. 1. Д. 3380.
7. ГИА ЧР. Ф. Р-147. Оп. 1. Д. 244. Л. 5.
8. ГИА ЧР. Ф. Р.-147. Оп. 1. Д. 244. Л. 29.
9. ГИА ЧР. Ф. Р-238. Оп. 1. Д. 449.
10. Декреты Советской власти. Т. II. 17 марта – 10 июля 1918 г. М.: Госполитизд, 1959.
11. *Криков И.В.* На линии огня. Чебоксары: Новое время, 2014.
12. *Минеева Е.К., Минеев А.И.* Техническое перевооружение промышленности стройматериалов Чувашии в 1957–1989 гг. // Ученые записки. Чебоксары: МГТИП, 2006. С. 52–58.
13. *Минеева Е.К., Ратникова А.Р.* Деятельность волисполкомов на территории Чувашии в 1917–1927 гг.: исторический опыт и уроки. Чебоксары: Новое время, 2011.
14. *Назин В.В.* История пожарной охраны России. СПб.: ГИП-искусство России, 2003.
15. *Савельев П.С., Малков В.И.* Пожарные добровольцы России в фотографиях, документах и воспоминаниях / под ред. С.И. Груздь. М.: ИД ВДПО, 2010.
16. *Сенчук О.В.* Организация и эволюция противопожарной службы на территории Центрально-Черноземного региона в 1917–1941 гг.: автореф. … дис. канд. ист. наук. Курск, 2011. 11 с.
17. Собрание законодательства РФ. 1994. № 35. Ст. 3649.

БАРАМАТОВ АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ – соискатель ученой степени кандидата исторических наук, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (forbai@mail.ru).

A. BARAMATOV

DEVELOPMENT OF FIRE-FIGHTING SERVICE OF CHUVASHIA IN 1920–1927

Key words: *fire service, fire fighting, fire prevention, fire fighting equipment, voluntary fire guard, State Fire Control Service.*

The article briefly describes developmental history of the fire-fighting service in the Chuvash Republic in the 1920s. It examines historical features of the region, reasons and grounds for creating the fire-fighting service in Chuvashia, the facts that influenced developmental transformation of the fire-fighting service in the period under investigation. On the basis of the sources studied the author comes to the conclusion that development of modern cities and settlements in the region posed an increasing number of new tasks for the firefighting service in improving methods of saving people and property from fires, as well as in shortening the time for its arrival. At the same time, the article characterizes issues that had not been earlier studied by researchers, revealing the causes of problems that firefighters had to face in the 1920s before authorities of State Fire Control Service in the RSFSR in 1927 were created.

References

1. Abramov V.A., Smetanin V.F. *Istoriya pozharnoi okhrany. Filosovsko-metodologicheskie problemy pozharnoi bezopasnosti* [History of fire protection. Philosophical and methodological problems of fire safety]. Moscow, 2012.
2. Antonov S.Yu., Sitka I.V., Sur'yaninova E.P. *Istoriya pozharnoi okhrany i MChS* [History of fire protection and emercom of Russia]. Cheboksary, Chuvash State Pedagogical University Publ., 2012, 81 p.
3. *Arhiv Yadrinskogo raionnogo kraevedcheskogo muzeya Chuvashskoi Respubliki* [Archives of the Yadrinsky Regional Museum of Local History of the Chuvash Republic].
4. *Gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Chuvashskoi Gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Chuvashskoi Respubliki. Fond R-63. Opis' 1. Dokument 51* [State Historical Archives of the Chuvash Republic. Archives R-63. Anagraph 1. Document 51].
5. *Gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Chuvashskoi Gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Chuvashskoi Respubliki. Fond R-63. Opis' 1. Dokument 52. List 18* [State Historical Archives of the Chuvash Republic. Archives R-63. Anagraph 1. Document 52. P. 18].
6. *Gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Chuvashskoi Gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Chuvashskoi Respubliki. Fond R-81. Opis' 1. Dokument 3380* [State Historical Archives of the Chuvash Republic. Archives R-81. Anagraph 1. Document 3380].
7. *Gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Chuvashskoi Gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Chuvashskoi Respubliki. Fond R-147. Opis' 1. Dokument 244. List 5* [State Historical Archives of the Chuvash Republic. Archives R-147. Anagraph 1. Document 244. P. 5].

8. *Gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Chuvashskoi Gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Chuvashskoi Respubliki. Fond R-147. Opis' 1. Dokument 244. List 29* [State Historical Archives of the Chuvash Republic. Archives R-147. Anagraph 1. Document 244. P. 29].

9. *Gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Chuvashskoi Gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Chuvashskoi Respubliki. Fond R-238. Opis' 1. Dokument 449* [State Historical Archives of the Chuvash Republic. Archives R-238. Anagraph 1. Document 449].

10. *Dekrety Sovetskoi vlasti. T. 2. 17 marta – 10 iyulya 1918* [The decrees of the Soviet power. Vol. 2. 17 March – 10 July 1918]. Moscow, Gospolitizd Publ., 1959.

11. Krikov I.V. *Na linii ognya* [On the line of fire]. Cheboksary, Novoe vremya Publ., 2014.

12. Mineeva E.K., Mineev A.I. *Tekhnicheskoe perevooruzhenie promyshlennosti stroimaterialov Chuvashii v 1957–1989 gg.* [Technical re-equipment of the building industry of Chuvashia in 1957–1989]. *Uchenye zapiski* [Scientific notes]. Cheboksary, 2006, pp. 52–58.

13. Mineeva E.K., Ratnikova A.R. *Deyatel'nost' volispolkomov na territorii Chuvashii v 1917–1927: istoricheskii opyt i uroki* [The activities of volost executive committees in the territory of Chuvashia in 1917–1927: historical experience and lessons]. Cheboksary, Novoe vremya Publ., 2011.

14. Nazin V.V. *Istoriya pozharnoi okhrany Rossii* [History of the Russian Fire Department]. St. Petersburg, 2003.

15. Gruzd' S.I., ed.; Savel'ev P.S., Malkov V.I. *Pozharnye dobrovol'tsy Rossii* [Rassian fire volonteers]. Moscow, 2010.

16. Senchuk O.V. *Organizatsiya i evolyutsiya protivopozharnoi sluzhby na territorii Tsentral'no-Chernozemnogo regiona v 1917–1941: avtoref. … dis. kand. ist. nauk* [Organization and evolution of the fire service on the territory of the Central Black Earth region in 1917–1941. Abstract of Doct. Diss.]. Kursk, 2011, 11 p.

17. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federacii* [Collection of Legislation of the Russian Federation], 1994, no. 35, article 3649.

BARAMATOV ALEXANDR – Aspirant Candidate of Historical Sciences, Chuvash State University, Russia, Cheboksary (forbai@mail.ru).

Формат цитирования: *Бараматов А.И.* Развитие противопожарной службы Чувашии в 1920–1927 годах // Вестник Чувашского университета. – 2018. – № 2. – С. 25–30.

УДК 391:316(470.344)
ББК С 545.1(2Рос.Чув.)

И.И. БОЙКО, А.П. ДОЛГОВА, В.Г. ХАРИТОНОВА

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ПРЕДПОЧТЕНИЯ, РОДНЫЕ ЯЗЫКИ НАСЕЛЕНИЯ ЧУВАШИИ*

***Ключевые слова**: этнокультурное многообразие, общегражданская идентичность, сложные этнические идентичности, культурные ценности, родные языки.*

В статье на основе анализа материалов социологических обследований рассмотрены мнения представителей двух основных по численности этнических групп населения Чувашии – чувашей и русских – о различных аспектах этнокультурного взаимодействия в республике. Использованы материалы мониторинговых обследований 2015 и 2017 гг., проведенных Чувашским государственным институтом гуманитарных наук по заказу Министерства культуры, архивного дела и по делам национальностей Чувашской Республики. Рассмотрены элементы духовной и материальной культуры, в той или иной степени отражающие представления о коллективной идентичности чувашей и русских. Обращено внимание на различия в иерархии интегрирующих этнокультурных ценностей, в первую очередь на место в ней родного языка, а также на такие факторы, как национальные обычаи, обряды, религия, историческое прошлое. Предложены объяснения таких различий. Показано восприятие общегражданской идентичности – российской нации – с точки зрения ее потенциального воздействия на национальную самобытность отдельных народов. Определены различия и сходства в этих оценках у представителей обеих этнических групп. Выявлен уровень распространения сложных этнических и языковых идентичностей. Определено, что выбор родного языка не всегда основывается на уровне его знания, нередко причиной такого определения становится этническая принадлежность личности.

Сохранение и развитие этнокультурных особенностей российских народов является важной задачей государственной национальной политики Российской Федерации[1]. Их материальные и духовные особенности изучаются как с точки зрения углубления теоретических знаний, так и в аспекте решения прикладных задач.

Чувашским государственным институтом гуманитарных наук в октябре – начале ноября 2017 г. был проведен опрос населения республики по проблеме «Современное состояние этнокультурного развития и межнациональных отношений в Чувашской Республике». Обследование проводилось как мониторинговое по договору с Министерством культуры, по делам национальностей и архивного дела Чувашской Республики. Изучение этнокультурных проблем и межэтнических отношений институтом осуществляется на регулярной основе с 2009 г. путем опроса 600 жителей республики. Материалы подобных обследований активно используются как в научных целях, так и для принятия конкретных решений государственными органами. Особенно эта ситуация актуализировалась после 22 октября 2013 г., когда в Федеральный закон от 6 октября 1999 г. № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов

* Статья написана при поддержке гранта РФФИ 17-29-09152 «Русский язык, языки народов России и российская идентичность: антропологические подходы к изучению языковой ситуации и этнокультурной политики».

[1] Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года: утв. Указом Президента РФ от 19.12.2012 г. № 1666 [Электронный ресурс] // Президент России: офиц. сайт. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/search?title.

Российской Федерации» были внесены изменения, согласно которым в сферу полномочий органов государственной власти субъектов федерации и муниципального управления отнесены межнациональные и межконфессиональные отношения[1]. С этой точки зрения большое значение имеют и другие исследования, проводимые в республике в рамках деятельности Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов, а также Распределенного научного центра межнациональных и межрелигиозных проблем. Из последних результатов отметим экспертный доклад «Этнокультурное содержание образования, российская идентичность и гражданское согласие в Приволжском федеральном округе», увидевший свет в 2017 г. [12]. В нем размещены материалы из 10 субъектов Приволжского федерального округа, в которых исследуются вопросы, прямо или косвенно имеющие отношение к изучаемой нами проблеме, в том числе: из республик Башкортостан [5], Марий Эл [9], Мордовия [7], Татарстан [2], Оренбургской [1], Самарской [8], Саратовской областей [6], Пермского края [11], Удмуртской [4] и Чувашской [3] республик, а также ПФО в целом [10]. Они дают значительные возможности для сравнительного анализа, выяснения общих закономерностей и особенностей реализации государственной национальной политики в различных регионах страны.

В 2017 г. в исследовании приняли участие 606 респондентов – жители 7 городов и 18 сельских населенных пунктов. Доля горожан составила 56,4%, жителей сельских населенных пунктов – 46,6%. На мужчин приходилось 45%, женщин – 55%. Возрастное распределение выглядело следующим образом: 18–29 лет – 22,4%; 30–59 лет – 54,8% и 60 лет и более – 22,8%. Среди респондентов почти две трети составляли чуваши (65%), чуть менее четверти – русские (22,9%), на татар пришлось 3,5%, на мордву – 0,8%, на марийцев – 0,5%. Кроме того, 1,4% опрошенных составили удмурты, казахи и представители других национальностей. Но это еще не весь «набор» национальностей, и необходимо добавить следующее. Нам уже неоднократно приходилось отмечать, что некоторые респонденты считают себя лицами со сложной этнической идентичностью. Иначе говоря, человек заявляет о себе, например, как о русском и чуваше одновременно. Могут быть и другие сочетания, например русский и мордвин, татарин и чуваш и т.д. В нашем случае тех, кто выбрал сочетание русский и чуваш, оказалось 5,8%. В условиях, когда национальная принадлежность за каждым человеком закреплялась официально, в первую очередь в паспорте, других документах, такое явление не могло возникнуть. В то же время межнациональные браки были достаточно распространенными, и дети в таких семьях могли чувствовать себя представителями двух культур, но официально такие идентичности не могли быть выражены. В настоящее время ситуация изменилась, при этом отметим, что частота выбора сложных этнических идентичностей зависит от формулировки вопроса, наличия подсказки о том, что можно не ограничиваться только одной национальностью. Например, в 2014 г. в ходе опроса выявлено 1,9% лиц со сложной

[1] О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части определения полномочий и ответственности органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления и их должностных лиц в сфере межнациональных отношений: Фед. закон от 22.10.2013 г. № 284-ФЗ [Электронный ресурс] // Президент России: офиц. сайт. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/37720.

идентичностью. Вопрос был сформулирован следующим образом: «Ваша национальность?». Далее никаких разъяснений не следовало. В 2015 и 2017 гг. после вопроса шло разъяснение «можно указать не один ответ». В 2015 г. среди всех опрошенных доля лиц со сложной этнической идентичностью составляла 6,4%, в 2017 г. – 6,9%. Кроме отмеченной двойной самоидентификации (чуваш и русский) имелись и такие сочетания, как русские+мордва, русские+марийцы, русские+украинцы, русские+грузины, чуваши+армяне. Один респондент идентифицировал себя чувашом, русским и татарином. Вполне допустимо предположение, что разъяснения в анкетах увеличивают выбор двойных, а иногда и тройных идентичностей на 3-4 процентных пункта. Поэтому закономерно возникает вопрос о допустимости подобных подсказок, в том числе и с точки зрения оказания давления на респондентов. Проблема неоднозначная, но отметим, что, на наш взгляд, российские граждане в большинстве своем полагают, что человек может иметь только одну этническую идентичность, в первую очередь в силу традиций, ставших официальными в советское время. Как известно, в настоящее время в официальных документах национальность не записывается. Полагаем, что разъяснение не обязывает «придумывать» сложную идентичность, а только дает возможность зафиксировать реальную ситуацию. Но выявление уровня влияния различных формулировок вопросов на этническую самоидентификацию представляет научный и прикладной интерес.

В целом, по традиционным демографическим и поселенческим распределениям состав лиц, попавших в выборку, соответствует данным государственной статистики. Отметим также, что в силу ограниченной выборки материалы опроса дают возможность вести речь о культурных особенностях только чувашей и русских. К сожалению, малочисленность татар, мордвы, марийцев, участвующих в опросе, не дает возможности для того, чтобы говорить об их этнокультурных проблемах на основе данных обследования.

Интеграторами культурного потенциала народов выступают факторы, которые в представлениях граждан имеют разное значение, при этом отмечены свои особенности у чувашей и русских (табл. 1).

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос «Скажите, что из перечисленного сближает Вас с людьми Вашей национальности, Вашим народом»? (2017), %

Варианты ответов	Всего	В том числе	
		чуваши	русские
Общая земля, территория	44,7	44,8	49,3
Национальный (родной) язык	58,7	70,1	31,2
Национальная одежда, жилище, пища	5,0	4,8	4,2
Национальные обычаи, привычки, обряды	32,3	35,9	20,1
Народное творчество, сказки, песни, предания	11,1	12,7	8,3
Религия	14,0	10,9	20,1
Историческая судьба, прошлое	28,7	26,8	38,2
Национальная литература и профессиональная культура	6,4	8,1	2,8
Черты характера, психология	13,2	14,7	11,1
Внешний облик	4,1	3,3	2,8
Это сложно выразить словами, трудноуловимое чувство	12,2	10,9	16,7
Ничто не сближает	1,3	0,3	2,8
Иное	0,8	0,3	2,1

Примечание. Можно было выбрать до трех вариантов.

По частоте выборов на первом месте в качестве этнического маркера оказался национальный (родной) язык, далее среди наиболее часто выбираемых шли общая земля, территория; национальные обычаи, привычки, обряды; историческая судьба, прошлое. Если рассмотреть ответы чувашей и русских, то окажется, что приоритеты меняются, и это видно из данных табл. 1. Если для чувашей родной язык в еще большей степени значим как фактор принадлежности к своему этносу сравнительно со всем массивом опрошенных, то для русских он оказался на третьем месте по частоте выбора.

В данном случае можно предположить, что для чувашей язык является самым важным отличительным элементом не только с точки зрения коммуникационных возможностей и необходимости для сохранения культурных традиций, но и в связи с необходимостью мобилизации для сохранения самого языка. В условиях постоянных дискуссий о возможности его развития, необходимости расширения сфер использования и т.д. такие настроения имеют место среди значительного числа чувашей, в первую очередь среди интеллигенции.

Для русских в условиях России, где «их» язык является государственным, такой проблемы практически нет, его функционирование во всех сферах деятельности представляется естественным и не внушает опасений. Заметное отставание русских по частоте выбора такого элемента культуры, как национальные обряды, традиции и т.п., скорее всего, определяется их слабым знанием и соблюдением в быту. Следует также отметить, что историческая судьба, прошлое в большей степени важны для русских в качестве этнических атрибутов. Вполне возможно, что этот факт во многом определяется многочисленными дискуссиями о судьбе России, некоторым противопоставлением различных исторических эпох, событий, личностей.

В ходе опроса мы стремились выявить мнение респондентов о влиянии концепта российской нации на этнические культуры. Данные сведены в табл. 2.

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос:
«Как Вам кажется, пропаганда общегражданской российской идентичности будет мешать или уже мешает сохранению в стране традиционных культур и языков (русской, татарской, чувашской и др.)?», %

Варианты ответов	2015, всего	2017, всего	2015, в том числе		2017, в том числе	
			чуваши	русские	чуваши	русские
Да	12,4	10,4	14,1	6,5	12,9	4,9
Нет	56,5	57,9	50,0	72,2	53,1	67,4
Затрудняюсь ответить	31,1	31,8	35,9	21,3	34,0	27,7

Как видим, только каждый восьмой-десятый полагает, что пропаганда общегражданской российской идентичности отрицательным образом скажется на культурах других, менее малочисленных, чем русский, народов. Почти 60% убеждены, что такого воздействия нет. Следует также отметить, что затруднилась ответить почти треть опрошенных. На наш взгляд, это значительная доля, и ее величина свидетельствует, что многие граждане понимают российскую нацию не как гражданскую, политическую конструкцию, а как этнокультурную, имеющую такое же содержание, как этнокультура других народов. Отсюда – ее якобы потенциальная опасность для «своих» национальностей. С этой точки зрения показательны мнения чувашей и русских. Первые в большей степени воспринимают пропаганду российской нации как угрозу для традиционной куль-

туры, но все-таки дистанция не вызывает серьезных опасений. Еще следует обратить внимание на то, что чуваши чаще, чем русские, затруднились дать определенный ответ, что свидетельствует в пользу необходимости более последовательного разъяснения содержания такого понятия, как «российский народ», и постоянного разъяснения об отсутствии угрозы для «местных» культур.

Если же вести речь об озабоченности участников опроса сохранением национальных культур, самобытности народов, то о реальной опасности в этом направлении в 2015 г. говорил каждый двенадцатый человек, в 2017 г. – каждый седьмой (табл. 3). Но в большинстве своем респонденты полагают, что если опасность и существует, то ее масштабы преувеличены или же никакой опасности нет. Включение в анализ таких факторов, как возраст, место проживания и национальность, показывает, что в данном случае в качестве наиболее заметного разделителя в этом вопросе является национальность.

Таблица 3

Распределение ответов на вопрос: «Существует ли в Чувашии опасность для представителей Вашей национальности утратить национальную самобытность (язык, культуру)?», %

Варианты ответов	2015, всего	2017, всего	2015, в том числе		2017, в том числе	
			чуваши	русские	чуваши	русские
Существует реальная опасность	8,7	15,4	12,8	1,8	21,6	2,1
Опасность существует, но не стоит ее преувеличивать	28,8	28,1	34,7	17,1	32,0	18,2
Никакой опасности нет	30,3	32,6	18,3	48,2	27,4	45,5
Никогда не задумывался об этом	32,2	23,9	34,2	32,9	19,0	34,2

Например, о реальной опасности заявили 21,6% чувашей и 2,1% русских. Кроме того, 32 и 18,2%, соответственно, отметили, что опасность существует, но не стоит ее преувеличивать. Русские гораздо чаще утверждают, что никакой опасности для национальной самобытности, языка нет. На фоне таких данных понятна озабоченность многих активистов чувашского национального движения, связанная как раз с сохранением традиционной культуры.

Особое место в таких дискуссиях занимают проблемы сохранения и функционирования национальных языков, в Чувашии, прежде всего, чувашского. Активны обсуждения и ситуации с языком в местах компактного проживания этноса за пределами республики. В ходе опроса 2017 г. 42,2% респондентов ответили, что их родным языком является чувашский, 34,3% – русский, 2,3% – татарский, по 0,3% – мордовский и марийский. При опросе 2015 г. данные о родных языках были практически такими же: чувашский выбрали 42,2%, русский – 35,7%, татарский – 2,4%. Мордовский и марийские языки набрали в сумме 0,5%. Во-первых, отметим, что даже эти цифры свидетельствуют о том, что родные языки респондентов не всегда совпадают с их этнической принадлежностью. В первую очередь это относится к чувашскому языку, поскольку доля чувашей, участвующих в опросе, составляла 65% всего массива, т.е. была более чем на 20 процентных пунктов больше удельного веса тех, для кого родным был чувашский язык.

Во-вторых, заметную часть составляли те, для кого родными были два, в одном случае – три языка. Всего таковые составили 20,3%, и понятно, что наиболее часто встречающимся сочетанием были русский и чувашский язы-

ки. Они были названы родными в 18,3% случаев. Кроме того, 1% приходился на русский и татарский языки, еще 1% – это сочетания русского с мордовским, марийским и удмуртским языками. Как отмечалось выше, отмечен и один случай, когда родными оказались русский, татарский и чувашский языки. Данные результаты подтверждают материалы ряда других исследований, в которых зафиксировано родное двуязычие у 17–20% респондентов, а среди молодежи эта цифра еще заметнее.

Рассмотрим далее зависимости родных языков от этнической принадлежности жителей Чувашии (см. табл. 4). В таблице приведем сведения и о языках лиц со сложной идентичностью, но только о тех из них, кто идентифицирует себя как русским, так и чувашом одновременно. По остальным идентичностям трудно делать какие-либо выводы из-за их малой численности, оказавшейся в выборке.

Таблица 4

Родные языки респондентов в зависимости от их этнической принадлежности (2017, %)

Национальности респондентов	Родные языки			
	русский	чувашский	русский и чувашский	другие
Русские	97,2	-	1,4	1,4
Чуваши	12,7	64,1	23,2	-
Русские+чуваши	42,9	8,6	48,6	-

Понятно, что для абсолютного большинства русских родным является русский язык. Буквально единичные определения в таком качестве чувашского или русского и чувашского одновременно свидетельствуют в большей мере не столько о владении этническими русскими чувашским языком, а о том, что некоторые чуваши идентифицируют себя в качестве русских. Среди чувашей чуть менее двух третей родным назвали чувашский и почти четверть определила в качестве такового сочетание русского и чувашского языков. Наконец, группа со сложной этнической идентичностью практически разделилась на три части по такому основанию, как родной язык, две близкие по количественному значению и одну – гораздо меньшую. Отметим далее, что нередки случаи, когда люди, определившие в качестве родного тот или иной язык, нередко владеют им недостаточно свободно или совсем не владеют. В этом случае выбор языка определялся не уровнем его знания, а этничностью. Иначе говоря, если лицо считает себя чувашом, марийцем, то и родной язык, по его мнению, соответственно, должен быть чувашским или марийским.

Представленные данные свидетельствуют о наличии в этнокультурном самоопределении жителей Чувашии новых явлений. Речь идет о сложных этнических идентичностях, наличии не одного, а двух, в некоторых случаях и трех родных языков. Существуют разные, иногда противоположные представления об общегражданской идентичности и ее влиянии на традиционные культурные ценности.

Литература

1. *Амелин В.В., Виноградова Э.М.* Общероссийская культура и ее разнообразие – ключевая идея гуманитарного образования // Этнокультурное содержание образования, российская идентичность и гражданское согласие в Приволжском федеральном округе. Экспертный доклад / ред. В.А. Тишков, В.С. Воронцов, В.В. Степанов. М.; Оренбург; Ижевск: Ин-т компьютерных исследований, 2017. С. 50–59.

2. *Беляков Р.Ю., Козлов В.Е.* Общественные потребности в этнокультурном и языковом образовании // Этнокультурное содержание образования, российская идентичность и гражданское согласие в Приволжском федеральном округе. Экспертный доклад / ред. В.А. Тишков, В.С. Воронцов, В.В. Степанов. М.; Оренбург; Ижевск: Ин-т компьютерных исследований, 2017. С. 95–108.

3. *Бойко И.И., Долгова А.П., Харитонова В.Г*. Мнение школьников и студентов Чувашии о межэтнических отношениях и практичности этнокультурной политики // Этнокультурное содержание образования, российская идентичность и гражданское согласие в Приволжском федеральном округе. Экспертный доклад / ред. В.А. Тишков, В.С. Воронцов, В.В. Степанов. М.; Оренбург; Ижевск: Ин-т компьютерных исследований, 2017. С. 127–147.

4. *Воронцов В.С., Касимов Р.Н., Черниенко Д.А.* Языковая политика в вопросах воспитания гражданственности школьников и студентов Удмуртии // Этнокультурное содержание образования, российская идентичность и гражданское согласие в Приволжском федеральном округе. Экспертный доклад / ред. В.А. Тишков, В.С. Воронцов, В.В. Степанов. М.; Оренбург; Ижевск: Ин-т компьютерных исследований, 2017. С. 109–126.

5. *Габдрафиков И.М.* Язык и этническая культура в школах Башкирии: проблема общественного восприятия // Этнокультурное содержание образования, российская идентичность и гражданское согласие в Приволжском федеральном округе. Экспертный доклад / ред. В.А. Тишков, В.С. Воронцов, В.В. Степанов. М.; Оренбург; Ижевск: Ин-т компьютерных исследований, 2017. С. 11–20.

6. *Лиценбергер О.А.* Идея равноправия культур в школьном и вузовском преподавании и профилактика радикализма // Этнокультурное содержание образования, российская идентичность и гражданское согласие в Приволжском федеральном округе. Экспертный доклад / ред. В.А. Тишков, В.С. Воронцов, В.В. Степанов. М.; Оренбург; Ижевск: Ин-т компьютерных исследований, 2017. С. 82–94.

7. *Мартыненко А.В.* Культурные реалии в полиэтнической школе. Проблемы преодоления нетерпимости // Этнокультурное содержание образования, российская идентичность и гражданское согласие в Приволжском федеральном округе. Экспертный доклад / ред. В.А. Тишков, В.С. Воронцов, В.В. Степанов. М.; Оренбург; Ижевск: Ин-т компьютерных исследований, 2017. С. 32–49.

8. *Мухаметшина Н.С.* Этнические и конфессиональные различия в самарской учебной среде с точки зрения педагогов и учащихся // Этнокультурное содержание образования, российская идентичность и гражданское согласие в Приволжском федеральном округе. Экспертный доклад / ред. В.А. Тишков, В.С. Воронцов, В.В. Степанов. М.; Оренбург; Ижевск: Ин-т компьютерных исследований, 2017. С. 69–81.

9. *Орлова О.В.* Межгрупповые отношения как результат функциональности национальных языков в образовательной среде // Этнокультурное содержание образования, российская идентичность и гражданское согласие в Приволжском федеральном округе. Экспертный доклад / ред. В.А. Тишков, В.С. Воронцов, В.В. Степанов. М.; Оренбург; Ижевск: Ин-т компьютерных исследований, 2017. С. 21–31.

10. *Степанов В.В.* Этнокультурные потребности в школах и вузах Приволжского федерального округа // Этнокультурное содержание образования, российская идентичность и гражданское согласие в Приволжском федеральном округе. Экспертный доклад / ред. В.А. Тишков, В.С. Воронцов, В.В. Степанов. М.; Оренбург; Ижевск: Ин-т компьютерных исследований, 2017. С. 148–155.

11. *Черных А.В., Каменских М.С.* Интерес учащихся к предметам этнокультурной направленности и региональному контексту // Этнокультурное содержание образования, российская идентичность и гражданское согласие в Приволжском федеральном округе. Экспертный доклад / ред. В.А. Тишков, В.С. Воронцов, В.В. Степанов. М.; Оренбург; Ижевск: Ин-т компьютерных исследований, 2017. С. 60–68.

12. Этнокультурное содержание образования, российская идентичность и гражданское согласие в Приволжском федеральном округе. Экспертный доклад / ред. В.А. Тишков, В.С. Воронцов, В.В. Степанов. М.; Оренбург; Ижевск: Ин-т компьютерных исследований, 2017. 158 с.

БОЙКО ИВАН ИВАНОВИЧ – доктор исторических наук, профессор кафедры документоведения, архивоведения и вспомогательных исторических дисциплин, Чувашский государственный университет; главный научный сотрудник, Чувашский государственный институт гуманитарных наук, Россия, Чебоксары (boyko2003@yandex.ru).

ДОЛГОВА АЛЕВТИНА ПЕТРОВНА – кандидат филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Чувашский государственный институт гуманитарных наук, Россия, Чебоксары (enzenz@ya.ru).

ХАРИТОНОВА ВАЛЕНТИНА ГРИГОРЬЕВНА – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, Чувашский государственный институт гуманитарных наук, Россия, Чебоксары (val1957@rambler.ru).

I. BOYKO, A. DOLGOVA, V. CHARITONOVA

ETHNOCULTURAL PREFERENCES, NATIVE LANGUAGES OF CHUVASHIA POPULATION

Key words: *ethnocultural diversity, national identity, complex ethnic identities, cultural values, native languages.*

The views of two main ethnic groups' representatives in the population of the Chuvash Republic – the Chuvash and the Russians on various aspects of ethnocultural interaction in the Republic basing on analysis of sociological surveys' materials are shown in the article. The materials of monitoring surveys of 2015 and 2017, conducted by the Chuvash State Institute of Humanities by the order of the Ministry of Culture, Archives and nationalities of the Chuvash Republic were used. The elements of spiritual and material culture, reflecting to some extent the ideas of collective identity of the Chuvash and the Russians, were examined. Special attention is paid to differences in the hierarchy of integrating ethnocultural values, first of all, to the place of the native language in it, as well as to such factors as national customs, rituals, religion, historical past. Explanations of such differences are offered. Perception of general civil identity – the Russian nation – from the point of view of its potential impact on the national identity of individual nations is shown. Differences and similarities in these estimates in representatives of both ethnic groups are defined. Prevalence of complex ethnic and linguistic identities is revealed. It is determined that the choice of the native language is not always based on the level of its knowledge; often the reason for this decision is the ethnicity of the individual.

References

1. Amelin V.V., Vinogradova E.M. *Obshcherossiiskaya kul'tura i ee raznoobrazie – klyuchevaya ideya gumanitarnogo obrazovaniya* [All-Russian culture and its diversity is the key idea of humanitarian education]. In: Tishkov V.A., Vorontsov V.S., Stepanov V.V., eds. *Etnokul'turnoe soderzhanie obrazovaniya, rossiiskaya identichnost' i grazhdanskoe soglasie v Privolzhskom federal'nom okruge. Ekspertnyi doklad* [Ethno-cultural content of education, Russian identity and civic accord in the Volga Federal district. Expert report]. Moscow, Orenburg, Izhevsk, 2017, pp. 50–59.

2. Belyakov R.Yu., Kozlov V.E. *Obshchestvennye potrebnosti v etnokul'turnom i yazykovom obrazovanii* [Social needs in ethno-cultural and language education]. In: Tishkov V.A., Vorontsov V.S., Stepanov V.V., eds. *Etnokul'turnoe soderzhanie obrazovaniya, rossiiskaya identichnost' i grazhdanskoe soglasie v Privolzhskom federal'nom okruge. Ekspertnyi doklad* [Ethno-cultural content of education, Russian identity and civic accord in the Volga Federal district. Expert report]. Moscow, Orenburg, Izhevsk, 2017, pp. 95–108.

3. Boiko I.I., Dolgova A.P., Kharitonova V.G. *Mnenie shkol'nikov i studentov Chuvashii o mezhetnicheskikh otnosheniyakh i praktichnosti etnokul'turnoi politiki* [The opinion of students of the Chuvash Republic on interethnic relations and ethnocultural policy of practicality]. In: Tishkov V.A., Vorontsov V.S., Stepanov V.V., eds. *Etnokul'turnoe soderzhanie obrazovaniya, rossiiskaya identichnost' i grazhdanskoe soglasie v Privolzhskom federal'nom okruge. Ekspertnyi doklad* [Ethno-cultural content of education, Russian identity and civic accord in the Volga Federal district. Expert report]. Moscow, Orenburg, Izhevsk, 2017, pp. 127–147.

4. Vorontsov V.S., Kasimov R.N., Chernienko D.A. *Yazykovaya politika v voprosakh vospitaniya grazhdanstvennosti shkol'nikov i studentov Udmurtii* [Language policy in education of citizenship of pupils and students of Udmurtia]. In: Tishkov V.A., Vorontsov V.S., Stepanov V.V., eds. *Etnokul'turnoe soderzhanie obrazovaniya, rossiiskaya identichnost' i grazhdanskoe soglasie v Privolzhskom federal'nom okruge. Ekspertnyi doklad* [Ethno-cultural content of education, Russian identity and civic accord in the Volga Federal district. Expert report]. Moscow, Orenburg, Izhevsk, 2017, pp. 109–126.

5. Gabdrafikov I.M. *Yazyk i etnicheskaya kul'tura v shkolakh Bashkirii: problema obshchestvennogo vospriyatiya* [Language and ethnic culture in schools of Bashkiria: the problem of public perception]. In: Tishkov V.A., Vorontsov V.S., Stepanov V.V., eds. *Etnokul'turnoe soderzhanie obrazovaniya, rossiiskaya identichnost' i grazhdanskoe soglasie v Privolzhskom federal'nom okruge. Ekspertnyi doklad* [Ethno-cultural content of education, Russian identity and civic accord in the Volga Federal district. Expert report]. Moscow, Orenburg, Izhevsk, 2017, pp. 11–20.

6. Litsenberger O.A. *Ideya ravnopraviya kul'tur v shkol'nom i vuzovskom prepodavanii i profilaktika radikalizma* [The idea of equal rights of cultures in school and University teaching and the prevention of radicalism]. In: Tishkov V.A., Vorontsov V.S., Stepanov V.V., eds. *Etnokul'turnoe soderzhanie obrazovaniya, rossiiskaya identichnost' i grazhdanskoe soglasie v Privolzhskom federal'nom okruge. Ekspertnyi doklad* [Ethno-cultural content of education, Russian identity and civic accord in the Volga Federal district. Expert report]. Moscow, Orenburg, Izhevsk, 2017, pp. 82–94.

7. Martynenko A.V. *Kul'turnye realii v polietnicheskoi shkole. Problemy preodoleniya neterpimosti* [Cultural realities in polyethnic school. The problem of overcoming intolerance]. In: Tishkov V.A., Vorontsov V.S., Stepanov V.V., eds. *Etnokul'turnoe soderzhanie obrazovaniya, rossiiskaya identichnost' i grazhdanskoe soglasie v Privolzhskom federal'nom okruge. Ekspertnyi doklad* [Ethno-cultural content of education, Russian identity and civic accord in the Volga Federal district. Expert report]. Moscow, Orenburg, Izhevsk, 2017, pp. 32–49.

8. Mukhametshina N.S. *Etnicheskie i konfessional'nye razlichiya v samarskoi uchebnoi srede s tochki zreniya pedagogov i uchashchikhsya* [Ethnic and religious differences in the Samara educational environment from the point of view of teachers and students]. In: Tishkov V.A., Vorontsov V.S., Stepanov V.V., eds. *Etnokul'turnoe soderzhanie obrazovaniya, rossiiskaya identichnost' i grazhdanskoe soglasie v Privolzhskom federal'nom okruge. Ekspertnyi doklad* [Ethno-cultural content of education, Russian identity and civic accord in the Volga Federal district. Expert report]. Moscow, Orenburg, Izhevsk, 2017, pp. 69–81.

9. Orlova O.V. *Mezhgruppovye otnosheniya kak rezul'tat funktsional'nosti natsional'nykh yazykov v obrazovatel'noi srede* [Inter-group relations as a result of the functionality of national languages in the educational environment]. In: Tishkov V.A., Vorontsov V.S., Stepanov V.V., eds. *Etnokul'turnoe soderzhanie obrazovaniya, rossiiskaya identichnost' i grazhdanskoe soglasie v Privolzhskom federal'nom okruge. Ekspertnyi doklad* [Ethno-cultural content of education, Russian identity and civic accord in the Volga Federal district. Expert report]. Moscow, Orenburg, Izhevsk, 2017, pp. 21–31.

10. Stepanov V.V. *Etnokul'turnye potrebnosti v shkolakh i vuzakh Privolzhskogo federal'nogo okruga* [Ethno-cultural needs in schools and universities of the Volga Federal district]. In: Tishkov V.A., Vorontsov V.S., Stepanov V.V., eds. *Etnokul'turnoe soderzhanie obrazovaniya, rossiiskaya identichnost' i grazhdanskoe soglasie v Privolzhskom federal'nom okruge. Ekspertnyi doklad* [Ethno-cultural content of education, Russian identity and civic accord in the Volga Federal district. Expert report]. Moscow, Orenburg, Izhevsk, 2017, pp. 148–155.

11. Chernykh A.V., Kamenskikh M.S. *Interes uchashchikhsya k predmetam etnokul'turnoi napravlennosti i regional'nomu kontekstu* [The students ' interest subjects in ethnic culture and regional context]. In: Tishkov V.A., Vorontsov V.S., Stepanov V.V., eds. *Etnokul'turnoe soderzhanie obrazovaniya, rossiiskaya identichnost' i grazhdanskoe soglasie v Privolzhskom federal'nom okruge. Ekspertnyi doklad* [Ethno-cultural content of education, Russian identity and civic accord in the Volga Federal district. Expert report]. Moscow, Orenburg, Izhevsk, 2017, pp. 60–68.

12. Tishkov V.A., Vorontsov V.S., Stepanov V.V., eds. *Etnokul'turnoe soderzhanie obrazovaniya, rossiiskaya identichnost' i grazhdanskoe soglasie v Privolzhskom federal'nom okruge. Ekspertnyi doklad* [Ethno-cultural content of education, Russian identity and civic accord in the Volga Federal district. Expert report]. Moscow, Orenburg, Izhevsk, 2017, 2017, 158 p.

BOYKO IVAN – Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Document Science, Information Resources and Auxiliary Historical Disciplines, Chuvash State University; chief researcher, Chuvash State Institute of Humanitarian Sciences, Russia, Cheboksary (boyko2003@yandex.ru).

DOLGOVA ALEVTINA – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Leading Researcher, Chuvash State Institute of Humanitarian Sciences, Russia, Cheboksary (enzenz@ya.ru).

KHARITONOVA VALENTINA – Candidate of Historical Sciences, Leading Researcher, Chuvash State Institute of Humanitarian Sciences, Russia, Cheboksary (val1957@rambler.ru).

Формат цитирования: *Бойко И.И., Долгова А.П., Харитонова В.Г.* Этнокультурные предпочтения, родные языки населения Чувашии // Вестник Чувашского университета. – 2018. – № 2. – С. 31–39.

УДК 314.32
ББК 60.7

Н.А. ВАСКАНОВА

РОЖДАЕМОСТЬ СРЕДИ ГОРНЫХ МАРИЙЦЕВ КОЗЬМОДЕМЬЯНСКОГО УЕЗДА В XIX ВЕКЕ

Ключевые слова: *крестьянская семья, горные марийцы, Козьмодемьянский уезд, рождаемость, метрические книги.*

Проблема изучения российской семьи является одним из актуальных направлений в отечественной исторической науке. Это обусловлено тем, что с внутрисемейными установками тесно взаимосвязано воспроизводство населения. Данная статья посвящена вопросу относительно рождаемости среди горных марийцев Козьмодемьянского уезда в XIX в. Исследование основано на комплексном анализе материалов церковной статистики, а именно метрических книг Чермышевского прихода Большеюнгинской волости Козьмодемьянского уезда в 1800–1899 гг. В ходе исследования автор обращает внимание на такие аспекты, как численность населения и количество дворов в Чермышевском приходе, уровень рождаемости, количественное соотношение законнорожденных и внебрачных детей, сезонность рождаемости, крещение и др. Сделан вывод о том, что в целом в рассматриваемое время наблюдалась положительная динамика рождаемости. Несмотря на высокую смертность, особенно в младенческом и детском возрасте, численность населения Чермышевского прихода к середине XIX в. значительно возросла, что в последующем привело к разукрупнению прихода. На изменение динамики рождаемости и численности населения влияли многие факторы, в том числе природно-климатические, социально-экономические и др.

Изучение проблемы крестьянской семьи остается одним из актуальных направлений в отечественной истории. Важным показателем при составлении ее количественной характеристики является анализ рождаемости. В этом большую ценность представляют метрические книги, материалы которых позволяют комплексно изучить демографические процессы, происходившие в горномарийских поселениях. Источниковую базу данного исследования составили 14 метрических книг Христорождественской церкви села Чермышево Большеюнгинской волости Козьмодемьянского уезда 1800–1899 гг. [2–9, 11–16].

Первое упоминание о горномарийской деревне Чермышево относится к 1654 г. В середине XVIII в., в период массовой христианизации горных марийцев, деревня стала центром обширного церковного прихода и была переведена в разряд села. Здесь была построена деревянная церковь в честь Рождества Христова. Новокрещенское село получило название «Христорождественское, Чермышево тож» [18. С. 179].

Согласно источникам, в конце XVIII в. село Чермышево являлось одним из крупных поселений. В 1795 г. в нем с выселками насчитывалось 106 дворов с населением 626 человек (299 лиц мужского пола и 327 лиц женского пола), в том числе в селе Чермышево – 40 дворов, в выселках Нуженал – 19 дворов, Писирьял – 30 дворов, Пиндуков – 11 дворов, Симулкин – 6 дворов [18. С. 179]. Материалы Генерального межевания показывают, что поселения более 100 дворов встречались крайне редко. В основном горномарийские поселения состояли менее чем из 20 дворов, около трети – из 30-50 дворов. Поселения из 60-70 дворов также встречались редко [17. С. 369].

По данным клировой ведомости за 1823 г., в приход храма входили 9 населенных пунктов: село Чермышево, деревни Большая Шудермара, Большая

Юль Шудермара, Другая Юль Шудермара, Кого Шудермара, Чертаково, Юль Шудермара, Юль Кушерга, Юнга Кушерга. Число прихожан составляло 1611 человек обоего пола [2. Л. 2].

В 1827 г. в связи с обветшанием деревянного здания церкви Чермышевского прихода новое каменное здание было построено в деревне Еласы, находящейся в 3 верстах от села Чермышево. Новый центр церковного прихода получил название «село Чермышево (Еласы)» [17. С. 369]. На тот момент в приходе насчитывалось 203 двора с населением 1933 человека (950 лиц мужского пола, 983 лица женского пола) [2. Л. 8].

К середине XIX в. количество дворов в приходе увеличилось почти в три раза и составило 603 двора с населением 4794 человека (2263 лица мужского пола, 2531 лицо женского пола) [2. Л. 8об.]. Несмотря на увеличение количества дворов, численность населения увеличилась лишь на 148%. Возможно, это было связано с дроблением больших неразделенных семей, причиной которого являлось стремление молодого поколения сельских жителей к самостоятельному ведению хозяйства [21. С. 21].

Обратная тенденция наблюдалась в конце XIX в. В это время были зафиксированы сокращение количества дворов в приходе и уменьшение численности прихожан на 44,4% (507 дворов с населением 2667 человек (1274 лица мужского пола, 1393 лица женского пола) [2. Л. 8об.]. Одной из основных причин, приведших к этому, послужило строительство новых церквей, в результате которого часть деревень Чермышевского прихода отошла к новым приходским центрам. Так, в 1871 г. на средства прихожан из числа горных марийцев деревень Емелево, Большой Шудермары и Кого Шудермары была построена церковь в деревне Емелево, которая соответственно была переведена в разряд села [10. Л. 16об.].

В 1881 г. была построена церковь в деревне Картуково, находящейся в 4 верстах от села Чермышево. В новый приход вошли село Картуково, деревни Чертаково, Куликалы и часть Горной Кушерги. В итоге в составе Чермышевского прихода остались 4 населенных пункта: село Чермышево, Юнга Кушерга, Юль Кушерга и Юль Шудермара. Следует отметить, что во второй половине XIX – начале XX вв. шло активное строительство новых церквей на всей территории Козьмодемьянского уезда и крупные приходские центры распадались на более мелкие приходы. Это было связано с усилением роли православной церкви и увеличением числа прихожан. В качестве подтверждения уместно привести высказывание священника Христорождественской церкви из приходской летописи 1867–1872 гг.: «Прихожане все православного вероисповедания. Черемисы оставили язычество и сделались приверженцами святой церкви. Во дни Воскресные и праздничные посещают богослужение усердно» [10. Л. 7].

Анализ метрических книг позволил выявить следующие результаты. Всего за 100 лет с 1800 г. по 1899 г. в метрических книгах было зарегистрировано 13 299 рождений (6853 мальчика (51,5%) и 6446 девочек (48,5%)). Если в первой половине XIX в. было зафиксировано 5330 рождений (2847 мальчиков (53,4%)) и 2483 девочки (46,6%), то во второй половине столетия количество рождений составило 7969 (4006 мальчиков (50,3%) и 3963 девочки (49,7%)). При этом следует отметить, что во второй половине XIX в. рождаемость по сравнению с предыдущим пятидесятилетием увеличилась на 49,5%. На изменение динамики рождаемости могли повлиять социально-экономические, природно-климатические и другие факторы [1. С. 32].

Ценность метрических книг заключается в том, что благодаря подробнейшим записям можно определить количественное соотношение законнорожденных и внебрачных детей.

Согласно материалам метрических книг, в первой половине XIX в. было зарегистрировано 44 ребенка, родившихся вне брака (0,8%). Во второй половине столетия количество незаконнорожденных детей уменьшилось и составило 30 внебрачных детей (0,4%). Всего с 1800 г. по 1899 г. в церковном приходе села Чермышево было зарегистрировано 74 незаконнорожденных ребенка (0,6%). Чаще они рождались либо у вдов, либо у незамужних девиц. При этом случаи развода в рассматриваемое время не зарегистрированы.

Необходимо отметить, что в метрических книгах в числе родившихся указывались и мертворожденные дети. В церковном приходе села Чермышево их показатели были незначительны и были зафиксированы только во второй половине XIX в. (0,3%).

Важным результатом исследования стало определение высоких и низких показателей рождаемости. В первой половине XIX в. наибольшее количество рождений было зарегистрировано в 1848 г. – 188 детей (3,5%), из них количество новорожденных мужского пола составило 89 (47,3%), количество новорожденных женского пола – 99 (52,7%). Наименьшее количество рождений наблюдалось в1804 г. – всего 37 детей (0,7%), из них количество новорожденных мужского пола составило 22 (59,5%), количество новорожденных женского пола – 15 (40,5%). В среднем в год в рассматриваемое время рождалось 107 детей.

Следует заметить, что во второй половине XIX в. самые высокие показатели рождаемости были зафиксированы до перехода части горномарийских поселений в состав новых церковных приходов сел Емелево и Картуково – в 1866 и 1870 гг. В 1866 г. родилось 239 детей (2,9%), из них количество новорожденных мужского пола составило 126 (52,7%), количество новорожденных женского пола – 113 (47,3%). В 1870 г. родилось 125 мальчиков и 114 девочек. Наименьшее количество новорожденных пришлось на 1883 г. – всего 87 детей (1,1%), из них 43 мальчика, 44 девочки. Одной из причин низких показателей рождаемости в 1883 г. стало разукрупнение церковного прихода, в результате которого численность прихожан существенно сократилась. Нельзя не отрицать, что уменьшение количества рождений могло быть связано со сложными социально-экономическими процессами, происходящими в указанное время. В среднем в год в приходе рождалось 160 детей.

Изученные материалы дали возможность выявить определенную закономерность в сезонности рождений. В течение всего XIX в. разница между показателями рождаемости в различные времена года оставалась незначительной. К примеру, за 1800–1849 г. наибольшее количество новорожденных детей было зарегистрировано зимой – 1538 (28,9%). Количество родившихся детей осенью составило 1420 (26,6%). Весной родилось 1258 новорожденных (23,6%). Наименьшее количество родившихся детей пришлось на летнее время – 1114 (20,9%). Практически равномерное распределение рождений в течение года свидетельствуют о том, что марийские женщины рожали много, несмотря на высокую детскую смертность.

Эта закономерность сохранялась в течение второй половины XIX в. Зимой было зарегистрировано 2290 новорожденного (28,7%). Количество родившихся детей осенью составило 2061 (25,9%). Летом родилось 1864 новорожденных (23,4%). Наименьшее количество родившихся детей пришлось на

весеннее время – 1754 (22%). Тем не менее, по наблюдениям врачей и священников, самыми здоровыми считались дети осеннего рождения. Менее благоприятными были рождения, которые приходились на лето – страдное время и изобилие инфекции, что могло способствовать большой смертности и рожениц, и их детей. В физическом отношении оказывались наиболее слабыми дети, зачатые весной и рожденные зимой. Весенние роды также были малоблагоприятны для детей [21. С. 170].

У марийского народа существовали различные приметы, по которым пытались определить судьбу новорожденного. Например, родители наблюдали за тем, как отсыхает пуповина новорожденного. Если она отсыхает в течение 5-6 дней, то ребенок будет жить долго; если в течение 3-4 дней – то ребенок не выживет [20. С. 86].

Записи метрических книг свидетельствуют о том, что вскоре после рождения ребенка проводился обряд крещения. В основном в марийских семьях оно совершалось в течение недели после рождения, чаще на 2-4-й день [20. С. 88]. Главной причиной скорейшего проведения таинства крещения, по всей видимости, была боязнь, что младенец может умереть некрещеным. Эти опасения были небезосновательны, если принять во внимание высокий уровень младенческой смертности в рассматриваемое время. Церковь также наказывала родителей за смерть младенца некрещеным: отлучала от причастия на три года.

Младенца нарекали именем по христианскому имениннику. К примеру, 24 января 1841 г. в церкви села Чермышево окрестили сразу трех новорожденных девочек под одним именем – Ксения. Все они были рождены 15 января 1841 г. (первая – в семье крестьянина Якима Ефимова из села Чермышево, вторая – в семье крестьянина Ивана Степанова из села Чермышево, третья – в семье крестьянина Матвея Васильева из деревни Большая Шудермара) [6. Л. 4]. По церковному календарю ближайшим днем ангела Ксении является 31 января. Следующий пример также подтверждает тот факт, что родители при наречении имени особое внимание обращали на православный календарь. Так, в августе 1841 г. шестерых новорожденных девочек окрестили под именем Наталия. По православному церковному календарю ближайший день ангела Наталии отмечается 8 сентября [6. Л. 25об.].

Необходимо отметить, что зачастую священнослужители за один день крестили сразу нескольких новорожденных детей. К примеру, 30 октября 1855 г. таинство крещения было совершено для родившегося 26 октября 1855 г. сына в семье крестьянина Самсона Яковлева и его жены Наталии Сидоровой из деревни Большая Шудермара околодка Изикина [8. Л. 116], для родившейся 26 октября 1855 г. дочери в семье крестьянина Данила Матвеева и его жены Варвары Ивановой из деревни Большая Шудермара околодка Пертюково [8. Л. 117], для родившегося 15 октября 1855 г. сына в семье крестьянина Ивана Филиппова и его жены Екатерины Димитриевой из деревни Большая Юль Шудермара околодка Куликалы [8. Л. 117], для родившегося 23 октября 1855 г. сына в семье крестьянина Павла Григорьева и его жены Марфы Матвеевой из деревни Чертаково околодка Пепкино [8. Л. 117], для родившейся 26 октября 1855 г. дочери в семье крестьянина Егора Гаврилова и его жены Марфы Феодоровой из деревни Большая Юль Шудермара околодка Куликалы [8. Л. 117].

Исходя из исследования видно, что во время крещения обязательно должны были присутствовать восприемники (крестные родители). Согласно материа-

лам метрических книг, нередко в качестве восприемника выступали либо церковнослужители, либо члены их семей. К примеру, 25 августа 1857 г. при крещении сына крестьянина Ивана Алексеева и его жены Лукерьи Ивановой из деревни Кого Шудермары околодка Варашангер крестным отцом стал сын священника села Чермышево Михаила Кроковского Михаил Михайлов [8. Л. 256]. 1 января 1855 г. при крещении сына крестьянина Василия Федотова и его жены Феклы Максимовой из деревни Кого Шудермары восприемником был пономарь села Чермышево Матвей Смирнов [8. Л. 86]. 13 февраля 1855 г. при крещении дочери крестьянина Гавриила Алексеева и его жены Евфимии Павловой из деревни Чертаково околодка Цаломкино восприемницей стала дочь дьячка села Чермышево Григория Лебедева [8. Л. 91]. Можно полагать, что служители церкви сами были заинтересованы в этом. Кумовьев уважали и всегда уделяли им большое внимание.

Таким образом, изученные материалы прихода села Чермышево Козьмодемьянского уезда позволяют сделать вывод о том, что в целом в течение XIX столетия в крестьянских семьях горных марийцев сохранялась высокая рождаемость, несмотря на большую смертность в младенческом возрасте. При этом следует заметить, что в разные периоды рассматриваемого времени численность населения и уровень рождаемости существенно отличались. Стремительное увеличение численности прихожан к середине XIX в. привело к разукрупнению церковного прихода села Чермышево в 1870–1880 гг. В связи со строительством двух новых церквей недалеко от села Чермышево и переходом части горномарийских поселений в состав их приходов произошло резкое сокращение количества дворов и населения, что сказалось на уменьшении рождаемости в конце XIX в. Нельзя не отрицать, что на изменение динамики естественного движения населения могли повлиять различные социально-экономические, природно-климатические и другие факторы.

Литература

1. *Васканова Н.А., Иванов А.Г.* Природно-географические условия жизнедеятельности крестьянской семьи горных марийцев Козьмодемьянского уезда в XIX – начале XX веков // Вестник Чувашского университета. 2016. № 4. С. 31–36.

2. Государственный архив Республики Марий Эл (далее – ГАРМЭ). Ф. 23. Оп. 1. Д. 1. Л. 335.

3. ГАРМЭ. Ф. 23. Оп. 1. Д. 2. Л. 296.

4. ГАРМЭ. Ф. 23. Оп. 1. Д. 3. Л. 332.

5. ГАРМЭ. Ф. 23. Оп. 1. Д. 4. Л. 348.

6. ГАРМЭ. Ф. 23. Оп. 1. Д. 5. Л. 552.

7. ГАРМЭ. Ф. 23. Оп. 1. Д. 6. Л. 414.

8. ГАРМЭ. Ф. 23. Оп. 1. Д. 7. Л. 310.

9. ГАРМЭ. Ф. 23. Оп. 1. Д. 8. Л. 707.

10. ГАРМЭ. Ф. 23. Оп. 1. Д. 8а. Л. 19.

11. ГАРМЭ. Ф. 305. Оп. 1. Д. 308. Л. 482.

12. ГАРМЭ. Ф. 305. Оп. 1. Д. 309. Л. 423.

13. ГАРМЭ. Ф. 305. Оп. 1. Д. 310 Л. 369.

14. ГАРМЭ. Ф. 305. Оп. 1. Д. 311. Л. 289 .

15. ГАРМЭ. Ф. 305. Оп. 1. Д. 312. Л. 492.

16. ГАРМЭ. Ф. 305. Оп. 1. Д. 313. Л. 416.

17. *Иванов А.Г.* Традиционная семья горных марийцев в источниках начала XVIII века. Йошкар-Ола: Изд-во Мар. ун-та, 2017. 416 с.

18. История сел и деревень Республики Марий Эл. Горномарийский район: сборник документальных очерков / авт.-сост. А.Г. Иванов; Комитет Республики Марий Эл по делам архивов, Государственный архив Республики Марий Эл, Администрация муниципального образования «Горномарийский район». Йошкар-Ола, 2006. 648 с.

19. *Миронов Б.Н.* Социальная история России периода империи (XVIII − начало XX в.). СПб.: Дмитрий Буланин, 2000. 549 с.

20. *Молотова Т.Л.* Родильные обряды марийцев // Полевые материалы Марийской этнографической экспедиции 80-х годов / Марийский научно-исследовательский институт. Йошкар-Ола, 1993. С. 85–94.

21. *Николаев Г.А.* Волжское крестьянство во второй половине XIX – начале XX века: этюды по истории и этнологии / ЧГИГН. Чебоксары, 2016. 312 с.

ВАСКАНОВА НАДЕЖДА АЛЕКСАНДРОВНА – аспирантка кафедры отечественной истории, Марийский государственный университет, Россия, Йошкар-Ола (koroleka22@mail.ru).

N. VASKANOVA

BIRTH RATE AMONG THE HILL MARY IN KOZMODEMYANSK COUNTY IN THE XIX CENTURY

Key words: *peasant family, the hill Mari, Kozmodemyansk county, birth rate, registers of births, marriages and deaths.*

The problem of studying the Russian family is one of the topical directions in the national historical science. This is explained by the fact that reproduction of the population is closely connected with interfamilial attitudes. The present article is devoted to the issue of birth rate among the hill Mari of Kozmodemyansk county in the XIX century. The research is based on comprehensive analysis of church statistics, namely, registers of births, marriages and deaths of Chermyshevo's parish in Bolsheyunginsky parish of Kozmodemyansk county in 1800–1899. In this research the author draws attention to such aspects as the population size and the number of households in Chermyshevo parish, the birth rate, the quantitative relationship of legitimate and illegitimate children, seasonality of giving birth, christening etc. It is concluded that, in general, positive dynamics in birth rate was observed during the time under consideration. Despite high mortality, especially in infancy and childhood, the population of Chermyshevo parish increased significantly by the middle of the XIX century, which later led to splitting of the parish. Many factors, including natural-climatic, socio-economic etc., influenced the change in dynamics of birth rate and population size.

References

1. Vaskanova N.A., Ivanov A.G. *Prirodno-geograficheskie usloviya zhiznedeyatel'nosti krest'yanskoi sem'i gornykh mariitsev Koz'modem'yanskogo uezda v XIX – nachale XX vekov* [The natural and geographical conditions of the rural family of the hill mari in Kozmodemyansk county in the XIX century – the beginning of the XX century]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta*, 2016, no. 4. pp. 31–36.

2. *Gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Marii El. Fond. 23. Opis' 1. Delo 1. List 335* [State Archives of Republic Marii El. Archive 23. Anagraph 1. Document 1. P. 335].

3. *Gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Marii El. Fond. 23. Opis' 1. Delo. 2. List 296* [State Archives of Republic Marii El. Archive 23. Anagraph 1. Document 2. P. 296].

4. *Gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Marii El. Fond. 23. Opis' 1. Delo 3. List 332* [State Archives of Republic Marii El. Archive 23. Anagraph 1. Document 3. P. 332].

5. *Gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Marii El. Fond. 23. Opis' 1. Delo 4. List 348* [State Archives of Republic Marii El. Archive 23. Anagraph 1. Document 4. P. 348].

6. *Gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Marii El. Fond. 23. Opis' 1. Delo 5. List 552* [State Archives of Republic Marii El. Archive 23. Anagraph 1. Document 5. P. 552].

7. *Gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Marii El. Fond. 23. Opis' 1. Delo 6. List 414* [State Archives of Republic Marii El. Archive 23. Anagraph 1. Document 6. P. 414].

8. *Gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Marii El. Fond. 23. Opis' 1. Delo 7. List 310* [State Archives of Republic Marii El. Archive 23. Anagraph 1. Document 7. P. 310].

9. *Gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Marii El. Fond. 23. Opis' 1. Delo 8. List 707* [State Archives of Republic Marii El. Archive 23. Anagraph 1. Document 8. P. 707].

10. *Gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Marii El. Fond. 23. Opis' 1. Delo 8a. List 19* [State Archives of Republic Marii El. Archive 23. Anagraph 1. Document 8a. P. 19].

11. *Gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Marii El. Fond. 305. Opis' 1. Delo 308. List 482* [State Archives of Republic Marii El. Archive 305. Anagraph 1. Document 308. P. 482].

12. *Gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Marii El. Fond. 305. Opis' 1. Delo 309. List 423* [State Archives of Republic Marii El. Archive 305. Anagraph 1. Document 309. P. 423].

13. *Gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Marii El. Fond. 305. Opis' 1. Delo 310 List 369* [State Archives of Republic Marii El. Archive 305. Anagraph 1. Document 310. P. 369].

14. *Gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Marii El. Fond. 305. Opis' 1. Delo 311. List 289* [State Archives of Republic Marii El. Archive 305. Anagraph 1. Document 311. P. 289].

15. *Gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Marii El. Fond. 305. Opis' 1. Delo 312. List 492* [State Archives of Republic Marii El. Archive 305. Anagraph 1. Document 312. P. 492].

16. *Gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Marii El. Fond. 305. Opis' 1. Delo 313. List 416* [State Archives of Republic Marii El. Archive 305. Anagraph 1. Document 313. P. 416].

17. Ivanov A.G. *Traditsionnaya sem'ya gornykh mariitsev v istochnikakh nachala XVIII veka* [The traditional family hill Mari in the sources of the beginning of eighteenth century]. Yoshkar-Ola, Mari State University Publ., 2017, 416 p.

18. *Istoriya sel i dereven' Respubliki Marii El. Gornomariiskii raion: Sbornik dokumental'nykh ocherkov* [History of villages of the Republic of Marii El. Gornomarii region: a Collection of documentary essays]. Yoshkar-Ola, 2006, 648 p.

19. Mironov B.N. *Sotsial'naya istoriya Rossii perioda imperii (XVIII − nachalo XX v.)* [Social history of the Russian Empire (XVIII − beginning of XX century)]. St. Peterburg, Dmitrii Bulanin Publ., 2000, 549 p.

20. Molotova T.L. *Rodil'nye obryady mariitsev* [Maternity rites of the Mari]. *Polevye materialy Mariiskoi etnograficheskoi ekspeditsii 80-kh godov* [Field materials of the Mari ethnographic expedition of 80 years]. Yoshkar-Ola, 1993, pp. 85–94.

21. Nikolaev G.A. *Volzhskoe krest'yanstvo vo vtoroi polovine XIX – nachale KhKh veka: etyudy po istorii i etnologii* [The Volga peasantry in the second half of XIX – beginning of XX century: essays on the history and ethnology]. Cheboksary, 2016, 312 p.

VASKANOVA NADEZHDA – Post-Graduate Student of Russian History Department, Mari State University, Russia, Yoshkar-Ola (koroleka22@mail.ru).

Формат цитирования: *Васканова Н.А.* Рождаемость среди горных марийцев Козьмодемьянского уезда в XIX веке // Вестник Чувашского университета. – 2018. – № 2. – С. 40–46.

УДК 2-846 (470.4 + 470.5)
ББК 87.8

Е.С. ДАНИЛКО

ВЫБОР ВЕРЫ (ЧУВАШИ-СТАРООБРЯДЦЫ В УРАЛО-ПОВОЛЖЬЕ)

Ключевые слова: *этноконфессиональные группы, старообрядчество, чуваши, Урало-Поволжье, межкультурное взаимодействие, архивные источники.*

На основе архивных источников и редких опубликованных материалов в статье рассмотрены процессы распространения старообрядчества среди чувашей во второй половине XIX столетия, выявлены основные ареалы расселения чувашских старообрядческих групп, определены основные факторы, способствовавшие принятию ими другой веры, последствия этих процессов и особенности их проявления в традиционной культуре и языке. Кроме того, привлечены материалы современных полевых этнографических исследований автора. Исследование, помещенное в более широкий историко-культурный контекст, позволит выявить некоторые закономерности процессов межкультурного взаимодействия на территории Волго-Уральского региона.

Многообразие процессов межкультурного взаимодействия, протекавших на территории Волго-Уральского региона, определялось, в том числе, и участием в них групп старообрядческого населения. Уже с начала XVIII в., несмотря на преследования со стороны государства и официальной церкви, старообрядчество было активно включено в экономические и социальные связи региона и постепенно становилось популярным у местных «инородцев». Наибольшее распространение оно имело среди рано христианизированной мордвы, а также коми-пермяков. Единичные случаи перехода в старую веру, связанные с брачными контактами или конкретными бытовыми ситуациями, фиксировались у многих народов [2, 18]. Небольшие, компактные группы старообрядцев имелись также и среди чувашей. Сама возможность такого взаимодействия предполагала не только открытость старообрядческого сообщества к контактам, вопреки декларируемой им замкнутости, но и готовность к восприятию новой религиозной системы другой стороной. Основные факторы, способствовавшие принятию чувашами старообрядчества, последствия этих процессов и особенности их проявления в традиционной культуре и языке станут предметом рассмотрения в настоящей статье. Некоторые аспекты обозначенной проблемы описывались автором ранее, но с тех пор были обнаружены новые архивные материалы, которые существенно дополняют имеющуюся картину [3].

Основные ареалы расселения старообрядцев-чувашей выявляются на основе фрагментарных и разрозненных источников, как архивных, так и опубликованных, при этом не всегда коррелирующих друг с другом. Это северо-восточная часть Симбирской (Буинский, Симбирский и Карсунский уезды) губернии и прилегающие к последней Цивильский, Козмодемьянский[1], Чистопольский уезды Казанской. Еще один куст чувашских старообрядческих поселений находился в Хвалынском уезде Саратовской губернии.

Некоторые представления о масштабе явления дают редкие статистические данные. Согласно материалам Всероссийской переписи 1897 г., в которой впервые составлялись перекрестные таблицы по вероисповеданиям и родному языку, 122 старообрядца, считавших родным чувашский язык, жили в Симбирской (35 человек в Буинском и 87 – в Корсунском уездах) [10. С. 70, 72]

[1] Написание слова дается как в архивном источнике.

и 294 человека – в Саратовской губерниях [11. С. 94]. Известный исследователь Н.В. Никольский также писал о старообрядцах в двух поселениях Корсунского уезда Симбирской губернии, в д. Верхняя Туарма (17 человек) и в с. Каргино (75 человек) [9. С. 214–215]. Кроме того, он фиксировал несколько человек старообрядцев чувашского происхождения в приграничном Цивильском уезде Казанской губернии (в деревнях Подлесное и Старое Бахтиярово). По архивным документам 1898 г. их было здесь значительно больше, 135 «раскольников» имелись в д. Вутабось и 375 – в Подгорных Тимяшах. В Козмодемьянском уезде значилось 8 старообрядцев в Большой Юнге (Покровском), 42 в Троицком и 83 – в Малой Юнге [5. Л. 300, 309, 313, 316]. Более поздние данные за 1901 и 1905 гг. также подтверждают их наличие в перечисленных населенных пунктах Казанской губернии [6. Л. 102, 112], а также в д. Норваш-Кошки и Бишево [7. Л. 11, 21].

Анализируя имеющуюся статистику, следует учитывать сложности и вытекающие из этого неточности учета старообрядцев, избегающих официальных записей. Тем более проблематично определение этнической принадлежности «раскольников» в смешанных поселениях. Как правило, в официальных документах их численность занижалась как в силу невозможности определения точных цифр, так и в интересах предоставления более желательной информации о состоянии официальной православной религии. Относительность старообрядческого учета наглядно иллюстрирует следственное дело «о вновь открытых в Троицком посаде, селе Покровском (Большая Юньга) раскольниках», которое рассматривалось в Козмодемьянском уездном суде. Так, в 1850 г. вдруг обнаружилось, что «раскольников, живущих в этих селах, оказалось числом больше указанного в ведомостях, подаваемых местным духовенством», потому что крестьянин Андрей Никонов и девки Васса Петрова, Федосья Григорьева, Васса Иванова и Марья Иванова, села Троицкого Прасковья и Пелагея Родионовы Пономаревы и козьмодемьянский мещанин Степан Захаров Плишкин показали, что «состоят в расколе и оставить оный не желают» [13. Л. 11, 12]. Как следует далее из материалов допросов, религиозная принадлежность указанных лиц успешно скрывалась ими в течение 30-35 лет. Кроме того, в ходе следствия в доме Матвея Пердихова в Троицком посаде была открыта моленная, представляющая собой комнату, врубленную в капитальную стену. Вообще же «раскольники», проживающие в 11 дворах, показали, что «молиться ездят в часовню города Казани, что на Булаково близ Татарского моста» [14. Л. 5, 5об.]. На примере этого дела видно, что состав старообрядческих общин мог быть смешанным. О лидере общины, русском мещанине Матвее Пердихове писал также С.М. Михайлов, который, кстати, отметил, что в с. Покровском имеется всего 5 «раскольников» [4. С. 266, 272].

Но даже при таком состоянии статистики распространение старообрядчества среди чувашей нельзя назвать массовым явлением. Из примечаний, содержащихся в архивных документах, следует, что старообрядчество распространялось в районах, где были развиты отходничество и речная торговля, т.е. в процессе экономических контактов чувашей с русскими в отдалении от мест постоянного проживания [8. Л. 4]. Благоприятная для этого ситуация складывалась также в этнически смешанных или расположенных поблизости поселениях, где жили старообрядцы русские или мордва. Или, как отмечал Н. Никольский, «раскол» проникал туда, где «имеются возможности для постоянных житейских сношений со старообрядцами, и к тем чувашам, которые понимают русскую речь и сами говорят по-русски» [9. С. 212].

Переход в раскол при обнаружении этого факта оборачивался разной тяжести последствиями для человека, принявшего такое решение. Начиналось долго судебное следствие, которое могло привести руководителей общин к заключению в тюрьму или высылке, остальных – к помещению под полицейский надзор и ряду «увещевательных процедур» [1. С. 15]. Надо отметить, что чуваши проявляли удивительное для властей упорство, не желая обращаться в православие и «оставаясь в своем заблуждении непреклонными». Так, в ходе упомянутого выше следствия в д. Большая Юньга опрошенные «раскольники» открыто говорили о своих убеждениях. Например, Васса Петрова, 56 лет, заявила суду, что «она раскольница настоящая, и оставить свою секту не желает» [14. Л. 26]. В 1851 г. 23 жителя д. Старое Эштебенькино Чистопольского уезда Казанской губернии отвечали при допросе, что состоят в «описанном расколе с малолетства, вполне следуя примеру своих родителей и обратиться в недра православной церкви не желают» [16. Л. 8–13, 20]. А крестьянская девка Прасковья Гаврилова из этого села, несмотря на многократные увещевания, повторяла только одно, «никак не согласна, хотя б за то ослушание на нее Бог послал, как в сей временной жизни, так и в будущем веке какое-либо наказание» [16. Л. 41].

Эти и другие примеры, которые можно привести еще, свидетельствуют о сознательном выборе религии и, соответственно, определенного жизненного пути чувашскими неофитами. Что, на мой взгляд, является определенным симптомом, характеризующими религиозные настроения некоторой части чувашей, некрещеных или крещенных формально. С утверждением известной системы Ильминского традиционные «языческие» верования чувашей оказывались в меньшинстве, теснимые двумя крупными религиями – христианством и исламом, а их адепты – в ситуации мировоззренческого кризиса [19. С. 52]. По материалам полевых исследований, в старообрядчество переходили большей частью именно некрещеные чуваши. Для них, впрочем, как и для формально крещеных православных, официальная церковь ассоциировалась с государственной политикой и принуждением, а положение «раскольников» и «инородцев» в едином, маргинальном социальном пространстве способствовало возникновению взаимного притяжения. Уважение вызывала и стойкость старообрядцев в сохранении своей веры. Кроме того, не стоит выпускать из внимания мобильность старообрядцев, их готовность к миссионерской деятельности, способность убеждать, выработанную в постоянных дискуссиях с оппонентами. Здесь можно привести пример из одного типичного текста, представляющего собой своеобразную исповедь человека, оставившего «раскол». В нем есть эпизод как чуваш-отходник, отправившийся в Нижегородскую губернию из д. Типсирма Большешатьминского прихода, оказался под влиянием старообрядцев: «Живу я у раскольников месяц, живу другой, а они, народ-то хитрый, все меня стараются по-ихнему учить. “Ты, – говорят, – молись по-нашему, потому что по-нашему душу можно спасти”. Их-то много. Я один. Меня очень уж начали того, вразумлять. Говорят: “Если ты не будешь по-нашему Богу молиться – ты все одно, что жиды, которые Христа распяли”. И начинают, бывало, мне вечером рассказывать об Иисусе Христе, Божьей Матери, сотворении мира – и все такое божественное. Хорошо, думаю, они стараются о моем спасении, и начал все делать по-ихнему: молился с ними вместе, ел из особой чашки. В зимние вечера все больше о Боге читали. Целый год я с ними, никак, жил, даже больше» [12. С. 1119]. Далее, конечно, следует рассказ, как он образумился и перешел в лоно официальной церкви,

но сам этот эпизод показателен. Показательно и то, что дальность расстояния между населенными пунктами не служила препятствием для распространения старообрядческого вероучения. Как и в случае с уже упомянутой чувашско-мордовской деревней Старое Эштебенькино. Из следственного дела, заведенного в 1858 г. на крестьян, отпавших в раскол, узнаем, что главный обвиняемый Константин, сын Наума, из мордвы крещеный крестьянин, «получил понятие о раскольнической секте», от неизвестных казаков в городе Уральске, «лет 20 тому назад» [15. Л. 9об.].

Таким образом, старообрядческие общины обладали обширными социальными связями внутри своего сообщества, что обеспечивало им и известную экономическую стабильность. Соответственно, включение в них позволяло неофитам получить помимо духовного окормления и другие виды взаимопомощи и материальной поддержки. В свою очередь, это формировало и некоторые требования к ним самим. Проповедь старой веры, возможность ее поддержания всегда связывались с определенным типом людей, обладающих выраженной индивидуальностью и характеризующихся социальной мобильностью. Такими чертами характера обладал, например, житель д. Верхнее Буяново Шемуршинского прихода Симбирской губернии Дмитрий Иванов. Сначала он, по свидетельству епархиального священника, стремился выделиться на административном поприще, выступал ходатаем крестьян в различных судебных тяжбах, а затем «задумал сделаться раскольником, и не простым, а так называемым коноводом, с тем, чтобы хотя тут первенствовать. И вот в половине 1857 года… он заводит себе старые книги и старые иконы, читает избранным книги эти, разумеется, с чувашским переводом» [9. С. 448]. Иванову удалось увлечь в старообрядчество пять семей своих родственников, которые отказались посещать церковь, принимать священника с молебнами, не крестили своих детей, жили без венчания и не отпевали покойников [9. С. 448]. В ходе недавних полевых исследований удалось выяснить, что в соседних с Буяново деревнях Асаново и Чукалы также появились старообрядцы, постепенно сформировался круг брачных контактов, включающий и русские старообрядческие деревни[1]. Этой общине ранее была посвящена специальная статья, поэтому не буду останавливаться на ее истории подробно [3]. Отмечу лишь, что это уникальный случай в истории нерусского старообрядчества, так как в ней была введена практика проведения богослужений на чувашском языке.

Вообще языковой аспект процессов распространения старообрядчества среди «инородцев» представляет особый интерес. Собственно, знание языка являлось основным условием принятия вероучения, понимания сложных канонических текстов. И если отходники и отдельные представители сельских общин, работающие за пределами деревни, владели русским языком в достаточной мере, то для тех, кто оставался дома, т.е. для женщин, детей, стариков, он оставался чужим. Таким образом складывалась ситуация функционального или конфессионального двуязычия, когда языком повседневного общения был чувашский, а языком религиозной практики – русский, при этом даже не тот русский, который еще можно было услышать в быту, а церковнославянский, не применяемый ежедневно и в родной среде. Вернемся к истории с Дмитрием Ивановым. Описавший ее Н. Новруский, отмечал, что Иванов переводил привезенные им «раскольничьи» книги на чувашский. О важной роли отдельных грамотных

[1] Полевые материалы автора (далее ПМА). 2005 г. д. Малое Буяново, Шемуршинский р-н Респ. Чувашия.

людей, бывших знатоками письменных текстов, рассказывали и наши информанты во время полевых исследований. Эти люди выступали еще и переводчиками, а заодно и интерпретаторами сложной для крестьянского восприятия богословской литературы. Такую функцию брали на себя, прежде всего, священники и наставники беспоповских групп. Они же совершали необходимые требы, ориентируясь не только на специальные книги, но и «на обычно устно-переданные предками нашими старинные обычаи», как показали при очередном допросе эштебенькиновские жители Андрей Иванов и Дмитрий Нефедов. Односельчане называли их попами [17. Л. 10].

К категории посредников между каноном и практикой относились также келейницы, женщины, живущие отдельно в специально построенном для этой цели нередко прямо на подворье домике-келье. Они обладали особенным статусом, занимались переписыванием книг, изготовлением необходимых для молитвы кожаных четок-лестовок, обучали церковной грамоте детей, а также читали молитвы за умерших по просьбе родственников. Даже критично настроенный к «раскольникам» С.М. Михайлов отмечал, что вообще для них была характерна большая грамотность, старообрядцы обучали не только мальчиков, но и девочек, тогда как среди «церковных христиан» даже в богатых семьях женщины нередко оставались неграмотными [4. С. 273]. Из полевых материалов видно, что в чувашских старообрядческих группах, так же как и в русских, существовало некоторое разделение на тех, кто вел обычный образ жизни, участвуя по мере возможности в жизни общины, и на тех, кто наиболее полно соблюдал требования веры, касающиеся не только религиозных практик (посещение всех служб, чтение молитв, соблюдение постов), но и бытового поведения (отдельная посуда во время трапезы, ограничение контактов с иноверцами, особые костюм и прическа). Применительно ко второй категории людей использовались разные термины, например, в Буяновской общине их называли «верными»[1].

Таким образом, в чувашских группах существовала форма общинной организации, характерная для старообрядческих общин в целом. Распространились среди них и другие традиции, например, традиция переписывания книг или составления собственных молитвенников, содержащих рукописные тексты, обращение к которым наиболее часто (ежедневные утренние и вечерние молитвы, молитвы, обращенные к отдельным святым, тексты, читаемые в определенных ситуациях и т.д.). В национальный костюм вошли элементы русской одежды, входящие в комплекс так называемой моленной одежды (сарафан у женщин и кафтан у мужчин). Трансформировались также обрядовые комплексы, связанные с крещением и похоронно-поминальным ритуалом[2]. То есть можно говорить о том, что принятие старообрядчества повлияло на этнокультурный облик отдельных групп чувашей, не приведя, однако, к их полной ассимиляции, что могло быть связано как раз с гибкостью в решении проблемы языкового барьера.

В настоящее время старообрядческие группы, изначально не имевшие массового распространения в чувашской среде, стали еще малочисленнее. Хотя небольшие общины, сохраняющие религиозную и этническую идентичности и определенный набор практик, все еще существуют, несмотря на разрушительное влияние атеистического советского периода.

---

[1] ПМА. 2005 г. д. Малое Буяново, Шемуршинский р-н Респ. Чувашия.

[2] ПМА. 2005 г. д. Малое Буяново, Шемуршинский р-н, Респ. Чувашия; 2006 г. д. Коченяевка, Каргино, Вешкаймский р-н, Ульяновская обл.; 2010 г. Старая Лебежайка, Хвалынский р-н, Саратовская обл.

Литература и источники

1. *Браславский Л.Ю.* Старообрядчество и христианское сектантство в Чувашии. Чебоксары, 1984.

2. *Данилко Е.С.* Межконфессиональные взаимодействия в Урало-Поволжье: старообрядчество среди «инородцев» // Традиционная культура. 2010. № 3. С. 72–80.

3. *Данилко Е.С.* Старая вера по-чувашски: книжная традиция и повседневные практики одной старообрядческой общины // Этнографическое обозрение. 2015. № 5. С. 19–32.

4. *Михайлов С.* Описание быта раскольников в Козьмодемьянском уезде // Собрание сочинений. Автобиография. Статьи и корреспонденции. Публикация документов. Очерки и рассказы. Фольклорные записи. Письма / сост. В.Д. Димитриев. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2004. С. 266–295.

5. Национальный архив Республики Татарстан (далее НА РТ). Ф. 4. Оп. 131. Д. 5.

6. НА РТ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 120729.

7. НА РТ. Ф. 4. Оп. 133. Д. 7.

8. *Никольский Н.В.* Христианство среди чуваш Среднего Поволжья в XVI–XVIII веках. Исторический очерк // Известия Общества археологии, истории и этнографии. Т. XXVIII. В. 1-3. Казань, 1912.

9. *Новруский Н.* К истории христианско-просветительского дела среди инородцев (История одного инородческого прихода) // Симбирские епархиальные ведомости. 1898. № 23. С. 447–448.

10. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Издание центрального статистического комитета Министерства внутренних дел под редакцией Н.А. Тройницкого. XXXIX. Симбирская губерния, 1904.

11. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Издание центрального статистического комитета Министерства внутренних дел под редакцией Н.А. Тройницкого. XXXVIII. Саратовская губерния, 1904.

12. Рассказ чувашина деревни Типь-Сирмы, Больше-Шатьминского прихода, записанный диаконом с. Шихзан Тарасием Кирилловым в феврале 1903 г. // Известия по Казанской епархии – журнал. 1904. № 33, 1 сент. С. 1118–1120.

13. Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф. 1431. Оп. 1. Д. 1144. Дело о вновь открытых в Козмодемьянском уезде в Троицком посаде селе Покровском Большая Юньга тамошними священнослужителями раскольников.

14. РГАДА. Ф. 1431. Оп. 1. Д. 1239. Дело о вновь открытых в Козмодемьянском уезде в Троицком посаде селе Покровском Большая Юньга тамошними священнослужителями раскольников.

15. РГАДА. Ф. 1431. Оп. 1. Д. 1314. Дело по обвинению государственных крестьян д. Старая Эштебенькина К. Наумова и др. в отступлении от православия.

16. РГАДА. Ф. 1431. Оп. 1. Д. 1309. Дело об отпадении в раскол крестьян деревни Старой Эштебенкиной.

17. РГАДА. Ф. 1431. Оп. 1. Д. 1166. Дело Казанской палаты уголовного суда Чистопольского уезда об отпадении из православия в раскол крестьян деревни Эштебенкиной.

18. Этноконфессиональные меньшинства народов Урало-Поволжья / *Е.А. Ягафова, Е.С. Данилко, Г.А. Корнишина, Т.Л. Молотова, Р.Р. Садиков*; под ред. Е.А. Ягафовой. Самара: ПГСГА, 2010.

19. *Ягафова Е.А.* Чувашское «язычество» в XVIII – начале XXI века. Самара: ПГСГА, 2007.

ДАНИЛКО ЕЛЕНА СЕРГЕЕВНА – доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Институт этнологии и антропологии имени Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, Россия, Москва (Danja9@yandex.ru).

E. DANILKO

THE CHOICE OF FAITH
(THE CHUVASHS – OLD BELIEVERS IN THE URAL-VOLGA REGION)

Key words: *ethnoconfessional groups, Old Belief, the Chuvashs, the Ural-Volga region, cross-cultural interaction, archival sources.*

On the basis of archival sources and rare published materials the article examines processes of Old Belief distribution among the Chuvashs in the second half of the XIX century, the main resettlement areas of the Chuvash Old Belief groups are revealed, the major factors promoting another belief adoption by them are determined, consequences of these processes and features of their manifestation in traditional culture and language are defined. Besides, materials of modern field ethnographic researches of the author are used. The research placed in a wider historical and cultural context will make it possible to reveal some regularities in the processes of cross-cultural interaction in the territory of the Volga-Ural region.

References

1. Braslavskii L.Yu. *Staroobryadchestvo i khristianskoe sektantstvo v Chuvashii* [Old Belif and Christian sectarianism in Chuvaschia]. Cheboksary, 1984.

2. Danilko E.S. *Mezhkonfessional'nye vzaimodeistviya v Uralo-Povolzh'e: staroobryadchestvo sredi «inorodtsev»* [The interath interactions in Volga-Ural region: Old Belif among "foerigners]. *Traditsionnaya kul'tura*, 2010, no. 3, pp. 72–80.

3. Danilko E.S. *Staraya vera po-chuvashski: knizhnaya traditsiya i povsednevnye praktiki odnoi staroobryadcheskoi obshchiny* [Old Belif in Chuvash: book traditions and deily practices of one of old belif commynity]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2015, no. 5, pp. 19–32.

4. Mikhailov S. *Opisanie byta raskol'nikov v Koz'modem'yanskom uezde* [The description of life of "raskolniks" in Kozmodem'yanskom district]. In: Dimitriev V.D., comp. *Sobranie sochinenii. Avtobiografiya. Stat'i i korrespondentsii. Publikatsiya dokumentov. Ocherki i rasskazy. Fol'klornye zapisi. Pis'ma* [Collected works. Autobiografy. Articles. Documents. Letters]. Cheboksary, Chuvash Publishing House, 2004, pp. 266–295.

5. *Natsional'nyi arkhiv Respubliki Tatarstan. F. 4. Op. 131. D. 5* [National Archives of the Republic of Tatarstan. Archives 4. Anagraph 131. Document 5].

6. *Natsional'nyi arkhiv Respubliki Tatarstan. F. 4. Op. 1. D. 120729* [National Archives of the Republic of Tatarstan. Archives 4. Anagraph 1. Document 120729].

7. *Natsional'nyi arkhiv Respubliki Tatarstan. F. 4. Op. 133. D. 7* [National Archives of the Republic of Tatarstan. Archives 4. Anagraph 133. Document 7].

8. Nikol'skii N.V. *Khristianstvo sredi chuvash Srednego Povolzh'ya v XVI–XVIII vekakh. Istoricheskii ocherk* [Christianity among Chuvashs of the Middle Volga in 16-18 th centuries]. In: *Izvestiya Obshchestva arkheologii, istorii i etnografii. T. XXVIII. V. 1-3* [News of Sociaty of archeology, history and ethnografy]. Vol. XVIII]. Kazan, 1912.

9. Novruskii N. K istorii khristiansko-prosvetitel'skogo dela sredi inorodtsev (Istoriya odnogo inorodcheskogo prikhoda) [To history of Christians of educational bisness among foreigners (History of one foreign arrival]. *Simbirskie eparkhial'nye vedomosti*, 1898, no. 23, pp. 447–448.

10. *Pervaya Vseobshchaya perepis' naseleniya Rossiiskoi imperii, 1897 g. Izdanie tsentral'nogo statisticheskogo komiteta Ministerstva vnutrennikh del pod redaktsiei N.A. Troinitskogo. XXXIX* [First General population ctnsus of Russian Empire]. Simbirskaya guberniya, 1904.

11. *Pervaya Vseobshchaya perepis' naseleniya Rossiiskoi imperii, 1897 g. Izdanie tsentral'nogo statisticheskogo komiteta Ministerstva vnutrennikh del pod redaktsiei N.A. Troinitskogo. XXXVIII* [First General population ctnsus of Russian Empire] Saratovskaya guberniya, 1904.

12. *Rasskaz chuvashina derevni Tip'-Sirmy, Bol'she-Shat'minskogo prikhoda, zapisannyi diakonom s. Shikhzan Tarasiem Kirillovym v fevrale 1903 g.* [The story of chuvashin of villadge Tipsermy, Bolscheshatminsky arrival, wich was written by deacon ov v. Shikasan Tarasiy Kirillov in February 1903]. *Izvestiya po Kazanskoi eparkhii – zhurnal*, 1904, no. 33, Sept. 1, pp. 1118–1120.

13. *Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv drevnikh aktov. F. 1431. Op. 1. D. 1144* [Russian State Archives of Ancient Documents. Archives 1431. Anagraph 1. Document 1144].

14. *Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv drevnikh aktov. F. 1431. Op. 1. D. 1239* [Russian State Archives of Ancient Documents. Archives 1431. Anagraph 1. Document 1239].

15. *Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv drevnikh aktov. F. 1431. Op. 1. D. 1314* [Russian State Archives of Ancient Documents. Archives 1431. Anagraph 1. Document 1314].

16. *Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv drevnikh aktov. F. 1431. Op. 1. D. 1309* [Russian State Archives of Ancient Documents. Archives 1431. Anagraph 1. Document 1309].

17. *Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv drevnikh aktov. F. 1431. Op. 1. D. 1166* [Russian State Archives of Ancient Documents. Archives 1431. Anagraph 1. Document 1166].

18. Yagafova E.A., ed.; Yagafova E.A., Danilko E.S., Kornishina G.A., Molotova T.L., Sadikov R.R. *Etnokonfessional'nye men'shinstva narodov Uralo-Povolzh'ya* [Ethnoconfessional minorities of the people of the Ural-Volga region]. Samara, 2010.

19. Yagafova E.A. *Chuvashskoe «yazychestvo» v XVIII – nachale XXI veka* [Chuvash "paganism" in19 – in the beginning of 21 th century]. Samara, 2007.

DANILKO ELENA – Doctor of Historical Sciences, Researcher, Institute of Ethnology and Anthropology of Russian Academic Sciences, Russia, Moscow (Danja9@yandex.ru).

Формат цитирования: *Данилко Е.С.* Выбор веры (чуваши-старообрядцы в Урало-Поволжье) // Вестник Чувашского университета. – 2018. – № 2. – С. 47–53.

УДК 070(092)Скворцов(470.344)
ББК Ч603(2Рос.Чув)6дСкворцов

М.Г. ДАНИЛОВА, А.А. ДАНИЛОВ

М.И. СКВОРЦОВ: ТВОРЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ ЖУРНАЛИСТА, ПЕРЕВОДЧИКА, ПЕДАГОГА И ЛЕКСИКОГРАФА

Ключевые слова: *история, журналистика, наука, Скворцов Михаил Иванович.*

В статье подробно проанализированы жизнь и деятельность прославленного журналиста, филолога, редактора, переводчика, лексикографа, доктора филологических наук (1993), профессора (1996), заслуженного деятеля науки Чувашской Республики Скворцова Михаила Ивановича. В 1949 г. М.И. Скворцов окончил Чурачикскую среднюю школу с серебряной медалью. В том же году поступил учиться на историко-филологический факультет Казанского государственного университета имени В.И. Ульянова-Ленина. Получив огромный опыт журналистской и переводческой работы, Михаил Иванович окончательно решает заняться наукой. С 1960 г. начинает работать в Научно-исследовательском институте языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров Чувашской АССР, проходит стажировку на спецфаке Института восточных языков при МГУ имени М.В. Ломоносова. С 1967 г. Михаил Иванович преподает на кафедре русского языка филологического факультета Чувашского государственного педагогического института имени И.Я. Яковлева, а через год поступает в очную аспирантуру сектора тюркологии Института языкознания АН СССР. Судьба периодически возвращала Михаила Ивановича к журналистской деятельности. В 1978–1983 гг. он занимает должность редактора университетской газеты «Ульяновец». С 1989 г. М.И. Скворцов начинает работать в Институте образования Чувашской Республики. После успешной защиты докторской диссертации в 1996 г. М.И. Скворцову было присвоено ученое звание профессора, он избран членом-корреспондентом Национальной академии наук и искусств Чувашской Республики. В 1997 г. ему было присвоено почетное звание «Заслуженный деятель науки Чувашской Республики». М.И. Скворцов внес большой вклад в разработку актуальных проблем чувашской и тюркской лексикографии, терминологии, исторической лексикологии, ономастики, теории и практики перевода. Является автором академических словарей: «Русско-чувашского» в двух томах, «Чувашско-русского» в двух томах, а также ряда школьных учебников и отраслевых лексикографических трудов.

8 января 2018 г. исполнилось 85 лет со дня рождения Михаила Ивановича Скворцова – журналиста, филолога, редактора, переводчика, лексикографа, доктора филологических наук (1993), профессора (1996), заслуженного деятеля науки Чувашской Республики.

М.И. Скворцов родился 8 января 1933 г. в деревне Вторые Хормалы Канашского района Чувашской Республики в семье служащего. Умер 1 декабря 2016 г.

Его отец – Скворцов Иван Алексеевич, родился в 1901 г. Три года учился в церковноприходской школе, хотя нужно было учиться 4 года, пришлось прервать обучение в 1914 г., когда началась война. В церковноприходской школе была строгая дисциплина, там учили читать и считать, особое внимание уделяли правописанию, чистописанию, каллиграфии. У всех выпускников этой школы был разборчивый и красивый почерк. По воспоминаниям Михаила Ивановича, именно отец, человек с богатым житейским опытом, прошедший большую школу жизни, научил его, старших и младших сестер писать правильно и красиво, воспитал их трудолюбивыми, честными, активными. Он был председателем колхоза, председателем райисполкома, начальником управления колхозного строительства при Совете Министров Чувашской АССР. Иван Алексеевич сумел привить своим детям, в том числе и Михаилу, с ранних лет такие черты характера, как неравнодушие, широкий взгляд на ок-

ружающий мир. Во время гражданской войны Иван Алексеевич получил контузию, а после войны стал служащим в районном учреждении, потом – начальником военно-учетного стола. Так как в районном центре у него не было квартиры, каждый день преодолевал 13 км до родной деревни Вторые Хормалы. Когда его из Канаша перевели в Шихазаны (Шихазаны тогда были районным центром), семья Скворцовых переехала туда в новую квартиру.

Мать – Анна Никифоровна – была уроженкой деревни Новые Челкасы, которая находилась в трех километрах от деревни Вторые Хормалы, недалеко от которой протекала река Паштанар. Обе деревни для Михаила были родными. В четыре года Михаил научился читать. В первом классе он проучился всего два дня. Так как читал и считал хорошо, его перевели во второй класс. Его детство совпало с предвоенными и военными годами. Родиной своего детства Михаил Иванович считал и Вторые Хормалы, и Шихазаны. Своеобразной визитной карточкой, символом природы родного края для Михаила были реки Паштанар и Цивиль. Как и его ровесники, Михаил любил рыбачить, что запечатлелось в его памяти, и это увлечение сопровождало его всю свою жизнь.

Школьные годы Михаила прошли в Чурачиках. Он с детства любил читать, писал заметки в районную газету, был редактором школьной стенной газеты. Выпускное сочинение по русскому языку объемом в 12 страниц отправили в Министерство образования Чувашской АССР, где оно было оценено на «отлично». В 1949 г. М.И. Скворцов окончил Чурачикскую среднюю школу с серебряной медалью. В том же году поступил учиться на отделение классической филологии историко-филологического факультета Казанского государственного университета имени В.И. Ульянова-Ленина. «В лаборатории университета начинал экспериментально исследовать редуцированные гласные в чувашском языке в сопоставительном плане с редуцированными гласными русского языка. На эту же тему написал и успешно защитил дипломную работу. Надо отметить, что определенную помощь как в выполнении самой этой работы, так и в выборе дальнейшего научного пути оказало Михаилу Ивановичу общение с патриархом чувашского языкознания В.Г. Егоровым» [7. С. 4].

Во время учебы Михаил активно включился в общественную деятельность: 16-летнего парня назначили старостой группы из 37 студентов, среди которых были и участники Великой Отечественной войны, и матери-одиночки. Ему приходилось решать множество проблем. На третьем курсе он начинает работать секретарем университетской многотиражки «Ленинец», а на выпускном курсе становится редактором этого издания, предыдущий редактор Л.Г. Юткевич, уезжая на лечение, доверил эту должность Михаилу. В мае 1954 г. в качестве редактора выпустил четыре номера университетской газеты «Ленинец», параллельно успешно сдал выпускные экзамены и экзамены для поступления в аспирантуру. Свою трудовую деятельность М.И. Скворцов начал в качестве журналиста, предпочел профессию журналиста, хотя была открыта дорога в науку, и он мог продолжить учебу в аспирантуре. С 1954 г. в течение трех лет работает спецкором газеты «Хёрлё ялав». На страницах газеты публикуются его статьи, очерки, рецензии, фельетоны. Это время М.И. Скворцов считал самым счастливым периодом своего творческого пути. Он ездил по чувашским деревням Татарстана, знакомился с их удивительной культурой, интересными людьми, он создавал образы замечательных профессионалов, очень разных по натуре и масштабу своей деятельности, что позволило ему изучить жизнь, накопить опыт. Вспоминая эти годы, Михаил Иванович сожалел о том, что не записывал образцы чувашской словесности.

В 1956 г. М.И. Скворцов переезжает в Чебоксары и с января 1957 г. работает литературным сотрудником газеты «Коммунизм ялавĕ», потом становится ответственным секретарем. Много работает по улучшению качества газеты: содержания, языка и стиля, верстки издания. Можно сказать, что это издание стало стартовой площадкой переводческой деятельности будущего ученого-лексикографа. Для газеты он переводит общественно-политическую литературу, множество официальных документов, причем приходилось переводить очень оперативно. 1981 г. он пишет статью «Хаçат чĕлхинчи обществăпа политика терминĕсем», где рассматриваются вопросы использования общественно-политических терминов в газете.

Параллельно М.И. Скворцов включается в переводческую деятельность, участвует в переводе «Истории КПСС», «Биографии В.И. Ленина», «Основ политических знаний», «Основ экономических знаний» и др. Такая школа способствовала становлению Скворцова-переводчика и была базой его будущей теории частного перевода. В 1984 г. он издает учебное пособие для студентов «Теория и практика перевода с русского языка на чувашский», где излагаются основные теоретические сведения по переводоведению и краткая история перевода в Чувашии, описываются методы и приемы перевода. Цель пособия – дать понятие о научно-лингвистических основах перевода, привить студентам навыки грамотного перевода общественно-политических, учебных и несложных художественных текстов, что необходимо как в учительской, так и в журналистской работе. Оно стало непревзойденным учебным пособием по переводу с русского языка на чувашский, используется студентами и в настоящее время.

Получив огромный опыт журналистской и переводческой работы, Михаил Иванович окончательно решает заняться наукой. С 1960 г. начинает работать в научно-исследовательском институте языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров Чувашской АССР, проходит стажировку на спецфаке института восточных языков при МГУ. Под руководством известного арабиста-лексикографа В.М. Белкина Михаил Иванович изучает арабский язык и впервые начинает заниматься практической лексикографией (подготовка к печати и частичное редактирование «Чувашско-русского словаря», вышедшего в 1961 г. под общей редакцией М.Я. Сироткина) [6].

В 1961–1962 гг. М.И. Скворцов командируется в Каир, где изучает разговорный арабский язык. По возвращении он снова работает в научно-исследовательском институте и делает свои первые научные публикации, среди которых и статья «К вопросу о принципах составления русско-национальных словарей» (1963).

В 1964 г. М.И. Скворцов опять возвращается в журналистику. Следующей ступенью в журналистской карьере Михаила Ивановича стало назначение заместителем председателя Комитета по радиовещанию и телевидению при Совете Министров Чувашской АССР. В течение трех лет (1964–1967) он плодотворно трудится над улучшением качества передач, сам активно готовит передачи.

С 1967 г. Михаил Иванович преподает на кафедре русского языка филологического факультета Чувашского государственного педагогического института имени И.Я. Яковлева, а через год поступает в очную аспирантуру сектора тюркологии Института языкознания АН СССР, где его научным руководителем является известный тюрколог Ахнеф Ахметович Юлдашев. В это же время Михаил Иванович включается в авторскую и редакторскую работу по

составлению «Русско-чувашского словаря», изданного в Москве в 1971 г., что явилось важным этапом в развитии чувашской лексикографии.

В 1972 г. он успешно защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата филологических наук на тему «Старочувашская общественно-политическая лексика (дорусский период)», была опубликована серия его статей по историческому развитию лексики чувашского языка («Еще раз об арабско-персидском вкладе в чувашскую лексику» (1969), «Терминология ремесел в словаре Н.И. Ашмарина» (1971), «О некоторых особенностях чувашских народных названий растений» (1971), «Хаçат чĕлхинчи обществăпа политика терминĕсем» (1981), «К вопросу о составе общественно-политической лексики и терминологии» (1972), «Древние титулы в чувашской топонимии» (1972) и др.

М.И. Скворцов продолжает в это время и педагогическую деятельность. После окончания аспирантуры с 1971 г. он работает на кафедре русского языка Чувашского государственного пединститута имени И.Я. Яковлева, с 1973 г. является доцентом этой кафедры. Читает курсы введения в языкознание, современного русского языка, сопоставительной грамматики русского и чувашского языков, руководит дипломными работами, выполненными в рамках анализа чувашско-русского двуязычия, с использованием ономастического материала и т.д. В период с 1974 г. по 1976 г. Михаил Иванович является деканом филологического факультета данного института. Именно в это время устанавливаются и начинают широко развиваться чувашско-венгерские культурные связи. Определенный вклад в развитие этих связей внес и М.И. Скворцов, так как он имел личные контакты с рядом венгерских исследователей, вел постоянный обмен научной информацией. Следует также отметить, что чисто практическим содействием лучшему взаимопониманию и развитию общения между жителями Хевеша и Чувашии стал «Русско-чувашско-венгерский разговорник», изданный им в 1981 г. совместно с Ласло Захемски.

В 1973 г. выходит из печати «Русско-чувашский словарь общественно-политических терминов», автором-составителем которого является М.И. Скворцов. Этот словарь стал своего рода научным, лексикографическим обобщением выработанных и проверенных на практике принципов перевода.

Область научной деятельности М.И. Скворцова охватывает несколько взаимосвязанных направлений. С начала 1970-х гг. он начинает разрабатывать еще один пласт словарного состава чувашского языка – ономастическую лексику. Ономы все еще остаются «белым пятном» на карте чувашских лингвистических изысканий, и такие статьи Скворцова, как «Тăван из персидского Диван» (1972), «Древние титулы в чувашской ономастике» (1973–1976), «Этнические названия в чувашской топонимии и антропонимии» (1977), открыли новую перспективу исследования обширной области собственных имен.

Начиная с 1972 г. М.И. Скворцов ведет авторскую работу, руководит авторским коллективом и редактирует новый «Чувашско-русский словарь». Им же была написана инструкция по составлению словаря. После десятилетнего труда «Чувашско-русский словарь» вышел в свет и выдержал уже два издания (1982, 1985). «Чувашско-русский словарь» дает наглядное представление о современных нормах словоупотребления чувашского литературного языка. Новый словарь, будучи многоцелевым изданием, содержащим элементы толкования и представляющим собой первую попытку использовать лингвострановедческий подход в подаче реалий чувашской жизни, быта и духовной культуры, стал настольной книгой для любого его пользователя: лингвиста,

редактора, литератора, студента и т.д. Ведь словари не только долго делаются, но и долго живут. Разумеется, новый словарь – это плод коллективной работы. Но весома в нем доля и Михаила Ивановича (помимо чисто авторской работы и общей редакции), написавшего содержательное предисловие, составившего списки словообразовательных аффиксов чувашского языка и географических наименований. По итогам работы над этим словарем М.И. Скворцов был награжден Почетной грамотой Президиума Верховного Совета Чувашской АССР.

С сентября 1977 г. М.И. Скворцов работает на кафедре чувашского языкознания историко-филологического факультета Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова. Здесь он ведет ряд самых разнообразных курсов: современный чувашский язык (фонетика и лексика), введение в языкознание, основы чувашской этимологии, сравнительная грамматика тюркских языков, теория и практика перевода, чувашская лексикография. Отдавая много сил педагогической работе, умело вовлекая студенческую аудиторию в круг своих научных интересов, Михаил Иванович как бы создал вокруг себя рабочую группу из числа студентов, занимающихся практической лексикографией. Курсовые и дипломные работы, выполняемые под его руководством, как правило, имели дальнюю перспективу и могут быть продолжены в виде самостоятельных научных исследований. В 80-е гг. XX в. кафедра чувашского языкознания выпустила серию чувашско-русских словарей лингвистических терминов, подготовленных под руководством и общей редакцией М.И. Скворцова [4. С. 35].

Судьба периодически возвращала Михаила Ивановича к журналистской деятельности. В 1978–1983 гг. он занимает должность редактора университетской газеты «Ульяновец». При всей своей занятости он с полной ответственностью отнесся к новому поручению и принялся руководить выпуском газеты. Были введены и новшества, например, ко Дню Победы подготовили специальную страницу «Звездочка», где печатались статьи и материалы А. Бруева «Воспитывать патриотов», С. Николаева «Это было под Ржевом», В. Чекушкина «Цветы на солдатских могилах» и др. Следующее новшество – специальная страница СНО, она знакомила с деятельностью студенческого научного общества и новостями. В течение семи лет М.И. Скворцов трудился в качестве редактора газеты и был благодарен людям, которые поддерживали его в трудные минуты. С особой теплотой он вспоминал всемирно известного чувашского историка академика В.Д. Димитриева, которого считал эталоном научной компетентности, профессоров Г.Е. Корнилова, В.Н. Саперова и др. [1. С. 71–81; 2. С. 257].

С 1989 г. М.И. Скворцов начинает работать в Институте образования Чувашской Республики. Он разрабатывает концепцию нового учебного предмета «Культура родного края», готовит учебные программы и учебное пособие «Культура Чувашского края» (1-я часть была издана в 1995 г.), под его редакцией выходит «Хрестоматия по культуре Чувашского края: дореволюционный период» (составители Н.И. Егоров, М.Г. Данилова, 2001), аудиовизуальные средства (слайд-фильмы, фонохрестоматии, альбомы) по этому предмету. Так в поле мышления ученого появляется новая научная и весьма актуальная тема «Язык и культура». Но он не оставляет своей любимой лексикографии. Выходят из печати «Русско-чувашский словарь для учащихся» (1992, 1997), «Тематический чувашско-русский словарь для учащихся» (1989, 1996), «Чувашско-татарский словарь» (1994), «Чувашско-

русский и русско-чувашский словарь» (1999), «Русско-чувашский словарь» (2002, в соавторстве с А.В. Скворцовой) и др.

Работая в Чувашском республиканском институте образования, Михаил Иванович снова проявил организаторские способности. Была создана кафедра методики преподавания чувашского языка, литературы и культуры. Он заведовал этой кафедрой. Для работы над новым учебным предметом подбирал кадры, привлекал к работе искусствоведов (А.Г. Григорьев), художников (В.Н. Овчинников), этнографов (Н.И. Егоров, Б.М. Матвеев), исследователей истории чувашского народа (В.П. Иванов) др. Михаил Иванович часто и охотно выступал с содержательными докладами на научных конференциях и сессиях. В частности, он принимал участие во II Всесоюзной тюркологической конференции, IX региональной конференции по диалектологии тюркских языков, XI Международном конгрессе по ономастике, I, II, и III совещаниях по теории и практике этимологических исследований, Всесоюзной конференции по лексикографии. М.И. Скворцов вел большую общественную работу как член комиссии по переводу официальных документов, член орфографической и терминологической комиссий.

Как настоящий ученый, М.И. Скворцов воспитал и оставил свою научную школу. Многие бывшие студенты благодарны ему, и в настоящее время непосредственно продолжают дело своего наставника на ниве чувашской лингвистики.

В 1991 г. на базе своей кафедры Михаил Иванович организовал и возглавил курсы заведующих кафедрами национальных филологий и ИПК РНО России. На этих курсах успешно дал мастер-классы по теме «Язык и культура».

После успешной защиты докторской диссертации в 1996 г. М.И. Скворцову было присвоено ученое звание профессора, он избран членом-корреспондентом Национальной академии наук и искусств Чувашской Республики, действительным членом Инженерно-технологической академии Чувашской Республики. В 1997 г. ему было присвоено почетное звание «Заслуженный деятель науки Чувашской Республики».

Научная и педагогическая деятельность М.И. Скворцова тесно связана с жизнью, людьми. Он беседовал с каждым посетителем лично, это были в основном учителя, давал им советы и сам выслушивал их предложения. Эти встречи вдохновляли его в дальнейшей кропотливой и неимоверно сложной работе по составлению словарей. В 2000-е гг. он плодотворно работает над отраслевыми двуязычными словарями. В 2004 г. издается его «Русско-чувашский словарь социальной лексики», в 2006 г. – «Русско-чувашский словарь заимствованных слов» в соавторстве с Л.Д. Башкировым. В него включены заимствованные через русский язык и используемые в чувашском литературном языке слова, главным образом западноевропейского происхождения.

В 2006 г. впервые в практике чувашской лексикографии и юриспруденции создан корпус терминов и терминологических сочетаний «Русско-чувашский словарь юридических терминов», авторы-составители М.И. Скворцов и Д.Ф. Семенов, научный редактор А.И. Ухтияров [5. С. 142–145; 3. С. 15]. В 2016 г. авторы переиздали словарь под названием «Русско-чувашский словарь правовых знаний». В словарь внесены дополнения и исправления, он содержит более 9000 терминов, используемых в современном законодательстве Российской Федерации.

Так или иначе стержнем всей научной деятельности М.И. Скворцова выступает лексикография. Венцом его лексикографических трудов стал «Русско-чувашский словарь» в двух томах, изданный в 2012 г. Словарь представляет собой своеобразный итог русско-чувашской лексикографии, призванный достаточно полно отразить состояние современного русского языка в общем употреблении и динамике развития за последние десятилетия.

В 2013 г. вышла книга «Вопросы чувашской лексикологии и лексикографии» – сборник основных трудов по лексикологии, лексикографии и переводоведению М.И. Скворцова.

Главное богатство Михаила Ивановича Скворцова – авторитетного журналиста, непревзойденного переводчика, мудрого педагога, хорошо известного в тюркском мире лингвиста, этимолога, опытнейшего лексикографа, человека с большой буквы – заключается в его идеях, которыми он обогатил чувашскую лексикографию, многочисленных трудах. Всю свою жизнь он работал не покладая рук. М.И. Скворцов – великий труженик лексикографии – оставил нам богатое наследие: около 200 публикаций, в том числе 4 монографии, свыше 30 словарей, 12 учебных пособий и программ. Им составлено, отредактировано и издано более 20 научных и методических сборников. Кроме того, при жизни он успел подготовить и отредактировать двухтомный «Чувашско-русский словарь» (около 130 печатных листов), «Татарско-чувашско-русский словарь», «Словарь медицинских терминов», которые дожидаются своей очереди на выпуск, а читатели ждут с нетерпением.

Литература

1. *Данилов А.П., Данилов А.А.* История становления и развития журналистского образования в Чувашском государственном университете имени И.Н. Ульянова // Вестник Чувашского университета. 2017. № 2. С. 71–81.

2. *Данилова М.Г., Дегтярёва И.В.* Чăваш Республикинчи массăллă информаци хатĕрĕсем кăмăл-сипет, этеплĕх ыйтăвĕсене çутатни // Ашмаринские чтения: сб. тр. X Междунар. науч.-практ. конф. (Чебоксары, 20–21 окт. 2016 г.) / сост. и отв. ред. О.Г. Владимирова, А.М. Иванова. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2016. С. 257.

3. *Данилова М.Г.* Чувашская лингвистическая терминология. Опыт изучения национального и интернационального компонентов в терминологической системе: дис. ... канд. филол. наук. Чебоксары, 2004. С. 15.

4. *Данилова М.Г.* Лингвистическая терминология в системе чувашского литературного языка. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2006. С. 35.

5. *Данилова М.Г.* «Русско-чувашский словарь юридических терминов» и проблемы формирования правовой терминологии в чувашском языке // Вестник Чувашского университета. 2015. № 2. С. 142-145.

6. *Скворцов М.И.* Вопросы чувашской лексикологии, лексикографии и переводоведения. Чебоксары: ЧГИГН, 2013. 320 с.

7. *Хузангай А.П.* Он перетолмачил родной язык // Профессор Скворцов Михаил Иванович. К 70-летию со дня рождения / сост. М.Г. Данилова, Ю.М. Виноградов / Чувашский Республиканский институт образования. Чебоксары, 2003. С. 4.

ДАНИЛОВА МАРГАРИТА ГАВРИЛОВНА – кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (dpy1995@gmail.com).

ДАНИЛОВ АНДРЕЙ АНАТОЛЬЕВИЧ – доктор исторических наук, профессор кафедры журналистики, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (danilov.andrey@mail.ru).

M. DANILOVA, A. DANILOV

M.I. SKVORTSOV: A CREATIVE PORTRAIT OF THE JOURNALIST, TRANSLATOR, TEACHER, AND LEXICOGRAPHER

Key words: *history, journalism, science, Skvortsov Mikhail Ivanovich.*

The article examines in detail the life and activities of a famous journalist, philologist, editor, translator, lexicographer, doctor of Philology (1993), Professor (1996), honored scientist of the Chuvash Republic Skvortsov Mikhail Ivanovich. In 1949 M.I. Skvortsov graduated from Churachiky high school with a silver medal. The same year he entered the faculty of history and philology of Kazan State University named after V.I. Ulyanov-Lenin. Having a huge experience in journalism and translation work, Mikhail Ivanovich finally decided to do science. In 1960 he started working at the research Institute of language, literature, history and economics under the Council of Ministers of the Chuvash ASSR, he served internship at the Institute of Oriental languages at MSU. Beginning with 1967, Mikhail Ivanovich taught at the Russian language department of Philology faculty of the Chuvash State Pedagogical Institute named after I. Ya. Yakovlev, and a year later he entered a graduate school of Turkology sector of the Institute of Linguistic Research of the Russian Academy of Sciences. Fate periodically returned Mikhail to journalistic activities. In 1978-1983 he was the editor of the University newspaper "Ulyanovets". In 1989 M. I. Skvortsov started working at the Institute of education of the Chuvash Republic. After a successful defense of his doctoral dissertation in 1996 M.I. Skvortsov was awarded with the academic title of a Professor, he was elected a corresponding member of the National Academy of Sciences and Arts of the Chuvash Republic. In 1997 he was awarded with the honorary title "Honored scientist of the Chuvash Republic". M.I. Skvortsov made a great contribution to the development of actual problems of Chuvash and Turkic lexicography, terminology, historical lexicology, onomastics, theory and practice of translation. He is the author of academic dictionaries: "Russian-Chuvash" in two volumes, "Chuvash-Russian" in two volumes as well as several school textbooks and lexicographical works.

References

1. Danilov A.P., Danilov A.A. *Istoriya stanovleniya i razvitiya zhurnalist-skogo obrazovaniya v Chuvashskom gosudarstvennom universitete imeni I.N. Ul'yanova* [The history of formation and development of journalism education in the Chuvash state University named I.N. Ulyanov]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta*, 2017, no. 2, pp. 71–81.

2. Danilova M.G., Degtyareva I.V. *Osveshchenie voprosov nravstvennosti v SMI Chuvashskoi Respubliki* [Coverage of issues of morality in the media of the Chuvash Republic]. *Ashmarinskie chteniya: sb. trudov X mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (Cheboksary, 20–21 okt. 2016 g.* [Proc. of Int. Sci. Conf. «Almatinskie reading»]). Cheboksary, Chuvash State Univesity Publ., 2016, p. 257.

3. Danilova M.G. *Chuvashskaya lingvisticheskaya terminologiya. Opyt izucheniya natsional'nogo i internatsional'nogo komponentov v terminologicheskoi sisteme: dis. ... kand. filol. nauk* [Chuvash linguistic terminology. The experience of studying national and international components in a terminological system. Doct. Diss.]. Cheboksary, 2004, p. 15.

4. Danilova M.G. *Lingvisticheskaya terminologiya v sisteme chuvashskogo literaturnogo yazyka* [Linguistic terminology in the system of Chuvash literary language]. Cheboksary, Chuvash State Univesity Publ., 2006, p. 35.

5. Danilova M.G. *«Russko-chuvashskii slovar' yuridicheskikh termi-nov» i problemy formirovaniya pravovoi terminologii v chuvashskom yazyke* ["Russian-Chuvash dictionary of legal terms" and problems of formation of legal terminology in Chuvash language]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta*, 2015, no. 2, p. 142–145.

6. Skvortsov M.I. *Voprosy chuvashskoi leksikologii, leksikografii i perevodovedeniya* [Chuvash lexicology, lexicography and translation studies]. Cheboksary, 2013, 320 p.

7. Khuzangai A.P. *On peretolmachil rodnoi yazyk* [He was peretolmachit native language]. *Professor Skvortsov Mikhail Ivanovich. K 70-letiyu so dnya rozhdeniya* [Professor Skvortsov, Mikhail Ivanovich. To the 70-anniversary from birthday]. Cheboksary, 2003, p. 4.

DANILOVA MARGARITA − Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of Journalism Department, Chuvash State University, Russia, Cheboksary (dpy1995@gmail.com).

DANILOV ANDREY – Doctor of Historical Sciences, Professor of Journalism Department, Chuvash State University, Russia, Cheboksary (danilov.andrey@mail.ru).

Формат цитирования: *Данилова М.Г., Данилов А.А.* М.И. Скворцов: творческий портрет журналиста, переводчика, педагога и лексикографа // Вестник Чувашского университета. – 2018. – № 2. – С. 54–61.

УДК 070(470.344)(092)"19"
ББК Х600.3(2Рос.Чув)6-8Иванов

М.Г. ДАНИЛОВА, А.А. ДАНИЛОВ, А.М. ЭШКЕРАТ

ИСТОРИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ В ЛИЦАХ: ЖУРНАЛИСТ-ФРОНТОВИК, РЕДАКТОР, ОБЩЕСТВЕННЫЙ ДЕЯТЕЛЬ И ИССЛЕДОВАТЕЛЬ М.И. ИВАНОВ

Ключевые слова: *история, региональная журналистика, наука, «Советская Чувашия», Даниил Эльмень.*

В статье подробно изучена жизнь и деятельность известного общественного деятеля, прославленного журналиста-фронтовика М.И. Иванова. Особое внимание уделяется его деятельности в различных СМИ Чувашской Республики. Белым пятном остаются годы творческой биографии в плане научной и преподавательской деятельности на факультете журналистики Чувашского государственного университета, где он проработал 17 лет (1998–2015). Цель данной статьи – проанализировать ряд публикаций М.И. Иванова, посвященных вопросам экономического, социального и культурного развития Чувашии в коллективных сборниках и периодической печати, книги, изданные в этот период, главное направление которых – история отечественной и региональной журналистики. Методологической основой данного исследования являются принципы историзма, системность и целостное изучение, позволяющие раскрыть общие закономерности исторических, общественно-политических взглядов и мировоззренческих представлений видного чувашского ученого и общественного деятеля. В работе широко использовался междисциплинарный подход на стыке исторической науки и журналистики. М.И. Иванов в течение более 45 лет работал в средствах массовой информации Чувашии, является автором более 10 художественных и документальных книг, учебных пособий по истории отечественной и региональной журналистики, внес огромный вклад в подготовку журналистских кадров.

Иванов Михаил Иванович (15.11.1927 – 20.02.2017) – участник Великой Отечественной войны, член Союза журналистов России (1961), известный журналист, общественный деятель, доцент, кандидат исторических наук (2011), заслуженный работник культуры Чувашской Республики (2005). О Михаиле Иванове написано много в разных изданиях и ипостасях. Белым пятном остаются годы творческой биографии в плане научной и преподавательской деятельности на факультете журналистики Чувашского государственного университета, где он проработал 17 лет (1998–2015). К 90-летию со дня рождения известного журналиста хотелось бы восполнить этот пробел, так как вся жизнь его (шесть десятилетий) отданы служению печатному слову – журналистике.

Есть люди, чья судьба настолько необычна и удивительна, а жизнь полна событиями, на долю которых выпало уже в детстве и юности быть свидетелями и даже участниками таких событий, которые оказались переломными для судеб множества людей, по которым можно судить о жизни целой эпохи. Так можно сказать о Михаиле Ивановиче, пережившем множество испытаний и знаменательных дат: коллективизацию в деревне, организацию колхозов. Еще ребенком он стал свидетелем репрессий сталинских годов, подростком пережил холодные и голодные первые годы войны в тылу, а едва исполнилось семнадцать – призыв в армию, участие в войне против милитаристской Японии, после – служба по охране воздушных рубежей на Дальнем Востоке.

Михаил Иванов родился в небольшой деревеньке Эльбарусово Мариинско-Посадского района Чувашской АССР. Отец – Иван Гаврилович, хлебопа-

шец, участник гражданской войны. В нем воплощены лучшие черты чувашского национального характера: исключительное трудолюбие, уравновешенность, готовность помочь другим, не знавший ни суетных мыслей, ни суетных поступков, с неиссякаемым запасом душевной прочности, уважаемый сельчанами человек. Мать, Екатерина Сергеевна, была трудолюбивой и самоотверженной женщиной, которой в то же время были присущи поразительное чувство красоты и такта.

Михаил окончил Эльбарусовскую среднюю школу (1944). В школе работали несколько творческих кружков, где учащиеся в свободное от учебы время занимались литературой или изобразительным искусством. Михаил активно подходил к выпуску школьных настенных газет, не только сочиняя стихи и рассказы, но делая рисунки к ним. В четвертом классе начал писать рассказы, стихи. А в канун гитлеровского нападения на Россию стихотворение, написанное им, было опубликовано в районной газете. Свои работы он также посылал в республиканские детские издания, которые были опубликованы в газете «Пионер сасси». С первых дней войны Михаилу пришлось прощаться с детством и отрочеством. В течение двух зим перед призывом, совмещая учебу в школе, по просьбе председателя сельсовета Михаил заведовал сельским клубом, написал первую сценическую инсценировку. Во время каникул продолжал работать в колхозе. Едва ему исполнилось 17, попал на фронт, даже не получив аттестата о среднем образовании. Служил в Советской Армии (1944–1952). Увлечение рисованием в школе Михаилу пригодилось и во время службы: при подготовке к полету он рисовал наглядные схемы, таблицы, диаграммы, рисунки. После войны он возвратился в родное Эльбарусово для сдачи экзаменов и получения аттестата о среднем образовании. О родине своего детства Михаил Иванов всегда рассказывал поэтично. И во время войны, и во время учебы, в каких только городах не успел он побывать, эта малая родина словно магнитом манила к себе на протяжении всей жизни, он все равно вернулся к истокам, на чувашскую землю [6. С. 71–81].

В дальнейших планах было поступление в вуз. Михаил прошел большой конкурс (18 человек на место). Затем годы учебы на факультете журналистики Ленинградского государственного университета имени А.А. Жданова (1958). О том, насколько плодотворно учился Михаил Иванов, свидетельствует тот факт, что еще в первые годы учебы он получал именную стипендию, а на последних двух курсах являлся ленинским стипендиатом. Начинал свою журналистскую практику в одной из самых популярных газет – «Вечерний Ленинград». В период летних каникул практиковался в изданиях республики Осетии. Еще в студенческие годы состоялось знакомство Михаила с сотрудниками редакции газеты «Советская Чувашия». По окончании учебы Михаил получил приглашение на работу в литературоведческом журнале Пушкинского дома Академии наук. Одновременно поступило и другое предложение – начать работать в газете «Советская Чувашия». Редакция обещала со временем выделить квартиру, и этот фактор стал основным в выборе места работы.

Выбрав для себя журналистику главной музой жизни, Михаил Иванов полвека оставался верен ей, и даже будучи автором более десятка изданных книг, был публицистом. «Журналистом я собирался стать потому, что хотелось поддерживать в людях добрые, созидательные порывы» [10. С. 52], – пишет он в своих воспоминаниях.

К трудовой деятельности Михаил Иванов приступил как человек, набравшийся жизненного опыта на войне, закончивший университет во второй столице нашей родины, практикующий журналист. Началась его карьера с должности литературного сотрудника отдела сельского хозяйства. Но в этой должности он работал недолго, через месяц его назначили литературным секретарем редакции. Редакция нуждалась в надежном и ответственном человеке, и он был найден. В обязанности Михаила входили литературная правка текста, который сдается в номер, подготовка макета номерных полос, верстка. В должности литературного секретаря он проработал более трех лет, что дало ему полное представление о всей специфике редакторской и технической работы над материалом. Тогда же он нашел свою нишу в журналистике – вопросы культуры, искусства, литературы – что было для него интересно. По ночам переводил на русский язык отрывки из романа Н. Мраньки «Жизнь прожить не поле перейти», путевые очерки Ф. Уяра «В Шуше у подножия Саян», Г. Краснова «Почему молчит ОРЖ?», научно-фантастическую повесть «Треснутая трубка» и др. Первая же книга Михаила Иванова вышла в свет в 1961 г. Называлась она «Хозяйка королевы полей», написана в жанре очерков. Затем были изданы книги «Человек из легенды» (1968), «Перед восходом солнца» (1972), «Приглашение в Чувашию» (1972), «Под крылышком “отца народов”» (1989), «Ступени судьбы» (2002). Героев для своих многочисленных очерков Михаил Иванов брал из своей журналистской практики: среди них и передовые колхозники, и фигуры мирового масштаба, навсегда оставившие след в истории, прославившие Чувашию. Писать о них было делом чести и гордости за родину и ограничиваться газетными рамками, рассказывая об их подвиге, было просто невозможно.

С доскональностью, придавая значение каждой мелочи, которая могла бы быть полезна в воссоздании образа этого героя потомкам, пишет Иванов о знатном сыне Чувашии, третьим из отряда космонавтов познавшем просторы космоса. «Звездный час космонавта-три» – как и большинство работ Иванова, написан в публицистическом стиле. Это хронологическая последовательность действий, которые предпринимала газета «Советская Чувашия», освещая события 11 августа 1962 г., и того резонанса, который вызвал полет в космос космонавта-3, выходца из Чувашской Республики. Это также летопись тех событий, связанных с именем Андрияна Николаева, свидетелем которых посчастливилось стать Михаилу Иванову.

Следующей ступенью в журналистской карьере Михаила Иванова стало назначение заведующим отделом культуры, литературы и искусства газеты «Советская Чувашия». Ему особенно хорошо удавались статьи, связанные с этой тематикой. Он часто пробовал себя в роли литературного критика, выступая на страницах «Советской Чувашии» с рецензиями на произведения современных ему авторов, театральные постановки, кинопремьеры, понимая, что тема культуры обозначалась гораздо шире, чем освещение театральных новинок. Если судить о том, с какой быстротой Иванов продвигался по карьерной лестнице, не остается сомнений в его профессиональных качествах, хваткости и силе его журналистского пера. Среди его героев – известные художники, скульпторы, музыканты, композиторы, писатели, поэты, которые становились друзьями, а личная библиотека журналиста пополнялась дарственными экспонатами книг. Плеяда ярких, талантливых деятелей культуры Чувашии также принимала участие в публикациях на страницах «Советской

Чувашии». Среди них П. Хузангай, Я. Ухсай, А. Алга, Ф. Уяр, композитор Ф. Лукин, живописец Н. Овчинников и др. Однако спустя пять лет плодотворной работы в редакции М. Иванову под нажимом «сверху» пришлось ее покинуть. В 1964 г. ему предложили возглавить редакцию газеты «Молодой коммунист». Он упорно сопротивлялся навязанному креслу, считая, что давно вырос из молодежной газеты. Однако на заявление об отказе журналиста на заседании обкома комсомола не обратили внимания, и он принял на себя обязанности по руководству газетой. С его приходом в редакцию повысились уровень газеты и ее популярность. Уже за следующие два года усилиями главного редактора и активностью молодых сотрудников редакции тираж ее вырос в 10 раз.

Через год он получил пост заместителя ответственного редактора «Советской Чувашии», в газете, где он всегда стремился работать.

Более двадцати лет он прослужил в редакции газеты «Советская Чувашия» на разных управленческих должностях. В течение восьми лет работал заместителем редактора «Советской Чувашии», следующие пятнадцать – непосредственно руководил республиканской газетой. Находясь за «рулем» газеты, оставался не только ее главным «менеджером», но и как хороший журналист жил по принципу «ни дня без строчки». Это потом, в 2007 г., давая интервью все той же газете, он скажет, что «пресса – это все-таки бизнес» и в современном мире руководитель издания в первую очередь должен быть грамотным менеджером.

Михаил Иванов много пишет для своей газеты, работает над заказами издательств. Пишет документальную повесть о Чувашии «Радуга над Волгой» (1980, в соавт.). В те же годы налаживаются дружеские связи между чувашскими и венгерскими журналистами, один из эпизодов которых стал основой совместной книги М. и В. Ивановых «Встречи на Тисе и Волге» (1987).

В должности редактора Михаил Иванов трижды избирался депутатом Чебоксарского городского совета, как депутат возглавлял в нем административную комиссию, трижды – депутатом Верховного Совета Чувашской АССР.

После ухода из редакции по причине пенсионного возраста Михаил Иванов четыре года проработал в должности руководителя пресс-центра Государственного Совета Чувашской Республики.

С 1997 г. Михаил Иванов был председателем республиканской общественной организации ветеранов Великой Отечественной войны – воинов-дальневосточников, для которых война закончилась на Дальнем Востоке. Основная задача этой организации – пропаганда великого подвига российского народа в годы Великой отечественной войны, военно-патриотическое воспитание молодого поколения. Нужно отметить, что Михаил Иванов внес в это дело огромный личный вклад. Он проводил встречи со школьниками и студентами. Незабываемы его рассказы о войне. В 2002 г. в организации появилась Книга Славы и Почета, в которую внесены имена 125 воинов-дальневосточников за особый вклад в развитие культуры и экономики Чувашии [2, 3].

В 1998–2015 гг. Михаил Иванович преподавал на факультете журналистики в Чувашском государственном университете имени И.Н. Ульянова. Читал лекции по учебным дисциплинам «Проблематика журналистских выступлений», «Журналистское мастерство», был руководителем выпускных квалификационных работ, курсовых проектов, являлся членом Государственной аттестационной комиссии, был секретарем журналистской организации фа-

культета. Параллельно занимался исследованием творчества ряда редакторов и сотрудников редакций республиканских газет Чувашии прошлых лет [4. С. 242; 5. С. 82].

В эти годы вышло второе, дополненное издание книги «Ступени судьбы» (2002), куда вошли его произведения, «Звездный час космонавта-три», «Унесенные вихрем», «Чувашские враги московской “гостьи”», «Трагедия на берегу Суры», написанные в разные годы. Сюда же включены песни предков, переведенные Михаилом Ивановым на русский язык. На него произвели сильное впечатление тексты чувашских песен из книги «Палнай. Чувашские баллады и песни» (автор-составитель Валем Ахун). «Издание излучало сокровенные мысли и чувства народа о выпавших на его долю испытаниях, страданиях и надеждах, в нем ощущалась пестованная годами подлинная поэзия, светлая, как слеза, душа народа, его ни на минуту не перестающее биться большое, могучее сердце», – пишет Михаил Иванов. Книга открывается беседой автора с профессором А.П. Даниловым «Полвека в журналистике» и имеет ценный материал и сведения для изучения истории становления и развития чувашской журналистики.

В 2006 г. М. Иванов издает книгу «Их называли и врагами, и героями» (страницы истории чувашской журналистики). В этом исследовании изложены факты жизни и творчества двух основателей первой чувашской газеты «Хыпар» – руководителя ее редакционной коллегии Тимофея Николаева – Хури и четвертого редактора издания Павла Алексеева. В двадцатые годы прошлого века в народе их считали героями первой русской революции, а в тридцатые – они вдруг стали «врагами народа» [8. С. 3].

В 2009 г. выходит фундаментальная книга М.И. Иванова «Даниил Эльмень: острые грани судьбы» – документальное повествование об «острых гранях» судьбы одного из главных основателей Чувашской автономии Даниила Эльменя. Автор рассказывает о его детстве и юности, формировании незаурядной личности, о том, в каких условиях проходило его становление как видного государственного деятеля, известного журналиста-публициста и литератора. Книга написана на основе архивных документов, газетных материалов первой трети прошлого века, журналистских публикаций самого Д.С. Эльменя, воспоминаний современников и близких родственников. Материалы из газеты «Канаш», которую Эльмень редактировал более двух лет, его очерки и публицистические статьи, а также приведенные в книге документы, опубликованные на чувашском языке, напечатаны в переводе М. Иванова. Автор книги находит немало белых пятен в биографии человека, который стоял у истоков Чувашской автономии. Но и после этого выявилось немало новых фактов. Собранного материала хватило и на монографию, и на кандидатскую диссертацию на соискание степени кандидата исторических наук, которую Михаил Иванов успешно защитил в 2010 г. На ее основе была создана и опубликована монография «Д.С. Эльмень – организатор Чувашской автономии, журналист и публицист». Книга «Даниил Эльмень: острые грани судьбы» (2009) продолжила престижную серию «Замечательные люди Чувашии», которая начала издаваться с 2003 г. [7. С. 9].

Затем вышла книга «“Письма из деревни” ссыльного ученого А.Н. Энгельгардта» – исторический очерк, где приведены факты из жизни и деятельности выдающегося ученого. По рассказам Михаила Иванова, она была задумана еще в студенческие годы. Очерки под таким названием долгое время печатал в

«Отечественных записках» Александр Николаевич Энгельгард, сосланный в 1871 г. в Смоленскую губернию русский агроном, публицист, член «Земли и воли», профессор земледельческого института в Петербурге. Михаил Иванович был очень рад, что сумел воплотить в жизнь эту студенческую мечту. Книга используется студентами отделения журналистики в качестве дополнительного учебного пособия по истории отечественной журналистики [9. С. 10].

Перу Михаила Иванова этого периода принадлежит ряд статей по вопросам экономического, социального и культурного развития Чувашии в коллективных сборниках и периодической печати. Главное направление многих публикаций – история региональной журналистики. В частности, статья о чувашском ученом, просветителе, общественном деятеле и первом редакторе газеты «Хыпар» Н.В. Никольском «Как ученого подвела память» (объем 1,5 п.л., не опубликована). М.И. Иванов является литературным редактором книги «Городские и районные газеты Чувашии» (2007). Он участвовал в составлении и редактировании изданий «Мы солдаты Второй мировой» (2008), «Энциклопедия чувашской журналистики и печати» (2014). До последних дней жизни готовил книгу о великом педагоге-демократе И.Н. Ульянове [1].

Журналистская деятельность М.И. Иванова сыграла огромную роль в становлении печатных СМИ Чувашской Республики. Неоценима его роль в подготовке журналистских кадров. За 17 лет работы доцентом кафедры журналистики Чувашского госуниверситета имени И.Н. Ульянова свой опыт, накопленный за десятилетия практической журналистской работы, как и житейский опыт, он передал новому поколению, стремился посеять добрые семена в душах молодежи. Как ученый М.И. Иванов внес большой вклад в исследование биографии и творческого наследия известного чувашского государственного политического деятеля Д.С. Эльменя, истории отечественной и чувашской журналистики.

Литература

1. В Чебоксарах попрощались с бывшим главным редактором «Советской Чувашии» Михаилом Ивановым [Электронный ресурс] // ГТРК «Чувашия»: сайт. URL: http://www.chgtrk.ru/?c=view&id=15099 (дата обращения: 10.01.2018).

2. В Чувашском госуниверситете имени И.Н. Ульянова состоялась встреча с участником Великой Отечественной войны, воином-дальневосточником М.И. Ивановым [Электронный ресурс] // Отделение журналистики Чувашского госуниверситета: сайт. URL: http://journ.chuvsu.ru/index.php/novosti/novosti/item/4827-v-chuvashskom-gosuniversitete-imeni-i-n-ulyanova-sostoyalas-vstrecha-s-uchastnikom-velikoj-otechestvennoj-vojny-voinom-dalnevostochnikom-m-i-ivanovym (дата обращения: 10.01.2018).

3. Глава Чувашии вручил участникам Великой Отечественной войны юбилейные медали [Электронный ресурс] // Отделение журналистики Чувашского госуниверситета: сайт. URL: http://journ.chuvsu.ru/index.php/novosti/novosti/item/4729-glava-chuvashii-vruchil-uchastnikami-velikoj-otechestvennoj-vojny-yubilejnye-medali-video (дата обращения: 12.01.2018).

4. *Данилов А.А., Данилов А.П., Данилова М.Г.* Медиатекст веб-формата в современной новостной журналистике Чувашии // Ашмаринские чтения: сб. тр. X Междунар. науч.-практ. конф. (Чебоксары, 20-21 октября 2016 г.) / сост. и отв. ред. О.Г. Владимирова, А.М. Иванова. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2016. С. 242.

5. *Данилов А.А., Данилов А.П., Данилова М.Г., Мытников А.Н.* «Новые медиа» и массмедиа в Чувашии: стратегии взаимодействия // Мультимедийная журналистика Евразии-2015: медиатизация социально-культурного пространства и медиакратия в условиях новой медиареальности Востока и Запада: сб. материалов и науч. ст. IX Междунар. науч.-практ. конф. (Казань, 10-11 декабря 2015 года) / науч. ред. проф. Е.С. Дорощук. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2016. С. 82.

6. *Данилов А.П., Данилов А.А.* История становления и развития журналистского образования в Чувашском государственном университете имени И.Н. Ульянова // Вестник Чувашского университета. 2017. № 2. С. 71–81.

7. *Иванов М.И.* Даниил Эльмень: острые грани судьбы. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2009. С. 9.

8. *Иванов М.И.* Их называли и героями, и врагами. Страницы истории чувашской журналистики. Чебоксары: Изд-во Чуваш. Ун-та, 2006. С. 3.

9. *Иванов М.И.* Письма «Из деревни» ссыльного ученого А.Н. Энгельгардта: ист. очерк / М.И. Иванов. Чебоксары: Изд-во Чуваш. Ун-та, 2013. С. 10.

10. *Иванов М.И.* Ступени судьбы. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2012. С. 52.

ДАНИЛОВА МАРГАРИТА ГАВРИЛОВНА – кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (dpy1995@gmail.com).

ДАНИЛОВ АНДРЕЙ АНАТОЛЬЕВИЧ – доктор исторических наук, профессор кафедры журналистики, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (danilov.andrey@mail.ru).

ЭШКЕРАТ АМИН МУХАМАД – кандидат исторических наук, доцент кафедры журналистики, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (eshkeratamin@gmail.com).

M. DANILOVA, A. DANILOV, A. ESHKERAT

HISTORY OF REGIONAL JOURNALISM IN PERSONS: A JOURNALIST, A SOLDIER, AN EDITOR, A PUBLIC FIGURE AND A RESEARCHER M.I. IVANOV

Key words: *history, regional journalism, science, "Soviet Chuvashia", Daniel Elmen.*

The article examines in detail the life and activities of a famous journalist-war veteran, an editor, a public figure and a researcher Mikhail Ivanovich Ivanov. Special attention is paid to his activities in various mass media companies of the Chuvash Republic. Years of creative biography in terms of research and teaching activities at the Journalism Faculty of the Chuvash State University, where he worked for 17 years (1998-2015) remain a blind spot. The purpose of this article is to analyze a number of publications by M.I. Ivanov, dedicated to issues of economic, social and cultural development of Chuvashia in collective anthologies and periodicals, books published during this period, the main field of which is history of domestic and regional journalism. The present study is methodologically based on the principles of historicism, systematic and holistic studying, making it possible to uncover regularities of historical, socio-political views and ideological representations of the prominent Chuvash scientist and public figure. A multidisciplinary approach at the intersection of historical science and journalism is widely used is the present work. For more than 45 years M.I. Ivanov worked in the media of Chuvashia, he is the author of more than 10 fiction books and documentaries, textbooks on the history of domestic and regional journalism, he made a huge contribution to journalists' staff training.

References

1. *V Cheboksarakh poproshchalis' s byvshim glavnym redaktorom «Sovetskoi Chuvashii» Mikhailom Ivanovym* [In Cheboksary said goodbye to the former editor-in-chief of "Sovetskaya Chuvashia" Mikhail Ivanov]. Available at: http://www.chgtrk.ru/?c=view&id=15099.

2. *V Chuvashskom gosuniversitete imeni I.N. Ul'yanova sostoyalas' vstrecha s uchastnikom Velikoi Otechestvennoi voiny, voinom-dal'nevostochnikom M.I. Ivanovym* [In Chuvash state University named after I.N. Ulyanova had a meeting with the participant of the great Patriotic war, warrior-far East M. I. Ivanov]. Available at: http://journ.chuvsu.ru/index.php/novosti/novosti/item/4827-v-chuvashskom-gosuniversitete-imeni-i-n-ulyanova-sostoyalas-vstrecha-s-uchastnikom-velikoj-otechestvennoj-vojny-voinom-dalnevostochnikom-m-i-ivanovym.

3. *Glava Chuvashii vruchil uchastnikam Velikoi Otechestvennoi voiny yubileinye medali* [The head of Chuvashia presented jubilee medals to the participants of the great Patriotic war]. Available at: http://journ.chuvsu.ru/index.php/novosti/novosti/item/4729-glava-chuvashii-vruchil-uchastnikami-velikoj-otechestvennoj-vojny-yubilejnye-medali-video.

4. Danilov A.A., Danilov A.P., Danilova M.G. *Mediatekst veb-formata v sov-remennoi novostnoi zhurnalistike Chuvashii* [Media text web format in modern news journalism Chuvash Republic]. *Ashmarinskie chteniya: sb. trudov X Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (Cheboksary, 20-21 okt. 2016 g.)* [Proc. of X Int. Sci. Conf. «Almatinskie reading»]. Cheboksary, Chuvash State Univesity Publ., 2016, p. 242.

5. Danilov A.A., Danilov A.P., Danilova M.G., Mytnikov A.N. *«Novye media» i massmedia v Chuvashii: strategii vzaimodeistviya* [New media and mass media in Chuvashia: engagement strategies]. *Mul'timediinaya zhurnalistika Evrazii-2015: mediatizatsiya sotsial'no-kul'turnogo prostranstva i mediakratiya v usloviyakh novoi mediareal'nosti Vostoka i Zapada: sb. materialov i nauch. st. IX Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* [Proc. Of IX Int. Sci. Conf. «Multimedia journalism of Eurasia-2015»]. Kazan, Kazan, State Univesity Publ., 2016, p. 81.

6. Danilov A.P., Danilov A.A. *Istoriya stanovleniya i razvitiya zhurnalistskogo obrazovaniya v Chuvashskom gosudarstvennom universitete imeni I.N. Ul'yanova* [The history of formation and development of journalism education in the Chuvash state University named I.N. Ulyanov]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta*, 2017, no. 2, pp. 71-81.

7. Ivanov M.I. *Daniil El'men': ostrye grani sud'by* [Daniel Elmen: the sharp edges of fate]. Cheboksary, Chuvash State Univesity Publ., 2009, p. 9.

8. Ivanov M.I. *Ikh nazyvali i geroyami, i vragami. Stranitsy istorii chuvashskoi zhurnalistiki* [They were called heroes and enemies. Pages of history of Chuvash journalism]. Cheboksary, Chuvash State Univesity Publ., p. 3.

9. Ivanov M.I. Pis'ma «Iz derevni» ssyl'nogo uchenogo A.N. Engel'gardta [Letters "from the village" exiled scientist An. Engelhardt]. Cheboksary, Chuvash State Univesity Publ., p. 10.

10. Ivanov M.I. *Stupeni sud'by* [The stair of destiny]. Cheboksary, Chuvash State Univesity Publ., 2012, p. 52.

DANILOVA MARGARITA − Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of Journalism Department, Chuvash State University, Russia, Cheboksary (dpy1995@gmail.com).

DANILOV ANDREY – Doctor of Historical Sciences, Professor of Journalism Department, Chuvash State University, Russia, Cheboksary (danilov.andrey@mail.ru).

ESHKERAT AMIN MUHAMMAD − Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of Journalism Department, Chuvash State University, Russia, Cheboksary (eshkeratamin@gmail.com).

Формат цитирования: *Данилова М.Г., Данилов А.А., Эшкерат А.М.* История региональной журналистики в лицах: журналист-фронтовик, редактор, общественный деятель и исследователь М.И. Иванов // Вестник Чувашского университета. – 2018. – № 2. – С. 62–69.

УДК 93/99:39(470)
ББК 63.3:63.5

О.А. ДАНИЛОВА, Е.В. АГАЕВА

ОСОБЕННОСТИ ТВОРЧЕСТВА КОМПОЗИТОРОВ ЧУВАШИИ (20–30-е годы XX века)*

Ключевые слова: *творчество, интеллигенция, творческая деятельность, духовная культура, музыкальное искусство, музыкальное творчество.*

Статья посвящена осмыслению музыкального творчества интеллигенции Чувашии в 20–30-е гг. XX в., истории становления профессионального музыкального искусства Чувашии. Выявлены особенности творчества композиторов Чувашии, достижения республики в области музыкального искусства. Показано, что на творческую деятельность композиторов Чувашии оказывали влияние политические, экономические условия, национально-культурные традиции, так как каждая национальная республика в советский период имела свою специфику, условия, особенности формирования творческой интеллигенции. Истоки музыкального творчества чувашского народа обнаруживаются в древнейшем синкретическом искусстве, соединявшем слово, музыку и действие. Отмечено, что музыкальные традиции, сформировавшиеся в Симбирской чувашской учительской школе, были одним из решающих факторов развития национального искусства, становления музыкального образования в Чувашии. Ведущей тенденцией в развитии национального искусства в дооктябрьский период была его демократическая направленность (опора на фольклорное богатство своего народа, творческое использование достижений прогрессивной русской культуры, реалистическое отображение действительности). Это послужило основой для развития музыкальной культуры чувашского народа в новых исторических условиях на новых идейно-художественных принципах. Произведения первых чувашских композиторов Ф.П. Павлова, В.П. Воробьева, С.М. Максимова, Г.Г. Лискова являлись, в основном, обработкой народных песен. Ф.П. Павлов во второй половине 1920-х гг. написал ряд оркестровых произведений, освоил новые инструментальные и хоровые формы. Для музыкальной культуры Чувашии в 1920-е гг. характерна большая активность снизу, а также подъем хорового движения в чувашских уездах. Ф.П. Павлов и С.М. Максимов стремятся к поиску национального репертуара, при этом национальное начало ассоциируется с революционным. Чувашская национальная музыка должна была следовать определенным критериям, не противоречить социалистическим идеям. Композиторы республики опирались на песенное творчество чувашского народа. Особенностью творчества чувашских композиторов являлось соединение революционного текста с темами старинных народных песен. 1930-е годы в истории развития чувашской культуры, особенно в области национальной музыки – это период большого подъема, активной творческой работы художественной интеллигенции республики.

Национальные особенности духовной культуры чувашского народа проистекают от конкретных условий, в которых происходило его формирование. Творчество, как созидательная деятельность человека, эволюционирует, проявляясь в различных видах [5]. Истоки музыкального творчества чувашского народа можно обнаружить в древнейшем синкретическом искусстве, соединявшем слово, музыку и действие. Народная музыка сопровождает праздники, семейные и календарные обычаи, обряды, молодежные и детские игры. Связь музыки, хореографии, поэзии присутствует и в традиционных хороводных играх. Народная музыка отличается неповторимым своеобразием

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Чувашской Республики в рамках научного проекта № 17-13-21009.

мелодических образов. Исполнение песен многих жанров сопровождается игрой на специфически национальных, а также заимствованных у русских и других народов музыкальных инструментах [8. С. 254]. Русский писатель Н.Г. Гарин-Михайловский, описывая весенний праздник низовых чувашей, на котором он присутствовал в 1900 г., писал: «…Это было такое оригинальное пение и зрелище, какое я никогда не видел. То есть видел на сцене, в балете, опере. Но это не был ни балет, ни опера, а жизнь» [8. С. 219].

Музыкальные традиции, сформировавшиеся в Симбирской чувашской учительской школе, были одним из решающих факторов становления музыкального образования в Чувашии, развития национального искусства. Основатель и руководитель школы в течение полувека, выдающийся чувашский педагог, демократ и просветитель И.Я. Яковлев считал музыку и пение «могучим средством воспитания», одним из главных предметов обучения учащихся. И.Я. Яковлев полагал, что при обучении пению и музыке обязательными являются преподавание элементарных музыкальных сведений, голосовые упражнения, игра на скрипке, участие в хоровом пении. В школе ученики старшего класса в течение двух учебных годов обучались игре на скрипке как необходимому средству при обучении пению. Выпускники школы (было подготовлено еще в дореволюционное время для работы среди чувашского населения около тысячи учителей и учительниц) должны были не только сами уметь петь, но и организовать хор и руководить им [9. С. 129]. Они сыграли большую роль в становлении музыкального образования, в деле просвещения чувашского народа. В Симбирской чувашской учительской школе получили образование и воспитание первые чувашские композиторы Ф.П. Павлов и С.М. Максимов. Учебный план школы включал церковное пение, при этом ученики изучали сольфеджио, элементарную теорию музыки. В школе Яковлева применялась особая методика обучения и воспитания, основанная на национальных особенностях.

Ведущей тенденцией в развитии национального искусства в дооктябрьский период была его демократическая направленность (опора на фольклорное богатство своего народа, творческое использование достижений прогрессивной русской культуры, реалистическое отображение действительности). Это послужило основой для развития музыкальной культуры чувашского народа в новых исторических условиях на новых идейно-художественных принципах.

Создание Чувашской автономной области положило начало объединению национальных творческих сил. 1920–1941 гг. – важнейший этап в развитии чувашского искусства, музыкальной жизни республики. В 1920-е гг. идет процесс формирования государственной политики в области развития национального художественного творчества. Наряду с сочинениями Ф.П. Павлова и С.М. Максимова становятся известными обработки чувашских народных песен композиторами русской школы Я.В. Прохоровым, Н.И. Аладовым, Г.Г. Лобачевым. Позже появляются первые сочинения В.П. Воробьева. В 1920 г. организован первый национальный хор со своим репертуаром (его участники вошли позднее в Государственный хор), регулярно дающий концерты. В это же время возникает музыкальная школа (в Поволжском регионе одна из первых). На базе музыкальной школы впоследствии создано музыкальное училище, ставящее задачи формирования национальных кадров, появляются

музыкальные классы в Цивильске и Ядрине. Они использовали традиции и опыт Симбирской чувашской учительской школы [1. С. 87].

Становлению профессионального музыкального искусства Чувашии способствовала деятельность секций областного и уездных отделов народного образования, усилия Ф.П. Павлова, воспитанника Симбирской чувашской школы. Он возглавлял музыкальную секцию при Областном отделе народного образования, руководил Чувашским национальным хором, который впрочем вскоре распался, не получив достаточной поддержки. Но он собрал небольшой хоровой коллектив для того, чтобы представить в 1923 г. Чувашскую автономную область на Всесоюзной сельскохозяйственной и кустарно-промышленной выставке в Москве. Хор успешно гастролировал в течение полутора месяцев, в это же время состоялась грамзапись чувашских музыкальных произведений. В 1924 г. В.П. Воробьев, учитель и хоровой дирижер, вместе с Ф.П. Павловым организовал первый профессиональный коллектив – Чувашский государственный хор, создав свое первое сочинение для хора в этом же году. В 1929 г. хор с большим успехом выступил в Москве, в дальнейшем сыграв большую роль в пропаганде чувашской музыки, произведений чувашских композиторов в Чувашии и в стране. В газете «Правда» от 13 июля 1929 г. была дана высокая оценка деятельности хора: «Хор показал замечательные по звучности и необычайной мелодике чувашские песни Павлова, Воробьева и др., которые привели слушателей к всеобщему восторгу» [4]. В.П. Воробьев видел в опоре на традиции народного песенного творчества один из естественных путей развития современного музыкального искусства Чувашии, в своем сочинении он использовал напевы фольклорной гостевой песни. Произведения первых чувашских композиторов Ф.П. Павлова, В.П Воробьева, С.М. Максимова, Г.Г. Лискова являлись, в основном, обработкой народных песен. Ф.П. Павлов во второй половине 1920-х гг. написал оркестровые произведения, освоил крупные хоровые и инструментальные формы.

Национальная чувашская музыка и ее исполнители привлекли внимание после того, как С.М. Максимов организовал «Этнографические концерты» в 1926–1930 гг. Ему удалось добиться статуса Государственной капеллы (1927) для Национального хора музыкальной школы, он провел ее гастроли в Москве, Нижнем Новгороде. В условиях идеологического диктата в музыкальном творчестве обращалось внимание на идейное содержание, а художественной форме отводилась менее важная роль, тем не менее музыкальное искусство прогрессировало, ежегодно появлялись новые произведения. С.М. Максимов в 1927 г. создал марш для духового оркестра, Ф.П. Павлов – балетную фантазию и множество лирических песен. Большую популярность приобрели народные песни в обработке С.М. Максимова. В 1920-е гг. основным направлением развития музыкального творчества стала революционная и советская тематика в целях коммунистического воспитания трудящихся. Но особенностью творчества чувашских композиторов являлось соединение революционного текста с темами старинных народных песен. Например, сочинение Ф.П. Павлова «Вперед под Красным знаменем» основано на подражании народной мелодике.

Следует отметить многогранность творчества многих деятелей культуры в 1920-е гг. В музыкальном искусстве Ф.П. Павлов – композитор, дирижер, драматург, педагог, критик; С.М. Максимов – композитор, музыкант-исполни-

тель, организатор музыкального образования, ученый-фольклорист; В.П. Воробьев – композитор, фольклорист, дирижер, педагог. С одной стороны, эпоха побуждала творческие личности к самовыражению, с другой стороны, это самовыражение было ограничено всевозможными штампами. Однако в музыкальном искусстве Чувашии лидирующее положение в этот период занимали личности, сформировавшиеся на волне демократического подъема двух первых десятилетий XX в., что обусловило независимость их взглядов по отношению к советской власти. Для Ф.П. Павлова была очевидна связь «новой истории чувашской музыки» (после 1917 г.), с предшествующим периодом [9. С. 256–257].

Для музыкальной культуры Чувашии в 1920-е гг. характерна большая активность снизу, а также подъем хорового движения в чувашских уездах. Лидеры движения, прежде всего Ф.П. Павлов и С.М. Максимов, стремятся к поиску национального репертуара, при этом национальное начало ассоциируется с революционным, поскольку пробуждено революцией [1. С. 90]. Чувашская национальная музыка должна была следовать определенным критериям, требованиям. В ходе строительства социализма вслед за ущемлением политических свобод искусство стало подвергаться жесткой критике. Известное постановление ЦК ВКП(б) «О перестройке литературно-художественных организаций» не коснулось чувашского музыкального искусства, так как Союз композиторов Чувашии возник в 1940 г. Но и в художественном творчестве композиторов в 1930-е гг. утвердились жесткие каноны. В 1931 г. Музыкальному совету республики было предписано просмотреть весь национальный песенный материал с точки зрения выдержанности, идейности, музыкальности, изъять вредные, музыкально неценные произведения [7. С. 203–204]. Тем не менее тридцатые годы в развитии чувашской культуры, особенно в области национальной музыки, оцениваются Ю.А. Илюхиным как период роста активной творческой деятельности художественной интеллигенции республики [6. С. 66].

Композиторы республики, исследовав песенное творчество чувашского народа, записали более 3 тыс. песен. Активными собирателями народного песенного фольклора были В.П. Воробьев, записавший более 800 песен, Ф.П. Павлов – 200 песен, Г.Г. Лисков – 300 [2].

Большую роль в подготовке чувашских профессиональных музыкантов сыграло открытие в 1929 г. музыкального техникума. Чувашскими композиторами Ф.П. Павловым, В.П. Воробьевым, С.М. Максимовым, Г.Г. Лисковым при помощи русских педагогов И.В. Люблина, В.М. Кривоносова, С.И. Габера, А.М. Ростиславина были заложены основы профессионального музыкального искусства в Чувашии.

Русские композиторы создавали произведения в жанрах, до этого мало используемых чувашскими – это камерно-инструментальные пьесы на народные темы, оркестровые произведения, музыка для театральных постановок с использованием симфонического оркестра и хора. С.И. Габером были заложены основы школы исполнительства на духовых инструментах. Молодые композиторы Ф.М. Лукин, Г.С. Лебедев, А.Г. Орлов-Шузьм, Г.Я. Хирбю заявляют о себе в области национальной музыки.

В 1932 г. из первых выпускников музыкального училища был создан симфонический оркестр, единственный в Поволжье. Дирижер С.И. Габер сыграл большую роль в формировании оркестра как ведущего профессиональ-

ного творческого коллектива. В.М. Кривоносов, дирижер и автор сочинений в области чувашской симфонической музыки, являлся активным участником оркестра, который состоял из преподавателей и студентов Чувашского музыкального техникума, а позже и из высококвалифицированных московских и ленинградских музыкантов. Симфонический оркестр отличала не только плодотворная концертная деятельность в столице и районах республики, но и выступления в Москве, Челябинске, Горьком, других городах. Он участвовал в постановке спектаклей в Чувашском академическом театре. Работа оркестра способствовала росту творческой активности чувашских композиторов в области симфонической музыки. Г.В. Воробьев написал симфонию, В.М. Кривоносов несколько значительных симфонических произведений на чувашские народные темы. Ленинградец В.Г. Иванишин создал первую национальную симфонию «Чувашская», а также первую национальную оперу «Нарспи».

Организация симфонического оркестра, а затем открытие Чувашской государственной филармонии, объединившей Государственный хор и симфонический оркестр, свидетельствовали о несомненном росте профессионального музыкального мастерства в республике.

В 1937–1938 гг. органами НКВД были репрессированы музыканты-профессионалы с консерваторским образованием или с большим практическим опытом С.И. Габер, С.М. Максимов, И.В. Люблин, виолончелист Л.Э. Остен-Сакен, скрипач В.Я. Замыко, певец А.Я. Порубиновский и др. Со стороны партийных органов над оставшимися представителями музыкальной интеллигенции – В.П. Воробьевым и Г.Г. Лисковым, а также несколькими молодыми композиторами, был установлен жесткий контроль, контроль в области творчества. В 1940 г. их объединяют в Союз композиторов – общественно-творческую организацию композиторов и музыковедов Чувашии, подразделение Союза композиторов СССР под руководством Г.Г. Лискова. Эта организация способствовала творческому росту профессионального мастерства композиторов, появлению художественно значимых произведений. На 11 января 1940 г. в республике было 15 композиторов, формально объединенных в творческий союз [3].

1920–1930-е гг. стали периодом развития исполнительского и композиторского мастерства, периодом развития национального музыкального творчества, появления национальной школы профессиональной музыки. Были достигнуты значительные успехи в сборе и обработке музыкального фольклора, а молодым чувашским композиторам удалось сохранить традиции чувашской народной музыки.

Литература

1. *Агаева Е.В., Сергеев Т.С.* Формирование творческой интеллигенции Чувашии: проблемы и поиски. 2-е изд., доп. и перераб. Чебоксары: Чуваш. гос. пед. ун-т, 2008. 154 с.

2. Государственный исторический архив Чувашской Республики (далее – ГИА ЧР). Ф. 1581. Оп. 2. Д. 188. Л. 13.

3. ГИА ЧР. Ф. 1581. Оп. 1. Д. 207. Л. 21.

4. ГИА ЧР. Ф. 1581. Оп. 2. Д. 93. Л. 310.

5. *Данилова О.А., Агаева Е.В.* Творческий досуг и его связь с трудом // Рациональное природопользование и социально-экономическое развитие сельских территорий как основа эффективного функционирования АПК региона: материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием, посвященной 80-летию со дня рождения заслуженного работника сельского хозяйства Российской Федерации, почетного гражданина Чувашской республики Аркадия Павловича Айдака (02 июня 2017 г.). Чебоксары: ФГБОУ ВО Чувашская ГСХА, 2017. С. 531–534.

6. *Илюхин Ю.А.* Развитие чувашской советской музыки // Учен. зап. / ЧНИИ. Чебоксары, 1967. Вып. 35. 160 с.

7. История Чувашии новейшего времени. Кн. 1: 1917–1941 / ЧГИГН. Чебоксары, 2001. 261 с.

8. Очерки истории культуры дореволюционной Чувашии. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во. 1985. 303 с.

9. *Павлов Ф.П.* Собр. соч.: в 2 т. Чебоксары: Чувашкнигоиздат, 1971.

ДАНИЛОВА ОЛЬГА АЛЕКСЕЕВНА – кандидат философских наук, доцент кафедры общеобразовательных дисциплин, Чувашская государственная сельскохозяйственная академия, Россия, Чебоксары (olgadanilova20@rambler.ru).

АГАЕВА ЕКАТЕРИНА ВАСИЛЬЕВНА – кандидат исторических наук, доцент кафедры общеобразовательных дисциплин, Чувашская государственная сельскохозяйственная академия, Россия, Чебоксары (agaeva.ek@yandex.ru).

O. DANILOVA, E. AGAYEVA

CREATIVITY FEATURES OF CHUVASIA'S COMPOSERS (20–30s of the XX century)

Key words: *creativity, intelligentsia, creative activity, spiritual culture, musical art, musical creativity.*

The article is devoted to understanding musical creativity of the Chuvash Republic intelligentsia in the 20–30s of the XX century, development of professional musical art of the Chuvash Republic. The author reveals peculiarities in creative works of Chuvashia composers, achievements of the Republic in the field of musical art. It is shown that the creative activity of Chuvashia composers was influenced by political, economic conditions, national and cultural traditions, as each national Republic in the Soviet period had its own specifics, conditions, features of creative intelligentsia formation. The origins of musical creativity of the Chuvash people are found in ancient syncretic art that combined word, music and action. It is noted that musical traditions formed in Simbirsk Chuvash teachers' school were among decisive factors in the development of national art, formation of musical education in Chuvashia. The leading trend in the development of national art in the pre-October period was its democratic orientation (reliance on folklore wealth of the people, creative use of achievements of progressive Russian culture, realistic representation of reality). This served as the basis for the development of musical culture of the Chuvash people in the new historical conditions on new ideological and artistic principles. The works of the first Chuvash composers F.P. Pavlov, V.P. Vorobyov, S.M. Maksimov, G.G. Liskov were mainly musical adaptation of folk songs. F.P. Pavlov in the second half of 1920s wrote a number of orchestral pieces, developed new choral and instrumental forms. The musical culture of the Chuvash Republic in the 1920s is characterized by high activity from below as well as by the rise of choir movement in the Chuvash counties. F.P. Pavlov and S.M. Maksimov were committed to seeking a national repertoire; at this the national origin was connected with the revolutionary one. The Chuvash national music had to meet certain criteria, not to contradict socialist ideas. Composers of the Republic relied on Chuvash folk songs. The peculiarity of Chuvash composers' creativity consisted in connecting a revolutionary text with themes of old folk songs. The 1930s in development of the Chuvash culture, especially in the field of national music is a period of a huge rise, active creative work of art intelligentsia of the Republic.

References

1. Agaeva E.V., Sergeev T.S. *Formirovanie tvorcheskoi intelligentsii Chuvashii: problemy i poiski. 2-e izd., dop. i pererab.* [Formation of the creative intelligentsia of Chuvashia: problems and searches. 2nd ed.]. Cheboksary, Chuvash State Pedagogical University Publ., 2008, 154 p.

2. *Gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Chuvashskoi Respubliki. Fond 1581. Opis' 2. Document 188. List 13* [State Historical Archives of the Chuvash Republic. Archives 1581. Anagraph 2. Document 188. P. 13].

3. *Gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Chuvashskoi Respubliki. Fond 1581. Opis' 1. Document 207. List 21* [State Historical Archives of the Chuvash Republic. Archives 1581. Anagraph 1. Document 207. P. 21].

4. *Gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Chuvashskoi respubliki. Fond 1581. Opis' 2. Document 93. List 310* [State Historical Archives of the Chuvash Republic. Archives 1581. Anagraph 2. Document 93. P. 310].

5. Danilova O.A., Agaeva E.V. *Tvorcheskii dosug i ego svyaz' s trudom* [Creative leisure and its connection with work]. *Ratsional'noe prirodopol'zovanie i sotsial'no-ekonomicheskoe razvitie sel'skikh territorii kak osnova effektivnogo funktsionirovaniya APK regiona: materialy Vseros. nauch.-prakt. konf. s mezhdunar. uchastiem, posvyashchennoi 80-letiyu so dnya rozhdeniya zasluzhennogo rabotnika sel'skogo khozyaistva Rossiiskoi Federatsii, pochetnogo grazhdanina Chuvashskoi respubliki Arkadiya Pavlovicha Aidaka (02 iyunya 2017 g.).* [Proc. of Rus. Sci. Conf. «Rational nature management and socio-economic development of rural areas as the basis for the effective functioning of the agro-industrial complex of the region»]. Cheboksary, Chuvash State Agricultural Academy Publ., 2017, pp. 531–534.

6. Ilyukhin Yu.A. *Razvitie chuvashskoi sovetskoi muzyki* [Development of Chuvash Soviet music]. In: *Uchen. zap*. [Scientific notes]. Cheboksary, 1967, iss. 35, 160 p.

7. *Istoriya Chuvashii noveishego vremeni. Kn. 1: 1917–1941* [History of Chuvashia of modern times. Vol. 1: 1917–1941]. Cheboksary, 2001, 261 p.

8. *Ocherki istorii kul'tury dorevolyutsionnoi Chuvashii* [Essays on the history of the culture of pre-revolutionary Chuvashia]. Cheboksary, Chuvash Publishing House, 1985, 303 p.

9. Pavlov F.P. *Sobranie sochinenii: v 2 t.* [Collected Works. 2 vols.]. Cheboksary, Chuvash-knigoizdat Publ., 1971.

DANILOVA OLGA – Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of General Studies Department, Chuvash State Agricultural Academy, Russia, Cheboksary (olgadanilova20@rambler.ru).

AGAEVA EKATERINA – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of General Studies Department, Chuvash State Agricultural Academy, Russia, Cheboksary (agaeva.ek@yandex.ru).

Формат цитирования: *Данилова О.А., Агаева Е.В.* Особенности творчества композиторов Чувашии (20–30-е годы XX века) // Вестник Чувашского университета. – 2018. – № 2. – С. 70–76.

УДК [39:316]:001.8(091)(470.344)
ББК Т5г(2Рос.Чув)6

В.П. ИВАНОВ

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ ЭТНОСОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В ЧУВАШИИ

***Ключевые слова**: этносоциологические исследования, экспедиции, статистико-этнографические исследования, этнические процессы, вопросники, анкеты.*

В статье освещается история этносоциологических исследований в Чувашии начиная с 1930-х гг. Особое внимание уделено особенностям организации и практического осуществления анкетного подворного обследования 21 деревни в районах республики в 1933, 1960, 1970 и 1980 гг. Отмечается, что материалы данного уникального проекта, руководителем которого являлся известный чувашский историк И.Д. Кузнецов, до сих пор практически не введены в научный оборот. Большое место в статье отведено сотрудничеству чувашских и московских ученых в этносоциологическом изучении чувашского и русского населения республики. Обстоятельно рассказывается об организации и осуществлении в 1981–1982 гг. крупного статистико-этнографического исследования под руководством ученых Института этнографии АН СССР во главе с доктором исторических наук, профессором В.В. Пименовым. Дана также характеристика результатам данного исследования. Подробно освещаются особенности тематики, методов и техники изучения этнических процессов в республике в конце XX – начале XXI в. Анализируется также ряд значимых этносоциологических исследований начала XXI в.

Этносоциология, возникшая на стыке этнологии и социологии, получила свое активное развитие в последней трети XX в. Историографический обзор того, что уже сделано в Чувашии в области этносоциологических исследований, необходим, прежде всего, для оценки их научной значимости и практической результативности. Но не менее важен он и для выявления «узких мест» и обозначения актуальных направлений научных поисков в нынешних условиях жизни общества.

Этносоциологические исследования в Чувашской Республике имеют давнюю историю. В данном случае под термином «этносоциологические исследования» условно подразумеваем массовые опросно-анкетные обследования, осуществленные в разные годы с целью изучения актуальных вопросов в области социально-этнических и культурно-бытовых процессов, исследования этнических аспектов общественного мнения населения республики и межнационального взаимодействия чувашей с другими этносами.

Уровень этнографической изученности чувашского народа специалисты по организации и проведению этносоциологических исследований признавали как довольно высокий, так как уже во второй половине XIX – начале XX в. многие стороны культуры и быта этноса основательно были изучены. В советскую эпоху исследование этнографии чувашского народа получило дальнейшее развитие. Поэтому можно считать закономерным этапом тот факт, что уже в 1930-е гг. ученые обратили внимание на необходимость проведения массовых исследований этносоциологического характера.

В 1930 г. создается Чувашский научно-исследовательский институт (ныне Чувашский государственный институт гуманитарных наук – ЧГИГН). Крупным научным проектом, реализованным им в первые же годы своего функционирования, стала комплексная экспедиция по изучению социально-культурного состояния деревень республики (проводилась в ноябре-декабре 1933 г. по заданию областного комитета партии и правительства Чувашской АССР методом

анкетного опроса). Кроме научных работников (фольклористов, лингвистов, этнографов) в составе экспедиции были врачи, фотографы, художники, композиторы, писатели, журналисты, партийные и советские работники [3]. В 18 районах была обследована 21 деревня: 18 чувашских, 1 русская, 1 татарская и 1 мордовская – с населением 23032 чел. (2785 хозяйств колхозников и 2100 хозяйств единоличников). Учитывалась отдаленность селений от городов и райцентров, железнодорожных, речных путей; брались во внимание численность населения сел и деревень, занятия сельским хозяйством, кустарными промыслами. Обследованием были охвачены все три этнографические группы чувашей. Исследователи фиксировали в анкетных бланках состояние крестьянских хозяйств, бытовые условия (дома, постройки, пищу, одежду и т.д.). Художники написали свыше 100 портретов колхозников-ударников, зарисовки и этюды из сельской жизни и быта. Был собран богатейший фольклорный песенный материал. Экспедиция привезла свыше 1200 фотоснимков о культуре и быте села, был заснят киножурнал «Красная Чувашия».

Работа комплексной экспедиции 1933 г. одновременно прошла и как важная политическая и хозяйственная кампания. Ее участники повсеместно проводили агитационно-пропагандистские мероприятия, направленные на повышение культуры села. Кампания проходила под лозунгом «Сделать колхозы большевистскими, колхозников – зажиточными и культурными». Предварительные итоги обследования были обобщены в отдельной брошюре С.С. Кутяшова и И.Д. Кузнецова [4].

Материалы массового обследования 1933 г. по сей день имеют научную ценность. Они послужили впоследствии основой для новых исследований сельского населения республики в 1960, 1970 и 1980 гг., также осуществленных НИИ. Всеми четырьмя экспедициями (1933, 1960, 1970 и 1980 гг.) руководил известный чувашский историк доктор исторических наук, профессор И.Д. Кузнецов, причем последнее массовое обследование 1980 г. из этой серии было организовано для продолжения изучения культуры и быта сельского населения Чувашии именно в тех же населенных пунктах, что и в 1933, 1960, 1970 гг. Приступая к обследованию 1980 г., И.Д. Кузнецов и П.П. Фокин осуществили критический разбор методик, инструментариев предшествовавших обследований. П.П. Фокин составил новый вопросник, который позволял получить сквозные сопоставимые данные. В него также были включены дополнительные блоки вопросов, одновременно исключены вопросы, утратившие актуальность. Было опрошено около 4 тыс. семей. Статистический материал этих экспедиций послужил основным источником для написания ряда научных работ. В институте вышли сборники статьей о динамике количественных показателей по жилищу, постройкам, интерьеру, одежде, кухонным и столовым принадлежностям крестьянской семьи и т.д. К сожалению, систематизированные и обобщенные материалы всех четырех экспедиций в виде единой работы до сих пор не опубликованы.

Событием большой научной и практической значимости стало для Чувашии массовое статистико-этнографическое исследование, организованное и осуществленное в республике в 1981–1982 гг. Институтом этнографии имени Н.Н. Миклухо-Маклая АН СССР и НИИ языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров Чувашской АССР по теме «Современные этнические и культурно-бытовые процессы в Чувашской АССР». Исследование было организовано и осуществлено главным образом по инициативе и под

руководством доктора исторических наук В.В. Пименова, заведующего сектором народов Поволжья, Прибалтики, Европейского Севера Института этнографии, имеющего большой опыт организации подобных массовых обследований, осуществленных, в частности, в Удмуртской (1968 г.), Мордовской (1973 г.) и Башкирской (1985 г.) автономных республиках. В исследовании приняли участие специалисты названного сектора, сотрудники Чувашского НИИ, были привлечены студенты и преподаватели Чувашского государственного университета. Серия данных исследований была направлена на системное изучение этноса и функциональный анализ его основных компонентов: языка, фольклора, профессиональной духовной культуры, обрядов и обычаев, традиционной материальной культуры и т.п., на исследование механизма их взаимодействия. Таким образом, была поставлена задача выяснить, как изменяются этнос и его компоненты, каковы факторы и условия, вызывающие эти изменения, и каковы тенденции этого процесса. При этом особое внимание было уделено изучению процессов этнической интеграции, консолидации и межэтнического взаимодействия и разработке на его основе ряда прикладных задач.

В 1980 г. Институтом этнографии АН СССР и Чувашским НИИ была достигнута договоренность по вопросам финансирования, материально-технического снабжения полевого обследования и обеспечения его сотрудниками. В основной коллектив сотрудников исследования вошли: из Чувашского НИИ – В.П. Иванов (начальник экспедиции), Г.Б. Матвеев, П.П. Фокин, В.Г. Родионов, Б.В. Каховский; из Института этнографии – А.Е. Пахутов, Р.А. Григорьева, Т.С. Гузенкова, А.Д. Коростелев, В.С.Кондратьев. Исследованию предшествовала основательная подготовительная работа. Осенью 1980 г. группа участников исследования под руководством В.В. Пименова совершила разведочную поездку по ряду сельских районов. Участники исследования консультировались также с рядом руководителей республиканских органов власти и ведущих ученых республики. Все это помогло при разработке в период с 1980 г. по апрель 1981 г. программы и инструментария исследования. Так, по сравнению с удмуртским и мордовским анкетами в чувашский были внесены новые вопросы, а некоторые из них были сформулированы в несколько иной редакции. Программа, вопросник и инструкция исследования прошли серьезное и детальное обсуждение как в Институте этнографии АН СССР, так и в Чувашском НИИ.

Особое внимание было уделено проекту выборки респондентов. Он был рассчитан известным специалистом в этой области доктором экономических наук, профессором Ленинградского финансово-экономического института Э.К. Васильевой. Согласно проекту выборки было запланировано опросить (и опрошено) методом стандартизированного интервью 4200 человек в возрасте от 16 лет и старше. Списки лиц, подлежащих обследованию (с резервом), составлялись в селах по хозяйственным книгам местных Советов, а в городах – по картотекам паспортных столов. Однако следует отметить, что принятая в исследовании районированная механическая выборка, обеспечивая высокую репрезентативность полученных данных, вместе с тем поставила перед экспедицией весьма сложные проблемы практического плана. Необходимо было проинтервьюировать жителей 58 сельских населенных пунктов, разбросанных по всему 21 району республики и 7 городам – Чебоксарам, Новочебоксарску, Канашу, Алатырю, Шумерле, Козловке, Ядрину и поселку городского типа –

Ибресям. Экспедиционное обследование проводилось в три этапа: в июле 1981 г. опрашивалось сельское население, в ноябре-декабре 1981 г. – городское и в январе-феврале 1982 г. – национальная творческая интеллигенция.

Летняя экспедиция состояла из 4 отрядов. По договоренности с Чувашским государственным университетом имени И.Н. Ульянова они комплектовались студентами старших курсов исторического факультета по 15-17 человек в каждом. Отрядами руководили сотрудники Чувашского НИИ, в качестве консультантов-методистов в них находились сотрудники и аспиранты Института этнографии АН СССР. Для каждого отряда были разработаны оптимальные маршруты движения из села в село, из района в район.

Большое внимание было уделено обучению студентов методике и технике заполнения вопросников. В течение двух недель до выезда в экспедицию консультанты-методисты информировали их о целях и задачах исследования, учили вести беседу и проверяли контрольные опросы. Интервьюерам вручалась специальная «Инструкция по заполнению вопросника».

Обследование сельского населения заняло в целом 25 дней. Все 4 отряда сумели опросить за это время запланированное количество респондентов – 1200 чувашей и 800 русских. Успех летней экспедиции во многом был обусловлен благожелательным отношением самого населения к опросу. Судя по полученным данным, большинство опрошенных – 63% среди чувашей и 65% среди русских – отнеслись к беседе по вопроснику очень серьезно, с полным вниманием и пониманием. С наибольшим интересом и особенно охотно отвечали как чуваши, так и русские на вопросы об обрядах и обычаях (соответственно, 54 и 49%), о языке (34 и 31%).

На втором этапе исследования – опросе 1200 чувашских и 800 русских городских жителей – в качестве интервьюеров работали 18 сотрудников Чувашского НИИ. В Канаше были привлечены к обследованию около 60 учащихся последнего курса педучилища. В опросе населения Чебоксар участвовали также 40 студентов-историков университета.

В январе-феврале 1982 г. усилиями сотрудников отдела этнографии был осуществлен опрос представителей чувашской творческой интеллигенции. Необходимо заметить, что эта группа информаторов оказалась наиболее сложной для интервьюирования.

Технический и логический анализ заполненных вопросников, кодировка (шифровка) содержащейся в них информации осуществлялись в основном чувашскими участниками исследования. Сотрудники Института этнографии АН СССР занимались вторичной, более детальной проверкой вопросников и особенно качества кодировки (шифровки), а также переработкой информации на ЭВМ.

Таким образом, менее чем за два года удалось осуществить экспедиционное обследование сельского и городского населения, проверить и закодировать 4200 вопросников, переработать информацию на ЭВМ и получить в виде одномерных (безусловных), двухмерных и многомерных таблиц распределений значений признаков по всем массивам.

В результате данного исследования в Чувашии впервые был получен богатый и многогранный этносоциологический материал. Он позволил в последующем воссоздать этнические и социальные процессы в Чувашии во всем их многообразии накануне «перестройки» советского общества, предоставил возможность для многоплановой разработки применительно к республике

разнообразных тем, в том числе таких, как современные социально-демографические процессы; этнические процессы и образ жизни; современные этноязыковые процессы; тенденции изменений в современной материальной и духовной культуре; этнические процессы и семья; религия и обрядность; межэтнические контакты; этнопсихология и др.

Полученные материалы по наиболее актуальным и прикладным проблемам в течение 1982–1984 гг. доводились в виде докладных записок и справок до сведения директивных органов Чувашской АССР. Успешно реализованный проект стал прекрасной школой сочетания теории и практики конкретного этносоциологического исследования и одновременно весьма удачным примером продуктивного сотрудничества центрального академического института и профильного регионального научного учреждения. Следует особо отметить, что инструментарии (программа, вопросники, инструкции, принципы репрезентативной выборки) были опубликованы в виде методических указаний [5].

Результаты статистико-этнографического исследования 1981–1982 гг. впервые широко и развернуто были освещены и обобщены на научно-практической конференции «Культурно-бытовые процессы в современном селе Чувашской АССР», состоявшейся 22 ноября 1983 г. в Чувашском НИИ. В последующие годы результаты данного исследования были изложены в ряде публикаций, тематических сборниках, диссертациях [Напр.: 6 и др.]. Своеобразным итогом стала коллективная монография «Чуваши: современные этнокультурные процессы», вышедшая в 1988 г. в издательстве АН СССР «Наука» [8]. Следует отметить, что такая книга – первая, выпущенная ведущим научным издательством страны, в авторский коллектив которой вошли чувашские ученые. Исследование опирается на весьма репрезентативные количественные характеристики, которые отражают особенности социальной структуры и материальной культуры чувашей, их контактов с другими народами региона, этноязыковые процессы в республике, функционирования фольклора и профессиональной духовной культуры.

Рассматривая социальную структуру населения республики, исследователи выявили значительное различие среди русского и чувашского населения по занятости, представительству, сферам применения труда, общественной активности, в сфере социальных перемещений, половом разделении труда и т.д. На этом основании они делают вывод о том, что социальные характеристики обеих этнических групп – чувашей и русских – нуждаются в существенном улучшении, в частности, о необходимости способствовать все большему включению чувашского населения в ведущие отрасли народного хозяйства.

Необходимо также отметить, что материалы аналогичных статистико-этнографических исследований, осуществленных в ряде автономных республик под руководством В.В. Пименова, нашли широкое отражение в коллективной монографии «Этнокультурные процессы в Поволжье и Приуралье», написанной с участием исследователей из Института этнографии АН СССР, из Башкирии, Марийской, Удмуртской, Чувашской Республик и выпущенной Чувашским НИИ в 1991 г. [10]. В ней рассматриваются общие закономерности и местные специфические особенности в этнокультуре народов указанного обширного региона.

Кроме этих двух крупных этносоциологических исследований Чувашский НИИ по поручению директивных органов республики провел несколько массовых обследований с охватом меньшего количества опрошенных. Так, в 1988 г. для

изучения межнациональных отношений в республике было проведено анкетирование лиц нетитульных национальностей (русских, татар, мордвы). По этим материалам были представлены в органы власти конкретные рекомендации по оптимизации уже нескольких обострившихся межнациональных отношений.

Серия массовых обследований этносоциологического характера была осуществлена в сельских районах Чувашии в период 1982–1983 и 1987–1989 гг. кандидатом философских наук, доцентом ЧГУ имени И.Н. Ульянова В.П. Фоминых. Цель его исследования – анализ национальных проявлений общественной психологии, выявление объективных факторов и субъективных причин, формирующих духовно-нравственную сферу селян чувашской, русской, мордовской и татарской национальностей. Основные итоги исследования изложены в монографии автора [7].

Довольно масштабным и в научном плане добротно организованным было «лингвосоциологическое» исследование 1966–1967 гг., осуществленное сотрудниками Чувашского НИИ под руководством И.А. Андреева. Обследованием в форме анкетирования было охвачено 3669 жителей 18 населенных пунктов разных районов республики. По его материалам был подготовлен весьма обширный и подробный перечень рекомендаций по коренной оптимизации этноязыковой ситуации в республике. Следует отметить, что часть из них легла в основу ряда директивных документов. В 1970–1980-е гг. массовые социолингвистические исследования не проводились, однако перманентно изучалось «точечными», адресными мини-опросами одно из важных направлений социологии языка – двуязычие. Экспедиция сотрудников ЧГИГН лингвистического характера состоялась в июле 1996 г. в пяти чувашских деревнях Татарстана и в селениях Самарской и Ульяновской областей под руководством А.П. Хузангая. В ходе экспедиции было осуществлено анкетное обследование селян, материалы которого, к сожалению, до сих пор не опубликованы.

В Чувашии в 1994 г. была предпринята попытка сбора сравнительного этносоциологического материала не только среди титульной части чувашского этноса, но и в регионах расселения его диаспорных групп. Это был совместный проект Министерства культуры и по делам национальностей ЧР и кафедры этнографии МГУ имени М.В. Ломоносова. Запланировано было охватить обследованием чувашей Татарстана, Ульяновской и Пензенской областей. Однако в связи с нехваткой средств исследованием были получены только неполные и предварительные данные лишь по чувашам Пензенской области.

Большой по объему, но интересный этносоциологический материал был получен комплексной экспедицией ученых ЧГИГН в 2002 г. Состоялась она в рамках грантового проекта «Чуваши Приволжского федерального округа». Содержательные ответы 185 опрошенных сельских чувашей Татарстана и Ульяновской области нашли отражение в опубликованном в 2002 г. научном отчете и других публикациях [9].

Ряд социологических материалов о характере этнических процессов и межнационального взаимодействия в современной Чувашии получил отражение в работах социолога И.Е. Ильина, написанных по результатам собственных обследований сельского населения последних лет. Следует отметить, прежде всего, его этносоциологические обследования 1995 и 2002 гг. Первым было охвачен 1107, вторым – 528 селян чувашской, русской, татарской и мордовской национальностей. Их материалы получили соответствующую интерпретацию в публикациях автора, в которых рассматриваются,

в частности, и этнокультурные аспекты динамики образа жизни сельского социума в ходе реформ последних лет [2].

Подытоживая, следует отметить, что из всех осуществленных в Чувашии в XX в. немногих этносоциологических исследований наиболее результативными, содержательными и полезными в научно-практическом плане были материалы статистико-этнографического исследования 1981-1982 гг. Многогранный и богатый массив данных, полученный накануне «перестройки», позволил демократично мыслящей части республиканских управленцев выработать конструктивные решения по оптимизации проблем, накопившихся в сфере национально-культурной жизни населения республики.

В начале XXI в. этнические процессы в регионах России оказались в центре внимания не только этнологов, но и весьма широкого круга специалистов. В Чувашии благодаря активности, проявленной историками ЧГИГН И.И. Бойко и В.Г. Харитоновой, удалось наладить этнологический мониторинг. На основе данных переписей 2002 и 2010 гг., а также материалов ряда социологических опросов ими были подготовлены работы по проблемам межнациональных отношений и этнической идентичности [1].

Таким образом, как научная дисциплина этносоциология Чувашии XX столетия являлась одной из динамично развивающихся отраслей гуманитарных знаний. В указанный период ей был присущ достаточно высокий уровень научной результативности. Вместе с тем ряд отдельных проблем до сих пор остается вне внимания этносоциологов. Прежде всего это касается изучения этнического самосознания чувашей, этнической специфики их менталитета, а также особенностей межнациональных отношений в Чувашии. Для активизации этносоциологических исследований необходимы существенные ресурсы – как материальные, так и интеллектуальные.

Литература

1. *Бойко И.И., Харитонова В.Г.* Общегражданская и этническая идентичности населении Чувашии. Научный доклад / ЧГИГН. Чебоксары, 2013. 44 с.

2. Вопросы этнокультурного развития и межнациональных отношений в Чувашской Республике / ЧГИГН. Чебоксары, 2012. 88 с.

3. *Кузнецов И.Д., Фокин П.П.* Первая комплексная экспедиция по изучению сельского населения Советской Чувашии // Актуальные проблемы археологии и этнографии Чувашской АССР / ЧНИИ. Чебоксары, 1982. С. 26-48.

4. *Кутяшов С.С., Кузнецов И.Д.* Чувашская колхозная деревня на пути культурного подъема. Очерки по материалам культурно-бытовой экспедиции 1933 г. / ЧНИИ. Чебоксары, 1934. 64 с.

5. Современные этнические процессы в Чувашской АССР: методические указания и рекомендации по программированию, технике и организации статистико-этнографического исследования / под ред. В.В. Пименова и В.П. Иванова / ЧНИИ. Чебоксары, 1984. 160 с.

6. Статистико-этнографические исследования в Чувашской АССР: сб. ст. / ЧНИИ. Чебоксары, 1984. 163 с.

7. *Фоминых В.П.* Общественная психология сельских читателей Чувашии. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1990. 176 с.

8. Чуваши: современные этнокультурные процессы. М.: Наука, 1988. 240 с.

9. Чуваши Присвияжья: история и культура / ЧГИГН. Чебоксары, 2015. 303 с.

10. Этнокультурные процессы в Поволжье и Приуралье в советскую эпоху / под. ред. В.В. Пименова и В.П. Иванова / ЧНИИ. Чебоксары, 1991. 236 с.

ИВАНОВ ВИТАЛИЙ ПЕТРОВИЧ – доктор исторических наук, доцент, главный научный сотрудник исторического направления, Чувашский государственный институт гуманитарных наук, Россия, Чебоксары (human2000@yandex.ru).

V. IVANOV

CHAPTERS IN THE HISTORY OF ETHNO-SOCIOLOGICAL STUDIES IN CHUVASHIA

***Key words**: ethno-sociological research, expeditions, statistical and ethnographic research, ethnic processes, questionnaires, enquiries.*

The article highlights the history of ethno-sociological research in Chuvashia since 1930s. Special attention is paid to peculiarities of organization and practical implementation of enquiry household survey of 21 villages in the regions of the Republic in 1933, 1960, 1970 and 1980. It is noted that the content of this unique project, the head of which was a famous Chuvash historian I. D. Kuznetsov, are still almost not introduced into scientific circulation. A great place is given in the article to cooperation of Chuvash and Moscow scientists in ethnosociological study of Chuvash and Russian population of the Republic. It is told in detail about organization and implementation in 1981–1982 of a large statistical and ethnographic research under the authority of scientists of Institute of Ethnography of the USSR Academy of Sciences headed by Doctor of Historical Sciences, Professor V.V. Pimenov. The characteristics of the results of this study are given as well. The peculiarities of subjects, methods and techniques for studying ethnic processes in the Republic in the late XX – early XXI centuries are described in detail. A number of important ethno-sociological studies of the early XXI century are also analyzed.

References

1. Boiko I.I., Kharitonova V.G. *Obshchegrazhdanskaya i etnicheskaya identichnosti naselenii Chuvashii. Nauchnyi doklad* [General civil and ethnic identity of the population of Chuvashia. Scientific report]. Cheboksary, 2013, 44 p.

2. *Voprosy etnokul'turnogo razvitiya i mezhnatsional'nykh otnoshenii v Chuvashskoi Respublike* [The issues of ethno-cultural development and inter-ethnic relations in the Chuvash Republic]. Cheboksary, 2012, 88 p.

3. Kuznetsov I.D., Fokin P.P. *Pervaya kompleksnaya ekspeditsiya po izucheniyu sel'skogo naseleniya Sovetskoi Chuvashii* [The first complex expedition to study the rural population of Soviet Chuvashia]. *Aktual'nye problemy arkheologii i etnografii Chuvashskoi ASSR* [Actual problems of archeology and Ethnography of the Chuvash ASSR]. Cheboksary1982, pp. 26–48.

4. Kutyashov S.S., Kuznetsov I.D. *Chuvashskaya kolkhoznaya derevnya na puti kul'turnogo pod"ema. Ocherki po materialam kul'turno-bytovoi ekspeditsii 1933 g.* [Chuvash collective farm village on the way of cultural rise. Essays based on the materials of the cultural expedition of 1933]. Cheboksary, 1934, 64 p.

5. Pimenov V.V., Ivanov V.P., eds. *Sovremennye etnicheskie protsessy v Chuvashskoi ASSR: metodicheskie ukazaniya i rekomendatsii po programmirovaniyu, tekhnike i organizatsii statistiko-etnograficheskogo issledovaniya* [Contemporary ethnic processes in the Chuvash ASSR: guidelines and recommendations for programming, technology and organization, statistical and ethnographic researches]. Cheboksary, 1984, 160 p.

6. *Statistiko-etnograficheskie issledovaniya v Chuvashskoi ASSR: sb. st.* [Statistical and ethnographic research in the Chuvash ASSR: collection of articles]. Cheboksary, 1984, 163 p.

7. Fominykh V.P. *Obshchestvennaya psikhologiya sel'skikh chitatelei Chuvashii* [Social psychology of rural readers of Chuvashia]. Cheboksary, Chuvash Publishing House, 1990, 176 p.

8. *Chuvashi: sovremennye etnokul'turnye protsessy* [Chuvash: contemporary ethnocultural processes]. Moscow, Nauka Publ., 1988, 240 p.

9. *Chuvashi Prisviyazh'ya: istoriya i kul'tura* [Chuvash Prisviyazh'ya: history and culture]. Cheboksary, 2015, 303 p.

10. Pimenov V.V., Ivanov V.P., eds. *Etnokul'turnye protsessy v Povolzh'e i Priural'e v sovetskuyu epokhu* [Ethno-cultural processes in the Volga region and the Urals in the Soviet era]. Cheboksary, 1991, 236 p.

IVANOV VITALIY – Doctor of Historical Sciences, Chief Researcher, Chuvash State Institute of Humanitarian Sciences, Russia, Cheboksary (human2000@yandex.ru).

Формат цитирования: *Иванов В.П.* Страницы истории этносоциологических исследований в Чувашии // Вестник Чувашского университета. – 2018. – № 2. – С. 77–84.

УДК 94 (571)
ББК 63.5 (2Рос)6

А.К. ИДИАТУЛЛОВ

ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ И РЕЛИГИОЗНАЯ СИТУАЦИЯ В ЦИЛЬНИНСКОМ РАЙОНЕ УЛЬЯНОВСКОЙ ОБЛАСТИ*

Ключевые слова: *религиозная ситуация, культура, традиции, чуваши, русские, татары.*

В статье анализируются новейшие тенденции в современной религиозной и этнокультурной жизни Цильнинского района; дан краткий анализ этнического состава района. Эмпирической базой исследования послужили материалы интервью, статистические данные, публикации по теме. Все респонденты отметили общий рост интереса среди населения к национальной культуре, особенно после распада СССР. Однако в большей степени он фигурирует в ответах чувашей. Особенно заметно стремление к познанию и пониманию культур народов района среди русских. Нередко оно граничит со стиранием этнической специфики данного этноса, о чём высказывали своё опасение эксперты. Автор считает центром сохранения и популяризации чувашской культуры национальные сёла. В административном центре Цильнинского района трансляция национальных культур в молодёжной среде в первую очередь проводится на уровне школы в рамках образовательной программы. Отдельное направление по возрождению национальных культур в районном центре связано с традиционными видами спорта. Цильнинский район представляет собой пример поразительной даже для многонациональной Ульяновской области толерантности, которая особенно заметна среди молодёжи. Растёт в Цильнинском районе и интерес к религии. Наибольшее число верующих – последователи христианства. По мнению автора, интерес к «национальному» и «религиозному» нередко носит игровой, постановочный характер, что говорит о неровности процесса этнокультурного и религиозного возрождения в регионе.

Трансформации, которые переживают сельские районы Ульяновской области в постсоветский период, характеризуются заметными противоречиями в развитии культурного процесса у конкретных этносов [9. С. 173], на конкретных территориях происходит локализация отдельных этнических и религиозных культур [5. С. 46]. Например, русские, будучи самым многочисленным этносом области, расселены по её территории неравномерно, преимущественно в западных и северо-западных районах. В пяти районах области русское население составляет более 80%, а в Базарносызганском районе его доля наибольшая и составляет 88,6%. В южном Старокулаткинском районе преобладающая часть населения (93,5%) – татары, в Цильнинском – 55,9% чуваши, которые относятся к особой группе – анатри [3, 8]. Мордва же представлена повсеместно в области, но её численность не доминирует. Максимальная доля мордвы (26,7%) в Николаевском районе [2. С. 142–143]. Многие этнические группы области претерпели значительные изменения в численности и доле. Одна из главных причин изменений – иммиграция народов Кавказа и Средней Азии. На этом фоне возрастает интерес исследователей к изучению сохранности и функционирования традиционных культур и религий автохтонных этносов в отдельных муниципальных образованиях [4].

* Исследование выполнено в рамках проекта «Локусы социально-культурных ландшафтов в территориальных социально-экономических системах (на примере полиэтничного Среднего Поволжья)»/ государственное задание № 31.8018.2017/БЧ (2017–2019).

Цель статьи – анализ специфики современных тенденций в религиозной и этнокультурной жизни Цильнинского района на основе статистических данных и материалов интервью. Выбор территориальных рамок очевиден: район представляет собой своеобразный локус многонациональности и поликультурности. Помимо чувашей, которые составляют большинство, на территории изучаемого района проживают русские (29,29%), татары (13,53%), украинцы (0,29%), мордва (0,24%) и другие национальности (0,73%) [6. С. 110]. Как высказался глава района: «Цильнинский район знаменит своими национальными традициями народов, проживающих на его территории» [1].

Все респонденты отметили общий рост интереса среди населения к национальной культуре, особенно после распада СССР. Однако в большей степени он фигурирует в ответах чувашских респондентов. Связан он в основном не с деятельностью администрации, а национальных активов на местах, так называемых «кустов». Например, «чувашский куст» представлен такими сёлами, как Верхние, Средние и Нижние Тимирсяны, Старые Алгаши. «Татарский куст» включает в основном Новые Тимирсяны и Елховое озеро. Из интервью: «У нас изучаются татарский и чувашский языки, фольклор, культура. На уровне школы мы проводим мероприятия. Выставляют номера в художественной самодеятельности, ставят спектакли на национальном языке. Наверное, сильнее всего национальные элементы по сёлам. Ну, как в селе обычно: плохого не делай, всё село на тебя смотрит. Когда переезжают в райцентры, города, здесь культура утрачивается. Не аккумулируется национальная культура. На уровне церквей и мечети это сохраняется, а извне уже не так. У нас проводятся мероприятия татарского, чувашского, русского языков. Например, на уровне районного дома культуры – отчётные концерты коллективов разных языков. Затем проводится в районе среди учащихся конкурс “Чувашская красавица” (“Чăваш пики”) (ежегодно победители всероссийского уровня). Этим национальные школы занимаются. Здесь в районе татарская и чувашская национально-культурные автономии. Мордва в меньшей степени. Не так активно. Автономии нет. Украинцев больше, чем мордвы...» (муж., 50 лет, Большое Нагаткино, директор школы, чуваш). «Чувашские, татарские поэты. Они издаются много, библиотеки много по этому направлению работают. В Алгашах хороший хор, танцевальная группа. Особенно Верхние Тимирсяны славятся. Девушки оттуда побеждают, часто участвуют. Занимают призовые места. Изучаем национальные традиции, кухню, танцы, историю. Мы готовили конкурс “Ученик года”. Там была номинация “Широка страна моя родная”… Мы готовили всех. Чуваши, русские, татары, мордовские дети. Из года в год такие конкурсы проводятся...» (жен., 70 лет, Большое Нагаткино, учительница, русская).

По большей части «живая» старина функционирует в районе в виде национальных и религиозных обычаев и традиций, т.е. в сфере духовной культуры, в то время как элементы материальной культуры сохраняются часто только в школьных и районных музеях. Из интервью: «У нас есть традиционные праздники. У всех свои праздники, у каждого села есть свои праздники. У нас – Михайлов день – 21 ноября. Родители всегда собирали нас, детей, родных. Они поочередно принимали гостей. В этом году я, другой год, допустим – кто-то из родни. Сейчас родителей не стало. Первым, что я сказал, эту традицию мы не нарушим, эту традицию всегда сохраним. Первый год после смерти моих родителей принял я всех, свою родню. Здесь не просто «гулян-

ка». Здесь какие-то воспоминания, здесь видеофильмы, вытаскиваем, смотрим, как это было лет двадцать тому назад. Какие-то исторические моменты... Старшие мои подсказывают, я записываю, накопление – наследство, это потом остаётся для наших детей. Это вот интересно» (муж., 50 лет, Большое Нагаткино, директор школы, чуваш).

В административном центре Цильнинского района трансляция национальных культур в молодёжной среде в первую очередь проводится на уровне школы в рамках образовательной программы. Причём нередко дети «примеряют» на себя этническую культуру соседних или малознакомых народов: «По ФГОС, краеведение – спецкурс. Есть тема, посвящённая народам Поволжья. Ежегодно делали фестиваль. По желанию. Чтобы у нас все народы были представлены. Должны были представить традиционную кухню, национальные традиции. Обращаются в музей, библиотеку, к руководителям кружков, в районный дом культуры. Татары шьют национальные костюмы. Татарский народ традиции соблюдает. У Шагаевых есть костюмы. Всегда находят костюмы. Национальные костюмы. Потом всё это выставляют на выставку. 7–9 классы» (жен., 70 лет, Большое Нагаткино, учительница, русская).

Интересно, что в смешанном по национальному составу селе Елховое озеро заметна та же тенденция «игры» в культуру соседних народов, что не раз отмечалось экспертами: «Летом ездили в Акшуат, в сторону Инзы село Юлово, там участвовали в этнографическом фестивале. Татары были одеты в чувашский костюм, или чуваши одеты в татарский костюм. Чуваши могут говорить на татарском, барьера не возникает, татары могут спеть на чувашском. Есть такое… Со дня основания села» (жен., 60 лет, Елховое озеро, учительница, татарка). Справедливости ради отметим, что в целом Елховое озеро является одним из самых важных центров сохранения и популяризации татарской культуры в районе. Однако интерес к культуре татарского народа не носит массового характера даже внутри самого села, фиксируются лишь единичные случаи стремления познать свою культуру. По большей части татарская традиционная культура испытывает кризис и сохраняется редкими энтузиастами в лице педагогов местной школы. «Внеурочная деятельность, праздники. Культура народов Поволжья – татары, чуваши, мордва. Авторская программа, конкретно по селу. Стали плохо говорить на своих родных языках. Родной фольклор взяла. Достаны, мунаджаты, бабушкин сундук, традиции, обычаи, праздники. Со сцены не исполняют, в основном бабушки помнят, им по 85 лет. На следующий год начну с ним работать. Инициативы со стороны учеников нет. Сами не вспоминают. Девочки говорят: “Давайте песню разучим какую-нибудь, научите плясать”. У меня нет хореографического образования. Баянист – человек в возрасте, один на всё село, одного выпускника научили играть, теперь учится в Ульяновске. Приезжает на выходные... У нас в селе есть небольшое отделение женской организации “Ак калфак” (белый калфак). Женщины собираются, участвуют во всех концертах, мероприятиях. Я запланировала небольшое мероприятие “Бабье лето” со всеми прибаутками, с песнями, старыми играми. В прошлом году проводила конкурс “Молодые хозяйки”, самовар поставили. Чемодан с вышивками выставили. День родного языка – отдельное большое мероприятие, оформляем зал по старинке, развешиваем занавески, родители готовят печёности, они помогают, посещают, накрывают стол по старинке. Объясняют, кому из гостей первым подаётся чай,

суп. Кто за самоваром сидел, дети сидели, обыгрывали. Вторая часть развлекательная. Библиотека. В День Тукая одеваем мальчишку, как Тукая, тюбетейки, камзолы есть. Я пишу статьи в Өмет, областную газету. Если я обращаюсь в национально-культурную автономию за содействием в деле популяризации культуры, тогда они помогают. Есть угасание немножко национальной культуры. Родители, папы работают за пределами села, вынуждены выезжать, хозяйство сохраняется, земли засеваются. За пределы села уезжают каждый год по 10 детей, говорят на русском языке. В Татарстан уезжают не очень много. Язык хотим сохранить, чтобы на бытовом уровне говорили. Я родной язык преподаю» (жен., 60 лет, Елховое озеро, учительница, татарка).

Отдельное направление по возрождению национальных культур в районном центре связано с традиционными видами спорта и национальными танцами: «На уроках физической культуры используют национальные виды спорта. На юбилей школы (145 лет в ноябре 2017 г.) хотим показать детям национальные виды спорта России. Городошный спорт и т.д. Чтобы дети ознакомились с исконными национальными видами спорта, куреш – национальная татарская борьба, кĕрешӳ – национальная чувашская борьба. Хотим развивать эти площадки. У нас спортивная школа имеет отделение вольной борьбы. Параллельно они принимают участие в национальных видах спорта (поясная борьба). В рамках ДЮСШ. Наша школа как социокультурный центр имеет здесь же базу ДЮСШ и школу искусств. У нас филиалы по многим поселениям района, они выходят на российский уровень. У нас есть результаты. В школе искусств обучают разным видам национальных танцев: русским, мордовским, чувашским, татарским, украинским» (муж., 50 лет, Большое Нагаткино, директор школы, чуваш).

Ещё один факт заинтересованности в исконной культуре зафиксирован нами в форме «семейного музея». Понятно, что здесь речь идёт не о «живой», не об угасающей традиции, однако нам представляются важными дальнейшие изыскания подобных явлений и впредь по всему Среднему Поволжью: «Я сам чуваш, в этой степени какие-то зоны отдыха делаются на национальных основах. Я, например, делаю. И на моём примере многие жители района делают зоны отдыха, беседки на основе элементов культуры. Остались у меня какие-либо вещи от моих родителей: плуг, ткацкие станки. Музей из чердака – это всё спускается в зону отдыха, сопровождается баннером, вспоминаются года, история, человек начинает интересоваться историей этой семьи, начинает интересоваться историей своей семьи. Это и есть аккумулятор, который подталкивает людей, чтобы немножко изучали историю родного языка, родной культуры. Я знаю, что в Татарстане мои друзья татары сейчас изучают истоки своей истории, историю своей семьи и начинают развивать. Тарантас – сделал сам отец, уздечки, хомуты, весь набор, гармонь, гитара – это моя жизнь, отец валял валенки, ткацкий станок – жизнь матери. В пределах района интересуются, я сам только начал. Были небольшие экспонаты, баннеры, в стиле ретро – экспонаты, там беседка. Я хочу открыть. Сбор информации – немаловажно. Вся история семьи – в одном месте» (муж., 50 лет, Большое Нагаткино, директор школы, чуваш).

Вообще, Цильнинский район представляет собой пример поразительной толерантности даже для многонациональной Ульяновской области, которая

особенно заметна среди молодёжи. Из интервью: «У нас не делают различий между татарами, чувашами, мордвой. В школе у нас нет национальной розни» (муж., 50 лет, Большое Нагаткино, директор школы, чуваш). «У детей нет разделения по этническому признаку. Взрослые различают, ярко выделяют. Дети не выделяют: ты чуваш, ты татарин. Абсолютно так и есть. После школы разделение происходит. В городе есть деление. Здесь нет. В Ульяновске чуваши скрывают свою нацию» (жен., 45 лет, Елховое озеро, учительница, русская). Однако предпосылки толерантных отношений между детьми закладываются родителями, среди которых также преобладают добрососедские отношения, основанные на принципах взаимоуважения и терпимости: «Клуб татарский, чувашский. Обряды, традиции, мы и здесь всё справляем, всё вместе, и Ураза-Байрам, и Курбан-Байрам. Объединение идёт. Мы понимаем языки соседей, когда есть необходимость замены, если учитель чувашского языка, я объясняю. У нас так принято: начинают говорить на каком-то языке, на таком общаемся. В основном речь – русская. В быту, за стол садимся, мы слушаем татарскую или чувашскую речь и понимаем ее. Русским сложнее. Когда мы татары и чуваши, мы понимаем суть, о чём идёт речь» (жен., 60 лет, Елховое озеро, учительница, татарка).

Особенно заметно стремление к познанию и пониманию культур народов района среди русских. Нередко оно граничит со стиранием этнической специфики данного этноса, о чём высказывали своё опасение эксперты: «У нас – многонациональный район, у нас терпимость, такая толерантность, у нас все перемешались, у нас смешанные браки. Сказать, что есть чистокровный русский, такого нет... Сейчас все народности гордятся своей национальностью. В 70–80-е гг. даже стеснялись. Русские снисходительно относились к другим национальностям. Сейчас этого нет. Русские растворились в этом. Национальности больше проявляют себя. Теперь русскую культуру также надо больше поднимать» (жен., 70 лет, Большое Нагаткино, учительница, русская).

Показателен в этой связи тот факт, что в Цильнинском районе отсутствует праздник, аналогичный «Народным узорам» Николаевского района, в котором «проигрываются» и демонстрируются различные национальные культуры. Дело в том, что исторически на подобных праздниках в Цильнинском районе присутствовали представители разных этносов, которые активно вовлекались в соответствующие действия, а необходимость демонстрировать свои различия не возникала и не культивировалась. В первую очередь, это касается праздника «Бега», который уже более 80 лет проводится в Большом Нагаткино, привлекает жителей со всего района и носит подчёркнуто многонациональный и, в известном смысле – вненациональный характер: «Наш праздник “Бега” – фестиваль, песни, проходит с 30-х гг. Со всей округи съезжались подводы, карусели. У нас есть территория за праздником “Бега”» (муж., 75 лет, Большое Нагаткино, учитель, русский).

Многонациональный характер носят даже такие традиционные праздники как Сабантуй и Акатуй: «Местные Сабантуи были лет пять тому назад. Там простор в конце села. Почистим площадку. Борцовский стадион организовываем. Всё село принимает участие. На Сабантуе чуваши пели чувашские песни, всё вместе делаем. На русском, татарском, чувашском пели песни. В мешках бегаем, горшок разбиваем. Элементы национальных праздников проводим» (жен., 60 лет, Елховое озеро, учительница, татарка).

Возрождается в Цильнинском районе и религия, что проявляется в первую очередь в строительстве церквей и мечетей: «Церкви восстанавливаются. После войны последнюю церковь закрыли. В Староникулине, Кашинке построили церкви. Там кирпичная, здесь деревянная. Легче новую построить. Во всех чувашских сёлах есть церковь. В русских сёлах не везде. В Большом Нагаткино открыли мечеть. Мечети открыли в чисто татарских селах Елховое озеро, Новые Тимирсяны. В Цильне и Большом Нагаткино – смешанное, тоже есть мечеть. Нет в Крестниково церкви. Там в 1962 г. была разрушена последняя церковь. Во всех Алгашах церковь, до революции в Богдашкино было 2 мечети» (муж., 75 лет, Большое Нагаткино, учитель, русский).

Заметен интерес к религии и среди молодёжи, особенно православной: «Воскресная школа есть в Большом Нагаткино, дети ходят в воскресную школу. Детей очень много в церкви, я сама хожу в церковь. Когда приглашают батюшку, они приходят в школу» (жен., 70 лет, Большое Нагаткино, учительница, русская). Несколько отстают с своём интересе к религии татарские дети: «С трудом происходит возрождение религии. Курбан-Байрам и Ураза-Байрам – мы разрешаем побыть школьникам там. Чуваши отпрашиваются, ходят на большие праздники в церковь, читают, они больше верующие. Метисы – не знают пока. Остальные верующие. Всё идёт из семьи. Они приучаются с детства. Они не говорят, что не верим. Кайсаровские больше верят. Вокруг церкви убираются, помогают» (жен., 45 лет, Елховое озеро, учительница, русская).

Сохраняют свои верования и чуваши-язычники [7] в селе Средние Алгаши: «Средние Алгаши – некрещёные, там нет церкви. Сохранили имена: Кебе, Темма, Тумирке, Пешне. Некрещёные чуваши. Они скрылись от всех» (муж., 75 лет, Большое Нагаткино, учитель, русский).

Таким образом, современная религиозная и этнокультурная ситуация в Цильнинском районе в целом остаётся стабильной и характеризуется некоторым ростом интереса представителей местных народов к собственному языку, национальной культуре и религии. Это находит своё выражение в образовательных программах школ (с. Елховое озеро), в проведении праздников, фестивалей, конкурсов, имеющих ярко выраженную этническую специфику («Чувашская красавица», Сабантуй, Акатуй), в росте числа национальных объединений, церквей и мечетей. Однако интерес к «национальному» и «религиозному» нередко носит игровой, постановочный характер, что позволяет сделать вывод о неровности процесса этнокультурного и религиозного возрождения в регионе. Надеемся, что результаты исследования окажут заметное влияние на культурную политику региональных органов власти, способствуя более сбалансированному отношению к культурному наследию сельских поселений края.

Литература

1. Администрация муниципального образования «Цильнинский район»: офиц. сайт. URL: http://www.cilna.ru (дата обращения: 01.12.2017).

2. *Аксенова М.Ю., Мифтякова Э.Ф.* Этническое разнообразие Ульяновской области // История и культура Поволжья глазами молодых ученых России. Ульяновск: УлГПУ им. И.Н Ульянова, 2017 . С. 142–145.

3. *Долгова А.П.* Чуваши Ульяновской области: этноистория, этнокультура и диалектные особенности языка // Чувашский язык и литература: теория и методика. Чебоксары: Чувашский государственный педагогический университет им. И.Я. Яковлева, 2016. С. 116–123.

4. *Идиатуллов А.К.* Трансформация традиционной духовной культуры в полиэтничном регионе (на примере русских и татар Ульяновской области). Ульяновск: УлГТУ, 2014. 75 с.

5. *Малыгина И.В.* Культурная идентичность в современной России: поиск новых моделей // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2011. № 3(41). С. 43–48.

6. Народы и конфессии Ульяновской области в начале XXI в. / *Е.Б. Анисимова, А.К. Бузинова, А.К. Идиатуллов, И.Е. Канцерова, А.В. Кобзев, А.А. Ротова, Д.В. Русин*; под ред. Кобзева А.В., Русина Д.В. Ульяновск: НИИ истории и культуры имени Н.М. Карамзина, 2015. 112 с.

7. *Порозова А.Д.* Религиозные верования чуваш-язычников Симбирско-Ульяновского Поволжья на примере с. Средние Алгаши Цильнинского района Ульяновской области // Этнические взаимодействия в поликультурных регионах России. Ульяновск: УлГПУ им. И.Н. Ульянова, 2014. С. 90–98.

8. *Ромашкин В.Ф., Федоров В.Н., Шабалина Л.П.* Чуваши Симбирского Поволжья: (Расселение, состав, этногенез, культура, религия). Ульяновск: Симбирская книга, 1998. 168 с.

9. *Садыкова Х.Н.* Этнокультурная ситуация в Тюменской области // Социосфера. 2013. № 3. С. 173–176.

ИДИАТУЛЛОВ АЗАТ КОРБАНГАЛИЕВИЧ – кандидат исторических наук, доцент кафедры географии и экологии, Ульяновский государственный педагогический университет имени И.Н. Ульянова, Россия, Ульяновск (AzKoldiat@yandex.ru).

A. IDIATULLOV

ETHNOCULTURAL AND RELIGIOUS SITUATION IN THE TSILNINSKY DISTRICT OF ULYANOVSK REGION

Key words: *new religious situation, culture, traditions, the Chuvash, the Russians, the Tatars.*

The article analyzes the latest trends in contemporary religious and ethno-cultural life of Tsilninsky district; a brief analysis of ethnic composition in the area is given. The empirical base of the study was the interview materials, statistical data, publications on the topic. All respondents noted a general increase of interest among the population to national culture, especially after the collapse of the USSR. However, to a greater extent it appears in the answers of Chuvash respondents. Especially noticeable is the desire for knowledge and understanding the cultures of the peoples of the region among the Russians. It often borders with erasure of ethnic specifics of this ethnos, concerning which experts voiced their fears. The author considers national villages as centers for preservation and popularization of the Chuvash culture. In the administrative center of Tsilninsky district, transmitting national cultures into the youth environment is primarily carried out at the school level as part of educational program. A separate direction in activities aimed at revival of national cultures in the district center is associated with traditional sports. Tsilninsky district represents an example of tolerance which is amazing even for a multinational Ulyanovsk region, which is especially noticeable among the youth. The interest in religion has been growing in Tsinlinsky district as well. The greatest number of believers are followers of Christianity. In the author's opinion, interest in "national" and "religious" oftentimes has a playing and staging character, which indicates unevenness of the process of ethno-cultural and religious revival in the region.

References

1. *Administratsiya munitsipal'nogo obrazovaniya «Tsil'ninskii raion»: ofits. sait* [The official site of the administration of the municipal formation Tsilninsky district]. Available at: http://www.cilna.ru.

2. Aksenova M.Yu., Miftyakova E.F. *Etnicheskoe raznoobrazie Ul'yanovskoi oblasti* [Ethnic diversity of the Ulyanovsk region]. *Istoriya i kul'tura Povolzh'ya glazami molodykh uchenykh Rossii* [History and culture of the Volga region through the eyes of young scientists of Russia]. Ulyanovsk, Ulyanovsk State Pedagogical University Publ., 2017, pp. 142–145.

3. Dolgova A.P. *Chuvashi Ul'yanovskoi oblasti: etnoistoriya, etnokul'tura i dialektnye osobennosti yazyka* [Chuvashi the Ulyanovsk region: ethnohistory, ethnoculture and dialectal features of the language]. *Chuvashskii yazyk i literatura: teoriya i metodika* [Chuvash language and literature: theory and methodology]. Cheboksary, Chuvash State Pedagogical University Publ., 2016, pp. 116–123.

4. Idiatullov A.K. *Transformatsiya traditsionnoi dukhovnoi kul'tury v polietnichnom regione (na primere russkikh i tatar Ul'yanovskoi oblasti)* [Transformation of traditional spiritual culturein the

polyethnic region (on the example of Russians and Tatars of the Ulyanovsk region)]. Ulyanovsk, Ulyanovsk State Technical University Publ., 2014, 75 p.

5. Malygina I.V. *Kul'turnaya identichnost' v sovremennoi Rossii: poisk novykh modelei* [Cultural identity in modern Russia: the search for new models]. *Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv*, 2011, no. 3(41), pp. 43–48.

6. Anisimova E.B., Buzinova A.K., Idiatullov A.K., Kantserova I.E., Kobzev A.V., Rotova A.A., Rusin D.V. *Narody i konfessii Ul'yanovskoi oblasti v nachale XXI v.* [Peoples and confessions of the Ulyanovsk region at the beginning of the XXI century]. Ulyanovsk, 2015, 112 p.

7. Porozova A.D. *Religioznye verovaniya chuvash-yazychnikov Simbirsko-Ul'yanovskogo Povolzh'ya na primere s. Srednie Algashi Tsil'ninskogo raiona Ul'yanovskoi oblasti* [Religious beliefs of the Chuvash-pagans of the Simbirsk-Ulyanovsk region of the Volga region on the example of. Middle Algashi of Tsilninsky district of Ulyanovsk region]. In: *Etnicheskie vzaimodeistviya v polikul'turnykh regionakh Rossii* [Ethnic interactions in polycultural regions of Russia]. Ulyanovsk, Ulyanovsk State Pedagogical University Publ., 2014, pp. 90–98.

8. Romashkin V.F., Fedorov V.N., Shabalina L.P. *Chuvashi Simbirskogo Povolzh'ya*: *(Rasselenie, sostav, etnogenez, kul'tura, religiya)* [Chuvashi of the Simbirsk region of the Volga Region: (Settlement, composition, ethnogenesis, culture, religion)]. Ul'yanovsk, *Simbirskaya kniga* Publ., 1998, 168 p.

9. Sadykova Kh. N. *Etnokul'turnaya situatsiya v Tyumenskoi oblasti* [Ethnocultural situation in the Tyumen region]. *Sotsiosfera* [Sociosphere], 2013, no. 3, p. 173–176.

IDIATULLOV AZAT – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of Geography and Ecology Department, Ulyanovsk State Pedagogical University named after I, N. Ulyanov, Russia, Ulyanovsk (AzKoldiat@yandex.ru).

Формат цитирования: *Идиатуллов А.К.* Этнокультурная и религиозная ситуация в Цильнинском районе Ульяновской области // Вестник Чувашского университета. – 2018. – № 2. – С. 85–92.

УДК 070.22(092)Гаврилова(470.344)
ББК Ч602.471.1(2Рос.Чув)+Ч602.3(2Рос.Чув)-8Гаврилова

А.П. ЛЕОНТЬЕВ

О ТРАГИЧЕСКОЙ СУДЬБЕ ГАЗЕТЫ «ХЫПАР»-3 И ЕЕ РЕДАКТОРА АГАФЬИ ГАВРИЛОВНЫ ГАВРИЛОВОЙ

Ключевые слова: *газета «Хыпар», ее редакторы, чувашские социалисты-революционеры (эсеры), Чувашское национальное общество (ЧНО), Народная армия Комитета членов Всероссийского Учредительного собрания (Комуча), репрессии, реабилитация.*

Первым периодическим изданием на чувашском языке, газетой «Хыпар», в свое время руководили две женщины. Обе они состояли в партии эсеров. Вообще история газеты неотделима от деятельности чувашской организации названной партии – могущественной политической силы России, сыгравшей значительную роль и в годы первой русской революции 1905–1907 гг., и, тем более, после Февральской революции 1917 г. Возрожденная по решению Союза мелких народностей Поволжья газета во весь период своего дальнейшего функционирования позиционировала себя как последовательный рупор антибольшевизма и защитница всенародно избранного Всероссийского учредительного собрания. Впоследствии почти все ее редакторы были репрессированы. Настоящая статья посвящена трагической судьбе одного из них – Агафьи Гавриловны Гавриловой – сподвижницы лидеров чувашского национального движения Н.В. Никольского, Г.Ф. Алюнова, С.Н. Николаева, Г.Т. Титова, И.В. Васильева. Автором в ходе работы над статьей выявлены новые факты, позволившие стереть «белые пятна» в биографии А.Г. Гавриловой и других деятелей, непосредственно имевших отношение к деятельности газеты «Хыпар».

О первой чувашской газете «Хыпар», основанной в Казани Н.В. Никольским в январе 1906 г., и о ее редакторах опубликовано множество материалов. При изучении биографий руководителей газеты вырисовываются интересные параллели. Например, в числе редакторов газеты «Хыпар» были две женщины. Их звали одинаково: *Агапия* Николаевна Николаева (Кармачева) и *Агафья* Гавриловна Гаврилова. Обе окончили женское училище при Симбирской чувашской учительской школе и преподавали в сельских школах; обе сотрудничали в эсеровском «Хыпаре» в 1906–1907 гг., были отстранены от работы на ниве просвещения и состояли под особым надзором полиции за революционную деятельность. Следующая символическая параллель: Агапия Николаевна была *шестым* редактором газеты «Хыпар», выходившей в свет в 1906–1907 гг., Агафья Гавриловна – *шестым* редактором «Хыпара» в период 1917–1918 гг. К сожалению, подготовленный Агапией Николаевой первый номер газеты от 3 июня 1907 г. был изъят казанской жандармерией, а верстка его рассыпана, т.е. *уничтожена*. Лишь после преодоления многочисленных препятствий Николаева смогла устроиться на должность учителя.

На этом параллели в судьбах двух чувашских революционерок заканчиваются. После выпуска трех номеров эсеровско-комучевского «Хыпара» физически была *уничтожена* Агафья Гавриловна Гаврилова, и долгое время ее имя было предано забвению.

История «Хыпара»-3[1] – самая трагичная в биографии первой чувашской газеты. Воссоздание газеты предваряли следующие события. После упорных

[1] Деятельность издания автор делит на четыре периода: «Хыпар»-1 – 1906–1907 гг. (г. Казань), «Хыпар»-2 – май 1917 – февраль 1918 гг., «Хыпар»-3 – август-сентябрь 1918 гг. (г. Казань), «Хыпар»-4 – октябрь-ноябрь 1918 (г. Уфа).

и кровопролитных боев против Красной Армии 7 августа 1918 г. части Народной армии Комуча и чехословацких войск вошли в Казань. Один из лидеров чувашской автономной организации партии эсеров Г.Ф. Алюнов был назначен помощником особоуполномоченного Комуча по Казанской губернии. 14 августа 1918 г. приказом другого помощника особоуполномоченного Комуча И.С. Алкина ликвидированы все советские учреждения и организации. ЧНО образовало свою ликвидационную комиссию под председательством И.В. Васильева (в составе комиссии была также А.Г. Гаврилова). 15–18 августа комиссия описала все имущество и денежные средства газеты «Канаш»[1], Комиссариата по чувашским делам, подотделов Чувашского отдела при Наркомнаце и издававшегося им сельскохозяйственного журнала на чувашском языке «Ана» (Нива). Приказом Г.Ф. Алюнова от 30 августа 1918 г. все конфискованное имущество было передано в распоряжение ЧНО. Фактически оно вернуло себе и газету «Хыпар», и бывший свой Фонд, которые у них были экспроприированы левыми эсерами во главе с Д.П. Петровым (Юманом) в феврале того же года.

27 августа 1918 г. возобновлено издание газеты «Хыпар» под руководством А.Г. Гавриловой. До занятия Казани частями Красной Армии (10 сентября 1918 г.) вышло еще два номера газеты.

Читатели в какой-то мере знакомы с публикациями «Хыпара»-1 и «Хыпара»-2. Хотя «читатели» – это чересчур. Точнее сказать – исследователи. А «Хыпар»-3 для историков – сплошное «белое пятно». Лишь А.В. Изоркин «просматривал № 2 этой газеты в республиканской Книжной палате», как он пишет, «когда готовил статью», и отметил, «что в 3-х номерах «Хыпара», выходившего в чехословацко-комучевской Казани, размещены одни лишь воззвания» [5. С. 2]. Здесь исследователь не прав. Нами проанализированы все три номера издания. Заголовки материалов раскрывают суть их содержания: «Хыпар» воскрес» (хроникальная информация), «Взятие Казани чехословаками» (репортаж), «Из заявления казанского комитета социалистов-революционеров» (документ), «Казанский фронт Народной армии» (репортаж), «Заповеди» (фельетон), «Чувашские офицеры» (статья), «Женская доля» (эссе), «Рождение ребенка» (эссе). «Вполне» газетные публикации. В этих и других материалах выражена безоговорочная поддержка чувашскими правыми эсерами деятельности Комуча – первого антибольшевистского правительства России, организованного 8 июня 1918 г. в Самаре членами Учредительного собрания, разогнанного большевиками 6 января 1918 г.

В частности, в статье «Чувашские офицеры» А.Г. Гаврилова приводит слова одного из добровольцев: «Узнав о том, что мы – тайно сбежавшие из Чебоксарского уезда офицеры, подполковник страшно обрадовался. <…> В первом офицерском батальоне Народной армии чувашских офицеров собралось 40 человек. Сегодня, 27 августа, с мечтой о скорой победе над черным врагом и грезами о грядущей светлой жизни и для себя, и для своих земляков мы гордо уходим на войну» [1. С. 3].

Этот (и не только) материал напрочь опровергает одно из утверждений А.В. Изоркина, будто «...за Алюновым тоже водятся грехи. Именно по его при-

[1] О том, как правоэсеровский «Хыпар» стал советской и левоэсеровской газетой «Канаш» – в статье А.П. Леонтьева «Кто и как “советизировал” “Хыпар”» (Вестник Чувашского университета. 2012. № 2. С. 51–53).

казу проживавших в Казани 40 чувашей, пригодных к воинской службе, насильно мобилизовали в Белую армию» [5. С. 2]. Как видим, претерпевшие разбой и самоуправство красноармейцев чувашские офицеры в Народную армию вливались добровольно. Активный участник событий того периода Д.П. Петров (Юман) вспоминает «по свежим следам», что приближение фронта и налеты народоармейцев «послужили сигналом к поголовному бегству из чувашского края на территорию Комуча чувашского офицерства (последнего насчитывалось тысяча человек). <…> Большая часть сбежавших за фронт офицеров-чувашей наполнила ряды наиболее стойких частей генерала Каппеля» [8. С. 69].

Еще в августе 1917 г. А.Г. Гаврилова стала казначеем проэсеровского Казанского чувашского военного комитета. С того же месяца она – секретарь правления ЧНО. И отныне ни одно более или менее заметное событие в национально-освободительном движении чувашей не происходило без ее деятельного участия. В соответствии со своим положением и идеологическими взглядами А.Г. Гаврилова становится ближайшей помощницей лидеров Чувашского национального общества Г.Ф. Алюнова и И.В. Васильева [3. С. 94]. После отъезда их в Уфу на Государственное совещание – форум антибольшевистских правительств, политических партий, казачьих войск и местных самоуправлений Востока России – Агафья Гавриловна остается в Казани во главе ЧНО. А перед выездом Г.Ф. Алюнов «отпраздновал свою свадьбу, и присутствие на ней было последним ярким впечатлением в жизни А.Г. Гавриловой» [3. С. 96].

Открыто встав на сторону противников большевистской власти, редакция газеты и ее редактор А.Г. Гаврилова не могли не знать о последствиях такой позиции. И они не замедлили сказаться сразу же после отступления частей Народной армии и взятия Казани Красной Армией.

Из «Доклада о деятельности Чувашского отдела Народного комиссариата по делам национальностей»: «По восстановлении П[олит]/отделов в октябре мце, принимая во внимание активную борьбу с Отделом Центрального Правления Чувашского национального общества, было постановлено ликвидировать это общество. Распоряжение о ликвидации этого общества было отдано местным Советам в форме приказа, потому ликвидация прошла быстро. Некоторые члены Правления были задержаны Казанской губернской чрезвычайной комиссией. Редактор “Хыпара” и еще один член были расстреляны» [2].

«Еще один расстрелянный» – это Т.Н. Николаев (Хури), – утверждает А.В. Изоркин, – член партии социалистов-революционеров с 1903 г., в 1906–1907 гг. – член редколлегии газеты “Хыпар”. В революционных событиях 1917–1918 гг. не участвовал. Тем не менее, в сентябре его вместе с гражданской женой А.Г. Гавриловой чекисты арестовали и расстреляли» [4. С. 2].

В действительности, известнейший эсер-максималист (приверженец широкого применения террористических методов борьбы) Т.Н. Николаев арестован чекистами 4 октября, расстрелян 6 октября 1918 г. [6. С. 200]. «Еще один член» – это сотрудник «Хыпара» Николай Иванович Рубачёв, не успевший или не захотевший уйти вместе с антибольшевистскими силами, или же надеявшийся на снисходительность победителей в только что отгремевших баталиях [6. С. 203–215].

Управление ФСБ РФ по Республике Татарстан нам предоставило копию «Показаний» в ЧК А.Г. Гавриловой. Приведу их с некоторыми сокращениями:

«С 15 августа я, как назначенная редакторша, стала работать. Все статьи мои и моих сотрудников – в освещение текущего момента – были направлены для защиты Учредительного собрания. <…> За редактора меня назначил уполномоченный Учредительного собрания Алюнов. Когда пришли красноармейцы, то я бежала из Казани со своими хозяевами в Чистополь. Затем я вернулась... Когда пришли на квартиру, меня арестовали. Найденный у меня револьвер системы наган, который я спрятала во дворе... (неразборчиво. – *А.Л.*).

Читала. А. Гаврилова».

А дальше – орфографически неграмотное, но политически «правильное» постановление:

«Разстрелять.
7.10.[19]18.
Лацис»[1] [6. С. 194–195].

Свои «Показания» А.Г. Гаврилова писала не сама. И подпись, вероятнее всего, не ее. Об этом свидетельствует сравнение их с собственноручно написанным ею заявлением на имя коменданта военно-полевого трибунала, где она просит свой вклад в сумме двух тысяч тридцати девяти руб. (2039 руб.), находящийся в Казанском ссудосберегательном товариществе (банк мелкого кредита), «зачислить в Чувашский национальный фонд и с них Комиссариат выдавал бы по своему усмотрению в пособие неимущим ученицам-чувашкам, обучающимся в учебных заведениях г. Казани» [6. С. 195–196].

В конце 2005 г. от имени Издательского дома «Хыпар» его генеральный директор-главный редактор, автор этой статьи, обратился в Управление ФСБ России по Республике Татарстан с просьбой предоставить дополнительные материалы о судьбе А.Г. Гавриловой. Ответ обескуражил. Оказывается, прокуратура Республики Татарстан вынесла решение, что редактор «Хыпара» «*была осуждена за общеуголовное преступление и реабилитации по Закону РФ от 18 октября 1991 г. «О реабилитации жертв политических репрессий» не подлежит* (курсив наш. – *А.Л.*)». Но ведь «Гаврилова Агафья Гавриловна, 1878 года рождения, 27 сентября 1918 г. была арестована по обвинению в выпуске контрреволюционной газеты и незаконном хранении огнестрельного оружия» и именно за это 7 октября 1918 г. приговорена к расстрелу Чрезвычайной комиссией по борьбе с контрреволюцией на Чехословацком фронте [6. С. 192–193].

Итак, по версии прокуратуры Татарстана, А.Г. Гаврилова вплоть до 2005 г. считалась уголовной преступницей. От имени Издательского дома «Хыпар» мы решили ходатайствовать о реабилитации А.Г. Гавриловой перед Генеральной прокуратурой РФ. 16 января 2006 г. прокуратурой Республики Татарстан наконец-то было *принято решение о реабилитации* (курсив наш. – *А.Л.*) Гавриловой Агафьи Гавриловны на основании ст. 3, 5 Закона РФ «О реабилитации жертв политических репрессий» [6. С. 197–198].

Так восторжествовала справедливость по отношению к «женщине-гражданке»[1], не поступившейся принципами и положившей свою голову на алтарь борьбы с большевистской властью.

[1] Лацис Мартын Иванович (Янович) – в июле-ноябре председатель ЧК и Военного трибунала 5-й армии Восточного фронта.

Узнав о ее гибели, Г.Ф. Алюнов в письме на волю из Казанской городской тюрьмы с нескрываемой горечью пишет: «Меня ужаснула весть об убийстве Н.И. [Рубачёва]. То, что расстреляли А.Г. [Гаврилову], более понятно: эта нечисть (т.е. чекисты-большевики. – *А.Л.*) не могла терпеть около себя бытия святой женщины. Сами подумайте, друзья мои: сумеет ли сработаться среди них Кевёрле (Гавриил. – *А.Л.*)? Какими бы глазами они смотрели на меня? Положение кошмарное» [7]. 12 июля 1921 г. Г.Ф. Алюнов умер. Так в течение непродолжительного времени новой властью были уничтожены четыре «хыпаровца». Но это было только начало. В 1930–1940 гг. всего было репрессировано около сорока чувашских общественно-политических деятелей и представителей интеллигенции, в той или иной степени имевших непосредственное отношение к газетам «Хыпар» и «Канаш».

Литература

1. *Гаврилова А.Г.* Чăваш офицерĕсем // Хыпар. 1918. № 1, 1 сент. С. 3.

2. Государственный исторический архив Чувашской Республикик. Ф. Р-2669. Оп. 3. Д. 527. Л. 62.

3. *Изоркин А.В.* Пули революции безжалостны… // Их имена останутся в истории. Вып. 2. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1994. С. 90–96.

4. *Изоркин А.В.* Революцин вĕри тăхланĕ // Хыпар. 1993. № 173, 23 авг. С. 2.

5. *Изоркин А.В.* Çу вĕçĕнче шавланă туй // Хыпар. 1998. № 191, 18 сент. С. 2.

6. *Леонтьев А.П.* «Хыпар»: минувшее и настоящее. Факты. События. Личности. Судьбы. Чебоксары: ИД «Хыпар», 2011. 640 с.

7. Научный архив ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 319. С. 633.

8. *Петров Д.П.* Чувашия: историко-политический и социально-экономический очерк. М.; Л.: Госуд. изд-во., 1926. 104 с.

ЛЕОНТЬЕВ АЛЕКСЕЙ ПЕТРОВИЧ – научный сотрудник, Чувашский государственный институт гуманитарных наук, Россия, Чебоксары (alexej.leontjew2014@yandex.ru).

A. LEONTIEV

ABOUT THE TRAGIC FATE OF THE NEWSPAPER «HYPAR-3» AND ITS EDITOR AGAFYA GAVRILOVNA GAVRILOVA

Key words: *«Hypar» newspaper, its editors, Chuvash socialists-revolutionaries (SRs), Chuvash national society (ChNO), People's army of All-Russian Constituent Assembly Members' Committee (Komuch), repressions, rehabilitation.*

The first periodical in the Chuvash language, the newspaper "Hypar", at specified time, was headed by two women. Both of them were members of the SRs. In general, the history of the newspaper is inseparable from the activities of the Chuvash organization of the indicated party – it was a powerful political force of Russia, which played a significant role both in the years of the first Russian revolution of 1905–1907, and, moreover, after the February revolution of 1917. Revived by the decision of the Union of the Volga region small nationalities, during the entire period of its further functioning the newspaper positioned itself as a consistent mouthpiece of anti-Bolshevism and a defender of publicly elected All-Russian Constituent Assembly. Subsequently, almost all of its editors were repressed. The present article is devoted to the tragic fate of one of them – Agafya Gavrilovna Gavrilova – a fellow fighter of the leaders of the Chuvash national movement N.I. Nikolsky, G.F. Alunov, S.N. Nikolaev, G.T. Titov, I.V. Vasiliev. In the course of working on the article the author revealed new facts that allowed to erase "blind spots" in the biography of A.G. Gavrilova and other persons directly related to the activities of the newspaper "Hypar".

[1] В докладе на 1-м Общечувашском съезде учащихся 26(13) мая 1918 г. под названием «Женщина-гражданка» А.Г. Гаврилова восклицает: «Женщина имеет право взойти на трибуну, так как она имеет право взойти на эшафот!»

References

1. Gavrilova A.G. *Chavash ofitseresem* [Chuvash officers]. *Khypar*, 1918, no. 1, Sept. 1, p. 3.

2. *Gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Chuvashskoi Respubliki. F. R-2669. Op. 3. D. 527. L. 62* [State historical archive of the Chuvash Republic. Archive R-2669. Anagraph 3. Document 527. P. 62].

3. Izorkin A.V. *Puli revolyutsii bezzhalostny…* [The bullets of the revolution of the battle…]. *Ikh imena ostanutsya v istorii. Vyp. 2* [Their names will remain in history, issue 2]. Cheboksary, Chuvash Publishing House, 1994, pp. 90–96.

4. Izorkin A.V. *Revolyutsin veri takhlant* [The Hot lead of the revolution]. *Khypar*, 1993, no. 173, Aug. 23, p. 2.

5. Izorkin A.V. *Shchu veshchenche shavlana tui* [Wedding at the end of the summer]. *Khypar*, 1998, no. 191, Sept. 18, p. 2.

6. Leontiev A.P. *«Khypar»: minuvshee i nastoyashchee. Fakty. Sobytiya. Lichnosti. Sud'by* [«Hypar»: past and present. Evidence. Events. Personalities. Fates]. Cheboksary, Khypar Publ., 2011. 640 p.

7. *Nauchnyi arkhiv ChGIGN. F. I. T. 319. S. 633* [The scientific archive of the Chuvash state Institute of Humanities. Archive I. Storing Unite. 319. P. 633].

8. Petrov D.P. *Chuvashiya: istoriko-politicheskii i sotsial'no-ekonomicheskii ocherk* [Chuvashia: historical-political and socio-economic essay]. Moscow, Leningrad, 1926, 104 p.

LEONTIEV ALEXEI – Researcher, Chuvash State Institute of Humanitarian Sciences, Russia, Cheboksary (alexej.leontjew2014@yandex.ru).

Формат цитирования: *Леонтьев А.П.* О трагической судьбе газеты «Хыпар»-3 и ее редактора Агафьи Гавриловны Гавриловой // Вестник Чувашского университета. – 2018. – № 2. – С. 93–98.

УДК 930.1
ББК 63.3(2)5

А.В. МАНЬКОВ

СРЕДНЕВОЛЖСКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ ПАРТИИ ЭСЕРОВ В ХОДЕ ПЕРВОЙ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ: СОСТАВ, ЧИСЛЕННОСТЬ И ОТНОШЕНИЕ К ТЕРРОРИЗМУ

Ключевые слова: *политические партии, партия социалистов-революционеров (ПСР), Поволжье, средневолжские социалисты-революционеры (эсеры), группа эсеров, комитет партии, Губернское жандармское управление (ГЖУ), революционный терроризм, Поволжский областной комитет ПСР, численность.*

В конце XX – начале XXI в. перед российским обществом вновь, как и на рубеже XIX–XX вв., достаточно остро встал вопрос о выборе путей социально-политического развития. В этих условиях вполне понятен и оправдан значительно возросший интерес к тому, как решались похожие проблемы в недавнем прошлом. В связи с этим становится актуальным и внимание, которое уделяется современными исследователями истории политических партий России, а также тем моделям переустройства страны, которые они предлагали обществу. В частности, это касается партии социалистов-революционеров (эсеров). В январе 2017 г. исполнилось 115 лет со дня официального объявления об образовании этой общероссийской партии. Новый уровень исторического анализа, характерный для работ постсоветского периода отечественной истории, показывает, что идеи эсеров оказались чрезвычайно популярны в самых различных слоях российского общества первой четверти прошлого столетия. В 1917 г. партия стала самой многочисленной в стране. Специфической особенностью эсеровской тактики, унаследованной ими от народовольцев, стал терроризм. Принимая во внимание тот факт, что в целом террористическая деятельность не принесла партии, пожалуй, ничего, кроме общегосударственной известности, и произвела лишь большой пропагандистский эффект, необходимо признать мощным фактором успеха разнообразие тактических средств и приемов деятельности, способность к гибким реагированиям на общественные вызовы и настроения масс. Несмотря на все исторические различия, изучение истории партии эсеров сегодня способствует выработке эффективных методов борьбы с экстремизмом и терроризмом в современных условиях. Автор исследует состав, численность и отношение к терроризму эсеровских организаций в Среднем Поволжье.

В истории России 1905 год открыл эпоху революционных потрясений. В отечественной научной литературе существует широкий спектр оценок революции 1905–1907 гг. [7, 19, 22, 23]. Мы разделяем мнение специалистов о том, что в революции впервые в стране открыто выступили все классы и социальные группы и оформились три политических лагеря: правительственный, либерально-буржуазный и революционно-демократический [23. С. 54]. Олицетворением этой расстановки политических сил, в первую очередь, явились политические партии. Манифест 17 октября «Об усовершенствовании государственного порядка» содержал обещание «даровать населению незыблемые основы гражданской свободы на началах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний, союзов» [11. С. 150].

В то же время в конце XIX – начале XX в. в стране уже существовало немало политических объединений, имевших характер партий, но действовавших нелегально [16. С. 32]. Общероссийскими из них, по данным В.В. Шелохаева, считались 54 [7. С. 199]. В числе первых оформилась партия социалистов-революционеров (далее – ПСР) [16. С. 32]. В исторической науке в последние годы отмечается повышенное внимание к истории политических

партий начала XX в. и, в частности, социалистов-революционеров (эсеров) [7, 17, 18]. Среди многочисленных аспектов большое значение представляет анализ вопросов численности и организационной структуры эсеров [5. С. 122]. Наиболее репрезентативные исследования организаций социалистов-революционеров в Волжском регионе были проведены известным самарским ученым М.И. Леоновым [13–15]. Он отмечал, что «основной ареал эсеровских организаций в 1905–1907 гг. составляли губернии Поволжья…» [7. С. 203]. Значительный интерес представляет диссертация саранского историка С.В. Кистанова [10]. В то же время воссоздание целостной картины деятельности эсеров в крае накануне и в ходе революции является сложной и по-прежнему до конца не выполненной исследовательской задачей. Так, на наш взгляд, слабо раскрыта тема размещения и численности эсеров в регионе в 1902–1905 гг. Работы о политических партиях авторитетного ульяновского историка В.Н. Кузнецова посвящены другому историческому периоду [12]. В трудах пензенских исследователей общественно-политического процесса в крае В.Ю. Карнишина и А.Б. Полякова отсутствует статистика по ПСР [8, 20].

С другой стороны, первая революция в России 1905–1907 гг. характеризовалась бурным проявлением терроризма. «Русский социализм», считают историки, толкал эсеров к революционному экстремизму [7. С. 203]. В настоящее время существовавшие ранее идеологические догмы и ограничения во многом преодолены, что позволяет достаточно объективно взглянуть на различные аспекты революционного насилия. Эсеры Поволжья, по оценке региональных исследователей, активно занимались террористической деятельностью [8. С. 60]. Изучение терроризма прошлого очень важно сегодня в контексте выработки мероприятий противодействия экстремизму в современной России. Цель публикации – провести анализ размещения организаций эсеров в Среднем Поволжье накануне и в ходе революции, их численности, состояния и отношения к терроризму. Автор вводит в научный оборот новые архивные материалы по истории регионов Среднего Поволжья.

Партия эсеров вполне могла претендовать на право быть старейшей политической силой огромной страны. Первые группы социалистов-революционеров были основаны еще в 1894–1895 гг. [13. С. 8]. В конце 1901 г. наиболее значительные из них объединились. В январе 1902 г. было официально объявлено об образовании партии [5. С. 122]. Департамент полиции, писал позже жандармский офицер А.И. Спиридович, «не сумел тогда помешать сплочению партии…» [21. С. 81]. В 1904 г. была развита целостная концепция, намечены основы тактики и в мае 1904 г. в газете «Революционная Россия» опубликован проект программы. В то же время, по мнению М.И. Леонова, организационно эсеры накануне 1905 г. были только «группой политических единомышленников» [13. С. 8]. Партия, считает он, не сложилась как полностью единая и централизованная организация, в ней всегда было много «келейности», а «дисциплина была крайне слабой» [15. С. 133].

По оценкам ряда исследователей, «выявить с достаточной точностью численность партии накануне 1905 г. не представляется возможным» [15. С. 134]. Сами оппозиционеры учета не вели, а донесения жандармских управлений, подготовленные в 1903–1904 гг., по мнению Леонова, были «недостаточно репрезентативны» [15. С. 134]. Одним из первых поставил вопрос о численности эсеров Спиридович. Он считал, что до первой русской революции существовало 53 организации [5. С. 123]. По подсчетам Н.Д. Ерофеева, в ПСР

было 43 организации [5. С. 124], а численность эсеров до революции составляла 2651 человек [5. С. 127]. Однако и это, видимо, в большей степени условно, так как основными источниками этого расчета почти исключительно являлись донесения жандармов в Департамент полиции за ограниченный период времени. Видные деятели самой партии в это время оценивали свою численность как весьма незначительную. Так, знаменитая «бабушка русской революции» Е.К. Брешко-Брешковская в конце 1904 г. говорила об активных членах партии в количестве «несколько сот молодых людей» [15. С. 134].

Резкий рост численности произошел в 1906 г. Как считает Леонов, в партии эсеров в конце 1906 – начале 1907 гг. насчитывалось 62 609 человек. Эти подсчеты были осуществлены на основании отчетов губернских организаций [13. С. 22]. Первая попытка подсчитать самими эсерами численность своих рядов была предпринята на II Совете партии в ноябре 1906 г. В отечественной литературе в связи с этим высказывалось мнение о 50 тыс. членов [15. С. 135]. По оценке немецкого историка М. Хильдермайера, к началу 1907 г. в партии эсеров было около 42–45 тыс. членов [13. С. 22]. Лицо эсеров, по мнению Леонова, определяла «интеллигенция, рабочие лишь в единичных случаях попадали в городские комитеты, а крестьяне в уездные» [15. С. 137]. И. Киселев, А. Корелин и В. Шелохаев считают, что численность эсеров в конце первой русской революции составляла более 65 тыс. человек [9. С. 73].

Отечественные историки отмечали, что «наиболее крупные эсеровские организации были в регионах, отличавшихся высоким удельным весом среди населения патриархального крестьянства…» [9. С. 73]. Мы согласны с мнением Леонова, что одними из самых сильных были организации в Поволжье [14. С. 49]. О партии социалистов-революционеров губернские власти Среднего Поволжья впервые были уведомлены в июне 1902 г. Так, Департаментом полиции Министерства внутренних дел по особому отделу 20 июня 1902 г. во все губернии был выслан циркуляр за № 4185 с данными о революционной деятельности «…членов революционного общества, присвоившего себе наименование социалистов-революционеров Г.А. Гершуни, П.И. Василевского и Е.К. Брешко-Брешковской», где указывалось, что «…придавая первостепенное значение аресту названных лиц, Департамент полиции поручает… принять меры к розыску упомянутых лиц» [2. Д. 200. Л. 128–129]. В циркуляре также говорилось, что данные лица посещали Самару, Сызрань и Казань.

Эсеры Поволжья структурировались в начале 1905 г. В феврале 1905 г. в Пензе был проведен I областной съезд представителей местных организаций эсеров региона, на котором был учрежден Поволжский областной комитет ПСР [8. С. 49–50]. Хильдермайер считал, что в Поволжье было 5100 членов партии [14. С. 54]. По данным отчета на II Совете партии, в ноябре 1906 г в Поволжской области работало более 10 тыс. членов [13. С. 22].

Самарская группа эсеров была создана в 1902 г. В январе 1904 г. она была реорганизована в комитет [13. С. 111]. Группу создал Михаил Александрович Веденяпин. Веденяпин был очень крупным и известным партийным функционером, до начала революции он проживал в Европе [14. С. 151]. Вместе с С.Н. Каллистовым и В.П. Троицким во второй половине 1905 г., вернувшись в Россию, он возглавил губернский комитет [1. С. 197–198]. Самарские эсеры создали немногочисленные кружки рабочих, учащихся, народных учителей, крестьянские «братства» в селах, издавали и распространяли прокламации. В начале революции они вели активную пропаганду, но не оказы-

вали заметного влияния на массовое движение. В феврале 1905 г. эсеры организовали выступления в сельскохозяйственном училище в Кинели и в фельдшерской школе в Самаре [6. С. 137]. Во второй половине 1905 г. была организована боевая дружина [1. С. 198]. В Самаре активно действовали военная и железнодорожная организации, группа пропагандистов [13. С. 111]. В октябре 1906 г., по данным Главного жандармского управления, в организации насчитывалось около 500 человек, из них 100 интеллигентов. Рабочая организация была основана в 1905 г., осенью 1906 г. она насчитывала 150 человек в 10 кружках. «Союз учащихся» зимой 1906 г. объединял 6 кружков по 8-12 человек в каждом [13. С. 111]. Всего в губернии работало 1200 членов партии [9. С. 78].

Казанская группа социалистов-революционеров организовалась в 1903 г., была преобразована в комитет в 1905 г. [14. С. 420]. В 1905 г. комитет возглавлял уроженец Чебоксарского уезда Тимофей Николаевич Николаев, известный как «Хури». 15 ноября 1905 г. начальник Казанского губернского жандармского управления (далее – ГЖУ) сообщил начальнику Симбирского ГЖУ о том, что задержан горнозаводской мастеровой Василий Павлович Горбунов по делу о Казанской группе социалистов-революционеров, который обвиняется в распространении антиправительственных прокламаций. По этому же делу проходили проживающие в Симбирске бывший студент Казанского университета Александр Сергеевич Поляков и мещанин Николай Павлович Смертин, а также крестьянин Василий Ефимович Табейкин [2. Д. 308. Л. 218]. На следующий год, 24 марта 1906 г., начальник Нижегородского охранного отделения в письме за № 824 сообщил начальнику Симбирского ГЖУ о том, что ученик Порецкой учительской семинарии крестьянин села Акаевка Симбуховской волости Лукояновского уезда Василий Андреевич Степанов во время приезда на родину распространял среди своих односельчан воззвания Казанского комитета партии социалистов-революционеров [2. Д. 399. Л. 153]. Среди казанских эсеров значительную роль играли студенты местного университета. В 1905 г. в организации была создана боевая дружина. В Казани все годы революции находился региональный центр по подготовке бомб (мастерская в доме Копыловой на Поповой горе). Русская и татарская рабочие организации Казани насчитывали: русская – 100 промышленных рабочих в 10-15 кружках, в татарской – 100 рабочих в 6 кружках. В студенческой фракции в Казанском университете в конце 1907 г. было 15-20 человек [13. С. 74]. В годы революции в губернии действовало 810 эсеров [9. С. 77].

Пензенская группа эсеров была организована в 1902 г. Комитет был создан в 1903 г. [14. С. 434]. Местную группу партии возглавлял сын князя студент Петербургского университета Флориан Флорианович Федорович, высланный в Пензу в административном порядке 27 марта 1902 г. из Петербурга за принадлежность к Рабочей партии политического освобождения России (РППОР). В том же году в Пензе была обнаружена первая тайная типография партии социалистов-революционеров. Активно работала школьная группа численностью 50-70 человек [14. С. 50]. В состав комитета входили А.Д. Добросмыслов, В.Д. Арефьев, М.А. Астафьев, Н.И. Метальников и Ф.Ф. Федорович. В годы революции в губернии было 1050 эсеров [9. С. 77].

Симбирская организация эсеров была создана в декабре 1904 г., о чем было указано в отчете Симбирского ГЖУ за декабрь 1907 г. [2. Д. 772. Л. 98]. В 1904 г. ею руководил Тимофей Николаев («Хури»). После его отъезда в Ка-

зань до декабря 1905 г. – ветеринарный врач Константин Владимирович Родионов [2. Д. 378. Л. 58об.]. Осенью 1905 г. «наиболее усердные агитаторы» (А.С. Поляков, Н.И. Володин, М.В. Шмелев) из числа симбирских эсеров вели усиленную работу среди крестьян губернии по присоединению их к Крестьянскому союзу [2. Д. 345. Л. 4, 10]. Рабочая организация в конце 1906 г. насчитывала 60-65 членов, в конце 1907 г. – 50 членов. В конце 1906 г. имелось 38 активных эсеров-интеллигентов, военная организация, батальонный совет, школьная группа [13. С. 119]. В 1907 г. организация достигла своего пика. По данным Леонова, в ней было 593 члена [13. С. 118]. Во время ликвидации комитета 24 ноября 1907 г. при обыске у пропагандиста Федора Пылаева были обнаружены 1154 брошюры «Хитрая механика» и флаги с надписями «В борьбе обретёшь ты право своё» (лозунг эсеров, провозглашенный позднее на съезде) и «Да здравствует партия социалистов-революционеров» [2. Д. 774. Л. 4–4об.]. В 1907 г. в губернии действовали группы в Карсунском, Курмышском, Ардатовском уездах и селе Порецкое Алатырского уезда [2. Д. 772. Л. 98]. В Алатырском уезде была сильная группа максималистов [12. С. 6]. Симбирская губернская организация была самой малочисленной в регионе. В ходе революции, по подсчетам Ерофеева, в ней было всего 597 человек [5. С. 78]. Однако 28 апреля 1907 г. начальник Самарского ГЖУ проинформировал своего коллегу из Симбирска о том, что «в г. Симбирске очень прочно поставлено дело в местной организации партии социалистов-революционеров» [2. Д. 766. Л. 21]. Симбирские эсеры очень активно использовали экспроприации, в частности, ограбления почтальонов и почтовых отделений [12. С. 62].

В Симбирской губернии существовали организации, дейстовавшие относительно самостоятельно от центра губернии. Так, обособленно от Симбирска действовала Сызранская группа эсеров. Мы считаем, что это была активная организация, но о которой, как правило, мало пишут исследователи. По нашим данным, она была создана в 1904 г. В 1907 г. группа насчитывала 10-15 человек и всегда была близка к Самарскому комитету [12. С. 119]. В 1907 г. ею руководил уездный врач Сергей Николаевич Щеглов [12. С. 6]. Организация наиболее эффективно работала в учебных заведениях города. О ее деятельности говорит следующий факт: в марте 1904 г. от директора Сызранского реального училища на имя начальника Симбирского ГЖУ поступила докладная о том, что среди учеников 4-го класса распространяется брошюра с балладой М. Горького «Разрушенный мол». На титульном листе брошюры стояла печать Сызранской партии социалистов-революционеров, а на обороте была надпись: «Одобрена Сызранской партией социалистов-революционеров для чтения в классах и раздачи ученикам на дом» [2. Д. 242. Л. 20]. Леонов считает, что в Сызрани существовала объединенная боевая дружина эсеров и социал-демократов [12. С. 119].

Объективные и субъективные факторы обусловили ведущий характер партии эсеров среди политических организаций Мордовского края начала XX в. Именно ее представители первыми отметились здесь антиправительственными действиями. К началу практической деятельности эсеров в Мордовии прямое отношение имел Пензенский комитет ПСР [10. С. 14]. Одним из центров движения стал Саранск (в годы революции – Пензенская губерния), где еще с 1903 г. с перерывами, вызванными арестами наиболее активных членов, существовала довольно крупная организация. Ее руководителем был

Иван Веретенников. Существовала боевая группа, занимавшаяся экспроприациями [10. С. 14]. К концу 1905 г. деятельность эсеров на территории современной Мордовии приобрела устойчивую организационную структуру. В уездных городах сформировались эсеровские группы, ставшие неотъемлемыми частями губернских организаций. Некоторые уезды находились в структуре Симбирской губернской организации ПСР. Наиболее мощной из них была Карсунская. В с. Судосево Карсунского уезда были сильны позиции эсеров-максималистов, имевших активную боевую дружину. К 1907 г. максималисты почти повсеместно переродились в обыкновенных бандитов [11. С. 62]. Летом 1905 г. была создана организация в г. Ардатов Симбирской губернии [10. С. 14]. Она в короткое время взяла под свой контроль территорию всего уезда. Ардатовские эсеры поддерживали тесную связь с эсерами Симбирска, на что показывает анализ найденной в уезде нелегальной литературы. Руководителем местных эсеров был Михаил Михайлович Косолапов, служивший долгое время в ардатовской земской управе. Успехи в партийном строительстве эсеров стали одной из причин того, что Ардатовский уезд в 1905–1907 гг. стал на территории современной Республики Мордовия одним из самых взрывоопасных. Ардатовская группа, будучи составной частью симбирской губернской организации ПСР, способствовала появлению эсеровских групп в других населенных пунктах Мордовского края. В 1905 г. возникла Краснослободская организация ПСР (в то время Пензенская губерния), во главе с Василием Лушиным, занимавшаяся только агитационной работой [10. С. 14]. Мордовские историки отмечают, что эсеры были ведущей партией всего края [4. С. 13; 10. С. 18].

В годы революции значительно выросло число организованных эсерами экстремистских действий: нападений на полицейских, захватов казенного и частного оружия, политических убийств и экспроприаций. На 1906 г. приходится пик революционного терроризма эсеров – 78 терактов в разных районах империи (в 1905 г. – 54, в 1907 г. – 68) [13. С. 23]. Со середины 1906 г. можно говорить о доминировании в практике насилия «регионального» (местного) терроризма. Не было исключением в этом процессе и Среднее Поволжье, которое стало регионом, на который обрушился жесточайший террор.

Систематические террористические действия начались осенью 1905 г. В конце года активно действовали эсеры Самары. Так, в декабре они организовали «террористическую атаку» на начальника гарнизона генерал-майора Сергеева, которого оппозиционеры считали «главой самарской реакции». Против генерала было совершено 2 теракта, в ходе которых он получил ранения. В 1906 г. террористическая практика достигла своего апогея. В январе 1906 г. в Пензе погибли начальник гарнизона генерал-лейтенант В.Я. Лисовский и полицмейстер Д.Д. Кандауров [20. С. 561]. Спиридович писал, что Лисовского убили вместо жандармского генерала Прозоровского [21. С. 95]. С 1906 г. Поволжский областной комитет ПСР имел свой летучий боевой отряд (далее – ЛБО). 21 июля 1906 г. в Самаре членом ЛБО был застрелен волевой и деятельный губернатор И.Л. Блок, дядя известного русского поэта [8. С. 61]. 21 сентября 1906 г. в Симбирске был смертельно ранен местный губернатор К.С. Старынкевич [8. С. 61]. В Казани 12 марта эсеры бросили бомбу в здание местного ГЖУ. 25 сентября местные эсеры организовали покушение на вице-губернатора Д.Д. Кобеко, в которого были брошены две бомбы. 29 июля была брошена бомба (не взорвалась) в помещение Самарского ГЖУ. Теракты про-

должились и в следующем году. В Пензе 25 января 1907 г. член ЛБО убил губернатора С.В. Александровского и находившихся на месте теракта двух полицейских и случайного очевидца [8. С. 62]. 13 апреля 1907 г. в г. Карсун Симбирской губернии смертельное ранение получил уездный исправник В.В. Шемякин [12. С. 35]. Одним из самых значительных политических убийств в Поволжье стала ликвидация летучим боевым отрядом 19 декабря 1907 г. начальника Поволжского районного охранного отделения и Самарского ГЖУ полковника М.П. Боброва, которого лично знал Председатель Совета министров П.А. Столыпин [3. Л. 27, 29]. Бобров выступил инициатором создания в регионе районного охранного отделения [12. С. 15].

Таким образом, к 1905 г. в Среднем Поволжье были сформированы и начали действовать на местах многочисленные группы и комитеты партии социалистов-революционеров. В начале революции их основная деятельность проявлялась в устной пропаганде и распространении нелегальной литературы. Однако особого влияния на массы в первой половине 1905 г. эсеры не оказывали. С осени 1905 г. губернские организации региона эффективно занимались работой среди крестьянства и учащихся и распространением партийной печати. В ряде губерний действовали военные организации. В конце 1905 г. началась организованная террористическая деятельность. Наибольшую активность проявлял при этом ЛБО Поволжской области. Пик терроризма пришелся на вторую половину 1906 г. К середине 1906 г. партия эсеров стала ведущей революционной политической силой на территории Среднего Поволжья. Жертвами революционного насилия в 1906–1907 гг. стали 3 средневолжских губернатора (двое были ранены), некоторые воинские начальники, чины полиции и жандармерии. Все боевые дружины, особенно некоторых уездных групп, с 1906 г. широко применяли экспроприации. Во главе большинства комитетов ПСР находились опытные и авторитетные эсеровские лидеры (М. Веденяпин, А. Добросмыслов, Ф. Федорович, С. Каллистов, Н. Метальников, Т. Николаев, А. Поляков и др.), хорошо известные не только в регионе, но и в партии в целом. Поволжье, где имелись достаточно крупные организации, в годы революции стало центром эсеровского влияния на крестьян, учащихся и значительную часть городской и сельской интеллигенции. Нам представляется, что активность и эффективность деятельности местных организаций не зависела от их численности.

Анализ практики региональных и местных организаций партий, занимавшихся активной экстремистской деятельностью в прошлом, необходим для дальнейшего противодействия политическому насилию в настоящем. В связи с этим нам видится актуальным продолжение изучения истории терроризма и, в первую очередь, революционного терроризма в России, проводившегося партиями и организациями на рубеже прошлых веков, когда его масштаб достиг невиданных ранее размеров и приобрел общегосударственный характер.

Литература

1. *Блюменталь И.И.* Социал-демократия и революционное движение 1905 года в Самарском крае // 1905 год в Самарском крае. Материалы по истории РКП (б) и революционном движении. Самара, 1925.

2. Государственный архив Ульяновской области. Ф. 855. Оп. 1.

3. Государственный архив Самарской области. Ф. 468. Оп. 1. Д. 1076.

4. *Дулкин О.В.* Власть и общество Мордовии в годы первой российской революции (1905 – 1907 гг.): автореф. дис. … канд. ист. наук. Саранск, 2006. 24 с.

5. *Ерофеев Н.Д.* К вопросу о численности и составе партии эсеров накануне первой российской революции // Непролетарские партии России в трех революциях: сб. ст. М.: Наука, 1989. С. 122–132.

6. История Самарского края с древнейших времен до Великой Октябрьской революции. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1987. 187 с.

7. *Исхаков С.М.* Политические партии в российских революциях в начале XX века. Всероссийская научная конференция // Отечественная история. 2004. № 6. С. 199–203.

8. *Карнишин В.Ю.* Общественно-политический процесс в Поволжье в начале XX века. Пенза, Изд-во Пензенского гос. техн. ун-та, 1996. 132 с.

9. *Киселев И.Н., Корелин А.П., Шелохаев В.В*. Политические партии в России в 1905–1907 гг.: численность, состав, размещение (количественный анализ) // История СССР. 1990. № 4. С. 71–87.

10. *Кистанов С.В.* Политические организации на территории Мордовского края в условиях формирования многопартийности в России (начало XX века): автореф. дис. … канд. ист. наук. Саранск, 2004. 24 с.

11. *Кириллов В.В.* Курс истории России XVI–XX вв. Пособие для старшеклассников и поступающих в вузы. М.: Аквариум, 1998. 256 с.

12. *Кузнецов В.Н*. Политические партии в Среднем и Нижнем Поволжье в 1907 – начале 1911 гг. Ульяновск: УлГПУ, 2007. 242 с.

13. *Леонов М.И.* Эсеры в революции 1905–1907 гг. Самара: Самарский гос. ун-т, 1992. 191 с.

14. *Леонов М.И.* Партия социалистов-революционеров в 1905–1907 гг. М.: РОССПЭН, 1997. 512 с.

15. *Леонов М.И.* Партия эсеров в 1905–1907 гг.: организационная структура, состав, численность // Непролетарские партии России в трех революциях: сб. ст. М.: Наука, 1989. С. 132–138.

16. *Леонов С.В.* Партийная система России (конец XIX в. – 1917 год) // Вопросы истории. 1999. № 11-12. С. 29–48.

17. *Маньков А.В., Минеева Е.К.* Российский революционный терроризм // Вопросы истории. 2017. № 7. С. 67–76.

18. *Минеева Е.К., Стариков С.В.* Самарские и казанские левые социалисты в период заключения Брестского мира (февраль – март 1918 г.) // Вестник Чувашского университета. 2015. № 4. С. 138–145.

19. *Минеева Е.К., Шайпак Л.П., Маньков А.В.* Жандармские документы о симбирских социалистах-революционерах (период революции 1905–1907 гг.) // Право и образование. 2015. № 7. С. 158–167.

20. *Поляков А.Б*. Революционный терроризм в Пензенской губернии в 1905–1907 гг. (по материалам источников личного происхождения) // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В.Г. Белинского. 2011. № 23. С. 560–563.

21. *Спиридович А.И.* Записки жандарма. Репринт. воспроизведение изд. 1930 г. М.: Худож. лит., 1991. 268 с.

22. *Тютюкин С.В*. Первая революция в России: взгляд через столетие // Отечественная история. 2004. № 6. С. 126–141.

23. *Тютюкин С.В., Шелохаев В.В.* Первая российская революция 1905–1907 гг. // Вопросы истории КПСС. 1991. № 7. С. 50–66.

МАНЬКОВ АНДРЕЙ ВАСИЛЬЕВИЧ – старший преподаватель кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Военная академия связи имени Маршала Советского Союза С.М. Буденного, Россия, Санкт–Петербург (63donetsk@mail.ru).

A. MANKOV

THE MIDDLE VOLGA ORGANIZATIONS OF THE SOCIALIST REVOLUTIONARIES PARTY IN THE FIRST RUSSIAN REVOLUTION: STRUCTURE, HEADCOUNT AND ATTITUDE TO TERRORISM

Key words: *political parties, the Socialist Revolutionary Party (SRP), the Volga region, the Middle Volga Socialists-Revolutionaries (SRs), SRs group, party committee, Provincial Gendarmerie Administration, revolutionary terrorism, the Volga region regional committee of the SRP, headcount.*

At the end of the XX – beginning of the XXI century the Russian society again, as it was at the turn of the nineteenth and twentieth centuries, faced a rather critical question of choos-

ing the paths of socio-political development. Under these conditions, a greatly increased interest in the way similar problems were solved in the recent past is quite understandable and justified. In this regard, the attention paid by modern researchers to the history of Russia's political parties, as well as to those models of the country's reorganization that they offered the society, becomes urgent. In particular, this applies to the party of Socialist-Revolutionaries (SRs). In January 2017, 115 years passed since the official announcement of this All-Russian party formation. The new level of historical analysis, characteristic of the post-Soviet period of Russian history, shows that the ideas of the Social Revolutionaries proved to be extremely popular in the most diverse strata of the Russian society in the first quarter of the last century. In 1917 the party became the most numerous in the country. A specific feature of the Socialist-Revolutionaries' tactics inherited from members of "Narodnaya Volya" was terrorism. Taking into account the fact that, in general, terrorist activity brought the party nothing but national popularity, and produced only a great propaganda effect, it is necessary to recognize the variety of tactical means and methods of activity, the ability to respond flexibly to social challenges and mood of the masses as a powerful factor of success. Despite all the historical differences, the study of the history of the Socialist-Revolutionary Party today contributes to the development of effective methods for combating extremism and terrorism under present conditions. The author examines the structure, headcount and attitude of SR organizations in the Middle Volga region to terrorism.

References

1. Blyumental' I.I. *Social-demokratiya i revolyucionnoe dvizhenie 1905 goda v Samarskom krae. 1905 god v Samarskom krae* [Social democracy and the revolutionary movement of 1905 in the Samara Region. 1905 in the Samara Region]. *Materialy po istorii RKP (b) i revolyucionnom dvizhenii* [Materials on the history of the RCP (b) and the revolutionary movement 1905 in Samara region]. Samara, 1925.

2. *Gosudarstvennyi arhiv Ulyanovskoi oblasti. Fond 855. Opis 1* [The State archives of the Ulyanovsk Region. Archives 855. Anagraph 1].

3. *Gosudarstvennyi arhiv Samarskoi oblasti. Fond. 468. Opis 1. D. 1076* [The State archives of the Samara Region. Archives 468. Anagraph 1. D. 1076].

4. Dulkin O.V. *Vlast' i obshchestvo Mordovii v gody pervoi rossiiskoi revolyucii (1905 – 1907 gg.): avtoref. dis. … kand. ist. nauk* [The power and society of Mordovia in the years of the first Russian revolution (1905 – 1907). Doct. Diss.]. Saransk, 2006, 24 p.

5. Erofeev N.D. *K voprosu o chislennosti i sostave partii eserov nakanune pervoi rossiiskoi revolyucii* [On the issue of the number and composition of the Socialist-Revolutionary party on the eve of the first Russian revolution]. *Neproletarskie partii Rossii v trekh revolyuciyah. Sbornik statei*. [Non-proletarian parties of Russia in three revolutions: collection of scientific papers]. Moscow, Nauka Publ., 1989, pp. 122–132.

6. *Istoriya Samarskogo kraya s drevneishikh vremen do Velikoi Oktyabr'skoi revolyucii* [History of the Samara region from ancient times to the Great October Revolution]. Saratov, Saratov University Publ., 1987, 187 p.

7. Ishakov S.M. *Politicheskie partii v rossiiskikh revolyuciyakh v nachale XX veka* [Political parties in the Russian revolutions in the early twentieth century]. *Vserossiiskaya nauchnaya konferenciya* [All-Russian Scientific Conference]. *Otechestvennaya istoriya* [National history], 2004, no. 6, pp. 199–203.

8. Karnishin V.Yu. *Obshchestvenno-politicheskii process v Povolzh'e v nachale XX veka* [Social and political process in the Volga region at the beginning of the XX century]. Penza, Penza State Technical University Publ., 1996, 132 p.

9. Kiselev I.N., Korelin A.P., Shelohaev V.V. *Politicheskie partii v Rossii v 1905–1907 gg.: chislennost', sostav, razmeshchenie (Kolichestvennyi analiz)* [Political parties in Russia in 1905-1907: number, composition, location (Quantitative analysis)]. *Istoriya SSSR* [History of the USSR], 1990, no. 4, pp. 71–87.

10. Kistanov S.V. *Politicheskie organizacii na territorii mordovskogo kraya v usloviyakh formirovaniya mnogopartiinosti v Rossii (nachalo XX veka):* avtoref. dis. … kand. ist. nauk [Political organizations on the territory of the Mordovian territory in the context of the formation of a multi-party system in Russia (the beginning of the 20th century). Abstract of Doct. Diss.]. Saransk, 2004, 24 p.

11. Kirillov V.V. *Kurs istorii Rossii XVI–XX vv*. [The course of the history of Russia XVI–XX centuries]. *Posobie dlya starsheklassnikov i postupayushchikh v vuzy* [A manual for high school students and students entering universities]. Moscow, Akvarium Publ., 1998, 256 p.

12. Kuznecov V.N. *Politicheskie partii v Srednem i Nizhnem Povolzh'e v 1907 – nachale 1911 gg*. [The political parties in the Middle and Lower Volga region in 1907 – early 1911]. Ulyanovsk, Ulyanovsk State Pedagogical University Publ., 2007, 242 p.

13. Leonov M.I. *Esery v revolyucii 1905–1907 gg.* [Revolutionaries in the revolution of 1905–1907]. Samara, Samara State University Publ., 1992, 191 p.

14. Leonov M.I. *Partiya socialistov-revolyucionerov v 1905–1907 gg.* [The Party of Socialist-Revolutionaries in 1905–1907]. Moscow, ROSSPEN Publ., 1997, 512 p.

15. Leonov M.I. *Partiya eserov v 1905–1907 gg*.: organizacionnaja struktura, sostav, chislennost' [The Socialist-Revolutionary Party in 1905-1907: organizational structure, composition, strength]. *Neproletarskie partii Rossii v trekh revolyuciyakh: sb. st.* [Non-proletarian parties of Russia in three revolutions: collection of scientific papers]. Moscow, Nauka Publ., 1989, pp. 132–138.

16. Leonov S.V. *Partiinaya sistema Rossii (konec XIX v. – 1917 god)* [The Party system of Russia (end of XIX century – 1917)]. *Voprosy istorii* [Questions of history], 1999, no. 11-12, pp. 29–48.

17. Mankov A.V., Mineeva E.K. *Rossiiskii revolyutsionnyi terrorizm* [Russian revolutionary terrorism]. *Voprosy istorii*, 2017, no. 7, pp. 67–76.

18. Mineeva E.K., Starikov S.V. *Samarskie i kazanskie levye sotsialisty v period zaklyucheniya Brestskogo mira (fevral' – mart 1918 g.)* [Samara and Kazan left socialists in the period of concluding the Brest peace treaty (February – March 1918)]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta*, 2015, no. 4, pp. 138–145.

19. Mineeva E.K., Shaipak L.P., Mankov A.V. *Zhandarmskie dokumenty o simbirskikh sotsialistakh-revolyutsionerakh (period revolyutsii 1905–1907 gg.)* [Gendarme documents on Simbirsk socialists – revolutionaries (period of revolution of 1905–1907)]. *Pravo i obrazovanie*, 2015, no. 7, pp. 158–167.

20. Polyakov A.B. *Revolyucionnyi terrorizm v Penzenskoi gubernii v 1905–1907 gg. (po materialam istochnikov lichnogo proishozhdneiya)* [Revolutionary terrorism in the Penza province in 1905–1907 (on the base of personal origin sources)]. Penza, Izvestiya Penza State Pedagogical University Publ., 2011, no. 23, pp. 560–563.

21. Spiridovich A.I. *Zapiski zhandarma. Reprintnoe vosproizvedenie izdaniya 1930 goda* [Notes of the gendarme. Reprinted reproduction of the 1930 edition]. Moscow, Khudozhestvennaya literature Publ., 1991, 268 p.

22. Tyutyukin S.V. *Pervaya revolyuciya v Rossii: vzglyad cherez stoletie* [The First Revolution in Russia. A View Through the Century]. *Otechestvennaya istoriya* [National History], 2004, no. 6, pp. 126–141.

23. Tyutyukin S.V., Shelohaev V.V. *Pervaya rossiiskaya revolyuciya 1905–1907 gg*. [The First Russian Revolution of 1905–1907]. *Voprosy istorii KPSS* [Questions of History of the CPSU], 1991, no. 7, pp. 50–66.

MANKOV ANDREI – Senior Lecturer, Department of Humanities and Social and Economic Disciplines, Military Academy of Communications named after S.M. Budenny, Russia, St. Petersburg (63donetsk@mail.ru).

Формат цитирования: *Маньков А.В.* Средневолжские организации партии эсеров в ходе первой русской революции: состав, численность и отношение к терроризму // Вестник Чувашского университета. – 2018. – № 2. – С. 99–108.

УДК 94(470.4) “1914/1918”:329
ББК 63.3(2)61

Е.М. МИХАЙЛОВА

ПОВОЛЖСКИЕ ПРАВЫЕ ПАРТИИ ПОСЛЕ 1917 ГОДА: СУДЬБЫ ЛИДЕРОВ

***Ключевые слова**: правые партии и организации, монархисты, Февральская революция, Октябрьская революция, Поволжье, политические лидеры.*

Революции 1917 г. в корне изменили общественный строй и политическую систему России. В результате идеологического и социально-политического противоборства трансформировался партийный дизайн. В условиях падения монархии правые партии и организации, занимавшие значительное место и игравшие немалую роль в системе поздней Российской империи, подверглись репрессиям и ушли с политической арены, разделив судьбу российского самодержавия. Статья посвящена рассмотрению судеб лидеров правомонархических партий и организаций Поволжья начала XX в. в контексте революционных событий 1917 г. и в условиях начинающейся Гражданской войны. На основе значительного комплекса источникового материала освещено изменение политического места и роли поволжских правых партий и организаций в политической конфигурации революционной России. Особое внимание уделено раскрытию позиций новой революционной власти к правым партиям и организациям и их политическим лидерам. Проанализировано отношение лидеров правомонархического движения Поволжья к февральско-мартовским событиям 1917 г. и Октябрьской революции. На основе биографического, историко-системного и политико-ситуативного методов в статье выявлены исторические детали обстоятельств последних лет жизни лидера Астраханской народно-монархической партии Н.Н. Тихановича-Савицкого, профессора юриспруденции Казанского императорского университета, председателя Казанского Царско-народного русского общества В.Ф. Залеского, председателя Казанского отдела Русского Собрания и ряда отделов Союза русского народа А.Т. Соловьева. Особое место отведено рассмотрению трагической судьбы духовного наставника и почетного председателя Саратовского Православного всероссийского братского союза русского народа, епископа Саратовского и Царицынского Гермогена (Долганева). На основе конкретных материалов сделан вывод о трагичности и драматичности революционного вектора развития общества.

События столетней давности – две революции 1917 г. и начало трагических событий Гражданской войны 1918 г., приведшие общество к социально-политическому идеологическому расколу – заставляют вновь и вновь обращаться к историческим моментам этого периода для осмысления общественно-политических событий современности.

Февральская революция в корне изменила политическую картину российской общественной системы. Имевшая многовековую историю монархия перестала существовать, открыв простор гражданскому расколу и тяжелейшему периоду в истории России. К 1917 г. у монархии защитников, по сути, не оказалось. Практически безмолвно в февральско-мартовские дни 1917 г. с политической арены ушли политические партии и организации, находившиеся на правом фланге поздней Российской империи и оказавшие самодержавной власти в годы Первой русской революции неоценимую помощь.

Февраль 1917 г. поставил правые партии и организации в весьма неоднозначные условия. На фоне ликвидации института самодержавной власти, для защиты которого и были сформированы правомонархические партии, перед ними встал вопрос о собственном месте в новой политической конфигурации и принципах партийный деятельности. Однако к этому времени ни по-

тенциальных сил, ни организованной вертикали правоконсервативные объединения не имели. Последовавший вскоре, в марте 1917 г., официальный запрет Временным правительством правых партий и организаций и закрытие их печатных органов ускорили их уход с политической сцены.

Вслед за этими решениями новой власти последовали и официальные меры по отношению к лидерам и активистам правых организаций, в том числе и Поволжья.

Одним из первых, уже 3 марта 1917 г., Астраханский губернский исполнительный комитет (АГИК) без предъявления официального обвинения взял под арест председателя Астраханской народно-монархической партии (АНМП) Н.Н. Тихановича-Савицкого. Н.Н. Тиханович-Савицкий был одним из активных правых деятелей Поволжья, авторитетный и известный во всей России. Это он, один из немногих лидеров правого лагеря, в предреволюционные годы неоднократно предостерегал Николая II о готовящемся перевороте и грозящей государству революционной опасности [21. С. 573–583]. Лидер АНМП неоднократно обращался к астраханским властям – в АГИК и Астраханский Совет солдатских депутатов – с прошениями об освобождении, в которых писал, что «опасаться пропаганды контрреволюции с моей стороны нет основания, так как считаю преступным учинение смуты в то время, когда все помыслы населения должны быть сосредоточены на победе над Германией, против смуты во время войны я усиленно боролся все время» [6. Л. 1, 6, 11]. Чуть позже, в начале мая 1917 г., его жена Л. Тиханович-Савицкая отправила министру Временного правительства А.Ф. Керенскому письмо, в котором она просила освободить мужа: «…Три месяца, как мой муж… сидит в заключении… По словам Комитета… никакого обвинения к мужу предъявлено быть не может, отпустить же его не хотят, опасаясь, что он, будучи видным монархическим деятелем…, поведет контрреволюционную пропаганду. Муж указывает Комитету на неосновательность этих опасений, так как считает преступным заводить смуты во время войны; он все время боролся против этого, а теперь, говорит, и подавно, когда Государство стоит на краю развала… Невозможно лишать человека свободы, держать его, больного, в духоте, в пыли, на сквозняке, в обстановке, угнетающей морально…, лишь на основании одних предположений о его дальнейшей деятельности, к тому же это подрывает провозглашенные принципы свободы и законности и становится похожим на партийную месть». И далее продолжала: «Ленинцев, проповедующих измену Родине, оставляют свободными, а монархистов, беззаветных патриотов, держат взаперти, на основании одних предположений… Кроме того, муж говорит, Правительству следует принять во внимание, что в непродолжительном времени власть перейдет к толпе и солдатам, сторонникам Ленина, и политические заключенные могут подвергнуться смертельной опасности» [23. С. 136]. По состоянию здоровья в конце июня 1917 г. Саратовская судебная палата освободила бывшего председателя АНМП из-под ареста. В следующем месяце Н.Н. Тиханович-Савицкий получил разрешение выехать для лечения на Кавказские Минеральные Воды, причем должен был регулярно извещать Астраханский губернский исполнительный комитет о своем местопребывании. Последние сведения о местожительстве Н.Н. Тихановича-Савицкого поступили в начале августа 1917 г. из г. Нальчик [6. Л. 17, 19, 22, 27–30, 33]. О дальнейшей его судьбе практически ничего неизвестно. По некоторым дан-

ным, осенью того же года на Кавказе Н.Н. Тиханович-Савицкий был замучен большевиками [1. С. 661].

В предреволюционные годы свернуло свою политическую деятельность, уделяя основное внимание хозяйственной и благотворительной работе, Казанское Царско-народное русское общество (ЦНРО), руководимое профессором кафедры энциклопедии и истории философии права Казанского императорского университета Владиславом Францевичем Залеским. Развернувшее до Первой мировой войны активную общественно-политическую работу благодаря своему лидеру, ЦНРО теперь больше работало на военные нужды [17. С. 169]. Известно, что со студентами физико-математического факультета профессор В.Ф. Залеский даже ставил технические опыты по превращению этилового алкоголя в более ценные и технически применимые продукты [11. С. 84]. Вскоре после февральских событий, 4 марта 1917 г., в местной газете «Камско-Волжская речь» В.Ф. Залеский, разочарованный в так легко расставшемся от царя народе, заявил том, что ЦНРО приостановило свою деятельность. В сообщении прессы отмечалось: «Небольшая группа правых, объединяющаяся вокруг портновской школы (давно уже работающей на оборону), заранее решила воздерживаться от политических выступлений впредь до окончательной победы над внешними врагами и полного внутреннего успокоения. С восстановлением нормальной политической жизни члены этой группы воспользуются принадлежащим всякому русскому гражданину правом примкнуть к тем легализованным политическим партиям, программы которых будут соответствовать их убеждениям» [12. 4 марта; 4. С. 416]. На следующий день, 5 марта 1917 г., на экстренном заседании Совета Казанского университета профессор В.Ф. Залеский, комментируя распространявшиеся в Казани слухи о необходимости защиты революционных завоеваний от правомонархистов, сообщил, что «в Казани правых организаций нет». Одновременно он заявил о своем признании «нового строя». Но, несмотря на это, 17-19 марта он подвергся кратковременному аресту.

После октябрьских событий В.Ф. Залеский продолжал работать на юридическом факультете Казанского университета. Есть свидетельства о том, что, несмотря на его заверения лояльности новым властям, последние относились к нему весьма настороженно. Пророчески прозвучали его слова, произнесенные на заседании Совета университета 7 октября 1917 г.: «Это только начало» [4. С. 416].

О дальнейшей его судьбе известно немного. В соответствии с постановлением Совета университета от 14 декабря 1918 г. профессор юриспруденции В.Ф. Залеский был признан отчисленным из него с 1 января 1919 г. как, согласно этому же документу, выбывший из Казани «по обстоятельствам гражданской войны». Предполагается, что он покинул Казань со многими не принявшими советской власти во время массового исхода из города перед приходом частей Красной Армии [15]. По некоторым данным, В.Ф. Залеский поддерживал Белое движение [2. С. 145]. Известно также, что в 1919 г. он работал профессором в Томском университете. По неподтвержденным данным, В.Ф. Залеский умер в 1922 г. в Томске [4. С. 416; 8. С. 424].

Организатором и бессменным руководителем ряда отделов Союза русского народа (СРН) в Казани и Казанской губернии, а также Казанского отдела Русского Собрания (КО РС) был уважаемый и известный за пределами

Казанской губернии общественный деятель, коллежский асессор, педагог Александр Титович Соловьев. Одновременно А.Т. Соловьев в течение 25 лет руководил созданным по его инициативе Казанским обществом трезвости (КОТ), являясь одним из родоначальников трезвеннического движения в стране. Во время Первой мировой войны он был одним из активных организаторов помощи раненым и беженцам [3. С. 474]. Пользовавшийся доверием властей и искренне преданный своему делу, А.Т. Соловьев имел право личного доклада казанскому губернатору, являлся членом ряда санкт-петербургских, московских и местных научных, просветительных, благотворительных и других обществ.

После февральско-мартовских событий 1917 г. деятельность Казанского отдела Русского Собрания была запрещена. В этих условиях А.Т. Соловьев вместе со своими единомышленниками Н.Ф. Катановым, П.А. Рождественским, А.П. Яблоковым и другими прилагает немало усилий для сохранения Казанского Общества трезвости, которое новой властью воспринималось как имеющее монархическую направленность, а потому неприемлемое по аналогии с правыми партиями. 12 марта 1917 г. на заседании Общества проводились выборы нового его состава, и А.Т. Соловьев вновь был переизбран его председателем. 17 марта 1917 г. постановлением казанского Исполнительного комитета Общественной безопасности даже без осведомления казанского губернского комиссара В.В. Молоствова А.Т. Соловьев был арестован и заключен в одиночную камеру (при этом по отношению к нему применили физическую силу). В его квартире был произведен обыск и изъяты документы руководимых им организаций и материалы частной переписки [19. Л. 24об.; 2. С. 182]. Без имеющихся на то оснований Исполнительный комитет общественной безопасности г. Казани инкриминировал ему «вредную противоправительственную деятельность». 19 марта А.Т. Соловьев был освобожден из-под ареста.

В этих тяжелых смутных условиях Казанское общество трезвости пыталось заниматься благотворительностью, издавало журнал «Деятель», редактируемый А.Т. Соловьевым, в пасхальные дни устроило обед для бедноты [5]. Однако попытки сохранить КОТ не увенчались успехом. В апреле 1917 г. Исполнительный комитет общественной безопасности г. Казань запретил деятельность КОТ «ввиду крайне нежелательного направления». Были закрыты также чайные общества, которые занимались просветительской деятельностью. «Камско-Волжская речь» от 22 мая 1917 г. об этом сообщала следующее: «Исполнительный комитет Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов в виду переполнения библиотек при чайных общества трезвости погромною литературой, предложил комитету общественной безопасности библиотеки эти осмотреть, всю обнаруженную в ней черносотенную литературу изъять из обращения, остальные же книги и брошюры, в случае пригодности их, передать культурно-просветительской секции Совета р[абочих] и с[олдатских] д[епутатов]. Самое помещения чайных передать в ведение городского управления с просьбою использовать их для районных политических клубов» [12. 28 апр.; 1. С. 636]. После этих событий А.Т. Соловьев отошел от политических и общественных дел. 3 декабря 1918 г. он скончался.

Известным по всей России православным духовным лидером был епископ Саратовский и Царицынский Гермоген (в миру – Георгий Ефремович Долганов), являвшийся почетным председателем созданного в 1908 г. по его инициативе Православного всероссийского братского союза русского народа

(ПВБСРН). Попав в 1912 г. в опалу, епископ Гермоген был уволен от управления епархией (которым, кстати, руководил в с 1903 г.) и сослан в Жировицкий монастырь на покой. В августе 1915 г. святителя перевели в Николо-Угрешский монастырь Московской епархии.

Свое отношение к Февральской революции епископ Гермоген выразил в следующих словах: «Я не благословляю случившегося переворота, не праздную мнимой еще «пасхи» (вернее же мучительнейшей Голгофы) нашей многострадальной России и исстрадавшегося душой духовенства и народа, не лобызаю туманное и «бурное» лицо «революции», ни в дружбу и единение с ней не вступаю, ибо ясно еще не знаю, кто и что она есть сегодня и что она даст нашей Родине, особенно же Церкви Божией завтра… А сложившуюся (или «народившуюся») «в бурю революции» власть Временного правительства считаю вполне естественным и необходимым – для пресечения и предупреждения безумной и губительной анархии – признавать и об этой власти и правительстве молиться, дабы они всецело служили одному лишь благу Родины и Церкви» [10. С. 180–181]. 8 марта 1917 г. духовный лидер саратовских правых был назначен епископом Тобольской кафедры.

Октябрьская революция застала Гермогена в Москве, в период, когда он в августе-декабре 1917 г. участвовал в работе Поместного собора Православной Российской Церкви. Принципиальный сторонник восстановления патриаршества, он и сейчас выступал за это. Епископ не принял Октябрьской революции, не скрывая своего отношения к большевикам [13. С. 9]. «С тяжелым сердцем я выехал из Москвы и, доехав с трудом до Тобольска, отдался здесь целиком борьбе с большевизмом. И должен … признаться, что последний сильнее моей проповеди. Я с ужасом вижу, как эта зараза распространяется по краю» [18. С. 323–324], – говорил он в начале 1918 г.

Окормляя тобольскую паству, он призывал «сохранить верность вере отцов, не преклонять колена перед идолами… революции и их современными жрецами, требующими от православных русских людей выветривания, искажения русской народной души космополитизмом, интернационализмом, коммунизмом, открытым безбожием и скотским гнусным развратом» [10. С. 188].

В Тобольской епархии проводились беседы на церковные темы, епископ Гермоген сам выступал с религиозными проповедями. По его инициативе здесь проводился сбор для солдатских нужд, по его же благословению при Иоанно-Дмитриевским братстве для помощи возвращавшимся с фронта солдатам был организован особый отдел. Попавший в свое время в немилость Николая II во время заключения царской семьи в Тобольске владыка тайно посылал им просфоры, передавал молитвы и патриаршее благословение, поддерживал с ними переписку, называя их «многострадальным Святым Семейством» [1. С. 224]. Императрица Александра Федоровна в январе 1918 г. писала А. Вырубовой: «Гермоген каждый день служит молебен у себя для папы и мамы (для Николая II и Александры Федоровны. – *Е.М.*)» [9. С. 217].

23 января 1918 г. последовал декрет Совнаркома об отделении церкви от государства. Епископ Гермоген, защищая православие, обратился к пастве следующими словами: «Поднимите ваш голос в защиту церковной апостольской веры, церковных святынь, церковного достояния. Оберегайте святыню вашей души, свободу вашей совести! Никакая власть не может требовать от вас того, что противно вашей вере, вашей религиозной совести!» [10. С. 190]. Отпечатанные с обращением листки раздавались по храмам.

Весной 1918 г., в период начала гонений на православных верующих, Святейший Патриарх Тихон благословил провести по всей стране крестные ходы. Несмотря на запрет властей, в Вербное воскресенье 28 (15 по ст. стилю) апреля 1918 г. епископ Гермоген решил провести в Тобольске крестный ход. Сразу после проведения крестного хода «по соображениям политического характера и …целью охранения общественной тишины и порядка» [22. С. 217] владыка по решению тобольского исполкома был арестован и в ночь на 29 апреля отправлен в Тюмень, затем в Екатеринбург. Его обвинили в «контрреволюции» и «агитации против существующей власти», что было совершенно необоснованно и о чем епископ Гермоген доказывал в объяснительной записке екатеринбургскому Совету народных комиссаров [7. Л. 92–96]. Для защиты епископа из Тобольской епархии прибыла депутация мирян и представителей духовенства, которая попыталась выкупить владыку. Большевики запросили колоссальную по тем временам сумму в 100 тыс. руб., которую после переговоров снизили до 10 тыс. Однако после уплаты выкупа члены делегации исчезли, их больше никто не видел. Существует предположение, что большевики их расстреляли.

Владыка оставался в заточении в екатеринбургской тюрьме. В День Святого Духа 24 июня ему было разрешено отслужить в тюремной камере молебен. Вечером 25 июня вместе с другими арестованными, человек 8-9, епископа Гермогена увезли из тюрьмы, а ночью 26 июня их доставили в Тюмень на пароход «Ермак». Вечером следующего дня пароход прибыл к селу Покровское, где арестованных, кроме владыки и священника с. Каменское Екатеринбургской епархии П. Корелина, перевели на пароход «Ока», затем высадили на берег и расстреляли.

Вечером 28 июня епископа Гермогена вместе со священником П. Корелиным также перевели на пароход «Ока», который направился в сторону Тобольска. Около полуночи священника П. Корелина с привязанными гранитными камнями красноармейцы сбросили в воду. В половине первого ночи из трюма на палубу был выведен епископ Гермоген. До самой последней минуты владыка непрестанно молился, и когда палачи перевязывали веревкой камень, Гермоген кротко благословил своих убийц, которые над ним издевались [14. С. 21; 10. С. 204–205; 16. С. 110–111; 20. С. 196]. Его столкнули в реку Тобол. Принципиальный и последовательный в своих монархических убеждениях и искренне, всей полнотой сердца преданный православной вере, епископ Гермоген оставался таким до последних дней своей жизни.

Так закончились судьбы известных лидеров поволжского правомонархического движения начала XX в. Революционные события и надвигающаяся Гражданская война открыли новую страницу истории нашей страны, свидетельствуя о трагичности революционного пути развития, несущего колоссальные неоправданные жертвы. Драматические события столетней давности являются для современности и последующих времен наглядным предостережением.

Литература и источники

1. *Алексеев И.Е., Богоявленский Д.Д., Иванов А.А., Каплин А.Д., Климаков Ю.В., Медоваров М.В., Михайлова Е.М., Степанов А.Д., Стогов Д.И.* Правая Россия. СПб.: «Царское дело», 2015. 736 с.

2. *Алексеев И.Е.* На страже Империи. Вып. IV: Статьи и документы по истории черносотенства, русского национализма, дворянства, политического сыска и белого движения. Казань, 2011. 314 с.

3. *Алексеев И.Е.* Соловьев Александр Титович // Русский консерватизм середины XVIII – начала XX века: энциклопедия / отв. ред. В.В. Шелохаев. М.: РОССПЭН, 2010. 639 с.

4. *Алексеев И.Е.* «Чьим бы то ни было слугою я никогда не был…» // Воинство святого Георгия. Жизнеописания русских монархистов начала XX века / сост. и ред. А.Д. Степанов, А.А. Иванов. СПб.: Царское дело, 2006. 808 с.

5. Голос Казани. 1917. 28 марта.

6. Государственный архив Астраханской области (ГА АО). Ф. 1093. Оп. 1 Д. 28.

7. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 353. Оп. 3. Д. 737.

8. *Долгов Е.Б.* Залесский (Залеский) Владислав Францевич // Татарская энциклопедия: в 5 т. Казань: Идел-Пресс, 2005. Т. 2. С. 424.

9. *Иоффе Г.З.* Великий Октябрь и эпилог царизма. М.: Наука, 1987. 365 с.

10. *Игумен Дамаскин (Орловский).* Епископ Гермоген (Долганев). М.: Кучково поле, 2010. 400 с.

11. Казанская губерния в годы Первой мировой войны: сб. документов и материалов / под общ. ред. Д.И. Ибрагимова. Казань: Главное архивное управление при Кабинете министров Республики Татарстан, 2014. 208 с.

12. Камско-Волжская речь. 1917. 4 марта; 28 апр.

13. *Коганицкий И.* 1917-1918 гг. в Тобольске: Николай Романов. Гермогеновщина // Пролетарская революция. 1922. № 4. С. 3–15.

14. Красный террор в годы Гражданской войны. По материалам Особой следственной комиссии // Вопросы истории. 2001. № 9. С. 10–35.

15. *Малышева С.* «Великий исход» казанских университариев в сентябре 1918 г. // Гасырлар авазы – Эхо веков. 2003. № 1/2(30/31). С. 87–92.

16. *Михайлова Е.М.* Гермоген (в миру – Долганов Георгий Ефремович) // Русский консерватизм середины XVIII – начала XX века: энциклопедия / отв. ред. В.В. Шелохаев. М.: РОССПЭН, 2010. 639 с.

17. *Михайлова Е.М.* Региональные правоконсервативные партии и организации и их лидеры в «новой России (на примере Поволжья) // Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды: сб. тр. Всерос. науч. конф. / Рос. гос. пед. ун-т им. А.И. Герцена СПб., 2013. 198 с.

18. *Мраморнов А.И.* Церковная и общественно-политическая деятельность епископа Гермогена (Долганова, 1868–1918). Саратов: Научная книга, 2006. 366 с.

19. Национальный архив Республики Татарстан (НА РТ). Ф. 1246. Оп. 1. Д. 26.

20. *Степанов А.Д.* «Вы в подвиге, Господь благословляет Вас» // Воинство святого Георгия. Жизнеописания русских монархистов начала XX века / сост. и ред. А.Д. Степанов, А.А. Иванов. СПб.: Царское дело, 2006. 808 с. С. 187–197.

21. *Стогов Д.* Черносотенцы: жизнь и смерть за великую Россию. М.: Институт Русской цивилизации; Алгоритм, 2012. 672 с.

22. Тобольские епархиальные ведомости. 1918. № 13-14-15.

23. *Чхартишвили П.Ш.* Черносотенцы в 1917 году // Вопросы истории. 1997. № 8. С. 133–143.

МИХАЙЛОВА ЕЛИЗАВЕТА МИХАЙЛОВНА – доктор исторических наук, заведующая кафедрой гуманитарных дисциплин и иностранных языков, Чебоксарский кооперативный институт (филиал) Российского университета кооперации, Россия, Чебоксары (lizamem@yandex.ru).

E. MIKHAILOVA

RIGHT-WING PARTIES OF THE VOLGA REGION AFTER 1917: THE FATES OF LEADERS

***Key words**: right-wing parties and organizations, monarchists, the February revolution, the October revolution, the Volga region, political leaders.*

The revolutions of 1917 radically changed the social and the political system of Russia. As a result of ideological and social-political confrontation, the party structure was transformed. Under the conditions of the fall of the monarchy, right-wing parties and organizations that held a prominent position and played a significant role in the system of late Russian Empire underwent repressions and withdrew from the political arena, having shared the fate of the Russian czarist autocracy. The article is devoted to examining the fates of leaders of the right-monarchist parties and organizations of the Volga region at the beginning of the 20th

century in the context of revolutionary events of 1917 and in the conditions of unfolding Civil War. On the basis of a significant complex of source material, the change in the political position and role of the Volga region right-wing parties and organizations in the political configuration of revolutionary Russia is given coverage. A particular attention is paid to revealing the attitude of the new revolutionary government with regard to right-wing parties and organizations and their political leaders. The attitude of leaders of the right-monarchist movement of the Volga region to events of February-March 1917 and the October Revolution is analyzed. Based on biographical, historical-systemic and political-situational methods, the article reveals historical details in the circumstances of the last years of life of the leader of the Astrakhan People's Monarchist Party N.N. Tikhanovich-Savitsky, professor of law at Kazan Imperial University, the chairman of Kazan Tsar-folk Russian society V.F. Zaleski, the chairman of Kazan department of the Russian Assembly and a number of departments of the Union of the Russian people A.T. Solovyov. A special place is given to considering the tragic fate of a spiritual mentor and an honorary chairman of Saratov Orthodox All-Russian fraternal union of the Russian people, Bishop of Saratov and Tsaritsyn Hermogen (Dolganev). On the basis of specific materials, a conclusion is drawn about a tragic and dramatic character of the revolutionary vector in the development of society.

References

1. Alekseev I.E., Bogoyavlenskii D.D., Ivanov A.A., Kaplin A.D., Klimakov Yu.V., Medovarov M.V., Mikhailova E.M., Stepanov A.D., Stogov D.I. *Pravaya Rossiya* [Right-wing Russia]. St. Petersburg, Tsarskoe delo Publ., 2015, 736 p.

2. Alekseev I.E. *Na strazhe Imperii. Vyp. IV: Stat'i i dokumenty po istorii chernosotenstva, russkogo natsionalizma, dvoryanstva, politicheskogo syska i belogo dvizheniya* [On guard for the Empire. Issue 6: Articles and documents on the history of the Black Hundreds, Russian nationalism, nobility, domestic intelligence and the White Movement]. Kazan, 2011, 314 p.

3. Alekseev I.E. *Solov'ev Aleksandr Titovich* [Solov'ev Aleksandr Titovich]. In: *Russkii konservatizm serediny XVIII – nachala XX veka: entsiklopediya* [Russian conservatism of the mid XVIII – beginning of the XXth centuries: encyclopaedia]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2010, 639 p.

4. Alekseev I.E. *«Ch'im by to ni bylo slugoyu ya nikogda ne byl…»* [Never have I been a servant to anyone…]. In: *Voinstvo svyatogo Georgiya. Zhizneopisaniya russkikh monarkhistov nachala XX veka* [The army of St. George. Biographies of Russian monarchists of the beginning of the XX century]. St. Petersburg, Tsarskoe delo Publ., 2006, 808 p.

5. *Golos Kazani* [The voice of Kazan], 1917, March 28.

6. *Gosudarstvennyi arkhiv Astrakhanskoi oblasti. F. 1093. Op. 1. D. 28* [State archive of the Astrakhan region. Archive 1093. Anagraph 1. Document 28].

7. *Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii. F. 353. Op. 3. D. 737* [State archive of the Russian Federation. Archive 353. Anagraph 3. Document 737].

8. Dolgov E.B. *Zalesskii (Zaleskii) Vladislav Frantsevich. Tatarskaya entsiklopediya: v 5 t.* [Tatar Encyclopaedia. 5 vols.]. Kazan, Idel-Press Publ., 2005, vol. 2, p. 424.

9. Ioffe G.Z. *Velikii Oktyabr' i epilog tsarizma* [Great October and the epilogue of tsarizm]. Moscow, Nauka Publ., 1987, 365 p.

10. Igumen Damaskin (Orlovskii). *Episkop Hermogen (Dolganev)* [Bishop Hermogen (Dolganev)]. Moscow, Kuchkovo pole Publ., 2010, 400 p.

11. Ibragimov D.I., ed. *Kazanskaya guberniya v gody Pervoi mirovoi voiny: sb. dokumentov i materialov* [Kazan province during the WWI: a collection of documents and materials]. Kazan, 2014, 208 p.

12. *Kamsko-Volzhskaya rech'* [Speech of Kamsk and Volga], 1917, March 4; Apr. 28.

13. Koganitskii I. *1917–1918 gg. v Tobol'ske: Nikolai Romanov. Hermogenovshchina* [Years 1917–1918 in Tobolsk: Nikolai Romanov. Hermogenovshchina]. *Proletarskaya revolyutsiya* [Proletarian Revolution], 1922, no. 4, pp. 3–15.

14. *Krasnyi terror v gody Grazhdanskoi voiny* [Red Terror during the Civil War]. *Po materialam Osoboi sledstvennoi komissii* [Materials of the Special Board of Inquiry]. *Voprosy istorii* [Issues of History], 2001, no. 9, pp. 10–35.

15. Malysheva S. *«Velikii iskhod» kazanskikh universitariev v sentyabre 1918 g.* [Exodus of Kazan universities in September 1918]. *Gasyrlar avazy – Ekho vekov* [Gasyrlar avazy – Echo of centuries], 2003, no. 1/2 (30/31), pp. 87–92.

16. Mikhailova E.M. *Hermogen (v miru – Dolganov Georgii Efremovich)* [Hermogen (secular name – *Dolganov Georgii Efremovich*)]. In: *Russkii konservatizm serediny XVIII – nachala XX veka: entsiklopediya* [Russian conservatism of the mid XVIII – beginning of the XX centuries: encyclopaedia]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2010, 639 p.

17. Mikhailova E.M. *Regional'nye pravokonservativnye partii i organizatsii i ikh lidery v «novoi Rossii (na primere Povolzh'ya)* [Regional right-wing parties and organizations and their leaders in the "new" Russia (on the example of the Volga region)]. *Revolyutsiya 1917 goda v Rossii: novye podkhody i vzglyady: sb. tr. Vseros. nauch. conf.* [Proc. of Rus. Sci. Conf. «Revolution of 1917 in Russia: new approaches and views»]. St Petersburg, 2013, 198 p.

18. Mramornov A.I. *Tserkovnaya i obshchestvenno-politicheskaya deyatel'nost' episkopa Hermogena (Dolganova, 1868–1918)* [Church efforts and social-political activities of Bishop Hermogen (Dolganov, 1868–1918)]. Saratov, Nauchnaya kniga Publ., 2006, 366 p.

19. *Natsional'nyi arkhiv Respubliki Tatarstan.* F. 1246. Op. 1. D. 26 [National archive of the Republic of Tatarstan. Archive 1246. Anagraph 1. Document 26].

20. Stepanov A.D. *«Vy v podvige, Gospod' blagoslovlyaet Vas»* [You are heroes. God blesses you]. Stepanov A.D., Ivanov A.A., eds. *Voinstvo svyatogo Georgiya. Zhizneopisaniya russkikh monarkhistov nachala XX veka* [The army of St. George. Biographies of Russian monarchists of the beginning of the XXth century]. St. Petersburg, Tsarskoe delo Publ., 2006, 808 p.

21. Stogov D. *Chernosotentsy: zhizn' i smert' za velikuyu Rossiyu* [The Black Hundreds; life and death for the Great Russia]. Moscow, 2012, 672 p.

22. *Tobol'skie eparkhial'nye vedomosti* [Tobolsk Diocesan Journal], 1918, no. 13-14-15.

23. Chkhartishvili P.Sh. *Chernosotentsy v 1917 godu* [The Black Hundreds in 1917]. *Voprosy istorii* [Issues of History], 1997, no. 8, pp. 133–143.

MIKHAILOVA ELIZAVETA – Doctor of Historical Sciences, Head of Humanities and Foreign Languages Department, Cheboksary Cooperative Institute (Branch) of the Russian University of Cooperation, Russia, Cheboksary (lizamem@yandex.ru).

Формат цитирования: *Михайлова Е.М.* Поволжские правые партии после 1917 года: судьбы лидеров // Вестник Чувашского университета. – 2018. – № 2. – С. 109–117.

УДК 94(470.344):338.45(091)
ББК Т3(2Рос.Чув)6-231г(2Рос.Чув)

А.Л. МУЗЯКОВА

УНИВЕРСИТЕТСКАЯ ТРАДИЦИЯ ИЗУЧЕНИЯ ИНДУСТРИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ ЧУВАШИИ В УСЛОВИЯХ СМЕНЫ ИСТОРИЧЕСКИХ ПАРАДИГМ (1991–2017 гг.)*

Ключевые слова: *университет, промышленные кадры, Чувашская Республика, индустриальное развитие, университетско-промышленные связи, историография.*

На сегодняшний день одним из ключевых векторов социально-экономического развития России обозначена реиндустриализация. Данное обстоятельство актуализирует обращение к теме отражения вопросов истории отечественной промышленности в трудах ученых ведущего вуза Чувашской Республики. Цель статьи – провести анализ трудов историков Чувашского государственного университета, посвященных индустриальной теме. Научная и практическая значимость работы заключается в том, что впервые предпринята попытка комплексной оценки трудов региональных ученых, созданных с 1991 по 2017 г., в которых рассматриваются проблемы индустриализации в России и, прежде всего, в Чувашии. Выбранные хронологические рамки ознаменованы сменой исторических парадигм и снижением исследовательского интереса к некогда популярной в советской историографии темы истории промышленности и рабочего класса. Доказано, что, несмотря на эту тенденцию, в университете продолжилась деятельность научной школы, созданной доктором исторических наук Ю.П. Смирновым. В статье на основе анализа широкого круга историографических источников (более 30 работ) выделен и рассмотрен спектр вопросов, волновавших исследователей: структурные изменения населения России в ходе ее индустриального развития; место и роль партийно-государственных и общественных структур в создании индустрии автономных республик; недостатки функционировавшей структуры управления; роль и возможности местных органов управления в решении задач индустриального развития региона и страны; государственно-партийные механизмы управления научно-техническим прогрессом; социальная составляющая ускоренной индустриализации Чувашии и других регионов; количественный и качественный состав трудовых ресурсов, их национальный состав и источники пополнения; участие в социалистическом соревновании, движении наставничества. Выявлено, что значительное место в трудах ученых постсоветского периода занимают проблемы обеспечения промышленности Чувашии высококвалифицированными кадрами, взаимодействия хозяйственной и университетской систем региона, проблемы реиндустриализации республики.

Кризис и крушение системы советского общества, разрушение ее мировоззренческих основ в конце 1980-х – начале 1990-х гг. привели к кардинальным изменениям в сфере социально-гуманитарного знания, в частности исторической науки и образования, проявившимся в смене научных парадигм и идеологической доктрины исследований. Многие события из российского прошлого подвергались радикальной переоценке на фоне идеализации западного исторического пути и попыток создания новой системы ценностей, как правило, противоположной советской. С одной стороны, рос интерес общества к истории, а с другой – происходило резкое падение престижа исторической науки.

В этих условиях, когда прежние ключевые темы не вписывались в новую конъюнктуру и многие ученые впадали в крайность в оценке событий, отходя от исторической объективности, не стремясь «видеть в истории Советского государства ничего, кроме трагедий, ошибок и злоупотреблений» [28. С. 180], тема формирования и развития отечественной промышленности, его кадрового обеспечения, несмотря на традиционный характер для российской исто-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 16-11-21006.

риографии, оказалась на периферии исследовательских интересов. Однако в ряде научных центров подобная тематика не только сохранилась, но и успешно продолжала развиваться. Ярким примером может служить Чувашский государственный университет, где на базе исторического факультета усилиями доктора исторических наук, профессора Юрия Петровича Смирнова была создана научная школа по изучению индустриального развития и истории рабочей молодежи промышленности Волго-Вятского региона [15. С. 176].

Примечательно, что Ю.П. Смирнов, один из первых выпускников историко-филологического факультета Чувашского государственного университета, организованного в 1967 г., в 1973 г. успешно защитил диссертацию на тему «Рабочий класс Чувашии в годы развертывания коммунистического строительства (1959 – 1965 гг.)» под научным руководством доктора исторических наук, профессора И.Д. Кузнецова.

Традиции изучения истории индустриального развития и рабочего класса автономных республик РСФСР, фактически заложенные еще И.Д. Кузнецовым и активно развивавшиеся на кафедре истории СССР в 1970–1980-х гг., были продолжены и в постсоветский период уже на кафедре Отечественной истории под руководством Ю.П. Смирнова.

На переломе эпох многие авторы обращались к историографическому осмыслению трудов, созданных различными поколениями историков. Не стала исключением и индустриальная тема. В 1991 г. Ю.П. Смирновым и В.Р. Степановым была выделена такая особенность большинства работ, опубликованных советскими учеными, как приукрашенное освещение действительности в ущерб исторической правде: «при воссоздании истории предприятий нередко замалчивались, раскрывались неполно или совсем опускались недостатки и трудности» [30. С. 5]. В последующем Ю.П. Смирнов, отмечая значимость работ историков в изучении индустриального развития России в 1950–1980-е гг., указывал на однобокость освещения этой темы, вызванной ограничением возможностей доступа к материалам государственных и партийных архивов. Исследователь обращал внимание на то, что «атмосфера “единомыслия” и конъюнктурщины отрицательно сказалась на исторических исследованиях» [23. С. 40, 42].

К тому же, по мнению Ю.П. Смирнова, за изучение проблем индустриального развития страны чаще брались экономисты, социологи, философы, в то время как историки мало уделяли внимание поиску своего аспекта в освещении данной проблемы, в основном концентрируя внимание на историко-партийной теме, т.е. роли КПСС в развитии промышленности. Данная ситуация стала меняться с начала 1980-х гг. На основе анализа большого количества историографических фактов Ю.П. Смирнов показал важную роль ученых Башкирского, Калмыцкого, Петрозаводского, Чувашского и других университетов автономных республик (в том числе благодаря их сотрудничеству с коллегами из других вузов, академических институтов и представителями заводов) в исследовании истории отдельных предприятий, количественного и качественного роста рабочего класса, его материального положения, культурно-технического уровня, форм трудовой активности трудящихся, их предпосылок и т.д. По подсчитанным Ю.П. Смирновым данным, «только за 70–80-е гг. представители автономных республик Поволжья и Приуралья защитили 14 докторских, более 80 кандидатских диссертаций по истории индустрии и рабочего класса» [25. С. 6], что дало возможность создания обобщающих трудов по названной проблематике.

Несмотря на определенные трудности 1990-х гг., в ряде регионов проводились конференции, посвященные индустриальным проблемам. В их работе участвовали и ученые Чувашского государственного университета. Так, в 1993 г. ректор университета Л.П. Кураков, профессор кафедры отечественной истории Ю.П. Смирнов приняли участие в работе международной научной конференции «Сохранение индустриального наследия: мировой опыт и российские проблемы», прошедшей в Нижнем Тагиле и Екатеринбурге [14, 29], организаторами которой выступили Международный комитет по сохранению индустриального наследия (TICCIH), Институт истории и археологии Уральского отделения РАН, Ассоциация сохранения индустриального наследия (TICCIH-RUSSIA) и др.

Необходимо отметить, что если за рубежом под термином «индустриальное наследие» понимались индустриальные памятники, т.е. промышленные предприятия, вокзалы, энергетические производства, агрегаты, механизмы и т.д., то в России наблюдалось «стремление не ограничивать себя только материальной сферой, а обратить внимание на человеческий фактор, придать этому движению антропологическую и экономико-историческую окраску» [10]. Эта тенденция характерна и для работ представителей Чувашского государственного университета.

В статье Ю.П. Смирнова, посвященной анализу структурных изменений населения России в ходе ее индустриального развития, берущего стремительный старт во второй половине XIX в. после отмены крепостного права, отмечается, что, несмотря на радикальные изменения в сфере промышленного производства (рост числа фабрик и рабочих с 9944 и 459 637 в 1854 г. до 38 401 и 1 742 181 в 1896 г. соответственно, рост объема производства в 17 раз за эти 40 лет), Российская Империя «продолжала в силу специфики своего исторического пути оставаться сырьевым придатком Запада, занимая первое место в мире по добыче многих сырьевых ресурсов и в 13-14 раз отставая от развитых стран в производстве продукции на душу населения» [29. С. 162–163]. Поэтому до периода советской ускоренной индустриализации, по его мнению, нельзя говорить о по-настоящему масштабных изменениях в структуре народного хозяйства России, остававшейся, по сути, аграрной страной.

Советская индустриализация привнесла революционные изменения как в экономический, так и социальный облик страны. При этом Ю.П. Смирновым наряду с положительными аспектами глубоких структурных преобразований в составе населения (рост уровня образования, повышение квалификации рабочих и инженерно-технических работников, широкое участие женщин в производстве, массовое техническое творчество) отмечаются и негативные последствия. Отряд промышленных рабочих, формирующийся с начала века вплоть до 1960-х гг. из вчерашних жителей села, даже в городских условиях сохранял особенности крестьянской психологии, что замедляло их полную интеграцию в индустриальную сферу, способствовало утверждению уравнительных стандартов, отвечавших общинному мировоззрению, сковывавших инициативу и творческое отношение к труду. Вывод ученого логичен: «Советский Союз в известном смысле оказался заложником темпов и масштабов форсированного индустриального развития: за осуществленный рывок пришлось пожертвовать утратой инициативы массовым рабочим» [29. С. 164]. К сковыванию инициативы масс привел также, по мнению Ю.П. Смирнова, планово управляемый характер структурных изменений в социальном составе, хотя указанное обстоятельство и способствовало снятию социальной напряженности.

Таким образом, проблемы нереализованных возможностей в промышленности России стали одними из важных тем, волновавших Ю.П. Смирнова как гражданина и ученого. К постановке и поискам ответов на этот вопрос исследователь обращался неоднократно [24, 25, 27]. В данном направлении им проанализированы особенности деятельности партийно-государственных и общественных структур, рассмотрены их место и роль в создании и развитии индустрии автономных республик, выявлены недостатки функционировавшей структуры управления, определены роль и возможности местных органов управления в решении задач индустриального развития региона и страны.

Наряду с положительными последствиями принятых партийно-государственных решений, определивших народнохозяйственные задачи по формированию отдельных промышленных комплексов страны, ставших важными объектами государственного планирования, коренным образом изменивших социально-экономический уклад автономий, Ю.П. Смирновым также показан и механизм демонстрации ЦК, обкомами, горкомами КПСС и парткомами внешних проявлений своей руководящей роли в обществе, имевший относительно несложный характер: определение негативных раздражителей общественного мнения и планомерное реагирование на них. К примеру, высшие партийные органы рассматривали достижения передового предприятия и рекомендовали к широкому использованию без всестороннего анализа слагаемых успеха. По мнению ученого, высоким достижениям трудовые коллективы были обязаны не столько объективным закономерностям общественного строя, сколько предприимчивости и деловым качествам своих руководителей, которые в условиях административной системы добивались наивысших производственных показателей, что было скорее исключением, чем правилом [27. С. 158].

В качестве негативного фактора развития советской экономики Ю.П. Смирновым названа чрезмерная идеологизация партийными работниками абсолютно всех проблем во всех сферах – от промышленности до искусства, хотя в силу должностных обязанностей многие из них занимались исключительно хозяйственными вопросами. Как следствие, преобладание идеологии в сугубо экономических сферах вело «к формированию иллюзорной уверенности во всесилии идейных заклинаний и методологически выверенных лозунгов» [27. С. 158].

Ю.П. Смирновым также проанализированы государственно-партийные механизмы управления научно-техническим прогрессом. Отмечено, что меры по изменению системы управления принимались, но их реализация носила частичный, некомплексный характер, который «не мог не отразиться на показателях производства, сроках продвижения цикла “наука – техника – производство”» [25. С. 25]. К тому же, по мнению исследователя, государством в первую очередь уделялось внимание сфере прикладной науки (создание экспериментальных лабораторий, совершенствование структуры научных учреждений, укрепление их кадрового потенциала), в то время как массовое техническое творчество занимало второстепенное место, а отношение к нему отличалось поверхностным характером [25. С. 26].

Оценивая в целом партийное руководство индустриальным развитием, ученый пришел к неутешительному выводу о его несоответствии требованиям времени как в плане теоретических разработок, так и в плане их практической реализации. При этом сформировавшиеся в партийной работе традиции препятствовали выдвижению на ведущие позиции мыслящие, конструктивно настроенные силы, способные изменить сложившуюся ситуацию.

Значительное место в научном творчестве Ю.П. Смирнова занимает изучение социальной составляющей индустриального развития Чувашии и других регионов Поволжья: количественный и качественный состав трудовых ресурсов, их национальный состав, источники пополнения, участие в социалистическом соревновании, движении наставничества и т.д. Большое внимание им уделено вопросу формирования и развития социалистических трудовых коллективов как результата углубления производственной специализации экономик автономных республик и объединения усилий десятков тысяч участников производства. Исследователем выделен ряд особенностей, присущих производственным коллективам крупных индустриальных объектов: молодежный состав, рост культурно-технического уровня всех членов коллектива, вызванный высоким уровнем технической оснащенности предприятий, интернациональный состав строителей и эксплуатационников и др. [25. С. 29–30].

Новаторство Ю.П. Смирнова заключалось в том, что наряду с традиционными методами исследования проведенный им анализ качественной стороны рабочих кадров, ИТР и служащих основывался на математических методах с применением ЭВМ [26, 31]. Проблемами применения математико-статистических методов в исторических исследованиях, в том числе и при изучении социального аспекта индустриального развития Чувашии, занимались и продолжают заниматься многие его ученики и коллеги [6, 7, 13, 33 и др.].

Таким образом, развитие изучения индустриального развития Чувашии, обеспечение преемственности советского и постсоветского этапов его историографии неразрывно связано с именем Ю.П. Смирнова. Несмотря на опубликованные в последнее время работы, посвященные его жизнедеятельности [9, 11, 16], данная тема еще ждет своего исследователя ввиду многогранности творческого наследия ученого.

Научная школа Ю.П. Смирнова получила логическое продолжение в трудах О.В. Андреева [2], И.И. Бойко [3–7], С.Ю. Михайловой [16–20], В.Р. Степанова [32], Т.В. Юстус [34] и др.

Большое количество научных трудов, посвященных различным вопросам истории промышленности Чувашии, рабочего класса автономных республик РСФСР, опубликовано И.И. Бойко. В рамках настоящей статьи вызывает интерес его работа, посвященная анализу экономической реформы второй половины 1960-х гг. на примере промышленности Чувашии и дальнейшего развития отрасли на протяжении 1970-х гг. [5], когда после упразднения совнархозов в ведение восстановленных союзно-республиканских министерств было передано около 80 крупных предприятий республики.

И.И. Бойко рассмотрены экономические задачи, с решением которых столкнулось руководство республики: преодоление снижения темпов роста производительности труда, повышение качества, надежности, долговечности продукции промышленных предприятий, уровня рентабельности, материальной заинтересованности работников, решение серьезных кадровых проблем, совершенствование системы планирования и т.д. В ходе реформы также предстояло уделить значительное внимание внедрению конструктивных и технологических нововведений, связанных с научно-техническим прогрессом.

На основе фактического материала, выявленного в архивных источниках, исследователь, рассмотрев данные о предприятиях, включившихся в хозяйственную реформу (в 1966 г. – 3 предприятия; в 1970 г. – 220 из 263, функционировавших в республике, на долю которых приходилось 97% реализуе-

мой продукции [5. С. 444]), обнаружил противоречия реформы, ставшие заметными с переходом к новым условиям хозяйствования практически всех предприятий республики, которые еще можно было детально проанализировать и подкорректировать в отсутствие массовости этого процесса. По мнению И.И. Бойко, проблемы, связанные с природой экономических показателей и усилением ведомственных начал, не могли быть решены в действовавших рамках планирования.

Исследователем также уделено внимание мероприятиям по внедрению новой техники, освоению новых видов изделий. Так, приводятся данные о подключении к решению промышленных производственных задач по внедрению автоматических систем управления кафедр недавно созданного Чувашского государственного университета, проектных и конструкторских бюро. И.И. Бойко приведены сведения об успехах по ряду направлений, достигнутых в Чувашии, когда готовая продукция пользовалась широким спросом не только в СССР, но и за рубежом, в том числе и в капиталистических странах. В то же время им отмечено, что это были успехи отдельных предприятий, которые не могли в целом определить эффективность индустрии республики. По мнению ученого, ситуация свидетельствовала о серьезных проблемах, накопившихся в экономике, развивавшейся в значительной мере по экстенсивному пути [5. С. 444, 454].

Содержанию и динамике изменений в индустриальном и социально-демографическом развитии республик Волго-Вятского региона на протяжении 1970–1985 гг. посвящена монография С.Ю. Михайловой [18]. При этом исследователем особое внимание уделено характеристике основных источников и форм пополнения рабочей молодежи промышленных предприятий, а также показаны конкретно-исторические особенности труда молодых рабочих в индустриальном обществе.

С.Ю. Михайловой рассмотрена такая особенность социально-экономического развития Чувашии, как высокий темп развития столицы, сконцентрировавшей подавляющую часть промышленного потенциала и людских ресурсов, что, с одной стороны, давало преимущества в виде более высокой производительности труда и фондоотдачи, более низких издержек производства, но, с другой – было чревато территориальными диспропорциями внутри республики. К тому же масштабы капитального строительства, по мнению исследователя, не отражали эффективность использования направляемых средств.

Вслед за Ю.П. Смирновым, И.И. Бойко наряду с положительными тенденциями С.Ю. Михайлова концентрирует внимание на имевшихся трудностях и противоречиях в индустриальном развитии Чувашии: снижении роста производительности труда, недостаточном использовании достижений науки и техники и др. Вывод исследователя закономерен: экстенсивное развитие промышленности и вызванное им неоправданное увеличение численности рабочего класса без здоровой профессиональной конкуренции приводило к застою в квалификационном росте, укоренению безответственного отношения к делу, росту социальной напряженности и, как следствие, падению интереса молодежи к сфере общественного производства, снижению роли моральных стимулов труда [18. С. 199].

Значительное место в научных исследованиях С.Ю. Михайловой занимают проблемы обеспечения промышленности Чувашии высококвалифицированными кадрами, взаимодействия хозяйственной и университетской систем Чувашии, проблемы реиндустриализации республики [12, 21, 22]. В кон-

тексте политики импортозамещения интерес вызывает работа исследователя методологического характера, посвященная научному обоснованию деятельности государства в области промышленного развития и анализу теоретических подходов по вопросам промышленной политики [8].

Таким образом, тема индустриального развития Чувашии в исторических трудах исследователей Чувашского государственного университета на сегодняшний день занимает важное место. Ряд исторических и историографических вопросов промышленной тематики требует дальнейшей разработки. Подготовка кадров для современной промышленности является одной из ключевых проблем, волнующих научную общественность [1, 21, 22], что свидетельствует о высокой степени ее актуальности в свете новой индустриализации экономики региона и страны.

Литература и источники

1. *Александров А.Ю., Харитонов М.Ю., Малинин В.Г.* Итоги реализации проекта «Совершенствование системы целевой подготовки высококвалифицированных кадров для предприятий электротехники, машиностроения и строительства Чувашской Республики» («Кадры для регионов») // Формирование сети опорных региональных университетов. Томск: Томский политехн. ун-т, 2015. С. 9–11.

2. *Андреев О.В., Степанов В.Р.* Рабочая молодежь Чувашии: общественно-политическая деятельность (1970-е – первая половина 1980-х годов). Чебоксары: Наумов Л.А., 2008. 195 с.

3. *Бойко И.И.* О некоторых проблемах социально-экономического и политического развития советской и постсоветской Чувашии в исследованиях 1990-х – начала 2000-х годов // Актуальные проблемы истории Поволжья и Приуралья: материалы науч.-практ. конф. / ЧГИГН. Чебоксары, 2008. С. 107–118.

4. *Бойко И.И.* Об эффективности использования общего образования рабочими индустрии Волго-Вятского экономического района в конце 50-х – первой половине 80-х годов // Исследования по истории Чувашии и чувашского народа: сб. ст. / ЧГИГН. Чебоксары, 2001. С. 194–218.

5. *Бойко И.И.* Промышленность Чувашии в середине 1960-х – конце 1970-х гг.: поиски путей повышения эффективности производства и качества продукции // И.Д. Кузнецов – ученый, педагог, человек, переживший репрессии 30-40-х годов XX века. М.: ИНИОН РАН РФ, 2006. С. 441–456.

6. *Бойко И.И.* Рабочие Волго-Вятского региона (опыт и уроки социально-экономического развития, конец 1950-х – первая половина 1980-х годов): дис. … д-ра ист. наук. Чебоксары, 1998. 413 с.

7. *Бойко И.И.* Рабочие Волго-Вятского региона: опыт и уроки социально-экономического развития (1960–1985 гг.) / ЧГИГН. Чебоксары, 1997. 256 с.

8. *Данилов И.П., Михайлова С.Ю., Морозова Н.В.* Промышленная политика: российский опыт обобщения результатов научного поиска // Вестник экономики, права и социологии. 2014. № 4. С. 46–49.

9. *Димитриев В.Д.* Доктор исторических наук, профессор Ю.П. Смирнов (к 70-летию со дня рождения) // Вестник Чувашского университета. 2008. № 4. С. 532–534.

10. *Запарий В.В.* Индустриальное наследие (к вопросу о понимании данной концепции в России и за рубежом) [Электронный ресурс]. URL: www.hist.msu.ru/Labs/Ecohist/OB13/zaparij.pdf (дата обращения: 01.11.2017).

11. *Карпов А.В., Карпова О.В.* Ю.П. Смирнов как учитель и наставник молодежи глазами его коллег и учеников // Университетское образование в полиэтничных регионах Поволжья: к 50-летию Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова (VI Арсентьевские чтения). Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2015. С. 401–404.

12. *Карпов А.В., Михайлова С.Ю.* Национальные университеты Волго-Вятского района в условиях модернизации высшей школы: исторический опыт развития // Формирование единого пространства образования и науки в российской высшей школе: история и перспективы. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2008. С. 37–41.

13. *Карпова О.В., Андреев В.В.* Попытка построения математической модели социально-экономической системы: исследование на примере Чувашской Республики // Вестник Чувашского университета. 2008. № 1. С. 385–390.

14. *Кураков Л.П.* Индустриальный потенциал Чувашии // Сохранение индустриального наследия: мировой опыт и российские проблемы. Екатеринбург: Банк культурной информации, 1994. С. 135–138.

15. *Михайлова С.Ю.* «В коллективном подвиге труда… » (Рабочая молодежь промышленных предприятий Чувашии в трудах профессора И.Д. Кузнецова) // И.Д. Кузнецов – ученый, педагог, человек, переживший репрессии 30–40-х годов XX века. М.: ИНИОН РАН РФ, 2006. С. 175–184.

16. *Михайлова С.Ю.* Изучение социального облика рабочей молодежи республик Волго-Вятского региона в историко-социологических трудах профессора Ю.П. Смирнова // Вестник Чувашского университета. 2006. № 7. С. 33–39.

17. *Михайлова С.Ю.* Проблемы и тенденции развития технического творчества молодых рабочих республик Волго-Вятского региона в 1955–1985 гг. // Вестник Чувашского университета. 2005. № 3. С. 49–58.

18. *Михайлова С.Ю.* Рабочая молодежь и индустриальное развитие республик Волго-Вятского региона: исторический опыт 1970–1985 гг. М.: ИНИОН РАН, 2005. 260 с.

19. *Михайлова С.Ю.* Рабочая молодежь и качество: ретроспективный взгляд // Вестник Чувашского университета. 2006. № 6. С. 73–80.

20. *Михайлова С.Ю.* Рабочая молодежь и село Чувашии: исторический опыт 1955–1985 гг. // Аграрный строй Среднего Поволжья в этническом измерении. М.: ИНИОН РАН, 2005. С. 321–325.

21. *Михайлова С.Ю., Данилов И.П.* Исторический опыт взаимодействия университетской и хозяйственной систем Чувашии на рубеже XX – XXI веков // Вестник Чувашского университета. 2015. № 4. С. 146–151.

22. *Михайлова С.Ю., Музякова А.Л., Шумилова О.В.* Университетская составляющая ускоренной индустриализации Чувашии в 60-70-е годы XX века // Вестник Чувашского университета. 2017. № 2. С. 108–114.

23. *Смирнов Ю.П.* Изучение проблемы индустриального развития автономных республик РФ в исторической литературе // Проблемы истории национальных республик Поволжья и Приуралья. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 1997. С. 39–52.

24. *Смирнов Ю.П.* Индустриальное развитие автономных республик Поволжья в 50-80-е годы: опыт и проблемы. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 1996. 264 с.

25. *Смирнов Ю.П.* Индустрия автономных республик Поволжья в середине 50-х – конце 80-х годов: достижения и нереализованные возможности: автореф. дис. … д-ра ист. наук. М., 1998. 40 с.

26. *Смирнов Ю.П.* Математические методы в историко-документальных исследованиях // Архивы Чувашии в XXI в.: опыт, проблемы и перспективы развития: материалы науч.-практ. конф. Чебоксары: Госкомархив ЧР, 2001. С. 26–38.

27. *Смирнов Ю.П.* Некоторые причины нереализованных возможностей в промышленности (на примере деятельности партийных организаций Мордовской и Чувашской АССР) // Из истории Чувашии советского периода / ЧНИИ. Чебоксары, 1991. С. 152–160.

28. *Смирнов Ю.П.* Производственная и социальная активность индустриальных рабочих в республиках Среднего Поволжья в 50–80-е годы XX века: историография проблемы // История народов Поволжья и Приуралья: исследовательские традиции и новации. Казань: КГТУ, 2006. С. 180–196.

29. *Смирнов Ю.П.* Структурные изменения населения России в ходе ее индустриального развития // Сохранение индустриального наследия: мировой опыт и российские проблемы. Екатеринбург: Банк культурной информации, 1994. С. 162–166.

30. *Смирнов Ю.П., Степанов В.Р.* Вурнарский химический. У истоков химической промышленности Чувашии. История предприятия. 1929–1990. Чебоксары: Чувашия, 1991. 308 с.

31. *Смирнов Ю.П., Харитонов М.Ю.* Использование математико-статистических методов в трудах В.З. Дробижева // Отечественная история XX века (экономическая, политическая и социальная жизнь, преподавание в вузе): материалы Междунар. конф., посвящ. 70-летию доктора исторических наук, профессора Владимира Зиновьевича Дробижева. М.: Центр теор. проблем ист. науки МГУ, 2004. С. 444–459.

32. *Степанов В.Р.* НТР: государственная политика и регион (на материалах индустриального развития республик Волго-Вятского экономического региона в 50-80-е годы). Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2004. 368 с.

33. *Харитонов М.Ю.* Массовые источники по истории Чувашии советского периода: методологические аспекты // Сборник трудов молодых ученых Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова. Чебоксары, 2001. С. 135–143.

34. *Юстус Т.В.* Культурно-бытовые условия жизни рабочих автономных республик Среднего Поволжья. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 1998. 76 с.

МУЗЯКОВА АЛИНА ЛЕОНИДОВНА – кандидат исторических наук, доцент кафедры документоведения, информационных ресурсов и вспомогательных исторических дисциплин, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (alinasmirnova@list.ru).

A. MUZYAKOVA

UNIVERSITY TRADITION OF STUDYING INDUSTRIAL DEVELOPMENT OF CHUSHASHIA IN THE CONDITIONS OF HISTORICAL PARADIGMS' CHANGE (1991–2017)

Key words: *university, industrial personnel, the Chuvash Republic, industrial development, university-industrial relations, historiography.*

To date, reindustrialization is designated as one of the key vectors in socio-economic development of Russia. This circumstance actualizes the appeal to the topic of reflecting the history of domestic industry in the works of scientists of the leading University of the Chuvash Republic. The purpose of the article is to analyze the works of historians of the Chuvash State University devoted to the industrial theme. Scientific and practical significance of the work lies in the fact that it is the first attempt to give integrated assessment for works of regional scientists created from 1991 to 2017, which deal with the problems of industrialization in Russia and, above all, in Chuvashia. The chosen chronological framework is marked by a change in historical paradigms and a decrease in research interest in once popular in Soviet historiography theme of the history of industry and the working class. It is proved that, despite this trend, the University continued the activities of the scientific school established by doctor of historical Sciences Yu.P. Smirnov. Based on the analysis of a wide range of historiographical sources (more than 30 works), a range of issues of concern to researchers is accentuated and examined in the present article: structural changes in the population of Russia in the course of its industrial development; the place and the role of party-state and public structures in creating the industry of autonomous republics; shortcomings in functioning management structure; the role and capabilities of local authorities in solving problems of industrial development of the region and the country; state-party mechanisms of managing scientific and technological progress; the social component in accelerated industrialization of Chuvashia and other regions; quantitative and qualitative structure of labor resources, their national composition and sources of recruitement; participation in socialist competition, mentorship movement. It is revealed that a significant place in the works of post-Soviet period scientists is occupied by the problems of providing the industry of Chuvashia with highly qualified personnel, interaction between the economic and the University systems of the region, the problem of reindustrialization of the republic.

References

1. Aleksandrov A.Yu., Kharitonov M.Yu., Malinin V.G. *Itogi realizatsii proekta «Sovershenstvovanie sistemy tselevoi podgotovki vysokokvalifitsirovannykh kadrov dlya predpriyatii elektrotekhniki, mashinostroeniya i stroitel'stva Chuvashskoi Respubliki» («Kadry dlya regionov»)* [Results of the implementation of the project "Improving the system of targeted training of highly qualified personnel for enterprises of electrical engineering, engineering and construction of the Chuvash Republic" ("Personnel for the regions")]. *Formirovanie seti opornykh regional'nykh universitetov*. [Creating a network of regional universities]. Tomsk, 2015, pp. 9–11.

2. Andreev O.V., Stepanov V.R. *Rabochaya molodezh' Chuvashii: obshchestvenno-politicheskaya deyatel'nost' (1970-e – pervaya polovina 1980-kh godov)* [Working youth of Chuvashia: socio-political activities (1970s – first half of the 1980s)]. Cheboksary, Naumov L.A. Publ., 2008, 195 p.

3. Boiko I.I. *O nekotorykh problemakh sotsial'no-ekonomicheskogo i politicheskogo razvitiya sovetskoi i postsovetskoi Chuvashii v issledovaniyakh 1990-kh – nachala 2000-kh godov* [About some problems of socio-economic and political development of Soviet and post-Soviet Chuvashia in the studies of the 1990s and the beginning of the 2000s]. *Aktual'nye problemy istorii Povolzh'ya i Priural'ya: materialy nauch. conf.* [Proc. of Sci. Conf. «Actual problems of the history of the Volga and Ural regions»]. Cheboksary, 2008, pp. 107–118.

4. Boiko I.I. *Ob effektivnosti ispol'zovaniya obshchego obrazovaniya rabochimi industrii Volgo-Vyatskogo ekonomicheskogo raiona v kontse 50-kh – pervoi polovine 80-kh godov* [On the effectiveness of the use of general education by workers in the Volga-Vyatka economic region in the late 50's and first half of the 80's]. *Issledovaniya po istorii Chuvashii i chuvashskogo naroda: sb. st.* [Studies on the history of Chuvashia and the Chuvash people. A collection of articles]. Cheboksary, 2001, pp. 194–218.

5. Boiko I.I. *Promyshlennost' Chuvashii v seredine 1960-kh – kontse 1970-kh gg.: poiski putei povysheniya effektivnosti proizvodstva i kachestva produktsii* [Industry of Chuvashia in the mid 1960s – late 1970s: searching for ways to improve production efficiency and product quality]. In: *I.D. Kuznetsov – uchenyi, pedagog, chelovek, perezhivshii repressii 30-40-kh godov XX veka* [I.D. Kuznetsov – a scientist, teacher, a man who survived the repression of the 30-40-ies of the XX century]. Moscow, 2006, pp. 441–456.

6. Boiko I.I. *Rabochie Volgo-Vyatskogo regiona (opyt i uroki sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya, konets 1950-kh – pervaya polovina 1980-kh godov)*: *dis. … d-ra ist. nauk.* [Workers of the Volga-

Vyatka region (experience and lessons of socio-economic development, late 1950s – first half of the 1980s). Doct. Diss.]. Cheboksary, 1998, 413 p.

7. Boiko I.I. *Rabochie Volgo-Vyatskogo regiona: opyt i uroki sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya (1960–1985 gg.)* [Workers of the Volga-Vyatka region: experience and lessons of social and economic development (1960–1985)]. Cheboksary, 1997, 256 p.

8. Danilov I.P., Mikhailova S.Yu., Morozova N.V. *Promyshlennaya politika: rossiiskii opyt obobshcheniya rezul'tatov nauchnogo poiska* [Industrial policy: the Russian experience of generalizing the results of scientific research]. *Vestnik ekonomiki, prava i sotsiologii* [Bulletin of Economics, Law and Sociology], 2014, no. 4, pp. 46–49.

9. Dimitriev V.D. *Doktor istoricheskikh nauk, professor Yu.P. Smirnov (k 70-letiyu so dnya rozhdeniya)* [Doctor of Historical Sciences, Professor Yu.P. Smirnov (on the occasion of his 70th birthday)]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta* [Bulletin of the Chuvash University], 2008. no. 4, pp. 532–534.

10. Zaparii V.V. *Industrial'noe nasledie (k voprosu o ponimanii dannoi kontseptsii v Rossii i za rubezhom)* [Industrial heritage (to the issue of understanding this concept in Russia and abroad)]. Available at: http://www.hist.msu.ru/Labs/Ecohist/OB13/zaparij.pdf (Accessed 1 November 2017).

11. Karpov A.V., Karpova O.V. *Yu.P. Smirnov kak uchitel' i nastavnik molodezhi glazami ego kolleg i uchenikov* [Yu.P. Smirnov as a teacher and mentor of youth through the eyes of his colleagues and students]. *Universitetskoe obrazovanie v polietnichnykh regionakh Povolzh'ya: k 50-letiyu Chuvashskogo gosudarstvennogo universiteta imeni I.N. Ul'yanova (VI Arsent'evskie chteniya)* [University education in polyethnic regions of the Volga region: to the 50th anniversary of the Chuvash State University named after I.N. Ulyanov (VI Arsentiev Readings)]. Cheboksary, 2015, pp. 401–404.

12. Karpov A.V., Mikhailova S.Yu. *Natsional'nye universitety Volgo-Vyatskogo raiona v usloviyakh modernizatsii vysshei shkoly: istoricheskii opyt razvitiya* [National universities of the Volga-Vyatka region in the context of modernization of higher education: historical experience of development]. *Formirovanie edinogo prostranstva obrazovaniya i nauki v rossiiskoi vysshei shkole: istoriya i perspektivy* [Formation of a common space for education and science in the Russian higher school: history and prospects]. Cheboksary, Chuvash State University Publ., 2008, pp. 37–41.

13. Karpova O.V., Andreev V.V. *Popytka postroeniya matematicheskoi modeli sotsial'no-ekonomicheskoi sistemy: issledovanie na primere Chuvashskoi Respubliki* [An attempt to build a mathematical model of the socio-economic system: a case study of the Chuvash Republic]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta*, 2008, no. 1. pp. 385–390.

14. Kurakov L.P. *Industrial'nyi potentsial Chuvashii* [Industrial potential of Chuvashia]. *Sokhranenie industrial'nogo naslediya: mirovoi opyt i rossiiskie problemy* [Preservation of industrial heritage: world experience and Russian problems]. Ekaterinburg, 1994, pp. 135–138.

15. Mikhailova S.Yu. *«V kollektivnom podvige truda… » (Rabochaya molodezh' promyshlennykh predpriyatii Chuvashii v trudakh professora I.D. Kuznetsova)* ["In the collective feat of labor..." (Working youth of industrial enterprises of Chuvashia in the works of Professor ID Kuznetsov)]. *I.D. Kuznetsov – uchenyi, pedagog, chelovek, perezhivshii repressii 30–40-kh godov XX veka* [I.D. Kuznetsov – a scientist, teacher, a man who survived the repression of the 30–40-ies of the XX century]. Moscow, 2006, pp. 175–184.

16. Mikhailova S.Yu. *Izuchenie sotsial'nogo oblika rabochei molodezhi respublik Volgo-Vyatskogo regiona v istoriko-sotsiologicheskikh trudakh professora Yu.P. Smirnova* [The study of the social appearance of the working youth of the republics of the Volga-Vyatka region in the historical and sociological works of Professor Yu.P. Smirnova]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta*, 2006, no. 7, pp. 33–39.

17. Mikhailova S.Yu. *Problemy i tendentsii razvitiya tekhnicheskogo tvorchestva molodykh rabochikh respublik Volgo-Vyatskogo regiona v 1955-1985 gg.* [Problems and trends in the development of technical creativity of young workers in the republics of the Volga-Vyatka region in 1955–1985]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta*, 2005, no. 3, pp. 49–58.

18. Mikhailova S.Yu. *Rabochaya molodezh' i industrial'noe razvitie respublik Volgo-Vyatskogo regiona: istoricheskii opyt 1970–1985 gg.* [Working youth and industrial development of the republics of the Volga-Vyatka region: historical experience 1970–1985]. Moscow2005, 260 p.

19. Mikhailova S.Yu. *Rabochaya molodezh' i kachestvo: retrospektivnyi vzglyad* [Working youth and quality: a retrospective view]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta*, 2006, no. 6. pp. 73–80.

20. Mikhailova S.Yu. *Rabochaya molodezh' i selo Chuvashii: istoricheskii opyt 1955–1985 gg.* [Working youth and the village of Chuvashia: historical experience of 1955–1985]. *Agrarnyi stroi Srednego Povolzh'ya v etnicheskom izmerenii* [The agrarian system of the Middle Volga region in the ethnic dimension]. Moscow2005, pp. 321–325.

21. Mikhailova S.Yu., Danilov I.P. *Istoricheskii opyt vzaimodeistviya universitetskoi i khozyaistvennoi sistem Chuvashii na rubezhe KhKh – XXI vekov* [Historical experience of interaction between the university and economic systems of Chuvashia at the turn of the 20th – 21st centuries]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta*, 2015, no. 4, pp. 146–151.

22. Mikhailova S.Yu., Muzyakova A.L., Shumilova O.V. *Universitetskaya sostavlyayushchaya uskorennoi industrializatsii Chuvashii v 60-70-e gody XX veka* [University component in rapid industrialization of Chuvashia in the 60–70s of XX century]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta*, 2017, no. 2, pp. 108–114.

23. Smirnov Yu. P. *Izuchenie problemy industrial'nogo razvitiya avtonomnykh respublik RF v istoricheskoi literature* [The study of the problem of industrial development of the autonomous republics of the Russian Federation in historical literature]. *Problemy istorii natsional'nykh respublik Povolzh'ya i Priural'ya* [Problems of the history of national republics Volga and Ural]. Cheboksary, Chuvash State University Publ., 1997, pp. 39–52.

24. Smirnov Yu.P. *Industrial'noe razvitie avtonomnykh respublik Povolzh'ya v 50-80-e gody: opyt i problemy* [Industrial development of the autonomous republics of Volga in 50–80-s: experience and problems]. Cheboksary, Chuvash State University Publ., 1996, 264 p.

25. Smirnov Yu.P. *Industriya avtonomnykh respublik Povolzh'ya v seredine 50-kh – kontse 80-kh godov: dostizheniya i nerealizovannye vozmozhnosti: avtoref. dis. … d-ra ist. nauk* [Industry of autonomous Republics of Volga in the mid-1950s and late 1980s: achievements and unfulfilled opportunities. Abstract of PhD thesis]. Moscow, 1998, 40 p.

26. Smirnov Yu.P. *Matematicheskie metody v istoriko-dokumental'nykh issledovaniyakh* [Mathematical methods in historical and documentary studies]. *Arkhivy Chuvashii v XXI v.: opyt, problemy i perspektivy razvitiya: materialy nauch.-prakt. konf.* [Proc. of Sci. Conf. «Archives of Chuvashia in XXI century: experience, problems and development prospects»]. Cheboksary, 2001, pp. 26–38.

27. Smirnov Yu.P. *Nekotorye prichiny nerealizovannykh vozmozhnostei v promyshlennosti (na primere deyatel'nosti partiinykh organizatsii Mordovskoi i Chuvashskoi ASSR)* [Some of the reasons for unrealized opportunities in industry (examples of party organizations Mordovian and Chuvash ASSR)]. *Iz istorii Chuvashii sovetskogo perioda* [From the history of Chuvashia Soviet period]. Cheboksary, 1991, pp. 152–160.

28. Smirnov Yu.P. *Proizvodstvennaya i sotsial'naya aktivnost' industrial'nykh rabochikh v respublikakh Srednego Povolzh'ya v 50-80-e gody XX veka: istoriografiya problemy* [Production and social activity of industrial workers in the republics of the Middle Volga region in 50-80-s of XX century: historiography of the problem]. *Istoriya narodov Povolzh'ya i Priural'ya: issledovatel'skie traditsii i novatsii* [The history of the peoples of the Volga and the Ural: traditions and innovations]. Kazan, 2006, pp. 180–196.

29. Smirnov Yu.P. *Strukturnye izmeneniya naseleniya Rossii v khode ee industrial'nogo razvitiya* [Structural changes of the population of Russia during its industrial development]. *Sokhranenie industrial'nogo naslediya: mirovoi opyt i rossiiskie problemy* [Conservation of industrial heritage: world experience and Russian problems]. Ekaterinburg, 1994, pp. 162–166.

30. Smirnov Yu.P., Stepanov V.R. *Vurnarskii khimicheskii. U istokov khimicheskoi promyshlennosti Chuvashii. Istoriya predpriyatiya. 1929 – 1990* [Vurnarsky chemical. One of the founders of the chemical industry of the Chuvash Republic. The history of the company. 1929–1990]. Cheboksary, Chuvashia Publ., 1991, 308 p.

31. Smirnov Yu.P., Kharitonov M.Yu. *Ispol'zovanie matematiko-statisticheskikh metodov v trudakh V.Z. Drobizheva* [Using mathematical and statistical methods in the writings of V.Z. Drobizheva] *Otechestvennaya istoriya XX veka (ekonomicheskaya, politicheskaya i sotsial'naya zhizn', prepodavanie v vuze): materialy mezhdunar. konf., posvyashch. 70-letiyu doktora istoricheskikh nauk, professora Vladimira Zinov'evicha Drobizheva* [Proc. of Int. Conf. «History of the twentieth century (economic, political and social life, teaching at the University)»]. Moscow, 2004, pp. 444–459.

32. Stepanov V.R. *NTR: gosudarstvennaya politika i region (na materialakh industrial'nogo razvitiya respublik Volgo-Vyatskogo ekonomicheskogo regiona v 50-80-e gody)* [Scientific and technological revolution: state policy and the region (on materials of the industrial development of the Volga-Vyatka economic region of the Republic in the 50–80s)]. Kazan, Kazan University Publ., 2004, 368 p.

33. Kharitonov M.Yu. *Massovye istochniki po istorii Chuvashii sovetskogo perioda: metodologicheskie aspekty* [Massive sources on the history of Chuvashia the Soviet period: methodological aspects]. *Sbornik trudov molodykh uchenykh Chuvashskogo gosudarstvennogo universiteta imeni I.N. Ul'yanova* [Compilation of works of young scientists of the Chuvash State University named after I.N. Ulyanov]. Cheboksary, 2001, pp. 135–143.

34. Yustus T.V. *Kul'turno-bytovye usloviya zhizni rabochikh avtonomnykh respublik Srednego Povolzh'ya* [Cultural and everyday living conditions of workers of the Autonomous republics of the Middle Volga region]. Cheboksary, Chuvash State University Publ., 1998, 76 p.

MUZYAKOVA ALINA – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department for Document Science, Information Resources and Auxiliary Historical Disciplines, Chuvash State University, Russia, Cheboksary (alinasmirnova@list.ru).

Формат цитирования: *Музякова А.Л.* Университетская традиция изучения индустриального развития Чувашии в условиях смены исторических парадигм (1991–2017 гг.) // Вестник Чувашского университета. – 2018. – № 2. – С. 118–128.

УДК 796.42(091)(470.344)
ББК Ч571.1,3(2Рос.Чув)

А.И. ПЬЯНЗИН, Н.Н. ПЬЯНЗИНА,
Т.Н. ПЕТРОВА, О.В. ШИЛЕНКО

ЛЕГКОАТЛЕТИЧЕСКИЕ ТРАДИЦИИ И ДОСТИЖЕНИЯ СПОРТСМЕНОВ ЧУВАШСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Ключевые слова: *физическая культура, легкая атлетика, история легкой атлетики, спортивные соревнования, спортивные достижения.*

Первые легкоатлетические соревнования, проведенные в далеких 20-х гг. XX в., запустили огромный механизм, который до сих пор существует и отлично функционирует. История проведения легкоатлетических соревнований – это областные олимпиады, Всечувашские олимпиады, спартакиады, Республиканские легкоатлетические эстафеты газеты «Советская Чувашия», а также крупные соревнования, проводимые в республике (Чемпионат России по легкой атлетике). Общий анализ соревнований на протяжении многих лет показывает, что в республике в основном лучшие результаты по легкой атлетике приходятся на стайерские дистанции. Чувашская Республика и легкая атлетика в некотором роде стали ассоциироваться друг с другом. Такое явление сформировалось благодаря тому, что выдающиеся чувашские спортсмены, такие как А. Игнатьев, А. Деверинская, Е. Николаева, О. Иванова, В. Егорова, В. Андреев, А. Григорьев и многие другие, а также всем известные тренеры Чувашской Республики Г. Семенов, В. Семенов, М. Кузнецов, А. Уланган, А. Семенова, Г. Грачев в ходе своей кропотливой и многолетней работы прославили республику в масштабе не только страны, но и мира. Важное место среди достижений спортсменов республики занимают, конечно же, рекорды. Множество рекордов, установленных спортсменами Чувашии на территории республики свыше 60 лет назад, до сих пор являются «непобитыми». Такой показатель доказывает тот факт, что нынешний уровень подготовленности современных легкоатлетов республики недостаточно высок, хотя необходимо отметить, что сегодня чувашские спортсмены достойно проявляют себя на спортивных аренах страны, многие легкоатлеты республики имеют высокие спортивные разряды и звания и попадают в списки «Лучших легкоатлетов России».

Становление легкой атлетики в Чувашии начинается еще с дореволюционного периода, когда стали проводиться спортивные соревнования. Первые соревнования по легкой атлетике состоялись в уездных спортивных центрах, где инструкторы проводили учебно-тренировочные занятия на простейших, построенных своими руками, спортивных площадках. Из исторических источников известно, что результаты Алатырских городских соревнований по многим легкоатлетическим видам (бег, прыжки и метания) были выше, чем в областных центрах Пензы, Ульяновска и Чебоксар [1, 2].

1916 год по праву можно назвать началом развития легкой атлетики в республике. Тогда при Алатырском, Цивильском, Чебоксарском, Буинском и Ядринском уездных военных ведомствах были созданы военно-спортивные комитеты, которые организовывали соревнования по приему зачетов по видам спорта у старшеклассников училищ, в том числе и по легкой атлетике [2]. Так, 3 июля 1921 г. Алатырским спортивным центром уездного военкомата было проведено первое соревнование по легкой атлетике в Чувашии [1].

Первые официальные легкоатлетические соревнования были проведены в 1920 г. Лучшими легкоатлетами стали И. Метелкин (Ядрин), К. Сапожников (Чебоксары) [4]. В дальнейшем такие спортивные мероприятия стали традиционными и проводились ежегодно.

В 1922 г. в программу 2-й Чувашской областной олимпиады были включены соревнования и по легкой атлетике. Победителями стали спортсмены Ядрина. Алатырь в те годы входил в состав Симбирской губернии и в Олимпиаде не участвовал. А на первой Всечувашской олимпиаде 1926 г. алатырцы заняли общекомандное 1-е место по легкой атлетике [1].

В 1928 г. проводилась первая летняя всесоюзная Спартакиада. Впервые команда Чувашии участвовала на зональных соревнованиях Поволжья. На них легкоатлеты республики заняли 8-е место из 13 участвовавших регионов. Чебоксарский рабочий В. Гаврилов выиграл бег на 10 000 м, алатырец В. Хавронин победил в метании копья, Л. Корытникова из Чебоксар была 2-й в метании диска. В. Гаврилов участвовал в финальных соревнованиях Всесоюзной Спартакиады, занял 8-е место в беге на 10 000 м [4].

В 1931 г. в Чебоксарах впервые в истории Чувашии состоялись международные соревнования по легкой атлетике с командой рабочих союзов Норвегии. Победили в командном зачете чебоксарцы.

Чувашские спортсмены участвовали и на союзных соревнованиях. В 1937 г. уроженец г. Ядрин М. Бундин первым из спортсменов Чувашии становится рекордсменом СССР по прыжкам в длину (7,37), а в 1940 г. его землячка М. Гущина заняла 4-е место на Всесоюзном легкоатлетическом кроссе и выполнила первой из спортсменок Чувашии норму мастера спорта СССР [5].

Наибольшие успехи в легкой атлетике Чувашии были достигнуты в довоенные и, особенно, в послевоенные годы, правда, не во всех видах этого спорта [4]. Анализ результатов показывает, что лучшие показатели были достигнуты на стайерских дистанциях. Это в определенной степени связано с тем, что в республике большое внимание уделялось кроссам и, в частности, состязаниям на призы газеты «Советская Чувашия» («Красная Чувашия»).

Впервые физкультурники и спортсмены Чувашии разыграли призы газеты «Красная Чувашия» в 1932 г. Переходящим Красным знаменем была награждена команда общества «Динамо». В 1933 г. вновь сильнейшими оказались спортсмены общества «Динамо», а в следующем году первой финишировала мужская студенческая команда сельскохозяйственного института. Среди женских команд в третий раз победила команда «Динамо». В 1935 г. приз был завоеван командой, представляющей общество «Спартак», в составе которой были Петр Кириллов, Геннадий Иванов, Алексей Бурцев, Николай Солдатченко, Павел Богданов, Виктор Юрганов и Тимофей Петров. Спартаковцы побеждали еще три года подряд, и в 1938 г. им вручили приз газеты «Красная Чувашия» на постоянное хранение. Организаторами этих эстафет в довоенные годы были Константин Никишев, Виктор Филиппов, Мария Гущина, Геннадий Иванов, Алексей Студенецкий [1].

С каждым годом в республике росло количество людей, занимающихся, легкой атлетикой. Во всех городах, районах, добровольных спортивных обществах проводились соревнования легкоатлетов по несколько раз в год. В 1951 г. команда сельских легкоатлетов республики победила на Спартакиаде России среди сельских спортсменов. В том же году конюх из Батыревского района Р. Бикчурин стал чемпионом России в беге на 1500 м [6].

Начало 1950-х гг. для легкоатлетов Чувашии оказалось наиболее успешным за все прошедшие годы. Результаты сборной Чувашии в последующие годы, особенно на спартакиадах РСФСР, были более скромными (таблица).

Места сборной Чувашии по легкой атлетике на спартакиадах РСФСР [5]

Год	Общее место	Место среди автономных республик
1956	70-е	8-е
1958	47-е	7-е
1959	54-е	7-е
1961	44-е	7-е
1963	24-е	2-е

После войны вновь возобновились соревнования на приз газеты «Красная Чувашия» (в 1946 г.). Первыми в послевоенные годы все чаще становятся студенты педагогического института. Их в основном готовила Людмила Панова. Эстафетной команде педагогического института принадлежит рекорд – в 1981 г. они в 28-й раз стали сильнейшими.

Соревнования на призы газеты «Советская Чувашия» обычно проходят как массовый праздник бега. В них выступают как юные бегуны, так и известные за пределами Чувашии спортсмены, а также ветераны, постоянно поддерживающие свою спортивную форму. В эстафетных командах в разные годы принимали участие М. Гущина, А. Улангин, Н. Пуклаков, М. Кондрашкина, В. Иванов, Г. Романова, Ф. Краснова, В. Егорова и многие другие не менее известные спортсмены [6].

С 1957 г. проводится пробег Абашево–Чебоксары, а в 1950 г. впервые было проведено первенство республики по бегу на 30 км на приз журнала «Ялав». Спортсмены Чувашии принимают участие в 30-километровом пробеге на призы газеты «Труд», в первенстве РСФСР в Москве, а также в традиционном пробеге Пушкино–Ленинград [1, 4]. В эти годы начинает культивироваться новый для Чувашии вид спорта – спортивная ходьба. В конце 1940-х и в начале 1950-х гг. регулярно проводились межреспубликанские соревнования среди автономных республик Поволжья, в которые была включена спортивная ходьба на 10 и 20 км. «Ходили» многие спортсмены – бегуны, лыжники и т.д. В 1953 г. преподаватель педагогического института Поликарп Семенович Петухов предлагает заняться этим видом спорта молодому лыжнику Василию Семенову, который в 1963 г. выполнил норматив мастера спорта СССР. Именно с этого спортсмена начинается серьезное развитие спортивной ходьбы. В последующие годы Василий Семенов создал школу мастеров-ходоков, увлек этим видом спорта своих братьев Геннадия и Виктора, а первым его учеником был А. Федоров, который в 1962 г. стал чемпионом республики. В 2003 г. в Чебоксарах на высоком уровне организованы и проведены соревнования 5-го Кубка Европы по спортивной ходьбе [3, 5].

В сентябре 1952 г. в Краснодаре состоялись соревнования среди сельских спортсменов. Команда Чувашии установила новый рекорд сельского общества РСФСР в эстафете 800+400+200+100 м (3,21.0).

А. Игнатьев выиграл дистанции на 200 и 400 м. Р. Бикчурин был сильнейшим в беге на 800 и 1500 м. Р. Камалетдинов в пятиборье показал лучший результат – 2706 очков, а Г. Юрьева метнула копье на 36,24 м. Общее командное 1-е место – за спортсменами Московской области, затем – спортсмены Кубани, 3-е место заняла команда Чувашии На этих состязаниях спортсмены Чувашии выиграли 2 командных приза: один по легкой атлетике, а второй – по итогам всех соревнований среди автономных республик. Было завоевано 20 личных призов [4].

В 1952 г. учитель Яльчикского района А. Игнатьев становится чемпионом и рекордсменом СССР, через 4 года – чемпионом Европы и бронзовым призером ОИ в беге на 400 м [5].

В 1972 г. на XX летних Олимпийских играх в Мюнхене (Германия) честь страны защищали и чувашские спортсмены, среди которых был легкоатлет Николай Пуклаков. По итогам участия на этой Олимпиаде Чувашия вошла в первую десятку среди регионов Российской Федерации. Это лучший результат за всю предшествующую историю спортивного движения республики [3, 4].

За прошедшие десятилетия XX в. в Чувашии воспитано более 240 мастеров спорта СССР и России, из них 7 являются заслуженными, свыше 60 – мастерами спорта международного класса. Среди них чемпионы Олимпийских игр В. Егорова, Е. Николаева; призеры А. Андреев, А. Игнатьев, О. Иванова; чемпионы мира А. Деверинская, А. Иванова, О. Егорова; призеры чемпионатов мира Л. Алексеева, С. Захарова, Г. Романова; победители и призеры Кубков мира, Европы, СССР и России [6]. Многие легкоатлеты республики были чемпионами и призерами ВЦСПС, Вооруженных Сил СССР и России, Центральных и Российских советов ДСО. Команды легкоатлетов республики успешно выступают на крупных соревнованиях России, СССР, Европы и мира [3, 5].

На сегодняшний день чувашские спортсмены достойно показывают себя на арене страны, многие из них удостаиваются звания и попадают в списки «Лучших легкоатлетов России» (рис. 1) [3, 5]. Исходя из данных, приведенных на графике, можно сделать вывод, что динамика количества спортсменов довольно неустойчива и постоянно изменяется.

Рис. 1. Количество чувашских спортсменов, входящих в списки лучших легкоатлетов России в 1997–1999 гг. и в 2001–2002 гг.

Важное место среди достижений спортсменов республики занимают, конечно же, рекорды. Множество рекордов, установленных спортсменами Чувашии на территории республики свыше 60 лет назад, до сих пор являются «непобитыми» (рис. 2, 3) [5].

Анализируя данные графиков (рис. 2, 3), можно предположить, что нынешний уровень подготовленности современных легкоатлетов республики недостаточно высок, так как за довольно длительное время были обновлены лишь некоторые из рекордов, поставленных более полувека назад.

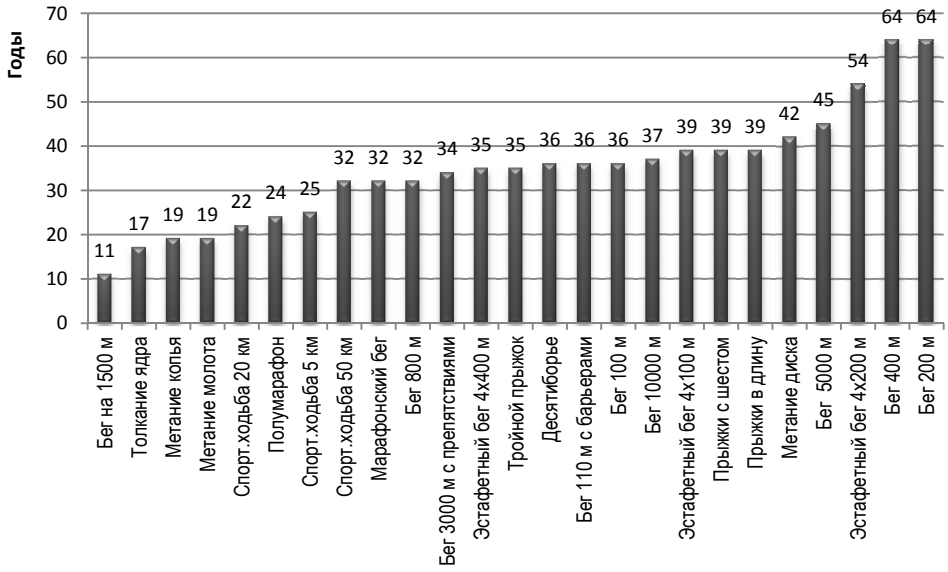

Рис. 2. Продолжительность действующих рекордов ЧР по легкой атлетике среди мужчин

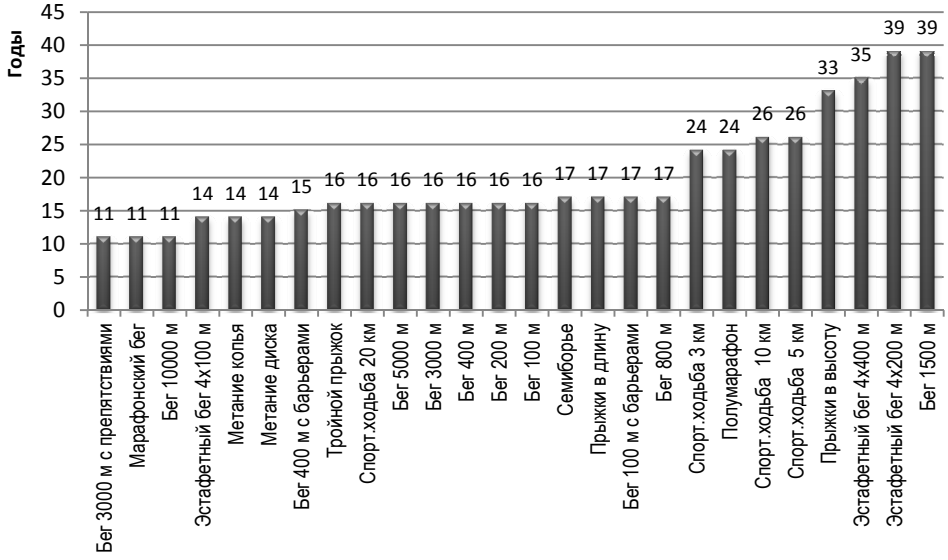

Рис. 3. Продолжительность действующих рекордов ЧР по легкой атлетике среди женщин

Таким образом, анализ соревнований и достижений легкоатлетов Чувашии показывает, что легкая атлетика в Чувашской Республике довольно динамично развивается как в советский период, так и в настоящее время. Легкая атлетика из категории «любительского спорта» перешла в категорию «профессионального» и на современном этапе претерпевает определенные трудности. Однако это не мешает ей быть по-настоящему «королевой спорта».

Литература

1. *Никишев К.Н., Никишев В.К.* Начало: Воспоминания о годах становления и развития физической культуры и спорта в Чувашии (спортсмены, организаторы, события и результаты). Чебоксары: [Б.и.], 1997. 176 с..

2. *Петрова Т.Н., Пьянзина Н.Н.* История развития волейбола в Чувашской Республике в 1941–1991 гг. [Электронный ресурс] // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 3. URL: http://www.science-education.ru/123-18635 (дата обращения: 21.04.2015).

3. *Пьянзин А.И., Пьянзина Н.Н.* Успешность выступлений представителей различных стран на чемпионатах мира по легкой атлетике // Физическая культура и спорт в вузе: современные тенденции и практики: материалы Всерос. науч.-прак. конф. 2015. Ставрополь: Изд-во Северо-Кавказского фед. ун-та, 2015. С. 169–172.

4. *Скородумов Н.Г.* Физическая культура и спорт в Чувашии (XX в.). Чебоксары: Чувашия, 1994. 383 с.

5. *Скородумов Н.Г.* Чувашская спортивная энциклопедия. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2007. 398 с.

6. Спортсмены: Иллюстрированное издание. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2005. Т. 3. 271 с.

ПЬЯНЗИН АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ – доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой теоретических основ физического воспитания, Чувашский государственный педагогический университет, Россия, Чебоксары (pianzin@mail.ru).

ПЬЯНЗИНА НАДЕЖДА НИКОЛАЕВНА – кандидат педагогических наук, доцент кафедры физической культуры и спорта, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (npianzina@mail.ru).

ПЕТРОВА ТАТЬЯНА НИКОЛАЕВНА – кандидат педагогических наук, доцент кафедры спортивных дисциплин, Чувашский государственный педагогический университет, Россия, Чебоксары (tanushapetr@mail.ru).

ШИЛЕНКО ОЛЬГА ВИТАЛЬЕВНА – кандидат педагогических наук, доцент кафедры теоретических основ физического воспитания, Чувашский государственный педагогический университет, Россия, Чебоксары (mailotrof77@mail.ru).

A. PYANZIN, N. PYANZINA, T. PETROVA, O. SHILENKO

TRADITIONS AND ACHIEVEMENTS OF TRACK AND FIELD ATHLETES OF THE CHUVASH REPUBLIC

Key words: *physical education, track and field athletics, history of track and field athletics, sports competitions, sporting achievements.*

The first competitions in track and field athletics held in the far 20s of the twentieth century launched a huge mechanism, which still exists and is functioning perfectly. The history of competitions in track and field athletics includes regional Olympiads, All-Chuvash Olympics, Spartakiads, Republican track and field relay races of the newspaper "Soviet Chuvashiya" as well as major competitions held in the Republic (the Championship of Russia in track and field athletics). A general analysis of competitions held during many years shows that in general the best results in track and field athletics are shown in long-distance running. The Chuvash Republic and track and field athletics, in some way, become associated with each other. This phenomenon is formed due to the fact that outstanding Chuvash athletes such as A. Ignatiev, A. Deverinsky, E. Nikolaeva, O. Ivanova, V. Egorova, V. Andreev, A. Grigoriev and many others, as well as famous trainers of the Chuvash Republic, G. Semenov, V. Semenov, M. Kuznetsov, A. Ulangin, A. Semenova, G. Grachev during their many years of painstaking work glorified the Republic not only in the country but in the whole world as well. An important place among the achievements of sportsmen of the Republic is taken, of course, by records. Many of the records set by the athletes of the Chuvash Republic on the territory of the Republic over 60 years ago are still "unbroken". This fact proves that current performance level of modern athletes of the Republic is insufficiently high, although it should be noted that at present time Chuvash track and field athlets decently show themselves in the arenas of the country and many track and field athletes of the Republic were granted with high athletic titles and are listed as "Best athletes of Russia".

References

1. Nikishev K.N., Nikishev V.K. *Nachalo. Vospominaniya o godakh stanovleniya i razvitiya fizicheskoi kul'tury i sporta Chuvashii (sportsmeny, organizatory, sobytiya i rezul'taty)* [Start. Memories of the years of formation and development of physical culture and sports of Chuvashia (athletes, organizers, events and results)]. Cheboksary, 1997, 135 p.

2. Petrova T.N. *Istoriya razvitiya voleibola v Chuvashskoi Respublike v 1941–1991 gg.* [History of volleyball development in the Chuvash Republic in 1941–1991]. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya* [Modern problems of science and education], 2015, no 3. Available at: www.science-education.ru/123-18635 (Accessed 21 Apr. 2015).

3. Pyanzin A.I., Pyanzina N.N. *Uspeshnost' vystuplenii predstavitelei razlichnykh stran na chempionatakh mira po legkoi atletike* [The success of the speeches of the representatives of various countries at the World Championships in athletics]. *Fizicheskaya kul'tura i sport v vuze: materialy Vseros. nauch.-prakt. konf.* [Proc. of Rus. Sci. Conf. «Physical culture and sports at the University»]. Available at: https://elibrary.ru/item.asp?id=25288454.

4. Skorodumov N.G. *Fizicheskaya kul'tura i sport v Chuvashii (XX v.)* [Physical culture and sports in Chuvashia (XX century)]. Cheboksary, Chuvashiya Publ., 1994, 383 p.

5. Skorodumov N.G. *Chuvashskaya sportivnaya entsiklopediya* [Chuvash Sports Encyclopedia]. Cheboksary, Chuvash Publishing House, 2007, 398 p.

6. *Sportsmeny: Illyustrirovannoe izdanie* [Athletes: Illustrated edition]. Cheboksary, Chuvashiya Publ., 2005, T. 3, 271 p.

PYANZIN ANDREY – Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Head of Physical Education Theoretical Foundations Department, Chuvash State Pedagogical University, Russia, Cheboksary (pianzin@mail.ru).

PYANZINA NADEZHDA – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Department of Physical Culture and Sports, Chuvash State University, Russia, Cheboksary (npianzina@mail.ru).

PETROVA TATIANA – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Sports Disciplines Department, Chuvash State Pedagogical University, Russia, Cheboksary (tanushapetr@mail.ru).

SHILENKO OLGA – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of Physical Education Theoretical Foundations Department, Chuvash State Pedagogical University, Russia, Cheboksary (mailotrof77@mail.ru).

Формат цитирования: *Пьянзин А.И., Пьянзина Н.Н., Петрова Т.Н., Шиленко О.В.* Легкоатлетические традиции и достижения спортсменов Чувашской Республики // Вестник Чувашского университета. – 2018. – № 2. – С. 129–135.

УДК 904
ББК 63.5

А.К. САЛМИН

ГОРОДИЩЕ БУЛГАР В КОНТЕКСТЕ ЭКСПЕДИЦИИ П.С. ПАЛЛАСА

Ключевые слова: *академические экспедиции XVIII в., П.С. Паллас, Булгарское городище.*

В статье рассматривается состояние городища Булгар на время посещения членами академической экспедиции под руководством академика Петербургской академии наук П.С. Палласа. Самым ранним свидетельством о столице Волжской Булгарии является рукопись Ибн-Фадлана. При Алмуше появились первые деревянные и каменные строения. Затем они были разрушены вследствие монголо-татарского нашествия. Но при Батые город Булгар был опять восстановлен. Самым важным, поворотным фактом следует считать пребывание здесь Петра I. Император дал поручение губернатору А.П. Салтыкову привезти в г. Булгар строительные материалы и восстановить памятники. В 1767 г. городище посетила Екатерина II. Также не следует считать суваров создателями памятников Булгарского городища, хотя наследники суваров – современные чуваши – сохранили ряд архитектурных стилей (например, веревочный орнамент на столбах ворот). К статье прилагаются рисунки каменных зданий, сделанные участниками отряда П.С. Палласа. Материалы экспедиции подтверждают, что к 1768 г. в городище сохранилось более 40 сооружений. Наиболее значительные из них – Большой минарет, Ханская усыпальница и Черная палата. Несомненный интерес представляют надгробные памятники и найденные здесь монеты.

Самым ранним свидетельством о столице Волжской Булгарии г. Булгар является рукопись Ибн-Фадлана (922 г.). Упоминают его и средневековые путешественники. Имеются такие факты и в документах XVII в. Это – писцовые книги, акты генерального межевания, а также сочинение А.И. Лызлова «Скифская история». В конце XVII в. царь Федор Алексеевич (1661–1682 гг.) дает указание описать здания и другие развалины, оставшиеся от столицы Волжского государства.

По истории изучения этого экономического и культурного центра Поволжья имеются публикации. Особую ценность представляет обзор, выполненный казанским археологом К.А. Руденко [9. С. 32–37]. Он дает историографию регистрационно-описательского и коллекционного периода, включавшего в себя XVIII–XIX века.

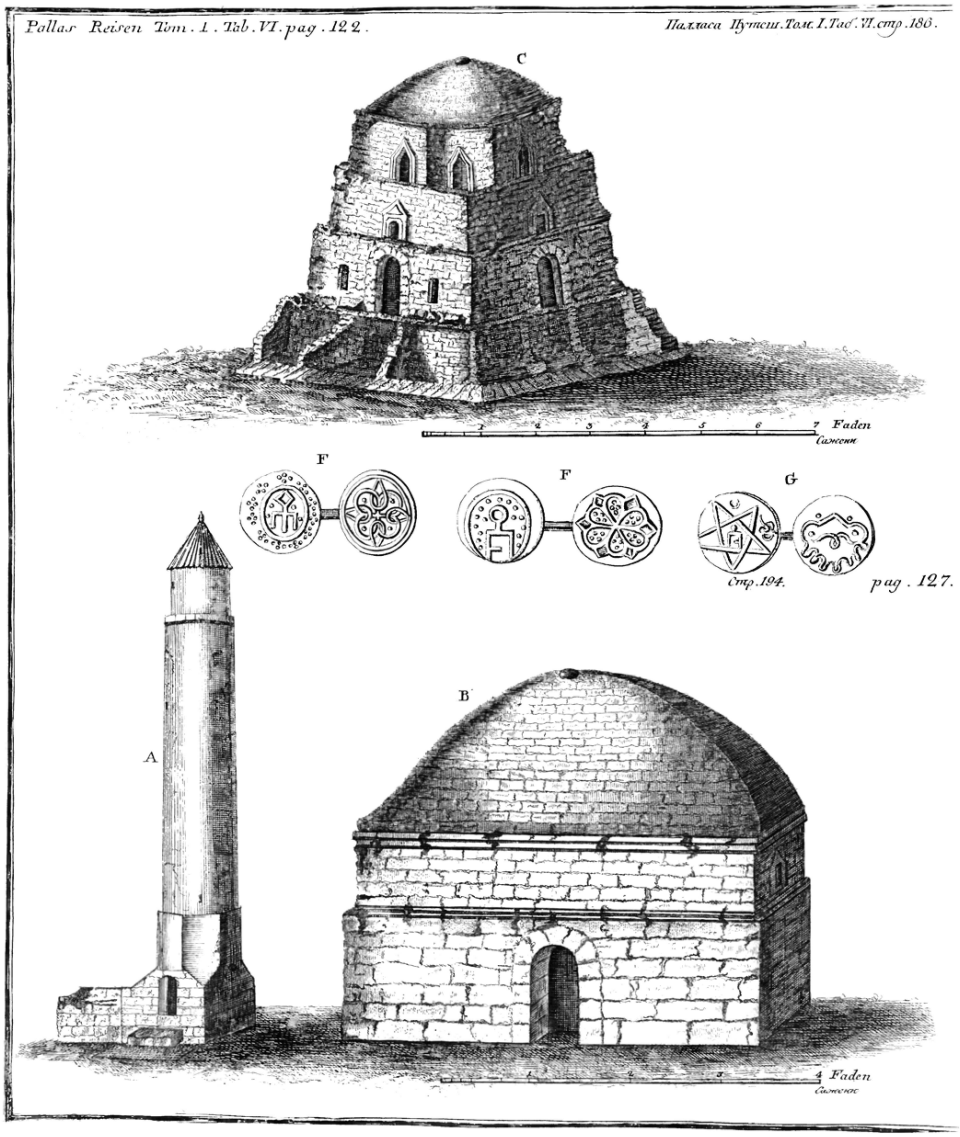
Конечно, самым важным, поворотным следует считать пребывание здесь самого Петра I. В г. Булгар он сделал остановку во время Азовского похода. «Великий Государь некоторые здания, как-то столбы и башни, при себе еще приказал вымерять; потом был на древнем кладбище города; он более пятидесяти видел гробниц, или великих на гробах оных каменных досок с надписями на разных восточных языках, показующие различных в нем жительствовавших народов и древность города» [1. С. 185]. В письме Казанскому губернатору А.П. Салтыкову он написал: «В бытность Нашу в Булгаре видели Мы, что у старинного булгарского строения башни (или колокольни) фундамент испортился, и оный надлежит подделать вновь, того для пошлите туда ныне человек двенадцать каменщиков с их инструментами и несколько бочек извести, а камня там старого довольно есть; а также мост и старое по времени вели починить» [1. С. 194].

В XVIII в. в г. Булгар неоднократно производились перестройки. Так, в 1732–1734 гг. на месте Ханского двора и Соборной мечети был построен Успенский монастырь. Под фундамент использовали надгробные плиты.

В 1767 г., за год до экспедиции П.С. Палласа, городище Булгар посетила Екатерина II. В частности, она написала: «Ездили на берег смотреть развалины старинного, Тамерланом построенного города Болгары и нашли действительно остатки больших, но не весьма хороших строений, два турецкие минарета весьма высокие, и все, что тут ни осталось, построено из плиты очень хорошей; татары же великое почтение имеют к сему месту и ездят Богу молиться в сии развалины» [2. С. 505]. Конечно, относительно Тамерлана (= Тимура, 1336–1405 гг.) императрица ошибалась. Тамерлан по отношению к г. Булгар является не строителем, а разрушителем. Изначально г. Булгар в виде юрт был основан отцом Алмуша ханом Шилки (Силки) еще в IX в. А еще точнее – еще во второй половине VIII в. здесь обитали предки Алмуша. При Алмуше начинают появляться деревянные и первые каменные строения. Нашествие Золотой Орды разрушило города Волжской Булгарии. Но вскоре г. Булгар был восстановлен. Это было при Батые. В 1242–1246 гг. хан Батый сам жил в этом городе. Примерно в те же годы были построены еще несколько городов. Например, возник Эстер-хан (чуваш. *Açтăрхан* «Астрахань»). Затем в Булгаре и Сарае находились ставки хана Берке (1257–1266 гг.) [7. С. 193]. Итак, в 1236 г. столица Волжской Булгарии г. Булгар был разрушен, но вскоре восстановлен. Поэтому все каменные постройки и надписи, сохранившиеся в нем теперь, относятся к эпохе монгольского владычества и к более позднему времени.

К приезду П.С. Палласа на территории городища еще оставалось 44 сооружения. Он дает описание увиденных им исторических объектов. «Знатнейшая из оных башня или мизгирь сделана из отесанных камней несколько выше 12 сажен по такому образцу и пропорции, как она представлена на шестой таблице под буквою А, и ныне еще цела стоит. На оную взходят по круглой леснице о 72 ступенях, из коих каждая в Парижский фут вышиною… Двери в башню сделаны на полуденной стороне, и видны в стене большие железные крючья, на которых дверь висела. В стенах башни оставлены небольшие скважины, в которые свет проходит: и по тому видно ходить по леснице. Подле сей башни есть в неправильном четвероугольнике развалины большого каменного здания с толстыми углами, которое, может быть, представляло большую мечеть. Сие здание состоит из неровных худо отесанных, но весьма плотно складенных известковых, дресвяных, диких и гипсовых камней, которые уповательно браны в гористом береге Волги» [6. С. 186–188].

«Почти на 80 сажен далее в южнозападную сторону стоит еще небольшое из дикого камня, плотно складенное четвероугольное здание (зри таб. 6, под буквою В); однако своды оного на одной стороне обвалились… Гораздо знатнее и обширнее было то здание, которого среднее на южной стороне деревни и в самой середине бывшего города находящееся и многими основаниями окруженное главное строение еще и ныне видно. Отменная архитектура достойна того, чтобы сообщить с оной рисунок (зри таб. 6 под буквою С). Но трудно определить, на какой конец сие строение сделано было. Мужики называют оное судейским домом; да и я не имею причины почесть за что ни будь иное» [6. С. 188–189].

Основные памятники Булгарского городища, сохранившиеся на время экспедиции П.С. Палласа:
A – Большой минарет; B – Ханская усыпальница; C – Черная палата;
F, F, G – образцы монет, найденных на Булгарском городище [6, табл. VI]

«При Болгарах найдено много старинных надгробных камней с арапскими, а несколько с армянскими надписями, которые ныне отчасти употреблены в фундамент новой церкви Успенского монастыря, а отчасти лежат подле оной на земле» [6. С. 192]. Надписи на некоторых из них свидетельствовали, что усопшие родом из Персидской провинции Шемахи, а один – из Ширвана. Естественно, эти люди прибыли в Волжскую Булгарию по торговым делам.

«Можно еще о великом его торге заключить из серебреных и медных малых монет, которые еще и ныне собирают крестьянские дети на тамошних

пашнях. В числе серебреных не редко попадаются с изрядною арапскою и куфинскою надписью; и такие монеты чеканены из чистого серебра; при том же они нарочито толсты, и величиною обыкновенно не больше ногтя большого пальца. Но есть много из худого и хрупкого серебра, да и чеканены очень тонко и не чисто. У сих монет на одной стороне находятся либо звездочки, или другие украшения, а на другой стороне высокие точки и кружок, в котором изображен произвольный знак почти такой же, какой башкирцы и другие безграмотные народы еще ныне употребляют вместо своеручной подписи. Я сообщаю рисунки двух таких монет (Зри таб. 6 под буквою F); но на медных монетах находится таких знаков гораздо больше, и обыкновенно в тройном треугольнике. (Зри таб. 6 под буквою G)» [6. С. 193–196].

Видимо, рисунки объектов Булгарского городища выполнены участником экспедиции рисовальщиком Николаем Дмитриевым.

Археологические исследования, производившиеся на территории городища Булгар, дали в основном материал золотоордынского времени. Это – архитектурные обломки и бытовые вещи. Первые относятся к XIV в., вторые состоят из керамики золотоордынского времени и обломков китайского фарфора, датируемого XII–XIV вв. Таким образом, расцвет г. Булгар относится к XIII–XIV вв.

Вопреки восприятию многими арабскими источниками и исследователями Булгара как города во время путешествия Ибн-Фадлана слово означало «страну». В энциклопедии Наджиба Хамадани «Диковинки творений» Булгар описывается как «большая область». Исследователи справедливо переводят его как Land [4. С. 153, 161]. Есть сомнение в том, существовал ли город Булгар в собственном смысле к приезду Ибн-Фадлана. Ко времени появления на Средней Волге первых суваров (895 г.) Булгар представлял собой городище из деревянных и тростниковых построек. По данным на XII в., в г. Сувар постройки были деревянные, в них укрывались жители зимой, а в шатрах – летом. Иначе говоря, только через более чем два века после пребывания здесь Ибн-Фадлана в Суваре появились деревянные дома и шатры. О кирпичных строениях нет и речи. Все постройки и надписи, сохранившиеся в Булгаре, относятся к эпохе монгольского владычества. Поэтому исследователям наследия Волжской Булгарии следует помнить этот факт, а не переносить данные XIII–XV вв. на IX–XII вв. Так, в первой половине XII в. ал-Гарнати увидел полностью деревянный город Булгар. Поэтому надо иметь в виду, что нынешние сохранившиеся каменные развалины города Булгар – это уже остатки построек, возникших после 1236 г. и в более поздний период. По крайней мере, существующий исторический памятник «Булгарский заповедник» – это не суварское наследие. Археологические раскопки полностью подтверждают свидетельства средневековых историков. В X–XIII вв. у булгар были простые деревянные срубы или каркасные постройки, оштукатуренные глиной снаружи и изнутри. Крыша у таких домов делалась плоская. Такой тип дома, видимо, сложился одновременно с появлением здесь булгар, принесших его с собой с юга, где он был широко распространен у хазар и антов.

Относительно истоков каменных строений в Поволжье есть и другое мнение, отличное от среднеазиатской версии. Согласно ей, переселенцы из салтово-маяцкого региона, входившего в состав Хазарии, имели собственный

опыт строительства городов, крепостей и поселений. По крайней мере, они были очевидцами Итиля, Саркеля, Баранджара и Семендера. Все эти и другие города-крепости были построены в традициях восточных регионов Византии. Поэтому мнение об участии среднеазиатских или ближневосточных мастеров берется под сомнение. Такое мнение применимо только к первой колонной мечети арабского типа. Видимо, и они ограничились поверхностным объяснением. А строили по их чертежам из бревен местные мастера. «Строительство в сер. 2-й пол. X в. каменной части соборной мечети в Биляре и кирпичных, кирпично-каменных зданий в городах Булгарии совпадает с новой волной переселенцев из Хазарии, которые, на наш взгляд, и принесли в регион опыт массового производства сырцового и обожженного кирпича. Диапазон габаритов сырцовых и обожженных кирпичей Булгарии практически аналогичен размерному ряду кирпичей в постройках крепостей Хазарского каганата: Семикаракорской, Саркельской и др.» [5. С. 29]. Вместе с тем известно, что здания из обожженного кирпича в Хазарии строили только для каганов. Поэтому практически все каменные здания в булгарских городах, первоначально признанные за дворцы и жилища знати, теперь считают банями-хаммами. Кроме того, поволжские кирпичи по размерам отличаются от среднеазиатских.

В Волжской Булгарии в домонгольское время существовали общественные бани как простой, так и относительно сложной планировки. Оба типа продолжали иметь место в золотоордынское время. Простой тип представлен баней в Большой Тоябе и баней XIII в. в Булгаре. К сложному типу относится баня № 3 в Булгаре. В X в. здесь появляются банные сооружения с более развитой планировкой, такие, как Красная и Белая палаты [3. С. 232].

Ювелирные изделия булгарских земель Золотой Орды оцениваются на уровне шедевров. Прежде всего это относится к оружию, доспехам, одежде, а также к украшениям. На Средней Волге производились пояса с золотыми чашами. Матрицы для изготовления были найдены на Булгарском городище. Их датируют 1245–1250 гг. Кроме украшений здесь встречаются бронзовые зеркала, парадные чаши, котелки и подсвечники. Большой интерес представляют серебряные и золотые перстни, серьги, браслеты. Серьги имеют устойчивую форму в виде знака вопроса. Нередко они украшены привесками из жемчуга [8. С. 250].

Исследователи видят преемственность между украшениями с веревочным орнаментом на двери в Малый минарет (г. Булгар) и веревочным орнаментом на столбе ворот чувашского дома, зафиксированным в середине XX в.

Выводы. П.С. Паллас побывал на Булгарском городище через восемь с половиной веков после Ибн-Фадлана и вскоре после Петра I и Екатерины II. К приезду П.С. Палласа здесь насчитывалось 44 сооружения. Огромное значение для истории имеют рисунки и описания Большого минарета, Ханской усыпальницы и Черной палаты. Несомненный интерес представляют надгробные памятники и найденные монеты. Все сохранившиеся строения относятся к золотоордынскому времени. Сегодня на этом месте располагается великолепный «Архитектурно-исторический комплекс Булгар», восстановленный по сохранившимся изображениям, в числе которых палласовские рисунки имеют фундаментальное значение.

Литература

1. *Голиков И.И.* Деяния Петра Великого. М.: Универ. тип., 1789. Ч. VIII. 448, IX, 1 с.

2. *Екатерина II.* Сочинения. СПб.: Имп. АН, 1906. Т. XI. XXXVIII, 734 с.

3. *Зиливинская Э.Д.* Дома с подпольным отоплением в Волжской Булгарии // Советская археология. 1989. № 4. С. 223–233.

4. *Ковалевский А.П.* Книга Ахмеда Ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 гг. Ст., пер. и коммент. Харьков: Харьков. ун-т, 1956. 347 с.

5. *Надырова Х.Г.* Хазаро-болгарские традиции в градостроительстве Волжско-Камской Булгарии // Известия КазГАСУ. 2010. № 2. С. 20–31.

6. *Паллас П.С.* Путешествие по разным местам Российского государства. [1768 и 1769 гг.] / пер. В. Зуев. СПб.: Имп. АН, 1773. Ч. 1. X, 115, 657 с., 117 ил.

7. Поло М. Книга / коммент. М.Б. Горнунг // Плано Карпини Дж. дель. История монгалов; Рубрук Г. де. Путешествие в Восточные страны; Марко Поло. Книга. М.: Мысль, 1997. С. 192–393.

8. *Руденко К.А.* Ювелирное искусство Золотой Орды: две серебряные серьги из Татарстана (вопросы атрибуции и датировки) // Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве. Казань: ИИ АН РТ, 2011. С. 250–253.

9. *Руденко К.А.* История археологического изучения Волжской Булгарии (X – начало XIII в.). Казань: Респ. центр мониторинга качества образования, 2014. 767 с.

САЛМИН АНТОН КИРИЛЛОВИЧ – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Россия, Санкт-Петербург (antsalmin@mail.ru).

A. SALMIN

ANCIENT SETTLEMENT OF THE BULGARS IN THE CONTEXT OF P.S. PALLAS'S EXPEDITION

Key words: *academic expeditions of the 18th century, P.S. Pallas, ancient settlement of the Bulgars.*

The article deals with the condition of the Bulgar ancient settlement at the time of its visiting by members of academic expedition headed by Academician of St Petersburg Academy of Sciences P.S. Pallas. The earliest evidence of existence of the capital of the Volga Bulgaria is the manuscript of Ibn Fadlan. In the times of Almush, first wooden and stone buildings were constructed. Then they were destroyed due to the Mongol-Tatar invasion. But the town Bulgar was restored under Batu Khan. The stay of Peter the Great in the settlement should be considered to be the most important and crucial event. The Imperor ordered the governor A.P. Saltykov to deliver construction materials to the Bulgar settlement and repair the monuments. Catherine the Great visited the ancient settlement in 1767. Monuments of the Bulgar ancient settlement should not be attributed to the neighboring Suvar tribes. However, the Suvars' successors – the present-day Chuvash – have retained a number of architectural styles (e.g. rope ornaments on gate posts). Pictures of main stone buildings made by P.S. Pallas's group are attached to the article. The materials collected by the expedition prove that more than 40 structures remained by 1768. The most notable of them are the Great Minaret, the Khans table-tomb, and the Black Chamber. The sepulchral stones and coins found in this area are definitely of interest.

References

1. Golikov I.I. *Deyaniya Petra Velikogo* [The Acts of Peter the Great]. Moscow, 1789, part VIII, 448, IX, 1 p.

2. Ekaterina II. *Sochineniya* [Compositions]. St. Petersburg, 1906, vol. XI, XXXVIII, 734 p.

3. Zilivinskaya E.D. *Doma s podpol'nym otopleniyem v Volzhskoi Bulgarii* [Homes with underground heating in Volga Bulgaria]. *Sovetskaya arkheologhiya*, 1989, no. 4, pp. 223–233.

4. Kovalevskii A.P. *Kniga Akhmeda Ibn-Fadlana o yego puteshestvii na Volgu v 921–922 gg.* [Book of the Ahmed Ibn Fadlana on his journey along the Volga in 921–922 y.]. Kharkov, Kharkov University Publ., 1956, 347 p.

5. Nadyrova Kh.G. *Khazaro-bolgarskiye traditsii v gradostroitel'stve Volzhsko-Kamskoi Bulgarii* [Khazar-Bulgarian traditions on construction of cities in Volga-Kama Bulgaria]. *Izvestiya KazGASU*, 2010, no. 2, pp. 20–31.

6. Pallas P.S. *Puteshestviye po raznym mestam Rossiiskogo gosu-darstva. 1768 i 1769 gg.* [Travel to different places in Russia. 1768 and 1769]. St. Petersburg, 1773, part 1, X, 115, 657 p.

7. Polo Marko. Kniga [Book]. In: Karpini Dzhovanni del' Plano. *Istoriya mongalov* [History of Mongals]; Rubruk Ghil'om de. *Puteshestviye v Vostochnyye strany* [Journey to the East]; Polo Marko. *Kniga* [Book]. Moscow, Mysl' Publ., 1997, pp. 192–393.

8. Rudenko K.A. *Yuvelirnoye iskusstvo Zolotoi Ordy: dve serebryanyye ser'ghi iz Tatarstana (voprosy atributsii i datirovki)* [The Golden Horde jewellery: two Silver Earrings from Tatarstan (questions of attribution and dating)]. In: *Dialog gorodskoi i stepnoi kul'tur na yevraziiskom prostranstve* [Urban dialogue and steppe cultures in Eurasia]. Kazan, 2011, pp. 250–253.

9. Rudenko K.A. *Istoriya arkheologhicheskogo izucheniya Volzhskoi Bulgarii (X – nachalo XIII v.)* [The history of archaeological research of Volga Bulgaria (X – the beginning of the XIII c.)]. Kazan, 2014, 767 p.

SALMIN ANTON – Doctor of Historical Sciences, Leading Researcher, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera), Russian Academy of Sciences, Russia, Saint-Petersburg (antsalmin@mail.ru).

Формат цитирования: *Салмин А.К.* Городище Булгар в контексте экспедиции П.С. Палласа // Вестник Чувашского университета. – 2018. – № 2. – С. 136–142.

УДК 94(470.344) «1914/1918»:616-058.65-056.26
ББК 63.3(2)534-68,9

Т.С. СЕРГЕЕВ

ОБСЛУЖИВАНИЕ НА ТЕРРИТОРИИ ЧУВАШИИ РАНЕНЫХ И БОЛЬНЫХ УЧАСТНИКОВ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ 1914–1918 ГОДОВ

***Ключевые слова**: Первая мировая война, госпитали, эвакуация, лечение, обустройство больных и раненых военнослужащих и пленных, Казанская и Симбирская губернии, Чебоксарский, Ядринский, Цивильский, Алатырский уезды.*

На материалах опубликованной литературы, посвященной столетию Первой мировой войны 1914–1918 гг., охватившей 38 стран, и многочисленных архивных источников, хранящихся в фондах Государственного исторического архива Чувашской Республики, предпринята попытка обобщить деятельность уездных учреждений и общественных организаций Казанской и Симбирской губерний с преимущественно чувашским населением в обслуживании раненых и больных, большими потоками прибывавших с фронтов Первой мировой войны. На примере Земского союза и других общественных организаций показаны патриотический порыв и стремление в создании условий содержания и лечения больных, в их обслуживании через общины сестер милосердия. В отличие от литературы, отражающей лечение и обустройство только отечественных участников войны, получивших ранения, увечья или заболевших, будучи в районе боевых действий, в данной статье значительное внимание уделено лечению раненых и больных из числа военнопленных противоборствующей многонациональной австро-германской армии, которые после их пленения были направлены на тыловые работы в различных сферах народного хозяйства на территории Чувашии. Автор не обошел вниманием и то, что отношение медицинского персонала к раненым военнопленным различалось в зависимости от социального статуса последних (офицер или нижний чин), национальности (этнический немец или славянин), физического состояния (здоровый, раненый, инвалид).

В последние годы историки стали больше внимания обращать на изучение истории Первой мировой войны, названной многими исследователями «забытой войной» из-за того, что она как бы оказалась заслоненной более масштабными событиями последовавшей через два десятилетия Второй мировой войны. В связи со столетием окончания Первой мировой войны многие аспекты этой темы продолжают оставаться в зоне повышенного интереса. К ним, в частности, можно отнести проблему обслуживания раненых и больных участников войны, а также беженцев и военнопленных. Данная статья посвящена организации этой работы на территории Чувашии.

С вхождением стран в эпоху империализма и столкновением интересов великих держав в борьбе за передел уже поделенного мира на рубеже XIX – XX вв. частыми стали международные конфликты и войны, принимавшие все более масштабный, длительный, кровопролитный характер. Как известно, в годы Первой мировой войны страны Антанты поставили под ружье 49 млн человек, а страны Центрального (Четверного) блока – 25 млн. С территории современной Чувашии, входившей в Казанскую Симбирскую губернию, было мобилизовано около 100 тыс. человек, из которых каждый второй участвовал в боевых действиях [17. С. 385–386].

Использование артиллерийского шрапнельного огня, минометов, пулеметов, отравляющих газов резко увеличило число пострадавших от войны. На фронтах оставили свою жизнь 10 млн человек; в два раза больше оказалось раненых и искалеченных. Наряду с безвозвратными потерями убитыми,

умершими от ран до поступления в медпункты, пропавшими без вести, попавшими в плен в ходе военных действий Первой мировой войны 1914–1918 гг. в значительных масштабах имели место санитарные потери войск от различных видов оружия, а также больных, поступивших в лечебные учреждения и пункты на срок более суток. Последние составляли четвертую часть от всех фронтовых потерь [16. С. 563].

Позиционная война вела к тому, что значительное время солдаты проводили в холодных и сырых окопах, в антисанитарных условиях, что в конечном счете способствовало развитию артроза, ревматизма, инфекционных заболеваний. В те годы преобладала доктрина, основанная на принципе «эвакуация во что бы то ни стало», удаление больных и раненых как можно дальше в тыл страны. Следовательно, они должны были долечиваться вдали от фронта.

В годы войны в тыловые районы было эвакуировано 2,5 млн раненых и отравившихся газом, а также 1,5 млн больных. Легкораненые составляли 61%. Тем не менее в русской армии число возвращенных в строй раненых составляло не более 50% (в германской армии 75%, во французской – до 82%). Недостаточная оперативность соответствующих учреждений в процессе возвращения в строй бывших раненых объяснялась радом факторов: количеством и состоянием железных и автомобильных дорог, слабым оборудованием этапных и подвижных лазаретов медикаментами на фронте и госпиталей в тылу, нехваткой медицинских кадров и т.д. [21].

Война, начавшаяся под патриотическими лозунгами, на некоторое время сплотила русское общество, раздираемое совсем недавно непримиримыми противоречиями. Все сословия в столь критический момент чувствовали себя обязанными стать полезными обществу. Большие боевые потери сделали актуальной проблему скорейшего возвращения в строй бывших военнослужащих, получивших ранения. В этом были заинтересованы как государственные учреждения и чиновники, так и общественные организации.

Об изменении настроения общества при появлении раненых с фронта можно судить по воспоминаниям действительного статского советника, директора Симбирской чувашской школы И.Я. Яковлева: «Помню прибытие в Симбирск первых раненых. Обыкновенно равнодушного, сонного Симбирска трудно было узнать. Встречи. Подарки. Овации. Слезы… Попечительское отношение к жертвам войны» [25. С. 565].

По инициативе буржуазии и либеральных помещиков 30 июля 1914 г. уполномоченными губернских земств был учрежден Земский союз во главе с Г.Е. Львовым и 8–9 августа уполномоченными городских голов – Союз городов во главе с М. В. Чесноковым. Земский союз входил в состав Российского общества Красного Креста, сохраняя самостоятельность в финансовых и внутренних делах. Его бюджет формировался из государственных субсидий (265,5 млн руб. в середине 1916 г.) и пожертвований учреждений и частных лиц (14 млн). К концу 1916 г. в ведении Земского союза находилось 7728 учреждений, из них 4100 на действующем фронте, остальные – в тылу. За 1914–1917 гг. 39 отделов Союза организовали перевозку силами 75 санитарных поездов 2,5 млн человек, закупили медикаментов на сумму 19,5 млн руб. [10]. Начиная с 15 июля 1915 г. Земский союз функционировал совместно с объединенным с ним Городским союзом – Земгор. Эта общественная организация способствовала выполнению заказов главного интендантства на одежду и обувь для армии, организации помощи беженцам, более всего – организации помощи раненым и

больным, большим потоком прибывающим с фронта, особенно в период «великого отступления» русской армии в 1915 г. [12. С. 507].

Для раненых в первое время освобождались здания богаделен, ночлежных домов, приютов, позднее очередь дошла и до школ, училищ. Так, в Симбирской чувашской школе, готовившей учителей для уездов с чувашским населением, были расквартированы две роты солдат, устроен лазарет, из-за которого учебному заведению пришлось потесниться, закрыв токарную и слесарную мастерские, что отрицательно сказалось на трудовом воспитании будущих учителей. Воспитанники помогали переносить в госпиталь с вокзала раненых, затем всячески помогали им. Семья Яковлевых, как и все симбиряне, оказывала раненым всяческое содействие [25. С. 565–567].

Как и в годы Крымской войны 1853–1856 гг. и Русско-турецкой войны 1877–1878 гг., особой популярностью среди женщин пользовалась работа в госпиталях и санитарных поездах, в частности, в качестве сестер милосердия. Пример такого благотворительного служения давали русская императрица Александра Федоровна и ее старшие дочери Ольга и Татьяна, работавшие в Царскосельском лазарете сестрами милосердия [13. С. 600–601]. Возглавляемый великой княгиней Татьяной Николаевной Комитет имел отделы в уездах. Образцом служения сестрами милосердия были и сестра императора Николая II великая княгиня Ольга Александровна, и двоюродная сестра императора Мария Павловна [4. С. 1079]. По всей российской армии были известны имена сестер милосердия Антонины Тихоновны Паньшиной из Мордовии, Клавдии Алексеевны Богачевой и Риммы Ивановой из Самарской губернии, Зинаиды Макиевской-Зубок и Ольги Елисеевой из Ростова-на-Дону, Анны Яснитской (сестры известного чувашского историка Н.В. Никольского) из Чувашии, которые не только выносили раненых с поля боя, но и при необходимости брали в руки оружие и организовывали атаку [23; 8. С. 132–133].

Великая княгиня Елизавета Федоровна, сестра императрицы, вдова казненного эсерами великого князя Сергея Александровича, 2 ноября 1914 г. организовала свой Комитет по оказанию благотворительной помощи семьям лиц, призванных на войну. В Казанское отделение Комитета великой княгини Елизаветы Федоровны входили члены Чебоксарского дамского комитета, объединявшего 130 женщин из городов Чебоксары и Мариинский Посад. Выборным председателем этой местной общественной организации оказался уездный предводитель дворянства Л.В. Эннатский, а распорядителями и казначеями в разные годы были А.Н. Астраханцева, Ю.П. Краснопольская, И.Г. Григорьева, В.А. Слюсаренко, А.В. Пономарева, Н.С. Стахеев и др. Свою деятельность они осуществляли на средства от членских взносов, коллективных и частных пожертвований, благотворительных мероприятий (спектаклей, концертов, лотерей) и др. Формы работы членов Комитета были различные: сбор продуктов и подарков для раненых, лечащихся в лазаретах, изготовление респираторов для фронтовиков, выдача денежных пособий семьям солдат и сиротам, снабжение беженцев с прифронтовых губерний пищей, жильем, одеждой, работой, трудоустройство инвалидов и т.п. Дамский комитет оказывал точечную помощь бойцам 307-го пехотного Чебоксарского полка 77-й пехотной дивизии, состоявшего в основном из чувашей [9. С. 457].

Основное внимание медперсонала было обращено на работу лазаретов. Лечебные места делились на три разряда: 1) госпитальные (самые дорогие) – для тяжелораненых; 2) госпитально-патронажные – для легкораненых, не ну-

ждающихся в сложных операциях, а также трудных терапевтических больных; 3) патронажные – для тех, кто уже выздоравливал, но нуждался в амбулаторном лечении и наблюдении врача.

Лечение раненых и больных было организовано в разных местах с разной степенью успеха. Это во многом зависело от имевшейся материальной базы и наличия медицинских кадров. Так, на территории Чувашии накануне войны было 25 фельдшерских пунктов, в которых работали 22 врача и 74 фельдшера. Не было медсестер, фельдшериц, дезинфекторов, санитарных работников.

Если в Германии в 1913 г. на одного врача приходилось 2 тыс. жителей, в России – 7 тыс. [11. С. 189], а в чувашских уездах – еще больше: в Чебоксарском – 27,5 тыс., в Ядринском – 37,2 тыс., в Цивильском – 53,4 тыс. человек. В уездных центрах Чебоксары, Цивильск, Ядрин Казанской губернии и Алатырь Симбирской губернии, которые входят в современную Чувашию, были уездные больницы на 50, 40, 30, 46 коек, соответственно. В 19 больницах 8 уездов с чувашским населением насчитывалось 400 коек [7. С. 21].

С началом войны поредели ряды квалифицированных медиков: были мобилизованы на фронт 6 врачей и 17 фельдшеров. Многие медицинские пункты были закрыты: Буртасинский, Чурачикский Цивильского уезда, Больше-Шатьминский, Ораушский Ядринского уезда, Затонский пункт Чебоксарского уезда, Порецкий участок Алатырского уезда. К 1917 г. в больницах на территории Чувашии было развернуто 558 коек, в том числе в Чебоксарском уезде – 133, Цивильском – 101, Ядринском – 101, Алатырском – 94, Буинском – 35, Тетюшском – 15, Курмышском – 15 [1. С. 63; 3. С. 164–165]. В Алатыре, расположенном на железнодорожной магистрали, при воинских частях функционировали 3 артиллерийских дивизиона, 5 полковых лазаретов на 350 коек, 10 фельдшерских пунктов. После открытия в 1915 г. Алатырского отделения Симбирского эвакопункта в этом городе были открыты еще два патронажных госпиталя по 20 коек каждый, предназначенные для нуждающихся в долечивании [2. С. 7].

С возрастанием потока беженцев с западных областей (в Чебоксарском, Цивильском, Ядринском уездах в конце 1914 г. насчитывалось 4564 беженца) [1. С. 61] и больших партий военнопленных с фронтов Первой мировой войны (общее их количество не поддается учету) санитарно-эпидемиологическая обстановка в Чувашском крае заметно ухудшилась.

На территории России в начале 1917 г. находилось 2,8 млн беженцев, 2,2 млн военнопленных. Особенно их стало много летом 1914 г. и осенью 1916 г., после «Брусиловского прорыва», закончившегося потерей многонациональной австрийской армией 1,5 млн солдат и офицеров. Среди военнопленных были 190 тыс. немцев, 450 тыс. австрийцев, 500 тыс. венгров, 250 тыс. чехов и словаков, 200 тыс. югославов, 120 тыс. румын [5. С. 207–208]. В России для содержания военнопленных функционировало более 400 лагерей, в которых содержались до 2 млн человек, из них 1,5 млн привлекались к принудительному труду в сфере промышленности, сельского хозяйства, строительства, лесоразработок [14. С. 93].

Первые военнопленные в количестве 5 офицеров и 64 рядовых появились в Чебоксарах в январе 1915 г., в марте прибыли 200, в мае – еще 170 человек. В ноябре 1915 г. в Цивильске размещались 200 военнопленных [15. С. 99]. Много пленных проезжало через г. Алатырь, часть оставалась в

этом же городе. По линии Казанского комитета Всесоюзного земского союза, созданного 2 августа 1914 г., для раненых фронтовиков было оборудовано 2907 коек, в том числе в Чебоксарском уезде – 885, Цивильском – 676, Ядринском – 694. По линии Всероссийского союза городов в Казанской губернии было создано 64 медицинских учреждения на 3723 больничные койки, в Симбирской – 11 учреждений на 1720 коек. Чебоксарским уездным комитетом попечительства о раненых руководил врач Н.М. Некрасов, уездным комитетом Красного Креста – врач Ф.М. Евпатьевский. По их инициативе чрезвычайное уездное земское собрание приняло решение о выделении 6 тыс. рублей для организации помощи раненым и больным. В г. Чебоксары было развернуто 210 коек, в том числе в земской больнице – 20, в кулинарной школе – 60, в арестантском доме – 20, на винном складе – 110. В общей сложности в Чувашском крае было запущено 19 лазаретов на 602 койки, в том числе в Чебоксарском уезде – 8 на 307, в Цивильском – 5 на 70, в Ядринском – 3 на 55, Алатырском – 3 на 45, Козьмодемьянском – 1 на 25 коек. В 1917 г. число коек было сокращено. В годы войны в 4 лазаретах вышеупомянутых уездов был принят и обслужен медработниками 5801 человек, в том числе в Чебоксарском уезде – 3122, в Цивильском – 640, в Ядринском – 490, в Алатырском – 1549 человек. Из числа пациентов раненые составляли 34,7%, больные – 65,3%. Чаще всего ранения приходились на верхние конечности (35,3%), нижние конечности (29,5%), туловище (11,5%). Инфекционные больные составляли подавляющую часть пациентов – 90% [24. С. 82].

Особый контингент составляли раненые и больные военнопленные. Санитарные поезда подбирали их наряду с отечественными военнослужащими и оказывали необходимую медицинскую помощь [8. С. 133]. Губернаторы требовали от уездных чиновников принимать чрезвычайные меры по размещению военнопленных. Так, в циркулярной телеграмме Казанского губернатора по уездам от 13 марта 1915 г. требовалось указать «максимальное количество могущих разместиться казарменным порядком военнопленных». В ответной телеграмме Цивильского уездного исправника от 16 марта 1915 г. были указаны следующие пункты для размещения военнопленных: г. Цивильск – 200 человек (в доме Никитина – 50, Зарубина – 50, Башмаковой – 40, Березина – 30, Михайлова – 30), с. Иваново (дом Курбатова) – 100, с. Шихазаны – 150, с. Можарки – 100, с. Тобурданово – 100, с. Кошелеи – 100 человек. Всего 700 человек [20. С. 431]. Фактически их оказалось меньше. Постановлением Цивильского распорядительного комитета от 31 марта 1915 г. был сначала выделен двухэтажный дом Плотниковой, затем, по предложению председателя управы А.И. Абалымова, – земский дом (здание земской управы) за плату от военного ведомства. Там был оборудован приемный покой [20. С. 56, 73]. Земский врач получал дополнительную оплату за осмотр и медицинское освидетельствование военнопленных. Так, врачу Петрову в январе 1915 г. за такую службу было выплачено 3 руб. от Чебоксарского уездного казначейства [20. С. 51]. Бытовое обустройство военнопленных включало и санитарное обслуживание.

Согласно решениям Гаагских международных конвенций 1899 и 1907 гг., а также изданного 7 октября 1914 г. Положения о военнопленных, подчеркивалось, что «с военнопленными, как законными защитниками своего Отечества, надлежит обращаться человеколюбиво». Они имели право на медицинскую помощь [15. С. 100]. Однако отношение к представителям этой категории населения оказалось разным в зависимости от их социального статуса

(офицер или нижний чин), национальности (славянской или австро-германской), физического состояния (здоровый, больной, инвалид).

Пленные офицеры проживали в основном в уездных городах. В 1916 г. в Симбирской губернии их стало больше, оттуда они были переправлены в г. Чебоксары Казанской губернии и Чембар Пензенской губернии [18. С. 66–67]. Пленные офицеры пользовались относительной свободой, размещались в отдельных бараках или в частных домах, некоторые имели своих денщиков, продолжали получать жалованье в соответствии со своим воинским чином, не привлекались к казенным и общественным работам. Им разрешалось получать переводы в сумме до 100 марок. В сопровождении конвойного могли посещать рынки. Не допускалось их общение с военнопленными и военнообязанными. В определенные часы они обязаны были отмечаться у воинского начальника. В случае болезни лечились в губернской земской больнице. Условия проживания и содержания военнопленных офицеров были лучше, поэтому смертность среди оказавшихся в плену офицеров армии Тройственного союза была незначительной [15. С. 102; 18. С. 68–69].

Нижние чины из контингента военнопленных размещались в казенных и общественных зданиях или в частных домах на условиях возмещения расходов на постой за счет казны. На содержание одного военнопленного (жилье, отопление, освещение) в городах предусматривалось расходов до 7,5 руб., в сельской местности – до 8,5 руб. [15. С. 100]. Это было намного больше, чем беженцам: размер расходов на помещение, отопление и освещение на одного беженца предусматривался: в сельской местности – 1 руб. 20 коп. в месяц, в городе – 2 руб. [6. Л. 78]. Лечение беженца в городской больнице обходилось казне в 44 коп. в день, в стационаре в течение недели – в 5-7 руб. [6. Л. 145].

Дифференцированный подход к пленным явно ощущался по национальному признаку, поскольку австрийская армия была многонациональной. Из них славяне, эльзас-лотарингцы, румыны, итальянцы пользовались преимуществами, будь это офицеры или нижние чины. По возможности отдельно от них размещали немцев, австрийцев, венгров (мадьяров) и турок. Характерно, что в местной печати ряда регионов России возникал полемический вопрос: как относиться к военнопленным славянам: как к врагам или как к единоверцам? [20. С. 147]. Между тем для представителей «дружественно настроенных к России» наций все же устанавливался более мягкий режим содержания (обеспечение одеждой и обувью, питанием). При обмене военнопленными-инвалидами они первыми отправлялись на родину. Тем не менее в медицинском обслуживании все были равны.

Все трудоспособные военнопленные, включая вылеченных и выздоровевших, обязаны были участвовать в трудовом процессе, особенно там, где ощущалась нехватка рабочих рук из-за мобилизации отечественных рабочих на фронт. Это были промышленные предприятия, лесозаготовки, сельское хозяйство, обслуживание железных дорог, строительные работы, а также весьма редко – обслуживание больных в качестве медицинского персонала. Бывали случаи привлечения выздоровевших военнопленных портными, сапожниками, кучерами, поварами и т.д. [15. С. 104–105]. Работа была безвозмездной, за редким исключением допускалось материальное стимулирование за перевыполнение планов [15. С. 106].

Согласно Положению о военнопленных, утвержденному российским императором 7 октября 1914 г., заболевшие военнопленные получали по-

мощь по общим для войск установленным правилам и принимались на излечение в ближайшие военные и лечебные заведения. Им следовало предоставлять пищу, одежду, жилье, работу, даже если это ущемляло интересы местных жителей.

Ряд документов отражает случаи заболевания среди военнопленных, которые были заняты в основном на лесозаготовках и сельхозработах. В 1915–1916 гг. направление военнопленных в земскую больницу или приемный покой по причине заболеваний носило регулярный характер: в приказах по управлению уездных воинских начальников (особенно зимой) этот пункт встречается по 2-4 раза в месяц. Так, в Цивильске пик заболеваний пришелся на декабрь 1915 г., когда в приемный покой поступило 20 человек, в Ядрине – на январь-февраль 1916 г., когда тифом заболело более 70 человек [20. С. 425]. В декабре 1915 г. на излечение пришлось отправить из станции Киря в Казань 11 мадьяр и 1 хорвата [20. С. 158].

Остановимся на конкретных случаях. В январе 1915 г. в Чебоксарской земской больнице излечился пленный австриец нижнего чина Ян Феркол [20. С. 43], в феврале 1915 г. – австрийцы Франц Вонводак и Юзеф Папа [20. С. 54]. В конце апреля 1915 г. из 10 пленных австрийцев, присланных на работу на сельскохозяйственную ферму Симбирской чувашской школы, двое заболевших (Милиаш Цеплер и Гунзе Мие) были отправлены на лечение в Симбирскую уездную больницу [20. С. 82–83]. В сентябре 1915 г. двое мадьяр из военнопленных Беню Янош и Кампи Пенчь, находившиеся на лесозаготовках в Кирском лесничестве Ядринского уезда, и заболевшие, соответственно, хроническим бронхитом и кровяным поносом, в сопровождении объездчика Флегонтова были отправлены на лечение в Казань, в управление уездного воинского начальника [20. С. 112]. Один из этой группы рядовой Франц Цейкер умер 1 ноября 1915 г. от туберкулеза легких [20. С. 129]. В конце ноября 1915 г. в распоряжение Казанского уездного воинского начальника были отправлены заболевшие в Кирском лесничестве мадьяр Палош Режо и хорват Гаре Шмидт [20. С. 145].

В документах зафиксированы попытки локализации больных сыпным тифом: пятеро из военнопленных, занятых в Кирском лесничестве, были изолированы от остальных и помещались в доме лесника Никандра Иванова в с. Норусово (ныне Калинино. – *Т.С.*). Для обслуживания их была нанята прислуга. Больных периодически посещали врач, фельдшер, лесничий. Все оставшиеся 107 человек из кондукторского дома были переселены в специально для них построенный барак, где им выдали свежее белье. Между тем один из заболевших немцев Абртрайх Ганге скончался в Норусовской больнице [20. С. 197, 199]. Общее число заболевших из числа пленных в с. Норусово на 14 марта 1916 г. достигло 29 человек, в основном немцев, за исключением одного мадьяра [20. С. 219]. Причиной массового заболевания официальные лица считали прибытие из Ардатова партии тифозных больных, а также истощение военнопленных из-за скудного питания [20. С. 214].

Во избежание болезней принимались профилактические меры. «Санитарно-гигиенические правила для военнопленных нижних чинов, состоящих при Управлении Чебоксарского уездного воинского начальника» от 23 января 1916 г. содержали пункты, касающиеся необходимости соблюдения чистоты тела, белья, одежды, помещений, пищи, порядка дезинфекции [20. С. 177].

К мерам профилактики помимо раздачи мыла [20. С. 224] можно было бы отнести и попытки улучшения питания военнопленных. Так, в циркулярной телеграмме начальника Казанской местной бригады генерал-лейтенанта В.В. Запфирова Чебоксарскому уездному воинскому начальнику от 30 января 1916 г. напоминается о необходимости во всех пунктах размещения военнопленных ввести чайное довольствие от казны по норме 48 золотников чаю и 6 золотников сахару в день на каждого пленного [20. С. 188].

При поступлении новых партий военнопленных по разнарядке на физическую работу, а также после их снятия с работы рабочие в обязательном порядке подвергались медицинскому осмотру [20. С. 204–205, 252–253]. Согласно циркуляру Казанского губернатора от 27 февраля 1917 г. военнопленные освобождались от принудительной работы как инвалиды при наличии следующих болезней и увечий:

1) частичная или полная потеря одной или нескольких конечностей (по крайней мере, одна рука или нога);

2) потеря владения одним или несколькими членами вследствие затвердения, атрофии или укорочения мышц, а также вследствие ложного сустава; заболевания позвоночника, вызывающие значительные расстройства в движениях, значительные аневризмы с их последствиями;

3) окончательный и обширный паралич;

4) повреждение мозга с тяжелыми последствиями (паралич одной стороны и/или нарушение важных функций мозга);

5) повреждение спинного мозга с тяжелыми последствиями;

6) утрата зрения на оба глаза (слепота); утрата одного глаза при значительном уменьшении остроты зрения оставшегося целым глаза;

7) значительные обезображения лица и тяжелые повреждения полости рта;

8) стойкая инвалидность вследствие ранения;

9) ранения грудной полости с тяжелыми последствиями;

10) ранения брюшной полости и таза с тяжелыми последствиями;

11) явно выраженный туберкулез;

12) стойкая инвалидность вследствие других внутренних заболеваний [20. С. 329–330].

Освобождение от работы принималось в индивидуальном порядке. Так, работавшие на лесоразработках на линии Московско-Казанской железной дороги пленные мадьяры Януш Шкода и Эндер Имро были освобождены из-за хронической болезни [20. С. 357].

Местные власти в целом соблюдали инструкции по содержанию и лечению военнопленных, судьба которых интересовала и международный Красный Крест. В составе делегации сестер милосердия из Германии и Австрии, прибывшей в августе 1916 г. в Ядринский уезд, были 10 уполномоченных Шведского Красного Креста, 6 германских и 5 австрийских сестер милосердия. Однако не допускались встречи их с военнопленными, особенно на объектах оборонного значения [20. С. 260, 336, 450].

В целом обслуживание на территории Чувашии раненых и больных отечественных фронтовиков позволяло пополнять резервы действующей российской армии новыми пополнениями. На должном уровне, на гуманных принципах, оказалась и работа по уходу за военнопленными противоборствующей армии.

Литература

1. *Алексеев Г.А.* Военно-санитарная служба в Чувашии. Чебоксары: ГИА ЛПО ИУВ, 2011. 312 с.

2. *Алексеев Г.А.* Медики Чувашии в годы войны. Чебоксары: [Б.и.], 1994. 368 с.

3. *Алексеев Г.А.* Очерки истории здравоохранения в Чувашии. Чебоксары: [Б.и.], 1963. 373 с.

4. *Блохина Н.Н.* Великие княгини Ольга Александровна и Мария Павловна как сестры милосердия // Казанский медицинский журнал. 2015. Т. 96, № 6. С. 1079–1084.

5. Великая Октябрьская социалистическая революция: энциклопедия. М.: Сов. энциклопедия. 1977. С. 207–208.

6. Государственный исторический архив Чувашской Республики (ГИА ЧР). Ф. 14. Оп. 1. Д. 2080.

7. *Викторов В.Н., Алексеев Г.А.* Лечебно-профилактические учреждения Чувашии: альбом. Чебоксары: [Б.и.], 2017. 226 с.

8. *Герасимова Л.И., Шибаева В.Ф.* Опыт создания в Чувашии выставочного проекта, посвященного столетию Первой мировой войны // Здравоохранение Чувашии. 2015. № 4. С. 131–137.

9. *Гусаров Ю.В.* Чебоксарский дамский комитет // Чувашская энциклопедия. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2011. Т. 4. С. 263.

10. Земский союз [Электронный ресурс] URL: knewledge.su/z/zemsky-coynz (дата обращения: 06.01.2018).

11. *Лисицын Ю.П.* История медицины. М.: Гэотар-Медиа, 2004. 400 с.

12. *Иванова Н.А.* Земский и городской союзы, Всероссийский земский союз помощи больным и раненым воинам и Всероссийский союз городов // БСЭ. 3-е изд. М.: Сов. энциклопедия, 1972. Т. 9. С. 507.

13. История России XIX – начала XX в / под ред. В. А. Федорова. М.: Зерцало, 1998. 752 с.

14. *Карелин В.А.* Проблема интернирования русских военнопленных Первой мировой войны // Новая и новейшая история. 2010. № 1. С. 93–105.

15. *Козлов Ф.Н.* Австро-венгерские и германские военнопленные в Чувашии // Первая мировая война в истории народов Поволжья: материалы Междунар. науч.-практ. конф. / ЧГИГН. Чебоксары, 2015. С. 99–109.

16. *Лядов И.П.* Санитарные потери войск // БСЭ. 3-е изд. М.: Сов. энциклопедия, 1975. Т. 22. С. 563.

17. *Николаев Г.А*. Первая мировая война // Чувашская энциклопедия. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2009. Т. 3. С. 385–386.

18. *Паршуков В.А*. Военнопленные офицеры Первой мировой войны в городе Симбирске // Первая мировая война в истории народов Поволжья: материалы Междунар. науч.-практ. конф. / ЧГИГН. Чебоксары, 2015. С. 62–69.

19. *Патрушев А.В.* Земские организации Вятской губернии в вятской прессе периода Первой мировой войны // Вестник ЧГПУ им. И. Я. Яковлева. 2011. № 3, вып. 1. С. 145–151.

20. Первая мировая война: австро-венгерские и германские военнопленные в Чувашии (документы и материалы Государственного исторического архива Чувашской Республики) / сост. Ф.Н. Козлов. Чебоксары: Новое Время, 2014. 520 с.

21. Раненые Первой мировой войны: как рождалась государственная система помощи инвалидам [Электронный ресурс]. URL: http://www.miloserdie/ru (дата обращения: 06.01.2018).

22. *Сергеев Т.С.* Забота о беженцах в Цивильском уезде Казанской губернии в годы Первой мировой войны (по материалам ГИА ЧР) // Первая мировая война в истории народов Поволжья: материалы Междунар. науч.-практ. конф. / ЧГИГН. Чебоксары, 2015. С. 226–231.

23. Сестры милосердия Первой мировой: они всегда оставались на стороне раненых // Аргументы и факты. 2011. № 26, 30 июня.

24. *Шибаева В.Ф., Бреткина М.А., Ванюшкин Е.А*. Военные госпитали и лазареты в годы Первой мировой войны в Чувашском крае // Здравоохранение Чувашии. 2014. № 3. С. 82–84.

25. *Яковлев И.Я.* Моя жизнь. Воспоминания. М.: Республика, 1997. 696 с.

СЕРГЕЕВ ТИХОН СЕРГЕЕВИЧ – доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной и всеобщей истории, Чувашский государственный педагогический университет, Россия, Чебоксары (tikhon-sergeev@yandex.ru).

T. SERGEEV

PROVISION OF SERVICES TO WOUNDED AND SICK PARTICIPANTS OF THE FIRST WORLD WAR OF 1914–1918 IN THE TERRITORY OF CHUVASHIA

***Key words**: First World War, hospitals, evacuation, treatment, arrangement of sick and wounded soldiers and prisoners, Kazan and Simbirsk provinces, Cheboksary, Yadrin, Tsivilsk, Alatyr counties.*

On materials in published literature, especially that was dedicated to the centenary of the First World War of 1914–1918, in which 38 countries were involved, and numerous archival sources, stored in the holdings of the State historical archive of the Chuvash Republic, an attempt was made to summarize the activities of county agencies and community organizations of Kazan and Simbirsk provinces with a predominantly Chuvash population in provision of services to the wounded and the sick, who were arriving in large flows from the theatre of the First World War. Using the example of Zemsky Union and other public organizations the articles shows patriotic impulse and the desire to create conditions for supporting and treating patients, providing them with services through community of nurses. In contrast to literature, which reflects treatment and arrangement of only domestic war participants, who were injured or fell ill in a combat area, this article pays significant attention to treatment of wounded and sick war prisoners of opposing multinational Austro-German army, who after their capture were sent to work in rear areas in various fields of national economy on the territory of Chuvashia. The author did not ignore the fact that the attitude of medical personnel to the wounded war prisoners was different, depending on the social status of the latter (an officer or a lower rank), nationality (an ethnic German or a Slav), physical condition (healthy, injured, disabled).

References

1. Alekseev G.A. *Voyenno-sanitarnaya sluzhba v Chuvashii* [Military health service in the Chuvash Republic]. Cheboksary, 2011, p. 312.

2. Alekseev G.A. *Mediki Chuvashii v gody voiny* [Doctors of Chuvash Republic in the war]. Cheboksary, 1994, p. 368.

3. Alekseev G.A. *Ocherki istorii zdravookhraneniya v Chuvashii* [Essays on the history of health care in Chuvash Republic]. Cheboksary, 1963, p. 373.

4. Blokhina N.N. *Velikiye knyagini Ol'ga Aleksandrovna i Mariya Pavlovna kak sestry miloserdiya* Grand [Duchess Olga Alexandrovna and Maria Pavlovna as sisters of mercy]. *Kazanskii meditsinskii zhurnal* [Kazan medical journal], 2015, vol. 96, no. 6, pp. 1079–1084.

5. *Velikaya Oktyabr'skaya sotsialisticheskaya revolyutsiya: entsiklopediya* [The great October socialist revolution: an encyclopedia]. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya Publ., 1977, pp. 207–208.

6. *Gosudarstvennyj istoricheskji akhiv Chuvashskoi Respubliki. Fond 14. Opis 1. Dokument 2080.* [State Historical Archives of the Chuvash Republic. Archive 14. Anagraph 1. Document 2080].

7. Viktorov V.N., Alekseev G.A. *Lechebno-profilakticheskie uchrezhdeniya Chuvashii: al'bom*. [Medical institutions of the Chuvash Republic: the album]. Cheboksary, 2017, p. 226.

8. Gerasimova L.I., Shibaeva V.F. *Opyt sozdaniya v Chuvashii vystavochnogo proekta, posvyashchennogo stoletiju Pervoi mirovoi voiny* [Experience of Chuvash Republic exhibition project dedicated to the centenary of the First world war]. *Zdravookhranenie Chuvashii* [Health of the Chuvash Republic], 2015, no. 4, pp. 131–137.

9. Gusarov Yu.V. *Cheboksarskii damskii komitet* [Cheboksary ladies' Committee]. In: *Chuvashskaya entsiklopediya* [Chuvash encyclopedia]. Cheboksary, Chuvash Publishing House, 2011, vol. 4, p. 263.

10. *Zemskii soyuz* [The Zemstvo Union]. Available at: Zemsky-cojuz knewledge.su/z/zemsky-coynz (Accessed 06.01.2018).

11. Lisitsyn Yu.P. *Istoriya meditsiny: uchebnik dlya meditsinskikh vuzov* [History of medicine: textbook for medical schools]. Moscow, Geotar-Media Publ., 2004, 400 p.

12. Ivanova N.A. *Zemskii i gorodskoi soyuzy, Vserossiiskii zemskii soyuz pomoshchi bol'nym i ranenym voinam I Vserossiiskii soyuz gorodov* [Rural and urban unions, the all-Russian Zemstvo Union for the sick and wounded soldiers and the all Russian Union of cities]. In: *BSE. 3-e izd*. [Great Soviet Encyclopedia. 3rd ed.]. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya Publ., 1972, vol. 9, p. 507.

13. Fedorov V.A., ed. *Istoriya Rossii devyatnadsatogo – nachala dvadsatogo veka: uchebnik dlya istoricheskikh fakul'tetov universitetov* [History of Russia in the XIX – early XX century: a textbook for historical faculties of universities]. Moscow, Zertsalo Publ., 1998, p. 752.

14. Karelin V.A. *Problema internirovaniya russkikh voennoplennykh Pervoi mirovoi voiny* [A Problem of internment of the Russian prisoners of the First world war]. *Novaya i noveishaya istoriya* [New and newest history], 2010, no. 1, pp. 93–105.

15. Kozlov F.N. *Avstro-vengerskie i germanskie voennoplennye v Chuvashii* [Austro-Hungarian and German prisoners of war in the Chuvash Republic]. In: *Pervaya mirovaya voina v istorii narodov Povolzh'ya: materialy Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* [Proc. of the Int. Sci. Conf. «The First world war in the history of the peoples of the Volga region»]. Cheboksary, 2015, pp. 99–109.

16. Lyadov I.P. *Sanitarnye poteri voisk* [Sanitary losses of troops]. In: *BSE. 3-e izd*. [Great Soviet Encyclopedia. 3rd ed.]. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya Publ., 1975, vol. 22, p. 563.

17. Nikolaev G.A. *Pervaya mirovaya voina* [The First world war]. In: *Chuvashskaya entsiklopediya* [Chuvash encyclopedia]. Cheboksary, Chuvash Publishing House, 2009, vol. 3, pp. 385–386.

18. Parshukov V.A. *Voennoplennye ofitsery Pervoj mirovoj vojny v gorode Simbirske* [Officers prisoners of war the First world war in the city of Simbirsk]. In: *Pervaya mirovaya voina v istorii narodov Povolzh'ya: materialy Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* [Proc. of the Int. Sci. Conf. «The First world war in the history of the peoples of the Volga region»]. Cheboksary, 2015, pp. 62–69.

19. Patrushev A. V. *Zemskie organizatsii Vyatskoi gubernii v vyatskoi presse perioda Pervoi mirovoi voiny* [Zemstvo organization of the Vyatka province of Vyatka in the press during the First world war]. *Vestnik CHGPU named I. Ya. Yakovlev*, 2011, no. 3, vol. 1, pp. 145–151.

20. Kozlov F.N., comp. *Pervaya mirovaya voina: avstro-vengerskie i germanskie voennoplennye v Chuvashii (dokumenty i materialy Gosudarstvennogo istoricheskogo arkhiva Chuvashskoi Respubliki)* [The first world war: Austro-Hungarian and German prisoners of war in the Chuvash Republic (documents and materials of the State historical archive of the Chuvash Republic)]. Cheboksary, Novoe Vremya Publ., 2014, 520 p.

21. *Ranenye Pervoi mirovoi voiny: kak rozhdalas' gosudarstvennaya sistema pomoshchi invalidam* [The wounded of the First world war: how was born the state system for the disabled]. Available at: http://www.miloserdie/ru (Accessed 6 Yanuary 2018).

22. Sergeev T.S. *Zabota o bezhentsakh v Tsivil'skom ujezde Kazanskoi gubernii v gody Pervoi mirovoi voiny (po materialam GIA ChR)* [The care of refugees in Zivilska County of Kazan province during the First world war (on materials of GIA ChR)]. In: *Pervaya mirovaya voina v istorii narodov Povolzh'ya: materialy Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* [Proc. of the Int. Sci. Conf. «The First world war in the history of the peoples of the Volga region»]. Cheboksary, 2015, pp. 226–231.

23. *Sestry miloserdiya Pervoi mirovoi: oni vsegda ostavalis' na storone ranenyh* [Sisters of mercy in the First world: they have always been on the side of the wounded]. *Argumenty i fakty* [Arguments and facts], 2011, 30 June, no. 26.

24. Shibaeva V.F., Bretkina M.A., Vanyushkin E. A. *Voennye gospitali i lazarety v gody Pervoi mirovoi voiny v Chuvashskom krae* [Military hospitals and infirmary in the First world war in the Chuvash region]. *Zdravookhranenie Chuvashii* [Health of the Chuvash Republic], 2014, no. 3, pp. 82–84.

25. Yakovlev I.Ya *Moya zhizn'. Vospominaniya* [My life. Memory lane]. Moscow, Respublika Publ., 1997, 696 p.

SERGEEV TIKHON – Doctor of Historical Sciences, Professor of Russian and General History Department, Chuvash State Pedagogical University, Russia, Cheboksary (tikhon-sergeev@yandex.ru).

Формат цитирования: *Сергеев Т.С.* Обслуживание на территории Чувашии раненых и больных участников Первой мировой войны 1914–1918 годов // Вестник Чувашского университета. – 2018. – № 2. – С. 143–153.

УДК 766.332–055.2(091)(470.344)
ББК Ч 578ю9,3(2 Рос. Чув)

М.В. ТИМОФЕЕВ, Н.В. ВАСИЛЬЕВА,
Н.А. МАТВЕЕВА, А.И. ОРЛОВ

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ ЖЕНСКОГО ФУТБОЛА В ЧУВАШИИ

***Ключевые слова**: государственный футбольный союз, национальная ассоциация, женский футбол, история становления и развития, основоположники и лучшие спортсмены, команда высшей лиги «Волжанка», Чувашская Республика.*

В ходе изучения истории развития физической культуры и спорта в Чувашской Республике нами был проведен анализ возникновения и развития женского футбола на территории Чувашии. Исследование показало, что развитие женского футбола началось в 1987 г. в связи с образованием первой женской футбольной команды «Энергия», впоследствии переименованной в «Волжанку». Эта команда с 1990 г. играла в высшей лиге на чемпионатах России и СССР. Лучшие игроки «Волжанки» Н.П. Бочкарева, М.В. Еремина, Е.А. Коньякова, Е.М. Лисачева стали призерами, а Л.И. Капитонова – чемпионкой России. Большая заслуга в становлении и развитии женской команды «Волжанка» принадлежит тренерам В. Семенову, В. Евлампьеву, М. Паршину, В. Николаеву, которые в разное время высокопрофессионально руководили известной на всю страну командой. В статье детально отмечены этапы развития данной футбольной женской команды, которая переживала и взлеты, и падения на протяжении своей карьеры, в хронологическом порядке предоставлена статистика выступлений и соревнований. В 2002 г. команда была расформирована. Выявлены ключевые причины, приведшие к распаду команды «Волжанка» и тормозившие развитие женского футбола в Чувашии. Основными причинами явились недостаточность материально-технической базы и слабое финансирование. К сожалению, в настоящее время единой женской футбольной команды Чувашии не существует, однако это не значит, что женский футбол в республике отсутствует: функционируют школьные, университетские женские команды, а также команды пенсионеров и районные футбольные команды, которые активно проявляют себя в женском футболе.

Футбол – командная спортивная игра с мячом на специальной площадке (поле) с воротами. Первые игры, похожие на футбол, были известны с древних времён в Китае, Японии, Древней Греции, Древнем Риме. Распространение среди цивилизованного мира футбол получил благодаря римским легионерам, которые завезли игру на Британские острова. К середине XVIII в. футбол стал напоминать современный: появилась разметка поля, устанавливались ворота, стало равным число игроков в командах и ограничилась продолжительность матчей. Сегодня футбол по праву считается самым массовым и популярным видом спорта. С 1900 г. он входит в программу Олимпийских игр, с 1930 г. проводятся чемпионаты мира, с 1960 г. – чемпионаты Европы. Чемпионаты мира, Европы, Америки, Азии и Африки собирают многомиллионную зрительскую аудиторию [7].

Подлинно национальной спортивной игрой является футбол и в России, где этим видом спорта сегодня занимаются более четырех миллионов человек, в том числе и молодёжь женского пола.

Развитие женского футбола как вида спорта началось в 1969 г., когда была создана Международная европейская федерация женского футбола. Своеобразный интерес вызывает развитие женского футбола в регионах России, в том числе и в Чувашской Республике [9].

Естественно, в изучаемый период Чувашия не находилась в вакууме, своими темпами развивалась промышленность, сельское хозяйство, наука и

искусство. И спорт, как неотъемлемая часть общественной жизни, тоже не стоял на месте: появлялись новые спортивные общества, укреплялась их материально-техническая база, более качественно и многочисленно проводились спартакиады, после чего становились известными новые спортивные имена и т.д. В структуре спортивных обществ появились и новые виды спорта, в том числе и женский футбол [2, 3].

В 1987 г. организована первая женская футбольная команда «Энергия», впоследствии переименованная в «Волжанку». Эта команда с 1990 г. играла в высшей лиге на чемпионатах России и СССР. Лучшие игроки «Волжанки» Н.П. Бочкарёва, М.В. Ерёмина, Е.А. Коньякова, Е.М. Лисачёва стали призёрами, а Л.И. Капитонова – чемпионкой России. Все они играли в составе команд России и СССР, а также на международных соревнованиях и чемпионатах Европы [1].

Именно благодаря таким женщинам-спортсменкам и энтузиасткам появился в истории республики и женский футбол, который в разное время испытывал взлеты и падения в своей истории.

Большая заслуга в становлении и развитии женской команды «Волжанка» принадлежит тренерам В. Семенову, В. Евлампьеву, М. Паршину, А. Николаеву, которые в разное время высокопрофессионально руководили известной на всю страну командой.

В 1987 г. еженедельник ЦК ВЛКСМ «Собеседник» организовал в г. Кишинев первый Всесоюзный турнир для футболисток. Чебоксарские девушки одними из первых с большим энтузиазмом включились в кампанию по распространению женского футбола и его пропаганде среди болельщиков.

Датой рождения своего коллектива спортсменки из «Волжанки» считают 7 сентября 1987 г., когда их впервые собрал тренер В. Семенов, известный спортивный специалист, имевший в недалеком прошлом успехи в подготовке команды в таком виде спорта, как хоккей на траве. Тренировки в новом женском футбольном коллективе он начал с того, что стал активно и методично прививать своим подопечным игровую практику работы в командном виде спорта.

В своей спортивной биографии первый сезон команда «Волжанка» провела очень активно. С целью популяризации женского футбола члены команды систематически организовывали показательные выступления в г. Чебоксары и за его пределами. В 1988 г. в общей сложности команда участвовала в 20 товарищеских и официальных матчах с соперницами из 8 городов страны. Она активно готовилась к отборочному турниру на приз «Собеседника», который проходил в г. Саранск. Тогда эта команда была в хорошей спортивной форме и ее цель была одна – выход в финал соревнований [4, 5].

Статистические данные по зональному турниру, который проходил в г. Саранск 11–18 июня 1988 г. на приз еженедельника «Собеседник», выглядели следующим образом (таблица).

В 1988–1989 гг. «Волжанка», уверенно преодолев все трудности, добилась заветной цели, завоевав одну из путевок в высшую лигу. В 1990 г. команда (главный тренер В. Евлампьев) была на 16-м месте, а в 1991 г. перескочила вверх сразу через 9 ступенек, заняв 7-е место.

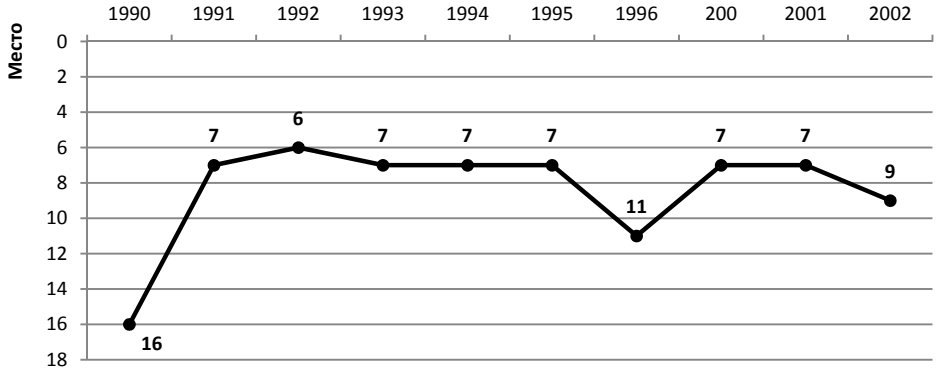
Показателем возросшего авторитета «Волжанки» и её вхождения в число ведущих в стране стало приглашение команды в качестве спарринг-партнера по двум товарищеским играм со сборной страны.

Результаты турнира на приз еженедельника «Собеседник»

Команды	В	Н	П	Мячи	О
«Текстильщик» Раменск.	6	0	0	18 – 1	12
«Светотехника» Саранск	4	1	1	15 – 5	9
«Чайка» Йошкар-Ола	1	3	2	2 – 9	5
«Торпедо» Тольятти	2	1	3	4 – 9	5
«Волжанка» Чебоксары	0	4	2	0 – 3	4
«Кама» Пермь	0	4	2	2 – 7	4
«Горьковчанка» Горький	0	3	3	0 – 11	3

В третий раз «Волжанка» померилась силами с главной командой России в ходе международного турнира в честь 50-летия Чебоксарского завода имени В.И. Чапаева, в котором принимали участие гости из Китая. Само проведение такого турнира в Чебоксарах явилось своеобразной данью уважения к чувашскому женскому футболу. Именно после этих встреч «Волжанка» набрала во втором круге высокие темпы, что позволило ей занять 7-е место. А самые известные члены команды Ольга Васильева и Елена Коньякова были приглашены в сборную страны. Е. Коньякова принимала участие в первом в истории отечественного женского футбола в отборочном матче чемпионата Европы с командой Венгрии. Неплохо проявил себя и резерв команды, выйдя в финал чемпионата Ассоциации женского футбола (АЖФ) страны среди спортсменок 1975–1977 гг. рождения, где занял 5-е место. Воспитанницы тренера М. Паршина достойно выступили в шведском г. Гётеборге на международном турнире «Стин-Кап» (для девушек 1975–1977 гг. рождения). В четвертьфинале «Волжанка» проиграла команде из Норвегии.

В 1992 г. «Волжанка» поднялась еще на одну ступеньку, заняв 6-е место, а в 1993–1995 гг. занимала 7-е места. В 1996 г. команда опустилась на 11-е место, вылетев в первую лигу.

Динамика показателей занимаемых командой «Волжанка» мест
на чемпионатах СССР и России с 1990 г. по 2002 г.

Из вышеприведенного рисунка напрашиваются следующие логические выводы. Спорту, в том числе и женскому футболу, присущи, как любому живому организму, взлёты и падения на отдельных этапах его развития, о чём говорит динамика показателей команды «Волжанка»: с 1990 г. по 1992 г. команда динамично развивается. С 1992 г. по 1995 г. «Волжанка» имеет ста-

бильные показатели ввиду наличия игроков, входящих в состав 33 лучших спортсменов России. В 1996 г. команда резко опускается в турнирной таблице, это связанно с изменениями в командном составе. В том году лучший бомбардир клуба «Волжанка» О.В. Васильева играет в тольяттинской команде «Лада», где на Кубке России оформляет хет-трик, забив 3 мяча в ворота соперников из Зеленодольска. Потеря игрока такого уровня не могла не сказаться на игре команды, но в 2000 г. благодаря стараниям тренерского штаба «Волжанка» делает резкий рывок и выходит на рубежи 1992 г. Вообще, на наш взгляд, спорт, как, например, производственный цикл, не может развиваться по единому заданному плану, ибо в спорте, как нигде, присутствуют объективные и субъективные причины [6, 8].

С 1997 г. команда, известная на всю страну, начала играть в первой лиге, но из-за финансовых затруднений АЖФ сняла ее с чемпионата. Такое решение было обидным, если учесть лидирующее положение команды. В сезоне 1999 г. команда «Волжанка» после годичного перерыва снова вышла на футбольную арену. В том году спортсменки праздновали двойной юбилей: прошло ровно 10 лет с момента, когда они вместе с другими первооткрывателями женского отечественного футбола начали летопись проведения чемпионатов страны, а турнир 1999 г. стал для них уже десятым. В этой связи «Волжанка», возглавляемая главным тренером М. Паршиным и тренером А. Николаевым, не ставила перед собой никакой иной задачи, кроме как выход в высший дивизион сезона 2000 г. Команда добилась своей цели, заняв первое место в чемпионате страны. К сожалению, несмотря на хорошие традиции и 15-летнюю историю своего существования, конкурентную игру с лидерами отечественного футбола, чувашская команда из-за финансовых проблем в 2002 году прекратила свое существование.

В 2009 г. Лисачева Елена, в прошлом игрок команды «Волжанка», собрала команду по футзалу (кстати, Е. Лисачева была с 1987 г. в составе команды, т.е. со дня основания женской команды Чувашии). Но, просуществовав год и выиграв Кубок России по футзалу, который проходил в Чебоксарах, команда опять распалась.

Согласно программе развития женского футбола, к 2020 г. этот вид спорта планируется сделать столь же популярным в стране, как и женский теннис. У женского футбола в России больше перспектив, чем у мужского. Об этом заявил бывший глава государственного футбольного союза Виталий Мутко во время своего однодневного визита в Чувашию. Отвечая на вопросы журналистов о развитии футбола в Чувашии, он сказал, что «государственный футбольный союз главным направлением своей работы считает увеличение количества занимающихся футболом». Сегодня под эгидой национальной ассоциации футбольного союза, территориальных ассоциаций играет 1,5 млн человек, «мы хотим, чтобы играло около 5 млн. Без привлечения сюда женщин эту задачу нам не решить», – считает Виталий Мутко.

Ключевыми причинами, тормозящими развитие женского футбола в Чувашии, специалисты называют недостаточную материально-техническую базу, слабое финансирование, отсутствие высококвалифицированных практиков-тренеров, спортсменов-профессионалов и т.д.

Не способствует развитию и то, что женские футбольные клубы на сегодняшний момент убыточные, это является общероссийской тенденцией, осо-

бенно в регионах, и без помощи государства и президентов футбольных клубов перспективы у них вовсе не радужные.

К сожалению, в настоящее время единой женской футбольной команды Чувашии не существует. Однако это не значит, что женский футбол в Чувашии сегодня отсутствует и вообще забыт. В Чувашской Республике функционируют школьные, университетские женские команды, а также команды пенсионеров и районные футбольные команды. Они активно принимают участие в городских, межгородских и республиканских соревнованиях, т.е. речь идёт о возрождении женской футбольной команды в Чувашии.

Литература

1. *Гольдес И.В.* 100 легенд мирового футбола. М.: Новое дело, 2003. 256 с.

2. *Казаков В.С*. Спортивные игры: энциклопедический справочник. Ростов н/Д.: Феникс, 2004. 442 с.

3. *Кузин В.В., Палиевский С.А.* Футбол. Начальный этап обучения. М.: Физкультура и спорт, 1999.

4. *Кун Л.* Всеобщая история физической культуры и спорта. М.: Радуга, 1987.

5. *Пирогов Б.А*. Футбол: хроника, события, факты. М.: Советский спорт, 1995. 510 с.

6. *Столбов В.В., Финогенова Л.А., Мельникова Н.Ю*. История физической культуры и спорта / под ред. В.В. Столбова. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Физкультура и спорт, 2001. 423 с.

7. Футбольная энциклопедия / авт.-сост. А. Смирнов. М.: Вече; АСТ, 1999. 192 с.

8. *Хигир Б.Ю.* Психологический анализ в большом футболе. М.: Изд-во «Советский спорт», 2008. 250 с.

9. Чувашская энциклопедия: в 4 т. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2011. 798 с.

ТИМОФЕЕВ МАКСИМ ВАСИЛЬЕВИЧ – кандидат педагогических наук, доцент кафедры физического воспитания, Чувашский государственный педагогический университет, Россия, Чебоксары (m_timofeev81@mail.ru).

ВАСИЛЬЕВА НАТАЛЬЯ ВЛАДИМИРОВНА – кандидат педагогических наук, доцент кафедры физического воспитания, Чувашский государственный педагогический университет, Россия, Чебоксары (koolmama@mail.ru).

МАТВЕЕВА НАДЕЖДА АЛЕКСАНДРОВНА – кандидат педагогических наук, доцент кафедры физического воспитания, Чувашский государственный педагогический университет, Россия, Чебоксары (kluchnad@mail.ru).

ОРЛОВ АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ – кандидат педагогических наук, доцент кафедры физической культуры и спорта, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (san-04@rambler.ru).

M. TIMOFEEV, N. VASILYEVA, N. MATVEEVA, A. ORLOV

THE HISTORY OF WOMEN FOOTBALL DEVELOPMENT IN CHUVASHIA

Key words*: State Football Association, National Association, women's football, the history of evolvement and development, founders and top athletes, a major league team "Volzhanka", the Chuvash Republic.*

In the course of studying the history of physical culture and sport development in the Chuvash Republic, we conducted the analysis of the origin and development of women's football in the territory of Chuvashia. The study showed that development of women's football began in 1987 in connection with formation of the first women's football team "Energy", which was later renamed "Volzhanka". Beginning with 1990 this team played in the major league at the Championships of Russia and the USSR. The best players of "Volzhanka" N.P. Bochkareva, M.V. Eremina, E.A. Konyakova, E.M. Lisacheva became prize-winners, and L.I. Kapitonova became the champion of Russia. A great tribute in formation and development of the women's team "Volzhanka" belongs to its coaches V. Semenov,

V. Evlampyev, M. Parshin, V. Nikolaev who at various times provided leadership to the team which was famous all over the country. The article details the development stages of the indicated women's football team, which experienced ups and downs during its career, the statistics of performances and competitions are given in a chronological order. In 2002, the team was disbanded. The key reasons that resulted in disintegration of the team "Volzhanka" and hindering the development of women's football in Chuvashia are identified. The main causes were insufficiency of material and technical basis and poor funding. Unfortunately, at present, a single women's football team in the Chuvash Republic does not exist, this does not mean, however, that women's football in the Republic is absent: school, University women's teams as well as teams of pensioners and district football teams continue functioning and actively show themselves in women's football.

References

1. Goldes I.V. *100 legend mirovogo futbola* [100 world football legends]. Moscow, Novoe delo Publ., 2003, 256 p.

2. Kazakov V.S. *Sportivnye igry: entsiklopedicheskii spravochnik* [Sports games encyclopedic reference book]. Rostov-on-Don, Feniks Publ., 2004, 442 p.

3. Kuzin V.V., Palievskii S.A. *Futbol. Nachal'nyi etap obucheniya. Fizkul'tura i sport The general history of physical culture and sports* [Football. The initial stage of training. Physical Education and Sports Football. The initial stage of training]. Moscow, 1999.

4. Kun L. *Vseobshchaya istoriya fizicheskoi kul'tury i sporta* [The general history of physical culture and sports]. Moscow, Raduga Publ., 1987.

5. Pirogov B.A. *Futbol: khronika, sobytiya, fakty* [Football: Chronicle, events, facts]. Moscow, Sovetskii sport Publ., 1995, 510 p.

6. Stolbov V.V., ed.; Stolbov V.V., Finogenova L.A., Mel'nikova N.Yu. *Istoriya fizicheskoi kul'tury i sporta. 3-e izd., pererab. i dop.* [History of Physical Culture and Sport. 3rd ed.]. Moscow, Fizkul'tura i sport Publ., 2001, 423 p.

7. Smirnov A. *Futbol'naya entsiklopediya* [Football Encyclopedia]. Moscow, Veche Publ., AST Publ., 1999, 192 p.

8. Khigir B.Yu. *Psikhologicheskii analiz v bol'shom futbole* [Psychological analysis in big football]. Moscow, Sovetskii sport Publ., 2008, 250 p.

9. *Chuvashskaya entsiklopediya: v 4 t.* [Chuvash encyclopedia. 4 vols.]. Cheboksary, Chuvash Publishing House, 2011, 798 p.

TIMOFEEV MAKSIM – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of Physical Education Department, Chuvash State Pedagogical University, Russia, Cheboksary (m_timofeev81@mail.ru).

VASILYEVA NATALYA – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of Physical Education Department, Chuvash State Pedagogical University, Russia, Cheboksary (koolmama@mail.ru).

MATVEEVA NADEZHDA – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of Physical Education Department, Chuvash State Pedagogical University, Russia, Cheboksary (kluchnad@mail.ru).

ORLOV ANDREY – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of Physical Education and Sports Department, Chuvash State University, Russia, Cheboksary (san-04@rambler.ru).

Формат цитирования: *Тимофеев М.В., Васильева Н.В., Матвеева Н.А., Орлов А.И.* История развития женского футбола в Чувашии // Вестник Чувашского университета. – 2018. – № 2. – С. 154–159.

УДК 910:061.2(470.344)
ББК Д8л5(2Рос.Чув)6

О.Н. ШИРОКОВ, М.А. ШИРОКОВА

ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ ЧУВАШСКОГО ФИЛИАЛА ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА СССР

Ключевые слова: *Чувашский филиал Географического общества СССР, история создания, периоды развития филила,1967, географическое просвещение.*

50-летний юбилей филиала Географического общества СССР в Чувашии является важной вехой развития современного республиканского отделения Русского географического общества. Цель исследования заключается в анализе впервые вводимых в научный оборот архивных документов, освещающих процесс создания филиала, решении задачи создания научной периодизации начального этапа филиала, вычленения основных проблем, вставших на пути его организации. Наряду с методами источниковедческого анализа основу методологии работы составил сравнительно-исторический метод, позволивший выйти на путь типологизации процесса истории организации. Основываясь на изучении оригинальных источников, авторы статьи пришли к ключевому выводу о создании в первый период функционирования филиала его кадрового организационного, функционального, материального и управленческого фундамента.

Образованное в августе 1845 г. Русское географическое общество к 1964 г. насчитывало свыше 15 000 членов, 14 республиканских обществ, около 200 филиалов и отделов в разных городах СССР. В 1926 г. организация получила новое название – Государственное географическое общество, с 1941 г. – Всесоюзное географическое общество, а с 1974 г. – Географическое общество СССР.

Говоря о предыстории чувашского филиала, сошлемся на авторитетное мнение его патриарха И.Е. Ефимова, отметившего, что изучение географии в Чувашии было тесно связано с общей краеведческой работой. Было образовано «Общество по изучению Чувашского края», куда вошли преподаватели географии школ г. Чебоксары и районов Чувашии, учителя истории, работники краеведческого музея, архива, партийно-советских органов власти [4. Л. 2]. Организация просуществовала пятнадцать лет, и за эти годы было проведено несколько съездов краеведов, в работе которых принимали активное участие руководящие работники обкома КПСС, ЦИК и Совнаркома. Обществом проводились экскурсии, обследование качества преподавания в школах географии, истории, печатались в местных газетах и журналах многочисленные статьи и заметки, изучались бытовые условия сельского населения. Однако после того как в период репрессий 1937–1938 гг. краеведческое общество Чувашии было объявлено контрреволюционной организацией, почти все его члены были заключены в тюрьмы. Однако их опыт работы и собранный материал имели большое значение.

В 1932 г. в г. Чебоксары был организован Чувашский комплексный научно-исследовательский институт по промышленности, первым директором которого стал И.Е. Ефимов [4. Л. 5]. Данный институт проводил огромную работу по геологоразведке – выявлению и исследованию ископаемых богатств на территории Чувашии. В те годы были выявлены залежи фосфоритов, сланцев, глины промышленного значения, песков для строительства стекольного завода и т.д. Институт занимался лесным хозяйством, энергетикой, изучением мелких рек для строительства гидростанций на этих реках, выявлялись и

изучались строительные материалы, торфяные болота для добычи торфа, почвенно-климатические условия. В институте работали профессор геологии И.К. Илларионов, ученый лесовод М.Я. Яковлев, профессор С.И. Андреев, инженер-энергетик Садовников и многие другие профессионалы того времени [10. С. 307]. В 1939 г. институт был расформирован, все энергетическое, геологоразведочное оборудование, а также все имущество, аппаратура трех лабораторий (химическая, строительных материалов и пищевой промышленности) были переданы Горьковскому геологоразведочному тресту.

Таким образом, следует отметить, что созданию филиала предшествовала большая работа по краеведческому изучению Чувашской Республики, ставшей организационной, кадровой, материальной и институциональной основой будущего профессионального сообщества географов Чувашии. В 1950-х – начале 1960-х гг. предпринималось несколько безуспешных попыток создания филиала в Чувашии.

Успешный этап создания филиала Географического общества в Чувашии начинается с августа 1966 г. В это время в Чувашии появилась инициативная группа по созданию Чувашского филиала Географического общества в составе Петра Андреевича Емелькина, Валериана Григорьевича Толстова-Атнарского, Григория Николаевича Ильдерова, Петра Дмитриевича Дмитриева, Галины Николаевны Виноградовой [1. Л. 8]. Среди участников группы были распределены обязанности по подготовке к созданию Чувашского филиала Географического общества СССР. Они провели переговоры с научными сотрудниками Чувашского республиканского краеведческого музея, учеными Сельскохозяйственного института, Чувашского педагогического института имени И.Я. Яковлева, учителями истории и географии и краеведами.

5 января 1967 г. П.А. Емелькин адресует письмо ученому секретарю Географического общества СССР Игорю Львовичу Клеопову от 5 января 1967 г.: «Попытки создать филиал в Чувашии были неоднократно пять и десять лет назад. Разочарованные инициаторы расходились. Некоторые из них уже умерли. В настоящее время сколачивается актив Географического общества около 30 человек. Я полагаю, что теперь у вас есть основания написать обещанное письмо в Областной комитет КПСС» [1. Л. 9]. На это обращение от И.Л. Клеопова был получен положительный ответ с указанием провести общее собрание и направить все документы на окончательное утверждение.

1 февраля 1967 г. состоялось второе заседание оргкомитета по созданию Чувашского филиала Географического общества СССР. На нем обсуждалась проблема привлечения людей в состав будущего филиала. Помимо индивидуальных переговоров было решено опубликовать обращение в газете «Советская Чувашия» [1. Л. 15], чтобы о целях и задачах Географического общества и о намерениях создать филиал узнали все жители Чувашской Республики. В дальнейшем филиал уделял большое внимание сотрудничеству с прессой. Статьи о создании филиала и его последующей работе часто появлялись на страницах местных газет (Советская Чувашия. 1967. 8 апр.; Коммунизм ялаве. 1967. № 66, 19 марта) [5. Л. 5, 8].

На пути формирования филиала стояла и финансовая проблема. Активисты одобряли создание филиала и были готовы вступить в него, но как только узнавали о размерах вступительных и членских взносов, их желание быстро угасало: «Тут на одних взносах можно разориться. А что я получу взамен об общества?» [1. Л. 16]. Размер членских взносов варьировался от

50 до 1000 руб. в год для индивидуальных и коллективных членов [2. Л. 7–17]. Смысл состоял не в том, чтобы что-то получить от общества, а, наоборот, оказать помощь в его становлении и дальнейшей работе.

На первое собрание смогли приехать 28 человек. На нем были определены основные задачи филиала и состоялись выборы председателя, Совета и Ревизионной комиссии. С.И. Андреев, профессор, заведующий кафедрой почвоведения Чувашского сельскохозяйственного института в своем выступлении отметил: «Этот филиал необходим для усиления среди населения пропаганды географических знаний, научно-исследовательской работы по изучению родного края и повышения квалификации молодых специалистов, особенно учителей-географов» [2. Л. 1–2]. Многие из них могли принять участие в географических исследованиях республики под руководством квалифицированного научного работника и поступить в очную или заочную аспирантуру.

Была проблема и недостаточного научного изучения географии Чувашии в целом, что послужило еще одной важной задачей общества. Известный учитель, краевед, действительный член Географического общества АН СССР В.Г. Толстов-Атнарский отметил, что вопрос по организации Чувашского филиала стоял уже около 10 лет и был положительно решен только после упорной работы оргкомитета [4. Л. 2]. Теперь перед филиалом стояла задача занять достойное место среди других отделений в РСФСР. Определенной проблемой для работы филиала была слабая научная база. Среди членов филиала не было ни одного кандидата географических наук и всего лишь два действительных члена Географического общества СССР входили в его состав. На тот момент в республике работали более 200 учителей-географов и более 600 историков-географов и других специалистов [4. Л. 2]. Весь этот контингент мог пополнить ряды Чувашского филиала. Таким образом, среди населения была бы широко развернута пропаганда географических знаний, а также стали бы воспитываться новые кандидаты географических наук.

В итоге Чувашский филиал Географического общества АН СССР был образован 19 февраля 1967 г. Были избраны Ученый совет и Ревизионная комиссия. Председателем филиала стал профессор С.И. Андреев, заведующий кафедрой почвоведения сельскохозяйственного института, его заместителем – кандидат исторических наук В.Д. Димитриев, ученым секретарем – П.А. Емелькин. Они составили президиум ученого совета. В Чувашском филиале было 9 секций: физико-географическая, экономической географии, медицинской географии, географии почв, геологии, этнографии, геологии и гидрогеологии, топонимики, пропаганды экономических знаний. Коллектив филиала начал свою работу с подготовки научного сборника «География Чувашской АССР» (потом он был назван «Родной край»). Члены филиала, среди которых были учителя географии и биологии средних школ республики, краеведы, сотрудники ЧНИИЯЛИЭ, читали лекции по краеведению, занимались исследованием Чувашского края, пропагандой географических знаний.

На одном из первых собраний учредителей Чувашского филиала 30 марта 1967 г. П.А. Емелькин сообщил, что после опубликования обращения оргкомитета по созданию Чувашского филиала в газетах «Советская Чувашия» 24 февраля и «Коммунизм ялаве» 19 марта 1967 г. в адрес оргкомитета поступило 40 заявлений от желающих вступить в члены географического общества [4. Л. 1]. На собрании 30 марта 1967 г. был принят Устав Географического общества СССР [9. С. 11]. Всем членам филиала было дано задание проводить работу по даль-

нейшему вовлечению в члены Общества ученых и практиков, работающих в области географических наук, учителей географии и истории и краеведов, стремясь довести их количество до 100 в следующем году. Планировалось и разрастание сети Общества: в крупных районах и городах (Алатырь, Канаш, Шумерля) создать отделы от Республиканского филиала, а при краеведческих музеях – ячейки общества [4. Л. 6]. Каждый действительный член Общества должен был регулярно выступать с публичными лекциями, беседами или другими формами пропаганды на географические темы. Лектории организовывались совместно с обществами «Знание» и «Охраны природы» в крупных населенных пунктах. Для ознакомления широкого круга слушателей с вопросами географии необходимо было использовать радио, телевидение и местную печать.

Следующей задачей общества стало издание ежегодного сборника под названием «География Чувашской Республики», а к 125-летию Географического общества СССР и 50-летию ЧР – «Географического атласа ЧАССР». Кроме того, члены филиала оказывали содействие туристическому и краеведческому движению путем консультации, участия в разработке туристических маршрутов, составления и редактирования справочников путеводителей, направляя это движение на выявление природных богатств республики. При создании филиала встал вопрос о собственной библиотеке географической литературы. Во-первых, с просьбой прислать книги из Центральной библиотеки инициативная группа обратилась к Президиуму географического общества СССР. Во-вторых, члены филиала должны были предоставить списки своих научных работ и передать один экземпляр в фонд вновь созданной библиотеки. Совместно со студией телевидения к 50-летию советской власти нужно было составить сценарий и создать телевизионный фильм «Просторы Чувашии» [4. Л. 8], к 100-летию Ленина подготовить 3 кандидатов наук. В Совет филиала были избраны: Ефимов Иван Ефимович, Димитриев Василий Димитриевич, Корнилов Геннадий Емельянович, Воронов Кирилл Васильевич, Дмитриева Элла Яковлевна, Емелькин Петр Андреевич [4. Л. 10]. Таким образом, изначально совет включил в себя представителей разных кругов преподавательской и учительской интеллигенции. Всего в списке членов-учредителей Чувашского филиала Географического общества СССР состояло 36 человек [1. Л. 35–36].

16 октября 1967 г. состоялось третье заседание ученого совета Чувашского филиала ГО СССР, на которое были приглашены доктор исторических наук директор НИИ при СМ ЧАССР И.Д. Кузнецов и кандидат географических наук заведующий кафедрой экономики Чувашского университета П.А. Сидоров [1. Л. 40]. Были запланированы научные конференции по экономической географии Чувашии (февраль 1968 г.), по физической географии (июнь 1968 г.), по медицинской географии (декабрь 1968 г.) и по топонимике (начало 1969 г.). В третьем квартале 1967 г. члены общества выполнили план по организации кинолекций из цикла «Земля и люди». На следующий квартал были запланированы кинолекции из цикла «Политическая карта мира».

Помимо пропаганды географических знаний важным направлением работы была научная и издательская деятельность. На тот момент важнейшим проектом был Атлас Чувашской Республики [1. Л. 43]. Руководство ГУГК согласилось включить атлас в план издания на 1970–1971 гг. Изначально планировалось, что ответственным редактором будет Президент Географического общества СССР С.В. Калесник. Однако он отказался, ссылаясь на большую нагрузку. В связи с этим филиал обратился с такой просьбой к доктору техниче-

ских наук, профессору А.А. Изотову. В редакционную коллегию согласился войти завотделом гидрогеологии и водного хозяйства Казанского филиала Академии наук СССР, кандидат технических наук Г.Н. Петров, прислав список наименований 44 гидрогеологических карт Чувашии. Наименование десяти метеорологических и климатических карт Чувашии прислали из Горьковской обсерватории, сотрудники которой согласились оказать бесплатную помощь в составлении этих карт. Были найдены кадры для подготовки почвенных карт Чувашской АССР, редактором которых стал профессор С.И. Андреев.

В рамках работы филиала было решено опубликовать некоторые исследовательские работы, которые по разным причинам не были изданы ранее. Научный труд профессора С.И. Андреева «История развития растительности и почв Чувашской Республики» был уже ранее набран в типографии, но так и не вышел в печать в связи с критикой главы о травопольной системе [1. Л. 46]. Типографские расходы взял на себя сельскохозяйственный институт.

В архивах НИИ хранился труд М.С. Спиридонова «Чувашский орнамент», уже отданный ранее в производство, но не изданный в связи с тем, что был назван альбомом, а в то время ЦК запретило издание альбомов. Позднее на него не нашлось средств, а их требовалось немало. И вот с помощью объединения усилий филиала и НИИ издание альбома «Чувашский орнамент» стало более реальным. И.Д. Кузнецов предложил обратиться в Лейпцигскую типографию ГДР, так как сложность печати была не под силу Чебоксарской типографии, а Свердловская отказалась принять заказ, так как издание не было включено в план ее работы заранее.

П.А. Емелькин предоставил отчет о проделанной работе в рамках командировки в г. Ленинград с 14 апреля по 30 мая 1967 г. Им были найдены и заказаны на микропленку материалы по истории печати в г. Алатырь в 1910–1920-е гг. Кроме того, он попал на прием к ученому секретарю Географического общества СССР. 25 апреля 1967 г. на заседании Президиума ГО СССР после его выступления было принято решение об утверждении Чувашского филиала [1. Л. 51]. 26 апреля 1967 г. на имя секретаря Обкома КПСС тов. И.П. Прокопьева пришло письмо от Президента географического общества СССР, члена-корреспондента АН СССР, заслуженного деятеля науки РСФСР, профессора С.В. Калесника с просьбой оказывать всяческую помощь вновь появившемуся филиалу [1. Л. 37]. В первую очередь это касалось снабжения бумагой для публикации сборника, посвященного 50-летию Советского государства, а также предоставления помещения для филиала, где можно было бы разместить и библиотеку географической литературы. Необходимый комплект изданий Географическое общество СССР было готово выслать сразу же после того, как будет найдено место для библиотеки.

Чувашскому филиалу было разрешено открыть счет при Центральной сберегательной кассе № 60 и изготовить круглую печать и бланки собственной документации [2. Л. 5]. Перед командировкой П.А. Емелькина ему было дано задание просить о материальной помощи филиалу. Однако в ходе переговоров с руководством ГО СССР в предоставлении дотации было отказано и все финансовые средства должны быть найдены на месте. Штатным сотрудникам филиала выплачивалась заработная плата. Ежемесячный оклад ученого секретаря составлял 97 руб., секретаря-машинистки – 60, бухгалтера – 70 [2. Л. 1].

На заседании ученого совета 3 апреля 1967 г. был выбран заместитель председателя Совета филиала, которым стал кандидат исторических наук

Василий Димитриевич Димитриев, работающий ученым секретарем Научно-исследовательского института при Совете Министров Чувашской АССР [3. Л. 1]. Тогда же были утверждены секции филиала: исторической географии (В.Д. Димитриев), физической географии (А.И. Барковский), экономической географии (Г.А. Максимов), почвоведения (С.И. Андреев), биогеографии (К.В. Воронов), топонимики (Г.Е. Корнилов), краеведения и туризма (В.Г. Толстов-Атнарский), учебной (школьной) географии (Т.З. Захаров). Также планировалось образование секций медицинской географии, этнографии, фенологии и географии населения ЧР.

Членами общества были проведены кинолекции из цикла «Политическая карта мира». Лекторы Н.И. Иванов, Ф.С. Ярков, С.Н. Хаймуллин, В.Ф. Пивоваров, Н.Е. Черемухин, М.В. Румянцев, Г.А. Кандидов, Г.Е. Корнилов, П.А. Емелькин и многие другие перед началом киносеансов читали слушателям лекции о странах социалистического лагеря [3. Л. 20].

В качестве коллективных членов общества к октябрю 1967 г. состояли НИИ при Совмине ЧАССР, Архивный отдел при Совмине ЧАССР, Чебоксарское троллейбусное управление, Тарный завод, Чебоксарский хлопчатобумажный комбинат, Шихазанская психиатрическая больница, кирпичный завод, Алатырский леспромхоз, Чебоксарская санэпидемстанция, Институт усовершенствования учителей, кинотеатр «Мир», Республиканская больница [3. Л. 25].

У филиала было множество материальных сложностей. С 30 марта по 16 октября 1967 г. поступило 1688 руб. 20 коп. членских взносов. Однако работа была слишком затруднена из-за отсутствия рабочего места и пишущей машинки. «Ученый секретарь вынужден принимать посетителей на улицах, в скверах и коридорах учреждений. Чтобы оформить членство, ему приходится носить с собой чемодан со всей канцелярией» [3. Л. 27]. Не был решен вопрос с библиотекой. В то время как географическая литература уже поступала из периодических издательств, а из Ленинграда готовы были в любой момент выслать десятки тысяч книг, вопрос о помещении для библиотеки все еще не был решен заместителем председателя Совета Министров ЧАССР. Отсутствие рабочего места и постоянного адреса затрудняло переписку с общественными организациями республики и научными учреждениями за пределами ЧАССР.

Жизнь филиала не проходила и без личностных конфликтов. В ноябре 1967 г. таковой произошел между председателем С.И. Андреевым и ученым секретарем общества П.А. Емелькиным. На внеочередном заседании Ученого совета ЧФ ГО СССР С.И. Андреев отметил, что несогласованность в деятельности П.А. Емелькина тормозит работу филиала. В свою очередь П.А. Емелькин в докладе сказал о том, что «профессор С.И. Андреев, отказываясь от подписи всех бумаг, тормозил работу Президиума, но зато развернул «бурную деятельность» во имя спасения своего престижа» [3. Л. 43]. П.А. Емелькин предложил в целях улучшения работы филиала освободить от выполнения обязанностей председателя Чувашского филиала ГО СССР С.И. Андреева как не оправдавшего доверия действительных членов, а вместо него выбрать кандидата географических наук, Петра Александровича Сидорова [3. Л. 44].

С критикой деятельности филиала выступил и В.Д. Димитриев. Он отметил, что кинолекции являются важным делом, но «израсходовано 1300 руб., но ничего, кроме кинолекций еще не сделано» [3. Л. 45]. По его мнению, ученый секретарь не предпринял ничего для налаживания исследовательской работы филиала, в то время как предприятиям, колхозам и учреждениям было роздано

много обещаний написать их истории. В.Д. Димитриев отмечал: «Лично я с самого начала работы придерживался другой линии работы – налаживать исследовательскую работу и деятельность секций, обходиться без штатных работников, все направить на высококачественную подготовку первого выпуска сборника «Родной край» с участием большинства работников филиала... Вследствие этого, а также из-за перегруженности общественной работой …. я понял, что не могу принести пользы на посту заместителя председателя филиала» [3. Л. 45]. В октябре 1967 г. В.Д. Димитриев попросил освободить его от должности заместителя председателя Президиума и предложил вместо себя кандидат географических наук Петра Александровича Сидорова [1. Л. 49]. Однако в связи с тем, что последний числился в Белорусском филиале общества, в итоге заместителем был избран руководитель секции по топонимике Г.Е. Корнилов. 11 декабря 1967 г. в действительные члены ГО СССР был принят Петр Владимирович Денисов, которому было поручено создать секцию этнографии [2. Л. 31]. Из оплачиваемых штатных должностей осталась только ставка секретаря-счетовода с окладом 60 руб. в месяц. Это было сделано для большей экономии средств и рационализации расходов филиала на более важные цели.

Среди тем лекций, читаемых действительными членами ГО СССР, можно отметить следующие: история развития почв Чувашии, пути повышения их плодородия, эрозия почв и способы борьбы с ней, агропроизводственная характеристика отдельных районов (С.И. Андреев, В.Ф. Пивоваров, В.А. Александров, В.К. Кириллов, Г.Р. Дюкова), земельный кадастр и вопросы бонитировки почвы в ЧАССР, развитие животноводства в разных природно-экономических условиях республики (С.Р. Малютин, Г.А. Максимов), водные ресурсы ЧАССР и возможности их использования, минеральные воды Чебоксарского Поволжья, перспективы нефтеносности в ЧР и др. (П.А. Волков, В.В. Машкин, В.Ф. Буйницкий и др.) [6. Л. 12–14]. По предложению С.И. Андреева издание «Родной край» было переименовано в «Труды Чувашского филиала Географического общества СССР», как более соответствующее статусу организации [6. Л. 9].

На заседании ученого совета ЧФ ГО СССР 25 марта 1968 г. по предложению Г.Е. Корнилова была восстановлена секция исторической географии и топонимики [7. Л. 9], на заседании 4 апреля того же года решался вопрос о кандидатуре руководителя данной секции. П.А. Сидоров выступил с предложением кандидатуры В.Д. Димитриева, доктора исторических наук, так как секция получила другое, более историческое название [7. Л. 9]. В результате руководителем секции исторической географии и топонимики был избран В.Д. Димитриев, а руководителем секции школьной географии и краеведения – Г.Я. Яковлев.

На этом же заседании обсуждался вопрос о должности ученого секретаря. Из материалов протоколов создается впечатление, что желающих на нее было немного. Нагрузка секретаря действительно была ощутимой, заработной платы за нее не полагалось. П.А. Сидоров просил освободить его от обязанностей секретаря и предложил кандидатуру В.Ф. Буйницкого. Однако последний выступил с отводом своей кандидатуры, так как был перегружен на основной работе и его должность предполагает частые командировки. В своих выступлениях С.И. Андреев и И.Е. Ефимов высказались за то, чтобы оставить на должности ученого секретаря П.А. Сидорова, потому что он кандидат географических наук [7. Л. 8]. П.А. Сидоров был оставлен на этой должности, но освобожден от функции издательской деятельности.

На заседании действительных членов Чувашского филиала Географического общества СССР 26 марта 1968 г. П.А. Емелькин предложил на должность председателя филиала кандидата географических наук заведующего кафедрой экономики народного хозяйства Чувашского госуниверситета доцента П.А. Сидорова, который отклонил свою кандидатуру, мотивируя занятостью на основной работе [8. Л. 18]. В ответ на это С.И. Андреев выступил с отводом кандидатуры П.А. Емелькина в члены ученого совета филиала [8. Л. 18]. 16 ноября 1967 г. П.А. Емелькин был освобожден от должности секретаря [8. Л. 24].

Таким образом, к марту 1968 г. в Чувашском филиале было уже 102 действительных члена, среди которых 4 профессора и доктора наук, 17 доцентов и кандидатов наук [8. Л. 25]. Широк был диапазон специальностей: географы (в основном педагоги), почвоведы, геологи, гидрологи, этнографы, историки, экономисты. В составе общества также находилось 13 членов-коллективов: НИИ при Совете министров ЧАССР, архивный отдел при Совете министров ЧАССР, Чебоксарское троллейбусное управление, Тарный завод, Чебоксарский ХБК, Чебоксарский кирпичный завод № 1, Шихазанская психиатрическая больница, Алатырский леспромхоз, Чебоксарская санэпидемстанция, Институт усовершенствования учителей, кинотеатр «Мир», Республиканская больница, Планово-экономический техникум [8. Л. 26]. Завершился первый период существования филиала, характеризовавшийся созданием его кадрового, организационного, функционального, материального и управленческого фундамента.

Литература

1. Государственный архив социальной истории Чувашской Республики (ГАСИ ЧР). Ф. 2712/2336. Оп. 1. Д. 1.
2. ГАСИ ЧР. Ф. 2712/2336. Оп. 1. Д. 2.
3. ГАСИ ЧР. Ф. 2712/2336. Оп. 1. Д. 3.
4. ГАСИ ЧР. Ф. 2712/2336. Оп. 1. Д. 4.
5. ГАСИ ЧР. Ф. 2712/2336. Оп. 1. Д. 7.
6. ГАСИ ЧР. Ф. 2712/2336. Оп. 1. Д. 9.
7. ГАСИ ЧР. Ф. 2712/2336. Оп. 1. Д. 10.
8. ГАСИ ЧР. Ф. 2712/2336. Оп. 1. Д. 11.
9. *Никонорова И.В.* К 10-летию возобновления деятельности Чувашского республиканского отделения Русского географического общества // Региональные географические и экологические исследования: актуальные проблемы: сб. материалов Всерос. молодежной школы-конф. Чебоксары: Интерактив плюс, 2016. С. 11.
10. *Никонорова И.В.* К 170-летнему юбилею Русского географического общества: деятельность Чувашского республиканского отделения // XX век в истории России. Гражданственность и патриотизм народа в годы великих потрясений и мирного строительства: сб. ст. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2016. С. 307.

ШИРОКОВ ОЛЕГ НИКОЛАЕВИЧ – доктор исторических наук, профессор кафедры истории и культуры зарубежных стран, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (oleg_shirokov1970@mail.ru).

ШИРОКОВА МАРИНА АЛЕКСАНДРОВНА – кандидат исторических наук, доцент кафедры природопользования и геоэкологии, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (mlemaeva@mail.ru).

O. SHIROKOV, M. SHIROKOVA

HISTORY OF CREATING THE CHUVASH BRANCH OF THE USSR GEOGRAPHICAL SOCIETY

Key words: *The Chuvash branch of the USSR Geographical society, history of creating, periods of the branch's development, 1967, geographical education.*

The 50th anniversary of the USSR Geographical society branch in Chuvashia is an important milestone in the development of modern Republican branch of the Russian geographical society. The purpose of the study is to analyse the first archival documents introduced for scientific use, covering the process of creating the branch, the task of creating a scientific periodization of the start-up phase of the branch, identifying the major problems that emerged in the way of its organization. In addition to methods of source study analysis, the methodological basis of the work was made by a comparative-historical method, making it possible to get on the path of classification process in drawing up profiles of the history of the organization. Based on studying original sources, the authors of the article came to the key conclusion on establishment in the first period of the branch's functioning its personnel organizational, functional, material and administrative foundation.

References

1. *Gosudarstvennyi arhiv sotcialnoi istorii Chuvashskoi Respubliki. Fond 2712/2336. Opis' 1. Document 1* [State Archives of the Social History of the Chuvash Republic. Archive 2712/2336. Anagraph 1. Document 1].

2. *Gosudarstvennyi arhiv sotcialnoi istorii Chuvashskoi Respubliki. Fond 2712/2336. Opis' 1. Document 2* [State Archives of the Social History of the Chuvash Republic. Archive 2712/2336. Anagraph 1. Document 2].

3. *Gosudarstvennyi arhiv sotcialnoi istorii Chuvashskoi Respubliki. Fond 2712/2336. Opis' 1. Document 3* [State Archives of the Social History of the Chuvash Republic. Archive 2712/2336. Anagraph 1. Document 3].

4. *Gosudarstvennyi arhiv sotcialnoi istorii Chuvashskoi Respubliki. Fond 2712/2336. Opis' 1. Document 4* [State Archives of the Social History of the Chuvash Republic. Archive 2712/2336. Anagraph 1. Document 4].

5. *Gosudarstvennyi arhiv sotcialnoi istorii Chuvashskoi Respubliki. Fond 2712/2336. Opis' 1. Document 4* [State Archives of the Social History of the Chuvash Republic. Archive 2712/2336. Anagraph 1. Document 7].

6. *Gosudarstvennyi arhiv sotcialnoi istorii Chuvashskoi Respubliki. Fond 2712/2336. Opis' 1. Document 9* [State Archives of the Social History of the Chuvash Republic. Archive 2712/2336. Anagraph 1. Document 9].

7. *Gosudarstvennyi arhiv sotcialnoi istorii Chuvashskoi Respubliki. Fond 2712/2336. Opis' 1. Document 10* [State Archives of the Social History of the Chuvash Republic. Archive 2712/2336. Anagraph 1. Document 10].

8. *Gosudarstvennyi arhiv sotcialnoi istorii Chuvashskoi Respubliki. Fond 2712/2336. Opis' 1. Document 11* [State Archives of the Social History of the Chuvash Republic. Archive 2712/2336. Anagraph 1. Document 11].

9. Nikonorova I.V. *K 10-letiyu vozobnovleniya deyatelnosti Chuvashskogo respublikanskogo otdeleniya Russkogo geograficheskogo obshchestva* [To the 10th anniversary of the resumption of the activities of the Chuvash Republican Branch of the Russian Geographical Society]. *Regional'nye geograficheskie i ekologicheskie issledovaniya: aktual'nye problemy: sb. materialov Vseros. molodezhnoi shkoly-konf.* [Proc. of Rus. Youth School-Conf. «Regional Geographical and Environmental Studies: Actual Problems]. Cheboksary, Interactive plus Publ., 2016, pp. 11.

10. Nikonorova I.V. *K 170-letnemu yubileyu Russkogo geograficheskogo obshchestva: deyatelnost Chuvashskogo respublikanskogo otdeleniya* [To the 170th anniversary of the Russian Geographical Society: the activities of the Chuvash Republican Branch]. *XX vek v istorii Rossii. Grazhdanstvennost' i patriotizm naroda v gody velikikh potryasenii i mirnogo stroitel'stva: sb. st* [XX century in the history of Russia. Citizenship and patriotism of the people in the years of great upheavals and peaceful construction: digest of articles]. Cheboksary, Chuvash State University Publ., 2016, pp. 307.

SHIROKOV OLEG – Doctor of Historical Sciences, Professor, Dean of the Faculty of History and Geography, Chuvash State University, Russia, Cheboksary (425954@rambler.ru).

SHIROKOVA MARINA – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Natural Resource Management and Geoecology, Chuvash State University, Russia, Cheboksary (mlemaeva@mail.ru).

Формат цитирования: *Широков О.Н., Широкова М.А.* История создания Чувашского филиала Географического общества СССР // Вестник Чувашского университета. – 2018. – № 2. – С. 160–168.

УДК 94(470.41)
ББК 63.3:65.025

Л.Н. ШОРОНИНА

РАЗВИТИЕ САМОДЕЯТЕЛЬНОГО ТУРИЗМА В ТАССР В СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД (1960–1980 гг.)

Ключевые слова: *туризм, самодеятельный туризм, городской клуб туристов, туристические секции, туристические слеты, путешествия, туристические походы, экскурсионные маршруты, география маршрутов, туристские кадры.*

В статье освещаются основные этапы развития самодеятельного туризма в ТАССР в 1960–1980 гг. на основании архивных документов Национального архива Республики Татарстан. Самодеятельный туризм рассматривается как одно из приоритетных направлений туризма в данный период в республике. Анализируется деятельность городского клуба туристов Казани и районных клубов, туристических секций. Показаны виды и мероприятия по самодеятельному туризму, география маршрутов, направления республиканских и городских слетов, контингент участников и результаты соревнований. Определены роль и значение самодеятельного туризма в развитии туристической сферы в республике. Рассмотрена роль профсоюзов и комсомольских организаций в развитии самодеятельного туризма. Автором затронут вопрос о деятельности Татарского областного совета по туризму и экскурсиям, организации, которая способствовала развитию туристско-экскурсионного дела, в том числе и самодеятельного туризма в республике. В центре внимания работы находится деятельность городских турклубов Казани и республики. Определены основные этапы развития самодеятельного туризма в республике. На 1960-е годы приходится период организации и становления различных турклубов и турсекций. В 1970–1980-е гг. происходит активизация их деятельности. В результате исследования проведен статистический и качественный анализ участников турклубов и турслетов. Отмечаются деятельность детских туристических организаций в развитии самодеятельного туризма, участие их в турпоходах и слетах. Изучена проблема туристических кадров и организаторов самодеятельного туризма. Проанализированы результаты туристических слетов и соревнований. Рассмотрены недостатки в этой сфере туризма и способы их устранения. Показана пропаганда самодеятельного туризма в средствах массовой информации. На основании изученных архивных документов и материалов показано значение самодеятельного туризма в воспитательной и оздоровительной работе с трудящимися и молодежью.

В 1960–1980 гг. туризм в СССР становится массовым явлением в общественной и социально-культурной жизни. Путешествия, походы, экскурсии стали одним из любимых видов отдыха советских людей.

Само понятие «туризм» вошло в обиход еще в XIX в., но свое развитие оно получило во второй половине XX в. [1]. Существуют разные определения этого термина. Более широкое понятие туризма можно найти в Федеральном законе от 3 мая 2012 г. «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации». Этот закон дает развернутое понятие туризму, который гласит, что «туризм – это временные выезды (путешествия) граждан Российской Федерации, иностранных граждан и лиц без гражданства с постоянного места жительства в оздоровительных, познавательных, профессионально-деловых, спортивных, религиозных и иных целях без занятия оплачиваемой деятельностью в стране (месте) временного пребывания[1].

[1] Об основах туристской деятельности в Российской Федерации: Фед. закон от 03.05.2012 № 47-ФЗ [Электронный ресурс]. // Справ.-прав. система «Консультант плюс»: сайт. URL: http://base.consultant.ru/cons/cgi2/online.cgi?red=doc;base=LAW;n=129632.

Возросшее социальное значение туризма как одной из форм осуществления права граждан на отдых закреплено в Конституции СССР, что свидетельствует о его государственной важности[1].

В советское время КПСС, правительство, профсоюзы уделяли особое значение туризму, что подтверждается многочисленными постановлениями того времени [3. С. 53–62].

Крупнейшей организацией по руководству массовым туризмом в СССР был Центральный совет по туризму и экскурсиям, который работал под руководством ВЦСПС. В состав Центрального, республиканских, краевых, областных и городских советов по туризму и экскурсиям входили представители профсоюзных, комсомольских, туристско-экскурсионных и физкультурных организаций, ведомств и туристского актива. Центральный и местные советы по туризму и экскурсиям организовывали туристские и экскурсионные маршруты, определяли стоимость путевок, реализовывали их [11. С. 7]. Бюро путешествий и экскурсий организовывали поездки советских туристов по СССР, их обслуживание на местах и осуществляли широкую экскурсионную программу [2. С. 43–48].

В советский период широкое развитие получил самодеятельный туризм. Туристы сами разрабатывали маршруты по различным направлениям. Активисты туристических секций, изучив литературу и географию маршрута, самостоятельно обеспечивали материальную часть, хозяйственно-бытовое и туристическое обслуживание. Необходимую помощь им в этом оказывали советы по туризму и экскурсиям, городские туристские клубы и секции при коллективах физкультуры.

Еще в 1930-е гг. был учрежден общественный орган – Всесоюзная федерация по туризму, которая способствовала координации действий по развитию самодеятельного туризма и методической помощи туристским объединениям. Так в журнале «Турист-активист» регулярно давались советы по организации туристских походов и путешествий: «Прежде чем отправляться в путешествие, группа туристов за несколько месяцев должна подробно разработать план своего путешествия» [8. С. 25].

Самодеятельный туризм нередко носил исследовательский характер. Туристы отправлялись в турпоходы с целью изучения малоисследованных объектов в разные уголки страны [7. С. 129]. Информацию о таких турпоходах можно было встретить в журналах «На суше и на море» [6] и «Турист-активист» [10], издаваемых с 30-х гг. XX в. В периодике прописывались разные турмаршруты, как всесоюзные, так и местные. В этих изданиях предлагались рекомендации по организации любительского туризма и подготовке к турпоходу, описывались виды самодеятельного туризма. Необходимо отметить, что в 1930-е годы самодеятельный туризм только еще зарождался.

В 1950-е гг. в Казани организуются первые турклубы. В Казани еще в 1952 г. первым в Татарии, наряду с городским туристским клубом, был открыт турклуб КАИ. Студенты – туристы Казанского авиационного института – совершали различные путешествия по марийским лесам и озерам, по Кировской области, по Уралу, Крыму. При клубе КАИ работала секция спортивного ориентирования [9].

Целенаправленно и планомерно работа по развитию самодеятельного туризма стала осуществляться в 1960-е гг., когда в 1964 г. был создан Татар-

[1] Конституция СССР. М.: Политиздат, 1977.

ский областной совет по туризму и экскурсиям. Совет разработал первый план развития туризма в республике, в том числе и план по самодеятельному туризму, организации турклубов и турсекций [4. Д. 3. Л. 1–2].

Особенно основательным был план на 1967 г., который рассматривался в свете постановлений ЦК КПСС и СМ СССР в связи с подготовкой и проведением 50-летия Великой Октябрьской социалистической революции. В связи с подготовкой к этой дате мероприятия готовились особенно тщательно, так как в советский период идеология играла важную роль. Пропаганда советского образа жизни отражалась и на туристско-экскурсионном деле, в деятельности самодеятельного туризма.

В плане основных мероприятий по дальнейшему развитию туризма в республике к 50-летнему юбилею Октябрьской революции в разделе по самодеятельному туризму было намечено с помощью партийных, советских, профсоюзных, комсомольских и физкультурных организаций довести охват различными формами туристического отдыха в 1967 г. до 700 тыс. человек (в том числе в походах выходного дня до 350 тыс. человек). Рекомендовано было подготовить 3000 разрядников по разным видам туризма, вручить активным участникам турпоходов 20 тыс. значков «Турист СССР», организовать 159 пунктов проката туристского снаряжения, довести количество турсекций до 600, клубов туристов до 32 [4. Д. 25. Л. 1–2].

Определенные результаты по развитию самодеятельного туризма в республике были отмечены уже к началу 1970 г. К этому времени были проведены походы по местам революционной, боевой и трудовой славы советского народа, выросло количество туристов. Широкое развитие получило в республике ориентирование на местности. Так, по сравнению с 1969 г. количество систематически занимающихся в туристических секциях возросло с 46 тыс. человек до 68 тыс. человек. Выросло также количество спортивно-туристских лагерей. На период 1967 г. их было 86, стало 120. Вместе с тем были и определенные недостатки в организации туристических секций клубов Казани и районов республики [5. Д. 494. Л. 14–15].

В целях дальнейшего развития самодеятельного туризма в республике намечены были различные мероприятия. Согласно постановлению «О мерах по дальнейшему развитию самодеятельного туризма в республике» на 1971–1975 гг., бюро обкома ВЛКСМ, президиум Татарского областного совета профсоюзов, комитет по физической культуре и спорту при Совете Министров постановили активизировать самодеятельный туризм, расширить количество турсекций, разработать маршруты походов по местам боевой, революционной, трудовой славы на территории ТАССР, организовать республиканский слет туристов.

Главной задачей в работе турсекций и турклубов в советский период являлось воспитание молодежи в духе революционных и боевых традиций. В связи с этим секциям по туризму давались задания по привлечению комсомольцев и молодежи для участия во всесоюзных походах по местам революционной, боевой и трудовой славы советского народа и на территории ТАССР. Также было намечено проводить регулярно слеты туристов в честь знаменательных дат, выпускать брошюры с описанием всех походов по ТАССР, в Казанском клубе туристов создать фонд по туризму, выпустить значок «Турист ТАССР».

Несмотря на развитие самодеятельного туризма в 1970-е гг., этот вид деятельности еще не получил должного развития и массовости в республике,

особенно среди молодежи. «Из 36 тыс. студентов дневных вузов активно туризмом занимались только 4825 человек» [5. Д. 494. Л. 15].

Определенной критике Советом профсоюзов подвергался и сам областной совет по туризму и экскурсиям, который слабо еще занимался укреплением существующих и созданием новых клубов туристов в районах, недостаточно уделялось внимание разработке новых маршрутов. В связи с этим, придавая особое значение развитию самодеятельного туризма как средства воспитания, оздоровления и физического развития трудящихся и молодежи, президиум Татарского областного совета профсоюзов принял очередные меры по развитию самодеятельного туризма на 1971–1975 гг. Был сделан акцент на необходимости дальнейшего расширения этого вида туризма, дальнейшего вовлечения трудящихся в походы и многодневные путешествия, на участие в туристических слетах и соревнованиях. Предполагалось к 1975 г. охватить в походах выходного дня до 200 тыс. человек, довести количество секций до 800, занимающихся туризмом – до 160 тыс. человек. Предусматривалось создание турклубов в других городах республики – в Лениногорске, Мензелинске, Мамадыше, Кукморе, Буинске, Агрызе [5. Д. 494. Л. 16].

Особо остро стоял вопрос о туристских кадрах. В связи с этим рекомендовано было проводить семинары для туристских организаторов, руководителей путешествий и турпоходов, председателей туристических секций и судей по соревнованиям различных видов туризма. Все эти мероприятия проходили под эгидой Татарского областного совета по туризму и экскурсиям. Контроль за проведением и реализацией намеченных мероприятий возлагался на горком, райкомы комсомола и первичные комсомольские организации.

Пропаганда самодеятельного туризма отражалась в средствах местной массовой информации, газетах «Комсомолец Татарии», «Татарстан Яшьляре», на радио, телевидении. Эта пропаганда и агитация самодеятельного туризма дала определенные результаты.

К концу 1970 – началу 1980-х гг. в республике активно развиваются различные виды самодеятельного туризма. Команды из Татарии в 1979 г. участвовали во Всесоюзном соревновании на лучшее турпутешествие, в первенстве ТАССР по технике лыжного туризма, по технике горного туризма, водного туризма, велосипедного туризма, спелеотуризма.

В 1982 г. делегация из республики принимала участие во Всесоюзном походе комсомольцев и молодежи по местам революционной, боевой и трудовой славы Коммунистической партии и советского народа .

К работе по развитию самодеятельного туризма была подключена и Республиканская станция юных туристов. При этой станции работал методический кабинет, который разрабатывал планы и программы по самодеятельному туризму среди школьников. Были разработаны маршруты походов по ТАССР, составлены картотеки категорийных, повышенной сложности походов для школьников Татарии по территории СССР, создана библиотека из учебно-методической литературы и отчетов. Регулярно проводились консультации с руководителями туристских групп по организации турпоходов со школьниками, проводилась профилактическая работа с группами по обеспечению безопасности. Определенные результаты в самодеятельном туризме среди школьников отмечаются в 1980-е гг.

Так, в 1980 г. было присвоено: спортивных разрядов – 291; значков «Турист СССР» – 891; значков «Юный турист» – 256, налажены связи с мар-

шрутно-квалификационными комиссиями Казани, Кишинева, Алма-Аты, Горького, Уфы. В том же году был проведен республиканский конкурс на лучшее туристское путешествие [4. Д. 186].

В 1980-е гг. заметно активизировалась деятельность Казанского туристского клуба. В 1982 г. Казанский городской клуб туристов был удостоен диплома III степени Центрального совета по туризму и экскурсиям. Под руководством Татарского областного совета по туризму и экскурсиям, который проводил большую работу по организации комсомольцев и молодежи по местам революционной, боевой и трудовой славы Коммунистической партии и советского народа. Клуб туристов разработал 68 маршрутов по родному краю, которыми пользовались туристские секции коллективов физкультуры, предприятий, учебных заведений при сдаче норм ГТО [4. Д. 231. Л. 29–30].

В 1980-е гг. заметно увеличилось количество проводимых туристских мероприятий. В 1987 г. было проведено городским клубом 15 массово-туристских мероприятий с общим охватом 3000 человек. Прошли слеты туристов, первенство города по горному туризму.

При Казанском клубе туристов на тот период было зарегистрировано 30 турсекций и турклубов предприятий и учебных заведений. Казанский городской клуб осуществлял подготовку команд для участия в различных первенствах, соревнованиях. В 1987 г. Казанским туристским клубом была организована школа туризма для подготовки кадров. Проводились семинары по разным видам туризма, составлялись учебные планы, подбирались лекторы.

Работа по самодеятельному туризму проходила согласно календарным планам массовых мероприятий. Так, в 1989 г. было проведено 14 заседаний президиума Федерации туризма ТАССР, 12 заседаний комиссий по различным видам туризма. Увеличилось количество мастеров спорта по спортивному туризму. Так, за один только 1989 год было подготовлено 4 мастера спорта по спортивному туризму.

Казанский городской клуб оказывал практическую помощь другим клубам республики в Зеленодольске, Елабуге, Бугульме, Альметьевске. В этих городах также проводились соревнования и турслеты.

Команды республики активно участвовали во многих спортивных соревнованиях. В 1989 г. сборная ТАССР по лыжному туризму участвовала во всероссийских соревнованиях в Тульской области. Команда ТАССР по горному туризму завоевала призовые места в матчевой встрече городов РСФСР в Чебоксарах в том же году. 1989 год был насыщен различными спортивными мероприятиями. Делегация из ТАССР принимала участие во Всероссийском слете туристов в Краснодаре. Команда по велосипедному туризму завоевала 1-е место, по водному туризму – 6-е место.

В республике прошло открытое первенство ТАССР по горному туризму, в котором участвовало 11 команд из республики; слет турклубов Татарии; слет семейного туризма. В целом за 1989 г. было проведено 225 категорийных, повышенной сложности походов и некатегорийных походов, туров выходного дня, в которых участвовали 2010 туристов-спортсменов. Были совершены также учебные походы по районам Татарии, Марийской республики, Карелии, Карпат, поход велотуристов – «ВелоКрым»-89 [4. Д. 377. Л. 19–21].

Для активизации самодеятельного туризма привлекались различные организации и общества. В системе самодеятельного туризма важную роль выполняли федерации туризма, создаваемые при областных и республиканских со-

ветах. Непосредственную координацию деятельности осуществляли турклубы, добровольные спортивные общества, профсоюзные и комсомольские организации. Федерация Татарии оказывала практическую помощь в развитии туризма в республике и вела широкую пропаганду самодеятельного туризма. Одной из важнейших задач федераций, в том числе федерации ТАССР, были воспитание и подготовка туристских кадров. Идейно-политическая и общественно полезная работа проводилась непосредственно в туристских походах по местам революционной, боевой и трудовой славы, в которых принимало участие огромное количество молодежи из разных уголков страны.

Анализируя исторические источники советского времени, мы можем утверждать, что самодеятельный туризм в ТАССР достиг массовости и определенного уровня развития по различным его видам в 1960–1980 гг. Изучая архивные документы и материалы, мы пришли к выводу, что в республике придавалось большое значение этому виду туризма как одному из направлений оздоровительной и воспитательной работы с молодежью и трудящимися. К сожалению, в современных условиях самодеятельный туризм не имеет той массовости и подъема, которых он достиг в советское время. В связи с этим в современных условиях является актуальным возрождение туристских походов и путешествий, туризма без путевок. Самодеятельный туризм может обеспечить отдых, физическое, спортивное развитие, расширить кругозор. Опыт широкого развития самодеятельного туризма в ТАССР в советский период, а именно в 1960–1980 гг., может способствовать возрождению этого вида туризма.

Литература

1. *Дворниченко В.В.* Развитие туризма в СССР (1917–1983). М.: ЦРИБ Турист, 1985. 231 с.
2. *Долженко Г.П.* Экскурсионное дело. М.: МарТ, 2006. 299 с.
3. *Дьякова Р.А., Емельянов Б.В.* Основы экскурсоведения. М.: Просвещение, 1985. 251 с.
4. Национальный архив Республики Татарстан (далее – НА РТ). Ф. Р1110. Оп. 3.
5. НА РТ Ф. Р100. Оп. 3.
6. На суше и на море. М.: ОГИЗ Физкультура и туризм, 1930–1935.
7. *Орлова И.Б., Юрчикова Е.В.* Массовый туризм в сталинской повседневности. М.: РОССПЭН. 2010. 224 с.
8. *Соколова В.* Опыт работы. Планирование самодеятельного туристского путешествия // Турист-активист. 1932. № 4. С. 25.
9. *Соснин Л.* Не заросла туристская тропа // Казанские ведомости. 1994. 6 авг.
10. Турист-активист. М.: ОГИЗ Физкультура и туризм. 1931–1936.
11. *Хуусконен Н.М., Глушанюк Т.М.* Практика экскурсионной деятельности. СПб.: Изд. Невский Фонд, 2008. 196 с.

ШОРОНИНА ЛЮДМИЛА НИКОЛАЕВНА – экскурсовод высшей категории, член Гильдии экскурсоводов Казани; соискатель ученой степени кандидата исторических наук кафедры отечественной истории, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Россия, Казань (ekssho@mail.ru).

L. SHORONINA

DEVELOPMENT OF INDEPENDENT TOURISM IN TATARSTAN IN THE SOVIET PERIOD (1960–1980)

Key words: *tourism, independent tourism, city tourist club, tourist sections, tourist gatherings, journeys, tourist trips, excursion routes, geography of routes, tourist personnel.*

The article describes the main stages in development of independent tourism in TASSR in the 60s–80s of the 20th century on the basis of archive documents from the National Archive of the

Republic of Tatarstan. Independent tourism is viewed as one of the priority types of tourism in the Republic at that period. The activity of Kazan city tourist club and district clubs and sections is analyzed. The types and activities of independent tourism are shown, as well as geography of routes, themes of Republic and city gatherings, the contingent of participants and the results of competitions. The role and significance of independent tourism in the development of tourist sphere in the Republic are defined. The role of trade unions and komsomol organizations in independent tourism development is examined. The author touches upon the issue of the activity of Tatar regional council on tourism and excursions – the organization which contributed to the development of tourist-excursion business, including independent tourism, in the Republic. The study focuses on functioning of various tourist clubs of Kazan and the Republic of Tatarstan. The main stages of independent tourism development in the republic are defined. 1960s are the period of organization and shaping of various tourist clubs and sections. In the 1970s – 1980s their performance was activated. The study gives a statistical and qualitative analysis of participants of tourist clubs and gatherings. Performance of children's tourist organizations in independent tourism development is highlighted as well as their participation in trips and gatherings. The problem of tourism personnel and organizers of independent tourism is studied. The results of tourist gatherings and competitions are analyzed. Drawbacks in this sphere of tourism are reviewed, as well as the ways for their overcoming. Promotion of independent tourism in mass media is also shown. Basing on studied archive documents and materials, the author shows the role of independent tourism in educational and health-improving work with adults and the youth.

References

1. Dvornichenko V.V. *Razvitie tyrizma v SSSR (1917–1983)* [Development of tourism in the USSR (1917–1983)]. Moscow, 1985, 231 p.

2. Dolzhenko G.P. *Ekskursionnoe delo. Uchebnoe posobie* [Excursion business]. Moscow, MarT Publ., 2006, 299 p.

3. Dyakova R.A., Emelyanov B.V. *Osnovyy ekskyrsovedeniiy* [Basics of escursology]. Moscow, 1985, 251 p.

4. *Natsinal'nyjy arhiv Respubliki Tatarstan. Fond R1110. Opis 3* [The National Archives of the Tatar Repablik. Archives R1110. Anagraph 3].

5. *Natsinal'nyjy arhiv Respubliki Tatarstan. Fond R100. Opis* 3 [The National Archives of the Tatar Repablik. Archives R100. Anagraph 3].

6. *Na sushe i na more* [On the land and at the sea]. Moscow, 1930–1935.

7. Orlova I.B., Yurchikova E.V. *Massovyi turism v stalinskoi povsednevnosti* [Mass tourism in Stalin's everyday life]. Moscow, 2010. 224 p.

8. Sokolova V. *Opyt raboty. Planirovanie samodeyatel'nogo turistskogo puteshestviya* [Experience. Amateur tourism planning]. *Turist-aktivist*, 1932, no. 4, p. 25.

9. Sosnin L. *Ne zarosla turistskaya tropa* [The hiking trail was not overgrown]. *Kazanskie vedomosti*, 1994, Aug. 6.

10. *Tourist-aktivist* [Tourist-activist]. Moscow, 1931–1936.

11. Khuuskonen N.M., Glushanyuk T.M. *Praktika ekskursionnoi deyatel'nosti* [Practice of excursion]. St. Petersburg, 2008, 196 p.

SHORONINA LUDMILA – Tourist Guide of the Higheast Category, Member of the Guides' Guild of the Republic of Tatarstan; Aspirant Candidate of Historical Sciences, Department of Russian History, Kazan Federal University, Russia, Kazan (ekssho@mail.ru).

Формат цитирования: *Шоронина Л.Н.* Развитие самодеятельного туризма в ТАССР в советский период (1960–1980 гг.) // Вестник Чувашского университета. – 2018. – № 2. – С. 169–175.

УДК 811.161.1
ББК Ш12=432.1*008.51

А.Г. АБРАМОВА, Т.Ю. ГУРЬЯНОВА, К.В. ФАДЕЕВА

О СИНТАКСИЧЕСКИХ СВЯЗЯХ В СРАВНИТЕЛЬНЫХ КОНСТРУКЦИЯХ

Ключевые слова: *сравнительная конструкция, синтаксическая связь, придаточное предложение, коррелят, сравнение.*

Данная статья посвящена переосмыслению синтаксических связей в сравнительных конструкциях. Каждая из форм категории степеней сравнения обладает своим специфическим значением, и с общим категориальным значением сравнения каждая из них связана по-разному. Значение формы сравнительной степени заключается в указании степени интенсивности признака относительно признака в другом предмете. Форма сравнительной степени прилагательного обозначает неопределенную степень признака и является менее категорической, прямой, чем положительная степень. Относительность повышения признака, выраженного сравнительной степенью, обусловлена тем, что оно зависит от соответствующего признака в другом предмете. Сравнительные конструкции с союзами «as» и «than» сходны, так как эти союзы передают сравнение, но союз «as» вводит сравнительно-сопоставительный оборот, в то время как союз «than» – сравнительно-противопоставительный оборот. Обороты с союзом «than» имеют количественное значение. Они всегда указывают на степень качества независимо от их вида, поскольку они сопоставляют объекты, явления и т.д. с неодинаковой мерой этого качества. Довольно часто в сравнительной конструкции происходит переосмысление синтаксических связей. Оно охватывает ключевые синтаксические единицы сравнительной конструкции. В результате переосмысления появляются следующие сочетания, приближающиеся к служебным частям речи или совпадающие с ними: 1) эквиваленты сочинительных союзов; 2) эквиваленты усилительных частиц; 3) эквиваленты предлогов.

Конструкции с союзами *as* и *than* имеют сходное строение и могут употребляться параллельно: (1) *Frisco was aware of this:* ***as*** *hard and ruthless in his business deals* ***as*** *any foreign speculator and more clearsighted and confident* ***than*** *many* [29]. Оба союза передают сравнение, но *as* выражает подобие, и вводимый им оборот можно назвать сравнительно-сопоставительным, а *than* подчеркивает различие или несоответствие, так что вводимому им обороту можно дать название сравнительно-противопоставительного оборота.

В языковедческой литературе имеется два основных подхода к синтаксису сравнительных оборотов.

Первое направление в изучении синтаксиса сравнительных оборотов заключается в том, что они рассматриваются как результат эллипса придаточного предложения [4. С. 150–155; 25. С. 171]. Для того чтобы проанализировать предложения: *He likes her as well as I; He likes her as well as me; He likes her better than I*, Р. Пенс считает необходимым дополнить их до вида: *He likes her as well as I like her; He likes her as well as he likes me; He likes her better than I like her* [31. С. 132].

Взгляд этот имеет то преимущество, что придаточные предложения и различного рода обороты получают единое, системное и достаточно простое истолкование. Учитывается различие между оборотами *as (than) I, as (than) me, as (than) in town, as (than) yesterday* и т.д. Этим объясняется тот факт, что теория эллипса, пропущенных позиций, редукции предложения или нулевых

членов имела и имеет большое число последователей среди лингвистов различных направлений, включая новейшие школы.

Однако теория эллипса придаточного предложения вызывает ряд возражений. Многие языковеды не согласны считать построения с подчинительными союзами типа *if necessary, though troublesome, as if singing aloud* и т.д. осколками придаточных предложений. В английском языке последних веков эти построения имеют широкое распространение в самых разных стилях, включая научный, канцелярско-деловой и публицистический, а эллипс, как известно, характерен в первую очередь для устной диалогической речи.

В отношении сравнительных оборотов с союзами *as* и *than* теория эллипса вызывает дополнительные возражения.

Во-первых, в отличие от других оборотов с подчинительными союзами, сравнительные обороты были распространены уже в древнеанглийских и некоторых древнегерманских памятниках, так что их генезис из придаточных предложений вряд ли может быть доказан.

Во-вторых, в современном английском языке сравнительные обороты употребительнее сравнительных придаточных предложений [27. С. 57]. Возникает сомнение в целесообразности сведения более обычных конструкций к менее распространенным при чисто синхроническом подходе.

В-третьих, союзы *as* и *than* широко распространены в таких построениях, в которых восстановление пропущенных членов придаточного предложения становится либо искусственным, либо невозможным.

Второе направление в изучении синтаксиса сравнительных оборотов заключается в том, что авторы рассматривают сравнительные и другие построения обсуждаемого вида с подчинительными союзами как обороты [27. С. 57–59; 32. С. 126].

Однако теория сравнительного оборота разработана недостаточно. Какая разница, например, между *as you* и *as yesterday*? В синтаксических работах по английскому языку этот вопрос даже не ставился, а в публикациях по русскому языку, в котором за последние годы сравнительные обороты изучены очень подробно, можно найти ряд неясностей и противоречий. Например, А.Г. Руднев считает, что в предложении «Глаза Остапа Григорьевича засветились, *как у дочери*» сравнительный оборот является обстоятельством образа действия на том основании, что он вводится союзом «как»; а в другом примере «Из глубины сада тянуло душным теплом, *как из печи*» сравнительный оборот расценивается как обстоятельство места, поскольку «из печи» соотносится со словосочетанием «из глубины сада» [6. С. 85–86].

Л.А. Киселева находит атрибутивную функцию оборота в трех совершенно различных и никак не сопоставимых конструкциях [2. С. 136–137]. «Репочки и морковочки, точно игрушечки» (здесь, очевидно, учитывается связь всего оборота, включая союз, с господствующим именем); «...на своих длинных, *точно журавлиных ногах*» (атрибутивная функция устанавливается по соотношению опорного слова оборота с определением главной части «длинных», не принимается во внимание союз «точно»); «Матрена, белая как полотно...» (определением является не сравнительный оборот и не его опорное слово, а господствующее слово «белая» в главной части).

Если отказаться от теории эллипса, то следует взамен ее предложить достаточно полное и дифференцированное описание оборотов. Кроме того, новая схема должна иметь какие-то преимущества перед старой, должна

проливать свет на вопросы, которые не могут найти достаточно четкой интерпретации в рамках прежней теории, иначе смена теорий неоправданна. Постараемся наметить схему для полного описания сравнительного оборота в рамках общепринятой теории членов предложения.

Согласно предлагаемой точке зрения, весь оборот рассматривается как член главной части, зависящий от какого-то слова, называемого господствующим. Синтаксическая связь между господствующим словом и оборотом не зависит от внутреннего строения оборота, не отличается от связи сравнительного придаточного предложения и выражается союзом. Эту синтаксическую связь можно назвать связью А.

Рассмотрим примеры. В предложении (2) сравнительный оборот является по линии связи А обстоятельством образа действия к сказуемому *run*, а в (3) – обстоятельством меры и степени к предикативному определению *steady*: (2) *From that night the thousand streets ran* ***as one street*** [17]; (3) *...she greeted him steady* ***as a rock*** [19].

Сравнительно-сопоставительные обороты могут связываться с главной частью также с помощью коррелятов *as, so, such, (the) same*, а сравнительно-противопоставительные – исключительно с помощью коррелята, которым служит морфема сравнительной степени. Коррелят представляет собой оборот в главной части, а оборот или придаточное предложение – это специальное средство наполнения коррелята конкретным содержанием. Поэтому коррелят, выраженный словами местоименного или релятивного содержания, вместе с оборотом образует один член предложения (чаще всего с разрывом линейной непрерывности) и представляет связь А оборота.

Несмотря на разное строение оборотов в примерах (4), (5) и (6), по линии связи А все они являются обстоятельствами меры и степени к предикативному члену, что выражено коррелятом *so*: (4) *...nothing* ***so*** *fatal* ***as*** *delay in such matters* [20]; (5) *…he is by no means* ***so*** *skilful in designing* ***as in filling up*** [23]; (6) *It was never* ***so*** *noisy at night* ***as now*** [9].

Точно так же сравнительные обороты в примерах (7) и (8) по линии связи А являются обстоятельствами меры и степени к предикативному члену: (7) *…anything is better* ***than being at home*** [8]; (8) *She was more interested in the little crowd* ***than in the picture*** [26].

Кроме связи А мы различаем в обороте еще связь Б между опорным членом оборота и каким-либо членом главной части, именуемым сопоставляемым членом. Связь Б устанавливается помимо союза (а поэтому может быть одинаковой у союзов *as* и *than*) и заключается в соподчинении и одинаковых связях опорного и сопоставляемого членов с каким-то словом в главной части. Именно связь Б определяет, с каким членом предложения сопоставляется сравнительный оборот и какова его внутренняя структура. В примере (4) сочинительная связь Б связывает *delay* с *nothing*, в (7) – *being at home* с *anything*, т.е. опорный член оборота с подлежащим. В примерах (5) и (8) опорный член оборота соподчинен словами *skilful* и *interested* с предложным дополнением, соответственно *in designing* и *in the little crowd*, что составляет здесь сущность связи Б. В примере (6) опорный член соотносится с обстоятельством времени. Связь Б наличествует и в том случае, когда в главной части отсутствует сопоставляемый член, если он ясен из ситуации. Особенно часто не выражено обстоятельство времени, очевидное из видовременных форм глагола, например: (9) *You're looking a lot better than on Sunday*

[22]. Роль связи Б особенно хорошо видна в двусмысленных примерах: (10) *Ranger also would have passed me as near as the fox, but I spoke to him* [33]; (11) *You know him better than anyone* [19].

*И*з (10) ясно, что автор был неподвижен, а собака Рейнджер двигалась, но не ясно, как вела себя лиса. Это зависит от того, с чем связан опорный член (*the fox*) по линии связи Б: с подлежащим (*Ranger*) или с прямым дополнением (*me*). В (11) возникает такая же двузначность в зависимости от того, связан ли опорный член *anyone* с подлежащим *you* или же связь Б устанавливается с прямым дополнением *him*.

Учет связей А и Б сравнительного оборота позволяет дать полное и систематическое описание сравнительных конструкций. Каждому примеру отводится определенное место в системе двух взаимно пересекающихся координат. Выделение одновременно двух или, возможно, нескольких пересекающихся синтаксических связей в одном и том же элементе предложения может служить одним из путей развития теории членов предложения вообще. В сравнительных оборотах такой подход имеет то преимущество, что он объясняет особенности отдельных построений исходя из всей системы и показывает общие черты сравнительно-сопоставительной и сравнительно-противопоставительной конструкций. Кроме того, связи А и Б могут помочь при объяснении некоторых построений, ассоциированных с переосмыслением синтаксических связей. Удобство заключается в том, что мы остаемся в рамках классической (школьной) грамматики. Перейдем к описанию этих построений.

Довольно часто в сравнительной конструкции происходит переосмысление синтаксических связей. Это переосмысление охватывает ключевые синтаксические единицы сравнительной конструкции: оборот с его опорным членом и сравнительным союзом (господствующее слово, от которого оборот зависит по линии связи А, коррелят) и сопоставляемый член, с которым опорный член связан по линии связи Б. В результате переосмысления появляются следующие сочетания, приближающиеся к служебным частям речи или совпадающие с ними: I. Эквиваленты сочинительных союзов; II. Эквиваленты усилительных частиц; III. Эквиваленты предлогов.

Рассмотрим каждый из них в отдельности.

I. Как отмечалось, связь Б, т.е. отношение между опорным членом оборота и сопоставляемым членом, заключается в их соподчинении одному и тому же слову в главной части. Поэтому эти два члена приближаются к однородным членам предложения. Именно так они характеризуются некоторыми грамматиками [7. С. 93; 25. С. 90; 10. С. 283]. Однако с этим мнением трудно полностью согласиться, потому что опорный член входит в оборот, который связан с главной частью предложения еще иной связью, связью А, в то время как сопоставляемый член лишен этой связи. Для того чтобы опорный и сопоставляемый члены оказались однородными, связь А должна исчезнуть. Выясним условия, при которых она исчезает.

1. Слово *well* «хорошо» обычно выполняет функцию обстоятельства образа действия при глаголе-сказуемом, а сравнительно-сопоставительный оборот, связанный с ним при помощи коррелята *as*, служит его обстоятельством меры и степени, например: (12) *«What do they want then?»; «You know as well as I»* [21]. Но слово *well* может потерять свое лексическое значение. Тогда оно не будет отвечать ни на какой вопрос, перестанет быть членом предложения и, естественно, не сможет иметь зависимых членов, т.е. связь А

зависимого от него оборота исчезнет. В описанных условиях сопоставляемый и опорный члены превратятся в однородные члены предложения, а опустошенное лексически слово *well* с коррелятом и сравнительным союзом образует средство их связи – эквивалент сочинительного союза с присоединительным значением: (13) *… Dinny knew that Clare was coming* ***as well as*** *Michael and Fleur…* [19]; (14) *You might* ***as well*** *talk to a sheep* ***as*** *to an artmanager* [26]. Так появляется сложный союз *as well as* и парный *as well ... as*.

Первый из них часто располагается между однородными членами предложения: (15) *…now it had become a permanent part of their lives* ***as well as*** *of their experiences…* [17]. В этом случае многочисленные авторы считают его сочинительным союзом [5. С. 440; 1. С. 206].

2. Приблизительно так же исчезает первоначальное лексическое значение *rather* в сравнительно-противопоставительной конструкции, хотя здесь отрыв от наречия не всегда заходит так далеко. Употребленное отдельно, без сравнительного оборота, *rather* может отвечать на вопрос *To what degree?* и расцениваться как знаменательное слово [35. С. 55] – обстоятельство меры или степени.

Изредка *rather* принимает зависимые слова: (16) *Then I would* ***much*** *rather have had no apology from you than know I owed it to any feeling of yours for one of my own family* [19].

Но лексическое значение *rather* настолько ослаблено, что связанный с ним сравнительно-противопоставительный оборот часто трудно оценить как обстоятельство меры и степени. Во многих случаях предпочтителен иной анализ: не считаться со связью А вообще, расценивать сопоставляемый и опорный члены как однородные члены предложения, а *rather* и *than* – как эквиваленты сочинительного союза, составного (17) или парного (18) (ср. *as well as* и *as well ... as*): (17) *… she had become more* ***rather than*** *less dear to his heart* [28]; (18) *His painting was* ***rather*** *liability* ***than*** *an asset* [8].

Образование эквивалентов сочинительных союзов особенно убедительно, если *rather than* находится между связуемыми словами, а *rather* и *than* – перед ними. В этих условиях *rather* окончательно отрывается от наречия, теряет свое исходное лексическое значение и не может принимать зависимых слов. Основное значение составного союза – предпочтение, а парного – противопоставление. Ср.: (19) *His lips formed the word* ***rather than*** *spoke it* [22]; (20) *These preliminary directions …* ***rather*** *increased* ***than*** *diminished the painful agitation…* [11].

3. Слова *much* и *little* имеют очень общее значение количества. Они широко употребляются в сравнительных конструкциях, особенно *much*. Когда они расположены контактно между коррелятом и сравнительным союзом, они могут расцениваться как эквиваленты сочинительных союзов: парных *not so much … as, as much … as, more … than, less … than* или составных *as much as, more than*.

Ср.: (21) *“Yes”, murmured June, doubtfully,* ***not so much*** *from doubt* ***as*** *from not having suggested it herself* [21]; (22) *Dinny’s heart began to ache –* ***as much*** *for him* ***as*** *for Diana* [19]; (23) *He staggered into the “Coach and Horses”* ***more*** *dead* ***than*** *alive...* [34]; (24) *...this morning he viewed it* ***less*** *with pride* ***than*** *with queer, secret entreaty...* [13]; (25) *...your children, if you married her, would be the grandchildren of Soames,* ***as much as*** *of your mother…* [23]; (26) *They quickly camped setting up their canvas sheet for shade* ***more than*** *against rain...* [33].

Условием сближения этих сочетаний с сочинительными союзами является их расположение перед сопоставляемым и опорным членами или между ними. В этих условиях сочинительная связь Б проявляется ярче, а связь А, связь по

природе своей всегда подчинительная, ослабляется и сопоставляемый и опорный члены приближаются к однородным членам предложения. Исследуемые союзные эквиваленты имеют значение сопоставления, подчеркивая сходство, если они образованы от сравнительно-сопоставительной конструкции (*as much ... as, as much as*), и различия, если в их основе лежит сравнительно-противопоставительная конструкция либо сравнительно-сопоставительная с отрицанием (*more … than, more than, less … than, not so much … as*).

II. Интересно рассмотреть переосмысление синтаксических связей в сравнительных конструкциях при наложении связей А и Б, что отмечается в том случае, когда господствующее слово, от которого зависит оборот по линии связи А, является одновременно и сопоставляемым членом. Иными словами, опорный член оборота соподчинен как однородный член и сопоставляется с тем же словом в главной части, от которого зависит весь оборот. В результате совмещения связей следует ожидать эмфатический эффект. И действительно, появляются усилительные сочетания, образованные коррелятом, господствующим – сопоставляемым словом и сравнительным союзом. Эти сочетания эквивалентны усилительным частицам. Поскольку это очень распространенное явление, рассмотрим его подробнее.

Возьмем два примера: (27) *You'll be as good as new in six months…* [22]; (28) *Sir Patrice saw that further opposition on his part, at that moment, would be worse than useless* [12].

Обороты *as new* и *than useless* зависят от предикативных членов *good* и *worse*, т.е. по линии связи А они являются обстоятельством меры и степени к предикативному члену. В то же время по линии связи Б они вместе с *good* и *worse* служат предикативными членами, так что, если бы не произошло переосмысления связей, можно было бы говорить о сопоставлении качеств *good* и *new* в (27), *useless* и *worse* в (28). Однако в условиях взаимного наложения связей А и Б и совпадения в одном слове и господствующего, и сопоставляемого членов *as good as* и *worse than* превратились в эквиваленты частиц, модифицирующих и усиливающих слова *new* и *useless*, которые воспринимаются не как опорные члены сравнительных оборотов, потому что сопоставление как таковое исчезает, а как предикативный член к глаголу-связке *be*. Эквиваленты частиц можно опустить, и основное содержание и структура предложений не изменятся, только предикативные члены не будут специально модифицироваться: *You'll be new in six months; …further opposition on his part, at that moment, would be useless*.

Легко убедиться в том, что причина подобного переосмысления синтаксических связей и всей конструкции заключается именно в совпадении связей А и Б.

Проделаем небольшой эксперимент, изменив связь Б. Заменим опорный член в приведенных оборотах так, чтобы он соотносился с другими членами предложения:

а) с подлежащим: *You'll be as good as any of them in six months.* Ср.: *As if he were not as good as any of them* [22]; *...further opposition on his part, at that moment, would be worse than anything else in the world*. Ср.: *…what concerned her was still dearer to me than anything else in the world* [15];

б) с обстоятельством времени: *You'll be as good in six months as now*. Ср.: *… she had never been so sweet-tempered and engaging, so gracefully cordial and friendly, as now...* [11]; *...further opposition on his part, at that moment, would be worse than at another time*. Ср.: *… my need is no greater now than at another time* [15].

В преобразованных примерах нельзя опустить *as good as* и *worse than* без коренного изменения смысла или разрушения предложений. Преобразованные предложения включают типичные сравнительные конструкции, в которых сравнительные обороты зависят от предикативного члена (являясь обстоятельством меры или степени), а их опорные члены сопоставляются с совершенно иными словами: с подлежащим в а) и обстоятельством времени в б).

Языковеды обращали внимание на образование усилительных сочетаний, однако все сводилось к скупым, хотя часто очень справедливым замечаниям. Отмечалось, что значение сочетаний *as much as, as early as, as good as* не соответствует значению их компонентов [1. С. 210–211], что *as much as, as early as, as late as, as good as* приближаются к частицам или превращаются в них [1. С. 210-211; 25. С. 87].

Ряд авторов обращает внимание на переосмысление связей в составе *more than, less than, worse than*, слияние их в одну единицу с интенсифицирующей ролью [25. С. 89-95].

Сопоставление разных языков может стать большим подспорьем в деле выявления тех сторон языковой картины мира, которое при решении вопросов только одного языка бывает трудно уловить [3. С. 214]. Идентичные усилительные сочетания отмечаются в русском языке «более (больше) чем», «менее (меньше) чем» и в немецком языке *mehr als* [5. С. 406].

Для образования эквивалентов частиц недостаточно совмещения связей А и Б. Другим необходимым условием является контактное расположение коррелята, господствующего сопоставляемого слова и союза. В (29) не происходит переосмысления, так как *more* и *than* расположены дистантно: (29) *More of him than thinking may have been absent* [17].

В зависимости от ряда условий степень слияния компонентов в усилительные сочетания может быть различной: некоторые из этих условий препятствуют образованию усилительных сочетаний, другие, наоборот, способствуют. Среди первых можно перечислить следующие условия:

1) наличие у господствующего – сопоставляемого – слова зависимых членов: (30) *But the Commentator is indebted to Liry for little more than a few texts…* [30];

2) положение перед артиклем или другим детерминативом: (31) *…it seemed to his adoring eyes that more than a woman was sitting there* [20].

В этих примерах возможны две разные интерпретации: как сравнительной конструкции и как предложения с усилительным сочетанием.

При других условиях образование эквивалентов частиц не вызывает сомнения. Вот эти условия:

1) замыкание между артиклем (детерминативом) или предлогом, с одной стороны, и именем – с другой: (32) *They told Byron of the consternation, the more than outrage when they learned that he had bought the little house* [17];

2) зависимость от глагола: (33) *She had not so much as looked at them* [17]; (34) *I have better than got it* [16];

3) особая интонация (в широком смысле), иногда отраженная в написании: (35) *…it appeared out of the devastated hills with apparitionlike suddenness and wailing like a banshee athwart and past that little less-than-village...* [17];

4) соотношение выделяемого слова с предшествующим, по отношению к которому оно является повтором с усилением: (36) *It is useless, and more than useless to write of it now* [12];

5) единственное число слова *other*, входящего в усилительное сочетание, модифицирует существительное во множественном числе [25. С. 460]: (37) *…in the peacefulness of other than invitations to the exposition of his mysteries and of their isolation in oneness, inspired her with such calm that she beat about in her brain...* [30].

Чаще всего усилительные сочетания образуются вокруг слов с широким значением и высокой частотностью употребления *much* и *good*.

В сочетаниях *as good as, (not) so much as* значения *good* и *much* часто переосмысливаются, что видно из таких логически мало совместимых сочетаний, как *as good as well* (38) или *as good as dead* (39): (38) *Neelie is as good as well again* [11]; (39) *He is as good as dead already to everybody he leaves behind him...* [11]. *As good as* можно перевести на русский язык как «почти», а *as (not so) much as* – как «даже», «аж».

В усилительные сочетания могут входить другие слова, хотя они встречаются реже перечисленных выше. Приведем несколько иллюстраций: (40) *After some weeks I got* ***as high as*** *ninety cents* [33]; (41) *Some are* ***as young as*** *six* [22]; (42) *...you possess* ***a higher than*** *any human warrant for faith...* [11].

Все подчеркнутые сочетания включают слова достаточно широкой семантики, чтобы служить количественными (*much, little, young, high*) или модальными (*good, bad*) модификаторами выделяемого слова. Их лексическое значение используется для указания направления модификации. Сочетания с *little* и особенно с *much* часто стоят перед числительными.

Особо следует рассмотреть сочетание *other than*, которое служит для отрицания последующего слова или сочетания. Такое отрицание более эмфатично, чем *not*: (43) *How could it* ***other than*** *come* [29]; (44) *...the patient's case may be complicated by* ***other than*** *nervous malady* [11].

III. Усилительные сочетания, описанные выше, могут выделять различные члены предложения, в частности обстоятельства места и времени, выраженные предложно-именным сочетанием: (45) *Spanish priests began to work* ***as early as*** *in the sixteenth century...* [28]; (46) *The passengers on waiting trains can stare for* ***as long as*** *half an hour* [18].

Как видим, эквивалент частицы может стоять перед предлогом (45) или после него (46). Однако очень часто предлога перед обстоятельством локального или временного значения вообще нет. В этих условиях усилительное сочетание находится в позиции предлога. Происходит переход сравнительной конструкции в эмфатический предлог с узким конкретизированным значением.

Приведем примеры: (47) *The train was due* ***as early as*** *eight o'clock that night* [11] (ср.: *due at eight o'clock*); (48) *I remember* ***as recently as*** *nineteen hundred and four, I emphasized the need of a permanent clinician...* [13] (ср.: *in nineteen hundred and four*); (49) *So any afternoon you like I may take you* ***as far as*** *Dorking* [21] (ср.: *take you to Dorking*).

Ряд исследователей причисляет приведенные сочетания и им подобные к предлогам либо к их эквивалентам [24. С. 316; 14. С. 300, 305, 563].

Мы попытались изложить образование различных эквивалентов служебных слов в рамках предложенной нами схемы двух синтаксических связей сравнительного оборота. Косвенным выводом из вышеизложенного является положение, что в «настоящей» сравнительной конструкции обе связи А и Б должны быть ярко выражены и не должны совпадать.

Мы строили свою схему на теории членов предложения. Очевидно, не совсем справедливо мнение о том, что эта теория окончательно себя изжила и должна быть сдана в архив языкознания. Один только факт живучести и распространенности этой теории говорит сам за себя. Поэтому заслуживают внимания поиски новых путей использования теории членов предложения. Настоящая статья является одной из таких попыток.

Литература

1. *Жигадло В.Н., Иванова И.П., Иофик Л.Л.* Современный английский язык. М.: Учпедгиз, 1956. 349 с.

2. *Киселева Л.А.* Конструкции со сравнительными союзами – членами простого предложения // Уч. зап. ЛГУ. Л., 1959. № 277. С. 136–137.

3. *Леонтьева Л.Е., Абрамова А.Г.* Сравнительно-сопоставительная характеристика терминов родства в разноструктурных языках // Вестник Чувашского университета. 2016. № 2. С. 214–220.

4. *Ломтев Т.П.* Основы синтаксиса современного русского языка. М.: Учпедгиз, 1958. 166 с.

5. *Пауль Г.* Принципы истории языка. М.: Изд-во иностр. лит., 1960. 500 с.

6. *Руднев А.Г.* Синтаксис осложненного предложения. М.: Учпедгиз, 1959. 198 с.

7. *Смирницкий А.И.* Синтаксис английского языка. М.: Изд-во лит. на иностр. языках, 1957. 284 с.

8. *Aldington R.* Death of a Hero. Available at: https://ebooks.adelaide.edu.au.html (Accessed 27 Jan. 2018).

9. *Bellow S.* Seize the Day. Available at: https://ebooks.adelaide.edu.au.html (Accessed 30 Jan. 2018).

10. *Bryant M.* A Functional English Grammar. Boston: D.C. Heath and Company, 1959, 326 p.

11. *Collins W.* Armadale. Available at: https://ebooks.adelaide.edu.au.html (Accessed 3 Feb. 2018).

12. *Collins W.* Man and Wife. Available at: https://ebooks.adelaide.edu.au.html (Accessed 1 Feb. 2018).

13. *Cronin A.J.* The Citadel. Available at: https://ebooks.adelaide.edu.au.html (Accessed 29 Jan. 2018).

14. *Curme G.O.* Syntax. A Grammar of the English Language. New York: Verbatim, 1977. Vol. 2. 624 p.

15. *Dickens Ch.* Great Expectations. Available at: https://www.e-reading.club (Accessed 5 Feb. 2018).

16. *Dickens Ch.* Our Mutual Friend. Available at: https://ebooks.adelaide.edu.au.html (Accessed 7 Feb. 2018).

17. *Faulkner W.* Light in August. Available at: https://ebooks.adelaide.edu.au.html (Accessed 8 Feb. 2018).

18. *Fitzgerald F.S.* The Great Gatsby. Available at: https://ebooks.adelaide.edu.au.html (Accessed 10 Feb. 2018).

19. *Galsworthy J.* End of the Chapter. Available at: https://www.e-reading.club (Accessed 15 Feb. 2018).

20. *Galsworthy J.* In Chancery. Available at: https://www.e-reading.club (Accessed 12 Feb. 2018).

21. *Galsworthy J.* Swan Song. Available at: https://www.e-reading.club (Accessed 19 Feb. 2018).

22. *Galsworthy J.* The Man of Property. Available at: https://www.e-reading.club (Accessed 17 Feb. 2018).

23. *Galsworthy J.* To Let. Available at: https://www.e-reading.club (Accessed 16 Feb. 2018).

24. *Hook J.N., Mathews E.G.* Modern American Grammar and Usage. New York, Ronald Press, 1956, 475 p.

25. *Jespersen O.* A Modern English Grammar on Historical Principles. London, Copenhagen, George Allen and Unwin Ltd., 1954, vol. III, 864 p.

26. *Kipling R.* The Light That Failed. Available at: https://ebooks.adelaide.edu.au.html (Accessed 21 Feb. 2018).

27. *Magnusson R.* Studies in the Theory of the Parts of Speech. Lund, Gleenup, Copenhagen, Munksgaard, 1954, 120 p.

28. *Marshall E.* Life's Aftermath. Available at: https://ebooks.adelaide.edu.au.html (Accessed 26 Feb. 2018).

29. *Meredith G.* The Adventures of Harry Richmond. Available at: https://ebooks.adelaide.edu.au.html (Accessed 27 Jan. 2018).

30. *Meredith G.* The Egoist. Available at: https://ebooks.adelaide.edu.au.html (Accessed 22 Feb. 2018).

31. *Pence R.W., Emery D.W.* A Grammar of Present-Day English. New York, Macmillan, London, Collier-Macmillan, 1963, 436 p.

32. *Scheurweghs G.* Present-Day English Syntax. Bristol, Longmans, Green, 1959, 434 p.

33. *Seton-Thompson E.* Lobo the King of Currumpaw and Other Stories. Available at: https://www.e-reading.club (Accessed 20 Jan. 2018).
34. *Wells H.G.* The Invisible Man. Available at: https://www.e-reading.club (Accessed 18 Jan. 2018).
35. *Whitehall H.* Structural Essentials of English. New York, Harcourt, Brace, 1956, 154 p.

АБРАМОВА АНЖЕЛИКА ГЕННАДЬЕВНА – кандидат филологических наук, доцент кафедры романо-германской филологии и переводоведения, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (foreign-languages-department@mail.ru).

ГУРЬЯНОВА ТАТЬЯНА ЮРЬЕВНА – кандидат педагогических наук, доцент кафедры общеобразовательных дисциплин, Чувашская государственная сельскохозяйственная академия, Россия, Чебоксары (vgurtat@yandex.ru).

ФАДЕЕВА КРИСТИНА ВАЛЕРИЕВНА – кандидат педагогических наук, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин, Чебоксарский институт (филиал) Московского политехнического университета, Россия, Чебоксары (cristinafadeeva@mail.ru).

A. ABRAMOVA, T. GURYANOVA, C. FADEEVA

ON SYNTACTIC CONNECTIONS IN COMPARATIVE CONSTRUCTIONS

Key words: *comparative construction, syntactic connection, subordinate clause, correlate, comparison.*

The article is devoted to rethinking syntactic connections in comparative constructions. Each of the forms of comparison degrees category has its own specific meaning, each of them being connected with the general categorial meaning of comparison in different ways. The meaning of the form of a comparative degree consists in indicating the degree of intensity of the feature relative to the feature in another object. The form of the comparative degree of an adjective denotes an uncertain degree of the feature and is less categorical, direct than the positive degree. Relativity of increasing feature expressed by the comparative degree is due to the fact that it depends on a corresponding feature in another object. Comparative constructions with the conjunctions "as" and "than" are similar, since these conjunctions render comparison, but the conjunction "as" introduces a comparative-contrastive construction, while the conjunction "than" introduces a comparative-oppositional construction. Constructions with "than" have a quantitative meaning. They always indicate the degree of quality, regardless of their type, as they compare objects, phenomena, etc. with a different measure of this quality. Quite often comparative constructions call for a rethink of syntactic connections. It covers key syntactic units of a comparative construction. As a result of rethinking, the following combinations appear, that approach structural parts of speech or coincide with them: 1) equivalents of coordinating conjunctions; 2) equivalents of amplifying particles; 3) equivalents of prepositions.

References

1. Zhigadlo V.N., Ivanova I.P., Iofik L.L. *Sovremennyj anglijskij yazyk* [Modern English language]. Moscow, Uchpedgiz Publ., 1956, 349 p.
2. Kiseleva L.A. *Konstruktsii so sravnitel'nymi soyuzami – chlenami prostogo predlozheniya* [Constructions with comparative conjunctions – members of the simple sentence]. In: *Uchenii zapiski LGU* [Scientific notes LSU]. Leningrad, 1959, no. 277, pp. 136–137.
3. Leontyeva L.E., Abramova A.G. *Sravnitel'no-sopostavitel'naya kharacteristika terminov rodstva v raznostrukturnykh yazykakh* [Comparative characteristic of terms of relationship in different languages]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta*, 2016, no. 2, pp. 214–220.
4. Lomtev T.P. *Osnovy sintaksisa sovremennogo russkogo yazyka* [Basics of modern Russian syntax]. Moscow, Uchpedgiz Publ., 1958, 166 p.
5. Paul' G. *Printsipy istorii yazyka* [Principles of the history of language]. Moscow, Foreign Literature Publ., 1960, 500 p.
6. Rudnev A.G. *Sintaksis oslozhnennogo predlozheniya* [Syntax of the semi-composite sentence]. Moscow, Uchpedgiz Publ., 1959, 198 p.
7. Smirnitskii A.I. *Sintaksis angliiskogo yazyka* [Syntax of the English language]. Moscow, Foreign Literature Publ., 1957, 284 p.
8. Aldington R. Death of a Hero. Available at: https://ebooks.adelaide.edu.au.html (Accessed 27 Jan. 2018).
9. Bellow S. Seize the Day. Available at: https://ebooks.adelaide.edu.au.html (Accessed 30 Jan. 2018).

10. Bryant M. A Functional English Grammar. Boston: D.C. Heath and Company, 1959. 326 p.
11. Collins W. Armadale. Available at: https://ebooks.adelaide.edu.au.html (Accessed 3 Feb. 2018).
12. Collins W. Man and Wife. Available at: https://ebooks.adelaide.edu.au.html (Accessed 1 Feb. 2018).
13. Cronin A.J. The Citadel. Available at: https://ebooks.adelaide.edu.au.html (Accessed 29 Jan. 2018).
14. Curme *G.O.* Syntax. A Grammar of the English Language. New York, Verbatim, 1977, vol. 2, 624 p.
15. Dickens Ch. Great Expectations. Available at: http://www.e-reading.club (Accessed 5 Feb. 2018).
16. Dickens Ch. Our Mutual Friend. Available at: https://ebooks.adelaide.edu.au.html (Accessed 7 Feb. 2018).
17. Faulkner W. Light in August. Available at: https://ebooks.adelaide.edu.au.html (Accessed 8 Feb. 2018).
18. Fitzgerald F.S. The Great Gatsby. Available at: https://ebooks.adelaide.edu.au.html (Accessed 10 Feb. 2018).
19. Galsworthy J. End of the Chapter. Available at: https://www.e-reading.club (Accessed 15 Feb. 2018).
20. Galsworthy J. In Chancery. Available at: https://www.e-reading.club (Accessed 12 Feb. 2018).
21. Galsworthy J. Swan Song. Available at: https://www.e-reading.club (Accessed 19 Feb. 2018).
22. Galsworthy J. The Man of Property. Available at: https://www.e-reading.club (Accessed 17 Feb. 2018).
23. Galsworthy J. To Let. Available at: https://www.e-reading.club (Accessed 16 Feb. 2018).
24. Hook J.N., Mathews E.G. Modern American Grammar and Usage. New York: Ronald Press, 1956. 475 p.
25. Jespersen O. A Modern English Grammar on Historical Principles. London-Copenhagen: George Allen and Unwin Ltd., 1954. Vol. III. 864 p.
26. Kipling R. The Light That Failed. Available at: https://ebooks.adelaide.edu.au.html (Accessed 21 Feb. 2018).
27. Magnusson R. Studies in the Theory of the Parts of Speech. Lund: Gleenup; Copenhagen: Munksgaard, 1954. 120 p.
28. Marshall E. Life's Aftermath. Available at: https://ebooks.adelaide.edu.au.html (Accessed 26 Feb. 2018).
29. Meredith G. The Adventures of Harry Richmond. Available at: https://ebooks.adelaide.edu.au.html (Accessed 27 Jan. 2018).
30. Meredith G. The Egoist. Available at: https://ebooks.adelaide.edu.au.html (Accessed 22 Feb. 2018).
31. Pence R.W., Emery D.W. A Grammar of Present-Day English. New York: Macmillan; London: Collier-Macmillan, 1963. 436 p.
32. Scheurweghs G. Present-Day English Syntax. Bristol: Longmans, Green, 1959. 434 p.
33. Seton-Thompson E. Lobo the King of Currumpaw and Other Stories. Available at: https://www.e-reading.club (Accessed 20 Jan. 2018).
34. Wells H.G. The Invisible Man. Available at: https://www.e-reading.club (Accessed 18 Jan. 2018).
35. Whitehall H. Structural Essentials of English. New York: Harcourt, Brace. 1956. 154 p.

ABRAMOVA ANZHELIKA – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of Romano-Germanic Philology and Theory of Translation, Chuvash State University, Russia, Cheboksary (foreign-languages-department@mail.ru).

GURYANOVA TATYANA – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Department of General Subjects, Chuvash State Agricultural Academy, Russia, Cheboksary (vgurtat@yandex.ru).

FADEEVA CRISTINA – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Department of Social and Humanitarian Disciplines, Cheboksary Institute of Moscow Polytechnic University, Russia, Cheboksary (cristinafadeeva@mail.ru).

Формат цитирования: *Абрамова А.Г., Гурьянова Т.Ю., Фадеева К.В.* О синтаксических связях в сравнительных конструкциях // Вестник Чувашского университета. – 2018. – № 2. – С. 176–186.

УДК 81’367.622=811.511.152.1
ББК Ш166.3

Т.П. АРИСКИНА

ОТГЛАГОЛЬНЫЕ ИМЕНА СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ С СУФФИКСОМ *-МА/-МО* В ЭРЗЯНСКОМ ЯЗЫКЕ

Ключевые слова: *отглагольные имена существительные, термины, значение отвлеченного действия, абстрактная семантика, словообразовательный суффикс, словообразовательная модель.*

Статья посвящена многостороннему анализу имен существительных, образованных от глагольных основ и входящих в терминосистему эрзянского языка. Цель работы состоит в описании семантики девербативов, определении их продуктивных и непродуктивных типов, анализе словообразовательных моделей данных имен существительных. Девербативы исследовались на материале словарных статей энциклопедии «Мордовия», изданной на эрзянском языке. Основными методами были системный, структурный, описательный. Применялись приемы статистического, сравнительного и семантического анализа. Описаны основные значения девербативов эрзянского языка с суффиксом -ма/-мо, среди них значение действия, состояния, действия и состояния одновременно, предмета. Установлено, что от глагольных основ посредством указанного суффикса образуются, как правило, имена существительные, имеющие абстрактную семантику. В результате такие слова становятся терминами, используемыми для описания различных понятий в области гуманитарных наук. С точки зрения изменений, происходящих в процессе субстантивации, присоединение конкретного варианта суффикса (-ма или -мо) обусловлено качеством последнего гласного мотивирующей основы и подчиняется основным законам грамматики эрзянского языка. Термины гуманитарных наук в эрзянском языке сложились на основе отглагольных имен существительных с суффиксом -ма/-мо, имеющих абстрактную семантику. Семантика девербативов ближе к глаголу, тогда как по грамматическим характеристикам они примыкают к именам существительным. Грамматическую функцию в этом случае выполняет словообразовательный суффикс -ма/-мо. Значение отвлеченного действия, заложенное в большинстве подобных слов, позволяет использовать их в качестве терминов гуманитарных наук. Изучение отглагольных имен существительных – перспективное направление в лингвистике, в частности большой потенциал в этом плане имеют сопоставительные исследования.

К девербативам относятся имена существительные, образованные от глагольных основ и обозначающие опредмеченное действие (состояние, процесс), т.е. действие в отвлеченном смысле. Как правило, они образуются двумя способами – безаффиксным и суффиксальным. Говоря о семантической дифференциации глагола и существительного, можно заметить, что девербативы по свойствам ближе к глаголу, грамматические же характеристики приближают их к именам существительным. Отглагольные существительные применимы ко всем стилям речи, они богаты в синонимическом плане. Абстрактная семантика большинства девербативов позволяет использовать их в качестве терминов в гуманитарных науках.

Отглагольные существительные приковывают интерес ученых уже длительное время, и в настоящий момент он не ослабевает [9, 15], сохраняются аспекты, которые требуют более пристального внимания. В первую очередь девербативы исследуются в рамках изучения процесса субстантивации [16, 18], суффиксации как способа словообразования [17, 19], при анализе абстрактных имен существительных [20]. Некоторые языковеды уделяют внимание другим аспектам. Например, Д.О. Ташпулатова и Х.Г. Сайфуллаев рассмотрели имена действия как особую семантическую категорию, объеди-

няющую слова, при помощи которых передается понятие действия, заключенное в глаголе [13], работа В.Н. Мусатова посвящена словообразовательной полисемии отглагольных суффиксальных существительных, а также особенностям деривации таких производных в современном русском языке [12].

Е. В. Болотова исследует деривационно-семантические категории, репрезентируемые словообразовательными структурами, имеющими морфонологическую маркировку, анализирует различные стороны взаимодействия деривационных категорий с лексико-грамматическими разрядами, или семантико-грамматическими классами глаголов, функционирующих в качестве производящих основ [2]. Статья О.С. Жестковой посвящена рассмотрению отглагольных существительных (на примере имен действия, мотивированных глаголами созидания и разрушения в современном русском языке) в лексикографическом аспекте. Рассматриваются принципы и закономерности описания номинативных типов и выбора терминологии в сфере девербативов [5].

Б.В. Болдырев изучает один из актуальных вопросов, связанных с квалификацией так называемых самостоятельных глагольных частей речи или грамматических разрядов глагола, которые на основании присущих им грамматических категорий, в частности категории личного и возвратного притяжания, могут быть отнесены только к грамматическому классу имени существительного [1]. Е.А. Жданова, Л.В. Рацибурская анализируют новые производные существительные, образованные от глаголов, с целью определения их продуктивности и динамики в словообразовательных процессах русского языка новейшего периода [4].

Отдельного упоминания заслуживают многочисленные сопоставительные исследования, дающие богатый материал для сравнительного изучения языков и дополнения существующих грамматик. В этом плане заметны труды Н.Н. Зольниковой [6–8], Д.О. Ташпулатовой [14] и др.

Материалом для исследования послужила энциклопедия «Мордовия» в варианте на эрзянском языке [10]. В этом справочно-энциклопедическом издании представлена информация обо всех сферах жизни населения Республики Мордовия (административном устройстве, истории, науке, культуре), природно-климатических условиях региона.

Отглагольные имена существительные, служащие заголовком словарных статей, структурированы по разделам энциклопедии («Государственное устройство», «Природа», «Население», «История», «Экономика», «Социальная сфера», «Наука», «Культура», «Народное творчество», «Религия и церковь»). Для изучения суффиксального образования девербативов в первую очередь использовался системно-структурный метод, применялись также описательный и сравнительный методы, метод синхронного анализа собранного материала. Полезными были приемы статистического, сравнительного, семантического анализа.

В процессе исследования были подключены общепринятые лингвистические методики: семный анализ для описания лексического значения в совокупности всех его компонентов; компонентный анализ с целью разложения значения на семантические составляющие; анализ словарных дефиниций.

Основная масса суффиксальных существительных со значением опредмеченного отвлеченного процессуального признака – это имена, мотивированные глаголами. Слова типа *керьксамо* «вязание» (от глагола *керьксамс* «нанизать»), *совамо* «вхождение» (от глагола *совамс* «войти, зайти, въе-

хать»), *валдомтома* «освещение» (от глагола *валдомтомс* «сделать светлым, дать свет, осветить») и подобные совмещают значение процессуального признака (действия, состояния), присущее мотивирующему глаголу, со значением имени существительного как части речи.

Грамматические значения девербатива создают особые связи между категориями предметности и признаковости и развиваются на основе межкатегориальных связей. Рассматривать последние важно с точки зрения парадигматического и синтагматического аспектов. Взаимодействие имени существительного и глагола устойчиво и осуществляется в границах широких функционально-семантических и лексико-грамматических полей. Сложно установить, богаче или беднее становится по семантике отглагольное существительное, чем мотивирующий его глагол. С одной стороны, беднее, поскольку исчезает сема динамики процесса, с другой – богаче, так как появляются дополнительные семы.

Традиционные грамматики эрзянского языка [3] выделяют два значения суффикса *-ма*/*-мо* при образовании имен существительных от глагольных основ:

1) отвлеченное значение, например *кепсевема* «выступления» (от глагола *кепсевемс* «подниматься»), *тонавтома* «образование» (от глагола *тонавтомс* «учить, обучать»), *мунямо* «знахарство» (от глагола *мунямс* «колдовать, ворожить»);

2) значение конкретного предмета, служащего орудием, объектом действия, означенного производящей основой, например *чавома* «бубен» (от глагола *чавомс* «ударять, бить, стучать»), *чалгамо* «мялка» (от глагола *чалгамс* «мять»).

В производных абстрактных именах существительных, содержащих рассматриваемый суффикс, ученые выделяют следующую семантику [20]:

1) отвлеченные понятия (*кулома* «смерть» (от глагола *куломс* «умереть»), *изнямо* «победа» (от глагола *изнямс* «победить»));

2) отвлеченные действия или состояния (*кепсевема* «борьба» (от глагола *кепсевемс* «подниматься»), *лепштямо* «притеснение» (от глагола *лепштямс* «1) сжать, сдавить, прижать, 2) нажать»)).

Кроме указанных оснований отглагольные имена существительные можно разложить по нескольким категориям. Например, выделить *агентивные* и *неагентивные* девербативы. Агентивные имена существительные – такая лексико-семантическая категория, в которой представлены два универсальных семантических признака – лицо и предмет. Подробно рассматривать данную группу мы не будем, так как агентивные отглагольные субстантивы с суффиксом *-ма*/*-мо* в энциклопедии «Мордовия» не представлены.

Неагентивные отглагольные существительные обладают широкой семантикой: предмет, группа людей, инструмент, состояние (временное состояние, психическое состояние, эмоциональное состояние, социальное состояние), действие (фазовое действие, результирующее действие), движение, посессивность, событийность и т.д. Они активно используются в науке, что позволяет включить их в терминосистему гуманитарного знания. Например, *эензамо* «оледенение» (от глагола *эендямс* «обледенеть»), *сюлмавома* «согласование» (от глагола *сюлмавомс* от *сюлмамс* «повязать»), *евтнема* «рассказ» (от глагола *евтнемс* «рассказывать»).

Среди неагентивных девербативов выделим несколько групп и в результате анализа значений мотивированных существительных определим про-

дуктивные и непродуктивные типы. Самой многочисленной группой отглагольных имен существительных оказалась группа со значением действия, процесса – 52,3% от девербативов, образованных посредством суффикса *-ма*/*-мо*: *вейсэндямо* «объединение» (от глагола *вейсэндямс* «соединить, объединить, присоединить»), *кодамо* «ткачество» (от глагола *кодамс* «1) вязать, 2) плести»), *строямо* «застройка» (от глагола *строямс* «строить, построить»), *ловома* «перепись» (от глагола *ловомс* «считать, сосчитать»), *видема* «сев» (от глагола *видемс* «сеять, посеять»). Менее продуктивны группы со значением действия и состояния – 22,0%, например *кепедевема* «повышение» (от глагола *кепедевемс* «быть поднятым, подняться; воспрянуть»), *явовома* «обособление» (от глагола *явовомс* «мочь отделиться, разделиться»), *ознома* «молитва» (от глагола *ономс* «молиться, помолиться»); предмета – 21,1%, например *чавома* «бубен» (от глагола *чавомс* «ударять, бить, стучать»), *кальдердема* «идиофон» (от глагола *кальдердемс* «звенеть, дребезжать»), *изгирямо* «резцы» (от глагола *изгирямс* «царапать»). Самой малочисленной является группа девербативов со значением состояния – 4,6%: *кулома* «смерть» (от глагола *куломс* «умереть»), *изнямо* «победа» (от глагола *изнямс* «победить»). Опишем указанные группы более подробно.

1. Группа отглагольных имен существительных с семантикой действия, процесса. У данного значения могут быть различные оттенки: действие как процесс, отдельный акт действия, действие с оттенком интенсивности и т.д. Специфика издания, взятого для анализа, обусловливает то, что большинство девербативов этой группы имеют значения действия как процесса, например *чудема* «течение» (от глагола *чудемс* «течь, протекать»), *новолема* «понижение» (от глагола *новолемс* «опуститься»), *озамо* «включение» (от глагола *озамс* «обосноваться»), *вейсэндямо* «объединение» (от глагола *вейсэндямс* «соединить, объединить, присоединить»), *ванстома* «хранение» (от глагола *ванстомс* «беречь, сохранить»), *лепштямо* «эксплуатация» (от глагола *лепштямс* «давить, жать; задавить, зажать»). Больше всего таких существительных в разделе «Народное творчество» – 16,5% от всех рассматриваемых девербативов, 31,6% от имен существительных с таким значением (*важодема* «трудовая деятельность» (от глагола *важодемс* «работать с усердием»), *викшнема* «вышивание» (от глагола *викшнемс* «вышивать»), *лайшема* «причитание» (от глагола *лайшемс* «плакать, рыдать; вопить; причитать»), *керьксамо* «вязание» (от глагола *керьксамс* «нанизать»), *евтамот* «сказания» (от глагола *евтамс* «сказать, рассказать, сообщить»)); в разделе «История» – 11,9% и 22,8%, соответственно, (*нельгема* «захваты» (от глагола *нельгемс* «отнять, отобрать»), *кайсевема* «набеги» (от глагола *кайсевемс* от *каявомс* «бросаться, кидаться»), *тюрема* «битва» (от глагола *тюремс* «драться; сражаться, бороться»), *совамо* «вхождение» (от глагола *совамс* «войти»)); в разделе «Наука» – 7,3% и 14,0%, соответственно, (*ловнома* «чтения» (от глагола *ловномс* «читать, прочитать»), *вешнема* «выявление» (от глагола *вешнемс* «искать, разыскивать»), *тервтома* «попытка» (от глагола *тервтомс* «пробовать, испробовать, попробовать, пытаться, попытаться»)).

2. Группа отглагольных имен существительных, обозначающих действие и состояние одновременно. Например, *налксема* «игра» (от глагола *налксемс* «играть»), *ледстнемат* «воспоминания» (от глагола *лецтнемс* «вспомнить; напомнить»), *говорявомат* «контакты» (от глагола *говорявомс* от *говорямс* «смешать, смешивать»), *кузтема* «дислокация» (от глагола *куземс* «лезть, за-

лезать, подниматься»). Больше всего таких существительных отмечено в разделе «Природа» (7,3% от всех девербативов с суффиксом *-ма*/*-мо*, 33,3% от имен существительных с таким значением): *прамо* «падение» (от глагола *прамс* «пасть, упасть»), *лиякстомома* «изменения» (от глагола *лиякстомомс* «сделаться другим, измениться; преобразоваться»), *новолема* «понижение» (от глагола *новолемс* «опуститься, повиснуть»); в разделе «История» (6,4% и 29,2%, соответственно): *талнома* «волнение» (от глагола *талномс* «волноваться, беспокоиться, тревожиться, нервничать»), *кепсевема* «борьба» (от глагола *кепесевемс* от *кепедемс* «поднять»), *яжамо* «погром» (от глагола *яжамс* «изломать, сломать»); в разделе «Культура» (3,7% и 16,7%, соответственно): *явовома* «различие» (от глагола *явовомс* «мочь отделиться, разделиться»).

3. Группа отглагольных имен существительных, обозначающих предмет. Среди данных девербативов могут быть представлены различные оттенки значения: результат действия, техническое устройство, приспособление, материал, знак, сигнал, объект действия, например, место и др. Например, *вешкема* «дудочка» (от глагола *вешкемс* «свистеть»), *пувамот* «шарики» (от глагола *пувамс* «дуть»), *пивсэма* «цеп (приспособление, использовавшееся для молотьбы зерновых) (от глагола *пивсэмс* «молотить, обмолотить»). Больше всего таких существительных зафиксировано в разделе «Народное творчество» (12,8% от всех девербативов, 60,9% от существительных с таким значением): *вешкема* «флейта» (от глагола *вешкемс* «свистеть»), *кальцяема* «ксимофон» (от глагола *кальцядемс* «звякнуть, лязгнуть»), *валома* «литье» (от глагола *валомс* «лить, вылить»), *сюлгамо* «застежка» (от глагола *сюлгамс* «застегнуть»); «Экономика» (2,8% и 13,0%, соответственно): *анокстамо* «заготовка» (от глагола *анокстамс* «готовить, приготовить»), *изамо* «борона» (от глагола *изамс* «боронить, заборонить»), *чалгамо* «мялка» (от глагола *чалгамс* «мять»); «Природа» (2,8% и 13,0%, соответственно): *чудильма* «приток» (от глагола *чудемс* «течь, протекать»), *матрамо* «межень» (от глагола *матрамс* «спрессовать, умять; давить, раздавить, придавить»).

4. Группа отглагольных имен существительных, обозначающих состояние. Среди данных девербативов могут наблюдаться различные оттенки значения: физическое состояние, имущественное и правовое состояние и др., сюда можно включить слова со значением качества. В энциклопедии «Мордовия» слов с указанным значением мало, зафиксированы они только в разделах «Природа» (*эензамо* «оледенение» (от глагола *эендямс* «обледенеть»)); «Население» (*кулома* «смерть» (от глагола *куломс* «умереть»)); «История» (*изнямо* «победа» (от глагола *изнямс* «победить»)); «Культура» (*пейдема* «юмор» (от глагола *пейдемс* «смеяться, посмеяться»), *пейтькшнема* «ирония» (от глагола *пейтькшнемс* от *пейдемс* «смеяться, посмеяться»)).

Языковой материал позволил выделить следующие модели образования девербативов с суффиксом *-ма*/*-мо*. Главная – суффиксальная модель «глагольная основа + суффикс *-ма*/*-мо*»: *мерема* «поручение» (от глагола *меремс* «приказать»), *ламолгадома* «прирост» (от глагола *ламолгадомс* «увеличиться, прибавиться»), *арсема* «суждение» (от глагола *арсемс* «мыслить, думать»), *нарьгамо* «поборы» (*нарьгамс* «насмехаться, издеваться; надругаться»), *лепштямо* «тискание» (*лепштямс* «давить, жать; задавить, зажать»). Причем действует правило [11. С. 106], по которому вариант *-ма* присоединяется к любой глагольной основе: *чудема* «течение» (от глагола *чудемс* «течь, протекать»), *чачтома* «рождение» (от глагола *чачтомс* «ро-

дить»), *эензамо* «оледенение» (от глагола *эендямс* «обледенеть»), а вариант *-мо* – только к основе, оканчивающейся на звук [*а*]: *кортамот* «разговоры» (от глагола *кортамс* «говорить, сказать»), *мунямо* «знахарство» (от глагола *мунямс* «колдовать, ворожить»), *сокамо* «распахивание» (от глагола *сокамс* «пахать»).

При образовании некоторых девербативов происходят изменения: добавление согласных в области суффикса (*чуди**ль**ма* «приток» (от глагола *чудемс* «течь, протекать»)) или в области корня (*эц**т**немат* «походы» (от глагола *эцнемс* «наступать, занимать»)), чередование согласных (*ле**дс**тнема* «воспоминание» (от глагола *ле**ц**тнемс* «вспомнить; напомнить»)), выпадение согласных (*кальцяема* «ксимофон» (от глагола *кальця**д**емс* «звякнуть, лязгнуть»)).

На материале словарных статей энциклопедии «Мордовия» было выявлено значительное количество отглагольных имен существительных. Основную массу среди них составили девербативы с суффиксом *-ма*/*-мо*. Таким образом, можно говорить, что глагольные основы вместе с указанным словообразовательным суффиксом активно участвуют в создании и развитии терминосистемы эрзянского языка.

Большая часть рассмотренных имен существительных имеет абстрактную семантику, несет значение отвлеченного действия. Термины и понятия, образованные по рассматриваемой модели, зафиксированы в основном в разделах «История» и «Народное творчество», т.е. используются для описания жизни народа, его традиций, способа мышления и т.д. Этим обусловлено значительное количество девербативов с семантикой действия, действия и состояния одновременно.

Существительные, мотивированные глаголами, образуют основную массу суффиксальных существительных со значениями отвлеченного действия. Они имеют некоторые глагольные признаки; их семантика, наряду со значением предметности, ближе к глагольному значению, во многих девербативах присутствует сема процессуальности. Основной функцией суффикса *-ма*/*-мо* в эрзянском языке становится грамматическая, поскольку именно этот формант характеризует отглагольное существительное как часть речи, определяет характер грамматических категорий, обладает способностью транспортировать производящую основу из одной части речи в другую.

В процессе исследования отглагольные существительные были классифицированы по семантике. Были выделены четыре группы отглагольных существительных, определены продуктивные и непродуктивные семантические типы.

Исследование структурно-семантических особенностей девербативов может быть продолжено, перспективным направлением будут сопоставительные исследования в данной области.

Литература

1. *Болдырев Б.В.* Связанные отглагольные имена существительные в тунгусо-маньчжурских языках: имя цели // Сибирский филологический журнал. 2015. № 4. С. 271–274.

2. *Болотова Е.В.* Словообразовательные структуры и функционально-семантические категории: на базе отглагольных существительных немецкого языка: дис. … канд. филол. наук. Уфа, 2003. 174 с.

3. Грамматика мордовских языков. Фонетика, графика, орфография, морфология / под ред. Д.В. Цыганкина; Морд. гос. ун-т им. Н.П. Огарева. Саранск, 1980. 432 с.

4. *Жданова Е.А., Рацибурская Л.В.* Новые отглагольные существительные со значением отвлеченного действия или состояния // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер. Филология, педагогика, психология. 2017. № 4. С. 12–19.

5. *Жесткова О.С.* К вопросу о проблеме лексикографического описания отглагольных существительных // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В.Г. Белинского. Гуманитарные науки. 2012. № 27. С. 259–261.

6. *Зольникова Н.Н.* Отглагольные существительные в немецком и русском языках // Вестник ЧГПУ. 2009. № 7. С. 242–252.

7. *Зольникова Н.Н.* Сопоставительная характеристика словообразовательных значений отглагольных существительных русского и немецкого языков // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 7(188). Филология. Искусствоведение. Вып. 41. С. 61–64.

8. *Зольникова Н.Н.* Структурно-семантические особенности отглагольных существительных русского и немецкого языков: дис. ... канд. филол. наук. Тобольск, 2010. 284 с.

9. *Магомедова Э.К.* Отглагольные субстантивы в лакском языке: дис. … канд. филол. наук. Махачкала, 2009. 149 с.

10. *Мордовиясь*: энциклопедия: кавто томсо / гл. ред. А.И. Сухарев. Саранск: Мордовскяй книжнай издательствась, 2007. 1-це томось: А–М. 559 с. 2-це томось: Н–Я. 2007. 590 с.

11. *Мосин М.В.* Структура производного слова и особенности сочетаемости словообразующих суффиксов с основами в мордовских языках // Мордовские языки: настоящее и будущее: сб. ст. и докл. Саранск: Изд-во Морд. ун-та, 2010. С. 103–107.

12. *Мусатов В.Н.* Словообразовательная полисемия отглагольных суффиксальных существительных в современном русском языке. М.: Флинта; Наука, 2013. 448 с.

13. *Ташпулатова Д.О., Сайфуллаев Х.Г.* Характеристика отглагольных субстантиватов в разноструктурных языках (на примере русского и таджикского языков) // Исследовательский журнал русского языка и литературы. 2016. № 2(8). С. 113–131.

14. *Ташпулатова Д.О.* Сравнительно-типологический анализ отглагольных субстантивов в таджикском, русском и французском языках: дис. … канд. филол. наук. Душанбе, 2015. 146 с.

15. *Трофимова О.Е., Сандуца А.А.* Русские отглагольные существительные XVIII века в словаре, тексте и корпусе // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2015. Т. 1, № 1(1). С. 57–68.

16. *Трямкина О.Е.* Образование субстантивов в эрзянском и немецком языках: Типологический аспект исследования: дис. … канд. филол. наук. Саранск, 2000. 178 с.

17. *Хабибуллина Е.В.* Суффиксальное субстантивное словообразование в современном русском языке: На материале словарей новых слов: дис. … канд. филол. наук. Казань, 2001. 179 с.

18. *Хитина М.В.* Суффиксальные словообразовательные макротипы существительных в современном русском языке: автореф. дис. … канд. филол. наук. М., 2006. 24 с.

19. *Цыганкин Д.В.* Словообразование в мордовских языках. Саранск: Морд. кн. изд-во, 1981. 81 с.

20. *Чинаева Н.В., Кузнецова С.В.* Суффиксальное образование абстрактных имен существительных в эрзянском и финском языках [Электронный ресурс] // Молодой ученый. 2015. № 22. С. 971–976. URL https://moluch.ru/archive/102/23476 (дата обращения: 26.03.2018).

АРИСКИНА ТАТЬЯНА ПАВЛОВНА – кандидат филологических наук, доцент кафедры финно-угорского и сравнительного языкознания, Мордовский государственный университет имени Н.П. Огарёва, Россия, Саранск (ariskina82@mail.ru).

T. ARISKINA

DEVERBAL SUBSTANTIVES WITH SUFFIX *-MA/-MO* IN THE ERZYA LANGUAGE

Key words: *deverbal substantives, terms, the meaning of an abstract action, abstract semantics, derivational (word-building) suffix, word-building pattern.*

The article is devoted to a comprehensive analysis of deverbal substantives constituting the term system in the Erzya language. The aim of the work is to describe the semantics of deverbatives, determining their productive and unproductive types as well as to analyse word-building patterns of such nouns. Deverbatives were studied in the context of dictionary entries of the encyclopedia "Mordovia", published in the Erzya language. The main methods employed during research were systemic, structural, descriptive one. The methods of statistical, comparative and semantic analysis were applied as well. The paper gives a thorough description of the main meanings of deverbatives with suffix -ma/-mo in the Erzya language, among them are the meaning of action, state, both action and state simultaneously, object. It is established that as a rule nouns having an abstract semantics are derived from verbal

stems by means of the above-indicated suffix. As a result, such words become terms used to describe various concepts in the field of humanities. In terms of changes taking place in the process of substantivisation, affixture of a particular version of the suffix (-ma or -mo) is determined by the quality of the last vowel in the underlying stem and is subject to the basic laws of the Erzya language grammar. Terms of the humanities in the Erzya language evolved on the basis of deverbatives with the suffix -ma/-mo, having an abstract semantics. The semantics of deverbatives is closer to that of a verb, whereas grammatical characteristics make them adjacent to nouns. Grammatical function in this case is performed by word-building suffix -ma/- mo. The meaning of an abstract action, rooted in most of these words, allows to use them as terms of the humanities. The study of deverbal substantives is a promising direction in linguistics, in particular the great potential in this respect belongs to comparative studies.

References

1. Boldyrev B.V. *Sviazannye otglagol'nye imena sushchestvitel'nye v tunguso-man'chzhurskikh iazykakh: imia tseli* [The connected verbal nouns in tunguso-Manchurian languages: purpose name]. *Sibirskii filologicheskii zhurnal* [Siberian philological magazine], 2015, no. 4, pp. 271–274.

2. Bolotova E.V. *Slovoobrazovatel'nye struktury i funktsional'no-semanticheskie kategorii: na baze otglagol'nykh sushchestvitel'nykh nemetskogo yazyka: dis. … kand. filol. nauk* [Word-formation structures and functional and semantic categories: on the basis of verbal nouns of German. Doct. Diss.]. Ufa, 2003, 174 p.

3. Tsygankin D.V., ed. *Grammatika mordovskikh iazykov. Fonetika, grafika, orfografiia, morfologiia* [Grammar of the Mordovian languages. Phonetics, graphics, spelling, morphology] / ed. by. Saransk, 1980. 432 p.

4. Zhdanova E.A., Ratsiburskaia L.V. *Novye otglagol'nye sushchestvitel'nye so znacheniem otvlechennogo deistviia ili sostoianiia* [New verbal nouns with value of abstract action or a state] // *Vestnik Baltiiskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta. Ser. Filologiia, pedagogika, psikhologiia* [Bulletin of the Baltic federal university of I. Kant. Series: Philology, pedagogics, psychology], 2017, no. 4, pp. 12–19.

5. Zhestkova O.S. *K voprosu o probleme leksikograficheskogo opisaniia otglagol'nykh sushchestvitel'nykh* [To a question of a problem of the lexicographic description of verbal nouns]. *Izvestiia Penzenskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. V.G. Belinskogo. Gumanitarnye nauki* [News of the Penza state pedagogical university of V.G. Belinsky. Humanities], 2012, no. 27, pp. 259–261.

6. Zol'nikova N.N. *Otglagol'nye sushchestvitel'nye v nemetskom i russkom iazykakh* [Verbal nouns in the German and Russian languages]. *Vestnik Cheliabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Chelyabinsk state university], 2009, no. 7, pp. 242–252.

7. Zol'nikova N.N. *Sopostavitel'naia kharakteristika slovoobrazovatel'nykh znachenii otglagol'nykh sushchestvitel'nykh russkogo i nemetskogo iazykov* [Comparative characteristic of word-formation values of verbal nouns of the Russian and German languages]. *Vestnik Cheliabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiia. Iskusstvovedenie* [Bulletin of the Chelyabinsk state university. Philology. Art criticism], 2009, no. 7 (188), iss. 41, pp. 61–64.

8. Zol'nikova N.N. *Strukturno-semanticheskie osobennosti otglagol'nykh sushchestvitel'nykh russkogo i nemetskogo iazykov: dis. … kand. filol. nauk* [Structural-semantic features of verbal nouns of the Russian and German languages. Doct. Diss.]. Tobol'sk, 2010. 284 p.

9. Magomedova E.K. *Otglagol'nye substantivy v lakskom iazyke: dis. … kand. filol. nauk* [Verbal substantiva in the Lak language. Doct. Diss.]. Makhachkala, 2009. 149 p.

10. Sukharev A.I., ed. *Mordoviya: entsiclopediya* [Mordovia: Encyclopedia]. Saransk, 2007.

11. Mosin M.V. *Struktura proizvodnogo slova i osobennosti sochetaemosti slovoobrazuiushchikh suffiksov s osnovami v mordovskikh iazykakh* [Structure of a derivative word and feature of compatibility the slovoobrazuyushchikh of suffixes with bases in the Mordovian languages]. *Mordovskie iazyki: nastoiashchee i budushchee* [Mordovian languages: present and future]. Saransk, 2010, pp. 103–107.

12. Musatov V.N. *Slovoobrazovatel'naia polisemiia otglagol'nykh suffiksal'nykh sushchestvitel'nykh v sovremennom russkom iazyke* [Word-formation polysemanticism of verbal suffixal nouns in modern Russian]. Moscow, Flint Publ., 2013, 448 p.

13. Tashpulatova D.O., Saifullaev Kh.G. *Kharakteristika otglagol'nykh substantivatov v raznostrukturnykh iazykakh (na primere russkogo i tadzhikskogo iazykov)* [The characteristic of verbal substantivat in the raznostrukturnykh languages (on the example of the Russian and Tajik languages)]. *Issledovatel'skii zhurnal russkogo iazyka i literatury* [Research journal of Russian and literature], 2016, no. 2(8), pp. 113–131.

14. Tashpulatova D.O. *Sravnitel'no-tipologicheskii analiz otglagol'nykh substantivov v tadzhikskom, russkom i frantsuzskom iazykakh: dis. … kand. filol. nauk* [The comparative and typological analysis of verbal substantiv in the Tajik, Russian and French languages. Doct. Diss.]. Dushanbe, 2015. 146 p.

15. Trofimova O.E., Sandutsa A.A. *Russkie otglagol'nye sushchestvitel'nye XVIII veka v slovare, tekste i korpuse* [The Russian verbal nouns of the 18th century in the dictionary, the text and the case]. *Vestnik Tiumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye issledovaniia. Humanitates* [Bulletin of the Tyumen state university. Humanitarian researches. Humanitates], 2015, no. 1(1), pp. 57–68.

16. Triamkina O.E. *Obrazovanie substantivov v erzianskom i nemetskom iazykakh: Tipologicheskii aspekt issledovaniia: dis. … kand. filol. nauk* [Formation of substantiv in the Erzya and German languages: Typological aspect of a research. Doct. Diss.]. Saransk, 2000, 178 p.

17. Khabibullina E.V. *Suffiksal'noe substantivnoe slovoobrazovanie v sovremennom russkom iazyke: Na materiale slovarei novykh slov: dis. … kand. filol. nauk* [Suffixal substantive word formation in modern Russian: On material of dictionaries of new words. Doct. Diss.]. Kazan, 2001, 179 p.

18. Khitina M.V. *Suffiksal'nye slovoobrazovatel'nye makrotipy sushchestvitel'nykh v sovremennom russkom iazyke: dis. … kand. filol. nauk* [Suffixal word-formation macrotypes of nouns in modern Russian. Doct. Diss.]. Moscow, 2006, 24 p.

19. Tsygankin D.V. *Slovoobrazovanie v mordovskikh iazykakh* [Word formation in the Mordovian languages]. Saransk, Mordovian Publishing House, 1981, 81 p.

20. Chinaeva N.V., Kuznetsova S.V. *Suffiksal'noe obrazovanie abstraktnykh imen sushchestvitel'nykh v erzianskom i finskom iazykakh* [Suffixal formation of abstract nouns in the Erzya and Finnish languages]. *Molodoi uchenyi* [Young scientist], 2015, no. 22, pp. 971–976. Available at: https://moluch.ru/archive/102/23476/ (Accessed: 26.03.2018).

ARISKINA TATYANA – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of Finno-Ugric and Comparative Linguistics, Ogarev Mordovia State University, Russia, Saransk (ariskina82@mail.ru).

Формат цитирования: *Арискина Т.П.* Отглагольные имена существительные с суффиксом -ма/-мо в эрзянском языке // Вестник Чувашского университета. – 2018. – № 2. – С. 187–195.

УДК 811.161.1:001.4
ББК Ш12=411.2*34

С.Н. АФАНАСЬЕВА

ФУНКЦИИ И ПРИЗНАКИ ТЕРМИНА КАК ОСНОВА ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ ТЕРМИНА/НЕТЕРМИНА В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Ключевые слова: *термин, терминосистема, номинативность, дефиниция, моносемичность, неэкспрессивность, стилистическая нейтральность, конвенциональность.*

В данной статье рассматриваются проблемы современной русской терминологии как практической необходимости изучения имеющихся и вновь возникающих терминов и терминосистем. Особое внимание уделяется дифференциации терминов/нетерминов на основе функций и признаков термина. Рассматриваются различные точки зрения на основную функцию термина: номинативность или дефиниция; характеризуются дифференциальные признаки и особенности термина: номинативность, содержащая определение научного понятия, относящегося к конкретной терминосистеме, отсылающей к соответствующей области знания; наличие дефиниции; отсутствие экспрессивности, эмоциональности, модальности; стремление к однозначности и исключению омонимии и полисемии; точность. Описываются особенности терминов, которые должны учитываться при обучении языку специальности. Были сделаны выводы о том, что 1) граница между терминами/нетерминами подвижна, 2) работа с терминологической лексикой существенно отличается от работы с лексикой нетерминологической; 3) в основе способов введения терминов и работы с ними находятся их функции, признаки и особенности, т.е. характер языкового материала.

В процессе преподавания русского языка как иностранного в военном вузе особое значение обретает исследование вопросов, связанных с изучением терминов и терминосистем, так как они самым непосредственным образом связаны с обучением иностранцев языку их будущей специальности. Преподавателей, исследующих данные вопросы, интересует, каким образом в процентном отношении соотносятся термины и нетермины в профессионально-ориентированных научных, научно-популярных и учебно-научных текстах; доля информативности терминов в соотношении с общенаучной и общеупотребительной лексикой; характер связи терминов с контекстом и возможность знакомства с ними вне контекста; способы семантизации; отбор терминов, вводимых на занятиях по русскому языку, т.е. распределение материала между русистами и преподавателями специальных дисциплин; обоснование специфических способов и норм работы с терминами.

Решить эти вопросы невозможно без опоры на данные лингвистики, так как первичным материалом, с которым приходится работать, является естественный язык, хотя и ограниченный сферой профессионального употребления. Лингвисты уделяют немало внимания изучению терминологии, о чем свидетельствует обширная литература: статьи, диссертации, монографии.

В целях исследования терминологии рассмотрим следующие вопросы:

1) какова основная функция термина;

2) какие признаки термина являются дифференциальными;

3) какие из этих признаков надо считать базисными (основными), какие – дополнительными.

Ответы на сформулированные вопросы позволят решить, являются терминами или нет весьма распространенные в общелитературном языке слова типа «атака», «авиация», «оборона», «танк» и т.п. Для методики преподава-

ния русского языка как иностранного этот вопрос принципиально важен, так как презентация разнородного материала в учебном процессе неодинакова и способы работы на занятиях по русскому языку во многом зависят от характера языкового материала.

Существуют различные точки зрения лингвистов, определяющие основную функцию термина и его отличительные особенности.

Так, Г.О. Винокур считал, что «особая функция, в которой выступает слово в качестве термина, – это функция называния» [2. С. 6].

В.В. Виноградов сформулировал иную точку зрения. Он отказывал термину в номинативности, считая основной функцией термина дефиницию: «…слово исполняет номинативную, или дефинитивную, функцию, т.е. или является средством четкого обозначения, и тогда оно – простой знак, или средством логического определения, и тогда оно – научный термин» [3. С. 16]. Все остальные исследователи терминологии разделяли ту или иную точку зрения: Т.О. Винокура – А.А. Реформатский, Д.С. Лотте, А.И. Моисеев; В.В. Виноградова – А.С. Герд, Л.А. Капанадзе [2–4, 6, 9–11, 13, 14]. Некоторые исследователи пытались объединить две эти функции термина (К.А. Левковская) [8].

Таким образом, в вопросе о выделении основной функции термина сформировались три точки зрения на основную функцию термина: 1) номинативную; 2) дефинитивную; 3) номинативную и дефинитивную.

Помимо основной функции, лингвисты выделяют особенные, отличительные признаки термина, которые позволяют разграничить термин/нетермин.

А.А. Реформатский выделил особенности термина в его соотнесенности с понятием и в связи не с контекстом, а с терминологическим полем. Им были отмечены и такие существенные черты термина, как тенденция к моносемичности в пределах терминологического поля, неэкспрессивность, стилистическая нейтральность. Одним из необходимых свойств термина А.А. Реформатский считал лексическую и морфологическую систематичность [13, 14].

Содержательную сторону как специфическое свойство термина выделял А.С. Герд. Он писал: «Специфика термина лежит не в плане выражения, а в плане содержания, в характере его значения. Своеобразие термина в том, что термин – это слово, которому искусственно, сознательно приписывается то или иное определение, связанное с научным понятием» [4. С. 2].

Основной дифференциальный признак термина Н.З. Котелова тоже видит в его содержании и определяет его как признак конвенциональности. «Основное, неповторимое отличие термина – конвенциональность. Термин конвенционален дважды и по-разному. Во-первых, конвенционально наименование, т.е. существующему понятию можно дать название по умыслу говорящего, и конвенционально содержание существующего знака-термина. Во-вторых, наименование и содержание могут быть конвенционально лишь принятыми (возникнув, сложившись стихийно), и наименование и содержание могут быть конвенционально установлены, избраны» [7. С. 124].

План содержания и сферу употребления Ф.П. Сорокалетов считает основными отличительными особенностями термина [15].

Д.С. Лотте на основе номинальности термина, содержащего определение научного понятия и относящегося к конкретной терминосистеме, отсылающей к соответствующей области знания, писал: «Любой научно-технический термин в противовес обычному слову (или словосочетанию) должен иметь ограниченное, твердо фиксированное содержание. Это содержание

должно принадлежать термину независимо от контекста, в то время как значение обычного слова уточняется лишь в определенном контексте в сочетании с другими словами…» [9. С. 18]. Отличительным признаком термина, по Д.С. Лотте, является дефиниция, которая фиксирует содержание термина, не зависящее от контекста.

Итак, базисными дифференциальными признаками термина считаются номинативность содержащая определение научного понятия, относящегося к конкретной терминосистеме, отсылающей к соответствующей области знания, а также наличие дефиниции.

Определение термина, в котором учтены и сфера употребления, и основная функция, является определение В.П. Даниленко: «Термин – это слово (или словосочетание) специальной сферы употребления, являющееся наименованием специального понятия и требующее дефиниции» [5. С. 2].

Однако, хотя перечисленные признаки являются базисными, они недостаточны. В результате исследования различных терминов и терминосистем эти признаки были дополнены другими: отсутствием экспрессивности, эмоциональности, модальности; стремлением к однозначности и исключению омонимии и полисемии; точностью.

Большинство ученых признали стилистическую нейтральность термина.

Некоторые авторы категорически заявляют, что омонимия и полисемия в одной терминосистеме невозможны, т.е. подчеркивают однозначность терминов. Существует и другая точка зрения, так как функционирование терминов в различных областях знаний показывает возможность омонимии и полисемии. Теоретически проявление нежелательных явлений полисемии и омонимии внутри одной терминосистемы объясняется тем, что дефиниция, призванная зафиксировать семантическое наполнение терминологической единицы, чтобы обеспечить ее однозначность, варьируется в зависимости от принадлежности исследователя к определенной школе, от методики классификации, абсолютности/относительности знания предмета исследования и т.п.

На основе вышеизложенного выделяются признаки, способствующие определению терминов и разграничению терминов и нетерминов.

В результате исследования вопросов мы пришли к выводу, что точка зрения Г.О. Винокура и его сторонников представляется наиболее точной, так как термин не может определять понятие, т.е. выполнять дефинитивную функцию, термин только называет его. Не случайно, задавая вопрос: «Что такое … (далее любой термин)?», мы ждем развернутого определения. А побуждая слушателя к ответу, еще конкретнее формулируем то, что хотим услышать: «Дайте определение … (далее любой термин)». Следовательно, определение научного понятия – это функция не термина, это задача логической дефиниции, которая выступает как определяющее выражение, содержащее только уже знакомые термины.

Хотя номинативная функция термина является основной, так как это общая функция всех слов языка, она не является дифференциальной. Поэтому указанная функция не может быть разграничительной в определении термин/нетермин. Чтобы выявить дифференциальную функцию термина, проследим его появление. Любое слово (в том числе и термин) возникает как название нового предмета или явления, состояния, качества и т.д. Однако слово, называя предмет и явления, становится принадлежностью лексической системы всего языка, а термин можно считать таковым только тогда, когда

реалии и явления становятся принадлежностью определенной области знания, а слова, их называющие, приобретают двойную системность: 1) входят в лексико-терминологическую систему, обслуживающую эту область знания; 2) через понятия, стоящие за ними, включаются в логическую систему понятий профессионально ограниченной сферы.

Так, слова и соотнесенные с ними логические понятия «огонь», «оборона», «взаимодействие», «дозор», «интервал» «колонна», «маскировка», «отход», «охват», «разведка» существовали задолго до появления военной науки, получившей название «общая тактика». Но общетактическими терминами они стали тогда, когда вошли в систему военных понятий. Именно системность и обслуживание военной области знания объединили эти ранее никак не связанные друг с другом слова. На базе основного значения у них развивалось другое, более узкое, терминологическое значение [12].

Однако есть термины, которые сразу возникли в рамках определенной терминосистемы. Такое явление можно наблюдать тогда, когда область знаний уже сформировалась в определенную науку, обслуживающая ее терминосистема сложилась, а сама наука носит больше отвлеченный, чем практический характер. Поскольку общая тактика не является таковой, подобных примеров не так много (*полк*, *пушка*, *эшелон*), чаще – это слова, иноязычные по происхождению (*десант*, *дивизия*, *гаубица*, *рота*, *пистолет*, *мина*, *арьергард*).

Наблюдается в языке и обратное явление, т.е. термин перестает быть таковым. Его можно рассматривать как термин только в историческом плане. Это происходит тогда, когда снятым оказывается вооружение, которое термин обозначал (*ружье*, *винтовка*, *тачанка*), или не существует явления (*дальние огневые подступы*, *сближение*).

Исходя из вышеизложенного, следует отметить, что основной функцией термина (наряду с номинативностью) является также функция обслуживания определенной области знания, и она становится для термина дифференциальной. Из дифференциальной функции термина вытекают его признаки.

Именно благодаря тому, что термины обслуживают какую-либо область знания, специалисты этой области определяют, какое значение будет дано новой реалии или вновь открытому явлению. Отсюда одним из признаков термина будет конвенциональность названия, а договоренность по объему содержания влечет за собой конвенциональность содержания. Конвенциональность содержания способствует однозначному употреблению термина, избежанию полисемии и омонимии, которые, как было сказано выше, являются отрицательными явлениями в терминологии.

Договоренность об объеме содержания оформляется вербально выраженной дефиницией. Таким образом, признаки конвенциональности содержания и наличия дефиниции обусловливают друг друга и предопределяют независимость термина от контекста. Термин всегда содержит информацию об определяемом предмете или явлении независимо от контекста. Данная информация, заложенная в дефиниции, уясняется с овладением термином.

В любом словаре (толковом, энциклопедическом, терминологическом) в дефиниции термина он почти никогда не заменяется на местоимения, какой бы объемной ни была дефиниция и сколько бы раз сам термин ни повторялся в ней. Например: «*Комендантский участок* – часть маршрута передвижения войск с организованной на нем комендантской службой. Протяженность *комендантского участка* – обычно около 100 км. На *комендантском участке*

обычно назначается комендант с необходимыми силами и средствами. В пределах *комендантского участка* выставляются комендантские посты, посты регулирования движения, контрольно-пропускные пункты. При протяженности маршрута менее 100 км *комендантский участок* не создается; в этом случае может назначаться комендант маршрута».

«*Походная колонна* – построение части, подразделения для передвижения маршем по одному маршруту. *Походная колонна* части расчленяется по глубине на колонны подразделений и прикрывается походным охранением.

В условиях угрозы столкновения с противником *походная колонна* строится в соответствии с замыслом предстоящего боя с учетом быстрого развертывания войск в боевой порядок. *Походные колонны* для совершения марша вне угрозы столкновения с противником строятся из однотипных машин (по скорости движения) в целях достижения высокой скорости, наименьшего напряжения сил личного состава и сохранности военной техники. Для гусеничных машин может назначаться отдельный маршрут движения» [1. С. 137].

Причины этого явления, на наш взгляд, связаны с еще одним базисным признаком термина – его нереферентным употреблением.

Под референцией (в широком смысле) понимается отношение имени к объекту, им называемому; соотнесенность имени или дескрипции к конкретному, известному говорящему предмету (в отличие от денотации – отношения к предмету речи вообще). Однако имя или дескрипция отдельного предмета может быть определенной или неопределенной, а неопределенная дескрипция лишена референтности, не соотнесена с предметной областью.

Очевидно, что термин называет не конкретный предмет и не единичное явление. В понятийном содержании термина объединены характерные признаки и особенности, которые будут присущи каждому предмету или явлению, которое этим термином называется. Отсюда можно сделать вывод о нереферентности терминов. Одним из признаков референтного употребления называют возможность определения имени придаточным ограничительным, причем придаточное должно выводиться из предтекста. Например: «Я увидел на остановке человека. Человек, которого я увидел на остановке, держал газету». Попробуем заменить термин в его дефиниции придаточным ограничительным. Например: «Комендантский участок – часть маршрута передвижения войск с организованной на нем комендантской службой. Протяженность комендантского участка, который является частью маршрута движения войск, обычно 100 км. На комендантском участке, протяженность которого обычно около 100 км, назначается комендант. В пределах комендантского участка, в пределах которого назначается комендант, выставляются комендантские посты. При протяженности маршрута менее 100 км комендантский участок, в пределах которого выставляются посты, не создается».

Как видно из текста, придаточные не выполняют в данном случае функции ограничения, их функция – напоминание о тех характерных признаках, которые были названы ранее.

Итак, к основным, базисным признакам термина, которые связаны с дифференциальной функцией обслуживания определенной области знания, следует отнести: 1) конвенциональность названия, 2) конвенциональность содержания: 3) наличие дефиниции; 4) нереферентность употребления. Остальные признаки термина предлагается называть дополнительными, так как с основной дифференциальной функцией они связаны опосредованно, через базисные признаки.

По законам составления дефиниции все отличительные особенности термина должны быть включены в его дефиницию. Поэтому предлагается следующее определение термина: термин – это конвенциональное по названию и содержанию, отраженному в дефиниции, слово или словосочетание определенной области знания, которое является названием реалий и явлений этой сферы и употребляется нереферентно.

Итак, знание функций, базисных и дополнительных признаков терминов создает предпосылки для решения методических задач в работе со слушателями-иностранцами и позволяет сделать следующие выводы: 1) граница между терминами/нетерминами весьма подвижна, и, руководствуясь принципом методической целесообразности, к терминам можно отнести те языковые единицы, которые преподавателями специальных дисциплин классифицируются как термины, что не всегда совпадает с точкой зрения лингвистов; 2) работа с терминологической лексикой существенно отличается от работы с лексикой нетерминологической, что отражается в системе заданий учебных пособий по обучению языку специальности; 3) в основе способов введения терминов и работы с ними находятся их функции, признаки и особенности, т.е. характер языкового материала.

С учетом вышеизложенного разрабатываются специальные учебные пособия по русскому языку для овладения слушателями – иностранными военнослужащими – военной терминологией, так как термины являются наиболее информативными элементами учебно-научных и научных текстов по специальным дисциплинам.

Литература

1. *Афанасьева С.Н., Меркулова Т.В., Сидорова Ю.А., Васюкова Л.Б.* Русский язык. Обучение научному стилю речи. М.: ВУНЦ СВ «ОВА ВС РФ», 2013. С. 137.

2. *Винокур Г.О.* О некоторых явлениях словообразования в русской технической терминологии // Труды Московского института истории, философии и литературы. М., 1939. Т. V. С. 6.

3. *Виноградов В.В.* Русский язык. М.: Высш. шк., 1972. С. 16.

4. *Герд А.С.* Проблемы формирования научной терминологии. Л.: [Б.и.], 1968. С. 2.

5. *Даниленко В.П.* Лексика языка науки. Терминологии. М.: [Б.и.], 1977. С. 2.

6. *Капанадзе Л.А.* О понятиях «термин» и «терминология» // Развитие лексики современного русского языка. М.: Наука, 1965.

7. *Кателова Н.З.* К вопросу о специфике термина // Лингвистические проблемы научно-технической терминологии. М.: Наука, 1970. С. 124.

8. *Левковская К.А.* Теория слова. М.: Высш. шк., 1962.

9. *Лотте Д.С.* Основы построения научно-технической терминологии: вопросы теории и методики. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1961. С. 18.

10. *Микони С.В.* Системный взгляд на современную терминологию // Системный анализ в проектировании и управлении: сб. науч. тр. 19-й Междунар. конф. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского политехн. ун-та, 2015. С. 62–71.

11. *Моисеев А.И.* О языковой природе термина // Лингвистические проблемы научно-технической терминологии. М.: Наука, 1970.

12. *Ожегов С.И.* Словарь русского языка. М.: Рус. яз., 1984.

13. *Реформатский А.А.* Что такое термин и терминология. М., 1959.

14. *Реформатский А.А.* Введение в языковедение. М.: [Б.и.], 1967.

15. *Сорокалетов Ф.П.* История военной лексики в русском языке. XI–XII вв. Л.: Наука, 1970.

АФАНАСЬЕВА СВЕТЛАНА НИКОЛАЕВНА – кандидат военных наук, заведующая кафедрой русского языка, Военный учебно-научный центр Сухопутных войск «Общевойсковая академия Вооружённых Сил Российской Федерации», Россия, Москва (s.n.afanaseva@gmail.com).

S. AFANASYEVA

FUNCTIONS AND SIGNS OF A TERM AS A BASIS FOR DIFFERENTIATION BETWEEN A TERM / A NON-TERM IN THE MODERN RUSSIAN LANGUAGE

Key words: *term, terminological system, nominativity, definition, monosemicity, non-expressiveness , stylistic neutrality, conventionality.*

This article deals with the problems of modern Russian terminology as a practical need to study existing and emerging terms and terminological systems. A particular attention is paid to differentiation of terms / non-terms on the basis of functions and features of a term. The article considers different points of view on the main function of a term: nominativity or definition; differential signs and features of a term are characterized: nominativity containing the definition of a scientific concept related to a particular terminological system referring to a relevant field of knowledge; presence of a definition; absence of expressiveness, emotionality, modality; striving for uniqueness and exclusion of homonymy and polysemy; accuracy. The features of terms that should be taken into account when teaching the language of a specialty are described. It is concluded that: 1) the boundary between terms / non-terms is mobile, 2) working with terminological vocabulary is significantly different from working with the nonterminological vocabulary; 3) introducing terms and working with them are determined by their functions, signs and features, i.e. the nature of the linguistic material.

References

1. Afanasyeva S.N., Merkulova T.V., Sidorova Yu.A., Vasyukova L.B. *Russkii yazyk. Obuchenie nauchnomu stilyu rechi* [Russian language. Teaching the scientific style of speech]. Moscow, 2013, p. 137.

2. Vinokur G.O. *O nekotorykh yavleniyakh slovoobrazovaniya v russkoi tekhnicheskoi terminologii* [On some phenomena of word formation in Russian technical terminology]. *Trudy Moskovskogo instituta istorii, filosofii i literatury* [Proceedings of the Moscow Institute of History, Philosophy and Literature]. Moscow, 1939, vol. V, p. 6.

3. Vinogradov V.V. *Russkii yazyk* [Russian language]. Moscow, Vysshaya Shkola Publ., 1972, p. 16.

4. Gerd A.S. *Problemy formirovaniya nauchnoi terminologii* [Problems of the formation of scientific terminology]. Leningrad, 1968, p. 2.

5. Danilenko V.P. *Leksika yazyka nauki. Terminologii* [Lexicon of the language of science. Terminology]. Moscow, 1977, p. 2.

6. Kapanadze L.A. *O ponyatiyakh «termin» i «terminologiya»* [On the concepts of «term» and «terminology»]. In: *Razvitie leksiki sovremennogo russkogo yazyka* [Development of vocabulary of the modern Russian language]. Moscow, Nauka Publ., 1965.

7. Katelova N.Z. *K voprosu o spetsifike termina* [To the question of the specificity of the term]. In: *Lingvisticheskie problemy nauchno-tekhnicheskoi terminologii* [Linguistic Problems of Scientific and Technical Terminology]. Moscow, Nauka Publ., 1970, p. 124.

8. Levkovskaya K.A. *Teoriya slova* [Theory of the word]. Moscow, 1962.

9. Lotte D.S. *Osnovy postroeniya nauchno-tekhnicheskoi terminologii: voprosy teorii i metodiki* [Fundamentals of the construction of scientific and technical terminology. Questions of theory and methodology]. Moscow, 1961, p. 18.

10. Miconi S.V. *Sistemnyi vzglyad na sovremennuyu terminologiyu* [Systemic view of modern terminology]. *Sistemnyi analiz v proektirovanii i upravlenii*: *sb. nauch. tr. 19-i Mezhdunarod. konf.* [Proc. of 19th Int. Conf. «System Analysis in Design and Management»]. St. Petersburg, 2015, pp. 62–71.

11. Moiseev A.I. *O yazykovoi prirode termina* [On the linguistic nature of the term]. In: *Lingvisticheskie problemy nauchno-tekhnicheskoi terminologii* [Linguistic Problems of Scientific and Technical Terminology]. Moscow, Nauka Publ., 1970.

12. Ozhegov S.I. *Slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian language]. Moscow, Russkii yazyk Publ., 1984.

13. Reformatsky A.A. *Chto takoe termin i terminologiya* [What is the term and terminology]. Moscow, 1959.

14. Reformatsky A.A. *Vvedenie v yazykovedenie* [Introduction to Linguistics]. Moscow, 1967.

15. Sorokaletov F.P. *Istoriya voennoi leksiki v russkom yazyke. XI–XII vv.* [History of military vocabulary in the Russian language. XI–XII centuries]. Leningrad, 1970.

AFANASYEVA SVETLANA – Candidate of Military Sciences, Head of Russian Language Department, Russian Military Training and Research Center of the Land Forces «Combined Arms Academy of the Armed Forces of the Russian Federation», Russian, Moscow (s.n.afanaseva@gmail.com).

Формат цитирования: *Афанасьева С.Н.* Функции и признаки термина как основа дифференциации термина/нетермина в современном русском языке // Вестник Чувашского университета. – 2018. – № 2. – С. 196–202.

УДК 378.016:811.161.1-057.875-054.6
ББК Ш12=411.2*003р30(2)

С.Н. АФАНАСЬЕВА

О РОЛИ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА В ОБУЧЕНИИ РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК СРЕДСТВУ ОБЩЕНИЯ

Ключевые слова: *межкультурная коммуникативная компетенция, языковая картина мира, русский язык как средство общения, лингвострановедческая информация.*

Данная статья посвящена роли языковой картины мира в формировании межкультурной коммуникативной компетенции. В статье особо подчеркивается, что овладение русским языком как средством общения невозможно без лингвострановедческих и социокультурных знаний. В статье обращается внимание на то, что коммуникативно-деятельностный и культуроведческий подходы должны стать основой выработки межкультурной коммуникативной компетенции при обучении русскому языку; характеризуется роль источников лингвострановедческой информации, определяемой общими целями и условиями обучения в естественной языковой, этносоциокультурной среде и их места в коммуникативном взаимодействии иностранцев с представителями других языковых групп на русском языке в учебной, социокультурной и бытовой сферах общения; описывается методика формирования межкультурной коммуникативной компетенции, разработанная автором учебного пособия «Русский язык. Лингвострановедческий аспект обучения», цель которого – познакомить иностранных обучающихся с явлениями русской культуры, ввести лексику определенной страноведческой тематики, а также активизировать навыки и умения употребления в речи и понимания языковых единиц с национально-культурным компонентом значения. Делается вывод о том, что обучение русскому языку как средству общения должно быть основано на научных результатах современных исследований языковой картины мира.

Эффективное владение иностранным языком как средством общения невозможно без знаний «мира изучаемого языка, в основе которого лежит исследование социокультурной картины мира, нашедшей свое отражение в языковой картине мира. Картина мира, окружающего носителей языка, не просто отражается в языке, она и формирует язык и его носителя, и определяет особенности речеупотребления. Вот почему без знания мира изучаемого языка невозможно изучать язык как средство общения» [9. С. 19].

Иностранцы, обучающиеся в российских вузах, овладевают русским языком в целях общения в разных средах, сферах, жанрах. Иностранные обучающиеся военных вузов осуществляют общение в инокультурной среде: повседневно-бытовой и социокультурной сферах общения; в инокультурной военно-образовательной среде вуза: учебно-профессиональной сфере общения.

Исходя из этого, главную цель подготовки иностранных обучающихся можно определить как формирование коммуникативной компетенции в учебно-профессиональной деятельности на основе межкультурного взаимодействия, которое в условиях инокультурной среды способствует развитию личностных качеств обучающегося, его интегрированию в русскую культуру. Все это, во-первых, сокращает период адаптации обучающихся в новых условиях, во-вторых, обеспечивает эффективное функционирование в учебно-профессиональной сфере деятельности, в-третьих, оказывает положительное воздействие на участие в коллективном взаимодействии с представителями различных культур посредством русского языка, что является объективной необходимостью для иностранных военнослужащих, обучающихся в российских вузах МО РФ.

Изучение научно-методической литературы дает возможность понимать под межкультурной компетенцией толерантное отношение к функционированию в одном сообществе представителей разных этнокультурных групп [1, 4, 8].

В процессе овладения слушателями межкультурной компетенцией должны быть сформированы навыки восприятия русской культуры и ее ретрансляции в иную социокультурную сферу (родную культуру слушателя).

Исходя из этого необходимо дифференцировать культурологические, страноведческие, социокультурные и лингвистические знания, а также коммуникативные и стратегические умения.

Следует отметить, что в научно-методической литературе, посвященной проблемам формирования межкультурной коммуникации, выделяются предметная, профессиональная, лингвострановедческая, страноведческая, культурологическая, поведенческая компетенции, которые представляют собой уровни одной системы межкультурных знаний, умений и навыков [3, 9] .

Лингвистическая компетенция играет наиболее важную роль в формировании межкультурной коммуникативной компетенции, так как именно язык, выполняя коммуникативную, конструктивную, аккумулятивную, метаязыковую функции является средством постижения языковой картины мира носителей языка [2] и позволяет иностранцу осуществлять все виды речевой деятельности на русском языке, воспроизводить информацию текстов, создавать собственные речевые произведения в разных стилях и жанрах.

Исходя из вышеизложенного представляется возможным определить факторы, обеспечивающие эффективность процесса формирования межкультурной коммуникативной компетенции как готовности к планированию и организации коммуникативного процесса с использованием русского языка на общекультурном уровне следующим образом:

1) владение русским языком в необходимом и достаточном объеме;

2) умение выстраивать эффективные коммуникации в соответствии с лингвистическими и экстралингвистическими нормами поведения коммуникантов;

3) наличие социального опыта, обеспечивающего адекватное восприятие окружающего мира и умение использовать знания об обществе как социально-экономической системе;

4) владение ценностными ориентациями, включающими осознание и понимание культуры, религии и национальных особенностей представителей инокультур;

5) понимание и восприятие ценностей и норм российского общества, основанных на идеалах добра, справедливости, честности, толерантности;

6) открытость к познанию инокультуры и готовность изменить представление о ней на основе новых знаний.

Формирование межкультурной коммуникативной компетенции, обусловленное включением в содержание профессионально ориентированного лингвистического и социокультурного аспектов, обеспечивает коммуникативные потребности иностранных военнослужащих в процессе обучения и жизнедеятельности в инокультурной среде, а в дальнейшем, после завершения обучения в Российской Федерации, в профессиональной деятельности в национальных армиях. Содержание подготовки на основе межкультурной коммуникативной компетенции находит свое отражение в содержании учебных дисциплин общенаучного и профессионального циклов, а также в основных видах деятельности слушателей в вузе.

Коммуникативно-деятельностный и культуроведческий подходы должны стать основой выработки межкультурной коммуникативной компетенции при обучении русскому языку. Овладение данной компетенцией должно обеспечить эффективное взаимодействие членов учебного коллектива, включающего обучающихся из разных стран мира и представляющих разные культуры; способствовать сочетанию рациональной и эмоционально-ценностной сторон познания, а также разных видов речевой деятельности на репродуктивном и продуктивном уровнях. Для иностранца, изучающего русский язык, весьма актуальным является овладение информацией лингвострановедческого характера, обеспечивающей адекватное понимание носителей языка. Помимо этого изучение «национальной культуры необходимо для овладения литературным языком современной нации» [5. С. 35].

Таким образом, информация лингвострановедческого характера создает базу для овладения языковой картиной мира носителя языка, что является необходимым условием для успешного функционирования иностранного обучающегося в инокультурной среде. Характер лингвострановедческой информации, используемой при выработке межкультурной коммуникативной компетенции, определяется общими целями и условиями обучения в естественной языковой, этносоциокультурной среде.

В связи с вышеизложенным отбор и организация учебного материала осуществляются в соответствии с целями обучения, социальными ролями иностранных обучающихся во время их жизнедеятельности в России, коммуникативными потребностями в разных сферах общения и др. Изучение вопроса о месте информации лингвострановедческого характера в коммуникативном взаимодействии иностранцев с русскоязычными членами различных коллективов в учебной, социокультурной и бытовой сферах общения позволяет определить необходимый и достаточный материал.

Сложная политическая ситуация в мире, наличие агрессивных сил, пытающихся исказить международную роль Российской Федерации и нравственные ценности ее народа, диктуют необходимость при обучении иностранных военнослужащих в российских военных вузах особое внимание уделять формированию уважительного отношения к историческому и культурному наследию русского народа, адекватного понимания и восприятия современных реалий России и её внешнеполитического курса.

Как отмечает Л.В. Куликова, «преферирующая роль пособия по РКИ … – это посредничество в позитивной аккультурации иноязычного слушателя на основе создания объективного, но привлекательного образа России» [6. С. 54].

Исходя из этого учебные издания лингвострановедческой направленности должны включать материалы, создающие позитивный образ русскоязычного мира.

В соответствии с данным положением автором статьи было разработано учебное пособие «Русский язык. Лингвострановедческий аспект обучения», целью которого являются ознакомление иностранных обучающихся с явлениями русской культуры, введение лексики определенной страноведческой тематики, а также активизация навыков и умений употребления в речи и понимания с «национально-культурной семантикой языковых единиц» и другой фоновой лексики [10. С. 55].

Цель пособия обусловила систему заданий, отбор и организацию текстового материала, а также художественных фильмов. В результате работы по

формированию межкультурной коммуникативной компетенции у слушателей вырабатываются гибкие навыки, т.е. способность переносить навыки, сформированные на занятиях по русскому языку, на другой лексико-грамматический и стилистический материал, а также способности находить и понимать элементы, отражающие культурно-национальную специфику русских людей.

В пособии основными носителями информации лингвострановедческого характера являются художественные фильмы из «золотого фонда» российской кинематографии. Материалы пособия и кинофильмы частично дублируют друг друга в содержательном плане, но отличаются по технологии исполнения и характеру использования в процессе обучения.

Пособие состоит из четырёх блоков-модулей: «Фильм первый: «Я шагаю по Москве», «Фильм второй: “Офицеры”», «Фильм третий: “Маршал Жуков. Страницы биографии”», «Фильм четвёртый: “Судьба человека”».

Блоки построены по единому принципу и имеют одинаковую структуру: тексты, страноведческий комментарий, коммуникативные упражнения, конкурсные и ситуативные задания, дополнительный материал. Названия разделов: «Проверьте себя», «Что это значит?», «Чтобы речь была правильной», «Давайте поговорим», «Фильм, фильм, фильм», «Анонс фильма», «Сам себе режиссёр», «Это интересно». Данные названия уже сами несут лингвострановедческую информацию.

Каждый блок начинается с текста для ознакомительного чтения. В разделе «Что это значит?» даются толкование новых слов, речевые конструкции и иллюстративный материал; основное внимание уделяется работе с фоновой лексикой, архаизмами, историзмами, экзотизмами. В разделе «Чтобы речь была правильной» содержатся рекомендации и задания по употреблению языковых средств в соответствии с нормами современного русского литературного языка. В разделе «Давайте поговорим» представлены задания, направленные на определение уровня понимания и усвоения прочитанного материала, а также на выявление адекватного восприятия страноведческой информации. Раздел «Узнаем больше об этом фильме» включает тексты для самостоятельной работы, содержащие дополнительную информацию об истории создания кинофильмов и творческой биографии актёров и режиссёров. Все задания разделов «Фильм, фильм, фильм», «Анонс фильма», «Сам себе режиссёр», «Это интересно» носят творческий характер и способствуют активному включению обучающихся в диалог культур, взаимодействию с представителями инокультур на основе обсуждения тем лингвострановедческого характера.

Разработанная методика формирования основ межкультурной коммуникативной компетенции предполагает несколько этапов работы с материалом.

На первом этапе снимаются языковые трудности восприятия кинотекста и трудности понимания его содержания, вводятся и закрепляются новые слова, анализируются непривычные для иностранных слушателей аутентичные разговорные формулы, лингвострановедческие реалии, формируется социально-психологический фон и содержательные ориентиры для дальнейшего восприятия формы и содержания художественного фильма. Во вступительной беседе рекомендуется дать краткий комментарий о создателях фильма, тезисный экскурс в ту историческую ситуацию, на фоне которой развиваются сюжет и действие фильма, а также общую характеристику главных героев, облегчающую иностранным зрителям целостное восприятие кинопроизведения.

На втором этапе работы формирование основ межкультурной коммуникативной компетенции слушателей осуществляется посредством системы упражнений.

Под системой упражнений, направленных на формирование основ межкультурной коммуникативной компетенции, понимается оптимальный набор необходимых типов упражнений, выполнение которых в достаточном количестве и определённой последовательности обеспечивает наиболее благоприятные условия для эффективного усвоения знаний и формирования практических навыков и умений, входящих в содержание межкультурной коммуникативной компетенции. Упражнения разработаны с учетом основных общедидактических и методических принципов обучения русскому языку как иностранному и характеризуются коммуникативной направленностью.

Последний этап содержит тот учебно-тренировочный материал, с помощью которого создаются ситуации, определяемые картиной мира данной культуры. Он может содержать определенный набор вопросов для проверки степени понимания зрительской аудиторией просмотренного видеоматериала, а также проблемные вопросы, предполагающие развертывание широкой дискуссии в аспекте диалога культур.

Для эффективной реализации методики формирования межкультурной коммуникативной компетенции при подборе текстового материала и разработке упражнений учитывались следующие условия.

Спиральность (диалектичность) подачи необходимого, четко ранжированного по степени сложности, строго дозированного страноведческого материала. Это означает поэтапное, целенаправленное, коммуникативно обусловленное программным содержанием приращение знаний страноведческой информации; формирование и развитие необходимых навыков и умений использования языковых средств в предложенных преподавателем ситуациях общения, постепенное усложнение речевой деятельности [7]. Комплексность, то есть модульное усвоение необходимого и достаточного лингвострановедческого материала с опорой на взаимосвязанное развитие форм активного владения речью. Гибкость формируемых навыков и умений речевой деятельности, способность к использованию их на занятиях по другим изучаемым дисциплинам.

Упражнения подразделяются на группы: формирование понимания и навыков использования в речи языкового материала с национально-культурным компонентом; формирование фоновых знаний; взаимосвязанное обучение чтению, аудированию, письму и говорению (диалогической и монологической речи); формирование представления о концептах и ценностях русской культуры.

В данную систему включены несколько видов упражнений, каждый из которых направлен на формирование конкретного умения.

Упражнения, направленные на создание мотивации чтения; развитие умения прогнозировать содержание текста по заголовку, иллюстрациям, ключевым словам; снятие лексико-грамматических трудностей. Важной задачей данного этапа является формирование у слушателей заинтересованности в чтении предлагаемого текста и последующем просмотре кинофильма.

Упражнения, направленные на активизацию имеющихся и новых лингвострановедческих знаний, необходимых для понимания текста, просмотра кинофильма; формирование навыков извлечения национально-культурной информации; развитие умений работать с национально-окрашенным языковым материалом (фоновая лексика, историзмы, архаизмы, экзотизмы и т.д.).

Текст способствует усвоению национальной специфики изучаемой культуры. Он выполняет функцию источника не только языковой, но и лингвострановедческой информации, а также образца использования речевых средств. Сюда же можно отнести комментарии, раскрывающие особенности употребления отдельных слов, конструкций, при помощи которых слушатели определяют национально-культурную семантику языковых единиц.

Слушателям предлагаются задания, направленные на работу с языковым материалом с национально-культурным компонентом, по выделению в тексте национально-окрашенных языковых единиц, их семантизации и систематизации, что, несомненно, способствует лучшему пониманию и усвоению страноведческого материала [2]. В то же время выполнение заданий подобного рода способствует формированию через язык того социально-культурного и исторического опыта, который отсутствует у иностранных слушателей.

Слушателям предлагаются задания на развитие умения понимать стереотипы поведения в определенных жизненных ситуациях представителей инокультуры. К данному виду упражнений относятся и упражнения, направленные на формирование умения выявлять общие и национально-специфические особенности русской культуры и культуры обучающегося. Использование упражнений, направленных на изучение русской культуры через сравнение с родной культурой, способствует взаимопониманию и формированию позитивного отношения к изучаемой культуре и более глубокому познанию ее особенностей, совершенствованию знаний о ней.

Также иностранные слушатели знакомятся с навыками вербального и невербального поведения, речевыми и неречевыми нормами поведения, принятыми в русской культуре, и выполняют упражнения, направленные на формирование навыков и умений эффективного общения в ситуациях межкультурного взаимодействия.

Упражнения, направленные на формирование представлений о культурных концептах и моральных ценностях; навыков и умений извлечения фоновой информации из текста, кинофильма; навыков и умений вербального и невербального поведения в ситуациях межкультурного общения.

Слушателям предлагаются задания, ориентированные на формирование умений извлечения фоновой информации из текста и кинофильма, выявления общих и национально-специфических особенностей русской культуры и культуры обучающегося. Мотивы поведения героев, обусловленные национальными особенностями русской культуры, определяют степень актуальности обсуждаемых идей в современном обществе. На основе сравнения определяют ценностные приоритеты, выявляют национально-культурную специфику содержания культурных концептов, моделируя фрагмент ценностной картины мира русского народа, что ведет к формированию основ межкультурной коммуникативной компетенции.

Основные цели преподавания русского языка как иностранного: коммуникативные, общеобразовательные, воспитательные – достигаются полнее, если аудиторные формы работы сочетаются с планомерной и целенаправленной внеаудиторной работой. Многообразные формы внеаудиторной работы – экскурсии; тематические беседы; внеаудиторное чтение; участие в мероприятиях, посвященных памятным датам; интернациональные встречи-презентации – способствуют более успешному усвоению русского языка, активно формируют у слушателей фоновые знания.

Следует отметить, что реализация целей формирования межкультурной коммуникативной компетенции в ходе обучения русскому языку иностранных военнослужащих – процесс долговременный, включающий в работу разные формы, сферы и среды общения, а также охватывающий большое количество самых различных тематических направлений и дисциплин.

При изучении материалов страноведческой тематики иностранные обучающиеся получают возможность расширить свои знания об истории страны изучаемого языка, правильно понять ценности русского народа, связанные с исторической памятью, адекватно воспринимать многие процессы, происходящие в современной России, и проводимую ею внешнюю политику, а также овладеть качествами, необходимыми для эффективного бесконфликтного взаимодействия в условиях инокультурной образовательной среды.

Как отмечает С.Г. Тер-Минасова в своей книге «Язык и межкультурная коммуникация», «тесная связь и взаимозависимость преподавания иностранных языков и межкультурной коммуникации настолько очевидны, что вряд ли нуждаются в пространных разъяснениях. Каждый урок иностранного языка – это перекресток культур, это практика межкультурной коммуникации, потому что каждое иностранное слово отражает иностранный мир и иностранную культуру: за каждым словом стоит обусловленное национальным сознанием представление о мире» [9. С. 24].

В заключение можно сделать вывод о том, что обучение русскому языку как средству общения должно быть основано на научных результатах современных исследований языковой картины мира.

Литература

1. *Богатырева И.И.* Языковая картина мира. URL: http://www.portal-slovo.ru./philology/ 43646.php.

2. *Вежбицкая А.* Понимание культур через посредство ключевых слов / пер. с англ. А.Д. Шмелева. М.: Языки славянской культуры, 2011.

3. *Верещагин Е.М., Костомаров В.Г.* В поисках новых путей развития лингвострановедения: концепция речеповеденческих тактик. М.: Гос. ин-т рус. яз. им. А.С. Пушкина, 1999, 84 с.

4. *Гальскова Н.Д.* Современная методика обучения иностранным языкам. М.: АРКТИ; ГЛОССА, 2004. 103 с.

5. *Городилова Г.Г.* Обучение речи и технические средства (на материале преподавания рус. яз. студентам-иностранцам). М.: Рус. яз., 1979. 206 с.

6. *Куликова Л.В.* Миссия учебника по РКИ в формировании позитивной концептуальной картины мира о России // Куликова Л.В. Политическая лингвистика / гл. ред. А.П. Чудинов; Урал. гос. пед. ун-т. Екатеринбург, 2017. Вып. 1(61). С. 53–59.

7. Практическая методика преподавания русского языка на начальном этапе / *Н.С. Власова и др*. М.: Рус. яз., 1990. 230 с.

8. *Сепир Э.* Статус лингвистики как науки // Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии: пер. с англ. М.: Прогресс, 1993. 656 с.

9. *Тер-Минасова С.Г.* Язык и межкультурная коммуникация. М.: Слово, 2000. 261 с.

10. *Томахин Г.Д.* От страноведения к фоновым знаниям носителей языка и национально-культурной семантике языковых единиц в их языковом сознании // Русский язык за рубежом. 1995. № 1. С. 54–59.

АФАНАСЬЕВА СВЕТЛАНА НИКОЛАЕВНА – кандидат военных наук, заведующая кафедрой русского языка, Военный учебно-научный центр Сухопутных войск «Общевойсковая академия Вооружённых Сил Российской Федерации», Россия, Москва (s.n.afanaseva@gmail.com).

S. AFANASYEVA

ON THE ROLE OF LINGUISTIC WORLD VIEW IN TEACHING THE RUSSIAN LANGUAGE AS A MEANS OF COMMUNICATION

Key words: *intercultural communicative competence, linguistic world view, the Russian language as a means of communication, linguistic and cultural regional information.*

The present article is devoted to the role of linguistic world view in formation of intercultural communicative competence. The article emphasizes that mastering the Russian language as a means of communication is impossible without linguistic-cultural and socio-cultural knowledge. The article draws attention to the fact that communicative and activity-oriented and culturological approaches should become the basis for developing intercultural communicative competence in teaching the Russian language; the role of sources of linguistic and cultural information determined by general goals and conditions of instruction in a natural linguistic, ethno-socio-cultural environment and their place in communicative interaction of foreigners with representatives of other linguistic groups in Russian in educational, socio-cultural and everyday spheres of communication are characterized; the article describes the technique for developing intercultural communicative competence which is presented in the manual developed by the author, the aim of which is to introduce foreign students to the phenomena of the Russian culture, to introduce certain linguistic and cultural vocabulary units and to activate skills to use in speech and understand linguistic units with a national-cultural component of meaning. The conclusion is drawn that the teaching the Russian language as a means of communication should be based on scientific results of modern studies of linguistic world view.

References

1. Bogatyreva I.I. *Yazykovaya kartina mira* [Language picture of the world]. Available at: http://www.portal-slovo.ru./philology/43646.php.

2. Wierzbicka A. Understanding Cultures through Their Key Words. New York, Oxsford, Oxford University Press, 1997 (Russ. ed.: Understanding cultures through the medium of key. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ., 2011).

3. Vereshchagin E.M., Kostomarov V.G. *V poiskakh novykh putei razvitiya lingvostranovedeniya: kontseptsiya rechepovedencheskikh taktik* [In the search for new ways of development of linguistic culture: the concept of speech-based tactics]. Moscow, 1999, 84 p.

4. Galskova N.D. *Sovremennaya metodika obucheniya inostrannym yazykam* [Modern methods of teaching foreign languages]. Moscow, 2004, 103 p.

5. Gorodilova G.G. *Obuchenie rechi i tekhnicheskie sredstva na materiale prep. rus. yazyka studentam-inostrantsam* [Training of speech and technical means on the material prep. Rus. language to foreign students]. Moscow, Russkii Yazyk Publ., 1979, 206 p.

6. Kulikova L.V. Missiya uchebnika po RKI v formirovanii pozitivnoi kontseptual'noi kartiny mira o Rossii [The mission of the textbook on RCTs in the formation of a positive conceptual picture of the world about Russia]. In: Chudinov A.P., ed.; Kulikova L.V. *Politicheskaya lingvistika* [Political Linguistics]. Ekaterinburg, 2017, iss. 1(61), p. 53–59.

7. Vlasov N.S. et al. *Prakticheskaya metodika prepodavaniya russkogo yazyka na nachal'nom etape* [Practical methods of teaching Russian at the initial stage]. Moscow, Russkii Yazyk Publ., 1990, 230 p.

8. The collected works of Edward Sapir. Berlin, New York, 1900 (Russ. ed.: Sepir E. Izbrannye trudy po yazykoznaniyu i kul'turologii. Moscow, 1993, 656 p.).

9. Ter-Minasova S.G. *Yazyk i mezhkul'turnaya kommunikatsiya* [Language and Intercultural Communication]. Moscow, Slovo Publ., 2000, 261 p.

10. Tomakhin G.D. *Ot stranovedeniya k fonovym znaniyam nositelei yazyka i natsional'no-kul'turnoi semantike yazykovykh edinits v ikh yazykovom soznanii* [From regional studies to background knowledge of native speakers and the national and cultural semantics of linguistic units in their linguistic consciousness]. *Russkii yazyk za rubezhom* [Russian language abroad], 1995, no. 1, pp. 54–59.

AFANASYEVA SVETLANA – Candidate of Military Sciences, Head of Russian Language Department, Russian Military Training and Research Center of the Land Forces «Combined Arms Academy of the Armed Forces of the Russian Federation», Russian, Moscow (s.n.afanaseva@gmail.com).

Формат цитирования: *Афанасьева С.Н.* О роли языковой картины мира в обучении русскому языку как средству общения // Вестник Чувашского университета. – 2018. – № 2. – С. 203–210.

УДК 378.016:811.161.1'38
ББК Ш12=411.2*512р30

С.Н. АФАНАСЬЕВА

ТЕКСТ КАК КЛЮЧЕВОЕ ПОНЯТИЕ ПРИ ИЗУЧЕНИИ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

Ключевые слова: *текстоцентрическое обучение, научный стиль речи, научный текст, языковой и структурно-смысловой анализ текста.*

Статья посвящена текстоцентрическому обучению современному русскому литературному языку. В данной статье описываются основные этапы изучения текста научного стиля речи как системы, его структурно-смысловой и языковой организации, жанровых особенностей. В статье особое внимание уделяется научному тексту как средству овладения обучающимися научным стилем речи – одним из пяти функциональных стилей современного русского литературного языка, тексту как основному источнику информации о языке. Единицы различных языковых уровней рассматриваются в аспекте их функционирования в тексте. Типологические особенности научного текста, являющиеся предметом изучения, позволяют обучающемуся осуществлять эффективную аналитико-синтетическую переработку информации текста в целях ее дальнейшего использования, интерпретации в различных жанрах научного стиля речи. В статье определяются функциональные возможности текста как феномена культуры и феномена общения, обеспечивающего формирование коммуникативной компетенции на русском языке.

Лингвистическая, иерархически выстроенная, комплексная работа с текстом, его структурно-смысловой и языковой анализ на разных уровнях, абзац как композиционно-стилистическая единица, играющая большую роль в создании текста, функционально-семантические типы речи являются базовыми составляющими в процессе обучения иностранных обучающихся научному стилю речи современного русского литературного языка.

В основе предлагаемой обучающей системы находится текст. Обращение к тексту необходимо при обучении восприятию информации текста, его воспроизведению и порождению [8]. Русский язык для данной категории обучающихся является средством овладения профессиональной компетенцией, предполагающей изучение большого объема научной литературы по специальности, ее анализ, синтез информации и интерпретацию в различных жанрах научного стиля речи.

Исходя из этого, можно определить основные этапы работы: первый этап – обучение научному стилю речи современного русского литературного языка (цель, языковые особенности и жанры), структурно-смысловая организация научного текста; второй этап – обучение различным видам чтения (поисковому, ознакомительному, изучающему), структурно-смысловому анализу текста-источника; третий этап – обучение письменной фиксации информации текста-источника в форме плана, тезисов, конспекта; четвертый этап – составление вторичных научных текстов (аннотации, реферата).

Первый этап требует создания моделей, которые презентуют знания основных положений научного стиля. Данные модели должны определять цели обучения научному стилю речи на основе работы с учебно-научным и научным текстом как основной дидактической единицы.

Лингвистические исследования функционального синтаксиса [7] в методике преподавания русского языка как иностранного в 90-е гг. прошлого века раскрыли целесообразность перехода от предъявления учебного материала

в виде моделей или структурных схем словосочетаний и предложений [2] к представлению его в виде текста как основной единицы обучения [5].

Это означает, что задания по изучению научного стиля речи должны содержать информацию о тексте как основной единице обучения и формировать способность обучающихся на основе этой информации ориентироваться в реальном учебно-научном и научном тексте [10].

Итак, мы основываемся на идее, в соответствии с которой специально отобранные профессионально ориентированные тексты являются для обучающихся не только источником информации по специальным дисциплинам, но и средством овладения научным стилем речи русского языка. Таким образом, учебно-научный текст в процессе обучения становится информативным источником о русском языке, и задача преподавателя сводится к тому, чтобы научить обучающихся получать эту информацию, анализировать её, воспринимать и осваивать в целях дальнейшего использования в процессе овладения речевыми навыками и умениями, необходимыми для эффективной коммуникации на русском языке [4].

Объяснение специфических особенностей научного стиля речи основывается на понятиях «типовой текст» и «смысловая структура типового текста». «Типовой текст − это реализация всех семантико-синтаксических форм слова-темы» [5. С. 4–5].

«Порождение речи есть порождение текста... Если человек не умеет построить текст, он не знает языка» [9. С. 136]. Обращение в процессе обучения к научному тексту, его лексико-грамматический и структурно-смысловой анализ обеспечивают формирование навыков и умений, необходимых для восприятия информации текста, его воспроизведения и порождения [3]. Овладение данными навыками и умениями является необходимым условием обучения иностранцев в российских вузах, включающим изучение большого объема учебно-научной и научной литературы, написание рефератов, курсовых и выпускных квалификационных работ на русском языке.

В связи с тем, что все эти жанры основаны на навыках и умениях составления жанров вторичных текстов: аннотации и реферата, рассмотрим общие принципы и подходы к обучению иностранных обучающихся реферированию как виду учебной деятельности в процессе изучения языка, последовательность в обучении этому сложному виду речевой деятельности и этапы работы над текстом.

В литературе отмечается, что «понятие “реферирование”» употребляется в узком и в широком смысле. В узком смысле под реферированием понимается чтение и содержательный анализ текста (статьи) с последующим написанием реферата. В широком смысле “реферирование” – это такая учебная работа с текстом, результатом которой является любое краткое изложение содержания первичного текста в виде связного текста» [11. С. 27–36]. Мы под реферированием понимаем аналитико-синтетическую речемыслительную деятельность, направленную на извлечение из текста информации в соответствии с имеющейся коммуникативной задачей и фиксирование ее в определенной (компрессивной и обобщенной) речевой форме, задаваемой реальными учебными целями. Такими учебными целями могут быть как задачи, которые ставит преподаватель на занятиях по русскому языку, так и задания по дисциплинам общенаучного и профессионального циклов, когда обучающемуся надо подготовить сообщение или доклад на основе самостоятельно прочитанных статей.

Реферирование как интеллектуальный речемыслительный процесс приучает человека вдумчиво, тщательно, корректно работать с источниками, ориентироваться в учебно-научной и научной литературе, выбирать необходимую, новую информацию и использовать ее в целях дальнейшей коммуникации.

Таким образом, обучение реферированию реализует принцип коммуникативности, в данном случае – направленности обучения языку на решение реальных задач в учебно-профессиональной сфере общения. Конечной целью обучения письму, связанному с названной сферой общения, являются формирование и развитие у обучающихся навыков и умений реферирования научных текстов, с тем чтобы подготовить их к написанию курсовых, дипломных, диссертационных работ. Реализация этой конкретной цели на занятиях по русскому языку происходит обычно на I и II курсах.

Однако еще на подготовительном курсе, как только преподаватель по русскому языку и обучающиеся обращаются к работе с научным текстом, в той или иной степени связанным с их специальностью, возникает проблема передачи его содержания в сжатом виде в устной или письменной форме (пересказ, конспект, сообщение). На I и II курсах, работая с большими по объему учебно-научными или научными статьями, обучающиеся решают похожую задачу – обобщенно изложить их содержание, но уже имея более сложные коммуникативные цели. В зависимости от этапа обучения и от поставленной учебной цели конечным результатом будут разные виды письменных и устных произведений, имеющих определенную форму, закрепленную научно-информационной и учебной традициями, а именно: конспект, план, тезисы, аннотация, монографический реферат, реферат-обзор [1].

В этом перечне форм фиксации результатов смысловой компрессии текста наиболее сложным в речевом отношении является реферат-обзор. И этот же перечень позволяет увидеть увеличение объема передаваемой информации, изменение степени ее обобщения, повышение уровня самостоятельности в изложении содержания, усложнение структурной формы и используемых языковых средств. И он же показывает, в какой последовательности при обучении письменной речи происходит реализация принципа от простого к сложному, от плана к реферату [6].

В процессе учебной деятельности обучающиеся, овладев знаниями о структурно-смысловой и языковой организации текста научного стиля речи, переходят к овладению навыками и умениями составления реферата (реферирования). Полнота изложения содержания прочитанных книг и статей зависит от их значимости для избранной темы, и, следовательно, отбор, степень сжатости информации и форма ее фиксации будут различны.

Важным этапом реферирования является отбор материала по теме реферата с учетом его актуальности, чтение текстов-первоисточников и их структурно-смысловой анализ, осуществление компрессии на вербальном, морфосинтаксическом и семантическом уровнях с последующим изложением информации с использованием определенных языковых средств и клишированных выражений.

Обучение составлению плана, тезисов, конспекта является подготовительным для реферирования этапом. Именно на этом этапе должны происходить усвоение всех знаний и овладение всеми умениями, необходимыми для обработки текста. А вот форма фиксации содержания в виде аннотации, монографического реферата и реферата-обзора требует дополнительных зна-

ний и умений по структурному и речевому их оформлению, так как их композиция и языковые средства связности нормированы их функциональным назначением – дать «первоначальное представление о письменном документе для определения целесообразности обращения к нему»[1]. Усвоение этих знаний и формирование этих умений становятся задачей второго этапа – этапа обучения непосредственно реферированию, т.е. написанию реферата. Стержнем, который позволяет нам рассматривать обучение всем названным жанрам учебного письма как единый процесс, является комплексное умение сжатия текста, т.е. создания его краткого варианта без потери основной информации. И это, пожалуй, самое сложное при изучении русского языка как иностранного и поэтому занимает значительное место на протяжении всего процесса обучения.

В процессе обучения составлению реферата целесообразно выделить два этапа. Первый этап содержит работу над реферируемым текстом (текстом-источником), второй включает знакомство с рефератом как жанром научной речи и работу по составлению текста реферата.

Первый этап. Продуцирование текста типа реферата (монографический, обзор) предполагает опору на письменный источник информации и умение оперировать его содержанием в соответствии с коммуникативной установкой [8]. Методика обучения составлению монографического реферата базируется на структурно-смысловом анализе текста, что одновременно способствует развитию навыков и умений в разных видах чтения. Приведем лишь коммуникативно значимые формы работы, рассчитанные на сознательный подход к изучаемому материалу, стимулирующие интеллектуальную речемыслительную деятельность обучающихся, формирующие навыки культуры учебно-научной работы.

Структурно-смысловой анализ источника, который предполагает задания на:

1) определение общей темы текста по заголовку; поисковое чтение в целях нахождения определенной информации, определенного фрагмента, в котором речь идет о...;

2) ознакомительное чтение с общим охватом содержания текста;

3) формулирование вопросов к содержанию текста-источника;

4) определение в тексте ответов или самостоятельное их формулирование по памяти;

5) определение в тексте-источнике структурных частей и их содержания;

6) выделение в основной части смысловых частей, их анализ, предполагающий определение главной (основной) и дополнительной информации (уточняющей, иллюстрирующей, дублирующей);

7) составление плана текста в вопросной, тезисной, назывной формах;

8) включение в отобранные фрагменты текста связующих средств информации. Данный этап очень важен, так как формирует навыки и умения осмысления текстовой информации и готовит к её адекватному и корректному воспроизведению, в том числе и в форме реферата.

Не менее важной частью работы является осуществление смысловой компрессии источника без потери его основной информации путем различных

[1] ГОСТ 7.0–84 «Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Библиографическая деятельность. Основные термины и определения».

трансформаций, исключения дублирующей информации; обобщения дополнительной информации.

После этого целесообразно предложить обучающимся составить и записать сжатый вариант текста, используя реферативные средства изложения. Так ведется поэтапная подготовка к написанию реферата, а именно определяются:

1) тема текста;
2) вопросы, рассматриваемые в тексте, т.е. его проблематика;
3) основная информация;
4) выводы автора.

Далее целесообразно составить краткий вариант текста с элементами реферативного изложения, что является на данном этапе целью обучения, а на последующем – будет средством обучения.

Второй этап включает работу по составлению реферата. Она строится следующим образом.

Сначала классифицируются монографические рефераты по полноте изложения информации источника, т.е. по степени аналитико-синтетической переработки информации. Обучаемые узнают, что монографические рефераты подразделяются на информативные и индикативные. Информативный реферат, или реферат-конспект, предназначен для того, чтобы читатель мог ознакомиться с содержанием текста, не обращаясь к первоисточнику, так как информативный реферат содержит всю основную информацию. Индикативный реферат, или реферат-резюме, содержит только основную, актуальную информацию. Реферат-резюме составляется в целях информирования читателя о проблематике источника. Данный реферат не служит заменой источника. В любом случае реферат предполагает сокращение исходной информации, но в разной степени.

Затем следует приступить непосредственно к составлению монографического реферата. Здесь рекомендуются следующие задания:

а) структурно-смысловой анализ источника в целях извлечения главной (основной) или дополнительной (уточняющей, иллюстрирующей) и дублирующей информации, оценки ее важности для включения в текст реферата; фиксация извлечения информации в удобной для обучаемого форме – плана, конспекта, сжатого варианта (данный подэтап может совпадать с первым этапом работы над текстом-источником полностью или частично, в зависимости от языковой и общеобразовательной подготовки обучаемых);

б) составление плана реферата в соответствии с авторской логикой изложения или же логикой автора реферата, что также допускается;

в) распределение выделенной информации источника по структурным частям реферата (введение, основная часть, заключение) и пунктам плана основной части;

г) оформление библиографического описания;

д) запись текста реферата в соответствии с составленным планом и языковыми средствами реализации его структурно-смысловых компонентов, связующими средствами информации, с учетом требований, предъявляемых к жанру реферата.

В процессе работы по формированию навыков и умений реферирования особое внимание обращается на овладение компрессивными средствами языка на морфосинтаксическом, синтаксическом и семантическом уровнях, а также на повторение следующих грамматических тем:

а) неопределенно-личные и безличные предложения;

б) бессоюзное сложное предложение;

в) выражение изъяснительных, присоединительных, определительных отношений, отношений причины, условия;

г) активные и пассивные конструкции.

В заключение следует отметить, что при коммуникативном подходе текст выступает в качестве не только объекта языкового и структурно-смыслового анализа, но и образца русской речевой коммуникации, ее продукта, результата. Комплексное, системное и систематическое рассмотрение текста как феномена культуры и феномена общения обеспечивает формирование коммуникативной компетенции обучающихся.

Литература

1. *Бахтина Л.Н., Кузмич И.П., Лариохина Н.М.* Обучение реферированию научного текста. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1988.

2. *Белошапкова В.А., Володина Г.И.* О принципах описания простого предложения в целях преподавания русского языка как неродного // Русский язык за рубежом. 1980. № 5.

3. *Блинцовская Е.А., Голубева А.И.* Функционирование лексико-синтаксических единиц, выявляющих логическую и композиционную структуру текста // Русский язык для студентов-иностранцев: сб. метод. ст. М.: Рус. яз., 1981. Вып. 20. С. 70–77.

4. *Болдырева А.Н.* Актуальное членение как средство организации устного и письменного научного монологического текста: дис. ... канд. филол. наук. М., 1991.

5. *Жуковская Е.Е., Золотова Г.А., Леонова Э.Н., Мотина Е.И.* Учебник русского языка для студентов-иностранцев естественных и технических специальностей: метод. руководство. М.: Русский язык, 1984.

6. *Золотова Г.А.* На путях к синтезу знаний о тексте // Текст: проблемы и перспективы. Аспекты изучения в целях преподавания русского языка как иностранного: тез. Междунар. науч.-метод. конф. М.: МАКС Пресс, 1996.

7. *Золотова Г.А.* Очерк функционального синтаксиса русского языка. М.: Наука, 1973.

8. *Метс Н.А.* Коммуникативная целеустановка и структурная организация текста (на материале научного стиля) // Новые традиции и новые направления в преподавании русского языка и литературы: доклады советской делегации на IV Конгрессе МАПРЯЛ. М.: Рус. яз., 1986.

9. *Протченко И.Ф., Черемисина Н.В.* Лексикология и стилистика в преподавании русского языка как иностранного: динамика, экспрессия, экономия. М.: Рус. яз., 1986.

10. *Солганик Г.Я.* Стилистика текста. М.: Флинта, Наука, 1997.

11. *Федотова З.А.* Реферирование научной статьи как аспект работы по русскому языку // Русский язык за рубежом. 1980. № 6.

АФАНАСЬЕВА СВЕТЛАНА НИКОЛАЕВНА – кандидат военных наук, заведующая кафедрой русского языка, Военный учебно-научный центр Сухопутных войск «Общевойсковая академия Вооружённых Сил Российской Федерации», Россия, Москва (s.n.afanaseva@gmail.com).

S. AFANASYEVA

A TEXT AS A KEY CONCEPT IN STUDYING MODERN RUSSIAN LITERARY LANGUAGE

Key words: *textocentric teaching, scientific style of speech, scientific text, linguistic and structural-semantic analysis of the text.*

The article is devoted to textocentric teaching the modern Russian literary language. This article describes the main stages of studying a text in scientific style as a system, its structural-semantic and linguistic organization, genre features. The article pays special attention to a scientific text as a means for mastering a scientific style of speech by the students, which is one of the five functional styles in the modern Russian literary language, a text as the main source of information about the language. Units of different language levels are considered in terms of their functioning in the text. Typological features of a scientific text, which are the subject of study, allow a student to perform an effective analytical-synthetic processing of information contained in the text for the purpose of its further use, interpretation in various genres of a scientific style of speech. In conclusion, it should be noted that the article defines functional opportunities of a text as a phenomenon of culture and a phenomenon of communication, which provides formation of communicative competence in the Russian language.

References

1. Bakhtina L.N., Kuzmich I.P., Lariozhina N.M. *Obuchenie referirovaniyu nauchnogo teksta* [Learning to abstract the scientific text]. Moscow, 1988.

2. Beloshapkova V.A., Volodina G.I. *O printsipakh opisaniya prostogo predlozheniya v tselyakh prepodavaniya russkogo yazyka kak nerodnogo* [On the principles of describing a simple sentence for the teaching of the Russian language as a non-native]. *Russkii yazyk za rubezhom*, 1980, no. 5.

3. Blintsovskaya E.A., Golubeva A.I. *Funktsionirovanie leksiko-sintaksicheskikh edinits, vyyavlyayushchikh logicheskuyu i kompozitsionnuyu strukturu teksta* [Functioning of lexico-syntactic units that reveal the logical and compositional structure of the text]. *Russkii yazyk dlya studentov-inostrantsev: sb. metod. statei* [Russian language for foreign students: Collection of methodological articles]. Mosscow, Russkii yazyk Publ., 1981, iss. 20, pp. 70–77.

4. Boldyreva A.N. *Aktual'noe chlenenie kak sredstvo organizatsii ustnogo i pis'mennogo nauchnogo monologicheskogo teksta: dis. ... kand. filol. nauk* [Actual division as a means of organizing oral and written scientific monologic text. Doct. Diss.]. Moscow, 1991.

5. Zhukovskaya E.E., Zolotova G.A., Leonova E.N., Motina E.I. *Uchebnik russkogo yazyka dlya studentov-inostrantsev estestvennykh i tekhnicheskikh spetsial'nostei: metod. rukovodstvo* [Textbook of the Russian language for foreign students of natural and technical specialties: Methodological guidance]. Moscow, 1985.

6. Zolotova G.A. *Na putyakh k sintezu znanii o tekste* [On the way to synthesis of knowledge about the text]. *Tekst: problemy i perspektivy. Aspekty izucheniya v tselyakh prepodavaniya russkogo yazyka kak inostrannogo: tez. Mezhdunar. nauch.-metod. konf.* [Proc. of Int. Sci. Conf. «Text: problems and prospects. Aspects of studying for the teaching of the Russian language as a foreign languagy»]. Moscow, 1996.

7. Zolotova G.A. *Ocherk funktsional'nogo sintaksisa russkogo yazyka* [Essay on the functional syntax of the Russian language]. Moscow, Nauka Publ., 1973.

8. Mets N.A. *Kommunikativnaya tseleustanovka i strukturnaya organizatsiya teksta (na materiale nauchnogo stilya)* [Communicative goal-setting and structural organization of the text (on the basis of the scientific style)]. *Novye traditsii i novye napravleniya v prepodavanii russkogo yazyka i literatury: Doklady sovetskoi delegatsii na IV Kongresse MAPRYaL* [New traditions and new directions in the teaching of the Russian language and literature: Reports of the Soviet delegation to the IV Congress of the MAPRYAL]. Moscow, 1986.

9. Protchenko I.F., Cheremisina N.V. *Leksikologiya i stilistika v prepodavanii russkogo yazyka kak inostrannogo: dinamika, ekspressiya, ekonomiya* [Lexicology and stylistics in the teaching of Russian as a foreign language: dynamics, expression, economy]. Moscow, 1986.

10. Solanik G.Ya. *Stilistika teksta* [Stylistics of the text]. Moscow, Flinta Publ., Nauka Publ., 1997.

11. Fedotova Z.A. *Referirovanie nauchnoi stat'i kak aspekt raboty po russkomu yazyku* [Abstracting of the scientific article as an aspect of the work on the Russian language]. *Russkii yazyk za rubezhom,* 1980, no. 6.

AFANASYEVA SVETLANA – Candidate of Military Sciences, Head of Russian Language Department, Russian Military Training and Research Center of the Land Forces «Combined Arms Academy of the Armed Forces of the Russian Federation», Russian, Moscow (s.n.afanaseva@gmail.com).

Формат цитирования: *Афанасьева С.Н.* Текст как ключевое понятие при изучении современного русского литературного языка // Вестник Чувашского университета. – 2018. – № 2. – С. 211–217.

УДК 811.161+811.512.111]:130.3
ББК Ш12=411.2*003+Ш12=635.1*003

А.Р. ГУБАНОВ, А.М. ИВАНОВА,
Е.А. КОЖЕМЯКОВА, Г.Ф. ГУБАНОВА

ОНТОЛОГИЯ ВЕРХНЕГО УРОВНЯ КАК БАЗА ЗНАНИЙ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫХ СИСТЕМ

Ключевые слова: *парадигма интеллектуальных технологий, информационный ресурс, поиск информации, онтология, метамодели онтологии, онтология верхнего уровня, база знаний, неизвестные и нетривиальные знания, концепт.*

В статье представлена модель онтологии верхнего уровня на основе аппарата семиотического моделирования. В проектировании систем онтологии в предметных лингвистических онтологиях описывается только категориальная иерархическая таксономия концептов, однако в современной лингвистике пока нерешенной проблемой являются сложные случаи, включающие совмещенные аксиомы для выражения отношений между концептами и организации их интерпретации. В исследовании рассмотрен методологический подход к разработке соответствующих сложных моделей онтологии верхнего уровня, выявлены теоретические аспекты разработки, основные составляющие логического концепта обусловленности– «конвергентные признаки координат». Сделан вывод, что конвергенция (интерпликатность) в системе признаков координат обусловленности может формироваться гомогенными (категориальными) отношениями: каузальными, финальными, кондициональными и концессивными, а также гетерогенными. Основные конвергентные признаки рассматриваемой объектной модели онтологии имеют свои специфические структуры в разноструктурных языках. Материалы исследования могут быть использованы в разработке современных технологий Web-2 – в системе общего доступа к информации.

Центральная парадигма интеллектуальных технологий в настоящее время связана с разработкой и внедрением компьютерных систем, эмулирующих области человеческой деятельности, требующей мышления, определенного опыта, понимания человеческого языка, принятия решений, распознавания образов [1, 5, 6].

Современный этап развития прогресса характеризуется наличием огромного количества информации, в которых превалируют неизвестные и нетривиальные знания, плохо поддающиеся алгоритмическим решениям. В таких случаях для поддержки и принятия решений строятся совместные модели и метамодели онтологии, где смысловой (логический) анализ информации превалирует над вычислительным.

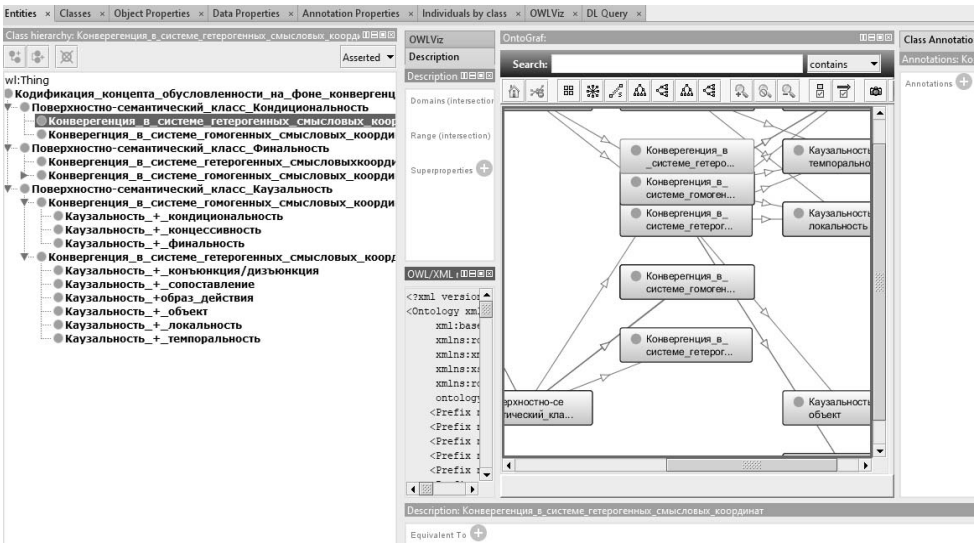
Компонентами таких сложных моделей выступают онтологии верхнего уровня, имеющие свои особенности, специфическую структуру: общие концепты-знания об объективном мире, разделение сущностей на абстрактные и реально существующие, деление понятий на постоянные и временные, на объект и процесс и т.д.

Заметим, что в онтологии верхнего уровня концепт обусловленности как базисный концепт формируется отношениями каузальной (прямой) и инкаузальной (обратной) обусловленности, возникающими при взаимодействии двух объектов реальной действительности [2–4, 6, 7].

В проектировании систем онтологии, в частности в предметных лингвистических онтологиях, обычно описывается только категориальная иерархическая таксономия концептов, однако пока нерешенной проблемой являются

сложные случаи, включающие совмещенные аксиомы для выражения отношений между концептами и организации их интерпретации.

Конвергенция (интерпликатность) в системе признаков координат обусловленности может формироваться гомогенными (категориальными) отношениями: каузальными, финальными, кондициональными и концессивными, а также гетерогенными. Все эти соотношения обусловливаются разными факторами (рисунок).

Конвергенция в системе признаков координат

Рассмотрим сначала поверхностно-семантический класс «каузальность» в принятом нами формате.

Конвергенция в системе гомогенных (категориальных) смысловых координат может быть представлена следующими моделями:

1) категориальные смысловые координаты «каузальность + финальность» (одно событие данной ситуации выступает как реальный/потенциальный результат другой ситуации, обусловленная ситуация интерпретируется как цель (цель предполагает собственную активность субъекта)):

Иван Кузьмич, оставшись полным хозяином, тотчас послал за нами, а Палашку запер в чулан, чтобы она не могла нас подслушать (Пушкин). *– Иван Кузьмич, килте хăй хуçа пулса юлнă-юлманах, пире чĕнтерме хушнă, Палашкăна, эпир мĕн калаçнине ан илттĕр тесе, çийĕнчех чăлана хупса лартнă;*

2) категориальные смысловые координаты «каузальность + кондициональность» (событие рассматривается в плане реализованной возможности):

Мальчик не приходил на уроки, потому что болел. – Мальчик не приходил на уроки, если болел;

3) категориальные смысловые координаты «каузальность + концессивность» (следствие в детерминированной конструкции частично противоречит ожидаемому результату):

Почему вдруг она заплакала? – Обрадовалась как! – Бывает же так, что слезы появляются от радости.

Конверегенция в системе гетерогенных (общекатегориальных) смысловых координат в русском и чувашском языках имеет следующую структуру:

1) общекатегориальные смысловые координаты «каузальность + темпоральность» (следствие двух взаимосвязанных событий: одно событие влияет на другое по их временной соотнесенности):

После того, как перестает дуть ветер, слышно, как их листья щебечут (Шолохов). – *Çил вĕрсе* ***иртсенех****, вĕсен çулçисем хуллен пăшăлтатни илтĕнсе каять;*

2) общекатегориальные смысловые координаты «каузальность + локальность» (ситуации, порождающие само действие):

– *А нашли-то его под столом*; чув. *Сĕтел* ***айĕнче*** *тупрĕç*;

3) общекатегориальные смысловые координаты «каузальность + объект»:

Пусть он не боится, что его будут донимать вопросами (Каверин). – *Ыйту парасран вăл ан хăратăр*;

4) общекатегориальные смысловые координаты «каузальность + атрибутивность» (атрибутивный компонент выступает как актуализирующий признак: выявляется одновременно с действием и называет причину этого действия):

Человек, который не сможет вовремя опомниться, может наделать кучу ошибок;

5) общекатегориальные смысловые координаты «каузальность + образ действия» (характер протекания действия или способ его совершения порождает результат этого события и выступает его причиной):

Красное, под цвет малахая лицо его было так растерянно, пот омывал его так обильно, что даже борода и поникшие рыжие усы были осыпаны будто мелким бисером (Шолохов). – Унăн пуçри мулаххайĕ пекех хĕрлĕ пичĕ ытла та ним тума пĕлми хыпăнчăк сăнлă, тар шăпăр-шăпăр тăкăннăран сухалĕпе кăшт хĕрлĕрех усăк мăйăхĕ вĕтĕ шăрçа сапса тултарнă пек курăнаççĕ;

6) общекатегориальные смысловые координаты «каузальность + сопоставление» (отношение говорящего к объективной действительности имеет причинный характер):

Кум с разинутым ртом превратился в камень; глаза его выпучились, как будто хотели выстрелить; разверстые пальцы остались неподвижными на воздухе (Гоголь). – *Кумĕ, çăварне мĕнле карнă çаплипех, чул пек, шанк хытса ларчĕ; куçĕсем унăн, халь-халь вут сирпĕтсе ярас пек, чарăлса кайрĕç; чармакланнă пўрнисем çаплипех, сывлăшрах хытса ларчĕç;*

7) общекатегориальные смысловые координаты «каузальность + конъюнкция/дизъюнкция; а) закрытость модели (введение третьей ситуации разрушает причинно-следственные отношения; закрепленность компонентов отражает особенности лексического построения мысли и др.):

Чтобы как-нибудь убить время, он целыми днями сидел на нарах, вырезывал из дерева ложки, выдалбливал миски, искусно мастерил из мягких пород игрушечные фигурки людей и животных (Шолохов). – *Вăхăт мĕнле те пулин ирттĕр* ***тесе****, вăл кунĕ-кунĕпе путмар сакки çинче ларчĕ, йывăçран кашăк-чашăк çавăрчĕ, çемçе йывăçсенчен çынсемпе чĕрчунсен кĕлеткисене ăсталарĕ.*

Теперь рассмотрим поверхностно-семантический класс «финальность», схема которого определяется следующими моделями конвергенции, в частности, в системе гомогенных (категориальных) смысловых координат:

1) категориальные смысловые координаты «финальность + каузальность» (если главное событие – целенаправленное, активное и сознательное действие, то зависимое событие представляет информацию о цели события):

Наташа попыталась продолжить этот разговор, вспомнила даже Аню, как оказывается, она до сих пор живет одна, но я только усмехнулся, не поддерживал этой темы, так что она скоро и иссякла (Емельянов). – *Наташа çак калаçăва татах тăсма хăтланчĕ. – Аня халь те качча тухман. Каччăсене тиркерĕ-тиркерĕ, çӳпçипе хупăлчи мар-и-ха эсир? – хутшăнчĕ Славка. Эпĕ шарламарăм, çапах вĕсен сăмахĕсем темшĕн чĕренех пырса тĕкĕнчĕç. Çапла-ха, Аня пур вăл, пур;*

2) категориальные смысловые координаты «финальность + кондиональность» (главное событие указывает на активность, сознательное действие со стороны субъекта, а зависимое содержит информацию о цели и условии этого действия):

Если желательно, чтобы опыт протекал хорошо, работать следует тоже хорошо (Ажаев). – *Опыт лайăх ирттĕр тесен, ĕçлессе те лайăх ĕçлемелле.*

К основным моделям конвергенции в системе гетерогенных (общекатегориальных) смысловых координат относятся:

1) общекатегориальные смысловые координаты «финальность + темпоральность» (если главное событие ситуации выражает активно-сознательное действие, а зависимое – цель предполагаемого действия и времени его протекания:

Разведчика представили к награде, когда он добыл важные сведения (Агаков). – *Кирлĕ сведенисем тупнăшăн разведчика награда пама тăратнă;*

2) общекатегориальные смысловые координаты «финальность + локальность» (активное, сознательное действие – главное событие, информация о цели этого действия или предполагаемом месте его протекания – зависимое событие):

Их послали на охрану железнодорожного моста (Иванов-Паймен). – *Вĕсене чукун çул хуралне тăратнă;*

3) общекатегориальные смысловые координаты «финальность + объект» (если основное событие в каузальной ситуации – целенаправленное действие, то зависимое событие–объект такого действия имеет финально-объектный смысл):

Мнение большинства высказавшихся сводилось к тому, чтобы не зарываться далеко даже в случае успеха и вести оборонительную войну (Шолохов). – *Нумăйăшĕ пĕр шухăшлă пулчĕç – ĕçсем ăнсассăн та пит инçе каймалла мар, хӳтĕленмелле çеç çапăçмалла*;

4) общекатегориальные смысловые координаты «финальность + образ действия (зависимое событие указывает на цель сознательного активного действия, выраженного главным событием):

Тебе надо либо на косогоре плясать, либо так, чтобы одна нога, какая длинней, была в ямке, а другая наружу (Шолохов). – *Сан е сĕвек çĕрте, е вăрăмрах урупа шăтăкра, тепринпе çуллĕрех вырăнта тăрса ташлас пулать.*

Следовательно, конвергенция (интерпликатность) в системе признаков координат обусловленности может формироваться гомогенными (категориальными) отношениями: каузальными, финальными, кондициональными и концессивными, а также гетерогенными. Основные составляющие объектной модели онтологии «конвергентные признаки координат» имеют свою специфическую структуру в разноструктурных языках, которую следует учитывать в разработке системы общего доступа к информации, особенно когнитивных процессов аргументации в информации в современной системе Web-2.

Литература

1. *Гаврилова Т.А., Хорошевский В.Ф.* Базы знаний интеллектуальных систем. СПб.: Питер, 2000. 384 с.

2. *Губанов А.Р., Каюмова Д.Ф.* Ключевые концепты культурно-национального мировидения через единицы фразеологического уровня английского и тюркских языков // Проблемы и перспективы развития многоуровневой языковой подготовки в условиях поликультурного общества. Казань: КазГИК, 2015. С. 160–165.

3. *Губанова Е.А., Губанова Г.Ф.* Модели Базы знаний по предметной области «Репродуктивное здоровье девушек-подростков: онтологии факторов, определяющих репродуктивное здоровье девушек-подростков городского и сельского населения» // Прорывные научные исследования как двигатель науки нового времени: сб. науч. ст. по итогам Междунар. науч.-практ. конф. СПб.: КультИнформПресс, 2016. С. 38–42.

4. *Губанова Е.А., Губанова Г.Ф., Леженина С.В., Воропаева Л.А., Левицкая В.М.* Разработка системы рассуждения по прецедентам на основе онтологий в области репродуктивного здоровья // Научные достижения современной науки: новация, история, действительность, перспективы и практика реализации: материалы Междунар. науч.-практ. конф. СПб., 2017. С. 42–48.

5. *Губанов А.Р., Рец Н.И.* Категория причинности: каузальная и каузативная связи // Вестник Чувашского университета. 2012. № 1. С. 244–249.

6. *Zheltov P., Zheltov V., Gubanov A.* Automation of Lexical search in National Corpora of chuvash Language: Methods of Exploring space of Literary Texts. *Russian linguistic Bulletin*, 2016, no. 3(7), pp. 58–60.

7. *Zheltov P., Zheltov V., Gubanov A.* Text analysis subsystem in a search engine for the national corpora of the chuvash language. *Russian linguistic Bulletin*, 2016, no. 3(7), pp. 61–63.

ГУБАНОВ АЛЕКСЕЙ РАФАИЛОВИЧ – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка как иностранного, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (alexgubm@gmail.com).

ИВАНОВА АЛЕНА МИХАЙЛОВНА – доктор филологических наук, декан факультета русской и чувашской филологии и журналистики, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (amivano@rambler.ru).

КОЖЕМЯКОВА ЕКАТЕРИНА АРКАДЬЕВНА – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка как иностранного, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары.

ГУБАНОВА ГАЛИНА ФЕДОРОВНА – кандидат филологических наук, доцент кафедры управления и экономики здравоохранения, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (rggalina@gmail.com).

A. GUBANOV, A. IVANOVA, E. KOZHEMYAKOVA, G. GUBANOVA

TOP-LEVEL ONTOLOGY AS BASIS OF INTELLECTUAL SYSTEMS KNOWLEDGE

Key words: *paradigm of intellectual technologies, information resource, information search, ontology, metamodels of ontology, top-level ontology, knowledge basis, unknown and non-trivial knowledge, concepts.*

The article presents a top-level ontology model based on the apparatus of semiotic modeling. In designing ontological systems domain-specific ontologies describe only categorial ierarchic taxonomy of concepts, but modern linguistics faces unresolved problem of com-

plex cases involving combined axioms for expressing relations between concepts and organization of their interpretation. The study examines a methodological approach to developing appropriate complex models of top-level ontology and identifies theoretical aspects in development, the basic components of the logical concept of conditionality – "convergent signs of coordinates". It is concluded that convergence in the signs system of conditionality coordinates may be formed by homogeneous (categorial) relations: causal, final, conditional and concessive as well as by heterogeneous ones. The main convergent signs of the ontological object model under study have their specific structures in languages of different structures. Research materials can be used in the development of Web-2 modern technologies – in the system of shared access to information.

References

1. Gavrilova T.A., Khoroshevskii V.F. *Bazy znanii intellektual'nykh sistem* [Knowledge bases of intellectual systems]. St. Petersburg, Piter Publ., 2000, 384 p.

2. Gubanov A.R., Kayumova D.F. *Klyuchevye kontsepty kul'turno-natsional'nogo mirovideniya cherez edinitsy frazeologicheskogo urovnya angliiskogo i tyurkskikh yazykov* [Key concepts of cultural-national worldview through units of phraseological level of English and Turkic languages]. In: *Problemy i perspektivy razvitiya mnogourovnevoi yazykovoi podgotovki v usloviyakh polikul'turnogo obshchestva: obshchestva* [Problems and prospects for the development of multilevel language training in a multicultural society]. Kazan, 2015, pp. 160–165.

3. Gubanova E.A., Gubanova G.F. *Modeli Bazy znanii po predmetnoi oblasti «Reproduktivnoe zdorov'e devushek-podrostkov, ontologii faktorov, opredelyayushchikh reproduktivnoe zdorov'e devushek-podrostkov gorodskogo i sel'skogo naseleniya»* [Models of the Knowledge Base on the subject area «Reproductive health of adolescent girls, ontology of factors determining the reproductive health of adolescent girls in urban and rural areas»]. In: *Proryvnye nauchnye issledovaniya kak dvigatel' nauki novogo vremeni: sb. nauch. st. po itogam Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* [Proc. of Int. Sci. Conf. «Breakthrough scientific research as the engine of modern science»]. St. Petersburg, Kul'tInformPress Publ., 2016, pp. 38–42.

4. Gubanova E.A., Gubanova G.F., Lezhenina S.V., Voropaeva L.A., Levitskaya V.M. *Razrabotka sistemy rassuzhdeniya po pretsedentam na osnove ontologii v oblasti reproduktivnogo zdorov'ya* [Development of a system of reasoning on precedents based on ontologies in the field of reproductive health]. *Nauchnye dostizheniya sovremennoi nauki: novatsiya, istoriya, deistvitel'nost', perspektivy i praktika realizatsii: materialy Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* [Proc. of Int. Sci. Conf. «Scientific achievements of modern science: innovation, history, reality, perspectives and implementation practices»]. St. Petersburg, 2017, pp. 42–48.

5. Gubanov A.R., Rets N.I. *Kategoriya prichinnosti, kauzal'naya i kauzativnaya svyazi* [Causality category, causal and causative relationships]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta*, 2012. no 1, pp. 244–249.

6. Zheltov P., Zheltov V., Gubanov A. Automation of Lexical search in National Corpora of chuvash Language: Methods of Exploring space of Literary Texts. *Russian linguistic Bulletin*, 2016, no. 3(7), pp. 58–60.

7. Zheltov P., Zheltov V., Gubanov A. *Text analysis subsystem in a search engine for the national corpora of the chuvash language*. Russian linguistic Bulletin, 2016, no. 3(7), pp. 61–63.

GUBANOV ALEKSEY – Doctor of Philological Sciences, Professor, Russian as a Foreign Language Department, Chuvash State University, , Russia, Cheboksary (alexgubm@gmail.com).

IVANOVA ALENA – Doctor of Philological Sciences, Professor of the Chuvash Philology and Culture Department, Chuvash State University, Russia, Cheboksary (amivano@rambler.ru).

KOZHEMYAKOVA EKATERINA – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Russian as a Foreign Language Department, Chuvash State University, Russia, Cheboksary.

GUBANOVA GALINA – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Management and Health Economics Depatment, Chuvash State University, Russia, Cheboksary.

Формат цитирования: *Губанов А.Р., Иванова А.М., Кожемякова Е.А., Губанова Г.Ф.* Онтология верхнего уровня как база знаний интеллектуальных систем // Вестник Чувашского университета. – 2018. – № 2. – С. 218–223.

УДК 81'373.211.5
ББК 81.2

Л.В. ЕГОРОВА

К ВОПРОСУ ИЗУЧЕНИЯ ГОДОНИМОВ В СОВРЕМЕННОЙ ПАРАДИГМЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Ключевые слова: *ономатология, топонимика, ономастическая терминология, годоним, урбаноним, виконим, антропоцентрическая лингвистика.*

Статья посвящена вопросу определения термина «годоним» в ономастической литературе. Интерес к данной проблеме продиктован терминологической неопределённостью и различной трактовкой этого понятия. В работе проанализированы границы термина «годоним», встречающиеся в топонимических научных работах, и приведены три точки зрения на его содержание. Автор приходит к выводу о необходимости широкого толкования термина «годоним» как названия адресного объекта как города, так и села или деревни. В научный оборот вводятся понятия «городской годоним», «сельский годоним» и «деревенский годоним». В настоящем исследовании также уделено внимание таким ономастическим терминам, как урбаноним и виконим. Изучение работ по годонимии за последние два десятилетия позволило выделить два подхода в исследовании данной проблемы – традиционный и антропоориентированный. В свою очередь, в рамках антропоцентрического подхода различаются лингвокультурологическое, лингвокогнитивное и этнолингвистическое направления, каждое из которых не опровергает друг друга, а тесно переплетается с другим и дополняет его. Годонимы составляют существенный пласт топонимической лексики, поэтому их описание и анализ требуют дальнейшего пристального внимания ономатологов.

В последнее десятилетие вопросы наименования адресных объектов привлекают внимание многих учёных-топонимистов. Актуальность таких исследований обусловлена значительной ролью годонимов в повседневной жизни и деятельности человека. Особую значимость приобретает необходимость разрешения дискуссионных моментов в области топонимической терминологии, приведения единых непротиворечивых дефиниций в ономатологии.

Целью настоящей работы является анализ функционирования термина *годоним*, а также рассмотрение современных лингвистических трудов в области годонимики. В исследовании использован дескриптивный метод, реализованный в приемах интерпретации, классификации и обобщения материала.

На сегодняшний день одной из важнейших задач российских ономатологов является упорядочение существующей ономастической терминологии. В 50-е гг. XX в. французские лингвисты (J. Herbillon, A. Cornoy, L. S'auveur) при разработке терминологического аппарата для изучаемого вида топонимов ввели термин *одоним* (греч. *ὁδὸς* – ‘дорога’), под которым подразумевали названия всех существующих видов путей: городских и сельских дорог, улиц, проспектов, бульваров, переулков. Стоит заметить, что если в настоящее время годоним чаще всего рассматривают в рамках изучения урбанонимного пространства, а термин *урбаноним* выступает в качестве синонима термина *годоним* (Н.Ю. Забелин, С.Д. Олейникова, Р.В. Разумов и др.), то изначально он относился как к городским, так и к сельским линейным объектам.

В отечественном языкознании впервые термин был употреблён в 1972 г. Т. Рахматовым в статье «Одонимы Самарканда». По его мнению, «наиболее логичным под термином «одонимия» подразумевать названия всех видов водных и сухопутных путей и дорог, а также улиц, переулков и т.п., точно так

же, как под термином «оронимия» понимают названия всех географических возвышенностей, а под «гидронимией» – наименования всех водных источников» [40. С. 54].

В современной ономастической науке существует несколько точек зрения на определение годонима:

1) *годоним* – вид урбанонима; название линейного объекта в городе, в том числе проспекта, улицы, линии, переулка, проезда, бульвара, набережной (Н.В. Подольская, А.Ю. Асанов, Е.Н. Бекасова, И.Б. Горланова, Н.Ю. Забелин, Ю.Г. Пушкарёва и др.);

2) *годоним* – название линейных и точечных (площадей) объектов в городе. Несмотря на то, что название городской площади принято обозначать термином *агороним* (с греч. *αγορά* – ‘площадь, рынок, собрание народа’), данное словоупотребление продиктовано как соображениями удобства, так и тем положением, что названия площадей в лексико-семантическом и словообразовательном аспектах схожи с годонимами и «не обнаруживают особых приёмов номинации» [45. С. 33] (С.В. Ганова, Т.А. Голикова, Л.Н. Рабаданова, Т.В. Шмелёва и др.);

3) *годоним* (в широком толковании) – название адресного объекта (улицы, переулка, площади, бульвара и т.п.) в городе и населённом пункте сельского типа (виконим) (В.А. Бакутов, Э.А. Батоцыренов, Н.М. Иванов, С.Г. Каримов, Е.А. Лукьянова, С.Н. Шеуджен и др.). В первую очередь эта позиция связана с историей возникновения термина и его этимологией: слово годоним (от греч. слов *ὁδὸς* ‘улица, дорога’ + *ὄνομα* ‘имя, название’) не обнаруживает строгой привязки к городу.

Подробнее остановимся на термине *виконим*. В последнее время актуализировались исследования в области региональной ономастики, что привело к интересу учёных к названиям улиц сёл и деревень. В немногочисленных публикациях для их обозначения используются термины *микротопоним* (О.И. Жмурко и О.Р. Ростов [18], А.А. Казанкова [19], Г.Ф. Ковалёв [24, 25], О.В. Лихачёва [32], Д.В. Цыганкин [42]) или же *годоним* (В.А. Бакутов [4], Н.И. Кривова [30], С.Н. Шеуджен [44]), или же описательный оборот «названия улиц» (Г. Ф. Ковалёв [25]), или даже «деревенский урбаноним» (А.А. Казанкова [19]), недопустимость последнего заложена в самой форме.

Сложившаяся неопределённость и терминологическая лакуна, связанная с отсутствием в словаре Н.В. Подольской специального термина для данного типа онимов, вызвали появление в 2006 г. в противопоставление термину *урбаноним* термина *виконим* (лат. *vicus* ‘деревня’), который обозначает названия внутрисельских объектов. Белорусский ономатолог А.М. Мезенко на XV Общепольской ономастической конференции «Новые имена собственные. Новый взгляд» (21–23 сентября 2006 г.) выступила с докладом «Виконимика как раздел топонимики: состояние, перспективы» [34], в котором отметила необходимость выделения названий внутрисельских объектов в отдельную категорию. Указанный термин ещё слабо известен в России, встречается он в работах Р.В. Разумова [39], А.А. Леонтьевой [31], Н.Н. Попковой [36], которые употребляют его при рассмотрении только лишь названий адресных объектов в селе (улицы, переулка, площади и т.п.).

Исследователи Г.Б. Мадиева и В.И. Супрун полагают, что виконимы, кроме того, что расположены в населённом пункте сельского типа, ничем не отличаются от урбанонимов, так как образуются «по тем же моделям и с от-

ражением тех же социолингвистических закономерностей, что и урбанонимы» [33. С. 118]. Данный термин они считают некорректным, потому что в латинском языке слово *vīcus* означает не только ‘деревня, селение; хутор, мыза’, но и ‘в городе: квартал, часть, улица’, и предлагают два варианта для обозначения названий внутрисельских линейных объектов: *рустиконим* (в противопоставление *urbanus* vs. *rusticus* ‘к деревне (полю, имению) относящийся, деревенский, сельский’) или *виканоним* (образован от основы латинского прилагательного, как и *урбаноним*: *vicānus* ‘живущий в деревне, деревенский’, *vicani* ‘деревенские жители, поселяне’) [33. С. 118].

Следует отметить, что Р.В. Разумов уточняет термин *виконим* и предлагает дефинировать его как «вид топонима, официальное собственное имя любого внутрисельского топографического объекта», исключая из виконимики названия сельских коммерческих объектов и фермерских хозяйств, неофициальные названия внутрисельских объектов [39. С. 145].

Таким образом, термин *виконим* употребляется отечественными лингвистами скорее как синоним слова *годоним*, нежели *урбаноним*.

В последнее время наметилась тенденция к возвращению первоначальной дефиниции понятия годоним, к его широкому толкованию. На наш взгляд, под термином *годоним* следует понимать название адресного объекта (улицы, переулка, площади, проспекта, тупика и т.п.) без привязки к городу или селу. Поэтому представляется возможным употребление словосочетаний *«городской годоним»*, *«сельский годоним»*, *«деревенский годоним»*.

В начале XXI в. проблемы ономасиологии и семасиологии как основные направления описания топонимической лексики рассматриваются топонимистами в новом ключе, отвечающем «целям и задачам антропоцентрической лингвистики, лингвистики текста и когнитивно-дискурсивной (коммуникативной) парадигмы научного знания» [28. С. 21]. Язык постигается в тесной связи с человеком, его духовно-практической деятельностью и мышлением, «язык мыслится как конститутивное свойство человека, делающее его человеком», что влечёт за собой «выдвижение основных требований к исследованиям языковых феноменов – понять природу языка и объяснить его можно лишь исходя из понимания человека и его мира» [16. С. 5–6]. Как отмечает Л.М. Дмитриева, «актуализация антропоориентированных исследований в современной лингвистике дает возможность обратиться к изучению языковой личности, языковой картины мира и языковой системы в их взаимосвязи» [16. С. 68].

Изменение научных парадигм лингвистического знания способствовало появлению трёх основных подходов в изучении годонимов:

1. *Лингвокультурологический*: А.И. Балбуцкая [5], Е.С. Бобылева [7], Е.В. Ворошилова [9], А.С. Гальцова [10, 11], В.В. Гузикова [14], Л.Н. Давлеткулова [15], Е.Н. Егорова, К.А. Тихонова [17], Е.А. Клещева [21], Г.А. Козлова [26], И. Коширелова [29], Ю.Г. Пушкарёва [37], В.А. Ражина [38], Е.А. Сизова [41], К.А. Чупрак [43] и др.

В настоящее время лингвокультурологический подход находит отражение в исследованиях многих топонимистов и основан на рассмотрении топонимов в неразрывной связи с культурой.

Лингвокультурологический аспект в исследовании годонимикона заключается в анализе годонима в качестве культурно мотивированной единицы с учётом его функционирования в рамках лингвокультурного пространства конкретного региона, который сформирован на основе фоновых знаний и пред-

ставлений о языке и культуре местного жителя и характеризуется культурно-историческим своеобразием. Культурологическое описание свидетельствует о том, что «в речи топоним выступает в качестве компрессированного текста, представляющего собой разновидность текста культуры» [41. С. 60].

Влияние неязыковых факторов на формирование и динамику годонимикона определённого региона способствует превращению годонима в своеобразный культурный код, выполняющий репрезентативную функцию и отражающий культурно-ценностные ориентиры горожан, особенности русской языковой картины мира.

2. *Лингвокогнитивный*: З.Н. Афинская, Л.Н. Кулаженкова [3], А.Ю. Асанов [1, 2], М.В. Голомидова [12, 13], С.А. Боженко [8], Л.М. Дмитриева [16], А.А. Казанкова [19], Л.А. Климкова [22, 23], Л.Н. Монзикова [35], А.С. Щербак [46] и др.

Лингвокогнитивный подход предполагает рассмотрение годонимов как части языковой картины мира, выявление когнитивных механизмов образования наименований адресных объектов. Годонимикон определённой местности трактуется как носитель знания, репрезентант деятельности коллективного сознания, раскрывающий ментальные представления о пространстве, особенности восприятия его конкретным этносом и образ человека, существующего в этом пространстве. Данное направление основывается на анализе концептуального содержания топонима и фоновых знаний, которые оцениваются как компонент семантики годонима. Город, село или деревня рассматриваются не только как пространство, но и как определённый текст, а комплекс наименований – как «знаковый континуум, содержательная сторона которого создаёт некое информационное пространство» [12. С. 20]. Концепт «место» является когнитивным базисом годонима, семантика которого служит источником информации о конкретной местности, её истории и заселении. Также в годонимии находят выражение такие общечеловеческие идеи-концепты, как «человек», «время», «число», «память», «сакральность», «знание» и др. В русле когнитивного подхода «учёные предпринимают попытки вскрыть связь языка и процессов познания и показать, как и почему, на каких основаниях, в результате каких когнитивных операций происходит означивание топонимических объектов и какие структуры знания находят отражение в топономинации» [27. С. 152]. Анализ годонимов в данном аспекте даёт возможность не только вскрыть механизм их возникновения, но и постичь способы хранения и передачи в них знаний о мире, что позволяет рассмотреть роль годонимов в речи и в культуре определённого языкового коллектива и выйти за пределы статичного изучения языковой системы. Исследования такого рода свидетельствуют о том, что в наименовании улиц фиксируются разные виды знания: житейские, религиозные, историко-культурные, научные, социально-экономические.

3. *Этнолингвистический*: Е.Л. Березович [6], Н.А. Кичикова [20], Г.Ф. Ковалёв [24], Н.И. Кривова [30] и др.

Этнолингвистический подход основан на трактовке годонима как этнокультурного феномена, запечатлевающего этнокультурный опыт людей, обретаемый в течение многовекового развития народа, и обнаруживающего взаимодействие языка и национальной идентичности. Исследователей интересует, как отражаются самосознание, менталитет и традиционная духовная культура какого-либо этноса в годонимии. Среди задач этнолингвистического

исследования Е.Л. Березович видит: 1) определение специфики национально обусловленного восприятия фрагмента действительности; 2) показ особенностей языкового канала трансляции информации о данном фрагменте действительности. Эта двуединая задача по отношению к топонимическому материалу сводится к выявлению своеобразия топонимии как «языкового источника информации о духовной культуре народа». Пространство рассматривается как одно из важнейших составляющих национальной картины мира, поэтому цель этнолингвистического изучения топонимии сводится к определению «концептуальных основ топонимической версии различных моделей пространства» [6. С. 11–12].

Таким образом, годонимика требует дальнейшей скрупулезной разработки исследователями и единой трактовки её понятийного аппарата. Сегодня приобретает актуальность понимание годонима как названия адресного объекта без привязки к определённому населённому пункту. Анализ научных работ по рассматриваемой проблематике свидетельствует о широком применении комплексного подхода в изучении годонимикона определённого региона. Это выражается в контаминации традиционного (системно-структурного) направления с антропоцентрическим, что предполагает интерпретацию годонима во взаимосвязи с языковой личностью, его духовной и материальной культурой, имеющей национальное своеобразие.

Литература

1. *Асанов А.Ю.* Вербализация категории время в тамбовских урбанонимах // Вестник Тамбовского университета. Сер. Гуманитарные науки. 2013. № 12(128). С. 353–356.

2. *Асанов А.Ю.* Урбанонимия города Тамбова в лингвокогнитивном аспекте: дис. … канд. филол. наук. Тамбов, 2014. 185 с.

3. *Афинская З.Н., Кулаженкова Л. Н.* Городская топонимика как семиотическая проблема // Евразийский союз учёных. 2015. № 11–4 (20). С. 6–9.

4. *Бакутов В.А.* Особенности микротопонимов д. Отымбал Волжского района Республики Марий Эл // Ономастика Поволжья: материалы XV Междунар. науч. конф. (Арзамас, 13–16 сент. 2016 г.) / под ред. Л.А. Климковой, В.И. Супруна; Арзамасский филиал ННГУ. Арзамас; Саров: Интерконтакт, 2016. С. 307–310.

5. *Балбуцкая А.И.* Лексические и грамматические репрезентанты культурологической информации в годониме // Структурно-семантические параметры единиц языка и речи: сб. науч. ст. Мурманск: Изд-во МГПУ, 2009. С. 161–165.

6. *Березович Е.Л.* Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте: Пространство и человек / под ред. А.К. Матвеева. 2-е изд., испр. и доп. М.: ЛИБРОКОМ, 2009. 328 с.

7. *Бобылева Е.С.* Лингвокультурологический анализ годонимов Сантьяго-де-Чили // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 3 (69), ч. 1. С. 57–59.

8. *Боженко С.А., Дмитриева Л.М.* Номинация в городском пространстве Барнаула (из опыта работы) // Язык города: материалы Междунар. науч.-практ. конф. (8–9 ноября 2007 г.). Бийск: БПГУ им. В. М. Шукшина, 2007. С. 64–77.

9. *Ворошилова Е.В.* Ономастикон города Канска как отражение истории и культуры народа: дис. … канд. филол. наук. Красноярск, 2007. 244 с.

10. *Гальцова А.С.* Лингвокультурологический потенциал петербургских микро- и макротопонимов // Мир русского слова. 2008. № 4. С. 57–60.

11. *Гальцова А.С.* Лингвокультурологический потенциал петербургской топонимии: дис. … канд. филол. наук. СПб., 2010. 207 с.

12. *Голомидова М.В.* Образ пространства и пространственные образы в названиях старого Екатеринбурга // Известия Уральского государственного университета. 2001. Вып. 20. С. 19–25.

13. *Голомидова М.В.* Прагматический аспект именотворчества: общий взгляд // Ономастика и диалектная лексика. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2003. Вып. 4. С. 107–120.

14. *Гузикова В.В.* Лингвокультурологический аспект урбанонимов как отражение национальной картины мира // Актуальные проблемы германистики, романистики и русистики. 2012. № 1. С. 183–190.

15. *Давлеткулова Л.Н.* Лингвокультурологический компонент топонимов (на примере урбанонимов Оксфорда) // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 31(322). С. 82–85.

16. *Дмитриева Л.М.* Онтологическое и ментальное бытие топонимической системы (на материале русской топонимии Алтая): дис. … д-ра филол. наук. Барнаул, 2002. 367 с.

17. *Егорова Е.Н., Тихонова К.А.* Функционирование урбанонимов в лингвокультурном пространстве города (на примере анализа урбанонимов г. Архангельска) // Арктика и Север. 2017. № 26. С. 14–23.

18. *Жмурко О.И., Ростов О.Р.* Микротопонимы на территории Ивановской области: программа, картотека и характеристика материала // Ономастика Поволжья: материалы XV Междунар. науч. конф. (Арзамас, 13–16 сент. 2016 г.) / под ред. Л.А. Климковой, В.И. Супруна; Арзамасский филиал ННГУ. Арзамас; Саров: Интерконтакт, 2016. С. 303–306.

19. *Казанкова А.А.* Моделирование деревенского и городского пространства по данным урбанонимики // Вестник Тамбовского университета. Сер. Гуманитарные науки. 2015. № 9(149). С. 220–224.

20. *Кичикова Н.А.* Топонимия Республики Калмыкии как составная часть ономастического пространства Российской Федерации: дис. … канд. филол. наук. Волгоград, 2011. 187 с.

21. *Клещева Е.А.* Названия улиц городов-побратимов Барнаула и Флагстаффа в лингвокультурологическом аспекте // Труды молодых учёных Алтайского государственного университета. 2015. Т. 1, № 12. С. 27–30.

22. *Климкова Л.А.* Нижегородская микротопонимия в языковой картине мира: дис. … д-ра филол. наук / Моск. пед. гос. ун-т. М., 2008. 533 с.

23. *Климкова Л.А.* Нижегородская микротопонимия: коннотативный аспект // Вестник Челябинского государственного университета. 2008. № 16. С. 80–86.

24. *Ковалёв Г.Ф.* Дидактические ценности региональной микротопонимии // Ресурсы региона: объект исследования и источник обновления образовательной парадигмы: сб. тр. Всерос. науч.-практ. конф. (Тамань, 12–16 сент. 2013 г.) / отв. ред. М.Ю. Беляева; филиал ФГБОУ ВПО «Кубанский государственный университет» в г. Славянске-на-Кубани. Славянск-на-Кубани, 2014. С. 86–96.

25. *Ковалёв Г.Ф.* «Пройду по Абрикосовой, сверну на Виноградную…» // Ономастика Поволжья: материалы XV Междунар. науч. конф. (Арзамас, 13–16 сент. 2016 г.) / под ред. Л.А. Климковой, В.И. Супруна; Арзамасский филиал ННГУ. Арзамас; Саров: Интерконтакт, 2016. С. 338–342.

26. *Козлова Г.А.* Лингвокультурологический обзор урбанонимов города Курска // Перевод и межкультурная коммуникация: теория и практика. 2016. № 2. С. 31–34.

27. *Корнева В.В.* Топонимические исследования в новой научной парадигме // Вестник Воронежского государственного университета. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2016. № 1. С. 150–154.

28. *Корнева В.В., Меняйлова Д.Б.* Основные направления изучения топонимов // Вестник Воронежского государственного университета. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2012. № 2. С. 21–26.

29. *Коширелова И.* Культурологический анализ метонимии (структура названий урбанонимов столичного города): дис. … канд. культурологии. М., 2006. 172 с.

30. *Кривова Н.И.* Значение принадлежности в микротопонимах как выражение особенностей народного мировосприятия // Современные проблемы лингвистики и методики преподавания русского языка в вузе и школе. 2016. № 26. С. 30–33.

31. *Леонтьева А.А.* Принципы номинации чувашских виконимов // Ономастика Поволжья: мат-лы XIV Междунар. научн. конф. (Тверь 10–12 сентября 2014 г.) / под ред. И.М. Ганжиной, В.И. Супруна. Тверь: Изд-во Марины Батасовой; Альфа-Пресс, 2014. С. 170–173.

32. *Лихачёва О.В.* Микротопонимы села Котиха Арзамасского района Нижегородской области // Ономастика Поволжья: материалы XV Междунар. науч. конф. (Арзамас, 13–16 сент. 2016 г.) / под ред. Л.А. Климковой, В.И. Супруна; Арзамасский филиал ННГУ. Арзамас; Саров: Интерконтакт, 2016. С. 299–302.

33. *Мадиева Г.Б., Супрун В.И.* Система современной русской урбанонимической терминологии // Вопросы ономастики. 2017. Т. 14, № 2. С. 115–125.

34. *Мезенко А.М.* Виконимика как раздел топонимики: состояние, перспективы // Nowe nazwy wlasne – nowe tendencje badawcze / ред. A. Cieślikowej и др.. Kraków: PANDIT, 2007. С. 379–390.

35. *Монзикова Л.Н.* Топонимия Вологды и её окрестностей: дис. … канд. филол. наук. Вологда, 2004. 183 с.

36. *Попкова Н.Н.* Виконимы в говоре села Бахтызина Вознесенского района Нижегородской области // Ономастика Поволжья: материалы XV Междунар. науч. конф. (Арзамас, 13–16 сент.

2016 г.) / под ред. Л. А. Климковой, В. И. Супруна; Арзамасский филиал ННГУ. Арзамас; Саров: Интерконтакт, 2016. С. 321–324.

37. *Пушкарёва Ю.Г.* Урбанонимия города Улан-Удэ: лингвокультурологический аспект: дис. … канд. филол. наук. Улан-Удэ, 2013. 225 с.

38. *Ражина В.А.* Ономастические реалии: лингвокультурологический и прагматический аспекты: дис. … канд. филол. наук. Ростов н/Д., 2007. 156 с.

39. *Разумов Р.В.* Особенности современных российских систем виконимов (на примере Некоузского, Первомайского, Рыбинского, Тутаевского районов Ярославской области) // Ярославский педагогический вестник. 2013. Т. 1, № 1. С. 145–149.

40. *Рахматов Т.* Одонимы Самарканда // Советская тюркология. 1972. № 4. С. 54–61.

41. *Сизова Е. А.* Лингвокультурологический анализ урбанонимов (на материале английского, русского и французского языков): дис. … канд. филол. наук. Пятигорск, 2004. 199 с.

42. *Цыганкин Д. В.* Лексико-семантическая характеристика отдельных пластов топонимической системы Мордовской АССР // Ономастика Поволжья: межвуз. сб. науч. тр. Саранск: Изд-во Морд. ун-та, 1986. С. 4–20.

43. *Чупрак К. А.* Лингвокультурологический анализ названий улиц Гамбурга, Берлина и Вены // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2008. № 49. С. 246–250.

44. *Шеуджен С.Н.* Годонимы Теучежского района Республики Адыгея // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. 2. Филология и искусствоведение. 2009. № 2. С. 225–229.

45. *Шмелёва Т.В.* Современная годонимия: семантика и семиотика // Лингвистическое краеведение: межвуз. сб. науч. тр. Пермь, 1991. С. 33–37.

46. *Щербак А.С.* Когнитивные основы региональной ономастики: монография. Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2012. 319 с.

ЕГОРОВА ЛЮДМИЛА ВЛАДИМИРОВНА – аспирантка кафедры русского языка и литературы, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (egorova2604@mail.ru).

L. EGOROVA

THE QUESTION OF STUDYING GODONYMS IN THE MODERN PARADIGM OF LINGUISTIC STUDIES

Key words: *onomatology, toponymics, onomastic terminology, godonym, urbanonym, viconym, anthropocentric linguistics.*

The article is devoted to the issue of defining the term “godonym” (street name) in onomastic literature. The interest to this problem is dictated by terminological uncertainty and different interpretation of this concept. This paper analyzes the boundaries of the term “godonym” found in toponymic research projects, and three points of view on its content are presented. The author comes to the conclusion about the necessity of a broad interpretation of the term “godonym” as the name of an address object of both a town and a village. The concepts of "urban godonym", "rural godonym" and “village godonym" are introduced in scientific circulation. The present study also pays attention to such onomastic terms as urbanonym and viconym. Studying the works on godonimics over the last two decades has allowed to distinguish two approaches in the study of this problem – traditional and anthropo-oriented. In turn, within anthropocentric approach scientists distinguish linguoculturological, linguo-cognitive and ethnolinguistic approaches, each of which does not refute each other, but is closely intertwined with the other and complements it. Godonyms are an essential part of toponymic vocabulary, that is why their description and analysis require further careful attention of onomatologists.

References

1. Asanov A.Yu. *Verbalizaciya kategorii vremya v tambovskikh urbanonimakh* [Verbalization of the category of time in Tambov urban names]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Ser. Gumanitarnye nauki*, 2013, no. 12(128), pp. 353–356.

2. Asanov A.Yu. *Urbanonimiya goroda Tambova v lingvokognitivnom aspekte: dis. … kand. filol. nauk* [Urbanone of the city of Tambov in linguistic and cognitive aspect]. Tambov, 2014, 185 p.

3. Afinskaya Z.N., Kulazhenkova L.N. *Gorodskaya toponimika kak semioticheskaya problema* [Urban toponymy as a semiotic problem]. *Evraziiskii Soyuz Uchenykh*, 2015, no. 11–4(20), pp. 6–9.

4. Bakutov V.A. *Osobennosti mikrotoponimov d. Otymbal Volzhskogo raiona Respubliki Marii El* [Especially microtoponyms Otymbal of the Volga district of Mari El Republic]. In: *Klimkova L.A., Suprun V.I. Onomastika Povolzh'ya: materialy XV Mezhdunar. nauch. konf. (Arzamas, 13–16 sent. 2016 g.)* [Proc. of XV Int. Sci. Conf. «Onomastics of The Volga Region»]. Arzamas, Sarov, Interkontakt Publ., 2016, pp. 307–310.

5. Balbuckaya A.I. *Leksicheskie i grammaticheskie reprezentanty kul'turologicheskoi informacii v godonime* [Lexical and grammatical representatives of cultural information in godonim]. In: *Strukturno-semanticheskie parametry edinic yazyka i rechi* [Structural-semantic parameters units of speech and language. Collection of Scientific Works]. Murmansk, 2009. S. 161–165.

6. Berezovich E.L. *Russkaya toponimiya v etnolingvisticheskom aspekte: Prostranstvo i chelovek. 2-e izd., ispr. i dop.* [Russian toponymy in ethnolinguistic aspect: Space and man. 2nd ed.]. Moscow, LIBROKOM Publ., 2009. Izd. 328 s.

7. Bobyleva E.S. *Lingvokul'turologicheskii analiz godonimov Sant'yago-de-Chili* [Linguistic and cultural analysis of Santiago de Chile godonims]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 2017, no. 3(69), part 1, pp. 57–59.

8. Bozhenko S.A., Dmitrieva L.M. *Nominaciya v gorodskom prostranstve Barnaula (iz opyta raboty)* [Nomination in the urban space of Barnaul (from experience)]. Yazyk goroda: materialy Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (8–9 noyabrya 2007 g.) [Proc. of Int. Sci. Conf. «Nominated in the Urban Space of Barnaul (From Experience)»]. Biisk, 2007. S. 64–77.

9. Voroshilova E. V. *Onomastikon goroda Kanska kak otrazhenie istorii i kul'tury naroda: dis. … kand. filol. nauk* [Onomasticon of Kansk as a reflection of the history and culture of the people. Doct. Diss.]. Krasnoyarsk, 2007, 244 p.

10. Gal'tsova A.S. *Lingvokul'turologicheskii potencial peterburgskikh mikro- i makrotoponimov* [Linguo-culturological potential of St. Petersburg micro-and macro-names]. *Mir russkogo slova*, 2008, no. 4, pp. 57–60.

11. Gal'tsova A.S. *Lingvokul'turologicheskii potencial peterburgskoi toponimii: dis. … kand. filol. nauk* [Linguistic and cultural potential of St. Petersburg toponymy. Doct. Diss.]. St. Petersburg, 2010, 207 p.

12. Golomidova M.V. *Obraz prostranstva i prostranstvennye obrazy v nazvaniyakh starogo Ekaterinburga* [The image of space and spatial images in the names of old Ekaterinburg]. *Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta*, 2001, iss. 20, pp. 19–25.

13. Golomidova M.V. *Pragmaticheskii aspekt imenotvorchestva: obshchii vzglyad* [Pragmatic aspect of name-making: a General view]. *Onomastika i dialektnaya leksika*, 2003, iss. 4, pp. 107–120.

14. Guzikova V.V. *Lingvokul'turologicheskii aspekt urbanonimov kak otrazhenie nacional'noi kartiny mira* [Linguocultural aspect of urbanonims as a reflection of the national picture of the world]. *Aktual'nye problemy germanistiki, romanistiki i rusistiki*, 2012, no. 1, pp. 183–190.

15. Davletkulova L.N. *Lingvokul'turologicheskii komponent toponimov (na primere urbanonimov Oksforda)* [Linguistic and cultural component of place names (on the example of the urbanonims of Oxford)]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2013, no. 31(322), pp. 82–85.

16. Dmitrieva L.M. *Ontologicheskoe i mental'noe bytie toponimicheskoi sistemy (na materiale russkoi toponimii Altaya): dis. … d-ra filol. nauk* [The ontological and mental existence of a toponymic system (based on the Russian toponymy of Altay). Doct. Diss.]. Barnaul, 2002, 367 p.

17. Egorova E.N., Tikhonova K. A. *Funkcionirovanie urbanonimov v lingvokul'turnom prostranstve goroda (na primere analiza urbanonimov g. Arkhangel'ska)* [The functioning of urbanonims in linguocultural space of the city (on the example of analysis of the urbanonims of the city of Arkhangelsk)]. *Arktika i Sever*, 2017, no. 26, pp. 14–23.

18. Zhmurko O.I., Rostov O.R. *Mikrotoponimy na territorii Ivanovskoi oblasti: programma, kartoteka i kharakteristika materiala* [The microtoponyms in the territory of the Ivanovo region: the software, file and material characteristics]. In: *Klimkova L.A., Suprun V.I. Onomastika Povolzh'ya: materialy XV Mezhdunar. nauch. konf. (Arzamas, 13–16 sent. 2016 g.)* [Proc. of XV Int. Sci. Conf. «Onomastics of The Volga Region»]. Arzamas, Sarov, Interkontakt Publ., 2016, pp. 303–306.

19. Kazankova A.A. *Modelirovanie derevenskogo i gorodskogo prostranstva po dannym urbanonimiki* [Simulation of rural and urban space according to urbanomika]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Ser. Gumanitarnye nauki*, 2015, no. 9(149), pp. 220–224.

20. Kichikova N.A. *Toponimiya Respubliki Kalmykii kak sostavnaya chast' onomasticheskogo prostranstva Rossiiskoi Federacii: dis. … kand. filol. nauk* [Toponymy of the Republic of Kalmykia as an integral part of the onomastic space of the Russian Federation. Doct. Diss.]. Volgograd, 2011, 187 p.

21. Kleshcheva E.A. *Nazvaniya ulic gorodov-pobratimov Barnaula i Flagstaffa v lingvokul'turologicheskom aspekte* [Street names of twin cities of Barnaul and Flagstaff in the linguo-cultural aspect]. *Trudy molodykh uchenykh Altauskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2015, vol. 1, no. 12, pp. 27–30.

22. Klimkova L.A. *Nizhegorodskaya mikrotoponimiya v yazykovoi kartine mira: dis. … d-ra filol. nauk* [Nizhny Novgorod microtoponymy in the linguistic picture of the world. Doct. Diss.]. Moscow, 2008, 533 p.

23. Klimkova L.A. *Nizhegorodskaya mikrotoponimiya: konnotativnyi aspekt* [Nizhny Novgorod microtoponymy: the connotative aspect]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2008, no. 16, pp. 80–86.

24. Kovalev G.F. *Didakticheskie cennosti regional'noi mikrotoponimii* [The didactic value of regional microtoponymy]. *Resursy regiona: ob''ekt issledovaniya i istochnik obnovleniya obrazovatel'noi paradigmy: sb. tr. Vserossiisk. nauch.-prakt. konf. (Taman', 12–16 sent. 2013 g.)* [Proc. of Russ. Sci. Conf. «The resources of the region: the object of research and the source of updating the educational paradigm»]. Slavyanske-na-Kubani, 2014, pp. 86–96.

25. Kovalev G.F. *«Proidu po Abrikosovoi, svernu na Vinogradnuyu…»* ["Will pass the Abrikosovaya street, turn the Vinogradnaya…»]. In: *Klimkova L.A., Suprun V.I. Onomastika Povolzh'ya: materialy XV Mezhdunar. nauch. konf. (Arzamas, 13–16 sent. 2016 g.)* [Proc. of XV Int. Sci. Conf. « Onomastics of The Volga Region»]. Arzamas, Sarov, Interkontakt Publ., 2016, pp. 338–342.

26. Kozlova G.A. *Lingvokul'turologicheskii obzor urbanonimov goroda Kurska* [Linguistic and cultural overview of the urbanonims of the city of Kursk]. *Perevod i mezhkul'turnaya kommunikaciya: teoriya i praktika*, 2016, no. 2, pp. 31–34.

27. Korneva V.V. *Toponimicheskie issledovaniya v novoi nauchnoi paradigme* [Toponymic research in the new scientific paradigm]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikaciya*, 2016, no. 1, pp. 150–154.

28. Korneva V.V., Menyailova D.B. *Osnovnye napravleniya izucheniya toponimov* [The main directions of the study of place names]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikaciya*, 2012, no. 2, pp. 21–26.

29. Koshirelova I. *Kul'turologicheskii analiz metonimii (struktura nazvanii urbanonimov stolichnogo goroda): dis. … kand. kul'turologii* [Cultural analysis of metonymy (the structure of the names of urbanonyms of the capital city)]. Moscow, 2006, 172 p.

30. Krivova N.I. *Znachenie prinadlezhnosti v mikrotoponimakh kak vyrazhenie osobennostej narodnogo mirovospriyatiya* [The importance of belonging in microtoponyms as an expression of the peculiarities of the national worldview]. *Sovremennye problemy lingvistiki i metodiki prepodavaniya russkogo yazyka v vuze i shkole*, 2016, no. 26, pp. 30–33.

31. Leont'eva A.A. *Principy nominacii chuvashskikh vikonimov* [Principles of the nomination of Chuvash viconims]. In: *Klimkova L.A., Suprun V.I. Onomastika Povolzh'ya: materialy XV Mezhdunar. nauch. konf. (Arzamas, 13–16 sent. 2016 g.)* [Proc. of XV Int. Sci. Conf. «Onomastics of The Volga Region»]. Arzamas, Sarov, Interkontakt Publ., 2016, pp. 170–173.

32. Likhacheva O.V. *Mikrotoponimy sela Kotikha Arzamasskogo raiona Nizhegorodskoi oblasti* [The microtoponyms of the village of Cotiha of Arzamas district in Nizhny Novgorod region In: *Klimkova L.A., Suprun V.I. Onomastika Povolzh'ya: materialy XV Mezhdunar. nauch. konf. (Arzamas, 13–16 sent. 2016 g.)* [Proc. of XV Int. Sci. Conf. «Onomastics of The Volga Region»]. Arzamas, Sarov, Interkontakt Publ., 2016, pp. 299–302.

33. Madieva G.B., Suprun V.I. *Sistema sovremennoi russkoi urbanonimicheskoi terminologii* [The system of modern Russian urbanomics terminology]. *Voprosy onomastiki*, 2017, vol. 14, no. 2, pp. 115–125.

34. Mezenko A.M. *Vikonimika kak razdel toponimiki: sostoyanie, perspektivy* [Vikonika as a section of place names: state, prospects]. In: Cieślikowej A., ed. Nowe nazwy wlasne – nowe tendencje badawcze. Kraków, PANDIT Publ., 2007, pp. 379–390.

35. Monzikova L.N. *Toponimiya Vologdy i ee okrestnostei: dis. … kand. filol. nauk* [Toponymy of Vologda and its environs. Doct. Diss.]. Vologda, 2004, 183 p.

36. Popkova N.N. *Vikonimy v govore sela Bakhtyzina Voznesenskogo raiona Nizhegorodskoi oblasti* [Viconims in the dialect of the village of Bakhtizina of Voznesensky district, Nizhny Novgorod region]. In: *Klimkova L.A., Suprun V.I. Onomastika Povolzh'ya: materialy XV Mezhdunar. nauch. konf. (Arzamas, 13–16 sent. 2016 g.)* [Proc. of XV Int. Sci. Conf. «Onomastics of The Volga Region»]. Arzamas, Sarov, Interkontakt Publ., 2016, pp. 321–324.

37. Pushkareva Yu.G. *Urbanonimiya goroda Ulan-Ude: lingvokul'turologicheskii aspekt: dis. … kand. filol. nauk* [Urbanonimy of the city of Ulan-Ude: linguocultural aspect. Doct. Diss.]. Ulan-Ude, 2013, 225 p.

38. Razhina V.A. *Onomasticheskie realii: lingvokul'turologicheskii i pragmaticheskii aspekty: dis. … kand. filol. nauk* [Onomastic realities: linguistic, cultural and pragmatic aspects. Doct. Diss.]. Rostov na Donu, 2007, 156 p.

39. Razumov R.V. *Osobennosti sovremennykh rossiiskikh sistem vikonimov (na primere Nekouzskogo, Pervomaiskogo, Rybinskogo, Tutaevskogo raionov Yaroslavskoi oblasti)* [The features of

the modern Russian systems of viconims (for example, Nekouzk, Pervomaysk, Rybinsk, Tutaev, Yaroslavl region districts)]. *Yaroslavskii pedagogicheskii vestnik*, 2013, vol. 1, no. 1, pp. 145–149.

40. Rakhmatov T. *Odonimy Samarkanda* [Samarkand Odonyms]. Sovetskaya tyurkologiya, 1972, no. 4, pp. 54–61.

41. Sizova E.A. *Lingvokul'turologicheskii analiz urbanonimov (na materiale angliiskogo, russkogo i francuzskogo yazykov): dis. … kand. filol. nauk* [Linguistic and cultural analysis of urbanonims (in English, French and Russian languages). Doct. Diss.]. Pjatigorsk, 2004, 199 p.

42. Cygankin D.V. *Leksiko-semanticheskaya kharakteristika otdel'nykh plastov toponimicheskoi sistemy Mordovskoi ASSR* [Lexico-semantic characteristic of separate layers of the toponymic system of the Mordovian ASSR]. *Onomastika Povolzh'ya: mezhvuz. sb. nauch. tr.* [Onomastics of The Volga Region. Intercollegiate scientific papers]. Saransk, Mordovian University Publ., 1986, pp. 4–20.

43. Chuprak K.A. *Lingvokul'turologicheskii analiz nazvanii ulic Gamburga, Berlina i Veny* [Linguistic and cultural analysis of the names of the streets of Hamburg, Berlin and Vienna]. *Izvestiya Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gercena*, 2008, no. 49, pp. 246–250.

44. Sheudzhen S.N. *Godonimy Teuchezhskogo raiona Respubliki Adygeya* [Godonims of Teuchezhsk area of Adygea Republic]. *Vestnik Adygeiskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 2. Filologija i iskusstvovedenie*, 2009, no. 2, pp. 225–229.

45. Shmeleva T.V. *Sovremennaya godonimiya: semantika i semiotika* [Modern godonimony: semantics and semiotics]. *Lingvisticheskoe kraevedenie: mezhvuzovsk. sb. nauch. tr.* [Linguistic kraeve vision. Intercollegiate scientific papers]. Perm, 1991, pp. 33–37.

46. Shcherbak A.S. *Kognitivnye osnovy regional'noi onomastiki: monografiya* [Cognitive foundations of regional onomastics]. Tambov, 2012. 319 s.

EGOROVA LYUDMILA – Post-Graduate Student of the Russian Language and Literature Department, Chuvash State University, Russia, Cheboksary (egorova2604@mail.ru).

Формат цитирования: *Егорова Л.В.* К вопросу изучения годонимов в современной парадигме лингвистических исследований // Вестник Чувашского университета. – 2018. – № 2. – С. 224–233.

УДК 811.133.1
ББК 123.34

Е.Л. ЗАЙЦЕВА, Н.В. КИРИЛЛОВА

ЯЗЫКОВАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ АНТИРОССИЙСКИХ НАСТРОЕНИЙ ВО ФРАНКОЯЗЫЧНОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ СМИ

***Ключевые слова**: политический текст, французские СМИ, французский язык, мировое событие, односторонний, Россия, западные политики.*

Целью статьи является анализ языковой стороны политических текстов во французской прессе, традиционно считающейся свободной от политических влияний на нее при освещении международных событий. Материалом для исследования послужили статьи из французских медийных изданий «Le Figaro», «Le Monde», «Libération» за 2014–2017 гг., посвященные России и, в частности, отношению к референдуму в Крыму. С учетом лингвистического критерия авторы разделяют статьи на «за референдум» и «против референдума», выделяют ключевые слова статей в соответствии с основными темами, через которые манифестируется отношение к референдуму во французской прессе. В ходе анализа языковых фактов было установлено количественное преобладание статей «против референдума»; доминирующей темой в освещении референдума стала политика. Языковые факты также показывают, какое выражение является ключевым во французской прессе при освещении событий, связанных с Россией. Авторы приходят к выводу, что французские политические медийные тексты односторонне трактуют такое событие мирового масштаба, как Крымский референдум, не избегая при этом искажения фактов, отражая языковые практики западных и украинских политиков и не освещая риторику российской стороны.

Общепризнанным фактом считается, что французская медийная система свободна от влияния на нее государственной власти, учитывает мнения всех слоев общества, пользуется полной свободой слова. Журналисты французских изданий основываются на объективности и собственной политической нейтральности: они не зависят от влияния партии у власти, могут делать собственные выводы, основываясь на логике и фактах в публикациях о любых международных событиях [4. С. 139–163; 5. С. 4; 7]. Несомненно, что важнейшим международным событием, получившим огромный отклик в СМИ по всему миру, стал Крымский референдум 2014 г. [3. С. 35; 6. С. 141; 8. С. 313]. Данное исследование посвящено изучению языковой репрезентации референдума в Крыму в 2014 г. в авторских статьях трех самых известных французских изданий. В поисковую строку каждого издания было введено выражение «референдум в Крыму / «référendum en Crimée», в результате были проанализированы 300 статей из «Le Figaro» (большинство статей за 2014–2016 гг. и только 77 статей за 2017 г.), 195 статей из «Le Monde» (24 статьи за 2017 г.), 120 статей из «Liberation» (9 статей за 2017 г.; дата обращения: 27.07.2017). Эти издания имеют наибольшую аудиторию печатной и онлайн версий и являются наиболее часто цитируемыми французскими СМИ.

С точки зрения лингвистики референдум дал возможность изучить общую картину по его языковой репрезентации в дискурсе СМИ, его оценку, шаблонность. Материалом для работы стали статьи за период с 18 марта 2014 г. по июль 2017 г. В ходе анализа языковых фактов статьи были разделены в соответствии с общим «месседжем» – за и против референдума. В соответствии с основным содержанием статей о референдуме были определены конкретные сферы человеческой деятельности, на которые повлиял сам факт референдума, и темы, через которые происходит языковая репре-

зентация референдума: 1) политика, 2) экономика и внутрикрымская ситуация, 3) армия, 4) рядовые граждане.

Статьи с обобщенным значением «за референдум» отражают законность референдума и делают акцент на праве народов Крыма на свободное волеизъявление. На этом фоне положительным сегментом оценки является идея о праве населения Крыма на самоопределение. Референдум в статьях «за» получает свою репрезентацию в основном за счет темы «политика», которая объясняется через исторические и культурные связи Крыма и России, включает такие ключевые слова (выделены в примерах), как «воссоединиться с Россией демократическим путем», «Крым – русский», «возвращение в отчий дом», «в основном пророссийские области», «исторические, языковые, культурные связи с Россией», «пророссийские настроения широко распространены», «место постоянной дислокации для Российской военно-морской базы».

L'ancien président du Conseil italien Silvio Berlusconi a estimé dimanche que les habitants de la Crimée avaient **démocratiquement** choisi de rompre avec l'Ukraine...Vous auriez vu l'amour, la gratitude et l'amitié avec lesquels Poutine a été accueilli" en Crimée, a-t-il évoqué… (Le Figaro. 27.09.2015) / *Бывший председатель Совета Италии Сильвио Берлускони заявил в воскресенье, что жители Крыма сделали свой выбор демократически и решили порвать с Украиной... Вы бы видели любовь, благодарность и дружбу, с которыми Путин был встречен в Крыму, – сказал он.*

Marine Le Pen, candidate Front national à la présidentielle, a estimé aujourd'hui que l'annexion de la péninsule ukrainienne de Crimée par la Russie n'était "**pas illégale**, contrairement à la position de l'Europe et des Etats-Unis. **"Je ne crois absolument pas qu'il y a eu une annexion illégale**: il y a eu **un référendum**, les habitants de Crimée **souhaitaient rejoindre la Russie**", a affirmé la patronne du parti d'extrême droite sur RMC et BFM TV. .. la Crimée a été annexée par la Russie en mars 2014 après une intervention militaire suivie d'un référendum de rattachement dénoncé comme illégal par Kiev et les Occidentaux. Cette annexion a provoqué les plus fortes tensions entre les Occidentaux et la Russie depuis la fin de la Guerre froide. En rétorsion, les Etats-Unis et l'Union européenne ont imposé à Moscou une vague de sanctions économiques, qui sont toujours en vigueur (Le Figaro. 01.03.2017) / *Марин Ле Пен, кандидат в президенты от Национального Фронта, заявила сегодня, что аннексия полуострова украинского Крыма Россией "не является незаконной, в отличие от позиции Европы и США. "Я не считаю абсолютно, что была незаконная аннексия: там был референдум, жители Крыма хотят присоединиться к России", – сказала глава ультраправых в интервью каналам RMC и BFM TV… Крым был присоединен к России в марте 2014 года после военного вмешательства с последующим референдумом о присоединении, который осудили в Киеве и на Западе. Эта аннексия вызвала наибольшее после «холодной войны» напряжение между Западом и Россией. В ответ США и ЕС наложили на Москву множество экономических санкций, которые по-прежнему в силе.*

Pour la présidente du FN, les résultats du référendum en Crimée ... «**sont sans contestation possible**» (Le Monde. 18.11.2016) / *Для главы НФ результаты референдума бесспорны.*

«La Crimée **est russe**, passons à autre chose» (Mariani) (Le Figaro. 31.07.2016). Le député français de droite Thierry Mariani, à la tête d'une délégation parlementaire en Crimée critiquée par Kiev, a appelé aujourd'hui les Européens à **reconnaître** l'annexion par la Russie de la péninsule ukrainienne, où

"les gens ont un air joyeux". Le ministère ukrainien des Affaires étrangères a "condamné fermement cette visite" qui selon lui "viole la législation ukrainienne et le droit international".Une partie de la visite a été consacrée à la situation des Tatars de Crimée, une communauté musulmane autochtone de la péninsule qui subit une forte pression de la part des autorités russes en raison de leur opposition à l'annexion/ *Депутат от «правых» Тьерри Мариани, глава делегации французских парламентариев, посетивших Крым и подвергшихся за это критике со стороны Киева, призвал сегодня Европу признать присоединение украинского полуострова к России, где "люди имеют веселый вид". МИД Украины "твердо осудило этот визит", который, по его мнению "нарушает законодательство Украины и международное право". Часть визита была посвящена ситуации с крымскими татарами, коренным народом полуострова, являющимися мусульманами, испытывающими сильное давление со стороны российских властей из-за своей оппозиции к аннексии.*

L'ONU condamne le rattachement de la Crimée à Moscou (Liberation. 27.03.14). La résolution adoptée jeudi est **seulement symbolique**. Onze pays ont voté contre et cinquante-huit se sont **abstenus** / *ООН осуждает присоединение Крыма. Резолюция, принятая в четверг, является лишь символической. Одиннадцать стран проголосовали против и пятьдесят восемь воздержались.*

Acclamé par une écrasante majorité de Russes, le *«retour au bercail»* de la péninsule a donné une impulsion durable à la cote de popularité de Vladimir Poutine, ce *«rassembleur des terres russes»,* en divisant même ses détracteurs et en lui ralliant une partie de l'opposition (Liberation. 17.03.2017) / С воодушевлением встреченное подавляющим большинством россиян «возвращение полуострова в отчий дом» дало толчок для роста популярности Владимира Путина, «объединителя русских земель». Даже его критики разделились по этому вопросу: часть оппозиции одобрила политику Путина.

Нами не было найдено ни одной статьи «за референдум», в которой положительная оценка референдума одним из источников (например, М. Ле Пен, С. Берлускони, воздержавшиеся при голосовании в ООН страны) не сопровождалась бы отрицательной оценкой референдума другими источниками (Евросоюзом, США, ООН), в чем мы видим определенную шаблонность в языковой манифестации антироссийских настроений в политическом тексте франкоязычных медиа.

В статьях с обобщенным значением «против референдума» отражаются опасения по поводу Крымского референдума и имплицируется угроза оккупации Россией других стран в будущем, ведущей темой в них является «политика». Содержание статей «против референдума» прослеживается сразу из их заголовков: «Poutine signe le décret qui rattache la Crimée à la Russie dès aujourd'hui (Le Figaro. 18.03.2014) / *Путин подписал указ о присоединении Крыма к России с этого дня*», «Bruxelles sanctionne 21 responsables ukrainiens et russes après le référendum en Crimée (Le Figaro. 17.03.2014) / *Брюссель налагает санкции на 21 украинца и русского* «Les Occidentaux ne reconnaissent pas l'issue du référendum en Crimée (Le Figaro. 16.03.2014) / *Запад не признает результаты референдума в Крыму.*

Такие статьи упоминают период «холодной войны» и содержат ключевые слова и фразы (выделены в примерах) «российская оккупация», «Россия должна вернуть», «незаконный референдум», «отсутствие свободы волеизъявления», «санкции», «угроза единству Украины, мира и безопасности Ев-

ропы», «угроза военного противостояния», «русская угроза / экспансия», «аннексия», «захват Крыма», «нарушение международного права», «нарушение суверенитета и территориальной целостности Украины», «нарушение международных соглашений», «голосование – это фикция», «балаганный», «фальсификации», «пародия». Общее значение ключевых слов сводится к значению inacceptable/«неприемлемо». Кроме того, референдум в этих статьях сравнивается с предыдущими референдумами в Сербии, Шотландии, Тибете, Абхазии и Южной Осетии, Северном Кипре, при этом Крым в основном сравнивается с Косово и Южной Осетией, привлекается внимание аудитории к настроениям украинского и татарского населения Крыма и Украины. Авторами высказываний в статьях «против референдума» чаще всего являются западные политики:

Washington dénonce **l'annexion** de la Crimée (Le Figaro. 07.03.2017). La Crimée fait partie de l'Ukraine. Les Etats-Unis condamnent une nouvelle fois **l'occupation russe** de la Crimée et appellent à sa fin immédiate", a écrit Mark Toner, dans un communiqué. "Nos **sanctions** liées à la Crimée resteront en place jusqu'à ce que la Russie **rende le contrôle** de la péninsule à l'Ukraine". Péninsule stratégique sur la mer Noire, la Crimée a été **annexée** par la Russie en mars 2014 après une **intervention militaire** suivie d'un référendum de rattachement le 16 mars, qui a été **dénoncé comme illégal** par Kiev et les Occidentaux. "Nous exhortons la Russie à mettre un terme à ses tentatives de **supprimer la liberté** d'expression, de réunion pacifique, d'association et de religion", a poursuivi M. Toner le porte-parole du Département d'Etat / *Вашингтон осуждает аннексию Крыма. Крым является частью Украины. Соединенные Штаты осуждают* ***российскую оккупацию*** *Крыма и призывают немедленно прекратить ее ", – написал Марк Тонер, в пресс-релизе. "Наши* ***санкции****, связанные с Крымом, будут в силе до тех пор, пока Россия не* ***вернет контроль над полуостровом Украине****". Крым – стратегический полуостров на Черном море, был присоединен к России в марте 2014 года после* ***военного вмешательства*** *с последующим референдумом о присоединении 16 марта, который был* ***осужден как незаконный*** *в Киеве и на Западе. "Мы призываем Россию прекратить свои попытки подавить свободу выражения мнений, мирных собраний, ассоциирования и религии", – продолжил г-н Тонер, представитель госдепартамента.*

«La Russie a aligné tout un éventail d'arguments pour justifier ce qui n'est rien d'autre qu'une **confiscation** de territoire», a réagi le vice-président des Etats-Unis, Joe Biden (Le Figaro. 18.03.2014)/ *«Россия привела множество аргументов для оправдания того, что не является не чем иным, как* ***конфискацией*** *территории», – отреагировал вице-президент США Джо Байден.*

Joe Biden en Ukraine pour **défendre** «l'unité nationale» du pays (Liberation. 22.04.14). Le chef de la diplomatie américaine a apporté son soutien aux autorités pro-occidentales / *Джо Байден в Украине для защиты «национального единства» страны. Глава американской дипломатии выразил поддержку прозападной власти.*

«La déclaration d'indépendance unilatérale de la Crimée et l'intégration décrétée ce jour à la Fédération de Russie sont des **coups inacceptables portés à l'intégrité** territoriale de l'Ukraine», ont estimé Obama et la chancelière allemande, Angela Merkel (Le Figaro. 18.03.2014) / «*Одностороннее провозглашение независимости Крыма и присоединение Крыма, объявленное се-*

годня в РФ, неприемлемы и являются ударами по территориальной целостности Украины», – считают Обама и канцлер Германии Ангела Меркель.

Il ne peut y avoir de justification à ce que la Russie maintienne un tel cap, qui ne pourra que l'isoler sur la scène internationale, a-t-il (Rassmoussen) ajouté. **L'annexion** de la Crimée est **illégale** et illégitime et les alliés de l'Otan ne la reconnaîtront pas» (Le Figaro. 18.03.2014)/ ***Нет и не может быть оправдания*** *политике, которой Россия придерживается. Это обязательно приведет к ее изоляции на международной арене, – добавил он (Расмуссен).* ***Аннексия*** *Крыма* ***незаконна****, и союзники по НАТО ее не признают».*

«L'Union européenne «ne reconnaît pas et ne reconnaîtra pas **l'annexion** de la Crimée et de Sébastopol» (Herman Van Rompuy). Cet acte intervient après la tenue d'un référendum **illégal** en Crimée, au regard du droit ukrainien comme du droit international», écrit le président François Hollande (Le Figaro. 18.03.2014) / «*Европейский Союз "не признаёт и не признает* ***аннексию*** *Крыма и Севастополя". Этот акт происходит после проведения референдума в Крыму,* ***незаконного*** *с точки зрения как украинского, так и международного права», – пишет президент Франсуа Олланд.*

Crimée: l'UE veut des sanctions contre la Russie (Le Monde. 18.03.2016) / *Крым: Евросоюз намеревается ввести санкции против России.*

Les Occidentaux condamnent l'attitude du Kremlin en Crimée (Liberation 19.03.14). Mardi, Poutine a entériné le rattachement de la péninsule à la Russie, en vigueur dès la signature de l'accord en ce sens, faisant fi des sanctions internationales / ***Запад осуждает позицию Кремля по Крыму. Во вторник Путин поддержал присоединение полуострова к России с момента подписания соглашения, несмотря на международные санкции.***

A son tour, l'Otan condamne le rattachement «illégal» de la Crimée à la Russie (Liberation 18.03.14). Plus tôt mardi, Obama et Merkel se sont entretenus par téléphone et ont estimé que la déclaration d'indépendance unilatérale de la Crimée et l'intégration à la Fédération de Russie était **inacceptables** /*НАТО осуждает «незаконное» присоединение Крыма к России. Ранее во вторник Обама и Меркель в телефонном разговоре заявили, что одностороннее провозглашение независимости Крыма и присоединение его к России неприемлемы.*

Вторым по частотности цитирования источником являются украинские политики:

L'Ukraine ne «reconnaîtra jamais **l'annexion**» de la Crimée (Le Figaro 18.03.2014). «L'Ukraine et le monde entier ne reconnaîtront jamais **l'annexion** du territoire ukrainien», a déclaré son président par intérim, Olexandre Tourtchinov. «La signature du prétendu accord sur l'entrée de la Crimée dans la Fédération de Russie et le discours afférent du président russe n'ont **rien en commun avec le droit, la démocratie ou le sens commun**, a pour sa part déclaré mardi Evhen Perebynis, porte-parole du ministère ukrainien des Affaires étrangères. Selon lui, «le discours de Poutine démontre très clairement à quel point la **menace** que représente la Russie pour la sécurité et la stabilité internationales est réelle». / *«Украина и мир никогда не признают аннексию украинской территории», – заявил исполняющий обязанности президента А. Турчинов. «Подписание так называемого соглашения о вступлении Крыма в РФ и речь Президента России не имеют ничего общего с правом, демократией и здравым смыслом», – сказал во вторник… пресс-секретарь МИД Украины. По его словам, речь Путина очень ясно показывает, насколько угроза со стороны России безопасности и стабильности в мире реальна.*

«… l'ex-ministre de l'Intérieur de la révolution orange, Iouri Loutsenko… répond aux questions des passants. «Je pense que nous devons continuer à considérer la Crimée comme **notre** territoire. Mais nous devons **fermer nos frontières et notre espace aérien aux Russes**. Nous ne devons pas attaquer mais nous devons **nous défendre**» (Liberation 16.03. 2014) / *…экс-министр МВД Юрий Луценко… отвечает на вопросы прохожих. «Я думаю, что мы должны продолжать рассматривать Крым как свою территорию. Но мы должны закрыть наши границы и наше воздушное пространство для русских. Мы не должны атаковать, но мы должны защищать себя».*

Отдельного внимания заслуживают статьи, в которых развитие темы «политика» выходит за рамки этики и идет через сравнение с негативно оцениваемой личностью:

Rattachement de la Crimée: un ministre allemand fait allusion à **Hitler** (Liberation 31.03.14). Wolfgang Schäuble, ministre des Finances, a fait un rapprochement entre les arguments de Poutine pour l'annexion de la péninsule à la Russie, et ceux des nazis dans les Sudètes / *Присоединение Крыма: немецкий министр делает сравнение с Гитлером. Вольфганг Шойбле, министр финансов, сравнил аргументы Путина за присоединение полуострова к России с нацистскими действиями в Судетах.*

В соответствии с темой «политика» читателю навязывается образ России как оккупанта, такие статьи описывают референдум как нелегитимный, изображают Россию как нарушителя территориальной целостности Украины. Статьи с обобщенным значением «против референдума» привлекают внимание аудитории к незаконному характеру референдума, описывают его как фарсовый, устроенный в спешке с нарушением международного права и непрозрачный (*dans l'urgence et l'opacité*).

Тема «армия» в статьях «против референдума» раскрывается через репрезентацию российской военной операции на территории полуострова. Содержание статей внедряет в сознание читателя мысль о том, что российские оккупировали территорию Крыма до и во время референдума. Ключевые слова этих статей: «вооруженные силы России», «без опознавательных знаков», «российские военные объекты», «военные учения/маневры», «захват», «вооруженный конфликт», «эскалация российских военных действий».

La Crimée avait été **annexé par les troupes** russes...Cette annexion a été suivie d'un **conflit armé** dans l'Est séparatiste pro-russe (Le Monde. 17.09.2016) / *Крым был **захвачен российским войсками**…За этой аннексией последовал **вооруженный конфликт** на сепаратистском пророссийском востоке Украины*.

Le 18 mars 2014, la péninsule ukrainienne de Crimée était arrimée à la Russie **manu militari** (Liberation. 23.06.2017) / *18 марта украинский полуостров Крым был военным путем присоединен к России*.

Отличительной особенностью статей с темой «армия» является цитирование источника, который прямо не называется:

Tensions entre l'Ukraine et la Russie autour de la Crimée (LM. 12.08.2016) / Un responsible de haut niveau au sein des services de sécurité ukrainiens a fait savoir à l' AFP que l'Ukraine se préparait à tout, jugeant possible une **invasion** russe…Un responsible de l'OTAN a déclaré à l' AFP que la Russie n'a fourni aucune preuve tangible de ses accusations contre l'Ukraine / Напряженность в отношениях Украины и России вокруг Крыма. Высокопоставленный источник из службы безопасности Украины сообщил АФП, что Украина готовится «ко

всему», расценивая вторжение России как «возможное». Представитель НАТО заявил АФП, что Россия не предоставила ни одного веского доказательства своих обвинений против Украины.

Тема «экономика и внутрикрымская ситуация» объясняет экономические последствия Крымского референдума и включает в себя такие ключевые слова и фразы, как «санкции», «запрет, ограничения», «замораживание активов», «экономическая блокада России», «экономическая изоляция», «ущерб экономике», «наказать Россию/Путина», «влияние на экономику страны», «рубль». Статьи, транслирующие отношение к референдуму, сводятся к общему значению «упадок российской экономики». С целью внедрить в сознание аудитории мысль об упаднических настроениях авторы статей не гнушаются откровенного искажения фактов:

En Crimée, des lendemains qui **déchantent** (**Liberation. 17.03.2017**)… à l'issue d'un référendum organisé par Moscou dans **l'urgence et l'opacité**… Le tourisme, principale source de revenus, n'a **jamais retrouvé** sa vitalité d'avant 2014. La péninsule demeure géographiquement et commercialement **isolée**, le pont qui doit la relier à la terre ferme russe **n'étant toujours pas achevé** / Разочаровывающее «завтра» в Крыму…после референдума, организованного Москвой в условиях чрезвычайной ситуации и непрозрачности…Туризм – основной источник дохода, так и не достиг высот до 2014 г. Полуостров остается географически и экономически изолированным, мост, который должен соединить его с материком, по-прежнему не завершен.

Согласно общедоступным данным Управления ФНС по Республике Крым, за 2016 г. налоговые поступления в бюджет от туристической отрасли составили 2 млрд 362,87 млн руб., за 2015 г. – 2 055,1 млн руб., за 2014 г. – порядка 1 млрд 697 млн руб; платежи в бюджет на 1 койко-день: 151 руб. в 2013 г., 158 руб. в 2014 г. (http://mtur.rk.gov.ru/file/o_razvitii_turistskoy_otrasli_respubliki_krim_v_2016_godu_1.pdf). Туристические доходы Крыма за 2014 г. составили 107 млрд. руб., что примерно в 4 раза больше показателей 2013 г. (http://politrussia.com/ekonomika/vmesto-kryma-turisticheskoy-215). Доходы консолидированного бюджета Крыма 2016 г. составили 40,6 млрд руб., бюджет Крыма при Украине составлял немногим более 22 млрд руб. (ИА REGNUM. 2017. 22 февр. URL: https://regnum.ru/news/economy/2241997.html).

В медийных текстах не приводится фактическая открытая информация, что строительство идет по графику и намечается его окончание в 2018 г., и что именно Россия начала и продолжает его строительство и является единственной инвестирующей стороной (https://en.wikipedia.org/wiki/Kerch_ Strait_Bridge).

Наибольшее искажение фактов и односторонняя подача информации наблюдаются в текстах СМИ относительно положения крымских татар. Так, автор следующей статьи не показывает, из какого источника взята такая информация:

Les grandes **victimes de** l'annexion demeurent les Tatars de Crimée (près de 14% de la population locale), dont la plupart **n'avaient pas souhaité** intégrer **une Russie** synonyme de déportation et de souffrance**.** Depuis trois ans, la communauté subit une **pression** permanente de la part des autorités russes : ses principaux leaders ont été forcés à l'exil**,** leur Assemblée, le Medjlis, a été interdite**,** leur chaîne de télévision, ATR**,** fermée**,** tandis que les interpellations, détentions et disparitions se comptent par dizaines (Liberation 17.03.2017) */ Главными жертвами аннексии остаются крымские татары (около 14% местного населения), большинство из которых не хотели присоединения к России – сино-*

ниму депортации и страдания. На протяжении трех лет община испытывает постоянное давление со стороны российских властей: ее основные лидеры были вынуждены бежать, их собрание, Меджлис, было запрещено, их телеканал ATR закрыт, в то время как задержания, аресты и исчезновения насчитываются десятками.

Согласно международному сайту wikipedia, имеющему версии в том числе на английском и французском языках, в России есть оппозиционная нынешней власти интернет-газета «Адвет» (http://avdet.org) на крымско-татарском языке с переводом на русский и английский. В России есть Общественное крымско-татарское радио «Ветан седасы» («Голос родины) и круглосуточный телеканал «Миллет», работающий с 1 сентября 2015 г., в его сетке вещания – программы на крымско-татарском (новости Крыма, жизнь, обычаи, культура и история крымских татар). Телеканал ATR прекратил вещание в Крыму с 1 апреля 2015 г., так как не смог пройти перерегистрацию согласно российскому законодательству, однако он возобновил свою работу из Киева в феврале 2017 г. Кроме того, в настоящее время в Крыму работает единственный в мире театр крымских татар, крымско-татарский язык является одним из трех государственных. Крымские татары представлены в органах власти: на должности заместителя Председателя Государственного Совета РК в составе Госсовета Крыма (http://crimea.gov.ru/structure/rukovodstvo).

«Le retour de la Crimée en Ukraine est une certitude» (Le Monde. 22.04.2015, интервью М. Джемилева) Nous avons toujours bien cohabité avec les Ukrainiens. Ils sont plus democrats. Comment expliquer que les Tatars de Crimée se soient très majoritairement opposés à **l'annexion** de la péninsule par la Russie? Nous avons vécu pendant deux cents ans sous **dominations** russe / *Мы всегда хорошо жили с украинцами. Они более демократичны. Как объяснить, что крымские татары в подавляющем большинстве выступают против* ***аннексии*** *полуострова Россией? Мы в течение 200 лет жили под* ***засильем*** *России.*

По оценкам социологов, на референдуме проголосовали около 30% крымских татар и около 70% – бойкотировали референдум (https://www.kommersant.ru/projects/crimeantatars), однако крымские татары составляют только 10,57% населения Крыма и их мнение никаким образом не могло повлиять на результаты референдума (https://ru.wikipedia.org/wiki/Население_Крыма).

Тема «простые люди» находит свое развитие через цитаты большей степенью мирных жителей Украины, из крымского населения наиболее цитируемым источником являются крымские татары и украинцы. Ключевыми словами этих статей являются «аннексия», «разделение», «беспокойство», «неодобрение». Crimée «Notre russophilie était fondée sur l'ignorance» (Liberation. 19.01.2016). Dans le territoire annexé par Moscou en mars 2014 et désormais confronté aux pénuries, nombreux sont les habitants à exprimer leur désillusion / *Крым: «Наша любовь к России была основана на незнании» / На территории, аннексированной Москвой в марте 2014 года, которая сегодня сталкивается с нищетой, много тех, кто выражает свое разочарование.* En Crimée, «bon gré mal gré, tout le monde finira russe» (Liberation. 15.08.2014). Cinq mois après son rattachement à la Russie, la «naturalisation» accélérée de la région divise la population / *В Крыму, «волей-неволей, все станет русским. Спустя пять месяцев после присоединения к России, «ускоренное» получение гражданства разделяет население.*

A Simferopol, pour les pro-Kiev, «le **boycott** est la seule arme» (Liberation. 16.03.2014). Dans la ville de Crimée, un quartier majoritairement tatar **s'inquiète** des suites du vote / *В Симферополе для прокиевски настроенных «бойкот – это единственное оружие». Преимущественно татарский район в крымском городе обеспокоен последствиями голосования.*

Manifestation à Moscou contre l'«**annexion**» de l'Ukraine (Liberation. 15.03.2014). A la veille du référendum en Crimée, **rejeté** par la communauté internationale, des opposants à la politique de Vladilmir Poutine se sont rassemblés sur l'avenue Sakharov / *Демонстрации в Москве против «аннексии» Украины. Накануне референдума в Крыму, не принятого международным сообществом, противники политики Путина собрались на проспекте Сахарова.*

Je prie pour la paix en Ukraine. Car la **Russie nous provoque,** dit Petro, un étudiant ingénieur de 18 ans (Liberation 16.03.2014) / *Я молюсь за мир в Украине. Потому что Россия нас провоцирует, – сказал Петро, студент-инженер 18 лет.*

В целом наиболее цитируемыми источниками являются западные и в меньшей степени украинские чиновники (президенты, премьер-министры, представители ООН, ЕС и других организаций), западные и оппозиционные российские эксперты (политологи, преподаватели), манифестирующие свое отношение «против референдума». Российская сторона в целом, а особенно с точкой зрения «за референдум» является наименее цитируемой стороной.

Наибольшее разнообразие мнений сторон с различными точками зрения на Крымский референдум представляет газета «Le Figaro», однако репрезентация частых настроений «за референдум» всегда сопровождается авторской или редакционной информацией «против референдума», представляемой как общемировой взгляд и утвердившееся мнение по референдуму. Мнение простых граждан является наименее представленным для всех трех изданий.

Результаты исследования показали, что доминирующей темой в освещении референдума в средствах массовой информации стала политика, за которой следует тема «армия». Общим ключевым выражением проанализированных статей является идея «Россия – захватчик», что появляется в 97% публикаций, языковыми манифестантами такого содержания являются слова «аннексия», «захват», «оккупация». На языковом уровне все статьи «против» независимо от основной темы настраивают читательскую аудиторию антироссийски, так как ключевые слова статей проводят мысль о нарушении Россией международного права и, в связи с этим, о возможной экономической блокаде России, выражающейся в санкциях, замораживании активов, при этом статьи с ключевым содержанием «экономика» меньше обращают внимание на состояние украинской денежной единицы и внутренние экономические проблемы Украины после проведения референдума. При описании референдума преобладают прилагательные «балаганный», «спорный», «фальсификации».

На основе анализа примеров мы пришли к выводу, что французские СМИ мобилизуют преимущественно негативные значения образа России [1. С. 32–37; 2. С. 53–58] и этим способствуют имплантации антироссийских настроений в массовой аудитории. Франкоязычный политический текст с помощью ключевых слов воздействует на массового адресата и формирует представление о России как о стране-агрессоре, подавляющей своих соседей, провоцирующей конфликты в мировой политике, при этом французские источники настоящей причины всех этих конфликтов не указывают или даже искажают, что позво-

ляет говорить о сознательной манипуляции массовой аудиторией и целенаправленном создании и закреплении отрицательного образа России во французской прессе. К сожалению, латинская поговорка *Audiatur et altera pars* не находит отклика во французском медийном пространстве.

Литература

1. *Зайцева Е.Л.* Оценочные характеристики масс-медийных дискурсов: сопоставительный аспект // Лингвистика. Лингводидактика. Переводоведение: актуальные вопросы и перспективы исследования: сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2014. Вып. 1. С. 32–37.

2. *Кириллова Н.В.* Концепт «страх» в контексте английской и русской лингвокультур. Сопоставительное изучение разнотипных языков: научный и методический аспекты: материалы Всерос. науч.-практ. конф. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2006. С. 53–58.

3. *Bebler* A. Crimea and the Russian-Ukrainian Conflict. *Roman Journal of European Affairs*, 2015, vol. 15, no. 1, March, pp. 35–54.

4. *Becker J.* Lessons from Russia. A Neo-Authoritarian Media System. *European Journal of Communication*, 2004, no. 19(2), pp. 139–163.

5. *Downey J.*, *Downey J., Mikhelj S.* Central and Eastern European media in comparative perspective: politics, economy and culture. Ashgate Publishing, Ltd., 2012, 199 p.

6. *Hansen F.S.* Framing yourself into a corner: Russia, Crimea, and the minimal action space. *European Security*, 2015, no. 24(1), pp. 141–158.

7. *Lipman M.* Rethinking Russia: Freedom of Expression without Freedom of the Press. *Journal of International Affairs*, 2010, vol. 63, no. 2.

8. *Wydra D.* What Went Wrong with Crimean Autonomy? *Security and Human Rights*, 2014, 25(3), pp. 312–327.

ЗАЙЦЕВА ЕЛЕНА ЛЬВОВНА – кандидат филологических наук, доцент кафедры романо-германской филологии и переводоведения, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (917elena@mail.ru).

КИРИЛЛОВА НАТАЛЬЯ ВЛАДИМИРОВНА – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков №2, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (natkir71@rambler.ru).

E. ZAYTSEVA, N. KIRILLOVA

LINGUISTIC REPRESENTATION OF ANTI-RUSSIAN SENTIMENT IN THE FRENCH-LANGUAGE MASS-MEDIA POLITICAL TEXTS

Key words*: political text, French media, the French language, global event, unilateral, Russia, Western politicians.*

Western media system is believed to be free from the influence of state power, enjoying full freedom of speech. As part of this system, the journalists of French editions are considered to base on objectivity and political neutrality: they are not dependent on the influence of the party in power, they can draw their own conclusions based on logic and facts in the publications of any international events. The purpose of this article is to analyze the language of political texts in the French press, traditionally considered to be free from political influences in covering international events. The articles from the publications of the French media "Le Figaro", "Le Monde", "Libération" for 2014–2017, devoted to Russia and, in particular, to the referendum in the Crimea became the material for the study. From the point of view of linguistics, the referendum gave the opportunity to give a general picture of linguistic representation in the mass media language, assessment of the referendum and possible stereotypes. Taking into account linguistic criteria, the authors divide the article into "pro-referendum" or "against the referendum", identify the key words of the articles in accordance with the main themes through which the attitude to the referendum in the French press is manifested. The analysis of linguistic facts establishes quantitative predominance of articles "against the referendum" with policy being the dominant theme in coverage of the referendum. Linguistic facts also show the key expressions in the French press during the

coverage of events related to Russia. The authors come to the conclusion that French political media texts unilaterally interpret such a global event as the Crimean referendum, not avoiding distortion of the facts, reflecting the language practices of Western and Ukrainian politicians and not covering up the Russian side. French sources omit or even distort the real pro-causes for the referendum which suggests conscious and targeted creation and consolidation of a negative image of Russia in the French press.

References

1. Zaytseva E.L. Otsenochnyie kharacteristiki mass-mediinykh discoursov: sopostavitelniy aspect [Evaluative characteristics of the mass-media discourses]. *Lingvistika. Lingvodidactika. Perevodovedenyie: aktualnyie voprosy i perspektivy issledovanyia: sb. materialov Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* [Proc. of Int. Sci. Conf. «Linguistics. Lingvodidactis. Translatology: current issues and research perspectives»]. Cheboksary, Chuvash State University Publ., 2014, Issue 1, pp. 32–37.

2. Kirillova N. V. Koncept strakh v kontexte angliyskoy I russkoy lingvokultur [The concept fear in the English and Russian lingvocultures]. *Sopostavitelnoe izuchenie raznotypnykh yazykov: nauchny I metodichesky aspekty: materialy Vseros. nauch.-prakt. konf.* [Proc. of Russ. Sci. Conf. «Comparative study of different types of languages: scientific and methodological aspects»]. Cheboksary, Chuvash State University Publ., 2006, pp. 53–58.

3. Bebler A. Crimea and the Russian-Ukrainian Conflict. *Roman Journal of European Affairs*, 2015, vol. 15, no. 1, March, pp. 35–54.

4. Becker J. Lessons from Russia. A Neo-Authoritarian Media System. *European Journal of Communication*, 2004, no. 19 (2), pp. 139–163.

5. Downey J., Downey J., Mihelj S. Central and Eastern European media in comparative perspective: politics, economy and culture. Ashgate Publishing, Ltd., 2012, 199 p.

6. Hansen F.S. Framing yourself into a corner: Russia, Crimea, and the minimal action space. *European Security*, 2015, no. 24(1), pp. 141–158.

7. Lipman M. Rethinking Russia: Freedom of Expression without Freedom of the Press. *Journal of International Affairs*, 2010, vol. 63, no. 2.

8. Wydra D. What Went Wrong with Crimean Autonomy? *Security and Human Rights*, 2014, 25(3), pp. 312–327.

ZAYTSEVA ELENA – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of Romano-German Philology and Translation Studies Department, Chuvash State University, Russia, Cheboksary (917elena@mail.ru).

KIRILLOVA NATALYA – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of Foreign Languages Department № 2, Chuvash State University, Russia, Cheboksary (natkir71@rambler.ru).

Формат цитирования: *Зайцева Е.Л., Кириллова Н.В.* Языковая репрезентация антироссийских настроений во франкоязычном политическом тексте СМИ // Вестник Чувашского университета. – 2018. – № 2. – С. 234–244.

УДК 81'373.21
ББК 81.2-3

Г.Е. КОРНИЛОВ

ЭТНОТОПОНИМИЯ РЕСПУБЛИК ПОВОЛЖЬЯ (БАШКОРТОСТАН, КОМИ, МАРИЙ ЭЛ, МОРДОВИЯ, ТАТАРСТАН, УДМУРТИЯ, ЧУВАШИЯ) – XLII: А-АНЛАУТНЫЕ ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ НАЗВАНИЯ*

Ключевые слова: *компаративистика, этимология, контактология, ономатология, топонимика.*

Статья продолжает инвентаризацию и интерпретацию А-анлаутных топонимов и апеллятивов в языках Поволжья, в ней даётся этимология топонима «Акбарисово / Ақбарыс» в контексте других топонимов с компонентами собственных имён: барс, барыс, парс, Борис, Барис, а также топонимов, использующих определения: ақ «белый», Би(й), Бик, Бей «господин, глава, начальник», Юл- «дорога, путь», Тин- «равный, ро́вня, пара», чуар «пёстрый, рябой» и т.д.

0.0.2.7.7. **АКБАРИСОВО**, по-башк. **АҚБАРЫС** – марийское село быв. Акбарис. с-та Шаран. р-на Башкортостана, в «Словаре топонимов БАССР» [18. С. 21а] коротко: «**Ақбарыс (Акбарисово)** – д. в Шаран. р-не. От антропонима *Ақбарыс*». А.Н. Куклин приводит марийский вариант: «… ойконим *Акбарисово (Акпарс)* Шаранск. района Башкортостана (Сепеев 1975: 47, 48)», указывая ещё: «*Акпарсова земля, Акпарсова сотня* (в Козьмодемьянск. уезде Казанск. губ. по документам XVII–XIX вв.) [12. С. 80] и неофициальное название *Акпарс Шӱргӧ* «Лес Акпарса» (**Акпарс** – антропоним) деревни *Испаринск* быв. Кинерск. с-та Моркин. р-на Марий Эл [12. С. 97]. В Словаре О.П. Воронцовой и И.С. Галкина указан изменившийся адрес: «**Акпарс шӱргӧ** (оф. **Испаринск**) – марийская д. в Мари-Кужерском с/с Моркинского р-на … название составное: *Акпарс* – собственное имя, ср. *Акпарс* (Черных, 1995: 51), *шӱргӧ* «лес» …, ср. тат. *ақ* «белый» + *парс<барс*, т.е. «Белый барс» (Гордеев, 1979: 72)» [5. С. 27].

Если русский вариант произношения и написания членить по образцу башкирского и марийского, безупречно выделяется *-Барисово*: *Ак~*, прямо сопоставимое с русским мужским именем личным *Борис* (орф.) > *Барис* (орфоэп.), что порождает проблему его первичности/вторичности. В связи с этим появляется повод процитировать М.Г. Атаманова: «Фамилии у удмуртов появились в недавнее время: среди них есть исторически-родовая фамилия: *Эжбаев* – производится от родоначальника – *Эжбай; Акборисов* (NB: не *Акбарисов*! – *Г.К.*) от *Бибарис*» [1. С. 157б]; в другом месте этой выдающейся книги: «… Через некоторое время представители рода *Ӟумъя* в количестве следующих семи фамильных родов, основали деревню *Пунем*: 1) *Лева-выжы*, 2) *Дядя*, 3) *Эжбай*, 4) *Моро*, 5) *Бакос*, 6) *Бибарыс*, 7) *Кадыр*. До переселения этих семей здесь в небольшом количестве жили *поры* (марийцы), которые были вытеснены отсюда дикими людьми – *алгарами* (башкирами) … так, например, одна полянка называется *Башкир чока* …» [1. С. 155]. Разумеется, *алгары*, скорее всего, не башкиры, а *болгары* (волжские), поскольку известны утраты анлаутных **б-/п-** и в других словах, например, турец. *ол* < общетюрк. *бол* «быть», чуваш. *ĕшне* < русск. *пожьня* и т.п. Что касается семи генонимов, следует заметить, что пер-

*Исследование выполнено при финансовом содействии Министерства образования и науки РФ (грант ГО 2-1.6-123).

вые два можно довольно убедительно возводить к русским *Лев, Лёва* и к *дядя* «брат отца или матери»; третий геноним – *Эжбай* – озвончённый вариант имени *Эшпай* (всемирно известный композитор, этнический мариец из Чувашии), у В.К. Магницкого [13. С. 48б] это имя написано *Ишпай* с пометой «Чер[емисское]», на самом деле оно тюркское, ср. тат. *иш* «один из пары; напарник, спутник» и *бай* > *пай* «богач», «барин», «господин»; а *Бибарыс*/*Бибарис* – результат упрощения сочетания согласных -**кб**-/-**гб**->-**б**- в исходном **Бикбарыс*/*Бәкбарыс* < *бик*/*бәк*/*би* «феодал; заместитель хана», «князь» (также – почётный титул) плюс *Барыс*/*Барис* – мужское имя личное. В словаре-справочнике «Мусульманские имена» указаны как татарские и *Бибарс* и *Бикбарс*, причём компонент собственного имени (КСИ) *Би (Бий, Бик)* переведён «начальник, глава, господин», а азербайджанско-турецкое соответствие *Бей*/*Бек*/*Би* «господин, предводитель» (титул тюркской военной аристократии, впоследствии приставка и окончание мужских имён); здесь же: *Бейбарс* [15. С. 66], а также *Байбарс* – «могущественный барс (тигр)» … имя тюркского правителя Египта в XIV в. [15. С. 59], *Барс* «барс, тигр», *Барсбай, Барсбек, Барсби, Барсбуга* (*буга* «бык»), *Барслан* (*Барс* + *Арслан* «Лев»), *Барсхан* (*Барс* + *хан* «Правитель, Повелитель, Властелин» (также – титул тюркских правителей) [15. С. 63]; *Юлбарс* – тюрк. «Тигр». Любопытно, множество имён, имеющих первым компонентом *Юл-* «Дорога», «Путь», комментаторами членятся с указанием апеллятивного значения *юл-*, но *Юлбарс* «Тигр» даётся всегда без указания на словообразовательный состав [15. С. 295], и только Р.Г. Ахметьянов указывает, что тат. *юлбарс* «тигр» < общекыпчак. *йолбарс* (кирг. *жолбарс*, казах., к.-калп. *жолбарыс*) «тигр; леопард; лев» восходят к изначальному *барс (барыс)*, отсылая к обзору взглядов в «Этимологическом словаре тюркских языков», пометой «см. ЭСТЯ IV: 219» [3. С. 521б].

Указанное в вышеприведённом перечне тюрк. (тат.) мужское имя *Барсхан* известно и как древнетюркское, о нём упоминает Э.М. Мурзаев, который, в частности, писал: «… у В.В. Бартольда можно прочитать, что гидроним *Иссык-Куль* встречается в персоязычной географической рукописи «Худуд-ал-алам», в главах об озёрах. На берегу озера был город *Барсхан* [Бартольд, т. 8, 1973, с. 528]» [14. С. 35]. Что же касается *Юлбарс* / *юлбарс* / *йолбарс* / *жолбарс* / *жолбарыс* < *йоллы бар(ы)с*, то М. Рясянен [23. S. 206a] объяснение из *jol* «Дорога» + *bars* «Тигр» В. Банга в журнале Keleti Szemle (Будапешт, № 17, с. 112–125) называет народной этимологией, с чем, нам представляется, соглашаться не обязательно, ср. подобное башкирское устойчивое словосочетание *юлбаҫар* «дорожный разбойник», т.е. «разбойник / бандит / грабитель / налётчик на дороге»; общее у *юлбаҫар* и *юлбар(ы)с* то, что они действуют из засады, стерегут добычу у дороги к водопою, к насёленному пункту и т.д. Кроме того, в существующих этимологических словарях не только нет исчерпывающей этимологии, но и отсутствует убедительный словообразовательный анализ зоонима *бар(ы)с*, почти всё сводится к постановке вопроса, кто у кого заимствовал производящую и производную основу в рамках тюркомонгольских и индо-иранских наречий, при этом сравнение Н.Н. Поппе с греч. *παρδος*, санскр. *pṛdāku-s* тоже ничего не проясняет [16. С. 68–70].

С нашей точки зрения по верному пути к истине пошёл исключительно Р.Г. Ахметьянов [3. С. 161б–162а], который ушёл от изложения соответствующих статей в этимологических словарях М. Рясянена, Э.В. Севортяна и их предшественников и представил суть проблемы с обновлёнными деталя-

ми и собственными умозаключениями. Начинается его статья в «Этимологическом словаре татарского языка», составленном, кстати, на татарском языке, с краткого перечисления: «**БАРЫС** «барс» < общетюрк. *барыс, барс*, монг. *бар*, як. *баарын* «барс; тигр», в Золотой Орде *барыс* «гепард» < перс. *барыс, бабрыс* то же. Возможно, что состоит из слов: хинди *бабыр, бабур* «тигр» и тюрк. *ус* (ДТС: 616) «большой орёл / беркут» (ср. **Барлас**): и **бабыр** и **ус** – охотничьи животные. (У автора вкралась неточность, в Древнетюркском словаре – ДТС: 616 – у слова *ус* указано значение «гриф», а не «большой орёл / беркут». – *Г.К.*). Перс. и т.п. *барс, бабыр, бабрас* < хатт. *ha-prašš*, хетт. *paršana* (т.е. хаттско-хеттские формы являются источниками соответствующих персидских и им подобных слов. – *Г.К.*), см. Иванов В.В. Разыскания в области языкознания // Этимология 1976. М., 1978; МНМ II: 48–49. В общем, *гепард, леопард* и *пардус*, лат. *pardalis* и т.п. некоторые, содержащие компонент *пард* слова, должны считаться однокоренными с *барс* ~ *барыс*. Русск. *пантера* ~ нем. *Panther, Pantel* «леопард, барс» также, кажется, стоят в том же ряду слов (см. Kluge: 627). Ср. русск. *барбос* «большой пёс». (В параллель к тат. *юлбарс*, кирг. *жолбарс* и т.д. было бы уместно упомянуть популярную русскую собачью кличку *Джул(ь)барс* / *Жул(ь)барс*. – *Г.К.*).

И, наконец, самое оригинальное и, с точки зрения нашей теории имитативов, самое главное – Р.Г. Ахметьянов считает однокоренными с вышеперечисленными основами тат. *прес, перес* ~ русск. *брысь* – междометия отгона для кошек. Правда, здесь не мешало бы упомянуть и приведённые у Н.И. Ашмарина [4. Вып. X. С. 136–137]: «1. **Пăрăс** … брысь! так гонят кошку. *Тюрл.* СПВВ. МС. **Пăрăс!** (кушака хăтăрнă чухне калаççĕ). См. 1. П ă р ă ç , п ĕ р ĕ с ». Далее: 1. **Пăрăç** … брысь! так гонят кошку || Кошка (детск. сл.). *Нюш-к.* См. 1. П ă р ă с ». В другом месте (С. 231): «**Пĕрĕс**, брысь! *Альш.* Пĕрĕс, пĕрĕс, мур! пĕтерчĕ-тĕр çу чĕресĕсене!». Следовало указать, что татарские слова отгона для кошек (как и извлечённые нами из Словаря Н.И. Ашмарина чувашские формы) явные заимствования из русского. К сожалению, Р.Г. Ахметьянову осталось неведомым рус. диалектное *бырсь* из Словаря В.И. Даля, «звЬрь гіена, Canis Hyaena; она бываетъ двухъ видовъ: *бырсь чубарая* (см. выше тат. *чуар юлбарыс* «пантера, барс»! – *Г.К.*) *или крапчатая*, и *бырсь полосатая*; первая попадается *за Кавказомъ* и там зовётся *капка́рой* [7. Т. I. С. 368б], по М. Фасмеру [21. Т. I. С. 259] «… согласно Коршу (AfslPh 9, 661), заимств. из тюрк.: ср. др.-тюрк., туркм., тур. *bars* «пантера». Остаётся неясным **ы**». Фонетически возможно, однако, *бырсь* выводить из *брысь*, по аналогии: п.-монг. *kirsa*, якут. *кырса* «корсак, песец», к.-кирг., тел. *кырса* «лисица», другие тюрк. *карсак* и т.д. «степная лисица», чуваш. «вид зайца» > русск. *крыса* < **кырса* / *кирса*; -**ыр**->-**ры**- по аналогии к -**ор**->-**ро**- (праслав. **orstъ* > др.-русск. *ростъ*, праслав. **orz*- > вост.-слав. *роз*-, праслав. **orvьnъ* > вост.-слав. *ровьнъ* и т.п.). Р.Г. Ахметьянов рус. *брысь*, тат. *прес, перес* называет междометиями, однокоренными с параллелями зоонима *бар(ы)с*, но удерживается от вывода об отмеждометном происхождении соответствующих производящих основ. С нашей точки зрения, ничто не мешает пойти дальше, глубже, и в консонантом базисе √**БРС** или √**ПРС** видеть имитатив, состоящий из соответствующих идеофонов **Б**-/**П**-, -**Р**-/-**РР**-, -**С**/-**Ç**/-**Ш**, даже допуская здесь результат общетюркского (алтайского, урало-алтайского) переосмысления древней индоевропейской праформы на базе *√**БРД** или *√**ПРТ**, при этом хотелось бы думать, что нашу мысль (хотя бы косвенно) подтверждает наличие в киргизском

языке недиалектного *барс, барс-барс,* звукоподражания сильному хрусту, сильному удару (объект удара должен распадаться с хрустом. – *Г.К.*), ср. пример К.К. Юдахина: *уурттӑрын булчуӈдатып, барс-барс ышкынды чайнай баштаган* «раздувая щёки, он с сильным хрустом начал жевать ревень»; отсюда интранзитив *барсылда-* «издавать громкий треск», производное имя существительное *барсылдак* «громкий треск, трескотня», при этом показателен параллельный *барс*-у имитатив *барт* (см. выше и.-е. вариант *пард*) «подражание звуку отрывистому и на низких тонах», примеры: *барт кекир-* «громко рыгать», *барт-барт чайна-* «жевать с хрустом» [22. С. 112а, б].

То, что имитатив *барс* или *барт* мог восприниматься как имя хищника, с хрустом разгрызающего, например, кости-косточки, видно хотя бы из дополнительных значений вышеприведенных чуваш. *пăрăç* «брысь» и одновременно *пăрăç* «кошка» (так называемые «детские слова» вполне могут переходить в речь взрослых), ср. чуваш. *пăç, пăç- пăç, пĕç, пĕç-пĕç* «кис, кис-кис» (слова, которыми подзывают / манят кошку) и одновременно «кошка».

Видимо, исходный имитатив, имевший консонантную базу √**БРС**- или √**БРД**-, был первоначально переосмыслен в качестве антиимитатива со значением «хищный зверь», затем или одновременно как «хищник в придорожной засаде» и уже позднее в разных говорах, диалектах, наречиях и национальных языках закрепился в качестве конкретного наименования того или иного вида довольно многочисленного семейства диких кошек: *барса, тигра, леопарда, гепарда, пантеры,* даже *рыси.*

Колебания значений соответствующей основы имеют место не только по разным языкам, но незначительный разнобой может иметь место и в отдельно взятом языке, например, в русско-татарском словаре русск. *барс* переведено на татарский язык *барс, чуар юлбарс* (не *юлбарыс! – Г.К.*) [16. С. 30б], но в татарско-русском словаре слово *барс* отсутствует, а для *юлбарыс* указано значение «тигр; тигровый» (ср. хакас. *парс* «тигр»); в этой же словарной статье дано *чуар юлбарыс* «барс» [20. С. 694б], хотя в том же самом словаре статья на **чуар** «пёстрый; пегий; разноцветный», «рябой» (*чуар-тавык* «курочка-ряба», *чуар балык* «ряпушка», *чуар көпшә* «растение пестряк», *чуар таракан* «божья коровка») вторично содержит зооним *чуар юлбарыс*, переведённый уже на русский язык как «пантера, барс».

Кыпчакские формы типа *юлбар(ы)с* отразились в киргиз. *ilbirs* «ирбис, снежный барс» [22. С. 298б], чагатай. (среднеузбек.) *ilbars* (**йул**-> **ил**-, *барс* > *бирс* в результате сингармонизма, под влиянием 1-го слога **ил**-), дальнейшая деградация (мена -**l**->-**r**-, озвончение -**s**>-**z,** переходное смягчение с последующей аффрикатизацией -**s**>-**č**, так же -**s**>-**š**, упрощение сочетания -**rs**>-**s**, метатеза -**lb**->-**bl**-) дала: уйг. *irbiz, irbič*, др.-тюрк. *jilpis* «снежный барс / леопард», др.-тюрк. *iblisūn* «леопард», телеут., лебедин.-тюрк. *irbis* «вид рыси, felis irbis», тувин. *irbiš* «барс», тоб.-тюрк. *ilbis* «тигр» и т.д., следовательно, проникшими именно из тюркских источников (а не природными) следует считать указанные М. Рясяненом: монг. *irbis* «леопард, тигр», фин. *ilves* «рысь» и т.д. [23. S. 173a].

Самый подробный на сегодня список тюркских форм представлен в «Этимологическом словаре тюркских языков» Э.В. Севортяна [17. С. 68–70], где указаны значения: тигр, барс, пантера, леопард, рысь, лев, ягуар, хищное животное, название 3-го года 12-летнего животного цикла, имя собственное и этническое название рода из «Древнетюркского словаря» [8]; справедливо утверждается, что «**Барс** и т.д. входят в состав древнейшей лексики тюркских

языков», приводятся известные до Р.Г. Ахметьянова (в основном – поверхностные или всего-навсего ближние) этимологии.

Возвращаясь к заглавному топониму данной публикации – *Акбарыс* / *Акбарисово*, стоит напомнить о проблемности его интерпретации, а именно, имеем ли мы здесь дело с *барыс* «барс» или с рус. муж. личн. именем *Борис*, которое согласно А.В. Суперанской [19. С. 131] представляет собой «др.-рус. и болг. усечение имени *Борислав*», а также «из перс. *варес* «наследник», или же др.-рус. *барс* – «1. *Барс* назв. животного; переносно: пятнистый. 2. Перевод имени *Пард* [19. С. 126] – из латин. *пардус* «барс» [19. С. 268]. Несмотря на авторитетность автора, не всё здесь безупречно, в частности, сомнительно членение *Борис-лав*, с учётом имени исторически первого чешского князя *Бори-вой* / *Боржи-вой* (княжил в 870–872 гг.), напрашивается более адекватное членение *Бори-слав*, поэтому довольно убедительно заключение Ф.Г. Гариповой: «Ближе к концу I тыс. н.э. *барс*, нередко рогатый барс (не исключено, что так называли рысь, из-за её больших торчащих ушей. – *Г.К.*), выступает символом ряда исторических личностей, тесно связанных с тюркским (болгаро-печенежским) миром. Так, предполагают, что имя одного из видных царей Болгарского царства *Хана Бориса*, правившего в 852–898 гг., происходит от ‘барса’. У поволжских … потомков булгар, **барс** считался символом богатства, знатности, плодородия» [6. С. 311].

Информативны и другие абзацы из процитированной книги: «До образования … Волжской Булгарии в Среднем Поволжье **берсула** известны под названием **барсил**ов – северокавказских и прикасапийских тюркских (болгарских) племён, оставивших яркий след в истории хазар… Восхождение *барсил* / *барсул* / *бәрсула (берсула)* к одной основе не вызывает сомнения…» [6. С. 310]. Далее: «… замки в виде фигурки барса в массовом виде производились в Биляре не случайно … **Барс** … был, очевидно, тотемным животным одного из … болгарских племён в Поволжье и на Северном Кавказе – **барсил**…: *барс* «хищный зверь, тигр» … и *ель, иль* … «племенной союз, племя, народ, государство, страна». Таким образом, **барсил** … «… народ барсов» … **барсилы** или **серебряные булгары** составляли ведущую группу булгарского населения Волжской Булгарии, из их среды избирались и булгарские цари, которые иногда именовались царём булгар и барсил… **барс** был зна́ком (ураном) булгарских царей… Культ барса уходит в глубокую древность и отчётливо проявляется в скифо-сакское время. Изображение барса в произведениях скифо-сарматского искусства – обычное явление…» [6. С. 311].

Видимо, ойконим *Ақбарыс*, хотя и является названием марийского села, изначально башкирского или татарского происхождения (на территории быв. Акбарисовского с-та ещё три марийских села: *Биктышево, Шалтыкбашево, Янгаулово*; татарские: *Новотавларово, Лесной кордон*, один русский посёлок Шаранского лесничества), а русский вариант *Акбарисово* – производный от тюркского, как и название башкирской деревни *Юлбарҫ* / *Юлбарсово* быв. Самар. с-та Хайбуллин. р-на, «другое название *Ерәнағас*» [17. С. 180б]. Несколько озадачивает, почему авторы «Словаря топонимов Башкирской АССР» передают по-разному ауслаутный согласный, обычный -**с** в *Ақбарыс*, но интердентальный -**ҫ** в *Юлбарҫ*…, между прочим последний комоним вскользь упомянул в своей известной монографии А. Камалов: «… ойконим *Юлбарҫ* дал дочернее название *Яңы Юлбарҫ*» [10. С. 100]. Остаётся никем не упоминаемым древний топоним *Юлбарс-алды* в Кашгарии, на северо-западе Китая [2. 156–157. Квадрат Ж–4].

На территории Башкортостана имеются и несомненно русские по происхождению комонимы с основой *Борис-*: татарская д. *Борискино* в быв. Енгалышев. с-те Чишмин. р-на; русская д. *Борисовка* в быв. Ибраев. с-те Аургазин. р-на; мордовская д. *Борисовка* в быв. Бакеев. с-те Стерлибашев. р-на; чувашский пос. *Борисовка* в быв. Триключин. с-те Шаран. р-на; русская д. *Борисово* в быв. Гусев. с-те Абзелилов. р-на. В их число не входит, разумеется, название башкирской д. *Янбарис* быв. Бадряшев. с-та Янаульск. р-на, о котором в «Словаре топонимов Башкирской АССР» две строчки: «*Янбарис (Янбарис)* – д. в Янаул. р-не. От антропонима *Янбарис*» [18. С. 184]. Что представляет собой имя личное *Янбарис – Яң(ы) бар(ы)ç* «новый барс / тигр», или *Ян+Борис* / *Барис*, сложение двух антропонимов, или *Яң(ы) Борис* / *Барис* «Новый Борис» – авторы словаря предоставили гадать пользователю-читателю…

Однако однозначно тюркская интерпретация напрашивается для выявленного историком А.Г. Ивановым названия марийской д. *Тинбарисова* в быв. волости *Кокша Мучакш* (Кокшамучинской) Царевококшайского уезда [9. С. 418], состоящего из КСИ (компонента собственного имени) *Тин* «равный, соответствующий; ровня, пара», ср. тат. *Тин-бай*, *Тин-барс, Тин-бек, Тин-мурза* и т.п. [15. С. 236], и *бар(ы)с* > *барис* «барс, тигр». По данным 1-й ревизии 1723 г. в Царевококшайском уезде значилась ещё тат. д. *Борисовские Атары* [9. С. 436], но усматривать в этом комониме русское имя *Борис* или татарское *Бар(ы)с*, остаётся загадкой.

В завершение статьи приведём цитату из знаменитой книги выдающегося географа-топонимиста Э.М. Мурзаева: «Такие слова, как: *бугу* «олень», кирг. *кочкор* «баран-производитель», *бӱргӱт* / *бӱркит* «беркут», *джолбарс* «тигр», … и др., могут участвовать в образовании различных географических названий и восходить: 1) к зоологическим апеллятивам; 2) к тотемам; 3) к личным именам и прозвищам; 4) к этнонимам. Поэтому в объяснении отдельно взятого географического названия в ряде случаев **заранее запрограммирована ошибка**. Ср., например, *арслан* «лев», *Арслан, Арсланбек* – личное имя. С чем соотносится *Арсланово*?» [14. С. 141–142]. Далее: «Трудности выявления личного имени в топонимах осложняются тем, что в тюркской среде родившемуся могли произвольно, не руководствуясь никакими канонами и не соблюдая преемственность, присвоить имя, непосредственно восходящее к апеллятиву: *Таш (Ташбек)* «камень», *Темир* «железо» (*Тимур*), *Бори* «волк», … *Товшан* «заяц», *Алма* «яблоко», *Барс* «барс, тигр» (также и этноним). Некоторые из них восходят, видимо, к тотемам» [14. С. 193–194].

В нашем случае исключено предполагать обитание барсов, тигров, пантер, ягуаров и других кошачьих, кроме рыси, на территории Башкортостана, Марий Эл, Татарстана и других республик Поволжья. Видимо, все рассмотренные выше названия населённых пунктов с компонентами *Бар(ы)с, Барис* / *Барыс, Борис, Парс* восходят к именам личным или прозвищам. При этом, совпадение марий. *-парс*: *Ак~* с иран. *Парс* / *Фарс* «Персия», «перс», «Историческая область на юге Ирана», ойконимами типа *Парс-абад* (Иранский Азербайджан), *Парс-кан* (Горган), *Парс-ан* (Керман), скорее всего, случайно.

О других случаях использования компонента собственных имён *Ак-* «Белый и т.д.» см. [11].

(Продолжение следует)

Литература

1. *Атаманов М.Г.* История Удмуртии в географических названиях. Ижевск: Удмуртия, 1997. 248 с.

2. Атлас мира. М.: Главное управление геодезии и картографии МВД СССР, 1954.

3. *Ахметьянов Р.Г.* Этимологический словарь татарского языка: в 2 т. Т. I. А–Л. Казань: Магариф-Вакыт, 2015. 543 с.; Т. II. М–Я. Казань: Магариф-Вакыт, 2015. 567 с. (на тат. яз.).

4. *Ашмарин Н.И.* Словарь чувашского языка. Чăваш сăмахĕсен кĕнеки. Казань; Чебоксары: Чувашгосиздат, 1928–1950. Вып. I–XVII.

5. *Воронцова О.П., Галкин И.С.* Топонимика Республики Марий Эл: Историко-этимологический анализ. Йошкар-Ола: Изд-во Мар. полиграфкомбината, 2002. 424 с.

6. *Гарипова Ф.Г.* Татарская гидронимия: вопросы этногенеза татарского народа по данным гидронимии. Казань: ИЯЛИ, 1998. Кн. 1. 571 с.

7. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусскаго языка Владимира Даля. Четвертое, исправленное и значительно дополненное изданіе подъ редакціею проф. И.А. Бодуэна-де-Куртенэ. Т. I–IV. С.-Петербургъ; Москва: Изданіе т-ва М.О. Вольфъ, 1911.

8. Древнетюркский словарь / ред. В.М. Наделяев, Д.М. Насилов, Э.Р. Тенишев, А.М. Щербак. Л.: Наука, 1969. 676 с.

9. *Иванов А.Г.* Царевококшайск в конце XVI–XVIII веков. Очерки по истории уездного города: Мар. гос. ун-т. Йошкар-Ола, 2001. 440 с.

10. *Камалов А.А.* Башкирская топонимия. Уфа: Китап, 1994. 304 с.

11. *Корнилов Г.Е.* Этнотопонимия республик Поволжья (Башкортостан, Коми, Марий Эл, Мордовия, Татарстан, Удмуртия, Чувашия) – XLI: А-анлаутные географические названия // Вестник Чувашского университета. 2017. № 4. С. 279–285.

12. *Куклин А.Н.* Топонимия Волго-Камского региона (историко-этимологический анализ). Йошкар-Ола: МГПИ им. Н.К. Крупской, 1998. 204 с.

13. *Магницкий В.К.* Чувашскія языческія имена. Казань: Тип. Императорскаго ун-та, 1905. 101 с.

14. *Мурзаев Э.М.* Тюркские географические названия. М.: Восточная литература РАН, 1996. 254 с.

15. Мусульманские имена: словарь-справочник. СПб.: ДИЛЯ, 2006. 448 с.

16. Русско-татарский словарь. Русча-татарча сүзлек / под ред. Ф.А. Ганиева. 3-е изд., испр. М.: Рус. яз., 1991. 734 с.

17. *Севортян Э.В.* Этимологический словарь тюркских языков (Общетюркские и межтюркские основы на гласные). М.: Наука, 1974. 767 с.

18. Словарь топонимов Башкирской АССР. Уфа: Башк. кн. изд-во, 1980. 199 с.

19. *Суперанская А.В.* Словарь личных имён. М.: Эксмо, 2005. 544 с.

20. Татарско-русский словарь. Татарча-русча сүзлек. М.: Сов. энциклопедия, 1966. 863 с.

21. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. 2-е изд., стер. М.: Прогресс, 1986–1987. Т. I–IV.

22. *Юдахин К.К.* Киргизско-русский словарь. Кыргызча-орусча сөздүк: в 2 кн. Кн. 1. А-К. Фрунзе: Гл. редакция киргиз. сов. энциклопедии, 1985. 503 с.; Кн. 2. Л-Я. Фрунзе: Гл. редакция киргиз. сов. энциклопедии, 1985. 474 с.

23. *Räsänen M.* Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Türksprachen. Helsinki: Suomalais-ugrilainen seura, 1969 [Lexica societatis Fenno-Ugricae XVII. 1.]. 533 S.

КОРНИЛОВ ГЕННАДИЙ ЕМЕЛЬЯНОВИЧ – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка и литературы, Чувашский государственный университет, Чебоксары, Россия (gennkorn@rambler.ru).

G. KORNILOV

ETHNIC TOPONYMS IN VOLGA REGION REPUBLICS (BASHKIR, KOMI, MARI, MORDVA, TATAR, UDMURT, CHUVASH REPUBLICS) – XLII: A-NAMES OF PLACES

Key words: *comparative linguistics, etymology, contactology, onomatology, toponymics.*

The article continues the inventory and interpretation of A-anlaut toponyms and appellatives in the languages of the Volga region, it gives the etymology of the toponym «Akbarisovo / Aqbarys» in the context of other toponyms with components of proper names: bars, barys, pars, Boris, Baris, as well as toponyms using definitions: aq «white», Bi(y), Bik, Bey «lord, head, chief», Yul- «road, way», Tin- «equal, level, pair», chuar «motley, pockmarked», etc.

References

1. Atamanov M.G. *Istoriya Udmurtii v geograficheskikh nazvaniyakh* [The history of Udmurtia in place names]. Izhevsk, Udmurtiya Publ., 1997, 248 p.

2. *Atlas mira* [World Atlas]. Moscow, 1954.

3. Akhmet'yanov R.G. *Etimologicheskii slovar' tatarskogo yazyka: v 2 t.* [Etymological dictionary of the Tatar language. 2 vols.]. Kazan, Magarif-Vakyt Publ., 2015, vol. I, 543 p.; vol. II, 567 p.

4. Ashmarin N.I. *Slovar' chuvashskogo yazyka. Chăvash sămakhĕsen kĕneki* [The dictionary of the Chuvash language]. Kazan, Cheboksary, 1928–1950, vol. 1–17.

5. Vorontsova O.P., Galkin I.S. *Toponimika Respubliki Mariy El: Istoriko-etimologicheskiy analiz* [Toponymy of the Republic of Mari El: Historical and etymological analysis]. Yoshkar-Ola, Mari Polygraph Publ., 2002, 424 p.

6. Garipova F.G. *Tatarskaya gidronimiya: voprosy etnogeneza tatarskogo naroda po dannym gidronimii* [The Tatar Hydronymy: the questions of the ethnogenesis of the Tatar people on the hydronymy data]. Kazan, 1998, vol. 1, 571 p.

7. Dal' V. *Tolkovyi slovar' zhivogo velikorusskago yazyka* [Explanatory dictionary of the live great Russian language]. Moscow, St. Petersburg, 1911, vol. 1–4.

8. Nadelyaev V.M., Nasilov D.M., Tenishev E.R., Shcherbak A.M., eds. *Drevnetyurkskiy slovar'* [Ancient Turkic dictionary]. Leningrad, Nauka Publ., 1969, 676 p.

9. Ivanov A.G. *Carevokokshajsk v konce XVI–XVIII vekov. Ocherki po istorii uezdnogo goroda* [Tsarevokokshaisk in the end of XVI–XVIII centuries. Essays on the history of the County town]. Yoshkar-Ola, 2001, 440 p.

10. Kamalov A.A. *Bashkirskaya toponimiya* [The Bashkir toponymy]. Ufa, Kitup Publ., 1994, 304 p.

11. Kornilov G.E. *Etnotoponimiya respublik Povolzh'ya (Bashkortostan, Komi, Mariy El, Mordoviya, Tatarstan, Udmurtiya, Chuvashiya) – XLI: A-anlautnye geograficheskie nazvaniya* [Ethnic toponyms in Volga region republics (Bashkir, Komi, Mari, Mordva, Tatar, Udmurt, Chuvash republics) – XLI: A-names of places]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta*, 2017, no. 4, pp. 279–285.

12. Kuklin A.N. *Toponimiya Volgo-Kamskogo regiona (istoriko-etimologicheskiy analiz)* [Toponymy of the Volga-Kama Region (Historical and Etymological analysis)]. Yoshkar-Ola, 1998, 204 p.

13. Magnitskiy V.K. *Chuvashskiya yazycheskiya imena* [The Chuvash pagan names]. Kazan, 1905, 101 p.

14. Murzaev E.M. *Tyurkskie geograficheskie nazvaniya* [The Turkic geographic names]. Moscow, Vostochnaya literatura RAN Publ., 1996, 254 p.

15. *Musul'manskie imena. Slovar'-spravochnik* [The Muslim names. The Reference dictionary]. St. Petersburg, DILYa Publ., 2006, 448 p.

16. Ganiev F.A. *Russko-tatarskiy slovar'. Ruscha-tatarcha syzlek* [Russian-Tatar dictionary]. Moscow, Russkiy yazyk Publ., 1991, 734 p.

17. Sevortyan E.V. *Etimologicheskiy slovar' tyurkskikh yakzykov. Obshchetyurkskie i mezhtyurkskie osnovy na glasnye* [Etymological dictionary of Turkic languages. General Turkic and inter-Turkic vocalic stems]. Moscow, Nauka Publ., 1974, 767 p.

18. *Slovar' toponimov Bashkirskoi ASSR* [The Dictionary of toponyms of the Bashkir ASSR]. Ufa, Bashkir Publishing House, 1980, 199 p.

19. Superanskaja A.V. *Slovar' lichnykh imen* [Dictionary of personal names]. Moscow, Eksmo Publ., 2005, 544 p.

20. *Tatarsko-russkiy slovar'. Tatarcha-ruscha syzlek* [Tatar-Russian dictionary]. Moscow, Sovetskaya enciklopediya Publ., 1966, 863 p.

21. Fasmer M. *Etimologicheskiy slovar' russkogo yazyka: v 4 t.* [Etymological Dictionary of Russian Language. 4 vols.]. Moscow, Progress Publ., 1986–1987, vol. 1–4.

22. Yudakhin K.K. *Kirgizsko-russkiy slovar'. Kyrgyzcha-oruscha sɵzdyk: v 2 kn.* [Kyrgyz-Russian dictionary]. Frunze, Sovetskaya jenciklopedija Publ., book 1, 503 p.; book 2, 474 p.

23. Räsänen M. Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Türksprachen. Helsinki: Suomalais-ugrilainen seura, 1969 [Lexica societatis Fenno-Ugricae XVII. 1.]. 533 S.

KORNILOV GENNADIY – Doctor of Philological Sciences, Professor, Head of Russian Language and Literature Department, Chuvash State University, Russia, Cheboksary.

Формат цитирования: *Корнилов Г.Е.* Этнотопонимия Республик Поволжья (Башкортостан, Коми, Марий Эл, Мордовия, Татарстан, Удмуртия, Чувашия) – XLII: А-Анлаутные географические названия // Вестник Чувашского университета. – 2018. – № 2. – С. 245–252.

УДК [811.111+811.512.162]'373.45
ББК Ш12=432.1'322+Ш12=631.1'322

И.А. МАММЕД

ВИДЫ ЗАИМСТВОВАНИЙ И АССИМИЛЯЦИЯ ЗАИМСТВОВАННЫХ СЛОВ (на основе материалов современного английского и азербайджанского языков)

Ключевые слова: *заимствование слов, лингвистическое явление, ассимиляция, методы заимствования слов, лексико-семантические особенности.*

Процесс заимствования слов реализуется различными формами и методами в мировых языках, которые постоянно взаимодействуют друг с другом. Автор пытается обосновать такую идею, что языки обогащают свой словарный фонд не хаотично, а заимствуют слова с помощью форм и методов, основанных на определенных закономерностях. В статье излагается классификация методов слов, адаптированных с одного языка в другой, на основе соответствующих делений объясняются лингвистические образцы. Особенности уровня ассимиляции в процессе заимствования обсуждены на уровне научной теории, выяснены роль и положение заимствованных слов.

Заимствования как лингвистический феномен подтверждает развитие языка. Анализируя эту проблему, Л.П. Крысин отмечает, что: «Под заимствованием принято считать: 1) переход элементов одного языка в систему другого языка как следствие более или менее длительных контактов между этими языками; 2) слово или оборот, вошедшие в язык в результате такого перехода» [1. С. 78]. Рассматривая вопрос о методах заимствования слов из других языков, мы видим, что языки заимствуют друг у друга слова не хаотически, а методами заимствования, основанными на определенных закономерностях. Несмотря на то, что в языкознании встречаются различные методы заимствования слов, исторический опыт подтвердил, что переход слов из одного языка в другой столетиями осуществлялся при помощи следующих методов:

а) прямое заимствование (direct borrowing, в некоторой научной литературе непосредственное заимствование. – *И.М.*) осуществляется при участии двух языков. Принимающий язык, или язык-реципиент, принимает из лексического состава, взаимодействующего с ним языка слово, обогащая, таким образом, свой словарный состав;

б) косвенное, или опосредованное, заимствование (indirect borrowing) – в этом случае участниками явления заимствования становятся три языка. Сначала методом прямого заимствования происходит заимствование из одного языка в другой, а затем третий язык принимает это заимствованное слово в свой лексикон не из любого из двух языков, а именно из языка-реципиента;

в) двойное, или дублетное, заимствование (double borrowing) – заимствование однокоренных слов, отличающихся друг от друга по форме и содержанию, но относящихся к одному источнику;

г) обратные, или возвратные, заимствования (reborrowing) – в корне такого процесса заимствования стоят национальные слова какого-то языка, распространившиеся впоследствии на другие языки. Эти слова подвергаются фонетической и семантической модификации принимающего языка, а затем в измененной форме возвращаются в первичный язык, создавая, таким образом, возвратное заимствование.

Заимствование как двухэтапное языковое явление проявляется на первом этапе как внеязыковое социолингвистическое явление заимствования и проникновения слова, а на втором этапе – как внутриязыковой процесс ассимиляции заимствований, принятых в язык. Таким образом, полные заимствования, а также заимствованные слова подвергаются обязательной ассимиляции в составе языка, в который они перешли. Ассимиляция может проявиться на различных уровнях языка: фонетическом, лексико-семантическом, грамматическом и графико-орфографическом.

Фонетическая ассимиляция заимствований протекает в нескольких направлениях с учетом внутренних требований языка-реципиента. Как нам известно, заимствованное слово может внести в принимающий язык инородные для него фонемы. Под влиянием фонетического вмешательства эти иноязычные звуки изменяются согласно фонологической системе и фонетическим законам заимствующего языка. Не существующая в языке-реципиенте инородная фонема из другого языка заменяется самым близким ему по звучанию фонетическим эквивалентом заимствующего языка. Этот процесс называется *адаптацией*, или *фонетической заменой.* На следующем этапе иноязычные фонетические образцы подвергаются процессу *аккомодации*. То есть заимствованные слова, не соответствующие фонетическим формам языка-реципиента, уподобляются фонологическим сочетаниям языка, используя его внутриязыковые возможности. Обычно это происходит при помощи фонетической ассимиляции определенных фонем, соответствующих структуре заимствующего языка. С целью ускорения усвоения заимствованного слова в языке возможно и изменение места ударения в некоторых заимствованных словах, соответствующих фонетическим закономерностям языка-реципиента. Близкое и длительное взаимодействие между языками создает условия и для заимствования новой фонемы, имеющейся в составе заимствованного слова. Это становится причиной фонетического инвентарного изменения, которое мы можем назвать *прямой фонологической диффузией* в заимствующем языке. Например, «до периода интенсивного взаимоотношения с французами в английском языке не было фонемы [ʒ]. Эта фонема перешла в английский язык в составе таких французских слов как *decision* (решение), *genre* (решение),*rouge* (помада)» [3. С. 58].

Лексико-семантическая ассимиляция – это уподобление заимствованного слова лексико-семантической системе заимствующего языка. Например, рассмотрим латинский этимон *аббревиатура* (сложносокращенное слово, состоящее из начальных букв или звуков слов, входящих в него) перешедшее в азербайджанский язык посредством русского языка. Латинский *abrevis* > итальянский *abbreviatura* > русский *аббревиатура* > азербайджанский *abreviatura*. Таким образом, если сравнить слово *abreviatura*, использующееся в азербайджанском языке с оригинальным вариантом *abrevis*, то явно прослеживаются формально-структурные различия, что является результатом лексико-семантической ассимиляции. Если заимствованное слово может участвовать в словообразовании и расширять смысловую структуру, значит, произошла лексико-семантическая ассимиляция. Приведем примеры лексической активности слова *abreviatura*: *abreviatur sözlər* (слова аббревиатуры), *abreviatura yolu ilə* (путем аббревиатуры), *abreviativ leksik paralellər* (аббревиатурные лексические параллели) и.д. Из какого бы языка ни заимствовалось слово, заимствующий язык всегда находится в независимой позиции по от-

ношению заимствованному слову. Лексико-семантическая ассимиляция может стать как причиной перехода иноязычного многозначного слова в разряд однозначных, так и приобретения этими словами нового значения. Если быть точнее, когда заимствованное слово проходит лексико-семантическую ассимиляцию, то происходит семантическое сужение, семантическое расширение и явление дифференциации. Разъясним явление *семантического сужения* на следующем примере. В древнем английском языке слово *sand* обозначало и морской *песок*, и *берег*. Но «после того как английский язык перенял у нижненемецкого языка слово *shore*, обозначающее *место, где водный бассейн соединяется с сушей*, слово *sand* в результате сужения значения сохранило лишь значение *песок* – мелкооскольчатая, хрупкая осадочная порода» [7. С. 193]. Древнее французское слово *palat* (в современном английском языке palate) обозначал верхнюю часть полости рта. После того как слово *palate* перешло в английский язык, оно подверглось лексико-семантической ассимиляции и семантически расширилось. Слово *palate* приобрело новые значения и оттенки значений, такие как вкус, интерес, влечение (palatable/вкусный) [10]. А семантическая дифференциация – это своего рода отдаление от синонимичности, диахроническое различие существующих значений слова. С течением времени значения разделяются на два совершенно различных выражения. Немецкий языковед С. Лебнер определяет это лингвистическое явление как «изменение значения слова, добавив понятия к оригинальным понятиям» и в примере «James Joyce is hard to understand» (Джеймса Джойса понять трудно) различает два значения дифференцированного глагола understand (из древнего Фриза): обычное *понимать* и в контексте *комментировать смысл текста* [5. С. 33]. В целом трудно представить существование в каком-либо языке заимствованных слов, не подвергшихся лексико-семантической ассимиляции.

Здесь следует обратить внимание еще на одну деталь. В некоторых случаях явления семантического заимствования и семантической дифференциации отождествляются. И это, несмотря на то, что между двумя этими языковыми явлениями есть своеобразные специфические особенности. *Заимствование смысла, семантическое заимствование (semantic loan)* – это заимствование семантического значения из какого-то другого языка. Как отмечал английский языковед Ф. Дуркин, «Семантическое заимствование – это приобретение существующим заимствованным словом дополнительного значения» [4. С. 25]. Подразумеваемое слово уже существует в принимающем языке, но значение, выражаемое этим словом, приобретает дополнительный смысловой оттенок значения под влиянием какого-то другого языка. Например, во французском языке глагол *to realize*, обозначающий *претворить что-то в жизнь, осуществить,* перейдя в английский язык, приобрел такие новые значения, как *быть в курсе, ясно понимать, познать.* Семантическое заимствование в рамках определенных условий оказывает влияние и на свойства возможности быть переведенным в какой-нибудь язык. Семантическое заимствование, как и калька-перевод значения слова – это в целом один из невидимых видов явления заимствования. Так, например, семантические заимствования никак не связаны с морфемами, не существующими ранее в языке-реципиенте. Семантическое заимствование осуществляется различными способами, дающими возможность одному языку повлиять на другой и изменить значение существующего слова. Существенной проблемой здесь является то, что большинство однозначных слов может влиять на язык-донор с

помощью приобретенных им в принимающем языке дополнительных значений и перейти в разряд многозначных слов, как в языке-доноре, так и в языке-реципиенте. Мы считаем, что понятие «заимствование путем перевода слова» и понятие «семантическая калька» и «семантическое заимствование» не являются тождественными лингвистическими явлениями. Если обратить внимание, то заимствование слова путем перевода подразумевает перевод морфемы в морфему, элемента в элемент, что приводит к переходу формы слова из языка-донора в язык-реципиент. Например, употребляющееся в английском языке слово *almighty* – это заимствование, полученное переводом из латинского языка слова *omnipotens* (omni>all; potens>migty). «Семантическая калька – это переход в другой язык не формы слова, а точного перевода его значения» [4. С. 26]. Например, *компьютерная мышь* получила в английском языке название *computer mouse* из-за внешнего сходства с мышью. Многие мировые языки под влиянием английского языка приняли существующее в их лексической базе слово *mouse* (мышь) для обозначения компьютерной мыши: на тюркском – bilgisayar faresi; на русском – компьютерная мышь; на французском – sourisd'ordinateur и т.д.

Грамматическая ассимиляция – это адаптация заимствованного слова к морфологическим стандартам заимствующего языка. Грамматическая структура каждого языка является как бы своего рода защитным барьером на пути заимствований. Именно по этой причине заимствованное слово не может принести с собой и внедрить в принимающий язык грамматические свойства языка-донора. Например, любое заимствованное слово в английском языке, подвергнувшееся грамматической ассимиляции, входит в грамматические категории и парадигмы, свойственные этому языку. Так например, слово французского происхождения *count* (считать, вычислять) – *counted* (посчитал), *counting* – (считает, считая); *enemy* (враг) – *enemies* (враги), enemy's (вражий); слово итальянского происхождения *umbrella* (зонтик) – *umbrellas* (зонтики) и т.д. Вместе с тем встречаются и слова, не подвергнувшиеся грамматической ассимиляции и сохранившие свою первоначальную грамматическую форму. Некоторые существительные, заимствованные из латинского языка, до сих пор сохранили в современном английском языке свои оригинальные окончания множественного числа. Например: *phenomenon – phenomena* (феномен, событие – феномены, события); *datum – data* (данное, сообщение – данные, сообщения); *radius – radii* (радиус – радиусы) и т.д.

Графико-орфографическая ассимиляция – это заимствование графических и буквенных обозначений, диакритических знаков и знаков препинания в процессе межъязыкового заимствования. На самом деле слова, заимствованные из различных языков, пользующихся различными алфавитами, постепенно подвергаются графико-алфавитной ассимиляции. Заимствованное слово на начальном этапе использования в новом языке может иметь несколько орфографических вариантов, однако со временем, вследствие определенных воздействий, эта вариативность сходит на нет. Заимствованное слово отнюдь не всегда сохраняет орфографические особенности, которыми он обладает в период своего перехода в новый язык. Например, слово *fe'l* (глагол), перешедшее в азербайджанский язык из арабского языка, после упразднения апострофа согласно «Правилам орфографии азербайджанского языка» использовалось какое-то время как *fel* [8. С. 226]. В настоящее время это заимствование находится на последней стадии своей графико-орфогра-

фической ассимиляции, употребляясь в языке как *feil*. Без сомнения, в каждом языке есть заимствованные слова, не подвергающиеся графико-орфографической ассимиляции. В английском языке есть достаточно широкая и разнообразная группа таких слов. Например, несмотря на то, что в некоторых заимствованных из французского языка словах последние согласные не произносятся, они остаются на письме: *ballet* [ˈbæleɪ] (балет), *buffet* [ˈbufeɪ] (буфет), *corps*[kɔ:] (корпус) и т.д. А некоторые слова типа *café* (кафе), *cliché* (шаблон), *fiancé* (жених) сохраняют свои диакритические знаки. Также некоторые французские диграфы – *ch, qu, ou* не подвергаются графической ассимиляции в английском языке. Например: *bouquet* (букет), *brioche* (булка), *charade* (розыгрыш) и т.д.

Заимствования по типу межъязыковых взаимосвязей подразделяются на *культурно-информативные* заимствования, *близкие* и *престижные* заимствования. *Культурно-информативные*, или *культурные*, заимствования (informative-cultural / cultural borrowings) – это заимствования новых названий, которые приходят в язык вместе с информацией о новом понятии. В этом случае язык перенимает особенности культуры и образа мышления другого народа, носителя этого языка. Новое понятие, вошедшее в культуру народа, носителя языка, находит свое лингвистическое отражение в языке именно благодаря культурно-информативному заимствованию. «Культурно-информативные заимствования – это слова, способные заполнить пробелы в словарном составе заимствующего языка, так как именно эти слова могут заменить объекты и концепции, считающиеся новыми в культуре заимствующего языка» [6. С. 212]. И в самом деле, в общественно-политической сфере мира глобализации происходят такие изменения, совершается столько новых открытий, что для номинации всего этого ни у одного языка не хватит собственных внутренних ресурсов. Носители языка обращаются к языку народа – автора нововведения, и, таким образом, осуществляют процесс заимствования слова, обозначающего новое понятие. В качестве примера культурно-информативного заимствования мы можем привести ряд слов, перешедших в словарный состав английского языка из разных языков: abbot (аббат), castle (замок, крепость), church (церковь), devout (верующий), grenade (граната), mansion (дворец), marquess (маркиз), musk (мускус), opera (опера), prison (тюрьма), saffron (шафран), saint (святой), silk (шелк), tragedy (трагедия), tax (налог), waltz (вальс), и т.д.

Кроме указанного типа заимствований существуют в языке и заимствования, прочно вошедшие в лексический состав языка и при отсутствии информационного обмена между носителями языка. Это известные случаи, когда народы, имеющие разную культуру, язык, религиозное вероисповедание, проживали в едином социально-политическом, и даже географическом, ареале. В процессе социолингвистического заимствования между языком низшего сословия (substratum/lower language), представляющего оккупированное, или эксплуатируемое, общество, и языком высшего сословия (superstratum/dominant/upper language), представляющего оккупантов, или эксплуататоров, прослеживается не обмен информацией, а политико-экономическое превосходство, взаимоотношения управляющий – подчиненный, внеязыковые психологические факторы как желание подражать языку высшего сословия. Вошедшие в словарный состав любого языка именно таким путем заимствования из-за особого перевеса называются престижными заимствованиями (luxury

loans/prestige borrowings). В 1066–1300-х гг. (этот период, охватывающий 1066–1500-е гг., совпадает по времени со Среднеанглийским периодом истории развития языка) в Англии господствующее положение занимал французский народ и французский язык, в связи с чем большая часть французских заимствований в английском языке составляют заимствования из языка господствующего сословия. В этот период активного перехода заимствований из господствующего сословия в английский язык, англичане, имея названия предметов и понятий в своем национальном языке, отдавая дань «моде времени», предпочитали говорить вместо «pig flesh/pig meat (свинина) pork (porc – фр. свинина), вместо cow flesh/cow meat (говядина) beef (bouef – фр. говядина) [3. С. 59]. Такие слова, как art (искусство), bracelet (браслет), clarinet (кларнет), cuisine (кухня), crayfish (краб), dance (танец), diamond (алмаз, брильянт), fashion (мода), fur (мех), oboe (гобой), painting (картина), satin (атлас), ruby (рубин), sculpture (скульптура), и сотни других перешли в словарный состав английского языка по причине предполагаемой «престижности» французского языка. В качестве примера эквивалентного языкового явления можно указать на заимствования, перешедшие в азербайджанский язык из арабского как заимствования господствующего сословия. Как нам известно, вследствие арабского завоевания с VII в. н.э. многие страны Африки, Ближнего и Среднего Востока, так же как и Азербайджан, оказались под влиянием арабской культуры и языка. В период, когда использование арабского языка считалось престижным, некоторые исконно азербайджанские слова стали использоваться в арабском варианте: *bəyaz* вместо *ağ* (белый), *vahid* вместо *tək* (единый),*qəlb* вместо азербайджанского *ürək* (сердце) [9. С. 64]. Следует отметить и то, что большинство престижных заимствований в азербайджанском языке составляют слова из арабского языка.

Если язык низшего сословия передает слова в язык господствующего сословия только в результате информативного обмена, то из языка господствующего сословия в язык нижнего переходят как культурно-информативные, так и престижные слова. В обществах, формирующихся в общей географической среде в рамках единой политической культуры, заимствования и переход слов между языками и диалектами выдвигают явление близкого заимствования (intimate borrowings). Этот тип заимствований, возникающий особенно в период завоеваний в результате влияния языка господствующего сословия на язык нижнего уровня, носит односторонний характер.

Так близкие заимствования формируются только в результате влияния языка господствующего сословия на речевые формы языка нижнего уровня, ограничиваются в основном бытовым стилем и не имеют ничего общего с культурными нововведениями. Язык нижнего уровня не может оказывать влияния на язык господствующего сословия. Если усвоенные слова не распространяются на широкий ареал, то процесс заимствования остается на уровне диалектизмов, возникших на основе взаимовлияния языков, на конкретной географической территории. Л. Блумфильд, представляя близкие заимствования как подгруппу культурно-информативных заимствований, пишет: «К примеру, в Соединенных Штатах покорные иммигранты, подвергаясь влиянию языка верхнего уровня, вводили в свою речь заимствование слов, которое ограничивалось только теми словами, которые они смогли выучить по приезде в Америку: baseball (бейсбол), alderman (член муниципалитета), boss (бос, частный собственник), ticket (билет) и т.д.» [2. С. 461].

Таким образом, каждый язык непрерывно обогащает и совершенствует свой словарный состав. Никогда нельзя заранее предсказать, останется на долгое время или нет в словарном составе языка перешедшее в него новое слово. О том, насколько значима позиция того или иного заимствованного слова для определенного периода времени, какую функцию он несет, можно только высказать предположение в контексте того времени. С уверенностью можем сказать, что явление заимствования не наносит вреда своим национальным единицам, а, напротив, удачно осуществленные по необходимости или с целью обогащения языка заимствования оказывают существенное влияние на лексический фонд языка. В то же время чрезмерное и необоснованное использование заимствований в языке, вытеснение национальных слов и их замена иноязычными заимствованиями являются негативным явлением, которое приводит к серьезным изменениям в системе языка. Перевес количества заимствованных слов в языке по отношению к национальным словам отрицательно сказывается на языковом процессе, и народ – носитель этого языка – отдаляется от своих этнических корней.

Литература

1. *Крысин Л.П.* Этапы освоения иноязычного слова (на уроках русского языка) // Русский язык в школе. 1991. № 2. С. 74–78.

2. *Bloomfield L*. Language (reprint). Delhi, Motilal Banarsidass publishers, 1994, 576 p.

3. *Campbell L*. Historical Linguistics: An Introduction. 2nd ed. Cambridge, MIT Press, 1999, 398 p.

4. *Durkin Ph*. Borrowed words: A History of Loanwords in English. New York, Oxford University Press, 2014, 491 p.

5. *Löbner S*. Understanding Semantics. 2nd ed. Abingdon, Routledge, 2013, 392 p.

6. *Myers-Scotton C*. Multiple Voices- an introduction to bilingualism. Oxford, Blackwell, 2006, 457 p.

7. *Millward C.M., Hayes M*. A Biography of the English Language. 3rd ed. Wadsworth, Cangage learning, 2012, 479 p.

8. *Azərbaycan Milli Elmlər Akademiyası Nəsimi adına Dilçilik İnstitutu*. Azərbaycan dilinin orfoqrafiya lüğəti. Bakı, Lider, 2004, 728 s.

9. *Cəfərov S*. Müasir Azərbaycan dili. Bakı, Maarif, 1970, 236 s.

10. www.etimonline.com.

МАММЕД ИЛЬХАМА АВТАНДИЛЬ – докторант, Азербайджанский университет языков; преподаватель английского языка кафедры иностранных языков, Сумгаитский государственный университет, Азербайджанская Республика, Сумгаит (ilhame_memmed@mail.ru).

I. MAMMAD

TYPES OF BORROWINGS AND ASSIMILATION OF BORROWED WORDS (on the materials of modern English and Azerbaijani Languages)

Key words: *word borrowing, linguistic phenomenon, assimilation, methods of word borrowing, lexical-semantic features.*

The process of word borrowing is carried out using different forms and methods in the world languages that are constantly interacting with each other. The author tries to substantiate the idea that languages enrich their vocabulary fund not chaotically, but they borrow words by forms and methods based on certain patterns.The article outlines classification of methods for words adapted from one language in another, linguistic samples are explained on the basis of corresponding divisions.Peculiarities of assimilation level in the borrowing process are discussed at the level of a scientific theory, the role and position of borrowed words are clarified.

References

1. Krysin L.P. *Etapy osvoeniya inoyazychnogo slova (na urokah russkogo yazyka)* [Stages of learning a foreign word (at the lessons of the Russian language)]. *Russkij jazyk v shkole* [Russian language at school], 1991, no. 2, pp. 74–78.

2. Bloomfield L. Language (reprint). Delhi, Motilal Banarsidass publishers, 1994, 576 p.

3. Campbell L. Historical Linguistics: An Introduction. 2nd ed. Cambridge, MIT Press, 1999, 398 p.

4. Durkin Ph. Borrowed words: A History of Loanwords in English. New York, Oxford University Press, 2014, 491 p.

5. Löbner S. Understanding Semantics. 2nd ed. Abingdon, Routledge, 2013, 392 p.

6. Myers-Scotton C. Multiple Voices- an introduction to bilingualism. Oxford, Blackwell, 2006, 457 p.

7. Millward C.M., Hayes M. A Biography of the English Language. 3rd ed. Wadsworth, Cangage learning, 2012, 479 p.

8. Azerbaidzhan Milli Elmler Akademiyasy Nesimi adyna Dilchilik Institutu. *Azerbaidzhan dilinin orfografiya lyugeti* [Azerbaijan National Academy of Sciences Institute of Linguistics after Nasimi. Spelling dictionary of the Azerbaijani language]. Baku, Lider , 2004,728 p.

9. Dzhafarov S. *Muasir Azerbaidzhan dili* [Modern Azerbaijani language]. Baku, Maarif, 1970, 236 p.

10. www.etimonline.com.

MAMMAD ILHAMA – Doctoral Student of the Azerbaijan University of Languages; Working as an English Instructor at the Department of Foreign Languages, Sumgait State University, Azerbaijan Republic, Sumgait (ilhame_memmed@mail.ru).

Формат цитирования: *Маммед И.А.* Виды заимствований и ассимиляция заимствованных слов (на основе материалов современного английского и азербайджанского языков) // Вестник Чувашского университета. – 2018. – № 2. – С. 253–260.

УДК 81'373:004
ББК Ш111.4

Ж.Э. МАММЕДОВА

ПЕРСПЕКТИВЫ И ПРОБЛЕМЫ КОМПЬЮТЕРНОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ

Ключевые слова: *слова, словарь, машинный перевод, компьютерная лексикография, электронные словари, лингвистика, традиционные словари.*

В статье обсуждаются возможности использования компьютеров в процессе автоматизации деятельности лексикографа. На основе проведенного сравнительного анализа раскрываются преимущества компьютерной лексикографии и созданных при помощи компьютеров IBM скоростных и двуязычных словарей. Отмечается, что использование компьютеров облегчает работу лексикографа, так как освобождает его от составления библиографических карточек, требующего длительной, кропотливой работы. Предлагается избавиться от создающего путаницу многообразия терминов, заменив такие названия, как «вычислительная лексикография», «машинная лексикография», «автоматическая лексикография», предложенным Ю.Н. Марчуком названием «компьютерная лексикография». В статье также намечаются пути дальнейшего развития и усовершенствования электронных словарей. Особый интерес представляет вывод автора о методах использования электронных ресурсов в процессе обучения иностранным языкам, а также в качестве незаменимого помощника для переводчиков.

Современная лингвистика нацелена на изучение преимуществ электронных словарей и дальнейшее развитие данной области в будущем. В связи с этим возникает необходимость более тщательного анализа существующих электронных словарей с целью их усовершенствования.

Материалом для данной статьи послужили исследовательские работы известных ученых в данной области, а также существующие на сегодняший день электронные и некоторые книжные словари. В работе был использован метод сравнительного анализа.

Термин «электронный словарь» появился в языкознании приблизительно в последние десять лет. Термин же «компьютерная лексикография» возник в языкознании ещё раньше. Разные ученые называли его по-разному, например: Ю.Н. Марчук в 1976 г. – «вычислительная лексикография», Е.В. Вертель в 1984 г. – «машинная лексикография», О.А. Казакевич в 1985 г. – «автоматизированная лексикография», а В.В. Марковкин в 1990 г. – «компьютерная лексикография». Позже Ю.Н. Марчук объединил все эти названия под общим названием «компьютерная лингвистика», считая, что решение актуальных проблем лингвистики осуществляется на компьютерах с современным программным обеспечением [1. С. 4]. Касаясь этой темы, Г.М. Мандрикова в своих работах отмечает, что термины «вычислительная лексикография», «вычислительная машина» и «автоматическая лексикография» являются однотипными, так как все они опираются в своей работе на одно средство – компьютер. Она приходит к такому выводу, что компьютерную лексикографию как область лексикографии можно принимать как отдельный раздел языкознания. Содержание этой науки составляет наличие теоретических и практических вопросов компьютерных словарей различного вида, а также осмысление всех результатов, имеющих отношение к этой проблеме [2. С. 1].

Вопросы компьютерной лингвистики являются темой многих исследований. Некоторые проблемы компьютерной лексикографии обсуждались в ассоциации компьютерной лингвистики, основанной в начале 1980 г., в присут-

ствии выдающихся лексикографов А.С. Герды, В.М. Анрющенко, Ю.Н. Марчука, И.И. Убиной, С.В. Меркуровой, В.В. Морковкиной, Г.М. Мандриковой и др. Вначале метод использования компьютеров рассматривался только как средство автоматизации процесса работы лексикографа. Однако, как известно, создание словарей требует напряженной работы в течение длительного времени. Иногда на это уходили десятилетия. Именно поэтому впоследствии стали считать более целесообразным предоставить создание словарей машинам. Первым шагом в этом направлении стало создание скоростного двуязычного словаря с помощью компьютеров IBM. Оно показало, что компьютерная лексикография имеет много преимуществ. Использование компьютеров позволяет набрать лексикографический материал в любом необходимом виде, определить частоту слова, сделать рисунки, создать иллюстрации, найти этимологию слова и т.д.

Перечисленные выше особенности электронных словарей позволяют прогнозировать дальнейшее развитие лексикографии. По мнению известного лексикографа В.П. Беркова, словари XXI в. должны иметь следующие характеристики:

- быть большими по объему;
- иметь концентрическую структуру;
- в один общий словарь могут быть объединены несколько словарей;
- словари могут быть звуковыми;
- давать полную грамматическую информацию о входящих и исходящих словах;
- полнее раскрывать сочетания слов; содержать сведения о системной связи слов;
- содержать материал с графической иллюстрацией; отражать широкий материал об именах собственных;
- будет организована постоянно действующая «служба обновления».

Мы можем иметь под рукой много различных словарей, но для работы в большинстве случаев мы выбираем тот, который более всего соответствует нашим потребностям. А сколько пользователей по всему миру используют нынче электронные словари, сколько – книжные? Это один из основных интересующих нас вопросов, на который мы пытаемся найти ответ в своем исследовании. Вообще, понятие электронный словарь является новым термином последних лет, и научных исследований по этому вопросу очень мало.

Электронные и книжные словари имеют множество особенностей, единственным объединяющим их сходством является то, что все они – носители информации. Их отличительные особенности – поисковая система, технические функции и технические аспекты. В книжных словарях слова представлены по линейной функции, а в электронных – в виде фрагментов. Словари такого типа постоянно обновляются.

Пользователь может увидеть результат поиска в виде подсистемы в окне компьютера. Эти окна различны в каждом электронном словаре. У пользователя вызывают визуальный интерес графика, рисунок, оттенки цвета, произношение слова, иногда даже одновременно с представлением краткометражного видеоролика. Наряду с этим пользователь может оставлять на этой странице свои комментарии и делиться информацией. В книжных словарях такой возможности представления слова нет. Построение слов в алфавитном порядке с указанием частей речи, приведением примеров и употребляемых в речи выражений, указанием идиоматических оборотов, синонимов и антони-

мов в книжных словарях такое же, как и в электронных. Однако пользователи электронных словарей осуществляют поиск автоматически. Если пользователь допускает в процессе поиска какую-нибудь ошибку, он может вернуться к требуемому слову посредством специальной основной кнопки (home). Известно, что традиционные словари невозможно переписать на электронные носители (CD-диски, флеш-карту и т.д.), а также применять к ним эти функции при использовании. Такие возможности предоставляет только электронный словарь со специальным программированием. Как видно, работа с книжными словарями лишает пользователя свободного общения с ними, а с электронными словарями эта возможность имеется [3. С. 26–30].

Н.А. Сивакова и Г.М. Мандрикова различают электронные словари от традиционных по нижеследующим свойствам:

– эластичности – лингвистический программный комплекс облегчает обращение к словарю и расширяет возможности при использовании;

– сжатости – способности независимо от законов языка создавать связи между лексическими единицами различных языков;

– двусторонности – возможность использования любого языка как языка ввода при входе в словарь;

– динамичности – коррекции словарных статей, возможность вывода устаревших слов [4. С. 81–85].

В дополнение к этой мысли С.А. Стройков отмечает, что первые три признака свойственны и традиционным словарям. Четвертый же признак, т.е. динамичность, по его мнению, актуализируется только в электронных словарях, и эта особенность является главным принципиальным отличием электронных словарей от традиционных [5. С. 112].

По мнению О.С. Рублёвой, преимущество электронных словарей состоит: в большом объеме словника; скорости и удобстве поиска информации; обладании слова звуковой графической иллюстрацией; возможности обновления и расширения сведений о слове; возможности свободного заказа структуры статьи путем поиска; возможности открытия всесторонних значений слова; интерактивности (возможность обсуждать словарную статью и быть её автором); выходе к гипертексту посредством иных ссылок [6. С. 102–105].

На основе анализа Г.Р. Чумарина приходит к выводу, что электронные словари имеют следующие преимущества:

– функция запоминания и гипертекст позволяют пользователю очень легко и быстро войти в электронный словарь и найти там различную информацию и советы;

– поиск происходит с большей скоростью, возможны различные поиски;

– интерактивность информационных технологий делает более эффективным советы, которые дает словарь;

– наличие мультимедийных элементов (голосовых, иллюстрированных рисунков, короткометражных видеороликов и т.д.).

Таким образом, самое большое преимущество этих словарей во множестве и разнообразии их возможностей.

Наряду с этим электронные словари имеют и ряд недостатков. При входе в словарь открывается несколько совпадающих окон и пользователь не может видеть словарь в широком объеме, словарная статья открывается фрагментарно, из-за чего пользователь вынужден часто выходить из окон. Пользователь, имеющий слабые знания в области интернет-технологий, может потерять

здесь много времени, встретиться с трудностями при получении соответствующего результата. Стоимость электронных словарей гораздо дороже их книжных версий. Составители программ не могут воспользоваться всеми возможностями, которые предоставляют электронные словари. Некоторые пользователи начинают уже внутренне осознавать, что их потребности может удовлетворить книжный словарь. Искать слово в книжном словаре труднее, чем в его электронном варианте. Единственно удобным в книжном словаре является расположение слов в алфавитном порядке. Здесь поиск ограничен.

Основываясь на проведенном выше анализе, необходимо отметить, что мы не ставили цель сравнивать сильные и слабые стороны электронных и традиционных словарей, так как здесь главную роль играет переводческая способность пользователя. Понять и выбрать слово, соответствующее содержанию, проявить гибкость – одно из основных условий мастерства пользователя.

Тем не менее, анализируя преимущества и недостатки электронных словарей, Г.Р. Чумарина предлагает пять основных методов усовершенствования электронных словарей нового поколения.

1. Словари будущего поколения будут включать в себя качества, которыми не могут обладать традиционные словари: вход в морфемы, максимальное количество выходов, значений, примеров, выражений и т.д. В настоящее время создатели проанализированных электронных словарей не делают CD объем словарей более 200 Мб, в то время как на диске остается много свободного места. В будущем объем памяти электронных словарей нового поколения может достигать 650 Мб.

2. Словари будущего могут предоставлять пользователям большую языковую гибкость в зависимости от их характеристики (любители, переводчики, эксперты).

3. Составители электронных словарей могут повысить уровень их использования. Сделав много входов, с одной стороны, или только прикоснувшись к слову, можно получить близкое к тексту значение. С другой стороны, пользователь должен выбрать такую функцию, чтобы на экране одновременно было видно несколько вариантов для сравнения значений.

4. Электронные словари могут интегрировать в программный анализ текста. С одной стороны, они дают пользователю возможность не обращаться дополнительно к словарю и позволяют прямо сопоставить статью. С другой стороны, пользователь может ввести в текст орфографический корректор не только на уровне орфографии, но и на уровне стилистики и грамматики.

5. Пользователи могут привести в порядок интерфейсы электронных словарей. Было бы лучше, если бы функцию настроили таким образом, чтобы не было необходимости в изменении метода работы [3. С. 201–203].

Естественно, что все эти словари в будущем будут более совершенными. Несмотря на имеющиеся технические недостатки, современные электронные словари существенно облегчают работу пользователей. В частности, большая часть из этих словарей может оказать существенную помощь в работе переводчиков.

Традиционная лингвистика не могла дать исходные представления не только в части семантики, но и в части синтаксиса. Ни для одного языка в 1950-х гг. не существовало перечней синтаксических конструкций, не были изучены условия их сочетаемости и взаимозаменяемости, не были разработаны правила построения крупных единиц синтаксической структуры из более

мелких. В сущности, ни на один вопрос, поставленный в связи с построением систем машинного перевода, традиционная лингвистика в то время не могла дать ответа [8. С. 32].

Машинный перевод (МП) уже довольно уверенно вошел в повседневную жизнь современного офиса и ни у кого не вызывает удивления. В мире существует очень много программ МП. Машинный перевод – это перевод текстов (письменных и устных) с одного естественного языка на другой при помощи компьютера. Машинный перевод – это направление научных исследований, связанных с построением переводческих систем (http://www.promt.ru) [10].

Основные проблемы программ машинного перевода: чем больше словарь, тем лучше перевод, значит, первая проблема – проблема создания больших словарей для систем. Система должна переводить такие предложения: «Привет, как дела?». Значит, еще одна проблема – научить систему распознавать устойчивые обороты. Для качественного перевода очень важно, чтобы практически все слова исходного текста легко было найти и в словаре системы. Когда мы переводим текст, например с английского языка на русский, и находим в словаре незнакомое нам слово, например «computer», то, узнав, что по-русски это значит «компьютер», мы уже безошибочно напишем в зависимости от контекста: «на компьютере», «с компьютером» и т.д.

История машинного перевода насчитывает немногим более 50 лет. За это время сменилось несколько поколений систем машинного перевода: от первых программ, использовавших ограниченные ресурсы универсальных компьютеров первого поколения, до современных коммерческих продуктов, использующих мощные ресурсы серверов и персональных компьютеров, включая ПК, в которых можно размещать карманные словари, а также компьютерные сети [9. С. 12].

Первые коммерческие продукты машинного перевода, нашедшие практическое использование, появились в середине 80-х годов. Они были реализованы на персональных компьютерах и являлись системами прямого перевода, возможности которых базировались на огромных (по сравнению с первыми системами) словарях, а не на умении анализировать и синтезировать тексты. Современные коммерческие продукты машинного перевода предлагают российские фирмы: «Виста Технолоджиз» и «Адвентис», образованные в 1991 г. коллективом разработчиков, выделившихся из ВИНИТИ; ПРОМТ, образованная в 1991 г.; «Медиа Лингва».

Электронные словари можно классифицировать по роду выполняемых задач (например, словари для формального определения рода и падежа существительного), по характеру лексических единиц, включенных в словарь (сюда относятся словари словоформ, состоящие из списка всех словоформ подъязыка, или словари основ, состоящие из списка основ и окончаний), по способу организации словников (алфавитные, тезаурусы, где словарные единицы сгруппированы по понятийным группам) [7. С. 33].

Электронные словари начали разрабатываться значительно раньше, чем альтернативные им системы машинного перевода, поэтому в настоящее время на рынке программного обеспечения имеется чрезвычайно широкий выбор словарей – от самых простейших (например, DIC) до мощных систем, объединяющих в одной программной оболочке несколько лексических баз данных – специализированных тематических словарей, последовательность подключения которых определяется пользователем (LINGVO). Выбор того или иного

программного продукта зависит исключительно от аппаратных возможностей компьютера, которым располагает пользователь, финансовых соображений и конкретных условий, в которых работает переводчик [8. С. 12].

Литература

1. *Марчук Ю.Н.* Основы компьютерной лингвистики. М.: МГОУ, 2002. 234 с.

2. *Мандрикова Г.М.* Учебное компьютерное лексикографирование в теоретическом и прикладном рассмотрении: дис. … канд. филол. наук. М., 1994. 194 с.

3. *Чумарина Г.Р.* Сравнительная характеристика электронных и бумажных словарей в функциональном аспекте // Вестник Чувашского университета. 2009. № 4. С. 265–270.

4. *Сивакова Н.А.* Лексикографическое описание английских и русских фитонимов в электронном глоссарии: дис. … канд. филол. наук. Тюмень, 2004. 162 с.

5. *Стройков С.А.* Лингвопрагматические характеристики англоязычного лексикографического гипертекста (на материале словаря – энциклопедии «The Free Dictionary»): дис. … канд. филол. наук. Самара, 2008. 220 с.

6. *Рублева О.С.* Электронные энциклопедии и их особенности // Дополнительное профессиональное образование в условиях модернизации: сб. ст. IX Междунар. науч.-практ. интернет-конф. Ярославль: Изд-во ЯГПУ им. К.Д. Ушинского, 2010. С. 129–137.

7. *Тузлукова В.И.* Типология педагогических лексикографических источников в международной педагогической лексикографии // Международная педагогическая лексикография в теории и практике обучения в высшей школе: сб. тр. II Междунар. науч.-практ. конф. М.: Изд-во МПГУ, 2001. 78 с.

8. *Рецкер Я.И.* Теория перевода и переводческая практика. М.: Международные отношения, 1974, 81 с.

9. Система перевода текста Magic Goody для Windows. Руководство пользователя / Фирма «Промт». СПб., 1999.

10. *Филинов Е.Н.* История машинного перевода. Available at: course-work.ru.

МАММЕДОВА ЖАЛЯ ЭЛЬДАР – докторант, Институт языкознания Национальной академии наук Азербайджана; преподаватель английского языка кафедры иностранных языков, Сумгаитский государственный университет, Азербайджанская Республика, Сумгаит (doctorant.amea@mail.ru).

Zh. MAMMEDOVA

PROSPECTS AND PROBLEMS OF COMPUTER LEXICOGRAPHY

Key words: *words, dictionary, machine translation, computer lexicography, electronic dictionaries, linguistics, traditional dictionaries.*

Opportunities of using computers in automating the activitiy of a lexicographer are discussed in this article. Basing on performed comparative analysis advantages of computer lexicography and performance-critical and bilingual dictionaries compiled by IBM computers are studied. It is noted that computers using makes a lexicographer's work easier as it relieves him from compiling bibliographic cards, requiring a thorough, prolonged hard work. It is suggested to put an end to a great variety of terms which creates incoherence by substituting such terms as "calculating lexicography", "machine lexicography", "automatic lexicography" by "computer lexicography" offered by Y.N. Marchuk. Beside these, ways for further development of electronic dictionaries and their perfection are noted in the article. The author's conclusion on the methods of using electronic resources in the process of foreign languages teaching and as a non-substitute assistant for translators is of special interest.

References

1. Marchuk Yu.N. Osnovy komp'yuternoi lingvistiki [Basical computer linguistics]. Moscow, MGOU Publ., 2002, 234 p.

2. Mandrikova G.M. *Uchebnoe komp'yuternoe leksikografirovanie v teoreticheskom i prikladnom rassmotrenii: dis. … kand. filol. nauk* [Practical computer lexicography and theory. Doct. Diss.]. Moscow, 1994, 194 p.

3. Chumarina G.R. *Sravnitel'naya kharakteristika elektronnykh i bumazhnykh slovarei v funktsional'nom aspekte* [Comparison characteristics of electronic and print dictionaries in functional aspect]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta*, 2009, no. 4, pp. 265–270.

4. Sivakova N.A. *Leksikograficheskoe opisanie angliiskikh i russkikh fitonimov v elektronnom glossarii: dis. … kand. filol. nauk* [Lexicography description of English and Russian fitonim in electronic glossary. Doct. Diss.]. Tyumen, 2004, 162 p.

5. Stroikov S.A. *Lingvopragmaticheskie kharakteristiki angloyazychnogo leksikograficheskogo giperteksta (na materiale slovarya – entsiklopedii «The Free Dictionary»): dis. … kand. filol. nauk* [Lingvopragmatic character of English lexicography hypertext. (on material of vocabulary-encyclopedia) «The Free Dictionary» Doct. Diss.]. Samara, 2008, 220 p.

6. Rubleva O.S. *Elektronnye entsiklopedii i ikh osobennosti* [Electronic encyclopedias and their peculiarities]. *Dopolnitel'noe professional'noe obrazovanie v usloviyakh modernizatsii: sb. st. IX Mezhdunar. nauch.-prakt. internet-konf*. [Proc. of IX Int. Sci. Pract. Conf. «Complicated professional modern education»]. Yaroslavl, 2010, pp. 129–137.

7. Tuzlukova V.I. *Tipologiya pedagogicheskikh leksikograficheskikh istochnikov v mezhdunarodnoi pedagogicheskoi leksikografii* [Typology pedagogical lexicography sources in international pedagogical lexicography]. *Mezhdunarodnaya pedagogicheskaya leksikografiya v teorii i praktike obucheniya v vysshei shkole: sb. tr. II Mezhdunar. nauch.-prakt. konf*. [International pedagogical lexicography of theory and practical study for high school. II International Practical Conference]. Moscow, MPGU Publ., 2001, 78 p.

8. Retsker Ya.I. *Teoriya perevoda i perevodcheskaya praktika* [Theory of translation and practical translation]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya Publ., 1974, 81 p.

9. *Sistema perevoda teksta Magic Goody dlya Windows. Rukovodstvo pol'zovatelya* [System translation of the text Magic Goody for Windows]. St. Petersburg, Comp. «Promt», 1999.

10. Filinov E.N. *Istoriya mashinnogo perevoda* [The history of machine translation]. Available at: course-work.ru.

MAMMEDOVA ZHALA – Doctoral Student, Linguistic Institute of named after I.Nasimi of Azerbaijan National Academy of Sciences; Working as an English Instructor at the Department of Foreign languages in Sumgait State University, Azerbaijan Republic, Sumgait (doctorant.amea@mail.ru).

Формат цитирования: *Маммедова Ж.Э.* Перспективы и проблемы компьютерной лексикографии // Вестник Чувашского университета. – 2018. – № 2. – С. 261–267.

УКК 81: 39
ББК 82.3 (2РОС)[Чув.]3

В.Г. РОДИОНОВ

СЕМАНТИЧЕСКАЯ И ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ СТРАТИФИКАЦИЯ НАЗВАНИЙ ДОМАШНИХ ДУХОВ-ПОКРОВИТЕЛЕЙ В ЧУВАШСКОЙ МИФОЛОГИИ

Ключевые слова: *духи-покровители, мифологические термины, реконструкция, свадебное жилище, мотив прядения.*

В эпоху матриархата и тотемизма в жилище прототюрков утвердился культ родового огня, который выражался в поклонении Огню жилища и рода. Хозяйкой огня в очаге, затем и жилища в целом, была женщина. По мере укрепления в чувашском обществе патриархальных отношений, возвышения положения мужчины как главы семьи появился новый термин (Вутăш). Трансформируясь в условиях христианизации (во второй половине XVIII в.), термин стал означать «благотворное божество воды». Пребывая в воде, оно делало ее полезной (питьевой) из-за своего огненного начала. Сварив свадебный суп, невеста освящала воду своим родовым огнем. Мифологический термин Хĕрт-сурт реконструируется в такой последовательности: хĕр çуртă > хĕр-çурт «жилище невесты с родовыми атрибутами родителей невесты» > Хĕрт-çурт > Хĕрт-сурт «Дух-хозяйка огня и жилища» > «Покровитель дома и семьи», а также «Прядильщица [невеста-дочь Верховного Бога]». По сравнению с отдельными якутскими образами духов-покровителей чувашский Хĕрт-сурт выполнял функции как духа-хозяина дома, так и снохи небесного происхождения (мотив прядения).

Проблемы реконструкции традиционной духовной культуры народа тесно соприкасаются с историей развития лексики и семантики слов языка. В условиях отсутствия письменных источников они нередко являются единственными достоверными фактами, на основе которых ученый ретроспективно может восстановить эволюционную последовательность и осуществить хронологическую стратификацию отдельных элементов культуры, в данном случае мифологических представлений того или иного этноса. Опираясь на лингвокультурологические и этнолингвистические методы и подходы, автор данной статьи написал ряд статей, в которых, на наш взгляд, успешно стратифицированы некоторые названия чувашских мифологических образов и терминов [9–13]. Настоящая публикация относится к этой же серии научных разработок. В данном случае автор намерен реконструировать историю сложения и изменения ряда домашних духов-покровителей (очага, жилища, семьи, рода).

На основе анализа лексики прототюркского языка мы подтвердили следующую гипотезу ученых: в ледниковый период палеолитический человек выживал в пещере, там же он занимался охотой (на пещерного медведя) [10. С. 307]. Как известно, в тюркских языках названия жилища и охоты имеют одинаковые формы (различаются лишь по твердости или же мягкости звуковых рядов): *av*/*ab* «охота» и *ev*/*eb* «жилище, становище». Для нас в данном случае более важен другой факт: основной фигурой, хозяйкой в этом древнем жилище была женщина (*evči* «женщина, жена» < *ev* «дом, юрта, помещение» + *či* «имя деятеля» [4. С. 189]). Именно она распоряжалась очагом и с помощью огня (*ot*/*ut*) «окультуривала» сырые пищевые продукты, т.е. готовила еду для тех, кто пользовался его теплом и светом. В те доисторические эпохи матриархата родовым тотемом и прародителем являлся медведь, который формально считался супругом хозяйки пещерного очага. По этой причине в тюркских языках *aba* (< *apa*) имеет соответствующие значения: «отец»

(< «мать»), «родственники по отцу» (< «родственники по матери») и «медведь» [14. С. 54–57, 158–159]. В чувашском языке (в диалекте верховых чувашей) сохранились самые ранние лексические формы прототюрков: *опа* «медведь» и *апи* (*апа* + *и* «звательная форма»)*, апай* (*апа* + *ай* «звательная форма») «мать». Параллельно с последними лексическими единицами существовало слово *ама* «самка», «мать», восходящее к пратюркскому *ене* «мать» [14. С. 278–281]. Оно проникло в чувашский язык, скорее всего, в эпоху патриархата вместе с его тюркской парой *ata* «отец» (женской линии значений в данном слове, как утверждается лингвистами, почти нет [14. С. 201]). Термин патриархального общества *amu*/*amme* «отец» постепенно оттеснило в сторону более раннюю форму *аçа* (*еči* < *evči* «самец», «отец»).

Итак, тюркские термины родства отражают переход от тотемистического материнского рода к отцовскому, т.е. от каменного века к бронзовому, патриархальному семейно-родовому культу предков. По утверждению специалистов, вышеописанная смена эпох произошла в Прибайкалье в XVIII–XIII вв. до н.э. [7. С. 95]. К концу бронзового века в Забайкалье появляются могилы прототюрков (в науке их называют плиточными могилами) с характерным для родового строя культа предков. На рубеже II–I тысячелетий до н. э. от западных восточноиранских племен они начали активно осваивать опыт экстенсивного скотоводческого хозяйственно-культурного типа производящей экономики. В результате симбиоза западной части прототюрков и восточноиранских племен образовался новый этнос, называвшийся огурами (именно они являются первыми носителями современного чувашского языка).

Анализируемый чувашский лексический материал показывает, что в языке огуров и их потомков более ранние слои культуры прототюрков сохранились лучше, чем в языках пратюрков (огузов). К ним следует отнести самые древние мифологические термины-теонимы *Ама* «самка», «праматерь» и *Аçа* «самец». «праотец» [12. С. 36–37]. Дух огня, наиболее древний и близкий к человеку мифологический персонаж у прототюрков, несомненно, имел женское начало. На это указывают дошедшие до нас его названия в языках народов Сибири. Исследователями они переводятся как «Мать-огонь» [15. С. 47, 49; 17. С. 137; 19. С. 368, 370, 380–383;] или «Дева-мать», «Богиня Огня» [19. С. 376]. Лишь в мифологии якутов Дух-хозяин теплого огня (*Аал уот иччитэ*) имел образ седого деда-старика [20. С. 178]. Данное отличие можно объяснить тем, что в культуре якутов сильные патриархальные отношения смогли максимально трансформировать и усложнить более ранние традиции тюрков-скотоводов. Дух дома непосредственно связан с духом огня. Он являлся одновременно и духом семьи [3. С. 232]. Здесь следует особо отметить, что из двух покровителей жилища, по утверждению исследователей, дух-хозяин дома считается более поздним образованием: дух огня > дух-хозяин жилища [3. С. 231].

Подобное усложнение системы домашних духов-покровителей произошло и в чувашской мифологии. Здесь немаловажную роль играла и смена хозяйственно-культурных типов (скотоводство > земледелие), и переход от древнеогурского политеизма к народно-исламскому монотеизму (чувашскому неоязычеству) и христианству [11. С. 312; 12]. До XX в. в виде отдельных осколков былой целостной системы дошли следующие чувашские названия домашних духов-покровителей: *Ылрă Вут ама* «Святая Мать-огонь», *вучахри Вут* «Огонь в очаге»; *Вутăш* 1) «название водяного духа»; 2) «дух, летающий к вдове в образе Огненного змея (*Вĕре çĕлен*)»; 3) «злой дух, любящий щекотать чело-

века»; 4) «дух огня» [1. Вып. 5. С. 284–286]; *Вут йышĕ* «семья *Вут*» (*Вут* «Огонь», *Вут амăшĕ* «Мать Огня», *Вут Ашшĕ* «Отец Огня» [1. Вып. 5. С. 278]). К ним же следует отнести *Хĕрт-сурт* «дух, охраняющий дом и живущий рядом с печкой» и, очевидно, *тӳр*, зафиксированный в «Древнетюркском словаре» (*tör*) как «место против входа, почетное место» [4. С. 580]. Его разновидности известны под названием *Йĕрĕх*.

Предположение о том, что наиболее древним вариантом чувашского названия духа огня является *Ылă Вут ама* «Святая Мать-огонь» (иногда только *Вут*), подтверждается не только историко-генетическими, но и типологическими сравнениями с материалом этносов с более архаичного уровня развития. Например, как отмечают исследователи семейной обрядности народов Сибири, обязательной частью нганасанской свадьбы было приобщение жениха к огню матери невесты (у тюрков, в том числе и у чувашей, к огню нового очага приобщалась прежде всего невеста). По устоявшимся традициям огонь (по-нганасански *Ту-нями* «Огонь-мать») всегда принадлежал женщине – хозяйке чума, он наследовался только женщинами и только по женской линии. Когда молодые в поселении жениха устанавливали свой чум, невеста должна была зажечь новый очаг «живым огнем», привезенным от материнского очага. «Огонь-мать, мать матери моей!», – обращалась молодая жена к огню, разжигая первый раз костер в своем новом чуме [15. С. 47–49].

Это самый древний, изначальный вариант названия и семантики духа огня в жилище. По мере укрепления в обществе патриархальных отношений, возвышения положения мужчины как главы малой семьи появился новый термин *вутăш*, который образовался, скорее всего, от лексем *вут* «огонь» + *ăш* (< *ăшĕ*) «то, что находится внутри домашнего *вут*» (по модели *карта* «огороженное место для скота» + *ăш* «то, что находится внутри» > *карташ*/*картиш* «то, что находится внутри огороженного места для скота»). Здесь следует отметить, что в чувашском языке *вут* означало и семью: *кил-вут* «домашний очаг, семья» [1. Вып. 6. С. 210]. Термин *Вутăш* предполагает наличие в его семантике, кроме *Вут ама*, еще и *Вут аҫа* «Огонь-отец». Логичнее считать, что этот дополнительный мифологический персонаж мог сложиться только в условиях преобладания в обществе патриархальных отношений. Примечательно то, что такая трансформация в чувашской мифологии не смогла вытеснить название архаичного духа *Ылă Вут ама* и его первичную семантику [1. Вып. 5. С. 416–417]. На наш взгляд, этому в определенной степени способствовала и мифология соседей: удмуртов, марийцев и мордвы. Но, по утверждению лингвистов, терминология обновленной чувашской религии, в том числе и мифологии, проникали в культуры финно-угров региона значительно интенсивнее.

Н.И. Золотницкий полагал, что чувашский мифологический образ *Вутăш* проник в марийские диалекты в формах *Вадыш* (горное наречие) и *Водыж* (луговое наречие) «дух-хозяин, владелец какого-либо места» [5. С. 42–44]. По утверждению Л.С. Тойдыбековой, самым сильным из всех духов считался *Тул водыж* «Дух огня». Он служил посредником между людьми и божествами во всех молениях, в которых употреблялся огонь [16. С. 41]. Исследователи до настоящего времени не находят причин изменения семантики данного термина как в чувашском, так и марийском языках. Очевидно, термин проник в марийский язык в значении «дух конкретного объекта/субъекта». Например, *Кӳртньо водыш* у марийцев означает «Дух железа», и данным словосочетанием называли духа умершего смелого воина [16. С. 143]. Разрушение пер-

вичной семантики чувашского термина необходимо связать с влиянием русской мифологии (образа русалки) и массовой христианизацией народа в 1740-е гг. Уже к 1783 г., как писал Т.К. Масленицкий, чуваши приносили жертву благотворному божеству воды *Вутăш*, который, пребывая в воде, делал ее полезной (питьевой). Следует полагать, что *очищение воды духами огня* совершалось путем жертвоприношения испеченных на огне мучных продуктов из нового урожая. Невесты приобщались к родовой (питьевой) воде, как известно, сварив свой первый суп (*çĕн çын яшки*) в доме жениха (готовый суп в котле – результат освящения воды огнем). Самые ранние источники сообщают, что жертвоприношение *Вутăш* совершалось во время *чӳклеме* «жертвоприношение новым урожаем хлеба». В неосвященной воде (в пруду, на неокультуренной территории) хозяйничал уже *Шыври* (*Турă*) «Водяной дух». Жертву *Вут Ама* в те годы приносили, как и раньше, в жилом доме перед горнушкой печи [8. С. 481–505].

Итак, вышеприведенные факты указывают на возможные этапы трансформации семантики *вутăш*: «очищающие огнем духи» (> мар. «дух») > «очищающий питьевую воду дух» (значение пункта 1 из вариантов семантики *вутăш*). В XVIII – начале XX вв. данный мифологический образ продолжал активно разрушаться, обретая при этом не свойственные ему свойства и качества. Так, местами он превратился то в *Арçури* (значение пункта 3), то в *Вĕре çĕлен* (значение пункта 2).

Как уже было отмечено, в названии *вутăш* подразумевается целая семья духов. В больших водоемах обитали старшие и крупные духи, а в родниках – малые и совершенно безобидные. Аналогичным образом следует понимать и словосочетание *Вут йышĕ* «семья *Вут*». Следует полагать, что последний термин (*Вут йышĕ*) утвердился в результате постепенной потери первой лексемы (*вутăш*) своего изначального значения (само слово *йыш* является заимствованием из какого-то тюркского языка, но не татарского).

Наиболее загадочным по происхождению духом в чувашской мифологии является *Хĕрт-сурт*/*Хĕрт-сут*, который имеет несколько этимологических объяснений: *хĕр* «девушка» + араб. *зат* «особа» (Н.И. Ашмарин); *хĕр* «девушка» + *сӳрет* «вид», «образ», «фигура» (В.Г. Егоров) [6. С. 300]. М.Р. Федотов очень осторожно указывает на марийские слова *ширт* «дух» и *сырт* «фея», «лесная красавица», одно из которых, по мнению ученого, вполне могло составить первоначальную основу *сурт* [18. Т. 2. С. 346]. Автор данной статьи раньше предполагал, что название данного мифологического персонажа образовано от слов *хĕр* «девушка» и *шут* (< удм. *шуд* «счастье») [12. С. 194]. Как известно, второе слово в удмуртском языке считается заимствованным (удмуртские ученые его считают восходящим к авестийскому «радость, счастье», «удовольствие» [2. С. 276]), а в чувашском языке данной формы вообще нет. Между тем в татарском лексиконе имеется аналогичное слово (*шат*) с близким значением: «веселый, радостный, довольный». Конечно, можно допустить, что в удмуртском *шуд* скрывается предполагаемое булгарское *шут* с теми же татарскими и удмуртским значениями. Но данная этимология слишком натянута, она построена на основе многих допущений и предположений.

Вышеизложенные этимологические разработки не имеют научной основы по той причине, что в них не осуществлена реконструкция исходного значения термина, а также восстановление возможных путей его семантической эволюции. Прежде всего следует выявить семантические группы, связанные

с персонажем *Хĕрт-сурт*, затем путем сравнительного (лингвистического, этнографического, культурологического) метода определить первичную семантику термина. Лишь после сравнения результатов этих методов следует заняться этимологией данного мифологического термина, при этом упорно преодолевая фонетические, морфологические и семантические препятствия, возникающие в его историческом объяснении. Здесь обязательно следует учитывать и частотность употребления того или другого значения, общераспространенность или локальность его использования.

Основные семантические группы лексемы *Хĕрт-сурт*:

1. «Хозяйка дома; охраняющая избу и надворные строения (от огня, воды, ненавистных врагов)». Местом ее постоянного нахождения является печка (очаг). Лишь в одном варианте *Хĕрт-сурт* обитает в хлеву, а на печке живет ее мать.

2. «Покровитель дома, членов семьи и домашних животных (лошади, коровы)». Представляется домашним в образе старушки в белом чувашском одеянии (в сурбане) или же девушки.

3. «Помогающая семье в домашнем хозяйстве (убирает в избе, прядёт) и в поле (жнет)». Членам семьи по ночам представляется больше всего в образе прядильщицы.

4. «Присутствие в доме Хĕрт-сурт приносит семье счастье и уют, уход – несчастье и разорение».

5. «*Хĕрт-сурт* – божество красоты и порядка» [1. Вып. 17. С. 56–60].

Во всех семантических группах обнаруживается связь мифологического персонажа с женским родовым началом. Ему приносили жертву, как сообщают источники, только женщины. В этом плане большой интерес представляют молитвословия и действия во время приобщения невесты к огню и воде рода жениха на свадьбе (*çĕн çын яшки* «суп нового человека», т.е. невесты). Участвующие в процессе вышеназванной части свадебного обряда, угостившись сваренным невестой супом, клали несколько монет на печку и произносили следующие слова: *Çак кинĕн Хĕрт-сурчĕ çак киле-çурта килсе вырăн йышăнтăр* «Да поселится в этом доме *Хĕрт-сурт* нашей снохи» [1. Вып. 17. С. 59].

В начале статьи на материале сибирских народов мы описали некоторые традиции приобщения невесты к духам огня и воды рода жениха. Некоторые сохранившиеся элементы древнего чувашского свадебного обряда (начало свадьбы и переодевание невесты, а также проведение первой ночи молодоженов в амбаре) позволяют утверждать, что еще в далекие скотоводческие эпохи у предков чувашей, как и у всех тюрков, на свадьбе ставили отдельное свадебное жилище. У алтайцев и хакасов он назывался *алаичик*, *алачых*, что соответствует чувашскому *лаçă* (*улаçă*) «холодное бревенчатое строение», «летнее жилище», «лачуга» [1. Вып. 8. С. 54]. На родине рода жениха эту юрту ставили для остановки поезжан со стороны невесты. Первая брачная ночь молодоженов тоже проходила в этом временном жилище. Там огонь в очаге зажигали, следует полагать, как и сибирские тюрки, привезенный из очага дома невесты. Хозяйкой огня и всего жилища являлась невеста, ее приданое тоже хранилось там же. Название данного жилища выходящей замуж *хĕр* («девушка», «невеста») вполне могло звучать как *хĕр çурчĕ* (< *хĕр çуртă*) «жилище (дом) невесты». Со временем дом невесты заменил амбар во дворе родителей жениха. Это конкретное название специально для молодых поставленной свадебной юрты в плане семантики эволюционировало, следует

полагать, в такой последовательности: «жилище невесты с родовым огнем» > «Дух-хозяйка жилища» > «Покровитель дома и семьи». Значения первых трех пунктов семантических групп лексемы *Хĕрт-сурт* полностью совпадают с хронологической последовательностью семантической эволюции термина. Семантика пятого пункта (божество красоты и порядка) образована в самое позднее время, в таком значении слово *сырт* известно горным марийцам [18. Т. 2. С. 346].

Чувашское *çурт* восходит, как известно, к общетюркскому *yurt*, его старейшее значение – «пространство земли, достаточное для содержания той или другой кочевой единицы, участок земли на кочевье». В чувашском *çурт* М.Р. Федотов выделяет такие значения: «строение (изба, сруб, конюшня и пр.)», «двор со всеми относящимися к нему постройками» [18. Т. 2. С. 144–145]. Лексему *çуртри*, упоминаемую в молитвословии *Мăн чӳк* «большое жертвоприношение», Н.И. Ашмарин неверно перевел как «домовой» [1. Вып. 12. С. 274]. Здесь и в словосочетании *Çуртри аслă киремет* она означает «место покинутого (старого) жилища, поселения». Не случайно в названиях чувашских поселений *Кив çурт* означает материнскую, зачастую покинутую, деревню. В словосочетании *хĕр çурчĕ* изначально, несомненно, присутствовало значение «покинутая земля (дом) родителей девушки». Об этом напоминала не только *Вут ама*, но и специальные куклы и ветки, называемые *Йĕрĕх* и передаваемые по женской линии (данному мифологическому персонажу будет посвящена отдельная статья, по этой причине здесь он не рассматривается).

Семантическую реконструкцию термина подтверждает и анализ причин того или иного фонетического изменения. Переход *çурт* в *сурт* следует объяснить артикуляционным облегчением (с целью образования велярного ряда фонем в слове), а добавление фонемы *т* в конце *хĕр* – приданием словосочетанию формы однозвучных парных слов (типа *тимĕр-тăмăр* «металлы»). Учет семантики термина и этнографических фактов позволяет реконструировать такую последовательность мифологического термина *Хĕрт-сурт*: *хĕр çуртă* > *хĕр-çурт* «жилище невесты с родовыми атрибутами родителей невесты» > *Хĕрт-çурт* > *Хĕрт-сурт* «Дух-хозяйка огня и жилища» > «Покровитель дома и семьи».

Выше мы как бы мимоходом затронули проблему усложненной системы духов-покровителей дома в якутской мифологии. Там с духом-хозяином огня мирно соседствовал дух-хозяин жилого дома, который показывался в виде жеребца, иногда старой женщины. На левой стороне дома жил дух *Ньаадьи*, дочь *Улуу Тойон* «Великого Грозного Господина», т.е. одного из обитателей верхнего мира. Она однажды спустилась на землю и поселилась у людей, стала покровительствовать детей и телят, иными словами, стала покровительницей дома и семьи [20. С. 122]. По другим источникам, *Ньаадьи* является дочерью хозяина дома.

Чувашская покровительница *Хĕрт-сурт*, как и якутский дух-хозяин дома, показывалась в образе старой женщины, она, как и *Ньаадьи*, покровительствовала дому и семье, в том числе и скотному двору. По сведениям Н.И. Золотницкого, прекрасная дочь марийского *Кого-Юма*, не имея на небе женихов и пася на земле небесную скотину, познакомилась с молодцем и осталась жить на земле [5. С. 37]. В другой легенде дочь бога Юма сидит на мировом столбе наподобие прялки, ее веретено приводит в движение звезды мироздань [16. С. 54]. Думается, подобная легенда, существовавшая еще в древнетюркском мире, имелась и у чувашей, но со временем она исчезла, наибо-

лее полно сохранилась в мифологии якутов и соседей чувашей (горных марийцев). По сравнению с отдельными якутскими образами духов-покровителей чувашский *Хĕрт-сурт* выполнял функции как духа-хозяина дома, так и снохи небесного происхождения (прядение).

Завершая семантическую и хронологическую стратификацию группы терминов, непосредственно связанных с огнем в очаге жилища, следует особо выделить следующие положения:

1. В эпоху матриархата и тотемизма в жилище прототюрков утвердился культ родового огня, который выражался в поклонении Огню жилища и рода.

2. Наиболее древним вариантом чувашского названия духа огня является *Ылрă Вут ама* «Святая Мать-огонь», которая наследовалась и передавалась по женской линии. Поэтому хозяйкой огня в очаге, затем и жилища в целом была женщина.

3. По мере укрепления в чувашском обществе патриархальных отношений, возвышения положения мужчины как главы семьи появился новый термин (*Вутăш*), но женщина по-прежнему осталась хозяйкой домашнего огня (печки).

4. Термин *Вутăш* проник в марийский язык в значении «дух конкретного объекта/субъекта». Трансформируясь в условиях христианизации (во второй половине XVIII в.), слово стало означать «благотворное божество воды». Пребывая в воде, оно делало ее полезной (питьевой) из-за своего огненного начала. Сварив свадебный суп, невеста освящала воду своим родовым огнем.

5. Учет семантики термина и этнографических фактов позволяет реконструировать последовательность эволюции мифологического термина: *Хĕрт-сурт*: *хĕр çуртă* > *хĕр-çурт* «жилище невесты с родовыми атрибутами родителей невесты» > *Хĕрт-çурт* > *Хĕрт-сурт* «Дух-хозяйка жилища» > «Покровитель дома и семьи», а также «Прядильщица [невеста-дочь Верховного Бога]». По сравнению с отдельными якутскими образами духов-покровителей чувашский *Хĕрт-сурт* выполнял функции как духа-хозяина дома, так и снохи небесного происхождения (мотив прядения).

Литература и источники

1. *Ашмарин Н.И.* Словарь чувашского языка. Чăваш сăмахĕсен кĕнеки. Казань; Чебоксары: Чувашгосиздат, 1928–1950. Вып. 1–17.

2. *Владыкин В.Е.* Религиозно-мифологическая картина мира удмуртов. Ижевск: Удмуртия, 1994. 384 с.

3. *Деревянко Е.И.* Племена Приамурья. I тысячелетие нашей эры (Очерки этнической истории и культуры). Новосибирск: Наука, 1981. 333 с.

4. Древнетюркский словарь. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1969. 676 с.

5. *Золотницкий Н.И.* Избранные труды / сост. В.Г. Родионов. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2007. 528 с.

6. *Егоров В.Г.* Этимологический словарь чувашского языка. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1964. 355 с.

7. *Михайлов Т.М.* Из истории бурятского шаманизма (с древнейших времен по XIII в.). Новосибирск: Наука, 1980. 320 с.

8. *Никольский Н.В.* Собрание сочинений. Т. 1. Труды по этнографии и фольклору чувашского народа. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2004. 527 с.

9. *Родионов В.Г.* История сложения чувашской заговорной формулы «Прибыл заморский исцелитель» // Традиционная культура народов Поволжья: материалы IV Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием (13–15 февраля 2018 г.). Казань: ИХЛАС, 2018. С. 336–346.

10. *Родионов В.Г.* Семантические сдвиги лексем, связанных с этапами сложения художественного сознания прототюрков // Вестник Чувашского университета. 2017. № 2. С. 305–310.

11. *Родионов В.Г.* Хронологическая стратификация названий духов предков и святых в чувашской народной религии // Вестник Чувашского университета. 2017. № 4. С. 311–321.

12. *Родионов В.Г.* Чувашский этнос: исследования по этнологии и мифопоэтике / ЧГИГН. Чебоксары, 2017. 324 с.

13. *Родионов В.Г.* Этимология и трансформация семантики названия образа змея-покровителя в чувашской мифологии // Вестник Чувашского университета. 2016. № 4. С. 238–244.

14. *Севортян Э.В.* Этимологический словарь тюркских языков (общетюркские и межтюркские основы на гласные). М.: Наука, 1974. 767 с.

15. Семейная обрядность народов Сибири (опыт сравнительного изучения). М.: Наука, 1980. 240 с.

16. *Тойдыбекова Л.С.* Марийская мифология. Этнографический справочник. Йошкар-Ола: МПИК, 2007. 310 с.

17. Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Пространство и время. Вещный мир / *Э.Л. Львова, И.В. Октябрьская, А.М. Сагалаев, М.С. Усманова*. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1988. 225 с.

18. *Федотов М.Р.* Этимологический словарь чувашского языка: в 2 т. / ЧГИГН. Чебоксары, 1996. Т. 1. 470 с.; Т. 2. 509 с.

19. Фольклор саянских тюрков XIX века. Из собрания Н.Ф. Катанова: в 2 т. М.: Новый ключ, 2003. Т. 1. 576 с.

20. *Эргис Г.У.* Очерки по якутскому фольклору. М.: Наука, 1974. 402 с.

РОДИОНОВ ВИТАЛИЙ ГРИГОРЬЕВИЧ – доктор филологических наук, профессор кафедры чувашской филологии и культуры, Чувашский государственный университет, Чебоксары, Россия (vitrod1@yandex.ru).

V. RODIONOV

SEMANTIC AND CHRONOLOGICAL STRATIFICATION OF HOME PATRON SPIRITS' NAMES IN THE CHUVASH MYTHOLOGY

Key words: *patron spirits, mythological terms, reconstruction, wedding house, spinning motive.*

The cult of the ancestral fire which was expressed in the worship of home-and- family Fire, established in prototurkic people's house in the era of matriarchy and totemism. The mistress of fire in the hearth and later of the house in general was a woman. With patriarchal relations strengthening in the Chuvash society and with raising a man's status as a head of the family, a new term (Wutash) appeared. This term transforming in the conditions of Christianization (in the second half of the XVIII century) began to mean "a beneficial deity of water". Its staying in water made the water useful (drinking) thanks to its fiery origin. Having cooked the wedding soup, a bride consecrated the water with her ancestral fire. The mythological term Hert-surt is reconstructed in the following order: her-surta > her-surt «bride's house with patrimonial attributes of the bride's parents" > Hert-surt "Spirit-mistress of fire and dwelling" > "Patron of the house and the family", as well as "Spinner [bride-daughter of the Supreme God]". In comparison with individual Yakut images of patron spirits, the Chuvash Hert-surt performed the functions of a spirit-master of the house and the daughter-in-law of heavenly origin (the spinning motive) as well.

References

1. Ashmarin N.I. *Slovar' chuvashskogo yazyka* [Chuvash language dictionary]. Kazan, Cheboksary, Chuvash Publishing House, 1928–1950, vol. 1–17.

2. Vladykin V.E. *Religiozno-mifologicheskaya kartina mira udmurtov* [Religious and mythological picture of the Udmurt world]. Izhevsk, Udmurtiya Publishing House, 1994, 384 p.

3. Derevyanko E.I. *Plemena Priamur'ya. I tysyacheletie nashei ery. Ocherki etnicheskoi istorii i kul'tury* [Tribes of the Amur Region. I millennium AD. Essays on ethnic history and culture]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1981, 333 p.

4. *Drevnetyurkskii slovar'* [Old Turkic dictionary]. Leningrad, Nauka Publ., 1969, 676 p.

5. Rodionov V.G., comp., Zolotnitskii N.I. *Izbrannye trudy* [Selected Works]. Cheboksary, Chuvash University Publ., 2007, 528 p.

6. Egorov V.G. *Etimologicheskii slovar' chuvashskogo yazyka* [Etymological dictionary of the Chuvash language]. Cheboksary, Chuvash Publishing House, 1964, 355 p.

7. Mikhailov T.M. *Iz istorii buryatskogo shamanizma (s drevneishikh vremen po XIII v.)* [From the history of Buryat shamanism (from ancient times through the XIII century)]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1980, 320 p.

8. Nikol'skii N.V. *Sobranie sochinenii. T. 1. Trudy po etnografii i fol'kloru chuvashskogo naroda* [Collected works. Vol. 1. Works on ethnography and folklore of the Chuvash people]. Cheboksary, Chuvash Publishing House, 2004, 527 p.

9. Rodionov V.G. *Istoriya slozheniya chuvashskoi zagovornoi formuly «Pribyl zamorskii istselitel'»* [History of the addition of the Chuvash conspiracy formula «The Overseas Healer Has Arrived»]. *Traditsionnaya kul'tura narodov Povolzh'ya: materialy IV Vseros. nauch.-prakt. konf. s mezhdunar. uchastiem* [Proc. of Rus. Sci. Conf. with International Participation «Traditional Culture of the Peoples of the Volga Region»]. Kazan, IKhLAS Publ., 2018, pp. 336–346.

10. Rodionov V.G. *Semanticheskie sdvigi leksem, svyazannykh s etapami slozheniya khudozhestvennogo soznaniya prototyurkov* [Semantic shifts of lexemes associated with the stages of addition of artistic consciousness of the prototurks]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta*, 2017, no. 2, pp. 305–310.

11. Rodionov V.G. *Khronologicheskaya stratifikatsiya nazvanii dukhov predkov i svyatykh v chuvashskoi narodnoi religii* [Chronological stratification of the names of spirits of ancestors and saints in the Chuvash folk religion]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta*, 2017, no. 4, pp. 311–321.

12. Rodionov V.G. *Chuvashskii etnos: issledovaniya po etnologii i mifopoetike* [Chuvash ethnos: research on ethnology and mythopoethics]. Cheboksary, 2017, 324 p.

13. Rodionov V.G. *Etimologiya i transformatsiya semantiki nazvaniya obraza zmeya-pokrovitelya v chuvashskoi mifologii* [Etymology and transformation of the semantics of the name of the image of the serpent-protector in the Chuvash mythology]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta*, 2016, no. 4, pp. 238–244.

14. Sevortyan E.V. *Etimologicheskii slovar' tyurkskikh yazykov (Obshchetyurkskie i mezhtyurkskie osnovy na glasnye)* [Etymological dictionary of Turkic languages (Common Turkic and inter-Turkic bases on vowels)]. Moscow, Nauka Publ., 1974, 767 p.

15. *Semeinaya obryadnost' narodov Sibiri (opyt sravnitel'nogo izucheniya)* [Family ritual of the peoples of Siberia (experience of comparative study)]. Moscow, Nauka Publ., 1980, 240 p.

16. Toidybekova L.S. *Mariiskaya mifologiya. Etnograficheskii spravochnik* [Mari mythology. Ethnographic reference book]. Yoshkar-Ola, 2007, 310 p.

17. L'vova E.L., Oktyabr'skaya I.V., Sagalaev A.M., Usmanova M.S. *Traditsionnoe mirovozzrenie tyurkov Yuzhnoi Sibiri. Prostranstvo i vremya. Veshchnyi mir* [Traditional world view of the Southern Siberia Turks. Space and time. Real world]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1988, 225 p.

18. Fedotov M.R. *Etimologicheskii slovar' chuvashskogo yazyka: v 2 t.* [Etymological dictionary of the Chuvash language. 2 vols.]. Cheboksary, 1996, vol. 1, 470 p.; vol. 2, 509 p.

19. *Fol'klor sayanskikh tyurkov XIX veka. Iz sobraniya N.F. Katanova: v 2 t.* [Folklore of the Sayan Turkic people of the XIX century. From the collection of N.F. Katanova. 2 vols.]. Moscow, Novyi klyuch Publ., 2003, 576 p.

20. Ergis G.U. *Ocherki po yakutskomu fol'kloru* [Essays on the Yakut folklore]. Moscow, Nauka Publ., 1974, 402 p.

RODIONOV VITALIY – Doctor of Philological Sciences, Professor of Chuvash Philology and Culture Department, Chuvash State University, Russia, Cheboksary (vitrod1@yandex.ru).

Формат цитирования: *Родионов В.Г.* Семантическая и хронологическая стратификация названий домашних духов-покровителей в чувашской мифологии // Вестник Чувашского университета. – 2018. – № 2. – С. 268–276.

УДК 811.111’367/37
ББК 123.34

Р.Н. САЛИЕВА, Н.В. КОНОПЛЕВА, И.Т. ИСХАКОВА

ТИПЫ СООТВЕТСТВИЙ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ (ЭКВИВАЛЕНТЫ, АНАЛОГИ) В АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ В СМИ В РАЗДЕЛЕ ‘ПОЛИТИКА’

***Ключевые слова**: фразеологическая единица, фразеологическое соответствие, эквивалентность, фразеологический эквивалент, фразеологический аналог, семантический уровень, структурно-грамматический уровень, компонентный состав.*

В статье сопоставляются фразеологические единицы, отобранные из средств массовой информации в политическом секторе в английском и русском языках. Языковые единицы детально анализируются на семантическом, структурно-грамматическом, компонентном и контекстуальном уровнях. Целью исследования являются выявление фразеологических соответствий и определение степени эквивалентности фразеологических единиц при переводе их в двух отдаленно родственных языках. Научная новизна заключается в том, что впервые делается попытка проанализировать и сопоставить фразеологические микросистемы двух языков в одном из важных, актуальных и популярных секторов в СМИ – политическом. Перспективными для исследования явились такие методы, как метод фразеологической идентификации, метод фразеологического описания, метод словарных дефиниций, метод компонентного анализа, сопоставительно-типологический метод, позволившие изучить, описать, сопоставить и предъявить материал, основываясь на главных понятиях фразеологической теории. Выполнение таких задач, как отбор фразеологизмов, детальный структурно-грамматический и компонентный анализ, раскрытие контекстных смысловых связей фразеологизмов, использование соответствующих методов, привело к достижению главного результата исследования – выявлению следующих типов межъязыковых фразеологических отношений: полный и частичный эквивалент, полный и частичный аналог. Представленный материал имеет практическую значимость. Выявление и понимание степени фразеологической эквивалентности облегчают восприятие фразеологических единиц реципиентом; способствуют более адекватному их переводу. Выявленные межъязыковые сходства и различия могут способствовать более успешному изучению и преподаванию фразеологии в родном и изучаемом языках. Сравнительный и сопоставительный анализ фразеологических отношений, характеристика этих отношений при употреблении ФЕ в СМИ, контекстуальный перевод ФЕ позволили выявить такие типы межъязыковых соответствий, как полные и частичные эквиваленты; полные и частичные аналоги. Это имеет большое значение для четкого понимания особенностей родного и иностранного языков. Дальнейшее более полное изучение межъязыковых фразеологических соответствий в англоязычных и русскоязычных СМИ может являться перспективой исследования. Сделан главный вывод о том, что из числа исследованных ФЕ употребление полных и частичных аналогов является более активным, а использование полных и частичных эквивалентов является ограниченным.

Целью данной статьи является выявление фразеологических полных и частичных эквивалентов, а также полных и частичных аналогов в английском и русском языках. Для достижения поставленной цели проводился анализ фразеологических соответствий в разделе «политика» в англоязычных и русскоязычных СМИ.

Известны различные точки зрения ученых относительно типов перевода ФЕ с одного языка на другой. В.Н. Комиссаров, анализируя перевод образных ФЕ, выделяет три типа соответствий в переводимом языке (далее ПЯ): 1) фразеологические эквиваленты – ФЕ в ПЯ, совпадающие с ФЕ исходного языка (далее ИЯ) по всем параметрам; 2) фразеологические аналоги – ФЕ, совпа-

дающие по семантике и стилистической направленности, но с иной образностью; 3) соответствия-кальки – калькирование ФЕ [8. С. 181].

Л.К. Байрамова учитывает стилистический, лексический, синтаксический и морфологический уровни в исследовании межъязыковых фразеологических соответствий и выделяет следующие их типы:

1) абсолютные тождественные фразеологические эквиваленты (совпадение по семантике, стилю, лексическому составу, грамматическим формам и синтаксической структуре);

2) полные фразеологические эквиваленты (совпадение по семантике, стилю, лексическому составу при частичном совпадении на морфологическом и синтаксическом уровнях);

3) неполные или частичные фразеологические эквиваленты (частичное совпадение объема значения ФЕ ИЯ и ПЯ);

4) фразеологические аналоги (совпадение по смыслу и по стилю при минимальном совпадении на лексическом и синтаксическом уровнях);

5) заимствованные фразеологизмы (совпадение на семантическом, стилистическом, фонетическом уровнях).

К нефразеологическим способам перевода ФЕ Л.К. Байрамова относит фразеологическое калькирование, т.е. пословный, покомпонентный или описательный перевод [5. С. 20].

Некоторые классификации способов перевода ФЕ основываются на словарном материале. Я.И. Рецкер и В.Н. Комиссаров так же, как и А.В. Федоров, отмечают, что лучшим способом передачи образной фразеологии является «использование соответствующего фразеологизма в русском языке» [9, 12]. Однако данное применение не всегда эффективно, поскольку ни один словарь не может предусмотреть употребление ФЕ в контексте.

Э. Бялэк ввела понятие «привлекательности текста». Привлекательность исходного текста создается за счет его экспрессивно-стилистических характеристик, а также художественного замысла автора. Таким же требованиям должен удовлетворять и перевод. Ради равноценной передачи смысла и экспрессивного заряда оригинала при переводе требуется выбор адекватных языковых средств [6. С. 82].

В процессе перевода одновременно сопоставляются и обогащаются два языка, каждый из которых имеет свою специфику и национальный колорит. Именно поэтому следует учитывать особенности оригинала текста и, соответственно, передать перевод.

Согласно мнению Е.Ф. Арсентьевой, для выявления степени соответствия фразеологических единиц между ИЯ и ПЯ ФЕ могут сопоставляться на таких языковых уровнях, как семантический, структурно-грамматический и компонентный. Соответственно, исследуемые ФЕ можно разделить на следующие классы:

1) эквиваленты (полные и частичные);

2) аналоги (полные и частичные);

3) безэквивалентные единицы [2, 3].

Научная новизна исследования состоит в том, что впервые анализируются отношения и степень эквивалентности фразеологических единиц в политическом секторе СМИ в двух отдаленно родственных языках.

В статье сопоставляются фразеологические единицы, отобранные из средств массовой информации по теме «политика», на семантическом, струк-

турно-грамматическом и компонентном уровнях. Выявляется степень эквивалентности при поиске фразеологических соответствий в английском и русском языках.

Вопросы перевода фразеологической единицы являются существенными, поскольку вызывают немало сложностей, обоснованных различием стиля, смысла и сочетаемости слов. Не каждый перевод фразеологических единиц является полноценным воспроизведением подлинника. Однако эта сложность раскрывает специфичность ФЕ.

При всем разнообразии фактов, влияющих на перевод ФЕ, в переводческой практике используется ограниченный набор приемов передачи фразеологизмов. Способы перевода ФЕ исследовались в работах по теории и практике перевода, сопоставительных и фразеологических исследованиях зарубежных исследователей: M. Baker, S. Bassnett, M. Davies, A.A. Naciscione, A. Tytler, A. Veisbergs [13–15]; российских ученых: А.В. Кунина, А.В. Федорова, Я.И. Рецкер, Л.С. Бархударова, В.Н. Комиссарова, Ю.В. Медведева, А.Д. Швейцер, Ю.П. Солодуб, В.С. Виноградова, С. Флорина и С. Влахова; ученых Казанской лингвистической школы: Е.Ф. Арсентьевой, Л.К. Байрамовой, Д.Н. Давлетбаевой, А.Р. Каюмовой, Р.А. Сафиной, Г.Р. Сафиуллиной и др. [5, 7, 10–13].

Перспективными для нашего исследования явились такие методы, как метод фразеологической идентификации, метод фразеологического описания, метод словарных дефиниций, метод компонентного анализа, сопоставительно-типологический метод, позволившие изучить, описать, сопоставить и предъявить материал, основываясь на главных понятиях фразеологической теории.

Результатом исследования стало выявление полных и частичных эквивалентов, полных и частичных аналогов.

Рассмотрим и определим степень сходства исследуемых нами ФЕ в английском и русском языках в контексте.

ФЕ считаются *полными эквивалентами* в случае полного совпадения с оригиналом по всем показателям: в денотативном и коннотативном макрокомпонентах, на структурном (грамматическом и компонентном) уровне и в сходстве образов, лежащих в их основе. Компоненты коннотативного макрокомпонента (оценочный, эмотивный, экспрессивный и функционально-стилистический) должны совпадать с оригиналом ФЕ.

Приведем пример полного фразеологического эквивалента. Из новостей на английском языке:

«If they *hadn't played a constructive role*, we would not have had an agreement with Iran», Kerry said.

(Оригинал новости RT на английском: https://www.rt.com/usa/338726-kerry-praises-russia-rolesyria, дата публикации: 07.04.2016).

Перевод в русском языке: «Если бы они не сделали этого, если бы они *не сыграли конструктивную роль*, у нас бы не было соглашения с Ираном», – подчеркнул Керри.

(Оригинал новости RT на русском: https://russian.rt.com/article/157571, дата публикации: 07.04.2016).

Структурно-грамматическая организация фразеологических единиц ИЯ и ПЯ полностью совпадают: они построены по модели v + adj + n; автор перевода грамматически сохраняет отрицательное значение, совершенный вид и

прошедшее время компонентов в английском языке: компоненты *hadn't played* передает компонентами *не сыграли* в русском. Следует отметить, что ФЕ *play the role* и *играть роль* и в русском, и в английском имеют идентичные сигнификативно-денотативные макрокомпоненты значений 'очень сильно воздействовать на что-либо'. Обе ФЕ имеют одинаковую сему экспрессивности благодаря интенсификаторам значения: *очень* и *сильно*. Таким образом, мы выявили степень соответствия фразеологических единиц между ИЯ и ПЯ, сопоставив их на таких языковых уровнях, как семантический, структурно-грамматический и компонентный.

Частичные эквиваленты при сопоставлении в двух языках имеют следующие характеристики: полное совпадение на уровне сигнификативно-денотативного и коннотативного макрокомпонентов фразеологического значения; различия на структурно-грамматическом уровне (число, порядок слов и т.д.); различия на компонентном уровне; полное совпадение, либо частичное расхождение образов. Частичный фразеологический эквивалент обнаружен нами в контексте при переводе следующего примера с английского языка на русский:

«We need to advocate for it. We need to make our economy more competitive and involved in global competition. Only then will we confidently *stand on our feet»*, Peskov stressed.

(Оригинал новости RT на английском: https://www.rt.com/news/337335-russia-anglo-saxon-media-war, дата публикации: 27.03.2016).

Перевод: «Нужно ратовать за это, нужно сделать так, чтобы экономика была конкурентоспособной и участвовала в глобальной конкуренции. Только тогда мы будем уверенно *стоять на ногах*», – сказал Песков.

(Оригинал новости ВЕДОМОСТИ на русском: https://www.vedomosti.ru/politics/ news/2016/03/26/635217-peskov, дата публикации: 26.03.2016).

ФЕ английского языка *stand on one's own feet*, построенная по модели V + on + pron + N, имеющая значение 'стоять на ногах (или стать на ноги), быть (или стать) независимым, материально обеспеченным', и ФЕ русского языка *стоять на ногах*, построенная по модели V + on + N со значением 'быть самостоятельным, не нуждаться в чьей-либо поддержке', имеют частичное соответствие в структуре. В ФЕ английского языка есть компонент – притяжательное местоимение *one's own*, который отсутствует в русском языке. Следует отметить, что два фразеологизма основаны на одном образе. Оба фразеологизма имеют в структуре компонент *ноги* (в английском – *feet*), который означает 'неотъемлемую часть человеческого тела' и может замещать самого человека, выполняя роль опоры и устойчивости.

Символичная функция слова *ноги* усиливается за счет компонента-усилителя значения *уверенно* в русском и *confidently* в английском. Данные ФЕ распространены в политической сфере деятельности человека и выступают как символ самостоятельности и независимости.

Рассмотрим пример частичного фразеологического эквивалента. Из новостей на английском языке:

«If they *hadn't played a constructive role,* we would not have had an agreement with Iran», Kerry said.

(Оригинал новости RT на английском: https://www.rt.com/usa/338726-kerry-praises-russia-role-syria, дата публикации: 07.04.2016).

Перевод в русском языке: «Если бы они не сделали этого, если бы они *не сыграли конструктивную роль*, у нас бы не было соглашения с Ираном», – подчеркнул Керри.

(Оригинал новости RT на русском: https://russian.rt.com/article/157571, дата публикации: 07.04.2016).

Структурно-грамматические организации ИЯ и ПЯ частично не совпадают. Автор перевода грамматически сохраняет отрицательное значение, совершенный вид и прошедшее время компонентов в английском языке: *hadn't played* одним компонентом в русском: *сыграли*. Следует отметить, что ФЕ *play the role* и *играть роль* и в русском, и в английском имеют идентичные сигнификативно-денотативные макрокомпоненты значений 'очень сильно воздействовать на что-либо'. Обе ФЕ имеют одинаковую сему экспрессивности благодаря интенсификаторам значения: *очень* и *сильно*.

«Частичные эквиваленты не означают какой-либо неполноты в передаче значения, а лишь лексическое, грамматическое или лексико-грамматические расхождения или наличие одинакового значения, одной и той же стилистической направленности: у них может быть иная морфологическая соотнесенность, могут быть небольшие изменения синтаксического построения» [4. С. 143].

Пример, приведенный далее, показывает, что фразеологизм имеет частичное расхождение на лексическом уровне.

«Politicians in Holland worry, they say this is what in Holland is called *the long arm of Ankara*, meaning that the government in Ankara tries to get a grip on their diaspora communities in various European countries».

(Оригинал новости RT на английском: https://russian.rt.com/article/159880, дата публикации: 21.04.2016).

Перевод: «Информация об этом вызвала негодование в парламенте Нидерландов. Это *длинная рука Эрдогана*, это абсолютно неприемлемо», – приводит ТАСС заявление депутата Социалистической партии Нидерландов Саде Карабулута.

(Оригинал новости RT на русском:https://www.rt.com/news/340541-turkey-netherlands-critics report/, дата публикации: 21.04.2016).

Обычно ФЕ *the (long) arm of* используется с существительным, как в ФЕ *the (long) arm of law* (А.В. Кунин, 1984, А-328), и имеет значение 'рука правосудия'. Однако, сравнивая ФЕ в ИЯ *the (long) arm of Ankara* и ФЕ в ПЯ "Это *длинная рука Эрдогана*", мы находим отличия в компонентном составе: *Ankara* и *Эрдоган*, которые, будучи именами собственными, называют город и человека; имеют схожесть образов, поскольку Анкара – это столица Турции и Эрдоган – это фамилия действующего президента Турции. Особый интерес представляет образ, заложенный в русском и английском фразеологизмах: *длинная рука* и *the long arm*, который означает желание дотянуться и контролировать любого, кто подвергает критике Турцию и Эрдогана.

Мы не наблюдаем расхождений на грамматическом уровне. В английском фразеологизме *the long arm of Ankara* предлог *of* как компонент передает значение русского родительного падежа. В русском языке ФЕ *длинная рука Эрдогана* не имеет такого компонента, но имеет окончание *-а* в компоненте *Эрдоган*, свидетельствующее о наличии родительного падежа во II склонении. Таким образом, мы проиллюстрировали частичный эквивалент.

Фразеологизмы считаются **полным аналогом** в случаях совпадения значения оригинала ФЕ со значением ФЕ в другом языке на уровне сигнифи-

кативно-денотативного макрокомпонента. При этом возможны различия в структурно-грамматической организации, компонентном составе, образной основе и функционально-стилистической принадлежности.

Рассмотрим пример полного фразеологического аналога: *tempest in a teapot* и *буря в стакане воды*.

По мнению некоторых исследователей, первоисточник этой фразы – латинская поговорка *excitare fluctus in simpulo*, имеющая значение 'поднимать волну в черпаке'. ФЕ русского и английского языков имеют одинаковую словарную дефиницию ‘волнения, споры из-за пустяков’. Мы не обнаруживаем отличия на грамматическом уровне, однако отличия присутствуют в компонентном составе: *a teapot* и *стакан воды*. Обратимся к толковому словарю Ушакова, в котором выявляем значения данных компонентов и находим точку пересечения их значений. В английском фразеологизме компонент *teapot* имеет значение 'сосуд с ручкой и носиком для заварки чая или для кипячения воды'; в русском языке компонент *стакан* имеет значение ‘стеклянный сосуд для питья цилиндрической формы без ручки, обычно вмещающий около трети бутылки’. Общим ключевым словом значений компонентов является слово ‘сосуд’. Оба фразеологизма имеют эмосему *ирон.* (ироничное), что достигается благодаря наличию компонента *буря* со значением ‘на материке, сильный ветер с грозой и дождем; на море, иногда один только жестокий и продолжительный ветер при сильном волнении', что, конечно, не может происходить в стакане воды и в русском, и английском языках. Английский и русский фразеологизмы относятся к разговорному стилю.

Следующий пример также иллюстрирует полную аналогичность фразеологизмов. Английский фразеологизм *cheek by jowl*, имеющий значение 'рядом; локоть к локтю', можно перевести фразеологизмом *бок о бок* со значением 'рядом'. Оба фразеологизма имеют одинаковую структурно-грамматическую организацию, построены по модели noun + prep + noun.

Значение оригинальной ФЕ совпадает со значением ФЕ в другом языке на уровне сигнификативно-денотативного макрокомпонента. Это значение 'рядом'. При этом обнаруживаются различия в компонентном составе: в английской ФЕ берутся слова *щека* и *скула* друг друга, которые находятся рядом, а в русской ФЕ слово *бок* со значением 'две стороны, две части', которые находятся рядом. Образы, лежащие в основе, схожи по своему местонахождению (рядом) и функционально-стилистической принадлежности.

В **частичных аналогах** прослеживается частичное совпадение в сигнификативно-денотативном и коннотативном значении макрокомпонентов, структурно-грамматической организации, компонентном составе и образе фразеологизмов.

Проанализируем пример частичного аналога. Информация на английском языке:

«Erdoğan, a master of the political and personal grievance rarely admits mistakes. And he can quickly *fly off the handle*».

(Оригинал новости the guardian на английском, дата публикации: 07.03.2016).

Перевод: «Эрдоган – мастер политической и личной обиды, редко признает ошибки. Он может легко *слететь с катушек*».

(Оригинал на русском: https://russian.rt.com/article/152586, дата публикации: 08.03.2016).

ФЕ английского языка *fly off the handle* имеет дефиницию ‘вспылить, потерять самообладание, выйти из себя, погорячиться, сорваться [первонач. амер.]’. Русская ФЕ *слететь с катушек* имеет дефиницию ‘сойти с ума; потерять контроль над собой’. Два фразеологизма относятся к классу глагольных; на компонентном уровне присутствует частично одинаковая лексема: в английском языке – фразовый глагол, состоящий из двух компонентов *fly off* со значением ‘сорваться; потерять контроль, управление; поспешно убегать; уклоняться’; в русском языке один компонент – глагол *слететь* со значением 'сорваться; потерять контроль, самообладание'. Структурно-грамматические модели совпадают: английская ФЕ имеет структуру V + prep + n, русская ФЕ в ПЯ имеет структуру V + prep + n. Мы не находим ничего общего в компонентах, лежащих в основе образа: *the handle* переводится словом *рукоятка* со значением ‘часть ручного инструмента, за которую его держат. Рукоятка молотка. Рукоятка кинжала’ и слово *катушка* со значением ‘небольшой деревянный, полый внутри цилиндр с кружками на концах для наматывания на него тесьмы, ниток, проволоки’. Однако предлоги *off* и *с* указывают на удаление или отделение от чего-либо, тем самым создают частичную схожесть образов. Так, если рукоятка от топора отлетает, то это может привести к непредсказуемым последствиям, поскольку слетевший в сторону топор такой же непредсказуемый, как и потерявший контроль над собою человек. Ровно так же, как слетевшая с катушки нить, нарушает работу ткацкого производства, слетевший с катушки человек перестает действовать адекватно, теряет контроль над собой. Оба фразеологизма имеют отрицательную оценочность и принадлежат к классу разговорных единиц.

Частичным аналогом мы также считаем следующий пример:

«He went on to say that terrorists that are going to Europe is part of Turkish policy, and Turkey keeps getting a slap on the hand, but they *get off the hook*».

(Оригинал новости RT на английском: https://www.rt.com/news/337252-sas-libya-king-abdullah, дата публикации: 25.03.2016).

Иорданский монарх отмечает: «Тот факт, что террористы направляются в Европу, является частью турецкой политики, и Турцию за это бьют по рукам, но ей *всё сходит с рук*».

(Оригинал новости RT на русском: https://russian.rt.com/article/155542, дата публикации: 26.03.2016).

Английская ФЕ *be off the hook* имеет дефиницию ‘сорваться с крючка, избежать опасности’; русский фразеологизм *сходить* / *сойти с рук* имеет значение ‘оставаться безнаказанным (о действиях, поступках кого-либо, обычно предосудительных)’. Образы у данных ФЕ различны, однако нам удалось найти частичное совпадение. В основе английского фразеологизма заложена метафора: человек, подобно рыбе, пойманной на *крюк* (в английском – компонент hook), подпадает под контроль рыбака, тем самым лишаясь свободы действия. В английском предложении предлог *off* указывает на удаление или отделение от чего-либо. Так, рыба, сорвавшаяся с крюка, снова независима и вольна в своих действиях, ей все сходит с рук. Оба фразеологизма имеют отрицательную коннотацию, употребляются в разговорной речи; структурная организация совпадает, поскольку ФЕ в ИЯ и ПЯ построены по модели: V + prep + N. Внутренняя форма и образность ФЕ совпадают частично, не полностью, что при переводе позволяет отнести ФЕ к так называемым частичным фразеологическим аналогам.

В процессе сопоставления фразеологизмов семантический критерий был основным для разграничения английской и русской ФЕ. В результате поиска и анализа сходств или различий компонентов структуры фразеологического значения, лексического состава и структурно-грамматической организаций сопоставляемых единиц мы выделили два типа фразеологических отношений: эквивалент (полный и частичный) и аналог (полный и частичный).

В основе полных эквивалентов мы обнаружили полные соответствия в образах ФЕ; в сигнификативно-денотативном, коннотативном значениях; на структурно-грамматическом уровне. Частичные эквиваленты различаются на компонентном уровне и в структурно-грамматической организации.

Характерными признаками полных аналогов является соответствие ФЕ на сигнификативно-денотативном макрокомпоненте значения и субъективно-оценочном компоненте коннотации. Что касается частичных аналогов, то они имеют частичное совпадение образов, сигнификативно-денотативный макрокомпонент значения и субъективно-оценочный компонент коннотации в двух языках.

Исследованный материал выявил тот факт, что ФЕ существенно наполняют язык СМИ. Мы проанализировали способы передачи значений ФЕ и обнаружили, что, несмотря на различие двух языков, перевод, максимально приближенный к ИЯ, возможен с использованием эквивалентов и аналогов в ПЯ.

Практика показывает, что выявление и понимание степени фразеологической эквивалентности облегчают восприятие фразеологических единиц реципиентом; способствует более адекватному их переводу, поскольку является более уверенным и безошибочным. Выявленные межъязыковые сходства и различия могут способствовать более успешному изучению и преподаванию фразеологии в родном и изучаемом языках.

Перспективой исследования может явиться более полное изучение использования фразеологизмов в политическом секторе в англоязычных и русскоязычных СМИ. Дальнейший сравнительный и сопоставительный анализ межъязыковых фразеологических соответствий, характеристика этих отношений при употреблении их в СМИ, контекстуальный перевод ФЕ будут иметь большое значение для четкого понимания особенностей родного и иностранного языков, что будет способствовать более адекватному переводу.

Выводы. Выявление, описание и детальный анализ межъязыковых фразеологических отношений в СМИ в двух отдаленно родственных языках позволяют сделать вывод о том, что из числа исследованных ФЕ в СМИ в политическом секторе в большем количестве употребляются полные и частичные аналоги, в ограниченном количестве используются полные и частичные эквиваленты.

Источники

1. *Бирих А.К.,* Мокиенко В.М., Степанова Л.И. Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник. СПб., 2001. С. 318.

2. *Даль В.И.* Толковый словарь живаго великорускаго языка [Электронный ресурс]. URL: http://slovardalja.net/word.php?wordid=35152.

3. *Кунин А.В.* Англо-русский фразеологический словарь. М.: Рус. яз., 1984. 944 с.

4. *Маккей А., Ботнер М.Т., Гейитс Дж.И.* Словарь американских идиом. СПб.: Лань, 1997. 458 с.

5. *Михельсон М.И.* Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии. Сборник образных слов и иносказаний. Т.Т. 1–2. Ходячие и меткие слова. Сборник русских и ино-

странных цитат, пословиц, поговорок, пословичных выражений и отдельных слов. СПб., тип. Ак. Наук, 1896–1912.

6. *Телия Е.Н.* Большой фразеологический словарь русского языка. М.: АСТ-Пресс, 2006.

7. *Фёдоров А.И.* Фразеологический словарь русского литературного языка. М.: Астрель, АСТ, 2008.

8. *Шанский Н.М, Быстрова Е.А, Окунева А.П.* Учебный фразеологический словарь. М.: АСТ, 1997.

Литература

1. *Арсентьева Е.Ф.* Контекстуальное использование фразеологических единиц. Казань: Хэтер, 2009. 168 с.

2. *Арсентьева Е.Ф.* Русская и сопоставительная филология 2008 / Казан. гос. ун-т, филол. ф-т. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2008. 176 с.

3. *Арсентьева Е.Ф.* Сопоставительный анализ фразеологических единиц, семантически ориентированных на человека, в русском и английских языках и вопросы создания русско-английского словаря: дис. …д-ра филол. наук. Казань, 1993. 322 с.

4. *Артемова А.Ф.* Английская фразеология: Спецкурс. 2-е изд., испр. и доп. М.: Высш. шк., 2009. 208 с.

5. *Байрамова Л.К.* Фразеология и перевод // Фразеология и синтаксис. Казань: Изд-во Казан. ун-та,1982. С. 3–42.

6. *Бялэк Э.* О критерии привлекательности в переводе // Девятые Федоровские чтения. Университетское переводоведение: материалы IX Междунар. науч. конф. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2008. С. 82.

7. *Каюмова А.Р.* Фразеологический повтор и его функциональная значимость (на материале произведений У. Коллинза) // Вестник Чувашского университета. 2010. № 2. С. 180–185.

8. *Комиссаров В.Н.* Современное переводоведение. М.: ЭТС,1999. 192 с.

9. *Коммисаров В.Н., Рецкер Я.И., Тархов В.И.* Пособие по переводу с английского на русский. М.: Высш. шк., 1960. Ч. 1.

10. *Кунин А.В.* Курс фразеологии современного английского языка. 5-е изд., перераб. М.: Высш. шк.; Дубна: Феникс, 2005. 488 с.

11. *Медведев Ю.В.* Фразеологические единицы в английских поэтических текстах и русских переводах: дис. … канд. филол. наук. Казань, 2007. 183 с.

12. *Федоров А.В.* Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы). СПб.: Филологический ф-т СПбГУ; М.: Филология три, 2002. 406 с.

13. *Davletbaeva D.N., Smirnova E.A.* Conceptual knowledge in the interpretation of IDIOMS. *Journal of Language and Literature*, 2015, vol. 6, iss. 1, pp. 240–243.

14. *Naciscione A.* Chapter XII. Extended Metaphor in the Web of Discourse. In: Gibbs R.W., Jr., ed. Mixing Metaphor. Amsterdam, Philadelphia, John Benjamins Publishing Company, 2016, pp. 241–266.

15. *Naciscione A.* Phraseological Units in Discourse: Towards Applied Stylistics. Riga, Latvian Academy of Culture, 2001.

САЛИЕВА РИММА НАИЛЬЕВНА – кандидат филологических наук, доцент кафедры германской филологии, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Россия, Казань (sargus5@yandex.ru).

КОНОПЛЕВА НАТАЛЬЯ ВЯЧЕСЛАВОВНА – кандидат филологических наук, доцент кафедры языковой и межкультурной коммуникации, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Россия, Казань (natali.konopleva@mail.ru).

ИСХАКОВА ИЛЬМИРА ТАХИРОВНА – преподаватель английского языка, Московский образовательный центр «Okey English», Россия, Москва (mir.home@bk.ru).

R. SALIEVA, N. KONOPLEVA, I. ISKHAKOVA

TYPES OF EQUIVALENCY IN PHRASEOLOGICAL UNITS (PHRASEOLOGICAL EQUIVALENT, PHRASEOLOGICAL ANALOGUE) IN MASS MEDIA IN THE SECTION OF POLITICS IN THE ENGLISH AND THE RUSSIAN LANGUAGES

***Ключевые слова**: phraseological unit, phraseological equivalency, phraseological equivalence, phraseological equivalent, phraseological analogue, semantic level, grammatical structure of meaning, componental structure.*

The article compares phraseological units taken from the political sector of mass media in the English and Russian languages. Language units are analyzed at semantic, structural-grammatical, componental and contextual levels. The aim of the study is to reveal phraseological equivalency and to determine the levels of PUs equivalency while translating them within two remote cognate languages. Scientific novelty consists in the attempt to compare and analyze phraseological microsystems of the two languages in one of most important, challenging and popular sections in mass media – the political section. The method of phraseological identification, the method of phraseological description, the method of dictionary definition, a componental analysis method, a contrastive typological method were high-potential for the study, allowing to examine, describe, compare and present material, basing on the main concepts in the theory of phraseological theory. Performing such tasks as selection of phraseological units, detailed structural-grammatical and componental analysis, revealing contextual linkages of meaning in phraseologisms, the use of relevant methods led to achieving the main results of the study – identification of the following types of cross-language phraseological relations: full and partial equivalents, full and partial analogues. The presented material is of practical significance. Identification and understanding the degree of phraseological equivalence facilitate perception of phraseological units by a recipient; contribute to their better translation. Identified interlingual similarities and differences may contribute to more successful studying and teaching phraseology in the native and target languages. Comparative and contrastive analysis of phraseological relations, characteristics of these relations when using phraseological units in mass media, contextual translation of phraseological units made it possible to reveal such types of cross-language correspondences as full and partial equivalents; full and partial analogues. It has a great importance for clear understanding peculiarities of the native and a foreign language. Further more detailed studying cross-language phraseological correspondences of English and Russian mass media could be a prospect for research. The main conclusion consists in that among studied phraseological units the use of full and partial analogues is more active and the use of full and partial equivalents is limited.

References

1. Arsenteva E.F. *Kontekstual'noe ispol'zovanie frazeologicheskix edinic* [Contextual use of phraseological units]. Kazan, Kheter Publ., 2009, 168 p.

2. Arsenteva E.F. *Russkaya i sopostavitel'naya filologiya* [Russian and comparable philology]. Kazan, Kazan State University Publ., 2008, 176 p.

3. Arsenteva E.F. *Sopostavitel'nyi analiz frazeologicheskikh edinic, semanticheskiorientirovannykh na cheloveka, v russkom i angliiskikh yazykakh i voprosy sozdaniya russko-angliiskogo slovarya: dis. … d-ra filolog. nauk* [Comparative analysis of phraseological units that are semantically oriented to humans, in the Russian and English languages and questions of creating a Russian-English dictionary. Doct. Diss.]. Kazan, 1993, 322 p.

4. Artemova A.F. *Angliiskaya frazeologiyan* [English phraseology]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 2009, 208 p.

5. Bairamova L.K. *Frazeologiya i perevod* [Phraseology and translation]. Kazan, Kazan State University Publ., 1982, pp. 3–42.

6. Byalek E. *O kriterii privlekatel'nosti v perevode* [About the attractiveness criterion in translation]. In: *Devyatye Fedorovskie chteniya. Universitetskoe perevodovedenie* [The Ninth Fedorov Readings, University translation studies]. St. Petersburg, 2008, p. 82.

7. Kayumova A.R. *Frazeologicheskii povtor i ego funkcional'naya znachimost' (na materiale proizvedenii U. Kollinza)* [Phraseological repetition and its functional meaningfulness (on material of works by W.Collinz]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta*, 2010, no. 2, pp. 180–185.

8. Komissarov V.N. *Sovremennoe perevodovedenie* [Modern translation studies]. Moscow, 1999, 192 p.

9. Kommisarov V.N., Recker Ya.I., Tarxov V.I. *Posobie po perevodu s angliiskogo na russkii* [A manual for translation from English into Russian]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1960, part 1.

10. Kunin A.V. *Kurs frazeologii sovremennogo angliiskogo yazyka. 5-e izd.* [Course phraseology of modern English. 5th ed.]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., Dubna, Feniks Publ., 2005, 488 p.

11. Medvedev Yu.V. *Frazeologicheskie edinicy v angliiskikh poe'ticheskikh tekstakh i russkikh perevodakh: dis. … kand. filol. nauk* [Phraseological units in English poetic texts and Russian translations. Doct. Diss.]. Kazan, 2007, 183 p.

12. Fedorov A.V. *Osnovy obshhej teorii perevoda (lingvisticheskie problemy)* [Fundamentals of the general theory of translation (linguistic problems)]. St. Petersburg, Moscow, Filologiya tri Publ., 2002, 406 p.

13. *Davletbaeva D.N., Smirnova E.A.* Conceptual knowledge in the interpretation of IDIOMS. *Journal of Language and Literature*, 2015, vol. 6, iss. 1, pp. 240–243.

14. *Naciscione A.* Chapter XII. Extended Metaphor in the Web of Discourse. In: Gibbs R.W., Jr., ed. Mixing Metaphor. Amsterdam, Philadelphia, John Benjamins Publishing Company, 2016, pp. 241–266.

15. *Naciscione A.* Phraseological Units in Discourse: Towards Applied Stylistics. Riga, Latvian Academy of Culture, 2001.

SALIEVA RIMMA – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of Department of Germanic Languages, Kazan Federal University, Russia, Kazan (sargus5@yandex.ru).

KONOPLEVA NATALIA – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of Department of Languages and Intercultural Communication, Kazan Federal University, Russia, Kazan (natali.konopleva@mail.ru).

ISKHAKOVA ILMIRA – a Teacher of English, Moscow Educational Center "Okey English", Russia, Moscow (mir.home@bk.ru).

Формат цитирования: *Салиева Р.Н., Коноплева Н.В., Исхакова И.Т.* Типы соответствий фразеологических единиц (эквиваленты, аналоги) в английском и русском языках в СМИ в разделе 'политика' // Вестник Чувашского университета. – 2018. – № 2. – С. 277–287.

УДК 811.111'255.2=512.111
ББК Ш12=432.1*7=635.1

А.И. ТРУКОВА

О ЛЕКСИЧЕСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЯХ ПРИ ПЕРЕВОДЕ ПОЭТИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ

Ключевые слова: *проблемы перевода, поэтический текст, трансформации, сравнительный анализ.*

Многие исследователи, лингвисты, языковеды занимались проблемами перевода поэтических текстов. Л.С. Бархударов, Л.С. Гончаренко, Ю.Н. Караулов, А.В. Федоров рассматривали теоретические аспекты перевода поэзии. Ученые отмечали, что поэтические произведения обладают особой спецификой, которая может стать камнем преткновения в процессе перевода. Исследование трансформаций является традиционным в курсе теории и практики перевода. Тем не менее все больше работ посвящено особенностям перевода с одного языка на другой. Однако вопросы перевода с английского языка на чувашский на сегодняшний день остаются неисследованными. В статье представлены результаты изучения лексических трансформаций при переводе оригинальных сонетов У. Шекспира на чувашский язык. На примере переводов рассматриваются виды и особенности лексических трансформаций. Отмечается, что их применение обусловлено различиями между языками оригинального и переводного текстов.

Сегодня, чтобы познакомиться с иностранной литературой, необязательно владеть иностранным языком, на котором написано произведение. Литературное наследие практически всех стран мира стало доступным благодаря мастерам художественного перевода – переводчикам. Народы и их культуры имеют возможность обмениваться знаниями, мыслями и чувствами.

Перевод художественных произведений значительно отличается от других видов перевода. В процессе работы переводчику необходимо сосредоточиться на трансформации атмосферы речевого творчества и специфики исходного текста, пренебрегая устойчивыми формулами и семантикой слов. Эстетический эффект достигается автором художественного перевода за счет использования соответствующих языковых средств: рифмы, ритмики, аллитерации. В этом случае перевод будет представлять собой настоящее искусство [4].

Великолепная плеяда литературных деятелей, которые переводили художественные произведения с языков европейских, восточных, азиатских стран – Н.В. Гербель, Н.И. Гнедич, В.А. Жуковский, И.И. Козлов, М.Ю. Лермонтов, С.Я Маршак и многие другие – обогатила русскую литературу. Чувашская литература значительно обогатилась в результате переводческой деятельности Г.Н. Айги, А.В. Васильева (Э. Турхан), К.В. Иванова, Н.А. Петровского (Н. Теветкел), И.Я. Яковлева, П.П. Хузангая и др.

Читая переведенное с иностранного языка произведение, мы воспринимаем его смысл, эмоции героев, не задумываясь о том, сколько труда и какие усилия приложил переводчик в процессе перевода, чтобы сохранить смысл и передать эмоции этого произведения. Необычайно высокая смысловая «нагруженность» каждого слова объясняет сложность перевода художественных текстов. Переводчик не только транслирует произведение с одного языка на другой, он создает его смысловое содержание заново, имея отличные от оригинального автора видение мира, способы осознания и отражения мира. Раз-

личие культур, к которым принадлежат языки оригинального и переводного текстов, также усложняет процесс перевода [2].

Еще более сложной задачей является перевод произведений на язык малочисленного народа, в частности на чувашский язык. В данном случае перевод выполняется с помощью русского языка-посредника.

Адекватность перевода обеспечивается за счет использования языковых средств языка, на который выполняется перевод. Сложность перевода обусловлена лексическими, грамматическими, стилистическими и другими различиями между языками оригинального и переводного текстов, вследствие чего возникает необходимость применения всевозможных трансформаций в процессе переводческой деятельности. Лексические, грамматические и стилистические трансформации являются наиболее распространенными видами [1].

К основным типам лексических трансформаций, применяемым в процессе перевода, относятся конкретизация, генерализация, модуляция, транскрипция и транслитерация, калькирование. Наиболее распространенными грамматическими трансформациями являются грамматические замены, дословный перевод, членение и объединение предложений. Антонимический перевод, описательный перевод и компенсация являются видами комплексных лексико-грамматических трансформаций [5]. Суть стилистических трансформаций сводится к изменению стилистической окраски переводимых единиц. Функционирование стилистических приемов в речи различно, несмотря на то, что в разных языках они совпадают.

Особенности общепринятого употребления средств выражения, которые закреплены нормами языка оригинального текста и языка, на который текст переводится, а также обусловленные специфическим контекстом особенности их применения в определенной разновидности речи лежат в основе трансформаций [7].

Как правило, переводчики неосознанно применяют то или иное переводческое преобразование. Тем не менее существуют причины, обуславливающие применение трансформаций.

Г.М. Стрелковский считает, что информация, исходящая от отправителя, воспринимается переводчиком в виде конкретных речевых текстов, в которых происходит реализация коммуникативного намерения. В процессе передачи коммуникативного намерения отправителя происходит преобразование речевого текста одного языка в речевой текст другого. Точность перевода, которую определяет функциональная тождественность, а не точное соответствие между единицами этих языков, является важным требованием. Перевод может считаться точным, если он обеспечил функциональную тождественность речевого отрезка, а также эквивалентность оригинального и переводного текстов [9].

Таким образом, трансформации способствуют достижению функциональной тождественности текста оригинала тексту перевода.

Л.К. Латышев более развернуто объясняет применение преобразований, предлагая термин «коммуникативная компетенция». Данная компетенция представляет собой комплекс предпосылок, определяющих осуществление языковой коммуникации. На реакцию человека на текст влияют не только семантика и структура этого текста, но и определенные предпосылки, свойственные человеку для адекватного восприятия и интерпретации текста, привычки использовать те или иные языковые стандарты и стереотипы и, наконец, определенные предварительные знания, которые помогают понять, о

чем идет речь. Если у получателя текста отсутствует необходимая предварительная информация, слова становятся понятными, а суть сказанного остается непонятной. Несоответствие текста привычным речевым стандартам может быть как положительным, так и отрицательным явлением. Непривычное изложение текста в результате коммуникативной некомпетентности может препятствовать успешной коммуникации [7].

Недостаточная коммуникативная компетенция отвлекает внимание от содержания и приводит к «необычности» текста. Следовательно, он становится сложным для восприятия. Таким образом, соотношение свойств текста с коммуникативной компетенцией его читателя определяет степень воздействия, которое произведение оказывает на адресата. Регулятивное воздействие текста в переводе обеспечивается в случае аналогии (приблизительного равенства) между соотношением свойств текста перевода с коммуникативной компетенцией носителя языка, на который он переводится, и соотношением свойств текста оригинала с коммуникативной компетенцией носителя языка оригинального текста. Неравенство между переводным и исходным текстами соответствует неравенству между коммуникативными компетенциями носителей переводящего и исходного языков. Переводчик создает данное неравенство, чтобы компенсировать неравенство между коммуникативными компетенциями, что приводит к эквивалентности регулятивного воздействия в результате относительного равенства двух соотношений [7].

Таким образом, необходимость трансформаций вызвана существенными расхождениями коммуникативных компетенций носителей переводящего и исходного языков и необходимостью их преодоления, чтобы регулятивное воздействие переводного и исходного текстов оказалось равноценным.

Остановимся на лексических трансформациях более подробно.

Необходимо отметить, что современная теория перевода достаточно подробно исследует вопросы лексических трансформаций. Однако их особенности при переводе с английского языка на чувашский остаются неисследованными. Мы попытаемся изучить вопросы лексических трансформаций при переводе сонетов У. Шекспира. Перевод всего свода Сонетов выполнен чувашским писателем, литературным переводчиком Н. Теветкелем.

Как отмечалось выше, группа лексических трансформаций представлена несколькими разновидностями. Рассмотрим их на конкретных примерах (табл. 1–3).

Таблица 1

1- и 2-й катрены Сонета 53: оригинал и перевод

Оригинал У. Шекспира	Перевод Н. Теветкеля
What is your substance, whereof are you made, That **millions of strange shadows** on you tend, Since every one hath, every one, one shade, And you, but one, can every shadow lend?	Сан йӑрӑс ӳт-пӗвӳ чӗнет, авкаланать – аптранӑ Сав Турри, тен, ӗнсине те хыҫӗ. Çын ӗмӗлки – пӗрре! Анчах та санӑн хыççӑн **тем чухлӗ ӗмӗлк**е эртелленсе чупать.
Describe **Adonis**, and the counterfeit Is poorly imitated after you; On **Helen**'s cheek all art of beauty set, And you in Grecian tires are painted new.	Эс скульптор куҫӗнче – **Адонис** ӗмӗлки: ун çамрӑк сӑнӗпе тӗлме тӗлех килетӗн. **Елена** илемне яш-кӗрӗме пиллетӗн – хӑвна та тепӗр чух ӑмсанӗ грек пики.

Генерализация – способ перевода лексической единицы путем замены единицы с более узким значением в тексте оригинала единицей, имеющей более широкое значение, в тексте перевода [3].

В первом катрене сонета У. Шекспир применил выражение *millions of strange shadows* (миллионы чужих теней). Н. Теветкел не счел необходимым уточнять количество и перевел на чувашский язык *тем чухлĕ ĕмĕлке (неизвестно, сколько теней)* (см. табл. 1).

Транслитерация – способ перевода лексической единицы путем графической передачи формы слова [3]. Географические названия и имена собственные, как правило, транслируются на другие языки при помощи транслитерации.

Во втором катрене данного сонета мы встречаемся с именами собственными *Adonis* и *Helen* (табл. 1). Несмотря на то, что фонетические и графические системы английского и чувашского языков отличаются друг от друга и формы слов исходного языка несколько условно и приблизительно передаются на языке перевода, переводчик транслитерировал данные имена собственные во вполне привычные для чувашского читателя *Адониса* и *Елену*.

Таблица 2

1-й катрен Сонета 54: оригинал и перевод

Оригинал У. Шекспира	Перевод Н. Теветкеля
O how much more doth **beauty beauteous seem**	«Илем» тени тасалăхпа йăлтам! –
By that sweet **ornament** which **truth doth give**!	**Тасалăх пулмасан илем ултавлă**.
The rose looks fair, but fairer we it deem	Хăй екисен вут-варкăшне йăлтах
For that sweet odour which doth in it live.	Памасть-и роза кăмăллăн, юравлăн?

В первом катрене данного сонета привлекает внимание применение антонимического перевода, в основе которого лежит формально-логическая категория контрадикторности (см. табл. 2). Антонимический перевод – это разновидность лексико-грамматической трансформации, предусматривающая замену утвердительной конструкции исходного текста отрицательной конструкцией в тексте перевода или наоборот [5]: *beauty beauteous seem by … ornament which truth doth give! (красота кажется красивее благодаря добродетели) – тасалăх пулмасан илем ултавлă (без добродетели красота обманчива).*

Таблица 3

1-, 3-й катрены и заключительное двустишие Сонета 55: оригинал и перевод

Оригинал У. Шекспира	Перевод Н. Теветкеля
Not marble, nor the gilded monuments	Пурне те хуплĕ вăхăтăн тусанĕ,
Of princes, shall outlive this powerful **rhyme**;	тĕпренĕ мрамор палăк, саркофаг.
But you shall shine more bright in these contents	Сан сăнупа çеç ĕмĕр çулçăланĕ
Than unswept stone besmear'd with sluttish time.	ман çамрăк кĕввĕме упран **строфа**.
'Gainst death and all-oblivious enmity	Эс манăçу авăрĕнче çĕтсессĕн –
Shall you pace forth; your praise shall still find room	туятăп! – вилĕм ĕсĕклĕ кичем.
Even in the eyes of all posterity	Ачан ачисемпе те утăн эсĕ
That wear this world out to the ending doom.	тĕнчен **Хăрушă Сучĕ** киличчен.
So, till the **Judgment** that yourself arise,	Чунпа ăс-хакăл çутипе унччен,
You live in this, and dwell in lover's eyes.	эппин, эс чĕрĕл темиçе хутчен.

В первом катрене встречается прием конкретизации: *rhyme (стихи)* **–** *строфа* (см. табл. 3). Прием конкретизации подразумевает замену лексической единицы исходного языка, имеющей более широкое значение, лексической единицей языка перевода с более узким значением [8]. Логические от-

ношения включения характерны для исходной лексической единицы и ее соответствия в переводе: слово или словосочетание текста оригинала представляет собой родовое понятие, а слово или словосочетание текста перевода – входящее в него видовое понятие. Конкретизация – лексическое преобразование, обратное генерализации.

В этом же сонете наблюдается использование калькирования наряду с лексическим добавлением: *Judgment (суд) – Хăрушă Сучĕ (страшный суд)* (см. табл. 3). Такой способ перевода, как калькирование, предусматривает замену составных частей лексической единицы оригинального произведения лексическими соответствиями в языке перевода [5]. В результате копирования структуры исходной лексической единицы создается новое слово или словосочетание в языке перевода. Прием лексических добавлений – способ перевода лексической единицы, для которого характерно использование в языке перевода единиц, отсутствующих в тексте исходного языка [1].

Поэтический текст обладает специфическими особенностями, которые могут вызвать затруднения в процессе перевода [6]. В данной работе были рассмотрены типы лексических трансформаций. Вышеприведенные примеры описывают некоторые из них: генерализация, транслитерация, конкретизация, калькирование, лексическое добавление, а также антонимический перевод, который является разновидностью лексико-грамматических трансформаций. При переводе художественных произведений переводчики прибегают к вышеперечисленным приемам, так как в конечном языке, в данном случае чувашском, отсутствуют эквиваленты тех или иных явлений или предметов.

Литература

1. *Бархударов Л.С.* Язык и перевод: вопросы общей и частной теории перевода. М.: ЛКИ, 2008. 235 с.

2. *Горбачевский А.А.* Оригинал и его отражение в тексте перевода. Челябинск: ЧГПУ, 2001. 202 с.

3. *Коломейцева Е.М., Макеева М.Н.* Лексические проблемы перевода с английского языка на русский. Тамбов: Изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 2004. 92 с.

4. *Комиссаров В.Н.* Современное переводоведение. М.: ЭТС, 2002. 424 с.

5. *Комиссаров В.Н.* Теория перевода (лингвистические аспекты). М.: Высш. шк., 1990. 253 с.

6. *Кузнецова Т.Н., Трукова А.И.* Немецкая поэзия: лингвистические и стилистические особенности перевода на чувашский язык // Современные исследования социальных проблем. 2017. Т. 9, № 1. С. 136–144.

7. *Латышев Л.К.* Технология перевода. М.: Академия, 2005. 320 с.

8. *Рецкер Я.И.* Теория перевода и переводческая практика. М.: Р. Валент, 2009. 240 с.

9. *Стрелковский Г.М., Латышев Л.К.* Научно-технический перевод. М.: Просвещение, 1980. 175 с.

ТРУКОВА АЛЕНА ИВАНОВНА – кандидат экономических наук, заведующая кафедрой иностранных языков № 1, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (alenatrukova@mail.ru).

A. TRUKOVA

LEXICAL TRANSFORMATIONS IN POETIC TEXTS TRANSLATION

Key words: *problems of translation, poetic text, translation transformations, comparative analysis.*

Many researchers and linguists were concerned with the problems of translating poetic texts. L.S. Barkhudarov, L.S. Goncharenko, Yu.N. Karaulov, A.V. Fedorov considered the

theoretical aspects in translating poetry. Scientists noted that poetic works had a specific nature, which could cause problems in the translation process. The study of transformations is traditional in the course of studying theory and practice of translation. Nevertheless, more and more works are devoted to the peculiarities of translation from one language to another. However, the issues of translation from English into Chuvash are still unexplored. The article presents the results of studying lexical transformations in the translation of the original sonnets by W. Shakespeare into the Chuvash language. Using the example of translations, the types and characteristics of lexical transformations are examined. It is noted that their use is due to the differences between the languages of the original and translated texts.

References

1. Barkhudarov L.S. *Yazyk i perevod: voprosy obshchei i chastnoi teorii perevoda* [Language and translation: questions od general and special theory of translation] Moscow, LKI Publ., 2008, 235 p.

2. Gorbachevskii A.A. *Original i ego otrazhenie v tekste perevoda* [Original and its reflection in the translated text]. Chelyabinsk, 2001, 202 p.

3. Kolomeitseva E.M., Makeeva M.N. *Leksicheskie problemy perevoda s angliiskogo yazyka na russkii* [Lexical problems of translation from English into Russian]. Tambov, 2004, 92 p.

4. Komissarov V.N. *Sovremennoe perevodovedenie* [Modern translation]. Moscow, ETS Publ., 2002, 424 p.

5. Komissarov V.N. *Teoriya perevoda (lingvisticheskie aspekty)* [Theory of translation (linguistic aspects)]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1990, 253 p.

6. Kuznetsova T.N., Trukova A.I. *Nemetskaya poeziya: lingvisticheskie i stilisticheskie osobennosti perevoda na chuvashskii yazyk* [German poetry: linguistic and stylistic features of translation into the Chuvash language]. *Sovremennye issledovaniya sotsial'nykh problem* [Modern research into social problems]. 2017, vol. 9, no. 1. pp. 136–144.

7. Latyshev L.K. *Tekhnologiya perevoda* [Technology of translation]. Moscow, Akademiya Publ., 2005, 320 p.

8. Retsker Ya.I. *Teoriya perevoda i perevodcheskaya praktika* [Theory of translation and translation practice]. Moscow, R. Valent Publ., 2009, 240 p.

9. Strelkovskii G.M., Latyshev L.K. *Nauchno-tekhnicheskii perevod* [Scientific and technocal translation]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1980, 175 p.

TRUKOVA ALENA – Candidate of Economic Sciences, Head of Foreign Languages Department № 1, Chuvash State University, Russia, Cheboksary (alenatrukova@mail.ru).

Формат цитирования: *Трукова А.И.* О лексических трансформациях при переводе поэтических текстов // Вестник Чувашского университета. – 2018. – № 2. – С. 288–293.

УДК 821(= 432.875)
ББК 83.3(6Тан)

А.Р. ФАТТАХОВА, Е.А. БИЯНОВА, М.М. АБДАЛЛА

МАРКЕРЫ РЕЧЕВОГО ПОВЕДЕНИЯ ЛИЧНОСТИ В ЭКСТРЕМАЛЬНОЙ СИТУАЦИИ (ПО ЛИТЕРАТУРНОМУ ИСТОЧНИКУ НА СУАХИЛИ)

Ключевые слова: *речевое поведение, конфликт, фонетико-графические маркеры, грамматические маркеры, лексические маркеры, суахили, Euphrase Kezilakhabi.*

В настоящей статье на материале суахилиязычного романа «Мир – это хаос» Э. Кезилахаби предпринята попытка изучения маркеров, раскрывающих речевое поведение участников конфликтного коммуникативного акта. Выделяются фонетико-графические, грамматические и лексические маркеры, выявляются наиболее частотные из них (употребление широкого ряда междометий, синтаксические повторы, использование инвективной лексики и др.). Авторы приходят к выводу, что в большей степени в диктемах конфликтных коммуникативных актов наблюдается одновременная реализация указанных маркеров.

На протяжении всей своей жизни человек находится во взаимодействии со всем, что его окружает. Становясь участником множества речевых ситуаций, он вынужден постоянно опираться на определенные нормы, формирующие его речевое поведение. Но правила речевого поведения индивидуума диктуются не только общественными нормами и этикетом: большое значение имеют внутренние факторы, такие как воспитание, среда, принадлежность к какой-либо национальности, а также внешние факторы, определяющие характер ситуации, в которой реализуется речевое поведение.

В языкознании второй половины XX в. в фокусе лингвистических исследований оказывается homo eloquens, «человек говорящий», с его представлениями о коммуникативных действиях, намерениях, коммуникативной среде и принципах коммуникации. В связи с чем одной из центральных в лингвистических исследованиях становится проблема оптимизации речевого общения [2]. Изучение данной проблемы подразумевает анализ выбора языкового варианта для построения высказывания в зависимости от обстановки, характера ситуации, отношений коммуникантов и т.п.

Особый интерес представляет речевое поведение индивидуума в экстремальной ситуации, т.е. ситуации, угрожающей здоровью и жизни человека либо срыву деятельности по решению важных задач. В экстремальной ситуации у человека возникает состояние эмоциональной напряжённости (стресс), которое проявляется в различных формах (нарушение психомоторики, изменение интеллектуальных процессов и эмоционального фона и др.). Анализировать реакцию индивидуума на ситуацию экстремального характера представляется возможным не только в режиме реального времени, но и на примере художественной литературы. При этом наиболее частотной разновидностью экстремальной ситуации в художественной литературе считается конфликтная ситуация. Проблема конфликтного коммуникативного взаимодействия активно исследуется психо-, социо-, прагмалингвистикой, коммуникативной лингвистикой, конфликтологией, социологией и психологией. В трудах О.С. Иссерс [5], Н.А. Белоус [1], А.В. Дмитриева и В.Н. Кудрявцева [4], К. Томаса и Р. Килмана [10], Р. Волкема и Т. Бергмана [11] и ряда других исследователей освещаются фундаментальные понятия коммуникативной кон-

фликтологии, такие, как конфликтный дискурс, стратегии и тактики речевого поведения конфликтантов, коммуникативный саботаж и др. Но поскольку основной акцент в работах указанных научных парадигм делается на семантико-прагматическую (содержательную) сторону коммуникативных конфликтов, то их собственно лингвистические особенности не рассматриваются достаточно подробно [3].

Лингвистические особенности конфликтного коммуникативного взаимодействия анализируется в работах С.Р. Дадян [3], А.С. Рубцовой [6], В.С. Третьяковой [7] и др., в которых материалом исследования послужили художественные тексты англоязычной и русской литературы.

В художественном тексте репрезентация речевого поведения героев в экстремальной (конфликтной) ситуации осуществляется посредством языковых средств, среди которых лексико-семантические и грамматические являются наиболее ярко маркирующими конфликтный коммуникативный акт. В настоящей статье предпринята попытка исследования лингвистических особенностей речевого поведения индивидуума в экстремальной ситуации на материале суахилиязычного произведения «Dunia uwanja wa fujo» (Мир – это хаос) танзанийского писателя Эфраса Кезилахаби [8]. Необходимо отметить, что исследование А.С. Рубцовой [6], вызвало определенный интерес к данной проблематике и способствовало ее раскрытию на материале суахилиязычного художественного текста.

Роман Э. Кезилахаби «Мир – это хаос» (1975) описывает танзанийское общество с разных ракурсов, затрагивает социальные и политические проблемы; охватывает всю жизнь главного героя Тумаини, раскрывая его характер и персонажей через призму экстремальных (конфликтных) ситуаций, в которых они оказываются. Особое внимание в романе уделяется вопросу положения женщины в африканском обществе, проблемам воспитания детей, распутства среди молодежи, косности старшего поколения; культурной «отсталости» деревни противопоставляются пороки города, включающие в себя преступность, проституцию, и т.д. Одна из значительных вех романа – подписание Арушской декларации, узаконившей концепцию социализма *уджамаа*. В результате политического решения народ сталкивается с проблемами самого разного характера, выражая свое отношение к ним через волнения, агрессию, напряженность и прочие проявления темперамента, отклоненных от общепринятых норм поведения.

В ходе анализа романа Кезилахаби мы выделили следующие маркеры, раскрывающие речевое поведение персонажей в экстремальной ситуации.

1. **Фонетико-графические маркеры** представлены восклицательными знаками, междометиями и шрифтовыми выделениями.

1.1. Для выражения эмоционального состояния говорящего, его ощущений и душевного состояния в конфликтных коммуникативных актах междометия играют особую роль. В языке суахили в силу многочисленных этнокультурных особенностей представлен широкий диапазон междометий, выполняющих экспрессивную или побудительную функцию. Междометия в суахили в связной речи большей частью выступают в качестве отдельных звуков и выделяются восклицательными знаками. Например: «***Mm****! Sema sasa!* ***Mm****! Sema!»* – «**Мм**! Говори сейчас же! **Мм**! Говори!». Используемое в данном примере междометие ***mm*** демонстрирует нетерпение говорящего, намеренное желание вызвать быструю ответную реакцию партнера по коммуникации. В

следующем примере междометие ***а***, берущее своё происхождение от эмоциональных возгласов на физическое воздействие или непосредственную опасность, передает страх говорящего и его предупреждение об угрозе: ***А! А!*** *Linakula!* – «***А! А!*** *Сейчас съест!*».

В тексте обнаруживаются случаи, когда с целью демонстрации протяженности звучания восклицания междометие графически изображается неоднократным повторением конечного гласного звука. Например: «*Smith!*» «***Ziiiiiii***» «*Kaburu*» «***Оуеееееееее***» – «Смит! **Ээээээй**! Расист! **Даааааа**!». Как правило, данный прием используется автором для передачи эмоционального состояния народных масс, в данном случае – негодования и неудовлетворенности существующим положением вещей.

1.2. Наиболее частотными маркерами выражения конфликта выступают восклицательные знаки, передающие эмоциональное напряжение, сильное чувство волнения, переживания, недовольства и т.п. Например: *Dennis umeniumiza! Huwezi kuniacha hivi!* – «Деннис, ты сделал мне больно! Ты не смеешь оставить меня вот так!». Обнаруживается также использование в предложениях восклицательного знака, обозначающего вопрос-восклицание, как правило, для передачи возмущения и неудовлетворения. Приведем пример: *Kwa nini hukuniambia zamani!* – «Почему ты раньше мне не сказала?». При передаче подобного рода предложений на русском языке восклицательный знак сочетается с вопросительным знаком и согласно правилам русской пунктуации ставится на второе место. *Unasema nini!* – «Что ты говоришь?!».

1.3. Шрифтовые выделения встречаются не так часто: *Lakini John...John...basi.* – «*Но Джон...Джон...ну все*». В данном примере курсив демонстрирует сильное эмоциональное напряжение говорящего.

В суахилиязычном тексте курсивом могут выделяться фразы на английском языке. Например: Tumaini, ***You are too pessimistic about life,*** Dennis alimalizia kwa Kiingereza. «***And you are too optimistic.***» Tumaini alidakia. – «Тумаини, ***ты слишком пессимистично смотришь на жизнь***», – заявил Деннис по-английски. «***А ты – слишком оптимистично***», – ответил ему Тумаини». В приведенном примере герои заканчивают напряженный спор, используя фразы на иностранном языке. Оба персонажа образованы, начитаны, разбираются в зарубежной литературе, владеют английским языком, что является признаком интеллигентности в восточноафриканском обществе. В данном примере обращение героев к английскому языку демонстрирует их стремление быть более убедительными в отстаивании своей позиции.

К шрифтовым выделениям можно также отнести разделение слова на слоги или морфемы с помощью дефиса или восклицательных знаков: *We-we! Ni-ku-si-kie te-na! – букв.* «Ты-ты! Если я-те-бя-ус-лы-шу сно-ва!». Другой пример: *Nita! Nitaku! Kuua! – букв.* «Я! Я тебя! Убивать!» *(от суах. nitakuua* «я убью тебя»). В данном примере автор передает наивысшую степень вербальной агрессии, если бы эта коммуникация происходила в режиме реального времени, вышеуказанные фразы произносились бы с крайним негодованием, взволнованностью, особой интонацией, прерывистостью дыхания и нарушением темпа речи.

2. **Лексические маркеры** представлены ненормативной (инвективной) лексикой, а также лексическими единицами, передающими невербальное выражение эмоций.

2.1. Инвективная лексика включает в себя слова и выражения, функция которых оскорбить, унизить, опорочить, опозорить адресата речи либо третье лицо и проделать все это в максимально грубой и циничной форме. В произведении обнаруживается ругательная нелитературная, обсценная (мат), литературная, но ненормативная лексика. Приведем пример:

***Malaya** wewe! Toka! Hapa!* – «Проститутка! Вон! Отсюда!».

***Mtoto wa mbwa**!* – «Сукин сын!».

Использование инвективной лексики обусловлено крайней степенью эмоционального напряжения говорящего, острой формой агрессии по отношению к адресату.

2.2. Словесное выражение или речь участников коммуникативного акта в экстремальной ситуации сопровождается внешними проявлениями эмоций, под которыми подразумевается, согласно определению В.И. Шаховского, «эмоциональная кинетика» (мимика и пантомимика героев, т.е. невербальное выражение эмоций – поза, жесты, движения) [6. С. 67]. Внешние проявления эмоций раскрываются благодаря авторским описаниям эмоционального состояния персонажей. Например: *Tumaini alilia. Alijitetea. Machozi yalimtoka.* – «Тумаини вскрикнул. Он попытался защититься. Слезы брызнули из его глаз».

К эмоциональной кинетике мы относим и примеры выражения физической агрессии во время конфликтного коммуникативного акта:

– *Naye kwa hasira aliamka akampiga Mama Bakhati makofi mawili hali akasema «Umezidi kiasa sasa!»* – «И он поднялся в гневе, дважды дал пощечину маме Бахати и сказал: «Ты перешла все границы».

3. Грамматические маркеры являются одним из распространенных средств, репрезентирующих выражение эмоционального состояния партнеров, взаимодействующих в конфликтной ситуации. В настоящей статье мы рассмотрим некоторые из них, а именно:

3.1. *Побудительные предложения*, выражающие приказ, угрозу, призыв к совместному действию, просьбу, протест и т.д. В суахили есть несколько видов грамматических конструкций для выражения значения побудительности. В исследуемом нами произведении наиболее частотным грамматическим средством оформления побудительных предложений является сказуемое в форме императива и оптатива в сочетании с побудительной интонацией. Например:

а) сказуемое в императивной форме: *Piga! Piga! Ua!* – «Бей! Бей! Убивай!»;

б) оптатив: *Baba nikhurumie!* – «Отец, сжалься надо мной!»; *Msiue! Msiue!* – «Не убивайте! Не убивайте!» и др.

Сказуемые в императивной форме придают высказыванию оттенок резкости и категоричности, сказуемые в оптативе, напротив, смягчают резкость и категоричность и приобретают оттенок просьбы.

3.2. *Отрицательные конструкции.* Средства выражения отрицания в разных языках отличаются многообразием и наличием специфических показателей. Например, разные видовременные и модальные формы глагола могут иметь разные отрицательные показатели; существует различные показатели отрицания имени и др. [9].

Отрицательные конструкции придают высказыванию экспрессивный оттенок, категоричность и заведомое неприятие мнения партнера. В большей части данные конструкции представляют собой требования желаемого ре-

зультата, обвинение, презрение, отвращение и т.п. В суахили среди средств выражения отрицания наиболее частотные следующие:

а) присоединение форманта ***ha-*** к утвердительной форме глагола ***-wa na*** «иметь». При присоединении данного форманта к приглагольным субъектным показателям единственного числа, в частности, 2-го лица, образуется слитная форма ***hu*** (ha- + u-), например: ***Hu****na akili!* ***Hu****na akili!* – (*букв*. у тебя нет ума) «С ума сошел! С ума сошел!»

б) образование отрицательной формы оптатива при помощи отрицательного форманта ***-si***, занимающего позицию за субъектным показателем: *U****si****pige kelele!* – «Не кричи!».

3.3. *Повторы синтаксических конструкций*. В зависимости от структуры, позиций повторяющихся элементов различают разные классификации фигур повтора. В конфликтных коммуникативных актах повторы передают эмоционально-возбужденное состояние говорящего, крайнюю степень его взволнованности и напряжения. В произведении получили распространение повторы синтаксических конструкций. Например:

Kipofu*!* ***Kipofu****! Washa taa uone vizuri!* – «[Ты] слепой! Слепой! Зажги лампочку, может так будешь лучше видеть!».

Bwana wangu pia ana sifa! ***Njoo hapa! Njoo hapa*** *tuone!* – «Моему мужу тоже есть чем похвастаться! Иди сюда! Иди сюда, давай посмотрим!».

3.4. В условиях экстремальной ситуации, конфликтного взаимодействия участников общения характерно использование *неполных предложений*, в которых пропущен один из его членов, необходимый для полноты значения данного предложения. На пике эмоционального напряжения речь говорящего упрощается и характеризуется отрывистостью. Пропущенные члены предложения восстанавливаются участниками коммуникативного акта из знания ситуации, предыдущего контекста.

В качестве примера проанализируем эпизод с ограблением дома Тумаини:

Funguo za sanduku hili! Upesi! – «Ключи от этого сундука! Быстро!».

Mara ya mwisho upesi! Kabla siyafyatua! – «Последний раз [говорю], быстро! Пока я не выстрелила!»

В указанном примере, опущенное сказуемое «говорю» легко восстанавливается в контексте представленной ситуации.

Подведя итог вышесказанному, подчеркнем, что экстремальная ситуация подразумевает активное воздействие на психоэмоциональное состояние человека. Одной из самых распространенных экстремальных ситуаций является конфликт. Эмоциональный фон личности в конфликтной ситуации находит свое отражение в вербальных и невербальных реакциях. В художественных текстах репрезентация вербальных и невербальных реакций персонажей осуществляется посредством языковых средств, маркирующих конфликтный коммуникативный акт.

На материале романа «Мир – это хаос» танзанийского писателя Э. Кезилахаби были выделены фонетико-графические, грамматические и лексические маркеры, раскрывающие речевое поведение участников конфликтного коммуникативного акта. Наиболее частотные из них следующие: употребление широкого ряда междометий, выделение фразы восклицательным знаком, синтаксические повторы, использование инвективной лексики. Анализ реализации данных маркеров свидетельствует о том, что в большинстве случаев

при передаче эмоционального фона персонажей произведения указанные маркеры используются одновременно.

Изучение речевого поведения в экстремальной ситуации персонажей восточноафриканской литературы через призму языковых средств, маркирующих конфликтный коммуникативный акт, способствует выявлению изобразительно-выразительных средств, используемых автором при формировании коммуникативной стратегии персонажей, а также пониманию психологических особенностей представителей различных этнических и языковых групп, населяющих Восточную Африку.

Литература

1. *Белоус Н.А.* Структурно-семантические аспекты конфликтного дискурса в коммуникативном пространстве. М.; Ульяновск: УлГУ, 2007. 246 с.

2. *Воронцова Т.А.* Речевая агрессия: коммуникативно-дискурсивный подход: дис. ... д-ра филол. наук. Челябинск, 2006. 296 с.

3. *Дадян С.Р.* Конфликтный диалог в художественном произведении (на материале художественной литературы XX – начала XXI в.): автореф. дис. … канд. филол. наук. Ростов н/Д., 2012.

4. *Дмитриев А.В., Кудрявцев В.Н.* Введение в общую теорию конфликтов. М.: ИНИОН РАН, 1998. 212 с.

5. *Иссерс О.С.* Речевое воздействие. М.: Флинта, 2011. 224 с.

6. *Рубцова А.С.* Речевое поведение личности в экстремальной ситуации (на материале англоязычной художественной литературы) // Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М.А. Шолохова. Сер. Филологические науки, 2012. № 2. С. 64–69.

7. *Третьякова В.С.* Речевая коммуникация: гармония и конфликт. Екатеринбург: Изд-во РГППУ, 2009. 231 с.

8. *Kezilakhabi E.* Dunia uwanja wa fujo. Nairobi, Vide-Muwa Publishers, 2007, 132 p.

9. *Miestamo M.* Negation – An Overview of Typological Research. *Language and linguistic compass*, 2007, vol. 1(4), pp. 552–570.

10. *Thomas K.W., Kilmann R.H.* Thomas-Kilmann Conflict Mode Instrument. Mountain View, CA, Xicom, a subsidiary of CPP, Inc. 1974.

11. *Volkema R.J., Bergmann T.J.* Conflict styles as indicators of behavioral patterns in interpersonal conflicts. *Journal of Social Psychology*, 1995, vol. 135(1), pp. 5–15.

ФАТТАХОВА АИДА РИНАСОВНА – кандидат филологических наук, доцент кафедры востоковедения, африканистики и исламоведения, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Россия, Казань (gaidaf@mail.ru).

БИЯНОВА ЕВГЕНИЯ АЛЕКСАНДРОВНА – студентка, Институт международных отношений, истории и востоковедения, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Россия, Казань (carvayne@yandex.ru).

АБДАЛЛА МУХАММЕД МУХАММАД МАХМУД – старший преподаватель кафедры востоковедения, африканистики и исламоведения, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Россия, Казань (mohammad_mahmoud@mail.ru).

A. FATTAKHOVA, E. BIYANOVA, M. ABDALLA

PERSON SPEECH BEHAVIOR MARKERS IN EXTREME SITUATION (ACCORDING TO SUAKHILI LITERARY SOURCE)

Key words: *speech behavior, conflict, phonetic-graphic markers, grammatical markers, lexical markers, Swakhili, Euphrase Kezilakhabi.*

In the present article, using the material of the Swakhiliazy novel "The World is Chaos" by E. Kesilakhabi, an attempt is made to study the markers that reveal speech behavior of a conflict communicative act participants. Phonetics-graphic, grammatical and lexical markers are outlined, the most frequent of them are identified (the use of a wide range of interjections, syntactic repetitions, the use of invective vocabulary etc.). The authors come to the conclusion that simultaneous implementation of indicated markers is observed in the dicthemes of conflict communicative acts to a greater extent.

References

1. Belous N.A. *Strukturno-semanticheskiye aspekti conflictnogo discursa v communicativnom prostranstve* [Structural and semantic aspects of conflict discourse in communicative space]. Moscow, Ulyanovsk, 2007, 224 p.

2. Vorontsova T.A. *Rechevaya aggressiya: communicativno-discursivenii podhod: dis. … d-ra filolog. nauk* [Speech aggression: communicative-discursive approach. Doct. Diss.]. Chelyabinsk, 2006, 296 p.

3. Dadyan S.R. *Conflictnii dialog v hudojestvennom proizvedenii (na materiale hudojestvennoi literature XX – nachala XXI v.): aftoref. dis. … kand. filol. nauk* [Conflict dialogue in the work of art (based on the fiction of the twentieth and early twentieth centuries). Abstract of Doct. Diss.]. Rostov-on-Don, 2011, 24 p.

4. Dmitriev A.V., Kudryavtsev V.N. *Vvedeniye v obshuyu teoriyu konflictov* [Introduction to the general theory of conflict]. Moscow, 1998, 157 p.

5. Issers O.S. *Rechevoe vozdeistviye: uchebnoe posobiye* [Speech influence: a textbook]. Moscow, Flint Publ., 2011, 224 p.

6. Rubtsova A.S. *Rechevoe povedeniye lichnosti v eqctremalnoi situatsii (na materiale angloyazichnoi hudojestvennoi literature)* [Speech behavior of a person in an extreme situation (on the basis of English-language fiction)]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta im. M.A. Sholokhova. Ser. Filologicheskie nauki*, 2012, no. 2, pp. 64–69.

7. Tretyakova V.S. *Rechevaya communicatsiya: garmoniya i conflict* [Speech communication: harmony and conflict]. Ekaterinburg, 2009, 231 p.

8. Kezilahabi E. Dunia uwanja wa fujo. Nairobi, Vide-Muwa Publishers, 2007, 132 p.

9. Miestamo M. Negation – An Overview of Typological Research. *Language and linguistic compass*, 2007, vol. 1(4), pp. 552–570.

10. Thomas K.W., Kilmann R.H. Thomas-Kilmann Conflict Mode Instrument. Mountain View, CA, Xicom, a subsidiary of CPP, Inc. 1974.

11. Volkema R.J., Bergmann T.J. Conflict styles as indicators of behavioral patterns in interpersonal conflicts. *Journal of Social Psychology*, 1995, vol. 135(1), pp. 5–15.

FATTAKHOVA AIDA – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of Oriental, African and Islamic Studies, Kazan (Volga) Federal University, Russia, Kazan.

BIYANOVA EVGENIYA – Student of the Institute of International Relations, History and Oriental Studies, Kazan (Volga) Federal University, Russia, Kazan.

ABDALLA MUHAMMED MOHAMMAD MAHMOOD – Senior Lecturer, Department of Oriental, African and Islamic Studies, Kazan (Volga) Federal University, Russia, Kazan.

Формат цитирования: *Фаттахова А.Р., Биянова Е.А., Абдалла М.М.* Маркеры речевого поведения личности в экстремальной ситуации (по литературному источнику на суахили) // Вестник Чувашского университета. – 2018. – № 2. – С. 294–300.

УДК 81'373:811.511.150.2
ББК Ш166.31

Г.С. ИВАНОВА, О.Е. ПОЛЯКОВ, И.Я. ЖЕБРАТКИНА

ИСТОРИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ В ФОНЕТИЧЕСКОМ СОСТАВЕ ГЛАСНЫХ ПЕРВОГО СЛОГА В МОКШАНСКОМ ЯЗЫКЕ

Ключевые слова: *мокшанский язык, гласный, первый слог, фонетическая позиция, ударение, фонетический процесс.*

Статья продолжает исследование актуальной проблемы финно-угорского языкознания – развитие вокализма уральского языка в современном мокшанском языке. Авторы ставят конкретную цель: выявить исторические изменения гласных первого слога. При написании статьи авторы опирались на труды известных финно-угорских фонетистов: Э. Итконена, Л.П. Грузова, Л. Керестеша, В.И. Лыткина, Д.В. Цыганкина, М.В. Мосина и др. Фонетический облик мокшанских слов под влиянием внутриязыковых и внеязыковых факторов претерпел изменения, которые в первую очередь коснулись системы вокализма. В статье рассматриваются также фонетические процессы, которые затронули первый (ударный) слог слова. Это процессы сужения, расширения, лабиализации, изменения гласных по ряду, среди которых большее распространение получили первые два. Сужение предполагает замену гласного более низкого подъема гласным более высокого подъема; расширение, наоборот, замену гласного более высокого подъема гласным более низкого подъема; лабиализации подверглись гласные рядом с губными согласными; передвижка гласных к переднему или к заднему ряду происходит в палатальном или велярном окружении согласных. Каждый из фонетических процессов действует в рамках определённых фонетических позиций. Приведенные в статье материалы представляют интерес не только для мордовских (мокшанского и эрзянского), но и для других финно-угорских языков. Исторические изменения в фонетическом составе любого слова требуют дальнейшего изучения.

Из двух мордовских языков (мокшанского и эрзянского) финно-угорский тип ударения сохранил мокшанский, где в 90% случаев (а в зависимости от типа текста – и в 100%) ударным является первый слог [2]. Мокшанский язык в своем развитии прошел большой исторический путь и претерпел довольно значительные качественные и количественные изменения, которые затронули и первый, и не первый слог слова. Так, с одной стороны, фонетическая система гласных первого слога уменьшилась от одиннадцати единиц (*и, ӣ, о, ӧ, і, ӥ, е, ӭ, а, ӓ, ӱ*) [3, 7] до семи (*и, о, а, і, е, ӓ, ә*); с другой стороны, в ней произошли качественные изменения, связанные с появлением редуцированных гласных. Причиной сокращения явились действующие в языке фонетические процессы (сужение, расширение, лабиализация, изменение гласных по ряду (палатализация, веляризация), редукция) [3, 6, 7]. В диалектах наблюдается такое звуковое явление в области гласных, как сужение – это замена гласного более низкого подъема гласным более высокого подъема. Первым гласным, который подвергся этому процессу, стал **ӓ*, который в позиции после твердых непарных консонантов сначала сузился до гласного среднего подъема е, а во II типе диалектов перешел в гласный верхнего подъема *і* (*е* > *і)* [10], в эрзянском языке ему соответствует е: **päδ'з* «цедить» > *ped'ams* > *pid'ams*, э. *ped'ams* «цедить» [9. С. 134]; **kämä* «крепкий, твердый» > м. *kem*ä > *kime,* э. *keme* [6. С. 408]; **päkka* «живот» > м. *pekä* > *pike, э. peke* [9. С. 138]; **säwnä* «язь» > м. *s'eni*, э. *sẹn'ej* [7. С. 400, 417; 9. С. 219].

В общемордовском языке-основе между двумя палатальными или палатализованными консонантами финно-угорский гласный **ӓ* сузился до *і,* во II типе в безударном положении *і* редуцировался (исключение составляют по-

зиции перед *j, k, s',* иногда перед *n')* [10]: например: **n'älmä* «язык» [7. С. 412] > *n'il'ə-* > *n'əl'-an* «я глотаю»; **päl'ke* «нога» [9. С. 134] > *pil'gä*; **pänз* «овес» [9. С. 135] > *pin'ə-m*; **täje* «вошь» [7. С. 415] > *s'i*; **äsä* [9. С. 54] > *is'ak* «вчера, намедни»; **äŋe-ce* [9. С. 53] «малина» > *in'əz'i*; **täškä* «трава, сено» [7. С. 426] > *t'išä* > *t'iš'ə* > *t'əš'ən'e* «травка».

В диалектах икающего типа наблюдается массовое сужение финно-угорского **ä*: например: **säppä* «желчь» [7. С. 411] > *s'äpä* > *s'epe,* э. *sępe*; **jäšä* «прохладно» > *äšä* > *ješ'e, ešę,* э. *ekše* «прохлада, холодок» [4. С. 37]; **käkšä* «смола, деготь» [4. С. 52] > *käšä* > *keš'e,* э. *kekšę; *käppä* «босиком» [4. С. 56] > *käpä* > *kepe,* э. *kepe*; **mälke* или **mälγe* «грудь» [7. С. 411] > *mäšt'ä* > *meš't'e,* э. *mel'kt' «*грудная клетка»; **käl'ä-* «переходить вброд» [7. С. 419] > *käl'ə-* > *kel'ə-*, э. *kel'e-*; **käte* «рука» [6. С. 412] > *käd'* > *ked'*, э. ked'; **cäjärз* «голень» [5. С. 311] > *s'äjär'* > *s'ejər'*, э. *s'ejer', s'ejer'ks*; **jäŋe* «лед» [6. С. 413] > *äj* > *jej,* э. *ej*; **päškз* «орех» [7. С. 428] > *päšt'ä* > *peš't'e,* э. *pešt'e*; **säje* «волос» [7. С. 42] > *šäjär'* > *š'ejər'* и др.

В основе слова *ov* «зять» изменения произошли в такой последовательности: *ov / ovă* < **(v)ovə* < **väŋ(з)* < **wäŋз* «зять» [ср.: ф. *vävy*, эст. *väi* «зять», х. *woŋ, weŋ,* в. *vő (veje)*, Н.-саам. *wij)*].

Финно-угорские гласные среднего подъема **e* и **ē* в одних основах еще в общемордовский период перешли в *i*; в других сужение общемордовского **e* > *i* совершилось недавно на диалектном уровне (в икающих диалектах мокшанского языка в безударном положении гласный *i* редуцировался): **neljä* «четыре» [7. С. 423] > *n'il'ä* > *n'il'ə,* э. *n'il'e*; **pene* «собака» [7. С. 416] > *p'in'ä* > *p'in'ə*, э. *p'in'e*; **nēle-* «проглотить» [9. С. 120] > *n'il'əms*, э. *n'il'ems*; **mēke-* «продать» [9. С. 107] > *mi-*, э. *mije-*; **sēme-* «пить» [7. С. 181] > *s'imə-*, э. *s'ime-*. В икающих говорах мокшанского языка сужение прафинно-угорского **e* > *i* произошло перед палатальными согласными: **wene-š* «лодка» [9. С. 32] > ven'əš > vin'əš'; **kesä* «год, лето» [9. С. 70] > *kizə*, э. *kizę; *mete* «мед» > *med'* > *mid'*, э. *med'* [7. С. 422].

Кроме того, в словах **teke-* «делать» [7. С. 418] > *t'ijə-*; **seve-* [9. С. 135] > s'ivəms «съесть» сужение **e* > *i* произошло, вероятно, еще в раннемокшанское время, в то время, когда эрзянский язык сохранил более древний вокализм; ср.: э. *t'eje-*, *sęve-*.

Сужение финно-угорских **o* и **ō* произошло как в абсолютном начале слова, так и в позиции первого прикрытого слога: **ola* «подбородок, челюсть» [9. С. 195] > *ulă, ulal,* э. *ulo*; **ora* «шило» [9. С. 197] > *ur*, *ură*, э. *uro*; **kopa* «кора» [7. С. 403] > *kuvă*, э. *kuvo*; **towke* «весна, весной» [9. С. 190] > *tunda*, э. *tundo*. В последующих словах в период самостоятельного развития мокшанского языка u подвергся редукции, например: **polwe* «колено» > *pəlmanža, pəlman'd'ž'a,* э. *pul'aža, pumaža* [9. С. 153]; **kore-* > *kəRta-ms,* э. *kirtams* «опалить, спалить» [8. С. 73]; **kore-* > *kərna-ms*, э. *korna-ms* «храпеть» [9. С. 79]; **kore-* > *kəR'-c'ä* > *kəR-c'ä,* э. *kur-s'a* «коромысло» [9. С. 85].

Вероятно, к домордовскому периоду относится сужение гласного **o* в словах *kud* «дом» – мр. *куды*; *ul'əms* «быть», мр. *ула-*; *s'ură* «рог» – мр. *шур*, Сужение гласных нижнего и среднего подъемов на диалектном уровне продолжается и в настоящее время. Этому процессу подвергаются обычно гласные переднего ряда *ä* и *e*. Например, во II типе говоров мокшанского языка в большой группе слов гласный e появился в результате сужения общемордов-

ского **ä*: *t'en'i* «теперь», *mel'* «желание», *kepə* «босиком», *s'evəms* «брать, взять», *ver'* «верх», в других диалектах *t'än'i, mäl', käpä, s'ävəms, vär';* а гласный *i* часто восходит к прамордовскому **e*: *t'iv* «дело», *pi* «конец», *s'il'mä* «глаз», *s'id'i* «сердце», *kiv* «камень», *pir'ams* «загородить, отгородить», в других диалектах *t'ev, pe, s'il'mä, s'ed'i, kev, per'ams.*

В переходных говорах сужение испытал только гласный *ä*, например: *s'ed'i* «сердце», *t'ev',* «дело», *mel'* «желание», *t'el'me* «веник».

Не менее широкое распространение получил другой фонетический процесс – расширение гласных. Особенность этого явления заключается в том, что гласный более высокого подъема заменяется гласным более низкого подъема. Чаще гласные принадлежат одному ряду. Расширению подверглись гласные верхнего и среднего подъемов: **i, *u, *ü, *e, *o, *ē, *ō*. В одних основах расширение прошло в общемордовское время, в других – в период отдельного развития мокшанского и эрзянского языков. В связи с этим можно выделить следующие группы: **i > *e > e; *e > *ä > ä; *ü > *e > e; *ē >*ä > ä; *u >*a > a; *u >*o> o; *u>*e > e; *i/*ü > *o > o; *o, *ō > *a > a.*

Финно-угорский узкий гласный **u* расширился до *o*: ур. **tuna-* «привыкать, учиться» [7. С. 406] > *tonadəms* «привыкнуть»; **tulka* «перо, крыло» > *tolga* [9. С. 186]; **tule* «огонь» [7. С. 403] > *tol*; **kulke-* «плыть (по течению)» [7. С. 406] > *kol'gəms* «капать, течь»; **sukse* «лыжи» [7. С. 408] > *sokst*.

В некоторых исконных словах исторический **u* расширился на мокшанской почве, а эрзянский язык сохранил узкий гласный: *jotkă*, э. *jutko* < **jukta* «промежуток» [9. С. 104]; *jotams*, э. *jutams* < **juta-* «пройти» [9. С. 106].

Дело в том, что два параллельных процесса – расширение **u > o* и сужение **o > u* – не были доведены до конца, в отдельных словах наблюдаются межъязыковые чередования: м. *o* – э. *u*; м. *u* – э. *o*, например: м. *jotams*, э. *jutams* «пройти»; м. *roŋgă*, э. *rungo* «талия», м. *mokər'*, э. *mukər'* «пенек»; м. *suvams*, э. *sovams* «зайти»; м. *urma*, э. *orma* «болезнь»; м. *šuvan'ä*, э. *čovin'e* «тонкий»; м. *luvəms*, э. *lovnoms* «читать, считать».

В марийском языке расширение финно-угорского **u* наблюдается в противоположных мокшанским соответствиях словах [1. С. 104]: в той группе слов, где прафинно-угорскому **u* в мокшанском соответствует *o*, в марийском идет *u*: м. *od* «новый» – мр. *у*; м. *tol* – мр. *tul* «огонь»; м. *ponams* «плести, вязать» – мр. *пуне*; м. *por'əms* «грызть» – мр. *пура*; и т.д.; а в тех словах, где прафинно-угорскому **u* в мокшанском языке соответствует *u*, в марийском языке выступает *o*: м. *kuz* «ель» – мр. *кож*; м. *kul'əms* «слышать» – мр. *колаш*. По всей видимости, расширение **u* > о в каждом из близкородственных финно-угорских языков происходило отдельно.

Данное фонетическое явление можно встретить и в тюркских заимствованиях: м. *koml'ä / koml'e* «хмель» < *χumla*; м. *bor'z'i / por'z'e* «стручковый перец» < *purs'*.

Расширение финно-угорского **i* в мокшанский *e* произошло в следующих случаях: в односложных словах после выпадения гласного второго слога; в двусложных словах, если за гласным первого слога следует сочетание согласных; перед палатализованным парным согласным при одиночном последующем гласном, например: **piŋe* «зуб» [6. С. 10] > *pej*; **kiwe* «камень» [7. С. 417] > *k'ev*; **nime* «лем» [6. С. 10] > *l'em*. В нескольких словах наблю-

дается **ī* > *e*: **pīre* «огород» [6. С. 219] > p'er'ä; **kīrke* [9. С. 67] > *ken'ər'ə-ms* «поспеть, созреть, быть готовым, успеть».

До гласного *e* расширился и финно-угорский лабиальный гласный верхнего подъема **ü* (**i / *ü*), например: **kin'ä/*kün'ä* [7. С. 412] > *k'en'ərbakar'*, э.д. *kän'ir'*;**künčе-kš* «дверь» [9. С. 66] > *ken-kš*; **küwä* «ширина» [9. С. 65] > kel'ä; **s'ilke/*s'ülke* «слюна» [7. С. 419] > *s'el'gä*.

Финно-угорские **e, *ē* тоже подверглись расширению: вместо них часто выступает широкий гласный нижнего подъема *ä*, в эрзянском языке мокшанскому *ä* соответствует *e*: **pentɜ* «закрывать» [7. С. 418] > *päksta-* > *peksta-*; **nere* «нос» [7. С. 400] > *n'är'* > *n'er'* «клюв, рыло»; **wetä-* «вести» [7. С. 405] > *vät'ə-* > *vet'ə-*, э. *ved'a-/vet'a-*; **mēle* «ум, разум, настроение» [5. С. 180] > *mäl'*; **kēle* «язык» [7. С. 401] > *käl'*; **lēme* «сок, суп» > *l'äm* [4. С. 159]; **pēle* «косяк» [6. С. 10] > *päl'* «жердь, кол»; **pēle-ka* [9. С. 139] > *päL'kä* «большой палец».

Финно-угорский гласный среднего подъема **ō* расширился до гласного нижнего подъема *a*: **lōme* [9. С. 95] «черемуха» > *lajmä*, э. *l'om* «черемуха» [7. С. 404]; **jōne* > *jan* «тропа» [9. С. 231]; **sōne* «жила» [7. С. 400] > *san*; **nōle* [9. С. 114] «стрела» > *nal* [7. С. 409]; **kōre-* > *kar-ks* «веревка» [9. С. 62]; **kōre-* > *kar'* «лапоть» [9. С. 62]; **nōre-* > *nara-ms* «стричь, брить» [9. С. 115].

Нередко мокшанский *a* является результатом расширения финно-угорского **u: *kunta* «род» [7. С. 413] > kandă «основание»; **susarɜ* «сестра» [7. С. 426] > *sazər* «младшая сестра»; **muče / *mače* «гусь» [9. С. 103] > *mac'i* или **o*: **kojwa* > *kajmä* «лопата» [7. С. 170]; **pontę* «палка, ручка» [7. С. 432] > *bajd'ək*; **woje* «масло» > *vaj*, э. *oj* [7. С. 422].

В ельниковской группе говоров наблюдается сихронное расширение *e* > *ä* в позиции между двумя велярными консонантами: *ker* > *kär*, *ver* > *vär*.

В ряде случаев под действием контактной или дистактной губной ассимиляции гласные нижнего и верхнего подъемов подверглись лабиализации, например: **kawa* «длинный» [9. С. 132] > *kuvaka*; **talpa* «клин» [9. С. 190] > tulă; **was'ka* «железо, металл» [7. С. 405] > *us'kä*; **an'c'ɜ* «видеть, смотреть» [7. С. 429] > *kon'ča-* «зажмурить (закрыть) глаза»; **aŋe-* [9. С. 129] > *onkst* / *unkst*, э. *onkst'* «удила». Этот переход чаще наблюдается в *a*-овых основах.

В двух основах наблюдается лабиализация финно-угорского гласного переднего ряда **i*: **jiša* [4. С. 45] или **iša* «чувство, состояние, расудок» [9. С. 47] > *jožă*; **sikse* «осень» [9. С. 164] > *s'oks'ä*; в одной основе – к финно-угорскому **ä*: **wäŋɜ* «зять» [7. С. 401] > *ov*.

Анализ диалектного материала говорит о том, что сужение гласных может происходить не только между последующими ступенями. В некоторых случаях наряду с сужением наблюдается одновременная передвижка по ряду. Например, в следующих словах прафинно-угорский **a* перед палатальными согласными еще в общемордовском языке сузился до і, например: **wara* «лес» [7. С. 169] > *vir'*; **maja* «бобр» [5. С. 139] > *mijal*.

В пяти основах вместо финно-угорского **o* выступает узкий гласный верхнего подъема і: **c'ončɜ* «блоха» [7. С. 415] > *čičav*; **kojwe* «береза» [9. С. 71] > *kelu*, э. *kilej*; **wojke* «прямой» [9. С. 226] > *vid'ä*; **kojɜ* «моль» [5. С. 139] > *ki*; **sokta* «просеивать» [9. С. 146] > *s'ifən'd'əms*.

Финно-угорские гласные заднего ряда меньше были подвержены изменениям, поэтому в большинстве современных языков они сохранились. В некоторых основах наблюдается частичная веляризация гласных переднего

ряда **ä, *i, *i / *ü*. Так, в группе слов артикуляция гласного переднего ряда нижнего подъема **ä* переместилась к заднему ряду **ä* > а: **käkte* «два» [7. С. 423] > *kaftă*; **kärpä* [7. С. 46] > karu «муха»; **tälwä* «зима» [7 С. 413] > *t'ală*; **ättä ~atta* «старик, пожилой мужчина» [9. С. 15] > *at'ä*; **äje* «отец, мужчина [7. С. 426] > *al'ä*; **ä* >**o* > о: **wäŋз* «зять» [7. С. 401] > *ov*; **kärɛ* «заворачивать, обертывать, обертка, оболочка, опалубка» > kovar'aš «клецки из круто скатанного теста» [5. С. 142–143].

В нескольких основах передвижка к заднему ряду и одновременно лабиализация наблюдается у прафинно-угорских **i* или **i / *ü* > о, веляризация произошла еще в общемордовское время перед велярным непарным согласным: **kička* «собирать» > *kočkams* [9. С. 154]; **isз* «сесть» > *ozams* «сесть» [9. С. 147]; **iša* «рукав» > *oža* «рукав» [9. С. 128]; **ic'ä* «отец» [7. С. 402] > *ocä* «старший брат отца»; **jiša* > *jožă* «чувство, состояние, рассудок» [4. С. 45]; **kin'e-lз / *kün'e-lз* «слеза» [7. С. 401] > *kon'ə-* «зажмуриться, закрыть глаза»; **piŋe /*püŋe* «рябчик» [7. С. 404] > *pov*, *povn'ä*; **siks'e / *süks'e* «осень» [7. С. 414] > *s'oks'ä*; **kitke / *kütke* «связывать» [7. С. 423] > *kot'ma-* «нанизывать, зашивать».

Артикуляция гласного **i / *ü* передвинулась к заднему ряду в следующих словах: **jirз* «низменность, омут» > *jur* «корень, основание, подножие» [7. С. 427]; **wiðз-me / *wüðз-me* «мозг» [7. С. 412] > *uj*; **kirkз / *kürkз* «внутренность, внутренний» [7. С. 420] > *kurgă* «рот, пасть, полость»; **s'ika / *s'uka* «ость, мякина» [7. С. 428] > *s'uva* / *s'əva*; **lükkз-* «толкать» > *l'uka-* / *l'əka-* «качать, качаться, толкать» [7. С. 420].

Нам известны два случая замены финно-угорского **e* узким заднерядным гласным верхнего подъема u: **jewä* «мякина» [9. С. 132] > *juv*; **serз* «гребешок» [9. С. 67] > *s'uR'c'əm* «расчестка, гребешок».

Таким образом, анализ языкового материала показал следующее: несмотря на то, что фиксированное на первом слоге финно-угорское ударение сохранилось в мокшанском языке, гласные первого слога до сих пор находятся в зоне действия разного рода фонетических процессов (сужения, расширения, лабиализации, передвижки артикуляции по ряду, редукции и др.). Каждый из этих процессов проявляется в определенном звуковом окружении и приводит к изменениям фонетического состава слова. Результатом действия ассимилятивных процессов является сокращение количественного состава гласных, а также появление качественно новых.

Сокращения

В. – венгерский язык, к. – коми язык, м. – мокшанский язык, м.д. – мокшансий диалектный, мр. – марийский язык, Н.-саам – норвежско-саамский язык, у. – удмуртский язык, ф. – финский язык, х. – хантыйский язык, э. – эрзянский язык, э.д. – эрзянский диалектный, эст. – эстонский язык.

Литература

1. *Грузов Л.П.* Историческая грамматика марийского языка. Введение и фонетика. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1969. 211 с.

2. *Иванова Г.С.* Некоторые особенности мокшанской акцентуации // Гуманитарные науки и образование. 2014. № 3(19). С. 135–137.

3. *Itkonen E.* Zur Frage nach der Entwicklung des Vokalismus der ersten Silbe in den finnisch-ugrischen Sprachen, insbesondere im Mordwinischen. In: Finnisch-Ugrische Forschungen (FUF). Helsinki, 1946, Band XXIX, Heft 1–3, pp. 222–337.

4. *Keresztes L.* Geschichte des mordwinischen Konsonantismus II. Etymologisches Belegmaterial. Studia Uralo-Altaica 26. Szeged, 1986, 212 l.

5. Лыткин В.И., Гуляев Е.И. Краткий этимологический словарь коми языка / под ред. В.И. Лыткина. М.: Наука, 1970. 386 с.

6. *Мосин М.В.* Фонетическая структура финно-угорской основы слова в мордовских языках. Саранск: Изд-во Сарат. ун-та, 1989. 60 с.

7. Основы финно-угорского языкознания: вопросы происхождения и развития финно-угорских языков. М.: Наука, 1974. 484 с.

8. *Поляков О.Е., Иванова Г.С., Жебраткина И.Я.* Реализация финно-угорского гласного **е* конца основы в мокшанском языке // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований Российской академии наук. 2017. № 4.

9. *Цыганкин Д.В., Мосин М.В.* Этимологиянь валкс. Саранск: Морд. кн. изд-во, 2015. 226 с.

10. Языки народов России: история и современность / Иванова Г.С., Мартьянова Е.Г., Поляков О.Е., Чеснова Е.Н., Чинаева Н.В. Саранск: Арт-типография GOLD, 2017. Т. 1. 100 с.

ИВАНОВА ГАЛИНА СОФРОНОВНА – доктор филологических наук, профессор кафедры мордовских языков, Мордовский государственный университет, Россия, Саранск (galina17-05@yandex.ru).

ПОЛЯКОВ ОСИП ЕГОРОВИЧ – доктор филологических наук, профессор кафедры мордовских языков, Мордовский государственный университет, Россия, Саранск (kafmoksch2012@rambler.ru).

ЖЕБРАТКИНА ИРИНА ЯКОВЛЕВНА – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков, Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний (АПУ ФСИН РФ), Россия, Рязань (miss.zhebratkina@mail.ru).

G. IVANOVA, O. POLYAKOV, I. ZHEBRATKINA

HISTORICAL CHANGES IN THE PHONETIC COMPOSITION THE VOWEL OF THE FIRST SYLLABLE IN THE MOKSHA LANGUAGE

Key words: *Moksha language, vowel, of the first syllable, of the phonetic position, accent, phonetic process.*

The phonetic appearance of Moksha words under the influence of intralinguistic and extralinguistic factors underwent changes that primarily affected the vocal system. We in our article consider phonetic processes that affected the first (shock) syllable of the word. These are the processes of constriction, expansion, labilization, changes in vowels in a number of cases, among which the first two have become more widespread. Narrowing involves replacing the vowel of a lower vowel with a higher lift; expanding, on the contrary, replacing the vowel of a higher vowel with a lower vowel; Vowels have been labilized alongside the labial consonants; The movement of the vowels to the front or back row occurs in the palatal or velar surroundings of the consonants. Each of the phonetic processes operates within certain phonetic positions. The materials presented in the article are of interest not only for Mordvin (Moksha and Erzya), but also for other Finno-Ugric languages. Historical changes in the phonetic composition of any word require further study.

References

1. Gruzov L.P. *Istoricheskaya grammatika mariyskogo yazyka. Vvedeniye i fonetika* [Historical grammar of the Mari language. Introduction and phonetics]. Yoshkar-Ola, Mari Publishing House, 1969, 211 p.

2. Ivanova G. S. *Nekotoryye osobennosti mokshanskoy aktsentuatsii* [Some features Moksha accentuation]. *Gumanitarnyye nauki i obrazovaniye: nauchno-metodicheskiy zhurnal*, 2014, no. 3(19), pp. 135–137.

3. Itkonen E. Zur Frage nach der Entwicklung des Vokalismus der ersten Silbe in den finnisch-ugrischen Sprachen, insbesondere im Mordwinischen. In: Finnisch-Ugrische Forschungen (FUF). Helsinki, 1946, Band XXIX, Heft 1–3, pp. 222–337.

4. Keresztes L. Geschichte des mordwinischen Konsonantismus II. Etymologisches Belegmaterial. Studia Uralo-Altaica 26. Szeged, 1986. 212 p.

5. Lytkin V.I., Gulyaev E.I. *Kratkiy etimologicheskiy slovar' komi yazyka* [Brief etymological dictionary of Komi language]. Moscow, 1970, 386 p.

6. Mosin M.V. *Foneticheskaya struktura finno-ugorskoy osnovy slova v mordovskikh yazykakh* [Phonetic structure of the Finno-Ugric basis of the word in Mordovian languages]. Saransk, 1989, 60 p.

7. *Osnovy finno-ugorskogo yazykoznaniya: voprosy proiskhozhdeniya i razvitiya finno-ugorskikh yazykov* [Foundations of Finno-Ugric Linguistics: the origin problems and Finno-Ugric languages development]. Moscow, Nauka Publ., 1974, 484 p.

8. Polyakov O.E., Ivanova G.S., Zhebratkina I.Ya. *Realizatsiya finno-ugorskogo glasnogo *e kontsa osnovy v mokshanskom yazyke* [The implementation of the Finno-Ugric vowel * e of the end of the base in Mokshan languages]. *Vestnik KIGI RAN*, 2017, no. 4.

9. Tsygankin D.V., Mosin M.V. *Etimologiyan' valks* [Etymological dictionary]. Saransk, 2015, 226 p.

10. Ivanova G.S., Mart'yanova E.G., Polyakov O.E., Chesnova E.N., Chinaeva N.V. *Yazyki narodov Rossii: istoriya i sovremennost': monografiya* [The languages of the peoples of Russia: history and modernity]. Saransk, Art-tipografiya GOLD Publ., 2017, vol. 1, 100 p.

IVANOVA GALINA – Doctor of Philological Sciences, Professor of Mordovian Languages Department, Mordovian State University, Russia, Saransk (galina17-05@yandex.ru).

POLYAKOV OSIP – Doctor of Philological Sciences, Professor of Mordovian Languages Department, Mordovian State University, Russia, Saransk (kafmoksch2012@rambler.ru).

ZHEBRATKINA IRINA – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of Foreign Languages, Academy of Management and Law, FSIN of RF, Russia, Ryazan (miss.zhebratkina@mail.ru).

Формат цитирования: *Иванова Г.С., Поляков О.Е., Жебраткина И.Я.* Исторические изменения в фонетическом составе гласных первого слога в мокшанском языке // Вестник Чувашского университета. – 2018. – № 2. – С. 301–307.

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Редакция журнала «Вестник Чувашского университета» просит авторов руководствоваться нижеприведенными правилами.

1. Авторские оригиналы представляются на бумажном и электронном носителях. Авторский текстовый оригинал должен быть пронумерован и подписан авторами на титульном листе с указанием даты.

2. К статьям, направляемым в редакцию, прилагаются:

1) заявление автора на имя главного редактора;
2) анкета авторов;
3) две внешние рецензии;
4) ходатайство научного руководителя.

3. Авторы должны указать рубрику, в которой следует поместить статью.

4. Оформление статьи:

1) классификационные индексы Универсальной десятичной классификации (УДК), Библиотечно-библиографического классификатора (ББК);
2) инициалы и фамилия авторов;
3) название статьи;
4) ключевые слова;
5) аннотация статьи;
6) название статьи, инициалы и фамилия автора на английском языке;
7) ключевые слова на английском языке;
8) аннотация на английском языке;
9) текст статьи;
10) пристатейный библиографический список;
11) транслитерированный библиографический список References;
11) сведения об авторе.

Авторские оригиналы подготавливаются с помощью компьютера в среде Microsoft Word (файлы типа doc). Формат бумаги А4, поля: справа и слева 4 см, сверху 4,5 см, снизу 5,7 см, от края до верхнего колонтитула 3 см, красная строка 0,75 см. Текст статьи набирается шрифтом Times New Roman размера 11 пт через 1 интервал.

Текст статьи представляется в двух экземплярах с приложением файла в электронном виде.

5. Рисунки. Количество рисунков не более 4. На рисунки должны быть ссылки. Рисунки должны быть внедрены в режиме Вставка Объект Рисунок Microsoft Word. Подрисуночные подписи выполняются шрифтом размера 9 пт.

6. Формулы и буквенные обозначения по тексту. Формулы набираются в редакторе формул Microsoft Equation. Шрифт для греческих букв – Symbol, для всех остальных – Times New Roman, основной размер 11 пт, крупный индекс 7 пт, мелкий 5 пт.

Латинские буквы набираются курсивом, буквы греческого алфавита и кириллицы – прямым шрифтом, обозначения матриц, векторов, операторов – прямым полужирным шрифтом.

Формулы располагаются по центру страницы. Номер формулы ставится у правого края. Нумеруются лишь те формулы, на которые имеются ссылки.

При выборе единиц физических величин рекомендуется придерживаться международной системы единиц СИ.

7. Таблицы. Текст в таблицах набирается шрифтом размером 9 пт, заголовок выделяется полужирным шрифтом. На таблицы должны быть ссылки.

8. Список литературы. Список строится по алфавиту, записи рекомендуется располагать сначала на языке издания, в которое включен список, затем на других языках. Источники набираются шрифтом Times New Roman размера 9 пт. При оформлении списка литературы необходимо руководствоваться ГОСТом Р 7.0.5-2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила оформления».

Ссылки на источники в тексте даются в квадратных скобках, например [1], [1. С. 5].

9. Список References. Транслитерацию русского текста в латиницу следует производить в соответствии со стандартом BSI.

10. Сведения об авторах набираются полужирным шрифтом размера 10 пт ***на русском и английском языках в именительном падеже*** по следующей форме*: Фамилия, имя, отчество – ученая степень, должность, место работы, страна, город. Контактная информация (e-mail).*

11. Статьи, оформленные без соблюдения этих правил, возвращаются без рассмотрения. Возвращение рукописи автору на доработку не означает, что статья принята к печати. После получения доработанного текста рукопись вновь рассматривается редколлегией. Доработанный текст автор должен вернуть вместе с первоначальным экземпляром статьи, а также ответами на все замечания. Датой поступления считается день получения редакцией окончательного варианта статьи.

12. Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается.

13. В одном номере журнала может быть опубликовано, как правило, не более двух статей одного автора, в том числе в соавторстве.

ВЕСТНИК ЧУВАШСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

2018 **№ 2**

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

Алметева И.В., Иванов А.Г., Алметева А.Ю.
Женское образование в светской школе Марийского края
во второй половине XIX – начале XX века 5

Андреев О.В.
Процесс формирования и развития местных органов военного управления
Советского государства и Российской Федерации в 1918–2018 годах
на примере военных комиссариатов Чувашской Республики 12

Бараматов А.И.
Развитие противопожарной службы Чувашии в 1920–1927 годах 25

Бойко И.И., Долгова А.П., Харитонова В.Г.
Этнокультурные предпочтения, родные языки населения Чувашии 31

Васканова Н.А.
Рождаемость среди горных марийцев Козьмодемьянского уезда в XIX веке 40

Данилко Е.С.
Выбор веры (чуваши-старообрядцы в Урало-Поволжье) 47

Данилова М.Г., Данилов А.А.
М.И. Скворцов: творческий портрет журналиста, переводчика, педагога и лексикографа ... 54

Данилова М.Г., Данилов А.А., Эшкерат А.М.
История региональной журналистики в лицах: журналист-фронтовик, редактор,
общественный деятель и исследователь М.И. Иванов 62

Данилова О.А., Агаева Е.В.
Особенности творчества композиторов Чувашии (20–30-е годы XX века) 70

Иванов В.П.
Страницы истории этносоциологических исследований в Чувашии 77

Идиатуллов А.К.
Этнокультурная и религиозная ситуация в Цильнинском районе Ульяновской области 85

Леонтьев А.П.
О трагической судьбе газеты «Хыпар»-3
и ее редактора Агафьи Гавриловны Гавриловой 93

Маньков А.В.
Средневолжские организации партии эсеров в ходе первой русской революции:
состав, численность и отношение к терроризму 99

Михайлова Е.М.
Поволжские правые партии после 1917 года: судьбы лидеров 109

Музякова А.Л.
Университетская традиция изучения индустриального развития Чувашии
в условиях смены исторических парадигм (1991–2017 гг.) 118

Пьянзин А.И., Пьянзина Н.Н., Петрова Т.Н., Шиленко О.В.
Легкоатлетические традиции и достижения спортсменов Чувашской Республики 129

Салмин А.К.
Городище Булгар в контексте экспедиции П.С. Палласа 136

Сергеев Т.С.
Обслуживание на территории Чувашии раненых
и больных участников Первой мировой войны 1914–1918 годов 143
Тимофеев М.В., Васильева Н.В., Матвеева Н.А., Орлов А.И.
История развития женского футбола в Чувашии 154
Широков О.Н., Широкова М.А.
История создания Чувашского филиала Географического общества СССР 160
Шоронина Л.Н.
Развитие самодеятельного туризма в ТАССР в советский период (1960–1980 гг.) 169

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ. ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Абрамова А.Г., Гурьянова Т.Ю., Фадеева К.В.
О синтаксических связях в сравнительных конструкциях 176
Арискина Т.П.
Отглагольные имена существительные с суффиксом *-ма/-мо* в эрзянском языке 187
Афанасьева С.Н.
Функции и признаки термина как основа дифференциации термина/нетермина
в современном русском языке 196
Афанасьева С.Н.
О роли языковой картины мира в обучении русскому языку как средству общения 203
Афанасьева С.Н.
Текст как ключевое понятие при изучении современного русского литературного языка ... 211
Губанов А.Р., Иванова А.М., Кожемякова Е.А., Губанова Г.Ф.
Онтология верхнего уровня как база знаний интеллектуальных систем 218
Егорова Л.В.
К вопросу изучения годонимов
в современной парадигме лингвистических исследований 224
Зайцева Е.Л., Кириллова Н.В.
Языковая репрезентация антироссийских настроений
во франкоязычном политическом тексте СМИ 234
Корнилов Г.Е.
Этнотопонимия Республик Поволжья (Башкортостан, Коми, Марий Эл, Мордовия,
Татарстан, Удмуртия, Чувашия) – XLII: А-Анлаутные географические названия 245
Маммед И.А.
Виды заимствований и ассимиляция заимствованных слов
(на основе материалов современного английского и азербайджанского языков) 253
Маммедова Ж.Э.
Перспективы и проблемы компьютерной лексикографии 261
Родионов В.Г.
Семантическая и хронологическая стратификация названий домашних духов-покровителей
в чувашской мифологии 268
Салиева Р.Н., Коноплева Н.В., Исхакова И.Т.
Типы соответствий фразеологических единиц (эквиваленты, аналоги)
в английском и русском языках в СМИ в разделе ‘политика’ 277
Трукова А.И.
О лексических трансформациях при переводе поэтических текстов 288
Фаттахова А.Р., Биянова Е.А., Абдалла М.М.
Маркеры речевого поведения личности в экстремальной ситуации
(по литературному источнику на суахили) 294
Иванова Г.С., Поляков О.Е., Жебраткина И.Я.
Исторические изменения в фонетическом составе гласных первого слога
в мокшанском языке 301

Правила для авторов 308

VESTNIK CHUVASHSKOGO UNIVERSITETA

HUMANITIES

2018 **№ 2**

CONTENTS

HISTORICAL SCIENCES AND ARCHEOLOGY

Almeteva I., Ivanov A., Almeteva A.
WOMEN'S EDUCATION IN THE SECULAR SCHOOL OF THE MARI REGION IN THE SECOND HALF OF THE XIX – THE BEGINNING OF THE XX CENTURIES 5

Andreev O.
FORMATION AND DEVELOPMENT PROCESS OF LOCAL MILITARY AUTHORITIES OF THE SOVIET STATE AND THE RUSSIAN FEDERATION IN 1918-2018 ILLUSTRATED BY THE EXAMPLE OF MILITARY REGISTRATION AND ENLISTMENT OFFICES OF THE CHUVASH REPUBLIC 12

Baramatov A.
DEVELOPMENT OF FIRE-FIGHTING SERVICE OF CHUVASHIA IN 1920–1927 25

Boyko I., Dolgova A., Charitonova V.
ETHNOCULTURAL PREFERENCES, NATIVE LANGUAGES OF CHUVASHIA POPULATION 31

Vaskanova N.
BIRTH RATE AMONG THE HILL MARY IN KOZMODEMYANSK COUNTY IN THE XIX CENTURY 40

Danilko E.
THE CHOICE OF FAITH (THE CHUVASHS – OLD BELIEVERS IN THE URAL-VOLGA REGION) 47

Danilova M., Danilov A.
M.I. SKVORTSOV: A CREATIVE PORTRAIT OF THE JOURNALIST, TRANSLATOR, TEACHER, AND LEXICOGRAPHER 54

Danilova M., Danilov A., Eshkerat A.
HISTORY OF REGIONAL JOURNALISM IN PERSONS: A JOURNALIST, A SOLDIER, AN EDITOR, A PUBLIC FIGURE AND A RESEARCHER M.I. IVANOV 62

Danilova O., Agayeva E.
CREATIVITY FEATURES OF CHUVASIA'S COMPOSERS (20–30s OF THE XX CENTURY) 70

Ivanov V.
CHAPTERS IN THE HISTORY OF ETHNO-SOCIOLOGICAL STUDIES IN CHUVASHIA 77

Idiatullov A.
ETHNOCULTURAL AND RELIGIOUS SITUATION IN THE TSILNINSKY DISTRICT OF ULYANOVSK REGION 85

Leontiev A.
ABOUT THE TRAGIC FATE OF THE NEWSPAPER «HYPAR-3» AND ITS EDITOR AGAFYA GAVRILOVNA GAVRILOVA 93

Mankov A.
THE MIDDLE VOLGA ORGANIZATIONS OF THE SOCIALIST REVOLUTIONARIES PARTY IN THE FIRST RUSSIAN REVOLUTION: STRUCTURE, HEADCOUNT AND ATTITUDE TO TERRORISM 99

Mikhailova E.
RIGHT-WING PARTIES OF THE VOLGA REGION AFTER 1917: THE FATES OF LEADERS 109

Muzyakova A.
UNIVERSITY TRADITION OF STUDYING INDUSTRIAL DEVELOPMENT OF CHUSHASHIA IN THE CONDITIONS OF HISTORICAL PARADIGMS' CHANGE (1991–2017) 118

Pyanzin A., Pyanzina N., Petrova T., Shilenko O.
TRADITIONS AND ACHIEVEMENTS OF TRACK AND FIELD ATHLETES OF THE CHUVASH REPUBLIC 129

Salmin A.
ANCIENT SETTLEMENT OF THE BULGARS IN THE CONTEXT OF P.S. PALLAS'S EXPEDITION 136

Sergeev T.
PROVISION OF SERVICES TO WOUNDED AND SICK PARTICIPANTS
OF THE FIRST WORLD WAR OF 1914–1918 IN THE TERRITORY OF CHUVASHIA 143
Timofeev M., Vasilyeva N., Matveeva N., Orlov A.
THE HISTORY OF WOMEN FOOTBALL DEVELOPMENT IN CHUVASHIA 154
Shirokov O., Shirokova M.
HISTORY OF CREATING THE CHUVASH BRANCH
OF THE USSR GEOGRAPHICAL SOCIETY 160
Shoronina L.
DEVELOPMENT OF INDEPENDENT TOURISM IN TATARSTAN
IN THE SOVIET PERIOD (1960–1980) 169

PHILOLOGICAL SCIENCES. LINGUISTICS

Abramova A., Guryanova T., Fadeeva C.
ON SYNTACTIC CONNECTIONS IN COMPARATIVE CONSTRUCTIONS 176
Ariskina T.
DEVERBAL SUBSTANTIVES WITH SUFFIX -MA/-MO IN THE ERZYA LANGUAGE 187
Afanasyeva S.
FUNCTIONS AND SIGNS OF A TERM AS A BASIS FOR DIFFERENTIATION BETWEEN
A TERM / A NON-TERM IN THE MODERN RUSSIAN LANGUAGE 196
Afanasyeva S.
ON THE ROLE OF LINGUISTIC WORLD VIEW IN TEACHING THE RUSSIAN LANGUAGE
AS A MEANS OF COMMUNICATION 203
Afanasyeva S.
A TEXT AS A KEY CONCEPT IN STUDYING MODERN RUSSIAN LITERARY LANGUAGE 211
Gubanov A., Ivanova A., Kozhemyakova E., Gubanova G.
TOP-LEVEL ONTOLOGY AS BASIS OF INTELLECTUAL SYSTEMS KNOWLEDGE 218
Egorova L.
THE QUESTION OF STUDYING GODONYMS IN THE MODERN PARADIGM
OF LINGUISTIC STUDIES 224
Zaytseva E., Kirillova N.
LINGUISTIC REPRESENTATION OF ANTI-RUSSIAN SENTIMENT
IN THE FRENCH-LANGUAGE MASS-MEDIA POLITICAL TEXTS 234
Kornilov G.
ETHNIC TOPONYMS IN VOLGA REGION REPUBLICS (BASHKIR, KOMI, MARI, MORDVA, TATAR,
UDMURT, CHUVASH REPUBLICS) – XLII: A-NAMES OF PLACES 245
Mammad I.
TYPES OF BORROWINGS AND ASSIMILATION OF BORROWED WORDS
(ON THE MATERIALS OF MODERN ENGLISH AND AZERBAIJANI LANGUAGES) 253
Mammedova Zh.
PROSPECTS AND PROBLEMS OF COMPUTER LEXICOGRAPHY 261
Rodionov V.
SEMANTIC AND CHRONOLOGICAL STRATIFICATION OF HOME PATRON SPIRITS' NAMES IN
THE CHUVASH MYTHOLOGY 268
Salieva R., Konopleva N., Iskhakova I.
TYPES OF EQUIVALENCY IN PHRASEOLOGICAL UNITS (PHRASEOLOGICAL EQUIVALENT,
PHRASEOLOGICAL ANALOGUE) IN MASS MEDIA IN THE SECTION OF POLITICS
IN THE ENGLISH AND THE RUSSIAN LANGUAGES 277
Trukova A.
LEXICAL TRANSFORMATIONS IN POETIC TEXTS TRANSLATION 288
Fattakhova A., Biyanova E., Abdalla M.
PERSON SPEECH BEHAVIOR MARKERS IN EXTREME SITUATION
(ACCORDING TO SUAKHILI LITERARY SOURCE) 294
Ivanova G., Polyakov O., Zhebratkina I.
HISTORICAL CHANGES IN THE PHONETIC COMPOSITION THE VOWEL
OF THE FIRST SYLLABLE IN THE MOKSHA LANGUAGE 301

RULES FOR THE AUTHORS 308

ВЕСТНИК ЧУВАШСКОГО УНИВЕРСИТЕТА (16+)

Гуманитарные науки

№ 2 2018

Редактор ***Н.И. Завгородняя***
Корректор ***Г.Ф. Губанова***
Технический редактор ***Н.Н. Иванова***

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзоре)
Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС77-66541 от 21.07.2016 г.

Сдано в набор 15.03.2018. Подписано в печать 20.06.2018. Выход в свет 25.06.2018.
Формат 70×100/16. Бумага офсетная. Гарнитура Arial. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 25,32. Уч.-изд. л. 27,48.
Тираж 200 экз. Заказ № 786. Свободная цена.

Адрес редакции и издателя
428015, Чебоксары, Московский просп., 15

Типография Чувашского университета
428015, Чебоксары, Московский просп., 15